This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,099,459

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

Томъ VII

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

1890

Приложеніе къ журналу
„Всемірная Иллюстрація“
1890

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го сентября 1890 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

1052-32995/

99
2915
8886
4т
Инв

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
I.	**Болотные огни**, романъ *Вас. Ив. Немировича-Данченко.*	1, 337, 449.
II.	**„Жалко Гуса!..“**, стих. *А. Луговаго*	22.
III.	**Несчастная встрѣча**, повѣсть *Л. Е. Зарина*	30.
IV.	**П. И. Чайковскій**, очеркъ музыкальной дѣятельности, *В. С. Баскина*	46, 170, 298.
V.	**Кометы и падающія звѣзды**, очеркъ проф. *Петерса.*	55.
VI.	**Іисусъ Навинъ**, романъ изъ библейскихъ временъ *Георга Эберса*	73, 195.
VII.	**Солдатикъ Ваня**, эскизъ *Я. М.*	113.
VIII.	Стихотворенія *В. Л. Величко*	145, 462, 463.
IX.	**Цвѣтовое зрѣніе и цвѣтовая слѣпота**, очеркъ *Бренделя Картера*	148.
X.	Стихотвореніе *А. С. Аванасьева*	180
XI.	**Имп. Вильгельмъ I и принцесса Элиза Радзивиллъ**, очеркъ *О. В.*	181, 311.
XII.	**Пачка писемъ**, психологическій этюдъ *А. В. Круглова.*	225.
XIII.	Стихотвореніе *П. В. Быкова*	264.
XIV.	**Начало общественной и частной жизни въ столицѣ**, историческій очеркъ *М. И. Пыляева*	267, 378.
XV.	**Юмористическіе наброски** *Маркса Твена*	286.
XVI.	**Борьба за равноправность**, разсказъ *Гастона Бержере.*	322, 440.
XVII.	Стихотворенія *А. Будищева*	353.
XVIII.	**Тайна**, разсказъ *А. Свѣтлова*	355, 485.
XIX.	**Мщеніе Маивы или война маленькой ручки**, романъ *Райдера Генерта*	389, 536.
XX.	**Экономическое значеніе умственнаго труда**, этюдъ *Георга Ганзена*	422, 515.
XXI.	**Поль Бурже**, опытъ литературной характеристики, *В. В. Чуйко*	464.
XXII.	**Женское сердце**, романъ *Поля Бурже*	496.
XXIII.	Стихотвореніе *В. Гоппена*	536.
XXIV.	**Слесарь**, разсказъ *В. Михеева*	561.

D5a·32995/

AP
50
.T65
v.7

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть вторая

XV

есять дней прошли очень скоро. Все это время Левъ
ославовичъ былъ какъ на иголкахъ. Онъ зналъ, что
ба его виситъ на волоскѣ, и наконецъ надумался къ
у этого срока сдѣлать формальное предложеніе Вѣрочкѣ.
го и говорить о томъ, какъ оно было принято. Вѣрочка
тотъ вечеръ ходила вся сіяющая, папа-Воздвиженскій
илъ ее по головкѣ и съ самодовольнымъ видомъ произ-
лъ: — »Ай да стрекоза, въ знать попала! отчествомъ
только Богъ тебя обидѣлъ: не очень чтобы ужъ звучно
— Вѣра Ѳерапонтовна! И окрестилъ же меня покойный
шка, не тѣмъ будь помянутъ!.. Зато фамилія у тебя
ъ — Староградъ-Смецкая!«

— Правда, что вы женитесь на этой Воздвиженской? цась, спрашивалъ на другой день Іеронимъ Петровичъ янника.

— Да, покраснѣлъ тотъ.

— Что же это — увлеченіе? насмѣшливо процѣдилъ зь зубы сановникъ.

Левъ Станиславовичъ промолчалъ.

— Я думалъ, что все это кончится иначе: Софья

Яковлевна для васъ была бы болѣе подходящею женою... Я не смѣю вмѣшиваться въ вашу судьбу... Но эта Ѳерапонтовна... это вѣдь une petite rien... Не понимаю! Совсѣмъ вы было по орлиному крылья раскинули — и вдругъ »Исайя ликуй« съ какою-то поповной... Виноватъ, виноватъ... она ваша невѣста... И Ѳерапонта Августиновича вы будете звать папашей? Онъ просилъ Нину Герасимовну быть посаженою матерью... Она, разумѣется, согласилась...

Левъ Станиславовичъ молча поклонился.

— И по вашему лицу я не вижу, чтобы вы казались ужъ очень счастливымъ... Во всемъ этомъ есть что-то, чего я не понимаю... Во всякомъ случаѣ вы на влюбленнаго не похожи...

»Сказать ему, что я запутался, что мнѣ нужны деньги?..« мелькнуло у Льва Станиславовича въ головѣ, но, взглянувъ на выхоленные ногти сановника и на его крѣпкій, твердый, отмѣнно выбритый подбородокъ, онъ почему-то отказался отъ этого намѣренія.

— Ну, а съ Софьей Яковлевной вы какъ?

— Я съ ней поссорился.

— Когда?.. Вѣдь вы еще третьяго дня устраивали вмѣстѣ праздникъ.

— На этомъ праздникѣ мы и разошлись.

— Ба! да вы не изъ мести ли женитесь?.. Юноша, юноша... Я не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла, но для васъ я самъ готовъ поѣхать къ ней объясниться, помирить васъ.

— Это невозможно!.. это навсегда.

— И вы съ отчаянія женитесь на этой... Ѳерапонтовнѣ?

— Нѣтъ, женитьба моя была давно рѣшеннымъ дѣломъ.

— Какъ знаете... А жаль, жаль... очень жаль... Воздвиженскому, разумѣется, хочется хоть локтемъ до насъ коснуться. Жаль, жаль... именно отъ васъ я не ожидалъ этого.

Прошло еще два дня... Утромъ Левъ Станиславовичъ всталъ даже раньше, чтобы ѣхать къ Воздвиженскому за

деньгами. Вексель, который находился у Карла Альбертовича, положительно душилъ его: ему казалось, что онъ стоитъ на краю пропасти, пока эта бумажонка не оплачена и не уничтожена. Онъ уже представлялъ себѣ, какъ его арестуютъ по обвиненію въ подлогѣ, какъ сажаютъ на скамью подсудимыхъ, какъ прокуроръ громитъ его на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей, а въ публикѣ сидятъ сотни его товарищей и знакомыхъ, и впереди всѣхъ Нина Герасимовна со своимъ носомъ и эгреткой; и на ея лицѣ такое выраженіе, какъ будто всѣмъ и каждому она хочетъ сказать: »я давно была убѣждена, что изъ этого франта ничего хорошаго не выйдетъ...« Теперь, проѣзжая мимо будничныхъ скучныхъ стѣнъ и круглыхъ глупыхъ башенъ Литовскаго замка, онъ съ бьющимся сердцемъ и стѣсненнымъ дыханіемъ всматривался въ его черныя окна, черныя рѣшетки и карнизы надъ ними... Онъ уже рисовалъ себѣ, какъ вдругъ раскроются эти тяжелыя ворота, стоящій на часахъ солдатъ равнодушно проводитъ его взглядомъ — и позади за нимъ, Львомъ Станиславовичемъ, такимъ изящнымъ, блестящимъ, щелкнутъ замки, отдѣляя его отъ цѣлаго міра, отъ его радостей, блеска и счастія. А тамъ пересыльный замокъ, этапъ... Онъ какъ-то ѣхалъ по Невскому, когда на Николаевскій вокзалъ вели партію арестантовъ. Съ грустнымъ, но жаднымъ любопытствомъ Старокрадъ-Смецкій всматривался въ ихъ сѣрые халаты, сѣрыя лица. Неужели и на немъ будетъ красоваться этотъ желтый бубновый тузъ, неужели и ему придется невѣсть куда, въ снѣга и вьюги далекой Сибири, въ царство смерти, идти съ такими же несчастными, какъ эти?.. Смерть легче!.. А если у него не найдется мужества умереть? Это начинало пугать его...

Сегодня утромъ, наконецъ, у него должны быть обѣщанныя Ѳерапонтомъ Августиновичемъ деньги... О, онъ сейчасъ, сейчасъ отвезетъ ихъ къ Гельмуцу... ни минуты не опоздаетъ... Все — только не это!

Онъ уже спускался по лѣстницѣ, какъ внизу показался самъ Воздвиженскій.

— А я къ вамъ! крикнулъ ему сверху Левъ Станиславовичъ.

— И напрасно! Я заѣхалъ предупредить васъ: случилось небольшое недоразумѣніе — вчера я не получилъ денегъ... Я зналъ, какъ вамъ онѣ нужны, но что же дѣлать...

»Вотъ оно, вотъ оно!« пронеслось въ головѣ Льва Станиславовича: — »вотъ оно, начинается!«

— Только вы не безпокойтесь, вся отсрочка произошла дня на два, на три... Тамъ какіе-то пустяки, формальности. Я вамъ завезъ на всякій случай 300 рублей...

— Этого мнѣ мало!..

— Ну что же дѣлать, пообождите. Вамъ когда собственно нужны?

До срока векселя оставалось еще время, но Старокрадъ-Смецкій не могъ чувствовать себя спокойнымъ, пока этотъ вексель существовалъ на свѣтѣ.

— Теперь, сегодня, Ѳерапонтъ Августиновичъ.

— Ну, засмѣялся тотъ: — дня два-три потерпите... слышите?.. дня черезъ два буду у васъ... А сегодня заѣзжайте къ намъ: поболтаемъ вмѣстѣ, Вѣрочка все скучаетъ...

Два дня продлились еще на недѣлю.. Левъ Станиславовичъ пожелтѣлъ за это время. Но онъ бы всетаки спокойно ожидалъ, еслибы не случилось совершенно непредвидѣнное имъ обстоятельство.

Въ одинъ далеко непрекрасный день, когда петербургскій туманъ какимъ-то тифознымъ царствомъ разстилался надъ простуженнымъ городомъ, когда подъ нимъ все кашляло, все если и не было больнымъ, то казалось такимъ — Карлъ Альбертовичъ опять самъ нанесъ визитъ Старокрадъ-Смецкому. Тотъ даже побѣлѣлъ, какъ стѣна, увидя его у себя.

— Что вамъ? нервно и возбужденно крикнулъ онъ: — что случилось?

— Ничего особеннаго... Левъ Станиславовичъ, чувствительнымъ голосомъ началъ Гельмуцъ: — вы знаете, что я честный человѣкъ, признательный человѣкъ...

— Ну да, ну да, торопилъ его Старокрадъ-Смецкій, пристально всматриваясь въ сухія и невыразительныя черты стараго ростовщика: — ну да, да... Онъ, казалось, хотѣлъ угадать по нимъ, что̀ еще, какое новое несчастіе принесъ съ собою этотъ человѣкъ.

— И вотъ, такъ какъ я честенъ и признателенъ... вы помните, когда привезли ко мнѣ Фанни... я не забылъ этого и не забуду никогда! И Карлъ Альбертовичъ стукнулъ себя кулакомъ въ грудь.

— Ну... что̀ вамъ собственно надо?

— Ко мнѣ сегодня приходили изъ конторы Фрейгена...

— Зачѣмъ?

— Госпожа Фрейгенъ, дочь банкира, ищетъ повсюду вашихъ векселей... Она ихъ покупаетъ полнымъ рублемъ... Поймите, полнымъ рублемъ... съ процентами...

Левъ Станиславовичъ, стоявшій до сихъ поръ, почувствовалъ, что ноги у него подкашиваются.

— Зачѣмъ ей?

— Не знаю, только она предлагаетъ сейчасъ же полный рубль за ваши векселя... Я бы всякаго другаго продалъ немедля... не предупреждалъ бы... но васъ считаю нужнымъ предупредить.

— Вы ей продали?

— Нѣтъ еще.

— Хотите продать, значитъ... душу мою продать...

Бездна открывалась подъ его ногами.

— Да, я честный человѣкъ, признательный человѣкъ и продамъ ихъ, но не иначе, какъ черезъ четыре дня; въ эти четыре дня, если вы достанете денегъ и привезете ихъ мнѣ, векселя будутъ переданы вамъ... Если нѣтъ — что̀ же дѣлать... что̀ же дѣлать — тамъ деньги вѣрныя... Я даю вамъ четыре дня, Левъ Станиславовичъ. Въ эти четыре дня упла-

тите мнѣ деньги... привезите ихъ и получите ваши документы...

— А если мнѣ нужно будетъ пять дней?..

— Я повѣренному баронессы Фрейгенъ сказалъ четыре. А вы знаете, я человѣкъ коммерческій и что разъ скажу, то свято...

Когда Карлъ Альбертовичъ убрался, Левъ Станиславовичъ безсознательно подошелъ къ графину, выпилъ залпомъ стаканъ воды и сѣлъ тутъ же около. — »Ну-съ?« самъ себя спрашивалъ онъ: — »ну-съ?... Нусъ по нѣмецки — орѣхъ«, ни съ того, ни съ сего пришло ему на память. — »Нусъ по нѣмецки орѣхъ... Да, такъ, значитъ, если черезъ эти три дня Воздвиженскій не дастъ мнѣ денегъ — я погибъ, и безвозвратно; Софья Яковлевна меня не помилуетъ, о нѣтъ! Она постарается однимъ ударомъ отомстить и мнѣ, и матери... Она не забудетъ этой *жидовки*, что я швырнулъ въ нее, точно камнемъ... Неужели она знаетъ, что подъ моимъ векселемъ подложный бланкъ? едва ли!.. еслибы знала — втрое предложила бы за него, съ тѣмъ чтобы только сейчасъ имѣть его у себя... Обратиться къ матери? на всякій случай... если у Воздвиженскаго не устроится...« И онъ съ лихорадочною торопливостью набросалъ ей телеграмму въ Ниццу...

На другое утро пришелъ ея отвѣтъ: »Говорила барону — онъ рѣшительно отказалъ. У меня своихъ нѣтъ...«

— Мама, да вѣдь я гибну!.. крикнулъ онъ ей, точно она могла за нѣсколько тысячъ верстъ разслышать его восклицаніе, полное ужаса и отчаянія... — Я гибну, мама!

Онъ опять набросалъ ей новую телеграмму, гдѣ просилъ для спасенія его заложить все, что у нея было.

Отвѣтъ получился въ тотъ же день вечеромъ: »Невозможно. Я невправѣ распоряжаться. Подробности письмомъ.«

Да вѣдь письмо идетъ шесть дней... И Левъ Станиславовичъ упалъ въ постель, безнадежно рыдая.

Теперь оставалось одно упованіе — на Воздвиженскаго.

XVI

Платошка давно помирился съ Сашей. Та тоже сообразила, что гоняться ей за Львомъ Станиславовичемъ будетъ совершенно напрасно, ибо, во-первыхъ, всѣ мужчины измѣнщики, а во-вторыхъ, онъ кавалеръ столь необстоятельный, что способенъ еще разъ запереть ей подъ носомъ дверь, что̀ онъ уже сдѣлалъ какъ-то на дняхъ. Помирившись, Епифоновъ захотѣлъ показать все свое великодушіе. За обѣдомъ онъ выпилъ больше обыкновеннаго, и смирновская водка разнѣжила его до такой степени, что онъ пообѣщалъ Сашѣ подарить ей браслетку и часы. Часы были ея давнишнею мечтою. Она грезила о серебряныхъ, но послѣ десятой рюмки Платошкѣ вдругъ ударило въ голову.

— Какъ серебряные? при нашихъ капиталахъ? вдругъ обидѣлся онъ. Саша не успѣла еще рта раскрыть, какъ Епифоновъ дошелъ до высшаго градуса. — Золотые куплю и съ золотою цѣпочкой! вотъ мы какъ! Пущай они подарятъ тебѣ такіе, кивнулъ онъ головою въ пространство, намекая, очевидно, на Льва Станиславовича, потому что Саша такъ это и поняла. Она покраснѣла.

— Да неужели, Платонъ Васильичъ, вы и до сихъ поръ думали обо мнѣ столь низко?

— Однако, въ комнаты къ нему бѣгала.

— Потому я тогда испугамшись была, отъ васъ пряталась; а онъ со мною по своему благородству тихо, скромно. Ушелъ къ себѣ и заперся.

— Повѣрь вамъ! бормоталъ наполовину успокоенный Платошка.

— Да ужъ мнѣ повѣрить можно...

— Повѣришь!

— Сдѣлайте одолженіе!

— Въ трубу вылетишь съ полнымъ удовольствіемъ.

— Такихъ еще и трубъ не строено.

— А потомъ въ коридорѣ ты что̀ ему говорила? Засталъ вѣдь васъ обоихъ.

— Ничего, окромѣ деликатныхъ разговоровъ про книжки.

— Тебя бы этой книжкой, корешкомъ да по лбу!

— За что̀ же? Самое, вмѣсто глупостевъ, благородное занятіе: сѣла на диванъ, и читай книжку.

— Мы знаемъ!

— Что̀ вы знаете? вспыхнула дѣвушка.

— Мы знаемъ... тоже увѣдомлены... будьте столь добры... насчетъ этихъ книжковъ...

— О чемъ же увѣдомлены? не ваша ли Марья... васъ-то и увѣдомила? Нечего сказать, нашли куда носъ свой сунуть! Кабы я подъ васъ захотѣла подражать, слѣдовало бы вамъ шкандалъ сдѣлать!

— Ну-ну! переходилъ онъ въ примирительный тонъ: — тоже нашла что̀, Марья!.. кухарка и больше ничего.

— А зачѣмъ вы къ ней забрались тогда?

— Пьянъ былъ... думалъ — это ты.

— То-то думали... вотъ всегда такъ думаете... знаю я васъ... слѣдовало бы за это...

— Буде!..

— То-то буде... сами рады безъ всякаго резону приставать да корить...

Платошка размякъ окончательно...

— И не только часы съ цѣпочкой, но даже сердечную стрѣлу достану — вотъ мы какъ!

«Сердечная» стрѣла бриллiантовая, пронизывающая аметистовое сердце, окончательно покорила Сашу.

— Ну ужъ вы... скажете!

— Да, сдѣлай одолженіе, и стрѣлу куплю.

Она потянулась къ нему и поцѣловала его во влажныя, пахнувшія еще водкою, губы.

— Носи на здоровье да насъ почитай!.. потому мы для вашей сестры ничего не жалѣемъ, а у васъ одно коварство на умѣ.

— Ну ужъ, это атанде! это вы изъ другой оперы завели! Перемѣните валикъ, Платонъ Васильичъ... Обидчики вы, вотъ что...

И чѣмъ болѣе она распространялась на эту тему, тѣмъ глубже Платошка тонулъ въ блаженствѣ... Результатомъ этого совмѣстнаго обѣда было то, что Епифоновъ рѣшился сегодня же озолотить Сашу.

— Ты только чувствуй!..

Но и озолотить ее надо было сколь возможно дешевле... Посему онъ направился не въ большой магазинъ, гдѣ все дорого («они, братъ, тамъ за все берутъ: и за фасонъ, и за магазинъ, и за улицу, и за прикащичью великатность!»), а по закладчикамъ, съ которыми дружилъ и имѣлъ общія дѣла... Но на этотъ разъ онъ попалъ къ нимъ неудачно: куда ни совался, всюду подходящаго товара для него не было, а если такой и оказывался, то на него еще не истекалъ срокъ, и владѣлецъ имѣлъ право явиться съ процентами и капитальною суммою ссуды.

— Какъ-никакъ, а придется поклониться Карлу Альбертовичу! заломалъ онъ себѣ голову.

Гельмуцъ дешево отдавать не любилъ, объясняя, что вещи ѣсть не просятъ: пускай себѣ лежатъ до настоящаго покупателя...

Платошка засталъ Гельмуца за обычнымъ его занятіемъ: онъ пересматривалъ золотыя вещи, невыкупленныя сегодня и, такимъ образомъ, перешедшія въ его полную собственность.

— Наше вамъ-съ!.. съ пальцемъ девять!

— Здравствуйте.

Карлъ Альбертовичъ терпѣть не могъ фамильярности, особенно со стороны Платошки, и потому нахмурился.

— Ну, какъ народъ грабите?

— Вы чай сегодня пьяны?

— Пьянъ не пьянъ, а веселъ... смирновскую рябину — сами знаете.

Денегъ вамъ нужно на оборотъ опять, что ли? Такъ у меня ихъ нѣтъ теперь: всѣ собираю самъ. Дѣло одно большое задумалъ.

Нѣтъ, пока старыхъ векселей вамъ не оплачу — не возьму ничего больше: очень ужъ вы на процентъ строги!

Платошка, когда у него своихъ не хватало, одолжался у Гельмуца.

А вы меньше моего берете, что ли?

Смотря съ кого... Вотъ что̀ требуется мнѣ: для одной дѣвицы браслетку, брилліантовую сердечную стрѣлу... есть она у васъ? потомъ часики золотые и таковую же цѣпочку... И — главное — по христіански. Ужъ очень-то много съ насъ не снимайте... Потому дай вамъ волю — вы съ живаго человѣка шкуру сдерете, знаемъ мы это.

Ну ужъ!..

Кто какъ, а »шпрехенъ зи дейчъ« своего не упуститъ.

Терпѣть я не могу вашихъ глупыхъ шутокъ!

Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андреичъ?.. такъ вашего брата, нѣмецкаго человѣка, дразнятъ?

Берите, что ли, вещи и убирайтесь...

Въ это время изъ-за конторки показалась голова Фанни. Она, по своему обыкновенію, точно въ колыбели, спала въ ней, отецъ клалъ ей туда подушку, и дѣвочка, чтобы не скучать съ кухаркой, лежа тамъ, слушала все, что̀ дѣлалось въ комнатѣ, будучи сама никому невидима.

Здравствуйте, барышня, весело откликнулся ей Платошка.

Та серьезно подала ему маленькую ручонку.

Позвольте поцѣловать!

Не хочу.

Почему такой супризъ?

Отъ васъ водкой пахнетъ. Правда, папа нехорошо, если кто пьетъ.

Хорошо, разумѣется...

— Я боюсь пьяныхъ.

— Чего же вы пужаетесь?..

— Потому что у насъ вещей много!.. И Фанни опять спряталась внизъ, въ конторку.

Платошка началъ съ Гельмуцомъ переговоры, во время которыхъ Фанни крѣпко заснула. Она сегодня была долго на воздухѣ, и тепло сморило ее совсѣмъ...

Когда Платошка, купивъ, что̀ ему надо было, ушелъ, она не проснулась... не проснулась и тогда, когда его мѣсто у конторки занялъ ея любимецъ и »будущій женихъ«, какъ она называла его — Левъ Станиславовичъ.

— А... васъ только я и ждалъ... ужъ запираться думалъ, встрѣтилъ его Карлъ Альбертовичъ.

— Такъ рано? нервно проговорилъ тотъ.

— Помилуйте, одиннадцатый часъ... Садитесь... я все-таки двери запру...

— Я нонича не нужна вамъ? спросила кухарка изъ другой комнаты.

— А что̀? обернулся къ ней Гельмуцъ.

— Мужъ спосылалъ за мной... боленъ онъ.

— Самоваръ поставь и уходи...

— Дома будете?

— А то куда же по ночамъ ходить!

Левъ Станиславовичъ былъ въ тѣни, его нельзя было разсмотрѣть. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, низко опустивъ голову.

— Ну-съ... обернулся къ нему Карлъ Альбертовичъ, когда они остались одни — одни, потому что Фанни было совсѣмъ не слышно: она сладко спала въ эти минуты.

— Карлъ Альбертовичъ, вы должны подождать еще четыре дня.

— Что-съ?

— Еще четыре дня, говорю.

— Невозможно!

— Вы знаете Воздвиженскаго, торопливо объяснялъ Старогрàдъ-Смецкій, точно боясь, чтобы время не ушло отъ него: — вы знаете Ѳерапонта Августиновича. Я женюсь на

его дѣвера. Онъ обѣщалъ мнѣ еще недѣлю назадъ доставить деньги, но его самого задержали. Сегодня онъ опять заѣхалъ ко мнѣ сказать, что раньше четверга не можетъ ихъ привезти ко мнѣ. Понимаете, раньше четверга... Это будетъ пятаго, а сегодня только первое... Вамъ четыре дня ничего не стоитъ.

— Я не понимаю, что вы такъ волнуетесь: ну, отдадите вмѣсто меня въ контору Фрейгена.

— Это невозможно... я этого не могу допустить, никакъ не могу допустить! Слышите, есть такія обстоятельства...

— Да вѣдь раньше срока ихъ не могутъ представить ко взысканію.

— Не въ томъ дѣло! не въ томъ дѣло совсѣмъ... Какъ вы этого не хотите сообразить! Баронесса Фрейгенъ покупаетъ эти векселя съ особенной цѣлью.

— Я знаю только, что она мнѣ даетъ за нихъ рубль за рубль... за всѣ ваши векселя... за всѣ... плюсъ проценты!

— Да и я тоже отдамъ...

— Не могу... Левъ Станиславовичъ, рѣшительно не могу... Я началъ одно дѣло, мнѣ нужно для него многомного денегъ, и сейчасъ, сразу: я на немъ рубль на рубль наживаю. Я это всѣхъ взялъ и изъ банковъ вынулъ. Вонъ видите у меня въ шкафу... тутъ триста тысячъ готово — и этого мало. Въ общемъ счетѣ и ваши для меня важны, значитъ, дальше завтрашняго дня я вамъ отсрочить не могу. Завтра въ 12 часовъ будутъ у меня изъ конторы Фрейгена, и я ему передамъ ихъ... Вотъ они здѣсь...

Въ подтвержденіе своихъ словъ нервный и суетливый Карлъ Альбертовичъ вышелъ изъ-за конторки, отперъ шкафъ и показалъ Льву Станиславовичу пачки приготовленныхъ денегъ и его векселя: они лежали наверху, дразня молодого человѣка. Гельмунъ не заперъ шкафа и сѣлъ въ кресло около...

— Такъ какже, Карлъ Альбертовичъ?

— Такъ, какъ сказано...

— Больше вы ничего для меня сдѣлать не можете?

— Ничего рѣшительно. Стеченіе обстоятельствъ: завтра мнѣ самому деньги нужны, уже зѣвая, повторялъ онъ.

— Вы меня губите! Поймите, вы меня губите...

— Чѣмъ же это?.. Какъ это вы, молодые люди, все преувеличиваете!

— Софья Яковлевна меня ненавидитъ, понимаете...

— Это вамъ такъ кажется!

— Я жилъ съ нею, буду откровенничать съ вами... Я ее оскорбилъ, какъ женщину, и бросилъ, какъ бросаютъ уличныхъ... понимаете?

Гельмуцъ вдругъ сталъ серьезенъ: очевидно, его поразило какое-то соображеніе...

— Притомъ вы же знаете, чей бланкъ на моемъ послѣднемъ векселѣ...

— Я ничего не знаю... вашего дяди... я требовалъ у васъ вексель съ его бланкомъ, онъ далъ его вамъ — вотъ все, что мнѣ извѣстно... Что же мнѣ знать болѣе!

— Не притворяйтесь, пожалуйста!..

— Я человѣкъ честный и веду чисто свои дѣла.

Левъ Станиславовичъ онѣмѣлъ.

— Какъ, вы же меня убѣдили... вы же увѣрили, что это ничего, что я принесу вамъ деньги, и все этимъ кончится.

— Вы развѣ мальчикъ, что васъ надо убѣждать?

— И вы осмѣлитесь сказать, что не знали о подложности бланка?!

— А развѣ онъ подложный?..

Карлъ Альбертовичъ скользнулъ взглядомъ куда-то мимо; лампа бросала свѣтъ прямо на него; онъ машинально передвинулъ ее, потомъ зачѣмъ-то поставилъ около тяжелое прессъ-папье, изображавшее обрѣзокъ стальной рельсы.

— А развѣ онъ подложный? И вдругъ засмѣялся...

— Чему вы это? вспыхнулъ Левъ Станиславовичъ.

— Такъ, ничему... О, если Софи Фрейгенъ ненавидитъ

насъ, она можетъ дорого, очень дорого заплатить за этотъ вексель... вырвалось у него. — У нея милліоны... Ей по десяти рублей за рубль недорого будетъ отдать.

— Что?! не повѣрилъ ушамъ своимъ Староградъ-Смецкій.

— Нѣтъ, видите ли, постарайтесь привезти мнѣ деньги завтра до полудня... Если нѣтъ — я считаю себя свободнымъ поступать, какъ мнѣ угодно... И я, разумѣется, поступлю... Она, о, она, какъ всѣ женщины, ничего дурнаго вамъ не сдѣлаетъ — попугаетъ и будетъ васъ въ рукахъ держать... Ну, а я за рубль десять... за рубль десять... десять... да!

— Мерзавецъ!.. И Льву Станиславовичу показалось, что это говоритъ кто-то другой, а не онъ: такъ тихо и хрипло вышло это. — Ты хочешь губить меня, вѣдь я въ Сибирь уйду! Такъ неужели ты думаешь, что я стану молчать и щадить тебя? Ты мой сообщникъ, ты зналъ, что я дѣлаю... Вѣдь ты не одного меня — ты и мать мою губишь... Фрейгенъ не станетъ... Вѣдь я покажу, что ты — ты зналъ все.

— Не горячитесь, молодой человѣкъ, на это нужны доказательства. Я зналъ, что вы племянникъ его высокопревосходительства; что же удивительнаго въ томъ, что онъ далъ вамъ свой бланкъ? уже сухо проговорилъ Гельмуцъ.

Пропасть раскрылась подъ ногами Староградъ-Смецкаго... Онъ, весь блѣдный, прошелся по комнатѣ.

— Неужели все кончено для меня? вслухъ спросилъ онъ.

— Что мнѣ за дѣло до подлостей, какія вы дѣлаете? вдругъ перемѣнилъ тонъ Карлъ Альбертовичъ. — Слава Богу, что вы мнѣ сейчасъ сознались во всемъ. О, Софья Яковлевна, такъ ее зовутъ... она мнѣ дорого дастъ за этотъ векселъ!.. Это хорошее, очень хорошее дѣло!.. выгодное дѣло...

— Да пощадите же меня!.. У меня мать, вы сами отецъ... И Левъ Станиславовичъ, не зная, что онъ дѣлаетъ, какъ снопъ, рухнулъ къ ногамъ Гельмуца. — Вѣдь вы знали... вѣдь я погибаю!.. Неужели нѣсколько лишнихъ тысячъ вамъ дороже

жизни человѣка?.. И Старокрадъ-Смецкій зарыдалъ передъ нимъ...

Въ конторкѣ что-то зашевелилось — онъ не слышалъ этого. Фанни проснулась... Ей почудилось чье-то рыданіе. Дѣвочкѣ стало страшно: она притаилась въ уголку, какъ мышенокъ, и стала слушать...

— Встаньте... Меня этимъ не разжалобишь... Слишкомъ много, если я стану упускать свои выгоды изъ-за слезъ какого нибудь шалопая, который еще и оскорбляетъ меня къ тому же... Очень мнѣ нужно щадить васъ! Скажите, какія нѣжности! не унижайтесь... просите у г-жи Фрейгенъ, чтобы она васъ пощадила: это отъ нея теперь зависитъ.

— Какъ... вы даже до полудня ждать не будете?..

Этого голоса не могла узнать Фанни... »Неужели это пьяный Платонъ хрипитъ такъ?« пришло ей въ голову.

— Какъ... если завтра я принесу тебѣ деньги...

— Неси ихъ къ баронессѣ Фрейгенъ... Я раздумалъ: ты не можешь заплатить мнѣ столько, сколько она. Еще онъ смѣетъ меня ругать... арестантъ этакій...

— Будь же ты проклятъ, гадина!

И, самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, Старокрадъ-Смецкій схватилъ съ конторки обрѣзокъ рельса и со всей силы ударилъ имъ Гельмуца въ голову... На одно мгновеніе передъ нимъ мелькнуло жалкое, полное ужаса, лицо, потомъ что-то покатилось на полъ...

Наступила тишина... зловѣщая... недвижная.

»Что я сдѣлалъ, Боже, что я сдѣлалъ!« самъ про себя вслухъ повторялъ Левъ Станиславовичъ, не замѣчая, что вмѣстѣ съ этимъ онъ продолжаетъ наносить удары одинъ ужаснѣе другаго въ черепъ Карла Альбертовича: точно чужая чья-то рука помимо его воли дѣлала это... Лампа, конторка, шкафъ — все это кружилось въ его глазахъ... Кусокъ рельса наконецъ выпалъ у него изъ рукъ и съ тяжелымъ грохотомъ подкатился подъ шкафъ...

Старогradъ-Смецкій сѣлъ...

Какъ тихо кругомъ! Что случилось въ этой тишинѣ? что такое случилось? что онъ сдѣлалъ? Тутъ что-то такое было сейчасъ... да, было!.. Вотъ длинная темная струйка ползетъ къ самому сапогу его... Откуда она — неужели изъ этого пробитаго виска?.. развѣ это Гельмуцъ, опрокинувшись навзничъ и раскинувъ руки, смотритъ на него? Какъ страшно смотритъ!.. неподвижно... Онъ долго будетъ смотрѣть такъ: годы, десятки лѣтъ пройдутъ — а этотъ взглядъ будетъ все время устремленъ на него... Онъ отодвинулся. Струйка крови подползла къ самому носку его... Смецкому казалось, что и здѣсь взглядъ Гельмуца преслѣдуетъ его... Какъ тихо все! Только въ лампѣ пылаетъ керосинъ...

Что онъ сдѣлалъ?.. Неужели убилъ?..

Онъ наклонился къ Гельмуцу...

— Карлъ Альбертовичъ... Карлъ Альбертовичъ! шепталъ онъ: — встаньте... не бойтесь... встаньте... И шопотъ его становился все тише и тише. — Встаньте, встаньте же... я не трону васъ больше.

Онъ схватилъ его за руку — и опустилъ: рука съ тяжелымъ шумомъ упала на полъ... Високъ пробитъ... изъ него выступили мозгъ и кровь...

Левъ Станиславовичъ поднялся...

»Сейчасъ могутъ придти... сейчасъ, сейчасъ... Придутъ и застанутъ... и возьмутъ, и все откроется — все, все... Нужно спасаться самому...« какъ-то, точно помимо его сознанія, со стороны влетало въ его разгоряченный мозгъ.

Онъ протянулъ руки впередъ, точно боялся наткнуться на что нибудь, и пошелъ... и наткнулся дѣйствительно — на отворенныя двери шкафа...

Здѣсь его вексель... вексель, изъ-за котораго онъ... Да, именно изъ-за этого векселя... Надо взять его, уничтожить...

Онъ выхватилъ какую-то пачку бумагъ — векселя!.. Разогнулъ одинъ... другой... третій... именно его векселя... Вотъ и роковая надпись »Іеронимъ Петровичъ Старогradъ-

Смецкій...« О Боже, Боже... какъ все это невѣроятно... какъ невѣроятно!..

Невѣроятно, а между тѣмъ какая-то подленькая мысль, точно змѣя, скользнула въ его мозгъ.

— Триста тысячъ, говорилъ онъ: — триста тысячъ здѣсь... состояніе... счастіе... покой... спасеніе матери... все тутъ... А вѣдь тотъ видитъ... видитъ...

На конторкѣ лежала нѣмецкая газета — онъ швырнулъ ее на лицо трупа... оглянулся: горбомъ торчитъ она надъ нимъ, другая около... Лихорадочными, вздрагивавшими, какъ ледъ, холодными руками онъ сложилъ туда деньги; потомъ вдругъ разстегнулся, сунулъ пакетъ за рубашку себѣ... другую пачку въ карманъ, третью въ другой... Скоро весь онъ былъ нагруженъ ими... Мысль работала какъ-то помимо его. Въ немъ стоялъ, именно стоялъ невыразимый ужасъ. Онъ изъ-подъ газетнаго листа видѣлъ эти устремленные на него глаза... ему казалось, что они считаютъ эти пачки: »одна, другая, третья...« Но рядомъ съ этимъ ужасомъ работала мысль, хищная, подлая, разбойничья, подсказывавшая ему, что въ его пальто, въ боковомъ карманѣ, оборвана подкладка... что туда много можно бросить денегъ — и онъ бросалъ ихъ... Потомъ вдругъ та же мысль подсказала ему: »довольно«, и онъ остановился... потомъ, ни съ того — ни съ сего, подошелъ къ лампѣ и затушилъ ее...

И вдругъ съ крикомъ, уже не думая о томъ, что его могутъ услышать, онъ кинулся къ дверямъ, ощупью нашелъ ихъ, и ему казалось, что онъ умретъ на мѣстѣ, когда за нимъ послышался другой крикъ, полный невыразимаго ужаса и смятенія.

Квартира Гельмуца выходила окнами во дворъ... Въ его подъѣздѣ былъ фонарь... Подъ нимъ на секунду остановился Левъ Станиславовичъ. Ему казалось, что если онъ не вздохнетъ еще одну минуту, у него разорвется сердце: такъ оно колотилось въ груди... Отдышавшись, онъ поднялъ къ лицу своему руки: въ одной изъ нихъ была бумажка. Онъ раз-

вернулъ ее, самъ не зная — зачѣмъ, и посмотрѣлъ: оказался вексель. Прочелъ фамилію: »Платонъ Васильевъ Епифоновъ«. Онъ скомкалъ и бросилъ его прочь.

По двору онъ шелъ тихо: инстинктъ самосохраненія подсказалъ ему, что стоитъ ему только кинуться бѣжать, чтобы первый дворникъ у воротъ обратилъ на него вниманіе. Но въ воротахъ калитка была отворена; дворникъ, завернувшись въ тулупъ, спалъ...

Левъ Станиславовичъ прошелъ мимо, не понимая, какъ его ноги двигаются... Ему казалось, что онѣ чужія. Онъ ихъ не чувствовалъ и очнулся вдругъ на какомъ-то пустырѣ...

»Я не туда иду... куда мнѣ надо...«

Онъ пошелъ назадъ, безъ мысли, съ упавшимъ сердцемъ, машинально глядя внизъ и не замѣчая ничего внизу; остановился — и опять оказался передъ домомъ, гдѣ жилъ Гельмуцъ. Дворника у воротъ уже не было, во дворѣ слышался шумъ многихъ голосовъ... Впереди кто-то давалъ свистокъ.

Левъ Станиславовичъ повернулся опять назадъ и сначала пошелъ шибко, а потомъ побѣжалъ во всю мочь... Онъ остановился только, когда передъ нимъ оказалась набережная Невы. Кругомъ было тихо, звѣзды ярко горѣли, холодный вѣтеръ дулъ ему въ самое лицо.

Это его освѣжило. Онъ нанялъ перваго попавшагося извощика и доѣхалъ домой. Дома, не раздѣваясь, упалъ онъ въ постель и заснулъ разомъ, какъ убитый... безъ грезъ, безъ сновидѣній... заснулъ такъ, что забравшаяся въ открытую дверь и вспрыгнувшая ему на постель его любимица-кошка не могла разбудить его, хотя усердно тыкалась ему въ лицо своимъ мокрымъ носомъ.

Такъ онъ спалъ часа три. До разсвѣта еще было далеко. Ночь стояла темная. Въ окно не смотрѣлись даже звѣзды: ихъ затянуло тучами; вѣтеръ, дувшій ему тогда въ лицо, нанесъ ихъ съ сѣвера.

Левъ Станиславовичъ широко открылъ глаза: ему

показалось, что кто-то толкнулъ его въ бокъ.. Открылъ глаза... дышать нечѣмъ. Чья это холодная рука сжимаетъ ему горло? Онъ собралъ послѣднія усилія и поднялся... Въ комнатѣ, чудится ему, есть кто-то... »Кто здѣсь?« спросилъ онъ. Какой-то шорохъ, какое-то сознаваемое, но неслышимое движеніе. Что-то скользитъ въ воздухѣ... по стѣнамъ вверхъ цѣпляется, въ окно стучится...

— Что случилось такое?

Память точно отшибло... Что-то случилось — это онъ помнитъ, но что именно? Что-то громадное, ужасное, необъятное, безповоротное... что-то словно туча надвинувшаяся... Но что же?.. что?..

Онъ сѣлъ на кровать. Въ вискахъ стучало; казалось, нѣтъ воздуху; голова горѣла...

— Что же, что именно?.. Гдѣ я былъ?..

Вдругъ чьи-то недвижные глаза почудились ему, недвижные, изъ тьмы на него устремленные, именно на него.

— Гельмуцъ, Карлъ Альбертовичъ! точно что-то вспомнивъ, крикнулъ онъ.

Глаза въ темнотѣ мигнули ему. Волоса зашевелились на его головѣ: онъ замеръ было, потомъ вскочилъ, кинулся къ дверямъ... Въ гостинной было тоже темно... Онъ слѣпо, держа руки передъ собою, словно защищая свою голову отъ кого-то, пробѣжалъ въ коридоръ и остановился...

Въ глубинѣ коридора тускло догорала лампа. Ему страшно было идти къ себѣ безъ огня.

Тамъ, позади, темно, и въ этой тьмѣ одни тѣ глаза на него смотрятъ, и кто-то скользитъ тамъ въ воздухѣ. Нѣтъ, туда онъ не пойдетъ, низачто не пойдетъ.

Онъ постучался въ дверь рядомъ...

— Кто тамъ? послышалось ему. Онъ стукнулъ еще. — Платоша, это ты?

— Отворите!..

Неужели этимъ хриплымъ голосомъ онъ говоритъ?

Дверь скрыпнула... »Дѣвица Саша« показалась въ ней

въ одной рубахѣ... Увидя Смецкаго, она сконфузилась, собрала рукой рубаху у горла.

— Что вамъ, Левъ Станиславовичъ?.. Я боюсь... сейчасъ Платоша долженъ придти... сегодня нельзя...

— Спичекъ, дайте мнѣ спичекъ.

— Ахъ, сейчасъ, сейчасъ...

— У меня темно, я ихъ не могу найти...

Она подала ему. Онъ въ коридорѣ зажегъ одну и вошелъ къ себѣ въ комнату. Робкій синій огонекъ боролся съ темнотою; казалось — какіе-то призраки, смутные, сливавшіеся, расползались отъ этого робкаго огонька во всѣ стороны, по стѣнамъ вверхъ, по потолку, въ спальню, густились въ углахъ и сквозь стѣны просачивались куда-то... Онъ дрожалъ: какъ бы эта спичка еще не погасла!.. Свѣча оказалась на столѣ... онъ зажегъ ее... другую, третью. Въ комнатѣ было пять свѣчей, и онъ ихъ засвѣтилъ — стало свѣтло.

— Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ, что я надѣлалъ!..

Онъ взялъ свѣчу и пошелъ въ спальню, гдѣ сбросилъ съ себя пальто. Оно тяжело упало на полъ... шлепнулось даже. Деньги тамъ... деньги!.. Левъ Станиславовичъ надѣлъ его опять...

Онъ уже взялъ себя въ руки, пошелъ къ дверямъ и замкнулъ ихъ на ключъ... Въ головѣ и въ ушахъ звенитъ...

— Боже, не забылъ ли я тамъ своего векселя?

Онъ сталъ разворачивать пачки... Нѣтъ, вотъ они, его векселя здѣсь... всѣ здѣсь... до одного!

Онъ сжегъ ихъ...

— Что же теперь будетъ? уже раздѣтый и глядя въ ярко освѣщенный потолокъ своей спальни, самъ онъ спрашивалъ у себя. — Кто это крикнулъ вслѣдъ мнѣ?.. или почудилось?

И вдругъ ему страстно захотѣлось вскочить и броситься туда, назадъ, въ ту квартиру, къ Карлу Альбертовичу, посмотрѣть, что тамъ дѣлается: замѣтили ли уже или нѣтъ? по прежнему ли лежитъ Гельмуцъ съ лицомъ, прикрытымъ газетой?..

Онъ осилилъ себя и остался, но это ему стоило много-много труда! Его все позывало уйти... Онъ понялъ, что *одинъ* онъ, пожалуй, сдѣлаетъ эту глупость, *одному* ему было невыносимо.

Въ комнатахъ было свѣтло, но ночь въ тысячи глазъ смотрѣла ему въ окна... и каждый изъ этихъ глазъ напоминалъ ему убитаго Гельмуца.

»Я не могу оставаться одинъ!.. не могу, не могу!..«

Онъ опять всталъ, вымылъ себѣ руки и, не обращая вниманія на то, что раздѣтъ, вышелъ въ коридоръ. Тамъ, не соображая, что̀ дѣлаетъ, онъ постучался опять къ Сашѣ.

— Платоша, ты?

Дверь отворилась...

— Ахъ!..

— Саша, голубушка, пойдемъ ко мнѣ...

— Да я не знаю, колебалась та... — А если Платоша придетъ?..

— Нѣтъ, онъ запьянствовалъ вѣрно... А если и придетъ... прогоните, вотъ и все...

— Не могу...

— Саша, я озолочу васъ, только пойдемте ко мнѣ!

— Ахъ какіе вы... что̀ вы только съ нашей сестрой дѣлаете! слабо протестовала она.

Но онъ уже велъ ее къ себѣ, раздѣтую, дрожавшую отъ холода въ коридорѣ и едва переступавшую босыми ногами по ковру его гостинной.

Вас. Немировичъ-Данченко

Продолженіе будетъ

„ЖАЛКО ГУСА!" *)

I

Въ годы дѣтства золотаго,
Въ годы юности удалой,
Чудныхъ сказокъ, звучныхъ пѣсенъ
Я наслушался немало.

Изъ тѣхъ сказокъ, изъ тѣхъ пѣсенъ,
Жаждой подвиговъ томимый,
Я воздвигъ чертогъ волшебный
И въ него, никѣмъ незримый,

Уходилъ къ зазнобѣ-думѣ.
Тамъ, подъ звуки пѣснопѣній,
На мой зовъ слетались сонмы
Жизнерадостныхъ видѣній.

Ихъ владыка полновластный,
Я изъ нихъ сбиралъ дружину,
Чтобъ въ честно̀мъ бою съ неправды
Лицемѣрья снять личину,

*) См. стих. А. Н. Майкова »Приговоръ« (легенда о Констанскомъ соборѣ).

Чтобъ разсѣять мракъ отъ пугалъ,
Чтобы солнце проглянуло,
И моя-бъ голубка-дума
Вольной птицею вспорхнула.

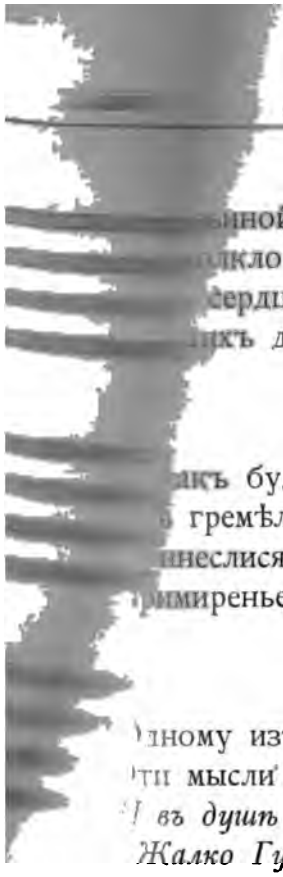
Но завистливое время
Тѣ чертоги подкопало,
Драгоцѣнные обломки
Буря жизни разметала.

Нѣтъ моей дружины храброй,
Не съ кѣмъ ринуться мнѣ въ битву, —
И твержу надъ думой мертвой
Поминальную молитву.

II

Но я спасъ изъ груды праха
Отъ волшебнаго чертога
Прежнихъ сказокъ, прежнихъ пѣсенъ
Дорогихъ жемчужинъ много.

И съ одной изъ нихъ всѣхъ больше
У меня воспоминаній:
Ей моя зазноба-дума
Украшалась въ дни свиданій.



…иной пѣсни трели;
…кло все собранье,
…ердцахъ у всѣхъ воскресли
…ихъ дней воспоминанья.

…акъ будто въ эту залу,
… гремѣло осужденье,
…инеслися съ пѣсней вмѣстѣ
…римиренье и прощенье.

…дному изъ судій, старцу,
…ти мысли въ душу пали,
…ъ въ душѣ его два слова —
Жалко Гуса« — прозвучали.

И хотѣлъ уже тотъ старецъ,
Вставъ, промолвить судьямъ: — »братья,
Гусъ невиненъ!« Но, упавши
На колѣни у распятья,

Онъ воскликнулъ: — »пробудитесь!
»Льстивой пѣснью соловьиной
»Дьяволъ, дьяволъ насъ смущаетъ,
»Это гласъ его змѣиный!«

Ужаснулось духовенство:
»Буди съ нами Божья сила!«
И слова тѣ — »жалко Гуса« —
»Да воскреснетъ Богъ« покрыло.

IV

Вотъ что пѣлъ пѣвецъ въ сказаньѣ
И тѣ вѣщія *два слова*
Мнѣ блеснули въ этой пѣснѣ
Въ видѣ перла дорогаго.

Этотъ перлъ цѣной страданій,
Тяжкой скорбью за страдавшихъ
Пріобрѣлъ я въ нить жемчужинъ,
Мою думу украшавшихъ.

И теперь, когда исчезли
И чертогъ мой, и дружина,
И на мѣстѣ думы прежней
Въ сердцѣ гнѣздится кручина, —

Этотъ перлъ еще остался
Свѣтлой памятью былаго,
И я пѣстую, лелѣю
Эти вѣщія *два слова*.

V

»Жалко Гуса« — это свѣточъ, —
Мнѣ звѣздою путеводной
Служитъ онъ всегда и всюду
Въ мірѣ лжи и тьмы холодной.

Льется-ль кровь, гремятъ ли цѣпи,
Разрушенья-ль слышу грохотъ,
Вижу-ль слезы, слышу-ль стоны
Иль безумья адскій хохотъ, —

Просвѣтленный вѣщимъ словомъ
Примиренья и прощенья,
Я вездѣ въ страданьяхъ міра
Вижу обликъ заблужденья.

Заблуждаясь, люди гибнутъ;
Заблуждаясь, братьевъ губятъ;
Ради новыхъ заблужденій
Рядъ былыхъ кумировъ рубятъ.

Намъ въ дали вѣковъ минувшихъ
Видны дымъ костровъ и пламя,
А надъ ними — по ошибкѣ —
Вѣковѣчной правды знамя,

И безмозглыя старухи
На костеръ, гдѣ сожигаютъ
Имъ невѣдомую ересь,
Груды хворосту бросаютъ.

Но и нынѣ точно также
Проповѣдникъ »заблужденій«
Или самъ въ огнѣ сгараетъ:
Погибаетъ отъ гоненій, —

Иль, побѣду одержавши,
На костры враговъ возводитъ
И при заревѣ ихъ яркомъ
Все же въ полномъ мракѣ бродитъ.

И подъ гнетомъ этихъ зрѣлищъ
Міру цѣлому объятья
Я-бъ хотѣлъ открыть и крикнуть:
»Жалко Гуса, люди-братья!«

VI

Но пропалъ мой громкій голосъ,
Что̀ ни день — слабѣютъ силы,
И мнѣ кажется порою —
Близокъ путь мой до могилы.

Я брожу теперь по свѣту
И хочу найти скорѣе,
Гдѣ тотъ витязь, пылкій сердцемъ,
Кто бы былъ меня сильнѣе,

У кого-бъ въ свѣтлицѣ пышной
Молодая дума зрѣла
И, созрѣвъ на счастье міра,
Въ міръ могла бы выйти смѣло.

Я бы витязю такому,
Если бъ встрѣтиться случилось,
Отдалъ все свое наслѣдье,
Все, что̀ только сохранилось

Изъ жемчужинъ драгоцѣнныхъ,
Что̀ служили украшеньемъ
Для моей угасшей думы;
И потомъ бы со смиреньемъ,

Обезсиленный невзгодой,
Я ушелъ отъ жизни-битвы,
Чтобы пѣть надъ думой мертвой
Поминальныя молитвы.

Алексѣй Луговой

НЕСЧАСТНАЯ ВСТРѢЧА

Повѣсть

XIV

Домой онъ вернулся совсѣмъ разстроенный и всю ночь безъ сна проворочался въ постели. Передъ нимъ неотвязно стоялъ Кривцовъ и, скаля свои бѣлые зубы, щуря нахальные глаза, твердилъ со злобною усмѣшкою: — »говорю, дорогой мой, какъ съ человѣкомъ однихъ вкусовъ«. Циничныя рѣчи его припоминались Сергѣю Михайловичу почти дословно, и краска бросалась ему въ лицо. — »Подлецъ, подлецъ!« твердилъ онъ въ безсильной злобѣ, а глубоко-глубоко въ душѣ чувствовалъ, что всякій имѣетъ право такъ думать, что дѣйствительно поведеніе его нечисто, что всякій негодяй, развратникъ можетъ назвать его своимъ другомъ. Развѣ такъ долженъ былъ поступить честный человѣкъ? Онъ все разсказалъ Магѣ, но развѣ нужно было объясняться ей въ любви, да еще тогда, когда онъ видѣлъ любовь Корсова къ ней. Вѣдь онъ понималъ ея чувства и только подло воспользовался ими. И для чего? что̀ изъ этого можетъ выйти? вѣдь жену бросить онъ не можетъ - да и въ какомъ положеніи очутится Мага? Для чего же все это? Неужели Кривцовъ правъ — и ему пріятно было будить ея первое чувство, сознавая себя гарантированнымъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ! онъ ее любитъ, онъ ее безумно, страстно любитъ!

Чѣмъ это все можетъ кончиться? На него у Врублевскихъ смотрятъ почти какъ на жениха. Кривцовъ откроетъ теперь, и въ какомъ свѣтѣ онъ явится? Надо торопиться, рѣшиться на что нибудь, прежде чѣмъ его опозоритъ Кривцовъ. »Что же дѣлать, что дѣлать?« повторялъ онъ безсильно и, ворочаясь съ боку на бокъ, съ тоскою дожидался разсвѣта. Къ утру онъ немного забылся.

— Какой ты страшный сегодня! сказала за чаемъ Анна Семеновна: — тебѣ нездоровится?

— Нѣтъ, такъ, нехотя отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ: — ночь провелъ дурно.

— Сережа, ты не забудь, дорогой!.. обратилась къ нему Анна Семеновна, провожая на службу.

— Чего? наморщился Сергѣй Михайловичъ.

— Да Трезубова, съѣзди къ нему, голубчикъ!

— Ахъ, да! припомнилъ онъ: — хорошо, Аня.

»Трезубовъ, Трезубовъ«, безцѣльно повторялъ онъ, идя на службу, и вдругъ рядомъ съ пьяной, оборванной, жалкой фигурой Трезубова опять всталъ образъ Анны Семеновны: худенькая, некрасивая, съ красными пятнами на щекахъ. — »Чортъ знаетъ что со мною«, слабо усмѣхнулся Сергѣй Михайловичъ.

Едва онъ пришелъ на службу, какъ тотчасъ спросилъ у своего товарища адресъ Трезубова. Тотъ сказалъ и полюбопытствовалъ:

— Съѣздить хотите?

— Да, отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ: — а вы почему догадались?

— Какже, нашихъ много поѣхало, и я собирался, да вотъ проклятое... ткнулъ онъ пачку бумагъ въ синей обложкѣ.

— Для чего же поѣхали? удивился Сергѣй Михайловичъ.

Чиновникъ удивился въ свою очередь. — Развѣ не знаете?

— Чего? встрепенулся Сергѣй Михайловичъ.

— Какъ? не знаете? онъ повѣсился, батюшка, вчера повѣсился! Да что̀ съ вами?

Сергѣй Михайловичъ поблѣднѣлъ и безсильно опустился на стулъ. Безсонная ночь, мысли о Трезубовѣ въ связи съ мыслями о женѣ разстроили его нервы, и извѣстіе о смерти Трезубова поразило его, какъ громомъ. — Повѣсился! безсмысленно повторялъ онъ, и зубы его стучали о край стакана, изъ котораго испуганный чиновникъ поилъ его водою. Наконецъ онъ очнулся.

— Благодарю васъ, прошло, слабо улыбнулся онъ и спросилъ: — какже онъ?..

— Да шутъ ихъ знаетъ, успокоился чиновникъ, ставя на столъ стаканъ: — говорятъ, будто Марѳа Кондратьевна засылала къ нему адвоката, 500 руб. за разводъ давала; онъ его выгналъ и повѣсился!

Сергѣй Михайловичъ ничего не слышалъ. Въ его головѣ сумбуромъ мѣшались мысли: — »повѣсился! отъ любви повѣсился! много любилъ! Надо видѣть его, надо! Можетъ, неправда, такъ... самъ умеръ«... И ему вдругъ страстно захотѣлось увидѣть, удостовѣриться, что Трезубовъ дѣйствительно повѣсился. Ему казалось это для чего-то необходимо нужнымъ.

— Поѣду! вдругъ вскочилъ онъ съ мѣста.

— Съѣздите, съѣздите, одобрилъ его чиновникъ: —только чего вы такъ волнуетесь?

— Такъ, такъ, послѣ! отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ и почти бѣгомъ направился къ передней.

— Сергѣй Михайловичъ, Сергѣй Михайловичъ! нагналъ его на лѣстницѣ Шкаловъ: — вы къ Трезубову? захватите меня!

— Ѣдемъ, согласился Сергѣй Михайловичъ, не замѣчая Шкалова, но отвѣчая на просьбу.

Они сѣли на извощика. — »Умеръ, умеръ, повѣсился, ея измѣны не перенесъ; и правда, зачѣмъ ему жизнь?«

безсвязно думалъ онъ, а надъ его ухомъ гудѣлъ голосъ Шкалова:

— Вотъ, легко можно было предсказать это. Всегда говорилъ, что дуракъ, да и тутъ дуракомъ оказался: взялъ бы 500 рублей, кутнулъ бы, а тамъ валяй; а теперь задаромъ вдовой ее сдѣлалъ... А я тутъ въ Аркадіи съ вашимъ знакомымъ сошелся, Кривцовъ по фамиліи...

»Жилъ и нѣтъ«, продолжалъ думать Сергѣй Михайловичъ: — »потому цѣль исчезла...« — »Лакеемъ былъ бы«, припомнилъ онъ его слова: — »любовникамъ записки носилъ бы!..« — »Любви не понимаютъ« — тутъ же вспомнились слова жены, и передъ нимъ мелькнуло ея некрасивое лицо съ добрыми любящими глазами: — »я убью себя«, вспомнилъ онъ ея слова и вздрогнулъ, а надъ его ухомъ продолжалъ гудѣть голосъ Шкалова:

— ..... славный малый, циникъ немного, но уменъ, бестія. Про васъ весело разсказывалъ, интрижка какая-то, ха-ха-ха! вы за холостаго слывете. Какъ онъ звалъ ее? дай Богъ память! Ахъ да, Мага, кажется, да, Мага. Превесело!

Сергѣй Михайловичъ вдругъ вникъ въ его слова и тутъ же замѣтилъ, что подлѣ него Шкаловъ. При видѣ Шкалова ему сразу вспомнилась вся исторія съ Кривцовымъ, и кровь бросилась ему въ лицо, такъ что губы даже посинѣли.

— Извощикъ, стой! закричалъ онъ несвоимъ голосомъ. Извощикъ осадилъ лошадь: — Вонъ! еле выговаривая, обернулся онъ къ Шкалову: — вонъ сію секунду!

Шкаловъ откинулся и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Вы это мнѣ, Сергѣй Михайловичъ? растерянно улыбнулся онъ.

— Вонъ, мерзавецъ! взвизгнулъ Сергѣй Михайловичъ и поднялъ руку.

Шкаловъ быстро соскользнулъ съ пролетки. — Я этого такъ не оставлю! крикнулъ онъ со слезами въ голосѣ.

— Пошелъ! толкнулъ извощика Сергѣй Михайловичъ, дрожа отъ злости...

»Да... на чемъ это я?« сталъ припоминать Сергѣй Михайловичъ и ничего не могъ вспомнить. — »Отдохнуть надо«, рѣшилъ онъ, потому что увидѣлъ передъ собою рѣшетку Овсянникова сквера. Онъ вошелъ въ скверъ и сѣлъ на скамейку въ бесѣдкѣ, гдѣ играли дѣти. Въ двухъ шагахъ отъ него два мальчика схватывались за руки и вертѣлись, припѣвая дикимъ голосомъ:

„Въ огородѣ были мы,
Въ огородѣ были мы...“

пока у нихъ не мутилось въ головѣ, и тогда они съ хохотомъ падали на песокъ, послѣ чего снова вскакивали и, снова припѣвая, начинали бѣшено вертѣться.

Сергѣй Михайловичъ безсильно опустилъ голову на руки, собираясь съ мыслями. Анна Семеновна, Шкаловъ, Кривцовъ, Трезубовъ, Мага, отрывки фразъ — все это бѣшено крутилось въ его головѣ и мѣшало ему думать о чемъ-то важномъ, необходимомъ, что̀ вертѣлось у него на умѣ, но никакъ не складывалось въ опредѣленную форму. — »Мага любитъ, Аня любитъ... нѣтъ, не то... я... Кривцовъ сказалъ... опять не то!« топнулъ онъ ногою и поднялся со скамьи. Онъ началъ ходить по саду. Нервы его мало по малу успокоивались, и только въ головѣ, среди отрывковъ мыслей, безъ умолку, то усиливаясь, то замирая, звучалъ безсмысленный напѣвъ »въ огородѣ были мы!..«

Вдругъ онъ остановился и замеръ; въ головѣ его сознательно промелькнула мысль: — »если она узнаетъ, она убьетъ себя, лучше я...« Онъ сразу какъ-то съежился, опустился: — »да, да, не она, а я себя, что̀ же мнѣ? это лучше, гораздо лучше!..« и, найдя исходную точку, мысль его потекла ровно и спокойно.

Все, передуманное имъ за ночь, припомнилось ему теперь еще полнѣе и яснѣе. Онъ любитъ Магу, и Мага его любитъ, но что̀ изъ этого? Неудовлетворенная любовь измучаетъ и его, и Магу. Обольстить ее онъ не можетъ; бро[illegible] — она не перенесетъ этого. Гдѣ же выходъ? Ска-

зать все Магѣ — тогда для чего ему жизнь? Всѣ страдаютъ, мучаются, и все изъ-за одного его. Устранить причину — и все успокоится. Аня не пропадетъ: ей будетъ тяжело, но она свыкнется. Мага выйдетъ за Корсова; Корсовъ хорошій человѣкъ и любитъ ее безумно. Только устранить причину недоразумѣній — и все успокоится.

— Я, я лишній, меня не надо, грустно улыбнулся онъ и, еще больше сгорбившись, осунувшись, тихо побрелъ домой. Теперь для него все было ясно: — »только скорѣе, скорѣе«, торопилъ онъ себя, чувствуя, какъ при мысли о смерти холодъ пробѣгалъ по его спинѣ..

XV

— Сережа! съ испугомъ воскликнула Анна Семеновна, отворивъ ему дверь: — что съ тобою, милый? ты боленъ? обѣдать хочешь?

Она взяла его за руку и съ тревогою смотрѣла на его поблѣднѣвшее, осунувшееся лицо, на безжизненный взглядъ и на безкровныя губы, которыя онъ старался сложить въ улыбку. Онъ увидѣлъ ея тревогу.

— Пустяки, Аня, успокоилъ онъ ее: — пройдетъ; это, видишь, отъ посѣщенія Трезубова...

— Что съ нимъ? перебила Анна Семеновна.

— Повѣсился! отвѣтилъ онъ и тихо добавилъ: — оттого что любилъ много.

Анна Семеновна поблѣднѣла, широко раскрыла глаза и тихо повторила: — повѣсился?.. Ей почему-то событіе это показалось ужаснымъ, до того ужаснымъ, что она не выдержала и, бросившись къ дивану, горько заплакала. — Проклятая, проклятая! твердила она, и въ эту минуту ей ясно представлялась Марѳа Кондратьевна, какою она видѣла ее на вокзалѣ: высокая, красивая, идетъ въ толпѣ поклонниковъ, а мужъ ея въ безсильномъ горѣ приготовляетъ для себя петлю.

— Полное сочувствіе, аналогія, шепталъ Сергѣй Михайловичъ, ходя по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на плачущую жену, и для него еще яснѣе становилась необходимость все кончить. Но при мысли о смерти онъ чувствовалъ, какъ холодѣетъ его кровь. — Пожить бы, еще пожить... немного... 29 лѣтъ, это рано... и не видалъ вовсе жизни... учился, учился, а тамъ сразу... Онъ болѣзненно усмѣхнулся: — рано... а теперь?.. и ему уже рисовались картины смерти. Онъ выстрѣлитъ, всѣ сбѣгутся, заплачутъ, застонутъ, а тамъ панихиды, положатъ въ гробъ, забьютъ крышку и опустятъ въ землю, а потомъ гніеніе. Онъ задрожалъ... Носъ, глаза, губы... ихъ не будетъ, отпадутъ кусками, и черви... черви!..

Онъ схватился руками за голову и бросился къ письменному столу.

— Скорѣе, скорѣе! бормоталъ онъ и, взявъ листъ почтовой бумаги, быстро, неровно сталъ писать письмо Магѣ. Онъ писалъ ей, что кончаетъ съ собою, просилъ простить его и вспоминать въ молитвахъ. Вотъ и все, и все!.. Улыбаясь, запечаталъ онъ конвертъ и надписалъ адресъ.

— Аня, есть загородная марка? спокойнымъ голосомъ спросилъ онъ.

Она поднялась съ дивана и посмотрѣла въ кошелькѣ. — Нѣтъ, Сережа.

— Дай денегъ... И, получивъ, онъ вышелъ въ кухню: — Авдотья, бѣги сію минуту, купи марку, наклей и брось въ ящикъ.

Онъ подалъ деньги съ конвертомъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока Авдотья не вышла за двери. Онъ улыбнулся почти весело. — »Теперь все кончено«, подумалъ онъ: — »отступленіе отрѣзано!..« И, потирая руки, словно отъ радости, онъ вошелъ въ гостинную.

Онъ ободрился теперь, когда письмомъ къ Магѣ лишилъ себя возможности отмѣнить рѣшеніе. Вѣдь шутя такія письма не пишутъ, написалъ — надо исполнить; и онъ успокоился,

считая вопросъ о смерти уже покончennымъ. Теперь надо письмо Анѣ, и тогда...

»Лучше потомъ«, подумалъ онъ и подсѣлъ къ Анѣ. — Пусти меня, я лягу, а ты посиди!

Онъ вытянулся на диванѣ, подложивъ подъ голову вышитую подушку, а жена сѣла подлѣ него. Онъ закрылъ глаза и слегка задремалъ, а она положила голову ему на грудь и тихо начала говорить:

— Какъ меня испугалъ ты, Сережа, когда сказалъ про смерть Трезубова. Я почему-то за нимъ ужасно слѣдила, и мнѣ стало такъ страшно за всѣхъ, Сережа... Онъ страшный? спросила она.

— Страшный, отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ: — синій, распухъ, и глаза выкатились, и вполголоса добавилъ: — застрѣлиться лучше.

— Гораздо лучше, подтвердила она: — я бы низачто не повѣсилась!.. Это всегда такъ бываетъ — одинъ любитъ, Сережа, другой позволяетъ любить, и какъ страшно тому, кто любитъ: онъ всегда боится, что вдругъ ему не позволятъ любить: и тогда... тогда вѣдь и жизни нѣтъ, потому что для него жить — любить. Вотъ онъ и повѣсился, я бы... попотомъ добавила она: — то же сдѣлала. Можетъ, поэтому мнѣ и стало такъ страшно...

Каждое слово ея укрѣпляло его рѣшимость, а она, бѣдная, и не думала, какъ страшны ея слова, и продолжала:

— Я всегда, когда о немъ думала, себя представляла и свыклась съ этимъ, и часто-часто плакала о его долѣ, а теперь... вдругъ!..

— Распорядись чаемъ, не выдержалъ Сергѣй Михайловичъ.

Они напились чаю и потомъ опять перешли въ гостинную, и опять говорили, не зажигая огня, въ свѣтлыхъ сумеркахъ бѣлой ночи.

— Спать пора! всталъ наконецъ Сергѣй Михайловичъ и подумалъ: — »заснетъ, я встану, и тогда...«

Трезубовъ жилъ въ одной изъ улицъ Песковъ, въ деревянномъ флигелѣ на дворѣ большаго каменнаго дома. Сергѣй Михайловичъ слѣзъ у воротъ и подошелъ къ стоявшей кучкѣ людей, о чемъ-то оживленно говорившихъ.

— Гдѣ тутъ живетъ Трезубовъ? спросилъ онъ.

— Жилъ то-есть, наставительно замѣтилъ сизый носъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ.

— Вотъ сюда, милый человѣкъ, выдвинулась изъ толпы молодая бабенка съ лицомъ, изрытымъ оспою: — вотъ какъ прямо пойдешь, направо-то домикъ деревянный, такъ сичасъ и дверь будетъ! пояснила она, махая руками.

— И чего толковать попусту, брезгливо вставилъ мужикъ въ синей фуфайкѣ: — гдѣ, баринъ, увидишь публику, туда и иди! не отогнать ихъ, чертей, прости Господи!

Сергѣй Михайловичъ пошелъ по указанному направленію. У дверей, на лѣстницѣ и въ самой комнатѣ покойника было, правда, много народу, по преимуществу женщинъ. Всѣ говорили сразу, вздыхали, охали и стучали ногами, сходя и входя по лѣстницѣ. Сергѣй Михайловичъ протискался къ самому гробу и остановился въ ногахъ покойника, пристально разглядывая его. Онъ лежалъ въ простомъ крашеномъ сосновомъ гробу; лицо его посинѣло и распухло, у носа, подлѣ глазъ, виднѣлись кровавые подтеки; синія губы были плотно сжаты, и между ними съ угла рта торчалъ черный, какъ уголь, кончикъ прикушеннаго языка; глаза были перевязаны платкомъ, потому что почти выкатились изъ орбитъ, и онъ съ завязанными глазами, съ посинѣвшимъ, распухшимъ лицомъ, на которомъ клочками торчали рыжіе волосы, казался еще болѣе жалкимъ и несчастнымъ, чѣмъ при жизни. Сергѣй Михайловичъ сталъ у покойника въ ногахъ и пристально разглядывалъ его обезображенныя черты. — »Да, да«, думалъ онъ: — »правда, все правда, повѣсился, отъ любви. Инаго быть не могло. Шкаловъ-то говорилъ, его теорія... а какъ я его... да... »я убью себя« — это она сказала... вечеромъ... тогда... давно... убью себя... можетъ...« Онъ рас-

терянно оглянулся кругомъ. Голова его кружилась отъ духоты и вони въ комнатѣ. Онъ повернулся и сталъ быстро пробираться къ выходу. До его слуха доносились разговоры окружающихъ.

— И все это бабы-колотовки виноваты, басилъ чей-то голосъ: — сколько отъ этихъ ехиднъ народу гибнетъ, — и Боже ты мой!

— Одно слово — шлюхи! подтвердилъ теноръ.

— Ужъ оставьте, пожалуйста! горячо вступился визгливый бабій голосъ: — и муженьки есть золото, охъ какое золото! Вотъ у моей дочки — чортъ безпалый, а не мужъ, прости Господи! Она чахнетъ, а онъ хлыщетъ да бьетъ ее, хлыщетъ да бьетъ ее. Такъ-то, милые! Осадите немножко!

— Это ты вѣрно! ввязался другой женскій голосъ: — вотъ и у меня барыня: сидитъ да плачетъ, рѣкой разливается, а муженекъ-то, милые вы мои, по Аркадіямъ шастаетъ, да все съ мамзелями. Наша-то доля тоже не медъ!

»Да, да, все правда, все правда, и про женщинъ правда«, бормоталъ Сергѣй Михайловичъ, выходя изъ толпы и пробираясь по двору: — »и чего я думалъ, чего я думалъ?« Онъ вышелъ изъ воротъ и повернулъ налѣво, закуривъ папиросу: — »развѣ я не зналъ? Да... какже это вышло? онъ повѣсился, а она?« И ему начало казаться, что и она, т. е. Анна Семеновна, повѣсилась, что онъ ее видѣлъ, а не его, что это она лежала въ гробу, и лицо ея было синее, распухшее, а прекрасные глаза повязаны платкомъ.

— Позвольте закурить! остановилъ его какой-то господинъ. Сергѣй Михайловичъ растерялся. — Закурить позвольте!

— Ахъ, закурить? закурить извольте!.. Онъ протянулъ свою папиросу. Господинъ закурилъ. Сергѣй Михайловичъ приподнялъ шляпу и сказалъ: — Благодарю васъ, но тутъ же вспомнилъ, что благодарить незачто, и смутился: — Извините, пожалуйста!

Господинъ удивленно посмотрѣлъ на него и пожалъ плечами.

»Да... на чемъ это я?« сталъ припоминать Сергѣй Михайловичъ и ничего не могъ вспомнить. — »Отдохнуть надо«, рѣшилъ онъ, потому что увидѣлъ передъ собою рѣшетку Овсянникова сквера. Онъ вошелъ въ скверъ и сѣлъ на скамейку въ бесѣдкѣ, гдѣ играли дѣти. Въ двухъ шагахъ отъ него два мальчика схватывались за руки и вертѣлись, припѣвая дикимъ голосомъ:

„Въ огородѣ были мы,
Въ огородѣ были мы...“

пока у нихъ не мутилось въ головѣ, и тогда они съ хохотомъ падали на песокъ, послѣ чего снова вскакивали и, снова припѣвая, начинали бѣшено вертѣться.

Сергѣй Михайловичъ безсильно опустилъ голову на руки, собираясь съ мыслями. Анна Семеновна, Шкаловъ, Кривцовъ, Трезубовъ, Мага, отрывки фразъ — все это бѣшено крутилось въ его головѣ и мѣшало ему думать о чемъ-то важномъ, необходимомъ, что вертѣлось у него на умѣ, но никакъ не складывалось въ опредѣленную форму. — »Мага любитъ, Аня любитъ... нѣтъ, не то... я... Кривцовъ сказалъ... опять не то!« топнулъ онъ ногою и поднялся со скамьи. Онъ началъ ходить по саду. Нервы его мало по малу успокоивались, и только въ головѣ, среди отрывковъ мыслей, безъ умолку, то усиливаясь, то замирая, звучалъ безсмысленный напѣвъ »въ огородѣ были мы!..«

Вдругъ онъ остановился и замеръ; въ головѣ его сознательно промелькнула мысль: — »если она узнаетъ, она убьетъ себя, лучше я...« Онъ сразу какъ-то съежился, опустился: — »да, да, не она, а я себя, что же мнѣ? это лучше, гораздо лучше!..« и, найдя исходную точку, мысль его потекла ровно и спокойно.

Все, передуманное имъ за ночь, припомнилось ему теперь еще полнѣе и яснѣе. Онъ любитъ Магу, и Мага его любитъ, но что изъ этого? Неудовлетворенная любовь измучаетъ и его, и Магу. Обольстить ее онъ не можетъ; бросить Аню — она не перенесетъ этого. Гдѣ же выходъ? Ска-

зать все Магѣ — тогда для чего ему жизнь? Всѣ страдаютъ, мучаются, и все изъ-за одного его. Устранить причину — и все успокоится. Аня не пропадетъ: ей будетъ тяжело, но она свыкнется. Мага выйдетъ за Корсова; Корсовъ хорошій человѣкъ и любитъ ее безумно. Только устранить причину недоразумѣній — и все успокоится.

— Я, я лишній, меня не надо, грустно улыбнулся онъ и, еще больше сгорбившись, осунувшись, тихо побрелъ домой. Теперь для него все было ясно: — »только скорѣе, скорѣе«, торопилъ онъ себя, чувствуя, какъ при мысли о смерти холодъ пробѣгалъ по его спинѣ..

XV

— Сережа! съ испугомъ воскликнула Анна Семеновна, отворивъ ему дверь: — что̀ съ тобою, милый? ты боленъ? обѣдать хочешь?

Она взяла его за руку и съ тревогою смотрѣла на его поблѣднѣвшее, осунувшееся лицо, на безжизненный взглядъ и на безкровныя губы, которыя онъ старался сложить въ улыбку. Онъ увидѣлъ ея тревогу.

— Пустяки, Аня, успокоилъ онъ ее: — пройдетъ; это, видишь, отъ посѣщенія Трезубова...

— Что̀ съ нимъ? перебила Анна Семеновна.

— Повѣсился! отвѣтилъ онъ и тихо добавилъ: — оттого что любилъ много.

Анна Семеновна поблѣднѣла, широко раскрыла глаза и тихо повторила: — повѣсился?.. Ей почему-то событіе это показалось ужаснымъ, до того ужаснымъ, что она не выдержала и, бросившись къ дивану, горько заплакала. — Проклятая, проклятая! твердила она, и въ эту минуту ей ясно представлялась Марѳа Кондратьевна, какою она видѣла ее на вокзалѣ: высокая, красивая, идетъ въ толпѣ поклонниковъ, а мужъ ея въ безсильномъ горѣ приготовляетъ для себя петлю.

— Полное сочувствіе, аналогія, шепталъ Сергѣй Михайловичъ, ходя по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на плачущую жену, и для него еще яснѣе становилась необходимость все кончить. Но при мысли о смерти онъ чувствовалъ, какъ холодѣетъ его кровь. — Пожить бы, еще пожить... немного... 29 лѣтъ, это рано... и не видалъ вовсе жизни... учился, учился, а тамъ сразу... Онъ болѣзненно усмѣхнулся: — рано... а теперь?.. и ему уже рисовались картины смерти. Онъ выстрѣлитъ, всѣ сбѣгутся, заплачутъ, застонутъ, а тамъ панихиды, положатъ въ гробъ, забьютъ крышку и опустятъ въ землю, а потомъ гніеніе. Онъ задрожалъ... Носъ, глаза, губы... ихъ не будетъ, отпадутъ кусками, и черви... черви!..

Онъ схватился руками за голову и бросился къ письменному столу.

— Скорѣе, скорѣе! бормоталъ онъ и, взявъ листъ почтовой бумаги, быстро, неровно сталъ писать письмо Магѣ. Онъ писалъ ей, что кончаетъ съ собою, просилъ простить его и вспоминать въ молитвахъ. Вотъ и все, и все!.. Улыбаясь, запечаталъ онъ конвертъ и надписалъ адресъ.

— Аня, есть загородная марка? спокойнымъ голосомъ спросилъ онъ.

Она поднялась съ дивана и посмотрѣла въ кошелькѣ. — Нѣтъ, Сережа.

— Дай денегъ... И, получивъ, онъ вышелъ въ кухню: — Авдотья, бѣги сію минуту, купи марку, наклей и брось въ ящикъ.

Онъ подалъ деньги съ конвертомъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока Авдотья не вышла за двери. Онъ улыбнулся почти весело. — »Теперь все кончено«, подумалъ онъ: — »отступленіе отрѣзано!..« И, потирая руки, словно отъ радости, онъ вошелъ въ гостинную.

Онъ ободрился теперь, когда письмомъ къ Магѣ лишилъ себя возможности отмѣнить рѣшеніе. Вѣдь шутя такія письма не пишутъ, написалъ — надо исполнить; и онъ успокоился,

считая вопросъ о смерти уже покончеинымъ. Теперь надо письмо Анѣ, и тогда...

»Лучше потомъ«, подумалъ онъ и подсѣлъ къ Анѣ. — Пусти меня, я лягу, а ты посиди!

Онъ вытянулся на диванѣ, подложивъ подъ голову вышитую подушку, а жена сѣла подлѣ него. Онъ закрылъ глаза и слегка задремалъ, а она положила голову ему на грудь и тихо начала говорить:

— Какъ меня испугалъ ты, Сережа, когда сказалъ про смерть Трезубова. Я почему-то за нимъ ужасно слѣдила, и мнѣ стало такъ страшно за всѣхъ, Сережа... Онъ страшный? спросила она.

— Страшный, отвѣтилъ Сергѣй Михайловичъ: — синій, распухъ, и глаза выкатились, и вполголоса добавилъ: — застрѣлиться лучше.

— Гораздо лучше, подтвердила она: — я бы низачто не повѣсилась!.. Это всегда такъ бываетъ — одинъ любитъ, Сережа, другой позволяетъ любить, и какъ страшно тому, кто любитъ: онъ всегда боится, что вдругъ ему не позволятъ любить: и тогда... тогда вѣдь и жизни нѣтъ, потому что для него жить — любить. Вотъ онъ и повѣсился, я бы... шопотомъ добавила она: — то же сдѣлала. Можетъ, поэтому мнѣ и стало такъ страшно...

Каждое слово ея укрѣпляло его рѣшимость, а она, бѣдная, и не думала, какъ страшны ея слова, и продолжала:

— Я всегда, когда о немъ думала, себя представляла и свыклась съ этимъ, и часто-часто плакала о его долѣ, а теперь... вдругъ!..

— Распорядись чаемъ, не выдержалъ Сергѣй Михайловичъ.

Они напились чаю и потомъ опять перешли въ гостинную, и опять говорили, не зажигая огня, въ свѣтлыхъ сумеркахъ бѣлой ночи.

— Спать пора! всталъ наконецъ Сергѣй Михайловичъ и подумалъ: — »заснетъ, я встану, и тогда...«

— Какой ты сегодня хорошій, Сережа! обняла его она: — добрый, славный; сегодня я не боялась тебя даже!

— А то боишься? невольно улыбнулся онъ.

— Боюсь, Сережа, т. е. не боюсь, а какъ-то глупѣю; мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ ты оборвешь, разсердишься...

— Трусиха! нѣжно поцѣловалъ ее Сергѣй Михайловичъ: — ну, спать теперь!

Онъ быстро легъ въ постель и притворился спящимъ. Анна Семеновна еще нѣсколько времени возилась у зеркала, потомъ раздѣлась, загасила свѣчу и тоже легла. Сергѣй Михайловичъ терпѣливо ждалъ; она нѣсколько разъ повернулась подъ одѣяломъ, окликнула его и потомъ начала дремать: онъ почувствовалъ, какъ нѣсколько разъ вздрогнуло ея тѣло. »Засыпаетъ«, подумалъ онъ и открылъ глаза. Она еще разъ вздрогнула, крѣпче прижалась головою къ подушкѣ и глубоко вздохнула. — »Заснула«, рѣшилъ онъ и осторожно слѣзъ съ постели.

Онъ прошелъ въ гостинную, зажегъ свѣчу и въ одномъ бѣльѣ сѣлъ писать Анѣ. — »Послѣднее, послѣднее«, думалъ онъ, торопливо водя перомъ. Онъ писалъ про свою измѣну, про ложность своего положенія, про глубокое чувство долга, и не замѣчалъ самъ, какъ слезы капали на письмо. — »Я наношу тебѣ жестокій ударъ, Аня«, писалъ онъ: — »но я искупаю его своею жизнью. Прости меня, я всетаки остался чистъ передъ тобою. Если я не поборолъ духа, то плоть убита, и я оправданъ«.

Наконецъ онъ кончилъ письмо и запечаталъ.

— Брр... какъ холодно! вздрогнулъ онъ и замѣтилъ, что ноги его босы. Онъ всталъ и прошелъ за туфлями.

Пробило три часа, и было совсѣмъ свѣтло. Нагибаясь за туфлями, онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на жену. Она лежала навзничъ, раскинувъ руки, и тяжело дышала; онъ посмотрѣлъ на ея раскрытый ротъ, на ввалившіеся закрытые глаза, кверху торчащій носъ, и грустно улыбнулся. Ея некрасивое лицо во снѣ было еще некрасивѣе.

Онъ надѣлъ туфли и прошелъ опять въ гостинную, къ письменному столу. Тихо вынулъ онъ изъ ящика револьверъ и вложилъ патронъ.

»Въ сердце еще промахнешься«, подумалъ онъ: — »лучше въ ротъ!« и поднялъ руку. — »Ну, теперь все!« мелькнуло у него въ головѣ, когда холодный стволъ коснулся его зубовъ.

XVI

Анна Семеновна спала тревожно; душная лѣтняя ночь томила ее, смерть Трезубова взволновала и разстроила ея слабые нервы. Она раскинулась на постели и металась, видя страшный сонъ: онъ, ея Сережа, гдѣ-то лежитъ и стонетъ, и громко зоветъ ее. Она бѣжитъ къ нему, торопится, ноги ея спотыкаются, а бѣжать приходится еще много-много. Вдругъ передъ нею, играя пенсне, является Шкаловъ и, громко хохоча, говоритъ ей: — »что, неправъ я? развѣ вы не насчетъ другаго свое счастіе устроили?« — »Неправда, неправда«, оправдывается она: — »я слишкомъ много страдаю за свое счастіе!« А Шкаловъ обратился уже въ Трезубова; глаза его выкатились и болтаются по щекамъ тусклыми шариками; лицо посинѣло и распухло; онъ съ яростью бросается на нее и кричитъ: — »всѣ жены подлыя твари, и ты тварь! вотъ тебѣ!« и, откуда-то выхвативъ пистолетъ, онъ цѣлится въ нее. Она падаетъ, закрывъ лицо руками. — »Пощадите, пощадите!« молитъ она и мечется по постели, замирая отъ ужаса, — и вдругъ надъ ея ухомъ раздался оглушительный выстрѣлъ...

Анна Семеновна въ тревогѣ проснулась и, не видя подлѣ себя Сергѣя Михайловича, вскочила, какъ ужаленная, и бросилась въ гостинную. Раздался страшный крикъ, и она, обезсиленная, упала въ кресло. Въ отвѣтъ на ея крикъ раздался другой, и въ дверяхъ столовой остановилась Авдотья, тоже въ одной рубашкѣ соскочившая съ постели.

На полу, подлѣ письменнаго стола, лежалъ Сергѣй Михайловичъ. Онъ лежалъ на боку, поджавъ ноги. Голова его представляла кровавую массу, изъ которой широкой струей лилась кровь, смѣшанная съ тянущейся бѣлою слизью.

Авдотья очнулась первая и, быстро одѣвшись, побѣжала за докторомъ. Тотъ пришелъ, велѣлъ перенести тѣло на диванъ и только грустно пожалъ плечами. Сергѣй Михайловичъ разнесъ себѣ черепъ. Анна Семеновна ничего не понимала и безсмысленно смотрѣла на обезображенную голову трупа. Нижняя челюсть опустилась и застыла, раскрывъ ротъ, изъ котораго безсильно свѣшивался языкъ; верхняя губа загнулась въ ротъ, такъ какъ зубы были выбиты; лѣвый глазъ былъ полураскрытъ и налитъ кровью. Анна Семеновна смотрѣла на него безъ слезъ, безъ стоновъ, и въ головѣ ея неотвязно вертѣлась мысль: — »онъ умеръ, умеръ, умеръ«...

— Барыня, голубушка, убивалась Авдотья: — всплакни хоть малость. Господи помилуй, что же это ты, родная моя, горькая, сиротливая... причитала она, одѣвая ее въ платье.

Трупъ Сергѣя Михайловича обмыли и положили на столъ въ гостинной. Пришелъ приставъ съ околодочнымъ и составили протоколъ, не добившись отъ Анны Семеновны ничего, кромѣ безсвязныхъ словъ: — »онъ былъ добрый... славный...« твердила она.

— Барыня, отъ Сергѣя Михайловича письмо къ вамъ! догадалась вдругъ Авдотья, когда приставъ увидѣлъ на столѣ запечатанный конвертъ.

Анна Семеновна задрожала и схватила конвертъ; дрожащими руками она вынула письмо и впилась въ него глазами. При видѣ дорогаго ей знакомаго почерка сознаніе мало по малу стало возвращаться къ ней, и она жадно принялась за чтеніе письма. Сначала она ничего не понимала, но по мѣрѣ чтенія все яснѣе и яснѣе становилось для нея происшедшее ночью. Она вдругъ поняла и весь ужасъ своей потери, и его безъисходное горе, страданія, и его вчерашнюю

блѣдность, и трогательную нѣжность къ ней. Все разомъ встало передъ нею.

»Аня, прости меня за все, что̀ я сдѣлалъ худаго, и не убивайся по мнѣ, слабомъ, безсильномъ человѣкѣ«, читала она.

— Милый, добрый! шептала она, цѣлуя письмо: — убилъ себя — и у меня еще прощенія проситъ!

»Я полюбилъ, Аня, и не могъ устоять противъ увлеченія, но я чистъ передъ тобою: я одержалъ побѣду надъ плотью и убилъ себя«.

— Я знала, видѣла это, шептала она: — чего же я думала? Я все надѣялась, а мнѣ нужно было, мнѣ, а не ему... Бѣдный! вдругъ рванулась она къ трупу и, зарыдавъ, припала къ нему: — милый, добрый, очнись, я убью себя, очнись, дорогой мой!.. И она цѣловала его обезображенное лицо и все громче, громче рыдала. Она не слышала, какъ звякнулъ звонокъ, не видѣла, какъ въ комнату поспѣшно вошла блѣдная испуганная Мага и съ глухимъ стономъ остановилась въ ногахъ покойника.

Мага казалась спокойною, и только крѣпко сжатыя губы да широко раскрытые, въ ужасѣ застывшіе, глаза выдавали ея страданія. Она остановилась въ ногахъ покойника и съ замирающимъ сердцемъ въ обезображенномъ лицѣ искала дорогое выраженіе: — »убилъ, убилъ себя и мнѣ не сказалъ«, думала она и съ тоскою смотрѣла на рыдающую Анну Семеновну.

»Это она, жена его«, вдругъ мелькнуло въ головѣ Маги: — »Боже, какъ ей тяжело! какъ она страдаетъ!« И у ней глаза наполнились слезами. — »И, можетъ, ничего этого не было бы«, думала она: — »еслибы мы не встрѣтились. Нѣтъ, нѣтъ, еслибы я не звала его... тогда... на вечеръ!.. Это я, все я!..« съ ужасомъ подумала она и тихо подошла къ Аннѣ Семеновнѣ.

— Бѣдная! съ рыданіемъ вырвалось у ней.

Анна Семеновна вздрогнула и выпрямилась: передъ нею

рыдала блѣдная красивая дѣвушка въ черной соломенной шляпкѣ съ бѣлой вуалью. — »Чего ей? кто она?« не понимала Анна Семеновна, и вдругъ сообразила.

— Это вы, вы? заговорила она, задыхаясь: — зачѣмъ пришли? смотрѣть, какъ страдаютъ? Вотъ, смотрите! съ яростью зашептала она: — вотъ онъ, увлеченный вами, мертвый, убитый! вотъ я, овдовѣвшая изъ-за васъ! ну, чего же еще? закричала она: — вы видѣли мои страданія? довольно! идите вонъ! оставьте меня съ нимъ! онъ мой, мой! кричала она истерично.

Мага, блѣдная, взволнованная, стояла передъ нею, и изъ ея глазъ быстро катились слезы.

— Простите! вдругъ не выдержала она и упала передъ нею на колѣни: — да, я виновата! я не должна была его любить, я должна была гнать его, смѣяться надъ нимъ, а я цѣловала его. Простите! но я его такъ любила! и она протягивала къ Аннѣ Семеновнѣ руки.

— Вы любили! тихо заговорила она: — а я? о еслибы вы могли понять, что̀ вы дѣлали! Я имъ дышала; въ немъ была моя жизнь, онъ могъ ругать меня, бить меня, и я была счастлива, если за это могла дышать съ нимъ однимъ воздухомъ! Вы все разбили! Онъ бросалъ меня одну на дни, недѣли, онъ забывалъ меня и, бывая со мною, видѣлъ васъ только, думалъ о васъ только! о-о! что̀ вы сдѣлали! заломила она руки.

— Простите! молила, рыдая, Мага: — когда я полюбила его, я ничего не знала. А потомъ, когда узнала, у меня не хватило силы. Еслибы вы знали мои страданія, еслибы вы знали любовь мою!..

Анна Семеновна видѣла ея страдающее лицо, ея молящій взоръ — и безсильно опустила голову. Въ сердцѣ ея не было больше злобы.

»Какъ страдаетъ!« подумала она: — »какъ страдаетъ! Она, правда, не знала, онъ не сказалъ ей. Бѣдная, какъ ей больно! Она вѣдь тоже любила!« — Мы обѣ страдаемъ! прошептала она.

Мага страстно обняла ее и, рыдая, говорила: — Простите меня! Еслибы я васъ знала раньше, развѣ бы это случилось! Я вѣдь могла его любить издали! я бы васъ любила, я бы любила любовь вашу, берегла бы ваше счастіе! О, зачѣмъ, зачѣмъ это такъ вышло!

Анна Семеновна опустила голову на ея плечо и тихо заплакала.

— Будемъ вмѣстѣ молиться! шептала она.

А. Заринъ

П. И. ЧАЙКОВСКІЙ

Очеркъ музыкальной дѣятельности

VIII

У Чайковскаго есть цѣлый рядъ пьесъ, написанныхъ въ разное время для оркестра; пьесы эти трудно подвести подъ категорію симфоническихъ произведеній, такъ какъ онѣ по формѣ не подходятъ подъ установившееся понятіе о симфоніи; такъ, у него есть увертюры, фантазіи, сюиты и пр. Затрудняясь дать имъ подходящее общее названіе, мы имъ удѣлимъ отдѣльную главу и помѣстимъ вслѣдъ за симфоніями, такъ какъ, во-первыхъ, онѣ также назначены для оркестра, а во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ написаны на программу, слѣдовательно близко соприкасаются съ разсмотрѣннымъ отдѣломъ. Сюда отнесемъ *фантазіи*: „Ромео и Джульетту“, „Бурю“ и „Франческу да-Римини“.

Увертюра къ драмѣ Шекспира „Ромео и Джульетта“ принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ ранняго періода дѣятельности нашего композитора, которыми онъ выдвинулся и завоевалъ симпатіи публики и прессы. Если не ошибаемся, эта увертюра уже исполнялась съ громаднымъ успѣхомъ въ обѣихъ столицахъ въ 1867 г. Произведеніе это теперь не имѣетъ предпосланной программы (авторъ ее отбросилъ), но, прослушавъ ее хоть разъ, нетрудно увидѣть (кто не знаетъ этой драмы?), какіе моменты трагедіи вдохновили композитора.

Въ первомъ Andante, построенномъ на широкой кантиленѣ религіознаго оттѣнка, нетрудно узнать мотивъ Лоренцо; тема эта прекрасно гармонизована въ струнномъ квартетѣ. Нервная и безпокойная тема перваго Allegro несомнѣнно рисовала въ воображеніи композитора борьбу партій Монтекки и Капулетти; вторая часть его, начиная съ dolce, очевидно имѣетъ своимъ предметомъ любовную сцену героевъ трагедіи и выливается въ

чудную по выраженію мелодію. Она западаетъ въ душу слушателя. Увертюру вѣнчаетъ Moderato assai, въ которомъ нетрудно представить себѣ смерть любовниковъ.

„Ромео и Джульетта“ принадлежитъ къ chef-d'oeuvre'амъ произведеній Чайковскаго; въ ней соединились неподдѣльный пафосъ, вдохновеніе, богатство мелодическихъ рисунковъ и инструментовка выше всякихъ похвалъ. Чайковскій въ этой увертюрѣ, имѣющей своимъ содержаніемъ только нѣсколько моментовъ трагедіи, сказалъ гораздо болѣе, по нашему, чѣмъ композиторы, бравшіеся за этотъ сюжетъ для цѣлой оперы (Вакаи и Беллини, Гуно и др.). Правда, у него эти моменты являются отрывочными, но каждый изъ нихъ порознь поражаетъ талантомъ и мастерствомъ. Немудрено, что эта вещь не сходитъ съ репертуара уже болѣе двадцати лѣтъ; она всегда и вездѣ будетъ имѣть успѣхъ. „Ромео и Джульетта“ одинъ изъ лучшихъ лавровъ въ вѣнкѣ Чайковскаго.

Фантазія „Буря“ (op. 18), написанная на программу г. Стасова и ему же посвященная, также принадлежитъ къ первымъ произведеніямъ композитора и также пользуется вездѣ большимъ успѣхомъ. Исполненная въ одномъ изъ концертовъ во время парижской всемірной выставки въ 1878 г., „Буря“ пріобрѣла обширное распространеніе въ западной Европѣ. Сюжетомъ для нея также послужила извѣстная драма Шекспира. Вотъ текстъ программы: „Море. Волшебникъ Просперо посылаетъ повинующагося ему духа Аріеля произвести бурю, жертвой которой дѣлается корабль, везущій Фердинанда. Волшебный островъ. Первые робкіе порывы любви Миранды и Фердинанда. Аріель. Калибанъ. Влюбленная чета отдается торжествующему обаянію страсти. Просперо сбрасываетъ съ себя силу волшебства и покидаетъ островъ. Море“. Вотъ вся программа.

Какъ фантастическій элементъ, такъ и всѣ детали, входящія въ этотъ текстъ, не говоря уже о дѣйствующихъ лицахъ, воспроизведены въ музыкальномъ отношеніи безподобно. Особенно характерно очерчены Аріель съ его воздушной, прозрачной темой, сопровождаемой великолѣпнымъ акомпанементомъ. Нужно ли много говорить о любовномъ дуэтѣ Фердинанда и Миранды? О той увлекательно-поэтической мелодіи, съ неподражаемыми образцами которой мы уже знакомы по другимъ произведеніямъ Чайковскаго. Какая чарующая мелодія и сколько трогающей граціи въ ней! Сцена „бури“ обрисована мастерской рукой; особенно эффектенъ конецъ ея, порученный низкимъ аккордамъ тромбона и изображающій еще не улегшееся движеніе въ глубинѣ моря. Не станемъ повторять о замѣчательной инструментовкѣ всего произведенія, отличительной особен-

ностью которой является разнообразіе оркестровыхъ эффектовъ. „Буря“, также какъ и „Ромео и Джульетта“, должна быть причислена къ совершеннѣйшимъ сочиненіямъ Чайковскаго, въ которыхъ внѣшняя форма оспариваетъ первенство у музыкальнаго содержанія.

Совершенно въ другомъ родѣ изображена любовь въ другой его фантазіи „Франческа да-Римини“, сюжетомъ для которой послужилъ извѣстный эпизодъ изъ дантовской „Божественной комедіи“; но здѣсь, какъ извѣстно, описывается несчастная любовь, окончившаяся ужасной смертью влюбленныхъ Франчески да-Римини и брата ея мужа, Паоло, осужденныхъ вѣчно носиться обнявшись въ воздухѣ. Здѣсь авторъ имѣлъ возможность нарисовать картину адскаго вихря, въ которомъ носятся грѣшники втораго круга дантова ада. Хотя программа и не предпослана композиторомъ, какъ въ „Ромео и Джульеттѣ“, однако фантазія эта несомнѣнно написана на программу, но такъ удачно, что вдохновеніе композитора нисколько не было стѣснено деталями, и онъ свободно могъ предаться обрисовкѣ носившихся предъ его глазами образовъ.

„Франческа да-Римини“ (op. 32) обошла не только Европу, гдѣ она производила фуроръ, не говоря уже о Россіи (въ Парижѣ, Берлинѣ, Брюсселѣ и другихъ музыкальныхъ центрахъ), но проникла и въ Америку, въ Нью-Іоркъ. И это произведеніе по ясности изложенія, несмотря на сложность красокъ, требовавшихся для изображенія ада, по безподобнымъ мелодіямъ и по ширинѣ вдохновенія, должно считаться однимъ изъ выдающихся, однимъ изъ тѣхъ, которыя упрочиваютъ имя автора на долгія времена. У Чайковскаго особенное дарованіе говорить ясно и доступно всякому, даже не музыканту.

Несмотря на свой слишкомъ большой объемъ (одинъ изъ крупныхъ недостатковъ разсматриваемаго произведенія), фантазія эта отъ начала до конца слушается съ интересомъ; картины смѣняются картинами, и слушатель все время очарованъ съ одной стороны стихійной силой, съ которой авторъ изобразилъ адскую бурю и вихрь, въ которомъ кружатся грѣшники, а съ другой стороны глубоко захватывающимъ мотивомъ влюбленныхъ. На всемъ произведеніи лежитъ какой-то мрачный, безотрадный тонъ, сразу переносящій въ фантастическую сферу. Композиторъ съ первыхъ звуковъ уже овладѣваетъ слушателемъ, и онъ все время находится подъ обаятельнымъ вліяніемъ его таланта. Казалось бы, что для изображенія бури уже исчерпаны всѣ средства композиторами (кто только изъ нихъ не описывалъ бури); но Чайковскій съумѣлъ и здѣсь сказать нѣчто свое, самостоятельное и оригинальное. Неисчерпаемый источникъ вдохновенія и богатства мелодіи и техники!

Мы бы, однако, указали, какъ на недостатокъ во второй части фантазіи, на основную тему, составляющую почти повтореніе аріи Ленскаго изъ „Евгенія Онѣгина“ и мало идущую къ изображенію дантовскихъ героевъ. Но этотъ недостатокъ искупается столькими достоинствами, что о немъ скоро забывается.

Къ этому типу произведеній должна быть отнесена написанная Чайковскимъ за послѣднее время увертюра „Гамлетъ“. Не вдаваясь въ оцѣнку отдѣльныхъ деталей этого произведенія, имѣющаго свои достоинства, какъ по части мелодій, такъ и во внѣшней отдѣлкѣ, необходимо сознаться, что въ немъ, какъ и въ „Манфредѣ“ (темами для обоихъ выбраны такія болѣзни духа, какъ разочарованіе и сомнѣніе), нашъ композиторъ не могъ дать такихъ ясныхъ музыкальныхъ образовъ, какіе мы привыкли встрѣчать въ другихъ его трудахъ. Сюжеты съ философской подкладкой не могутъ быть переведены на музыкальный языкъ: чѣмъ глубокомысленнѣе захочетъ быть композиторъ въ такихъ случаяхъ, тѣмъ туманнѣе будетъ его музыкальное изложеніе, и тѣмъ скучнѣе будетъ само произведеніе. Такое впечатлѣніе производитъ и „Гамлетъ“.

Неоднократнымъ посѣщеніямъ композиторомъ Италіи, этой колыбели мелодіи и пѣнія, мы обязаны существованіемъ великолѣпной оркестровой вещи, написанной попури-образно и составленной изъ народныхъ итальянскихъ мотивовъ; мы говоримъ объ „Итальянскомъ каприччіо“ (ор. 35), возбудившемъ въ свое время столько разнорѣчивыхъ мнѣній въ печати; въ то время какъ одни находили эту вещь „грубой садовой музыкой“, другіе были подкуплены удивительно изящной и тонкой отдѣлкой оркестровыхъ эффектовъ. Подобно Глинкѣ, подарившему насъ „Арагонскою хотой“ и „Ночью въ Мадридѣ“ (плодъ пребыванія его въ Испаніи 1845—1847 гг.), — и Чайковскій не могъ не прельститься оригинальной красотой итальянскихъ народныхъ напѣвовъ.

Произведенія, состоящія обыкновенно изъ нѣсколькихъ разнородныхъ мотивовъ, никакой внутренней связью не объединенныхъ и только по духу и характеру принадлежащихъ одной народности, не требуютъ отъ композитора ничего, кромѣ умѣнья придавать имъ общую окраску и обработать ихъ для массы оркестровыхъ голосовъ. Нетрудно убѣдиться, хоть разъ прослушавъ въ оркестровомъ исполненіи „Итальянское каприччіо“, что нашъ талантливый оркестраторъ сдѣлалъ изъ этихъ немудреныхъ мотивовъ нѣчто граціозное, въ высшей степени изящное, которое всегда подкупитъ слушателя своими простыми, но очаровательными эффектами, полными жизни и энергіи. Осо-

бенно красива вторая тема, исполняемая въ терціяхъ духовыми инструментами; выборъ темъ вообще очень удаченъ (итальянцы съ этимъ несогласны), а блескъ оркестровыхъ красокъ придаетъ этому попури характеръ концертной вещи, каковою это „Каприччіо“ уже давно сдѣлалось, судя по его успѣху повсюду.

Къ циклу оркестровыхъ произведеній относятся, еще три *сюиты*, *увертюры*, *маршъ*, *серенада* и друг. Разумѣется, нѣтъ возможности говорить подробно обо всѣхъ произведеніяхъ нашего композитора въ бѣгломъ очеркѣ его музыкальной дѣятельности, хотя каждое изъ нихъ и заслуживаетъ этого.

Первая сюита (op. 43), — о которой одинъ изъ извѣстныхъ берлинскихъ критиковъ отзывался въ „Musicalisches Wochen-Blatt“, какъ объ „оригинальномъ, блестяще инструментованномъ произведеніи геніальнаго русскаго композитора, вызывающемъ уваженіе къ его знанію дѣла и долженствующемъ стать любимою пьесой всѣхъ хорошихъ оркестровъ“, — состоитъ, по обычаю этого рода сочиненій, изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, ничѣмъ между собой не связанныхъ. Но тутъ интересъ не въ искусномъ сцѣпленіи этихъ частей и не въ мастерскомъ ихъ сліяніи, какъ мы это видѣли въ „Каприччіо“; здѣсь, напротивъ, каждая часть составляетъ отдѣльную законченную вещь. Сюита эта произвела фуроръ на художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. въ Москвѣ.

Въ составъ ея входятъ: интродукція и фуга, divertimento, andante, маршъ, скерцо и гавотъ. И въ этомъ произведеніи Чайковскій выказалъ себя вполнѣ русскимъ композиторомъ, не только тѣмъ, что ввелъ малороссійскую тему въ andante, но и тѣмъ еще, что придалъ юмористическій характеръ своей „фугѣ“. Скерцо авторъ писалъ, очевидно, находясь подъ вліяніемъ глинкинской лезгинки. Что же касается остальныхъ частей — divertimento, марша и гавота, то первой вещи приданъ испанскій характеръ; „marche miniature“, на нашъ взглядъ, слабѣе остальныхъ частей и за исключеніемъ прелестной оркестровки, которою, впрочемъ, отличаются и всѣ остальныя части, въ особенности „фуга“, — „маршъ“ этотъ ничего не придаетъ къ суммѣ прелестей этого произведенія, и такъ какъ здѣсь каждая часть является самостоятельной и нисколько не обусловленной остальными, то маршъ этотъ могъ бы и не исполняться. Пьеса къ тому же выиграла бы и въ томъ отношеніи, что она слишкомъ длинна.

Въ смыслѣ соразмѣрности частей и отсутствія излишества *вторая сюита* (op. 53), состоящая только изъ пяти частей: „игры звуковъ“, „вальса“, „юмористическаго скерцо“, „снова

ребенка" и „дикой пляски", можетъ служить образцомъ этого рода письма. Разсматриваемая сюита, также какъ и первая, уже давно отвоевала себѣ выдающееся мѣсто въ программахъ симфоническихъ концертовъ. Несмотря на свою форму, повидимому, не допускающую большихъ размѣровъ отдѣльныхъ частей, сюиты Чайковскаго отличаются такой техникой, такой замѣчательной тематической разработкой — онъ съумѣлъ вложить столько ума и таланта въ отдѣлку основныхъ темъ, что онѣ долго еще будутъ служить приманкой для слушателей и предметомъ восторговъ для спеціалистовъ. Онъ выдвинулъ свои сюиты на степень классическихъ образцовъ.

У Чайковскаго часто встрѣчаются двѣ особенности, продуцируемыя имъ почти во всѣхъ оркестровыхъ произведеніяхъ: это введеніе русской мелодіи, оргинальной или народной, и юморъ. Такъ, во второй сюитѣ мы находимъ „юмористическое" скерцо; какъ извѣстно, юморъ — одна изъ любимыхъ чертъ русскаго музыкальнаго творчества; далѣе, почти въ каждой части этой „сюиты" попадается русскій мотивъ, такъ что авторъ могъ бы смѣло назвать ее русской. „Сны ребенка", какъ и слѣдуетъ ожидать, носятъ мечтательно-поэтическій характеръ. Мы не говоримъ ужъ объ инструментовкѣ, о той части современной музыкальной техники, въ которой нашъ композиторъ давно уже слыветъ мастеромъ; и здѣсь слѣдуетъ отдать дань удивленія умѣнью пользоваться эффектами и разнообразію пріемовъ.

Еще совершеннѣе по формѣ и по мысли послѣдняя, *третья* его *сюита* (ор. 55), заключающая въ себѣ меньше частей (всего четыре) и больше разнохарактерныхъ элементовъ. Начинается она увлекательной *элегіей*, одной изъ тѣхъ очаровательныхъ темъ, на которыя только способенъ элегическій талантъ Чайковскаго; точно подъ вліяніемъ этого настроенія вылился слѣдующій за ней *меланхолическій вальсъ* съ выраженіемъ безнадежно-скорбнаго чувства, охватывающаго слушателя (удивительная способность покорять!). Но вотъ композиторъ переходитъ къ другому настроенію: *скерцо*, то грандіозное и воинственное, то шутливое и юмористическое, переноситъ васъ совершенно въ иной міръ. Въ довершеніе разнообразія авторъ заканчиваетъ это произведеніе темой съ варіаціями; особенно эффектенъ полонезъ, замыкающій рядъ варіацій. Эта сюита должна считаться лучшей изъ всѣхъ остальныхъ. Гибкость таланта, которому одинаково доступны различные роды произведеній, мелодическій даръ котораго не замѣняетъ никакая ученость и никакіе трактаты, чувство красоты и врожденный вкусъ, всегда выдѣляющіе художника-поэта, индивидуальность, самостоятельность художественныхъ взглядовъ и, на-

конецъ, національность, всегда пробивающаяся у Чайковскаго за какую бы форму онъ ни взялся, — всѣ эти качества какъ бы соединились въ разсматриваемыхъ сюитахъ и выдвигаютъ ихъ на первый планъ между его многочисленными сочиненіями.

Разнообразіемъ оркестровыхъ эффектовъ отличаются даже тѣ изъ произведеній, которыя носятъ на себѣ всѣ признаки такъ называемыхъ pièces d'occasion; возьмемъ въ примѣръ хотя бы его „торжественную увертюру", называемую „1812-й годъ" (ор. 49), которую авторъ очевидно написалъ на скорую руку и при этомъ не чувствовалъ того прилива вдохновенія, какое обыкновенно охватываетъ художника, когда онъ предается всецѣло извѣстной идеѣ, вызывающей въ его фантазіи извѣстные образы, облекаемые имъ въ яркія краски. На случайность этой увертюры указываетъ не только время ея появленія, совпадающаго съ освященіемъ храма Спасителя, но и тѣ анахронизмы, которые встрѣчаются въ самомъ произведеніи.

И, несмотря на всѣ условія, при которыхъ создался „1812-й годъ", увертюра эта поражаетъ мастерской отдѣлкой мотивовъ, умѣлымъ голосоведеніемъ, знаніемъ инструментовъ (въ ней, кромѣ струннаго оркестра, участвуетъ еще военный), словомъ, во всемъ виденъ человѣкъ, царствующій надъ оркестромъ. Увертюра, какъ мы выше сказали, называется „торжественной"; слѣдовательно, композиторъ могъ смѣло пустить въ оборотъ все, придающее цѣлому блескъ и помпезность, — и онъ дѣйствительно воспользовался всѣми средствами новѣйшаго оркестра, не позабывъ даже о колоколахъ. Произведеніе вышло нѣсколько шумнымъ, но здѣсь цѣль оправдываетъ средства: увертюра достойна названія „торжественной" въ полномъ смыслѣ этого слова, но только по формѣ, а не по идеѣ.

Имѣя въ виду событія двѣнадцатаго года, композиторъ вводитъ французскій и русскій національные гимны, какъ символы этихъ двухъ воюющихъ государствъ; но для характеристики перваго онъ употребляетъ „марсельезу", запрещенную Наполеономъ I, слѣдовательно не имѣвшую мѣста въ обрисовываемую эпоху, а для характеристики нашего отечества композиторъ употребляетъ мотивъ „Боже, царя храни", какъ извѣстно, написанный Львовымъ въ 1833 году, слѣдовательно, неизвѣстный еще во время отечественной войны. Далѣе, чтобы пріурочить какъ нибудь эти основныя темы къ событію дня, къ освященію храма Спасителя, композиторъ прибавилъ въ началѣ молитву, которая при концѣ повторяется при общемъ шумѣ двухъ оркестровъ. Молитва интересна, а оркестровка и разработка всѣхъ мотивовъ изумительны, и все же нельзя не замѣтить бѣлыхъ нитокъ, которыя проходятъ чрезъ всю увертюру. Положимъ, для художника исто-

ческая правда необязательна и служитъ только подспорьемъ для его собственныхъ цѣлей; но отъ такого композитора, какъ нашъ, слѣдуетъ требовать логической правды...

Къ разряду произведеній такого рода, въ которыхъ авторъ или платитъ дань переживаемой имъ эпохѣ, или же на которыя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на удачное упражненіе на заданную тему, относятся еще: „Коронаціонный маршъ“ (заглавіе само указываетъ причину его появленія), „Тріумфальная увертюра на датскій народный гимнъ“ („Ouverture triomphale sur l'hymne national danois“), одно изъ произведеній ранняго періода творчества Чайковскаго, исполненное въ Москвѣ при посѣщеніи нашей первопрестольной принцессою Дагмарою, „Славянскій маршъ на народнославянскія темы“, также игранный въ Москвѣ во время войны 1877—1878 гг. и вызванный этимъ событіемъ, и др. Для нашей цѣли достаточно было остановиться на одномъ представителѣ произведеній этого типа, и поэтому не станемъ разбирать всѣ названныя сочиненія.

Во всѣхъ ихъ виденъ великій знатокъ оркестра, прекрасный контрапунктистъ, рѣдкій гармонизаторъ, умно распоряжающійся своими знаніями; но во всякомъ случаѣ всѣ перечисленныя произведенія не принадлежатъ къ тѣмъ, на которыхъ обыкновенно зиждется слава великаго художника; это, повторяемъ еще разъ, дань современника переживаемымъ имъ событіямъ. Разумѣется, чѣмъ выше стоитъ художникъ, тѣмъ значительнѣе и интереснѣе, хотя бы съ одной технической точки зрѣнія, его pièces d'occasion; если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на разбираемый отдѣлъ произведеній, то всѣ названныя сочиненія блещутъ изяществомъ формы и красотою употребляемыхъ композиторомъ оркестровыхъ средствъ.

Закончимъ группу оркестровыхъ сочиненій „Серенадой для струнныхъ инструментовъ“ (op. 48), произведеніемъ, составляющимъ плодъ непосредственнаго творчества и ставящимъ нашего композитора наряду съ первоклассными творцами. Главныя достоинства этой серенады, не говоря уже о поразительной техникѣ, этомъ постоянномъ и неизмѣнномъ спутникѣ сочиненій Чайковскаго, это — удивительная красота основныхъ темъ, на которыхъ построена каждая часть, и затѣмъ образцовое голосоведеніе. И здѣсь Чайковскій, какъ онъ это часто дѣлаетъ, вводитъ въ финалъ русскую тему, придающую всему произведенію особенную красоту; прекрасна и вторая часть — вальсъ; тема его красива и одна изъ удачнѣйшихъ изъ употребленныхъ композиторомъ темъ для вальсовъ, которыхъ у него вообще немалое количество.

Чарующее впечатлѣніе производитъ на слушателя третья часть (элегія); какою теплотою и задушевностью дышатъ эти

чудныя страницы! Эта часть „Серенады“, по роскошной темѣ, принадлежитъ къ chef-d'oeuvre'амъ его музы. Слабѣе намъ кажется во всей серенадѣ первая часть. Въ общемъ же — она написана съ большимъ талантомъ: въ ней много подвижности и внутренней силы, и наряду съ „фантазіями“ и симфоніями она составляетъ одну изъ крупныхъ жемчужинъ между оркестровыми произведеніями Чайковскаго.

В. Баскинъ

Продолженіе будетъ

КОМЕТЫ и ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Публичная лекція профессора Петерса,

директора кенигсбергской обсерваторіи

Нѣкоторыя небесныя явленія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на какой бы культурной ступени они ни стояли, всегда возбуждали величайшее вниманіе и даже при нынѣшнемъ состояніи науки представляютъ наблюдателю много неразъясненнаго. Къ такимъ явленіямъ принадлежатъ полныя солнечныя затменія, неожиданныя усиленія свѣта нѣкоторыхъ звѣздъ, потоки падающихъ звѣздъ и большія кометы. Культурные и некультурные люди различно относятся къ этимъ феноменамъ: первые въ необъяснимости явленій находятъ стимулъ къ изслѣдованію ихъ причинъ, а народы низшей культуры видятъ въ нихъ дѣйствіе высшихъ силъ, предзнаменованія и чудеса, имѣющія доброе или злое вліяніе на судьбу человѣчества. Такъ, наступленіе солнечнаго или луннаго затменія не волнуетъ уже теперь ни одного сколько нибудь образованнаго человѣка, но мы не должны удивляться тому, что во всѣ времена, пока причины явленій не были извѣстны, и даже въ настоящее время у дикихъ народовъ солнечныя и лунныя затменія вызываютъ величайшій ужасъ. На самомъ дѣлѣ, человѣческой природѣ свойственно пугаться поразительныхъ, необъяснимыхъ явленій, видѣть въ нихъ указанія на грядущія бѣдственныя событія и связывать съ этими необычными, страшными явленіями бѣдствія, которыя всегда могли случаться вскорѣ послѣ нихъ. Такъ какъ наряду съ небесными явленіями всегда происходили и другіе необъяснимые факты, то во всѣ эпохи суевѣріе пользовалось этимъ, и въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій до новѣйшаго времени находились люди, которые видѣли связь небесныхъ явленій съ одновременными или послѣдующими событіями на землѣ. Къ подобнымъ заключеніямъ, очевидно, располагаютъ лишь такія небесныя явленія,

причины которыхъ неизвѣстны, и еще болѣе такія, которыхъ нельзя предсказать. Движенія солнца и луны, правильность которыхъ была замѣчена уже въ давнія времена и законы которыхъ уже послѣ Гиппарха, во II столѣтіи до Р. Х., были извѣстны настолько точно, что мѣсто каждаго свѣтила могло быть задолго предусмотрѣно для каждаго дня, были менѣе удобны для астрологическихъ цѣлей, чѣмъ, повидимому, скрытыя и не подчинявшіяся простымъ законамъ движенія планетъ. Дѣйствительно, ни одно изъ небесныхъ явленій не могло быть въ такой степени приспособлено къ задачамъ астрологіи, какъ эти движенія. Появленіе новой неподвижной звѣзды или большой кометы было, правда, болѣе поразительнымъ феноменомъ, чѣмъ спокойный ходъ планетъ, однако послѣднее можно было видѣть почти каждую ночь, и до открытія законовъ Коперника и Кеплера ихъ движенія были, повидимому, столь произвольны, столь мало подчинены опредѣленнымъ законамъ, что мысль о связи ихъ съ судьбами людей, также управляемыхъ случаемъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ законовъ, кажется какъ нельзя болѣе естественной. Именно, даже тотъ изъ астрономовъ древности, который положилъ всего болѣе труда для отысканія законовъ планетныхъ движеній, Птоломей, въ своей теоріи эпициклическаго движенія планетъ пришелъ къ такимъ сложнымъ построеніямъ для объясненія ихъ хода, что ему самому его система показалась мало вѣроятной. И онъ такъ мало былъ убѣжденъ въ томъ, что пружины сложныхъ движеній слѣдуетъ искать въ простыхъ законахъ, что онъ не избѣгъ заблужденія астрологіи. Эта ложная наука могла разрушиться только послѣ Коперника, Кеплера и Ньютона; только тогда астрологія потеряла всякій авторитетъ, такъ какъ не нужно уже было смотрѣть на небо, чтобы знать положеніе свѣтилъ, которое могло быть вычислено во всякое время по извѣстнымъ простымъ законамъ.

Однако остается еще много небесныхъ явленій, которыя не могутъ быть предсказаны и показываются совершенно неожиданно. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, появленіе большихъ кометъ, которыя уже потому всегда возбуждали вниманіе людей, что по своему виду такъ поразительно отличаются отъ всѣхъ другихъ небесныхъ тѣлъ.

Слабыя, такъ называемыя телескопическія кометы, которыя усматриваются лишь съ помощью сильныхъ телескоповъ, правда, немногимъ отличаются отъ извѣстнаго рода другихъ свѣтилъ, туманныхъ пятенъ; по большей части отличіе заключается лишь въ томъ, что кометы мѣняютъ свое мѣсто на небѣ, между тѣмъ какъ туманныя пятна, также какъ неподвижныя звѣзды, остаются на мѣстѣ. Такая комета кажется, по большей части,

тускло свѣтящимся эллиптическимъ дискомъ, менѣе свѣтлымъ къ срединѣ, чѣмъ по краямъ. Какъ только комета приближается на своемъ пути къ солнцу или землѣ, такъ наружный видъ ея измѣняется. Часть ея, преимущественно около того или другаго края, уклоняется и образуетъ такъ называемое ядро кометы; при еще большемъ приближеніи на сторонѣ, противоположной ядру, выступаетъ хвостообразное удлиненіе, которое постепенно, по мѣрѣ того какъ комета приближается къ солнцу и землѣ, становится больше и больше и при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ принять необычайные размѣры, чему можно указать многочисленные примѣры въ послѣднія десятилѣтія.

Длина хвоста бываетъ иногда громадной; такъ, у кометы 1861 года она доходила до 100 градусовъ. Но невсегда кометы съ такимъ длиннымъ хвостомъ бываютъ самыми яркими: напр., комета Донати, 1858 года, была не такъ велика, какъ комета, появившаяся послѣ нея черезъ три года, но значительно свѣтлѣе. О явленіяхъ кометъ можно сказать, вообще, что они весьма разнообразны. Множество разъ показывались кометы настолько свѣтлыя, что онѣ оставались замѣтными въ теченіе цѣлаго дня даже въ непосредственной близости солнца; послѣднею изъ такихъ яркихъ кометъ была комета 1882 г. Не только яркость, но и форма кометъ бываетъ различна: онѣ бываютъ изогнуты то въ одну, то въ обѣ стороны, иногда вытянуты по прямой линіи, иногда имѣютъ видъ пламени. Такъ, еще у древнихъ писателей мы находимъ различныя сравненія ихъ формъ съ извѣстными предметами: онѣ сравниваются съ метлами, жезлами, факелами, брусьями, мечами и т. п. Онѣ становятся провозвѣстниками различныхъ событій уже благодаря своей формѣ: онѣ возвѣщаютъ заразу, такъ какъ, подобно метлѣ, выметающей соръ, должны смести людей съ лица земли; ихъ сходство съ жезломъ или прутомъ означаетъ предстоящую кару за людскіе грѣхи; фигура меча есть символъ угрожающей войны Изъ всего этого легко заключить, что кометы невсегда предрекали несчастія, именно: при начинающихся войнахъ для одного народа онѣ были знаменіемъ пораженія, а для другаго— побѣды; дѣйствительно, мы видимъ нерѣдко, что нѣкоторые народы истолковывали появленіе кометы къ своей выгодѣ и къ невыгодѣ враговъ. О подобной счастливой кометѣ упоминаетъ Сенека, впрочемъ, въ довольно своеобразной формѣ: „Мы всѣ видѣли во время благословеннаго владычества Нерона комету, которая должна была уничтожить дурную славу этихъ свѣтилъ“.

Оставляя вліянія кометъ на человѣчество, какія въ нихъ видѣло суевѣріе, я обращаюсь къ тѣмъ вліяніямъ, которыя съ

нѣсколько большимъ основаніемъ усматривались въ нихъ. Покуда существовало убѣжденіе, что кометы происходятъ въ земной атмосферѣ, можно было справедливо заключать, что выдѣленіе такихъ колоссальныхъ тѣлъ производитъ измѣненіе въ воздухѣ и оказываетъ вліяніе на здоровье людей и животныхъ и на произрастаніе растеній. Расширеніе нашихъ свѣдѣній о кометахъ показало затѣмъ, что онѣ не принадлежатъ нашей атмосферѣ, но блуждаютъ въ небесномъ пространствѣ и, повидимому, въ громадномъ числѣ, такъ какъ лишь небольшая часть ихъ попадаетъ въ область нашего зрѣнія. Но тогда возникли новыя опасенія. Всѣ планеты двигаются по орбитамъ, немногимъ отличающимся отъ круга, и ихъ разстоянія отъ солнца таковы, что ни одна изъ нихъ не можетъ когда либо столкнуться съ землей. Нельзя того же сказать о кометахъ, разстояніе которыхъ отъ солнца въ различныхъ частяхъ ихъ пути весьма различно. Комета 1680 г. приближалась къ поверхности солнца почти на 32.000 географ. миль, т. е. на разстояніе, равное почти $^6/_{10}$ средняго разстоянія луны отъ земли. Въ то же время большинство кометъ опять отдаляется отъ солнца на неизмѣримыя разстоянія. Многія изъ нихъ перерѣзываютъ орбиту земли, и потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что можетъ произойти столкновеніе земли съ какой либо кометой. Еще легче, чѣмъ головой, комета можетъ задѣть землю своимъ хвостомъ; этому благопріятствуетъ громадная величина многихъ планетъ. Хвостъ кометы 1680 г. былъ длиною въ 25,000.000 геогр. миль, другая комета, 1811 г., имѣла хвостъ длиною въ 30,000.000 миль, а комета 1843 г.—въ 40,000.000 миль, длина, превосходящая вдвое разстояніе земли отъ солнца. Поэтому случайное столкновеніе земли съ какою либо частью такой кометы легко могло бы произойти.

Опасность, которая можетъ угрожать землѣ при значительномъ приближеніи кометы, зависитъ, очевидно, отъ физическаго состава кометы. Эта опасность можетъ быть различнаго рода. Во-первыхъ, масса кометы можетъ быть настолько велика, что она своимъ притяженіемъ отклонитъ землю отъ ея пути и даже, при стеченіи несчастныхъ условій, можетъ заставить землю упасть прямо на солнце. Къ счастію, подобной опасности быть не можетъ вслѣдствіе весьма незначительной массы кометъ. Одною изъ кометъ, которая до сихъ поръ всего ближе подходила къ землѣ, была комета Лекселя 1770 г.; ея кратчайшее разстояніе отъ земли было 300.000 геогр. миль, т. е. почти въ шесть разъ болѣе разстоянія луны отъ земли; при этомъ дѣйствіе земли на комету было такъ сильно, что время обращенія послѣдней потерпѣло измѣненіе въ теченіе двухъ дней. Но притяженіе, оказываемое кометою на землю, должно подѣйствовать также

измѣняющимъ образомъ на движеніе земли и на продолжительность года. Легко вычислить, что, еслибы масса кометы была равна массѣ земли, длина года измѣнилась бы на 2 часа 53 минуты. Однако, на самомъ дѣлѣ, она не измѣнилась даже на двѣ секунды: это даетъ право заключить, что масса кометы не достигаетъ даже $^1/_{5.000}$ части массы земли. Та же комета имѣла первоначально времяобращеніе въ $48^1/_2$ лѣтъ. Въ 1767 г. она приблизилась настолько къ Юпитеру, что прошла черезъ систему спутниковъ этой планеты, не вызвавъ среди нихъ никакого замѣтнаго возмущенія. Напротивъ, орбита кометы значительно измѣнилась; времяобращенія ея стало въ $5^1/_2$ лѣтъ. Въ 1779 г. она опять встрѣтилась съ Юпитеромъ и опять прошла черезъ систему его спутниковъ, не вызвавъ никакого возмущенія, но ея путь вновь значительно измѣнился, такъ что времяобращеніе ея возросло до 16 лѣтъ, и кратчайшее разстояніе ея отъ солнца стало въ три раза болѣе, чѣмъ разстояніе между солнцемъ и землею; поэтому мы не можемъ уже надѣяться когда либо увидѣть ее.

Даже и въ томъ случаѣ, когда масса кометы такъ мала, что нечего бояться отклоненія земли съ ея орбиты, столкновеніе кометы съ землею все еще можетъ угрожать непріятными послѣдствіями. Именно, если комета состоитъ изъ твердыхъ частицъ, толчокъ можетъ оказать усиленное дѣйствіе на землю; съ другой стороны, комета можетъ состоять изъ ядовитыхъ газообразныхъ веществъ, смѣшеніе которыхъ съ атмосферой грозитъ большой опасностью для здоровья. Слѣдовательно, пока мы не знаемъ физическаго состава кометъ, мы не можемъ не опасаться столкновенія съ ними.

Къ этому вопросу я вернусь далѣе, а теперь обращусь къ разсмотрѣнію путей кометъ. Въ силу закона инерціи, тѣло, на которое не дѣйствуютъ постороннія силы и о которомъ мы предполагаемъ, что оно находится внѣ силы притяженія другихъ тѣлъ, такое тѣло двигается въ міровомъ пространствѣ по прямой линіи и съ одинаковою скоростью. Сама по себѣ всякая скорость имѣетъ одинаковую вѣроятность; слѣдовательно, она можетъ быть и равна нулю, т. е. тѣло можетъ оставаться неподвижнымъ въ пространствѣ; однако вѣроятность такого особаго случая скорости очевидно весьма мала, также какъ мала вѣроятность всякаго другаго особаго случая, напр., движенія съ такою же точно скоростью, съ какою движется солнце. Но если какая нибудь сила дѣйствуетъ на тѣло, равномѣрность его движенія прекращается. Если эта сила — сила притяженія и исходитъ отъ какой либо одной точки, напр., отъ центра солнца, то тѣло должно двигаться около этой точки по тому или другому изъ коническихъ сѣченій, и длина большой оси этого ко-

ническаго сѣченія находится въ непосредственной связи съ тангенціальной скоростью, которую тѣло имѣетъ въ любой точкѣ своего пути. Представимъ себѣ, что въ міровомъ пространствѣ распредѣлено произвольно большое число тѣлъ, которыя первоначально двигались по прямой линіи во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; тогда многія изъ этихъ тѣлъ съ теченіемъ времени, въ силу своего собственнаго движенія и движенія солнца въ міровомъ пространствѣ, приблизятся къ солнцу и будутъ притягиваться имъ. Мы можемъ вычислить, насколько велика вѣроятность, чтобы такое тѣло двигалось около солнца по гиперболѣ, по параболѣ или по другому коническому сѣченію. Въ результатѣ выходитъ, что при сдѣланномъ нами предположеніи ни одно тѣло не можетъ обращаться вокругъ солнца по замкнутой кривой, т. е. по кругу или по эллипсу, и что лишь немногія двигаются вокругъ солнца по параболѣ, а огромное большинство движется по гиперболѣ.

Если наше предположеніе справедливо, наблюденіе движенія небесныхъ тѣлъ должно дать тотъ же результатъ. Между тѣмъ мы находимъ, что всѣ планеты совершаютъ свои движенія кругомъ солнца по эллипсамъ, мало уклоняющимся отъ круга; мы находимъ далѣе, что значительное большинство кометъ описываетъ орбиты, которыя, насколько мы ихъ можемъ опредѣлить, вовсе не уклоняются отъ параболы, что движеніе сравнительно небольшаго числа происходитъ по вытянутымъ эллипсамъ, и что еще меньшее число двигается по гиперболѣ. Отсюда слѣдуетъ, что наше предположеніе непригодно для этихъ обоихъ родовъ міровыхъ тѣлъ, и что относительно ихъ должны господствовать другія условія, которыя дѣйствовали опредѣляющимъ образомъ на форму ихъ путей. Самое простое и достовѣрное объясненіе состоитъ въ томъ, что какъ планеты, такъ и кометы съ самаго начала были членами солнечной системы. Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ канто-лапласовская гипотеза говоритъ о томъ, что планеты отдѣлились отъ солнца. Названная гипотеза находитъ значительное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ планеты и ихъ спутники двигаются по орбитамъ, весьма мало наклоненнымъ къ плоскости солнечнаго экватора, а также и въ полномъ совпаденіи направленія ихъ движеній. Отсюда можно заключить съ достаточной вѣроятностью, что солнце въ то время, когда планеты отдѣлились отъ него, вращалось уже около своей оси въ томъ же направленіи, какъ и теперь. Скорость его вращенія несомнѣнно оставалась непостоянной, но, вѣроятно, возрастала съ теченіемъ времени; поэтому мы можемъ представить себѣ такое время, когда вращеніе было еще незначительно и незамѣтно, между тѣмъ какъ независимыя движенія отдѣльныхъ частей солнечнаго тѣла

происходили въ значительно большемъ масштабѣ, чѣмъ въ настоящее время.

Сравнивая орбиты извѣстныхъ до сихъ поръ кометъ, мы не находимъ вообще никакого совпаденія въ плоскостяхъ орбитъ и направленіяхъ движенія, что̀ замѣчается у планетъ; отсюда мы можемъ заключить, что если кометы также всегда были членами солнечной системы, онѣ отдѣлились отъ тѣла солнца въ такое время, когда еще не было замѣтнаго движенія его около оси, по крайней мѣрѣ, на его поверхности. Въ томъ, что кометы — члены солнечной системы, насъ убѣждаетъ ихъ параболическое движеніе. Именно, если тѣло двигается вокругъ солнца по параболѣ, оно достигаетъ наибольшей скорости въ той точкѣ, въ которой оно ближе къ солнцу. Какъ скоро оно прошло черезъ эту точку, скорость его послѣдовательно уменьшается и приближается болѣе и болѣе къ нулю, какъ къ своему предѣлу. Поэтому послѣ весьма долгаго времени его движеніе станетъ незамѣтно малымъ. Наоборотъ, скорость движенія тѣла, прежде чѣмъ оно достигнетъ наибольшаго приближенія къ солнцу, послѣдовательно возрастаетъ и за весьма долгое время передъ тѣмъ точно также была близка къ нулю. Я говорю здѣсь не объ абсолютномъ движеніи тѣла въ пространствѣ, а объ относительномъ движеніи его къ солнцу; отсюда слѣдуетъ, что только что упомянутый случай предѣла означаетъ не неподвижность въ пространствѣ, а движеніе, происходящее параллельно движенію солнца и имѣющее равную ему скорость. Огромное большинство кометъ, доступныхъ нашему наблюденію, въ прежнія времена двигалось почти по прямой линіи и параллельно движенію солнца. Такая равномѣрность движенія указываетъ съ еще большею вѣроятностью на прежнюю связь планетъ съ солнцемъ. Если относительно небольшая часть кометъ движется по эллипсамъ и гиперболамъ, то это нисколько не доказываетъ, чтобы ихъ первоначальное движеніе было инымъ, чѣмъ движеніе большинства другихъ кометъ; вполнѣ возможно, что онѣ при вступленіи въ область планетной системы были отклонены отъ своего пути тѣмъ или другимъ изъ этихъ міровыхъ тѣлъ.

Пока я оставляю кометы и обращаюсь къ небеснымъ явленіямъ, повидимому, совершенно инаго рода, а именно къ падающимъ звѣздамъ.

Въ каждую ясную звѣздную ночь можно видѣть среднимъ числомъ четыре или пять разъ въ часъ, какъ эти оригинальныя, звѣздообразныя тѣла пролетаютъ вдоль по небу то съ незначительнымъ блескомъ, тотчасъ же исчезая безслѣдно, то съ замѣтною яркостью, оставляя иногда минутную, а иногда продолжительную свѣтящуюся линію, какъ медленно исчезающій слѣдъ ихъ пути. Въ нѣкоторыя ночи, именно ежегодно около 10 ав-

густа и 13 ноября, число ежечасно появляющихся падающихъ звѣздъ значительно возрастаетъ, и въ эти дни ихъ можно ожидать каждый часъ отъ 13 до 15. Иногда число падающихъ звѣздъ можетъ необычайно увеличиваться; такъ, въ ночь съ 12 на 13 ноября 1833 г. въ теченіе десяти часовъ ихъ было замѣчено до 240.000, что̀ даетъ въ среднемъ по 27.000 на каждый часъ. Въ ночь съ 13 на 14 ноября 1866 г. въ одинъ часъ ихъ было усмотрѣно до 11.000, 27 ноября 1872 г. въ теченіе такого же времени — 18.000, т. е. по пяти въ каждую секунду, 27 ноября 1885 г. около 8.000 въ часъ, и всѣ эти числа относятся къ падающимъ звѣздамъ, видѣннымъ не въ телескопъ, а невооруженнымъ глазомъ.

Такія явленія естественно должны были во всѣ времена привлекать къ себѣ особенное вниманіе; начиная съ 644 г. д. Р. Хр., эпохи второй мессинской войны, когда въ китайскихъ лѣтописяхъ было сообщено, что однажды ночью произошелъ звѣздный дождь, мы имѣемъ многія извѣстія о подобныхъ явленіяхъ. Отчасти эти описанія слишкомъ кратки, но характерны. Такъ, въ одномъ древне-индѣйскомъ стихотвореніи говорится, что „видѣли, какъ съ неба падали свѣтильники, какъ огни, окруженные пламенемъ, и звѣзды тысячами ниспадали съ небеснаго свода“. Далѣе мы читаемъ, что 25 апрѣля 1095 г. „безчисленные взоры видѣли во Франціи, какъ звѣзды падали съ неба плотно, подобно граду“, и это событіе было признано за предвѣщаніе крестовыхъ походовъ. Потоки падающихъ звѣздъ часто сравниваются съ снѣжными хлопьями, ракетами и т. п.

Въ ночь съ 11 на 12 ноября 1799 года, около $3^1/_2$ часовъ утра, Гумбольдтъ и Бонпланъ наблюдали въ Куманѣ, въ Южной Америкѣ, въ теченіе четырехъ часовъ цѣлыя тысячи падающихъ звѣздъ. Бонпланъ, первый замѣтившій это явленіе, увѣрялъ, что уже въ самомъ началѣ его на небѣ нельзя было найти пространства величиною равнаго тремъ луннымъ діаметрамъ, которое каждое мгновеніе ни кишѣло бы падающими звѣздами. Жители Куманы, которые еще въ четвертомъ часу утра вышли изъ дому къ ранней обѣднѣ, были приведены этимъ явленіемъ въ величайшій ужасъ; старѣйшіе изъ нихъ припоминали, что большому землетрясенію 1766 г., т. е. за 33 года передъ тѣмъ, предшествовало подобное же явленіе.

Такой же потокъ падающихъ звѣздъ наблюдался во французской Гвіанѣ, „гдѣ небо на сѣверѣ казалось какъ бы въ пламени. Въ теченіе полутора часовъ безчисленныя падающія звѣзды проносились по небу и распространяли такой сильный свѣтъ, что метеоры можно было сравнить со снопами искръ, разсыпающихся при фейерверкѣ“. Астрономъ Соединенныхъ Штатовъ Эллиготъ, находившійся на кораблѣ въ проливѣ Багамскихъ

острововъ, видѣлъ, какъ онъ говоритъ, все небо, усыпанное метеорами, точно звѣздами; они пролетали по всѣмъ направленіямъ; многіе, казалось, падали вертикально, и каждую минуту можно было думать, что они упадутъ на корабль. Въ Наинѣ и Гоффенталѣ, въ Лабрадорѣ, въ Лихтенау, въ Новомъ Гернгутѣ, въ Гренландіи эскимосы пришли въ ужасъ отъ громаднаго количества метеоровъ, которые въ сумерки падали по всѣмъ сторонамъ неба. Послѣ 1799 г. долгое время не замѣчалось особенно обильнаго потока падающихъ звѣздъ, но было замѣчено, что ежегодно 12 и 13 ноября ихъ появлялось болѣе, чѣмъ обыкновенно, и благодаря тому было впервые обращено вниманіе на періодичность этого явленія. Въ 1831 г., т. е. черезъ 32 года послѣ наблюденія Гумбольдта въ Куманѣ, 13 ноября, рано утромъ, было опять замѣчено усиленіе количества падающихъ звѣздъ, доходившее среднимъ числомъ до двухъ въ минуту. Черезъ годъ, въ ночь съ 12 на 13 ноября 1832 года, опять наблюдалось усиленное паденіе метеоровъ, а въ 1833 г. упало въ ночь того же числа уже упомянутое громадное количество, достигавшее до 240.000 падающихъ звѣздъ въ одну ночь. Тогда было обращено вниманіе еще на одно особое явленіе.

Именно: многіе метеоры, которые, повидимому, перекрещивали небо во всѣхъ направленіяхъ, выказывали въ одномъ отношеніи замѣчательную связь: ихъ пути, казавшіеся за немногими исключеніями прямолинейными, будучи мысленно продолжены, встрѣчались всѣ въ одной и той же точкѣ неба по близости звѣзды Гамма въ созвѣздіи Большаго Льва; этотъ такъ наз. радіальный пунктъ падающихъ звѣздъ оставался въ теченіе всей ночи на томъ же мѣстѣ вблизи названной звѣзды, т. е. онъ принималъ участіе въ видимомъ суточномъ движеніи неподвижной звѣзды или, другими словами, не имѣлъ отношенія къ вращенію земли около ея оси. Это обстоятельство ясно показало, что падающія звѣзды происходятъ не въ земной атмосферѣ, причемъ онѣ должны были бы принимать участіе во вращеніи земли; слѣдовательно, онѣ должны быть космическаго происхожденія и попадать въ нашу атмосферу изъ окружающаго ее міроваго пространства. Допуская, что всѣ падающія звѣзды, принадлежащія къ потоку ихъ, летѣли къ землѣ параллельно по направленію, обозначенному звѣздою Гамма Большаго Льва, наблюдатель именно долженъ былъ видѣть явленіе такъ, какъ мы его описывали, т. е. кажущееся расхожденіе путей по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, и въ то же время пересѣченіе ихъ на мысленномъ продолженіи линіи ихъ начальнаго пункта съ упомянутой неподвижной звѣздой.

Я сопоставляю здѣсь все, что можно было вывести изъ наблюденій надъ падающими звѣздами до 1833 года.

Такъ какъ падающія звѣзды, какъ теперь уже несомнѣнно извѣстно, попадали въ нашу атмосферу извнѣ, т. е. были тѣлами, двигавшимися въ міровомъ пространствѣ независимо отъ земли, то отсюда слѣдовало заключить, что онѣ находились въ области силы солнечнаго притяженія, что онѣ, подобно планетамъ и кометамъ, должны были двигаться вокругъ солнца по какому либо изъ коническихъ сѣченій. Далѣе, такъ какъ земля въ извѣстные дни года или, принимая во вниманіе ноябрьскій потокъ, всегда между 12 и 14 ноября встрѣчается съ особенно большимъ количествомъ падающихъ звѣздъ, которыя всѣ имѣютъ одну и ту же точку радіаціи, то отсюда должно заключить, что коническое сѣченіе, по которому падающія звѣзды двигаются въ небесномъ пространствѣ, перерѣзываетъ орбиту земли въ той части, гдѣ земля находится между 12 и 14 ноября.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ возможно было также заключить, что падающія звѣзды двигаются по коническому сѣченію, но по какому именно — нельзя еще было сказать опредѣленно. Однако здѣсь возможно уже было допустить нѣкоторую догадку. Я упоминалъ выше, что въ 1766 г., затѣмъ въ 1799 г. и, наконецъ, въ 1832 и 1833 гг. было наблюдаемо особенно сильное паденіе звѣздъ, что̀, повидимому, указывало на періодъ въ 33—34 года, протекающій между случаями особенно сильнаго паденія ихъ. Допуская такую періодичность, Ольберсъ рѣшился первый предсказать появленіе сильнаго потока падающихъ звѣздъ въ ноябрѣ 1867 г., что̀ и произошло дѣйствительно съ чрезвычайной силой, хотя и годомъ ранѣе, въ ночь съ 13 на 14 ноября 1866 г. Съ того времени нельзя уже было сомнѣваться въ 33—34-лѣтнемъ періодѣ, и отсюда можно было вывести новыя важныя заключенія.

Именно, если земля въ извѣстныхъ, всегда одинаковыхъ промежуткахъ времени, при прохожденіи черезъ орбиту падающихъ звѣздъ, всегда наталкивается на особенно сильный потокъ этихъ послѣднихъ, то весьма вѣроятно, что она всегда встрѣчаетъ одинъ и тотъ же потокъ. Если это дѣйствительно такъ, то орбита падающихъ звѣздъ не можетъ быть ни гиперболой, ни параболой, такъ какъ тогда потокъ никогда не могъ бы вернуться къ той же точкѣ своего пути; слѣдовательно, орбита должна быть замкнутою кривою. Кромѣ гиперболы и параболы, изъ коническихъ сѣченій остаются только эллипсъ и кругъ; по различнымъ причинамъ мысль о кругѣ должна быть оставлена, и поэтому возможно только допущеніе, что падающія звѣзды ноябрьскаго періода двигаются вокругъ солнца по эллипсу, и время обращенія каждой звѣзды, принимая во вниманіе наиболѣе усиленное появленіе ихъ, будетъ 33¼ года

Итакъ, падающія звѣзды ноябрьскаго періода движутся по

эллиптическому кольцу около солнца. На каждой точкѣ этого кольца находится большое число падающихъ звѣздъ; на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ точкахъ, напротивъ, находятся болѣе сильныя скопленія, и съ однимъ изъ нихъ земля встрѣчается приблизительно каждые 33 года. Мы уже можемъ теперь изъ положенія точки радіаціи и времени обращенія точнѣе опредѣлить величину, форму и положеніе эллипса; такимъ образомъ было найдено, что орбита ноябрьскихъ падающихъ звѣздъ въ наибольшемъ приближеніи къ солнцу отстаетъ отъ него на 20.000 геогр. миль, а въ наибольшемъ отдаленіи — на 394,000.000 миль; другими словами, при наибольшемъ приближеніи разстояніе солнца отъ нея равно разстоянію его отъ земли, а при наибольшемъ удаленіи — отъ Урана.

Я уже упоминалъ, что кромѣ 12—14 ноября и въ другіе дни года можно наблюдать падающія звѣзды въ количествѣ бо́льшемъ ихъ обычнаго средняго появленія. Во многихъ изъ этихъ случаевъ возможно установить опредѣленную точку радіаціи и такимъ способомъ опредѣлить орбиту падающихъ звѣздъ; въ другіе дни, напр. 10 августа, земля, напротивъ, встрѣчается одновременно съ нѣсколькими потоками падающихъ звѣздъ, о чемъ можно заключить изъ того обстоятельства, что падающія звѣзды имѣютъ нѣсколько точекъ радіаціи. Вообще всѣ орбиты потока падающихъ звѣздъ нельзя представлять себѣ въ видѣ эллипса: подобно тому какъ у кометъ, онѣ близки къ параболѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ поразительное сходство между кометами и потоками падающихъ звѣздъ; тѣ и другіе движутся въ отдѣльныхъ случаяхъ по относительно небольшимъ эллипсамъ вокругъ солнца; въ большинствѣ же случаевъ ихъ орбита настолько вытянута, что незначительно отличается отъ параболы.

Тотъ и другой рядъ міровыхъ тѣлъ имѣетъ еще болѣе тѣсную связь, какъ это было указано Скіапарелли въ 1866 году; именно онъ указалъ, что одинъ изъ потоковъ метеоровъ 10 августа двигался въ пространствѣ по тому же пути, какъ и третья комета 1862 г. Случайно въ концѣ 1865 г. была открыта комета, относительно которой наблюденія скоро выяснили, что она двигается не по параболѣ.

Съ различныхъ сторонъ были вычислены движенія по эллипсу, причемъ оказалось, что комета имѣетъ времяобращеніе немногимъ болѣе 33-хъ лѣтъ. Когда въ ноябрѣ 1866 г. былъ наблюдаемъ усиленный потокъ падающихъ звѣздъ, для него были также вычислены эллиптическія орбиты, которыя, какъ я уже говорилъ, имѣли времяобращеніе немногимъ болѣе 33-хъ лѣтъ. Многимъ бросилась въ глаза эта одинаковость времени обращенія; отсюда легко было сдѣлать дальнѣйшій шагъ и сравнить прочіе элементы орбитъ обоихъ явленій; тогда оказалось, что

всѣ элементы орбитъ кометы и ноябрьскаго потока падающихъ звѣздъ также были вполнѣ равны между собой, откуда слѣдовало, что комета двигается вокругъ солнца по эллиптическому кольцу падающихъ звѣздъ съ той же скоростью, какъ и эти послѣднія. Оба эти поразительныя явленія должны были послужить стимуломъ къ отыскиванію подобныхъ же сходственныхъ чертъ, и на самомъ дѣлѣ почти въ каждомъ періодическомъ потокѣ падающихъ звѣздъ оказывалась связь съ какой либо кометой.

Опредѣленіе этого сходства между кометами и падающими звѣздами должно было повести къ вопросу — образовался ли потокъ падающихъ звѣздъ изъ кометъ, или же комета составляетъ лишь часть кольца падающихъ звѣздъ, быть можетъ, лишь усиленное скопленіе ихъ, подобно потоку 13 ноября? По этому вопросу воззрѣнія раздѣлились, хотя въ настоящее время по первоначальнымъ изслѣдованіямъ Скіапарелли нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что первое воззрѣніе ближе къ истинѣ, именно, что потокъ падающихъ звѣздъ образовался изъ кометы.

Остается еще вопросъ, были ли наблюдаемы въ кометахъ явленія, позволяющія допустить появленіе подобныхъ тѣлъ въ ея орбитѣ? Я уже упоминалъ выше, что кометы значительно измѣняются въ своемъ наружномъ видѣ, когда приближаются къ землѣ или къ солнцу. Но я долженъ указать различіе между этими двумя случаями. Когда комета приближается къ землѣ, она должна, какъ всякій приближающійся къ намъ предметъ, видимо увеличиться, хотя въ дѣйствительности увеличенія не происходитъ. Въ то же время и наружный видъ ея можетъ измѣниться: болѣе слабыя части, невидимыя при большомъ отдаленіи, при бо̀льшей близости выступаютъ яснѣе; ядро, обыкновенно весьма небольшое, при бо̀льшемъ отдаленіи можетъ явиться подъ такимъ малымъ угломъ, что его видѣть уже нельзя, — однимъ словомъ, всѣ явленія, какія я уже описывалъ, говоря объ образованіи хвоста, могутъ имѣть мѣсто, когда комета приближается къ землѣ, а не къ солнцу, причемъ не надо забывать, что всѣ эти явленія только кажущіяся.

Иное мы замѣчаемъ, когда комета приближается къ солнцу, будучи въ то же время удалена отъ земли. И въ этомъ случаѣ также происходитъ увеличеніе кометы, что̀ для насъ особенно важно, такъ какъ оно не только кажущееся, но и дѣйствительное. Наружный видъ кометы также измѣняется, именно при бо̀льшемъ приближеніи къ солнцу она сама становится значительно свѣтлѣе, и хвостъ ея длиннѣе. Слѣдовательно, при ея приближеніи къ солнцу въ кометѣ наступаютъ физическія измѣненія, которыя мы можемъ наблюдать. Очевидно, наиболѣе благопріятныя условія для наблюденія бываютъ тогда, когда комета не слишкомъ удалена и отъ солнца, и отъ земли.

Въ теченіе прошлаго и настоящаго столѣтій было наблюдаемо большое число яркихъ кометъ; онѣ представляли въ своемъ появленіи и нѣкоторыхъ частностяхъ многія различія, но въ общемъ всѣ имѣли большое сходство между собой. Отъ ядра кометы въ собственномъ смыслѣ слова, которое никогда не бываетъ рѣзко обозначено и почти сглажено у края, истекаетъ по направленію къ солнцу свѣтовая матерія, по большей части въ видѣ вѣера; отдалившись на нѣкоторое разстояніе отъ кометы, она обращается въ сторону и затѣмъ, повидимому, отталкиваемая солнцемъ, проходитъ мимо ядра кометы и теряется въ ея хвостѣ. Чѣмъ ближе комета къ солнцу, тѣмъ сильнѣе обозначается это явленіе. Истеченіе не всегда происходитъ по направленію къ солнцу: оно отклоняется то въ одну, то въ другую сторону, переходитъ въ колебательное движеніе и перемѣщается иногда съ необыкновенной быстротой; такъ, Бессель видѣлъ въ кометѣ Галлея 1835 г., какъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ направленіе истеченія перемѣстилось на 36 градусовъ.

Давно уже признано, что эти своеобразные процессы въ кометахъ не могутъ быть объяснены однимъ лишь ньютоновскимъ закономъ тяготѣнія, что здѣсь должны обнаруживаться и другія силы, именно въ данномъ случаѣ извѣстную роль должно играть электричество. Чѣмъ вызываются электрическіе процессы въ кометахъ — мы еще ничего не знаемъ съ точностью; вѣроятно, причиною ихъ служитъ солнечная теплота, которая, быть можетъ, на сторонѣ кометнаго ядра, обращеннаго къ солнцу, производитъ нѣчто въ родѣ процесса кипѣнія. Изъ сходства наружнаго вида самыхъ большихъ кометъ несомнѣнно слѣдуетъ, что солнце оказываетъ на извѣстныя части кометъ отталкивающее дѣйствіе. Если по какой бы то ни было причинѣ части кометнаго ядра будутъ отброшены, онѣ должны при отталкивающемъ дѣйствіи солнца описывать гиперболическую орбиту, въ одномъ изъ фокусовъ которой, лежащемъ на выпуклой сторонѣ орбиты, находится солнце. Чѣмъ болѣе отталкивающая сила солнца, чѣмъ ближе будутъ другъ къ другу орбиты различныхъ тѣлъ, и тѣмъ уже будетъ казаться хвостъ.

Проф. Бредихинъ показалъ, что можно признать три типа кометныхъ хвостовъ: 1) очень длинный и узкій, 2) болѣе широкій перистый и 3) очень широкій и короткій. Иногда у одной и той же кометы бываетъ нѣсколько хвостовъ различныхъ типовъ.

Изъ формы хвоста можно заключить о величинѣ силы отталкиванія, которое оказываетъ солнце на вещества, находящіяся въ кометахъ. Если мы признаемъ, по изслѣдованіямъ Цёльнера, что эти отталкивающія силы находятся въ обратномъ отношеніи къ атомнымъ вѣсамъ веществъ, заключающихся въ хвостахъ

кометъ, тогда мы найдемъ, что три различные типа хвостовъ могутъ произойти, если вещества, изъ которыхъ они образуются, будутъ водородъ, углеводородъ и желѣзо. На самомъ дѣлѣ присутствіе углеводорода указывается почти во всѣхъ кометахъ съ помощью спектроскопа.

Такимъ образомъ электрическое дѣйствіе солнца, повидимому, ведетъ къ тому, что съ теченіемъ времени масса кометы уменьшается и распадается.

Но распаденіе ея должно вызываться уже и тяготѣніемъ, когда комета состоитъ изъ многихъ тѣлъ незначительной массы. Въ силу притяженія, какое солнце и луна оказываютъ на землю, какъ извѣстно, возникаютъ приливъ и отливъ. Притяженіе дѣйствуетъ сильнѣе на ту часть земной поверхности, которая ближе къ притягивающему тѣлу, чѣмъ на центръ земли, а на этотъ послѣдній — сильнѣе, чѣмъ на часть земли еще болѣе отдаленную. Отсюда происходитъ поднятіе моря по направленію къ лунѣ и солнцу; это поднятіе слѣдовало бы вполнѣ правильно за движеніемъ солнца и луны, еслибы вся поверхность земли была покрыта водою, и оно было бы еще значительнѣе, еслибы притягательная сила земли сама по себѣ не была достаточно велика. Послѣднимъ условіемъ поднятіе весьма ограничивается, такъ какъ земля съ большой силой притягиваетъ воду въ направленіи вертикальномъ своей поверхности.

Вліяніе притягательной силы солнца на кометы вызываетъ явленіе, подобное приливамъ на землѣ. И въ кометахъ также существуетъ обратное притяженіе отдѣльныхъ частей, какъ и на землѣ, но, вслѣдствіе крайне незначительной массы кометы, лишь въ относительно небольшой степени; когда комета очень близко подходитъ къ солнцу, притягательная сила послѣдняго можетъ ближе лежащія части кометы настолько увлечь отъ болѣе отдаленныхъ, что это разрушающее дѣйствіе возьметъ верхъ надъ противодѣйствующею силою отдѣльныхъ частей кометы. Вслѣдствіе того части кометы будутъ оторваны отъ ея цѣлаго и съ того времени начнутъ обращаться около солнца по своимъ орбитамъ, во всякомъ случаѣ весьма сходнымъ съ орбитами кометы. При большемъ отдаленіи кометы отъ солнца разрушающая сила его становится меньше и можетъ сдѣлаться даже вполнѣ незамѣтной; но у кометъ съ эллиптической орбитой всегда при возвращеніи къ солнцу нѣкоторыя части будутъ отрываться и въ концѣ всего должны будутъ наполнить всю орбиту и образовать эллиптическое кольцо вокругъ солнца.

Отъ описаннаго процесса можно перейти къ другому, который, быть можетъ, находится въ связи съ нимъ, а быть можетъ — и съ упомянутымъ выше электрическимъ дѣйствіемъ солнца, именно къ многократно наблюдавшемуся дѣленію кометы на

двѣ части. Это дѣленіе было особенно поразительно въ кометѣ Биелы въ 1846 г. Названная комета имѣла весьма краткое время обращенія, а именно $6^3/_4$ лѣтъ. Она и раньше часто наблюдалась и не представляла никакихъ особенностей, являясь блѣднымъ дискомъ безъ всякаго слѣда хвоста, съ тонкимъ ядромъ. Въ январѣ 1846 г. она раздѣлилась на двѣ кометы, которыя сперва держались близко одна отъ другой, затѣмъ все болѣе и болѣе отдалялись другъ отъ друга. Вначалѣ онѣ оставались видимо въ извѣстной связи между собою, такъ какъ то одна, то другая становилась ярче; нѣкоторымъ наблюдателямъ казалось даже, что обѣ кометы связаны общимъ свѣтовымъ веществомъ. Ближайшаго возвращенія кометы въ 1852 г. ожидали съ нетерпѣніемъ, и дѣйствительно показались опять обѣ кометы, которыя тѣмъ временемъ довольно далеко удалились одна отъ другой.

Дѣленіе кометы Бьелы представляется не единственнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ. Уже Сенека говоритъ о дѣленіи кометы на двѣ части. 26 февраля 1860 г. Лье, въ Олиндѣ, въ Бразиліи, открылъ комету, состоявшую изъ двухъ раздѣльныхъ туманностей. Кометы 1618 и 1652 гг. имѣли, согласно сообщеніямъ астрономовъ Венделина и Гефеля, нѣсколько ядеръ; подобныя же явленія были наблюдаемы у многихъ кометъ и въ новѣйшее время. Особенно замѣчательною въ этомъ отношеніи была вторая комета 1882 г. Дѣленіе ядра этой кометы на двѣ части было впервые замѣчено 5 октября на обсерваторіи въ Килѣ. 13 октября обнаружились три ядра, черезъ нѣсколько дней послѣ того — четыре и въ январѣ 1883 г. — пять ядеръ. Еще ранѣе того, 9 октября, Юлій Шмитъ, директоръ аѳинской обсерваторіи, открылъ, что на разстояніи немногихъ градусовъ отъ кометы находилось туманное образованіе, двигавшееся параллельно ядру кометы и исчезнувшее черезъ нѣсколько дней. 14 октября Барнертъ въ Нашванѣ нашелъ отъ 6 до 8 отдѣльныхъ туманныхъ массъ вблизи кометы, которыя также вскорѣ исчезли, а черезъ нѣсколько дней послѣ того Бруксъ въ Фельпсѣ замѣтилъ опять на другомъ мѣстѣ туманность, которая была видна короткое время. Все это несомнѣнно указываетъ, что отдѣльныя части отдѣлились отъ кометы и черезъ недолгое время вполнѣ распались.

Эти три рода процессовъ дѣленія кометъ, дѣйствіе полярныхъ силъ, вызывающихъ образованіе хвоста, и наконецъ разлагающая сила, дѣйствующая путемъ притяженія солнца, должны, повидимому, необходимо вести къ тому, чтобы кометы становились все незначительнѣе и слабѣе. Это можно сказать не о каждой кометѣ, и вообще пока возможно говорить лишь о кометахъ съ краткимъ временемъ обращенія. Относительно нѣко-

торыхъ процессъ уменьшенія несомнѣненъ. Такъ, напр., комета Галлея при своемъ приближеніи къ землѣ въ 1456 г., какъ разсказываютъ хроникеры, была ужасающей величины: ея хвостъ занималъ видимое протяженіе въ 60 градусовъ. При своихъ послѣдующихъ появленіяхъ въ 1531 и 1607 гг. она также была весьма велика, но потомъ, въ 1682, 1759 и 1835 гг., величина ея постепенно уменьшалась. Подобное же уменьшеніе предполагалось и для кометы Энке, имѣющей обращеніе въ 3 1/3 года; однако при новыхъ появленіяхъ она отчасти возвращала себѣ свою яркость. Увеличеніе яркости было впервые замѣчено директоромъ Францомъ на кенигсбергской обсерваторіи. Съ другой стороны, нѣкоторыя кометы съ короткимъ временемъ обращенія уже болѣе не усматривались вновь, придя, повидимому, къ полному распаденію; здѣсь опять слѣдуетъ назвать комету Бьелы.

Именно эта комета послѣ своего появленія въ 1852 г. не была уже вновь найдена, несмотря на самые тщательные поиски съ помощью сильнѣйшихъ телескоповъ; поэтому возможно предположить, что за дѣленіемъ на двѣ части послѣдовало дальнѣйшее распаденіе ея. Это предположеніе подтвердилось въ 1872 году. Именно комета Бьелы, послѣ того какъ ея орбита была точно установлена, возбуждала большія опасенія, вслѣдствіе возможности столкновенія ея съ землею, такъ какъ ея путь въ одной точкѣ вполнѣ совпадаетъ съ земной орбитой. Согласно вычисленіямъ, эту точку комета должна была пройти въ первыхъ числахъ сентября 1872 г.; земля прошла черезъ эту точку 27 ноября. Если комета уже вполнѣ распалась, то вблизи ея недавняго стоянія должно было оказаться значительное скопленіе падающихъ звѣздъ, и было весьма вѣроятно, что въ послѣднихъ числахъ ноября земля, пробѣгая черезъ орбиту кометы, должна была принять на себя часть кометной массы. Это событіе произошло въ дѣйствительности. Вечеромъ 27 ноября, еще во время сумерокъ, многихъ наблюдателей поразило большое количество падающихъ звѣздъ; число ихъ быстро возрастало, пока не дошло до 18.000 въ часъ, т. е. значительно болѣе, чѣмъ 13 ноября 1866 г. Каждый изъ этихъ обоихъ случаевъ имѣлъ свою индивидуальную особенность; метеоры кометы 1866 г. были вообще больше и ярче, чѣмъ метеоры кометы Бьела; въ 1799 г. ихъ видимая величина отчасти значительно превосходила видимую величину луны, а метеоры Бьелы лишь въ видѣ исключенія достигали видимой величины и яркости Юпитера. Цвѣтъ тѣхъ и другихъ былъ также различенъ; метеоры 13 ноября были преимущественно зеленоватаго, а метеоры Бьелы—оранжеваго цвѣта. Первые оставляли за собой по большей части узкіе яркіе хвосты, а послѣдніе—широкіе, похожіе на дымъ.

Эти видимыя явленія позволяютъ предположить, что метеоры обѣихъ кометъ, а также и самыя кометы неоднородны по своему физическому и химическому составу. Узнать объ этомъ что либо болѣе точное довольно затруднительно. На самомъ дѣлѣ никогда, даже при самыхъ большихъ потокахъ падающихъ звѣздъ, не было доказано съ достовѣрностью, чтобы какая либо падающая звѣзда достигла поверхности земли; этимъ онѣ отличаются отъ огненныхъ шаровъ и метеоритовъ, которые уже своимъ ясно выраженнымъ гиперболическимъ движеніемъ обнаруживаютъ, что они существенно иной природы и не имѣютъ никакой связи съ солнечной системой. Громадная скорость, съ которою пролетаютъ падающія звѣзды и которая въ среднемъ доходитъ до 5 нѣмецкихъ миль въ секунду, производитъ при соприкосновеніи метеоровъ съ земной атмосферой такое сильное нагрѣваніе, что они загораются и улетучиваются, не оставляя, повидимому, никакого замѣтнаго осадка, что̀ служитъ указаніемъ существеннаго различія ихъ массы отъ массы метеоритовъ. Правда, въ спектральномъ анализѣ мы имѣемъ средство судить на дальнихъ разстояніяхъ о химическомъ составѣ небесныхъ тѣлъ, но этотъ способъ относительно падающихъ звѣздъ не привелъ до сихъ поръ ни къ какимъ цѣннымъ заключеніямъ. Главная трудность заключается здѣсь въ краткости времени, когда звѣзда бываетъ видима, и въ быстротѣ движенія, препятствующемъ всякому точному измѣренію.

Долгое время астрономы желали имѣть случай наблюдать прохожденіе кометы черезъ дискъ солнца, чтобы этимъ путемъ ознакомиться ближе съ составомъ ядра кометы. Вторая комета 1882 г., о которой мы уже нѣсколько разъ упоминали, неожиданно дала возможность исполниться этому желанію. При своемъ приближеніи къ солнцу эта комета получила такую яркость, что была видна даже въ ясные дни и могла быть отчетливо наблюдаема до самаго своего вступленія въ край солнца. Но какъ только ядро вступило на солнечный дискъ, оно совершенно исчезло и стало видимо вновь лишь послѣ своего прохожденія черезъ дискъ. Изъ этого поразительнаго явленія возможно заключить, что ядро кометы состоитъ изъ частей чрезвычайно незначительныхъ размѣровъ *).

Движеніе весьма малыхъ тѣлъ должно встрѣчать относи-

*) Въ 1826 г., въ то время когда по вычисленіямъ одна изъ кометъ должна была пройти черезъ солнечный дискъ, также не было получено никакихъ новыхъ результатовъ. Эта комета не была видна днемъ, и погода повсюду была весьма неблагопріятная; вслѣдствіе того отрицательный результатъ былъ отнесенъ къ неточности вычисленія, но онъ получилъ особый интересъ, когда оказался въ полномъ совпаденіи съ новѣйшими наблюденіями.

тельно большое сопротивленіе въ тонко раздѣленной матеріи, находящейся въ міровомъ пространствѣ. Какъ извѣстно, Энке въ движеніи кометы, названной его именемъ, видѣлъ дѣйствіе сопротивляющейся среды, однако новѣйшія изслѣдованія не подтвердили этого предположенія. Прежде всего сама комета Энке выказывала такое дѣйствіе не при каждомъ изъ своихъ обращеній; далѣе, въ движеніи другихъ кометъ не обнаруживалось подобнаго возмущенія. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что многія кометы близко подходили къ солнечной поверхности и попадали въ такія области, въ которыхъ при полныхъ солнечныхъ затменіяхъ видна такъ называемая солнечная корона, производящая впечатлѣніе распространенной солнечной атмосферы. Отъ этихъ областей комета Энке всегда была удалена, и поэтому мы должны предположить, что аномаліи въ ея движеніи, существованіе которыхъ несомнѣнно, вызываются не противодѣйствующей средой, а другими причинами.

Я перехожу къ заключенію. За 1800 лѣтъ до нашего времени Сенека писалъ въ одномъ естественно-научномъ разсужденіи: „Можемъ ли мы удивляться тому, что знаемъ такъ мало о кометахъ, появляющихся столь рѣдко? Мы не видимъ ни начала, ни конца ихъ путей, по которымъ онѣ спускаются къ намъ изъ неизмѣримыхъ разстояній. Не прошло еще 1500 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Греція сосчитала звѣзды и дала имъ имена. До сихъ поръ еще существуютъ народы, не знающіе причинъ лунныхъ затменій. Когда нибудь придетъ время, когда, благодаря вѣковой работѣ, разъяснится то, что теперь скрыто отъ насъ. Придетъ время, когда наши потомки будутъ удивляться, что мы не знали такихъ очевидныхъ вещей“.

Мы должны сознаться, что это время еще не пришло. Правда, со временъ Сенеки мы значительно подвинулись въ познаніи кометъ, но изученіе ихъ далеко еще нельзя считать законченнымъ. Безъ сомнѣнія, эти небесныя тѣла еще долгое время будутъ давать поводъ къ интереснымъ изслѣдованіямъ и, благодаря послѣднимъ, къ отысканію интересныхъ результатовъ.

ІИСУСЪ НАВИНЪ

Разсказъ изъ библейскихъ временъ

Георга Эберса

Продолженіе

XXIV

Государственные преступники, сосланные въ рудники, на этотъ разъ подвигались впередъ медленно. Ихъ опытный вожатый не помнилъ ни одного болѣе неудачнаго, болѣе обильнаго непріятностями, препятствіями и напастями странствованія по пустынѣ. Одинъ изъ его кротовъ, Эфраимъ, бѣжалъ, онъ лишился своихъ вѣрныхъ ищеекъ — собакъ, и послѣ того какъ его команда была напугана и промочена до костей непогодой, какія въ этой пустынной полосѣ случаются едва одинъ разъ въ пять лѣтъ, въ слѣдующій вечеръ разразилась другая, — та самая, что̀ послужила къ погибели войска фараона, — и эта послѣдняя была еще болѣе жестока и продолжительна. Буря задержала движеніе транспорта, и послѣ заключительнаго ливня нѣсколько арестантовъ и конвойныхъ заболѣли лихорадкой, вслѣдствіе ночлега на размокшей землѣ подъ открытымъ небомъ. Даже египетскіе ослы, непривыкшіе къ дождю, пострадали и самый лучшій изъ нихъ палъ на дорогѣ. Наконецъ пришлось закопать въ землю двухъ умершихъ арестантовъ, а троихъ тяжело захворавшихъ посадить на оставшихся ословъ, и припасы, которыми они были навьючены, взвалить на узниковъ. Подобныхъ невзгодъ не случалось съ вожатымъ еще ни разу въ теченіе его двадцатипятилѣтней дѣятельности, и онъ предвидѣлъ строгій выговоръ.

Все это дурно дѣйствовало на расположеніе духа этого человѣка, который въ другое время былъ извѣстенъ, какъ самый добросердечный изъ своихъ сослуживцевъ. Іисусъ Навинъ, товарищъ безсовѣстнаго мальчишки, къ бѣгству котораго присоединились всѣ остальныя непріятности, долженъ былъ тяжелѣе всѣхъ почувствовать его озлобленіе.

Можетъ быть, этотъ раздраженный человѣкъ относился бы къ нему мягче, еслибы Іисусъ Навинъ жаловался, какъ арестантъ, шедшій позади его, или разражался проклятіями, какъ его товарищъ по цѣпи, дѣлавшій намеки на имѣющія наступить времена, когда его свояченица будетъ стоять близко къ фараону и съумѣетъ найти тѣхъ, которые такъ дурно обращались съ ея родственникомъ.

Но Іоссія рѣшился все, что̀ бы ни дѣлали съ нимъ грубый начальникъ партіи и его помощники, переносить съ такимъ же спокойствіемъ, какъ онъ переносилъ солнечный зной, который съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ носить оружіе, мочилъ его въ неоднократныхъ его походахъ въ пустынѣ,— и его твердый, мужественный духъ помогъ ему остаться вѣрнымъ этому рѣшенію.

Когда начальникъ транспорта наваливалъ на него неслыханныя тяжести, онъ собиралъ всю великую силу своихъ мускуловъ и, пошатываясь, шелъ съ ними впередъ, не произнося ни одного звука неудовольствія, пока не подкашивались его колѣни. Но тогда вожатый кидался къ нему, снималъ съ его плечъ нѣсколько мѣшковъ и кричалъ, что онъ хорошо видитъ его злость: арестанту хочется умереть на дорогѣ, чтобы только надѣлать непріятностей ему, вожатому, но онъ не позволитъ съ собою шутить, когда дѣло идетъ о жизни людей, которые нужны на горныхъ заводахъ.

Одинъ разъ начальникъ транспорта нанесъ Іисусу Навину кровавую рану; но вслѣдъ затѣмъ онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы ее вылечить. Онъ давалъ ему вина для подкрѣпленія силъ и на полдня пріостановилъ путешествіе, чтобы дать Іисусу Навину отдохнуть.

Онъ не забылъ обѣщанія князя Сиптаха щедро наградить того, кто принесетъ ему извѣстіе о смерти этого узника, но оно-то именно и побудило честнаго вожатаго въ особенности заботиться о сохраненіи жизни Іисуса Навина, такъ какъ сознаніе, что онъ нарушилъ долгъ ради какой

нибудь выгоды, отравило бы его пищу и питье, и спокойный сонъ — его высшія блага.

Поэтому, хотя Іисусъ Навинъ и подвергался жестокостямъ, онѣ никогда не переходили за предѣлы, дальше которыхъ ихъ нельзя было переносить, и онъ съ удовольствіемъ употреблялъ свою большую силу для облегченія болѣе слабыхъ товарищей.

Онъ ввѣрилъ свою судьбу Богу, призывавшему его на свою службу; однако же онъ хорошо зналъ, что одной пассивной набожной вѣры для него недостаточно, — и потому и ночью, и днемъ думалъ о бѣгствѣ. Но цѣпь, соединявшая его съ другимъ товарищемъ по страданію, была крѣпко сколочена; притомъ ее тщательно осматривали каждое утро и каждый вечеръ, такъ что всякая попытка въ этомъ направленіи только ввергнула бы его въ еще болѣе тяжкое бѣдствіе.

Арестанты шли сначала по холмистой странѣ, затѣмъ — въ виду длинной цѣпи горъ и, наконецъ, достигли пустынной мѣстности, изъ каменистой почвы которой тамъ и сямъ подымались отдѣльные усѣченные конусы песчаника.

У одной большой горы, которую природа сложила, повидимому, изъ плоскихъ слоевъ камня, на пятый вечеръ сдѣланъ былъ привалъ; а когда поднялось солнце шестаго дня, партія арестантовъ повернула въ боковую долину, которая вела къ рудникамъ.

Въ первые дни ихъ обогналъ только посланецъ изъ казначейства царя, но на встрѣчу имъ попалось нѣсколько маленькихъ транспортовъ, которые везли въ Египетъ малахитъ, бирюзу и мѣдь, а также приготовлявшіеся изъ этого металла въ сосѣдствѣ рудниковъ зеленые сплавы стекла.

Въ числѣ тѣхъ, кого они встрѣтили при входѣ въ поперечную долину, куда они повернули въ послѣднее утро, была брачная чета, возвращавшаяся въ Египетъ, въ силу помилованія, дарованнаго ей царемъ.

Начальникъ партіи указалъ на эту чету арестантамъ, чтобы ободрить ихъ, но видъ ея произвелъ совершенно противоположное дѣйствіе, потому что всклоченные волосы мужа, едва переступившаго за предѣлы тридцатилѣтняго возраста, посѣдѣли, его высокая фигура была согнута и отличалась худобою, его голая спина была исполосована шрамами и кровавыми синебагровыми рубцами; а жена, раздѣлявшая

— Идите позади преступниковъ и убивайте каждаго, кто попытается убѣжать!

Но едва его подчиненные кинулись, чтобы занять мѣста позади партіи, Іисусъ Навинъ, который шелъ со своимъ товарищемъ впереди другихъ арестантовъ, сказалъ послѣднему: — На него!

Съ этими словами онъ напалъ на изумленнаго вожатаго и схватилъ его за правую руку, а товарищъ — за лѣвую, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ замѣтить ихъ движеніе.

Этотъ сильный человѣкъ, силу котораго удвоило бѣшенство, боролся съ ожесточеніемъ, чтобы вырваться, но Іисусъ Навинъ и его товарищъ крѣпко держали его, точно желѣзными пальцами.

Быстрый взглядъ показалъ бывшему военачальнику путь, который слѣдуетъ ему выбрать, чтобы присоединиться къ своимъ. Правда, на этомъ пути ему нужно было миновать маленькій отрядъ египетскихъ стрѣлковъ, изъ лука посылавшихъ свои стрѣлы противъ евреевъ, находившихся на противоположной стѣнѣ долины; но онъ едва ли рѣшился бы стрѣлять по немъ и по его товарищу, такъ какъ мощная фигура начальника арестантской партіи, котораго одежда и оружіе дѣлали его достаточно замѣтнымъ, скрывала ихъ обоихъ.

— Подними цѣпь правою рукою, прошепталъ воинъ своему товарищу: — а я буду держать нашъ живой щитъ. Мы должны взойти по горному скату рачьимъ ходомъ.

Его товарищъ повиновался. и когда они подошли къ непріятелю на разстояніе полета стрѣлы, то держали вожатаго впереди себя, подвигаясь то въ сторону, то назадъ, и Іисусъ Навинъ шагъ за шагомъ приближался къ еврейскимъ воинамъ съ далеко разносившимся крикомъ: »сынъ Нуна возвращается къ отцу и къ своему народу!«

Еще ни одинъ изъ египтянъ, знавшихъ начальника арестантской партіи, не рѣшился пустить стрѣлу въ узниковъ, когда со склона горы, по которому взбиралась, идя задомъ, пара вмѣстѣ скованныхъ узниковъ, раздались радостные крики, среди которыхъ звучало въ отвѣтъ воину его имя, и вслѣдъ затѣмъ Эфраимъ съ толпою молодыхъ бойцовъ сбѣжалъ съ возвышенности прямо къ нему.

Къ своему удивленію, Іисусъ Навинъ увидѣлъ въ рукахъ каждаго изъ этихъ сыновъ своего народа большой

щитъ египетскихъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, мечъ, или боевую сѣкиру. Но у многихъ были также прикрѣплены къ поясу и пастушескія пращи и мѣшки съ круглыми камнями.

Эфраимъ предводительствовалъ своими товарищами и, прежде чѣмъ привѣтствовать дядю, раздѣлилъ ихъ на два отряда, которые, подобно двойной стѣнѣ, выступили впередъ между Іисусомъ Навиномъ и непріятельскими стрѣлками.

Только теперь онъ предался радости свиданія; за его привѣтствіемъ послѣдовало другое, такъ какъ и старый Нунъ, подъ прикрытіемъ египетскихъ щитовъ, выброшенныхъ моремъ на землю, былъ приведенъ къ выдающемуся утесу, подъ защитою котораго сильныя руки расковали цѣпи Іисуса Навина и его товарища, между тѣмъ какъ Эфраимъ съ нѣсколькими другими заковалъ начальника аретаитской партіи.

Этотъ несчастный отказался отъ всякаго сопротивленія, и, какъ бы уничтоженный, предоставилъ дѣлать съ собою все, что угодно. Прежде чѣмъ ему связали руки на спинѣ, онъ просилъ только о томъ, чтобы ему позволили отереть глаза, такъ какъ слеза за слезой текли по сѣдой бородѣ этого суроваго человѣка. Его перехитрили, его пересилили, и онъ уже не считалъ себя болѣе способнымъ отправлять свою должность.

Старый Нунъ со страстною горячностью прижалъ къ сердцу своего освобожденнаго, вновь пріобрѣтеннаго единственнаго сына, котораго онъ считалъ уже погибшимъ. Затѣмъ онъ выпустилъ его изъ своихъ объятій, отступилъ отъ него и не уставалъ наслаждаться его лицезрѣніемъ, и заставилъ его повторять, что онъ, вѣрный своему Богу, посвятилъ себя на служеніе своему народу.

Но оба они недолго позволили себѣ предаваться радости этого прекраснаго свиданія: борьба заявляла свои права, и руководство ею какъ бы само собою перешло въ руки Іисуса Навина.

Онъ съ благодарною радостью, хотя и не безъ горькаго сокрушенія, узналъ, какой конецъ постигъ храброе войско, къ вождямъ котораго онъ такъ долго причислялъ себя съ гордостью, и далѣе о томъ, что другой отрядъ вооруженныхъ пастуховъ, подъ предводительствомъ Гура, мужа

его несчастіе, ослѣпла. Она сидѣла скорчившись на ослѣ въ тупой сосредоточенности безумія, и хотя движеніе арестантовъ довольно внезапно нарушило безмолвіе пустыни, и слухъ этой женщины остался острымъ по прежнему, но она не обратила на нихъ вниманія и продолжала равнодушно вперять слѣпые глаза въ пустое пространство.

Видъ этихъ несчастныхъ представилъ Іоссіи его собственную ужасную будущность, какъ въ зеркалѣ, и въ первый разъ онъ громко застоналъ и закрылъ рукою лицо. Это замѣтилъ начальникъ партіи, и, тронутый ужасомъ человѣка, твердость котораго казалась ему до этихъ поръ несравненною, онъ закричалъ ему:

— Не всѣ они возвращаются въ такомъ видѣ домой, не всѣ такъ, нѣтъ, разумѣется, нѣтъ!

»Потому что они представляютъ еще болѣе безотрадное зрѣлище«, подумалъ онъ про себя. — »Но бѣднягамъ нѣтъ нужды знать это заранѣе. Если я приду сюда въ слѣдующій разъ, то спрошу объ Іоссіи, потому что мнѣ будетъ любопытно узнать, что вышло изъ этого быка: самыхъ сильныхъ и твердыхъ рудники часто губятъ скорѣе, чѣмъ остальныхъ«.

Затѣмъ онъ замахнулся надъ Іоссіей хлыстомъ, подобно возницѣ, который погоняетъ лѣнивыхъ коней, не трогая ихъ, а только угрожая. Затѣмъ онъ указалъ на облако дыма, подымавшагося изъ-за возвышенности направо отъ дороги, и вскричалъ: — Тамъ, должно быть, уже плавильныя печи! Около полудня мы будемъ у цѣли. Тамъ довольно огня, чтобы сварить чечевицу; да и кусокъ баранины тоже вещь хорошая; вѣдь мы празднуемъ сегодня день рожденія благаго бога, сына солнца; да процвѣтутъ его жизнь, счастіе и здоровье!

Теперь съ полчаса партія шла по высохшему руслу рѣки съ высокими берегами, гдѣ послѣ послѣдняго ливня глубокій горный потокъ съ шумомъ несся въ долину, а сегодня оставалось только нѣсколько лужъ, выдыхавшихъ испаренія.

Обогнувъ крутую гору, на вершинѣ которой стоялъ небольшой египетскій храмъ богини Гаторъ и нѣсколько могильныхъ камней, печальное шествіе приблизилось къ изгибу долины, которая вела въ ущелье, гдѣ находились горные заводы.

У воротъ храма на горѣ развѣвались знамена на высо-

кихъ мачтахъ, водруженныхъ въ честь дня рожденія фараона; и такъ какъ изъ долины рудниковъ, обыкновенно столь тихой, на встрѣчу странникамъ неслись громкіе крики, гулъ и звонъ, то вожатый партіи подумалъ, что этотъ важнѣйшій праздникъ арестантовъ празднуется съ необычайнымъ шумомъ. Это замѣчаніе онъ сообщилъ и другимъ стражамъ, которые остановились, прислушиваясь.

Затѣмъ партія пошла дальше безъ остановокъ, и никто даже не поднималъ своей утомленной головы: полуденное солнце жгло такъ немилосердо, и ослѣпительно-ярко освѣщенныя стѣны ущелья изливали такой зной, точно онѣ хотѣли превзойти жаръ плавильныхъ печей, находившихся по сосѣдству съ ними.

Несмотря на близость цѣли, путники еле двигались, точно сонные, и только у одного изъ нихъ сильнѣйшее напряженіе захватывало духъ.

Подобно тому какъ боевой конь, запряженный въ плугъ, сгибаетъ шею, раздуваетъ ноздри и подымаетъ огненный взоръ, согнутая фигура Іисуса Навина, несмотря на мѣшокъ, давившій его плечи, выпрямилась, и его глаза, сверкая, повернулись къ тому мѣсту, откуда доносился шумъ, принятый вожатымъ партіи за громкое праздничное ликованіе.

Но онъ, Іисусъ Навинъ, лучше его зналъ, въ чемъ дѣло! Онъ никакъ не могъ обмануться въ значеніи этого шума: это были военные клики египетскихъ войскъ, это былъ сигналъ трубъ, трубившихъ сборъ, это былъ лязгъ оружія и военные крики непріятельскихъ полчищъ.

Готовый къ быстрому дѣйствію, онъ повелительнымъ тономъ шепнулъ своему товарищу:

— Время освобожденія близко. Будь настороже и слѣдуй за мною.

При первомъ взглядѣ за ущелье онъ на вершинѣ одного утеса замѣтилъ обрамленную бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами почтенную голову своего отца. Онъ узналъ бы ее между десятками тысячъ человѣкъ и съ болѣе дальняго разстоянія! Но отъ дорогого ему старца онъ быстро повернулъ взглядъ къ начальнику арестантской партіи, который стоялъ сначала въ безмолвномъ испугѣ, думая, что между арестантами произошло вспыхнувшее возмущеніе, но быстро возвратилъ себѣ присутствіе духа и крикливымъ голосомъ крикнулъ другимъ стражамъ:

— Идите позади арестованныхъ и убивайте каждаго, кто попытается убѣжать!

Но едва его подчиненные кинулись, чтобы занять мѣста позади партіи, Іисусъ Навинъ, который шелъ со своимъ товарищемъ впереди другихъ арестантовъ, сказалъ послѣднему: — На него!

Съ этими словами онъ напалъ на изумленнаго вожатаго и схватилъ его за правую руку, а товарищъ — за лѣвую, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ замѣтить ихъ движеніе.

Этотъ сильный человѣкъ, силу котораго удвоило бѣшенство, боролся съ ожесточеніемъ, чтобы вырваться, но Іисусъ Навинъ и его товарищъ крѣпко держали его, точно желѣзными пальцами.

Быстрый взглядъ показалъ бывшему военачальнику путь, который слѣдуетъ ему выбрать, чтобы присоединиться къ своимъ. Правда, на этомъ пути ему нужно было миновать маленькій отрядъ египетскихъ стрѣлковъ, изъ лука посылавшихъ свои стрѣлы противъ евреевъ, находившихся на противоположной стѣнѣ долины; но онъ едва ли рѣшился бы стрѣлять по немъ и по его товарищу, такъ какъ мощная фигура начальника арестантской партіи, котораго одежда и оружіе дѣлали его достаточно замѣтнымъ, скрывала ихъ обоихъ.

— Подними цѣпь правою рукою, прошепталъ воинъ своему товарищу: — а я буду держать нашъ живой щитъ. Мы должны взойти по горному скату рачьимъ ходомъ.

Его товарищъ повиновался, и когда они подошли къ непріятелю на разстояніе полета стрѣлы, то держали вожатаго впереди себя, подвигаясь то въ сторону, то назадъ, и Іисусъ Навинъ шагъ за шагомъ приближался къ еврейскимъ воинамъ съ далеко разносившимся крикомъ: »сынъ Нуна возвращается къ отцу и къ своему народу!«

Еще ни одинъ изъ египтянъ, знавшихъ начальника арестантской партіи, не рѣшился пустить стрѣлу въ узниковъ, когда со склона горы, по которому взбиралась, идя задомъ, пара вмѣстѣ скованныхъ узниковъ, раздались радостные крики, среди которыхъ звучало въ отвѣтъ воину его имя, и ведущій затѣмъ Эфраимъ съ толпою молодыхъ бойцовъ сбѣжалъ съ возвышенности прямо къ нему.

Къ своему удивленію, Іисусъ Навинъ увидѣлъ въ рукахъ каждаго изъ этихъ сыновъ своего народа большой

щитъ египетскихъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, мечъ, или боевую сѣкиру. Но у многихъ были также прикрѣплены къ поясу и пастушескія пращи и мѣшки съ круглыми камнями.

Эфраимъ предводительствовалъ своими товарищами и, прежде чѣмъ привѣтствовать дядю, раздѣлилъ ихъ на два отряда, которые, подобно двойной стѣнѣ, выступили впередъ между Іисусомъ Навиномъ и непріятельскими стрѣлками.

Только теперь онъ предался радости свиданія; за его привѣтствіемъ послѣдовало другое, такъ какъ и старый Нунъ, подъ прикрытіемъ египетскихъ щитовъ, выброшенныхъ моремъ на землю, былъ приведенъ къ выдающемуся утесу, подъ защитою котораго сильныя руки расковали цѣпи Іисуса Навина и его товарища, между тѣмъ какъ Эфраимъ съ нѣсколькими другими заковалъ начальника арестантской партіи.

Этотъ несчастный отказался отъ всякаго сопротивленія, и, какъ бы уничтоженный, предоставилъ дѣлать съ собою все, что̀ угодно. Прежде чѣмъ ему связали руки на спинѣ, онъ просилъ только о томъ, чтобы ему позволили отереть глаза, такъ какъ слеза за слезой текли по сѣдой бородѣ этого суроваго человѣка. Его перехитрили, его пересилили, и онъ уже не считалъ себя болѣе способнымъ отправлять свою должность.

Старый Нунъ со страстною горячностью прижалъ къ сердцу своего освобожденнаго, вновь пріобрѣтеннаго единственнаго сына, котораго онъ считалъ уже погибшимъ. Затѣмъ онъ выпустилъ его изъ своихъ объятій, отступилъ отъ него и не уставалъ наслаждаться его лицезрѣніемъ, и заставлялъ его повторять, что онъ, вѣрный своему Богу, посвятилъ себя на служеніе своему народу.

Но оба они недолго позволили себѣ предаваться радости этого прекраснаго свиданія: борьба заявляла свои права, и руководство ею какъ бы само собою перешло въ руки Іисуса Навина.

Онъ съ благодарною радостью, хотя и не безъ горькаго прискорбія, узналъ, какой конецъ постигъ храброе войско, къ вождямъ котораго онъ такъ долго причислялъ себя съ гордостью, и далѣе о томъ, что другой отрядъ вооруженныхъ пастуховъ, подъ предводительствомъ Гура, мужа

Уже издали онъ слышалъ, какъ кирки съ концами, имѣвшими форму хвоста ласточки, вонзались въ камень. Затѣмъ онъ услыхалъ жалобный вой истязуемыхъ мужчинъ и женщинъ, такъ какъ свирѣпые надсмотрщики слѣдовали за ними въ подземелье и заставляли неповоротливыхъ пошевеливаться.

Сегодня, въ день рожденія фараона, ихъ утромъ пригнали къ храму Гаторъ, стоявшему на вершинѣ сосѣдняго холма, для молитвы за царя; и они были бы освобождены отъ работы до слѣдующаго утра, еслибы неожиданное нападеніе евреевъ не заставило начальство загнать ихъ снова въ шахты. Поэтому тамъ въ этотъ день работали и женщины, обязанность которыхъ въ другое время состояла только въ томъ, чтобы толочь и просѣивать мѣдь, необходимую для приготовленія стеклянныхъ сплавовъ и красильныхъ веществъ.

Когда арестанты услыхали шаги и призывы Іисуса Навина, отраженные голыми каменными стѣнами, то они испугались, вообразивъ, что имъ угрожаетъ какое нибудь новое бѣдствіе, и ихъ вопли и жалобы послышались повсюду. Но освободитель скоро дошелъ до ближайшихъ работниковъ, и радостная вѣсть, что онъ явился положить конецъ ихъ печальной участи, быстро распространилась до самыхъ глубокихъ закоулковъ шахты.

Дикое ликованіе наполнило мѣста, привыкшія къ горькимъ жалобамъ и жаркимъ слезамъ; однако же до слуха Іисуса Навина долетали также крики о помощи, жалобные вопли, стоны и хрипѣніе, потому что какой-то горячій человѣкъ накинулся на самаго ненавистнаго изъ надсмотрщиковъ и повалилъ его ударомъ кирки. Его примѣръ быстро воспламенилъ жажду мести въ другихъ, и, прежде чѣмъ можно было помѣшать этому, остальные надсмотрщики подверглись той же участи. Но они защищались, и тамъ и сямъ трупы арестантовъ покрывали полъ возлѣ трупа ихъ мучителя.

Наконецъ освобожденная толпа, слѣдуя призыву Іисуса Навина, вырвалась на дневной свѣтъ. Дико и грубо звучали ихъ крики, и къ нимъ примѣшивался лязгъ цѣпей, которыя они тащили за собою

Даже самые мужественные изъ евреевъ, увидѣвъ каторжниковъ при солнечномъ свѣтѣ, отступали предъ ними. Ослѣп-

ленные и красные глаза этихъ несчастныхъ, изъ которыхъ многіе нѣкогда въ собственномъ домѣ или при дворѣ царя наслаждались всѣми благами жизни, были нѣжными отцами и матерями, съ радостью дѣлали добро и участвовали во всѣхъ преимуществахъ культуры богато одареннаго народа, эти глаза при внезапномъ переходѣ изъ мрака подземелья къ блеску полуденнаго солнца сначала покрывались слезами, но вслѣдъ затѣмъ сверкали дико и жадно, подобно глазамъ голодныхъ совъ.

Пораженные изумительнымъ поворотомъ въ своей судьбѣ, они, сначала робкіе и нерѣшительные, старались придти въ себя и не мѣшали евреямъ, которые, по знаку Іисуса Навина, начали перепиливать цѣпи, сковывавшія ихъ ноги; но затѣмъ, при видѣ обезоруженныхъ египетскихъ воиновъ и надсмотрщиковъ, поставленныхъ въ сторонѣ, возлѣ утеса, подъ наблюденіемъ Эфраима и его товарищей, ими овладѣло странное волненіе. Съ криками и воемъ, которые невозможно описать, они вырвались изъ рукъ своихъ освободителей и, хотя не обмѣнялись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ или знакомъ, но увлеченные однимъ и тѣмъ же страшнымъ порывомъ, не обращая вниманія на тяготившія ихъ оковы, ринулись на безоружныхъ. Прежде чѣмъ евреи успѣли ихъ остановить, каждый кинулся на того, кто больше всѣхъ его мучилъ: здѣсь какой нибудь изнуренный мужчина вцѣпился руками въ шею сильнаго врага, тамъ толпа полунагихъ страшно обезображенныхъ бѣдствіемъ и отчаяніемъ женщинъ нападала на человѣка, который особенно жестоко обходился съ ними, била его, ругала и зубами и ногтями вымещала на нихъ свою долго сдерживаемую злобу. Казалось, бѣшеный потокъ ненависти прорвалъ плотину и, свободный отъ всякихъ сдерживавшихъ его препятствій, ищетъ своей жертвы.

Это была ужасная схватка. Въ этой кровавой борьбѣ раздавались терзавшіе слухъ крики, визгъ и стоны; здѣсь невозможно было отличить одного отъ другаго, мужчинъ отъ женщинъ; съ одной стороны — дикое остервенѣніе, доходившее до кровожадности, съ другой — страхъ смерти и отчаянная самозащита.

Только немногіе каторжники сохраняли самообладаніе, но и тѣ подстрекали товарищей противъ враговъ, въ страшномъ возбужденіи понося ихъ и потрясая въ воздухѣ кулаками.

Злоба, съ которою арестанты нападали теперь на своихъ мучителей, нисколько не уступала тѣмъ жестокостямъ, которыя они претерпѣли отъ нихъ.

Но Іисусъ Навинъ приказалъ своимъ разнять дерущихся по возможности безъ кровопролитія; однако это было вовсе нелегко, и дѣло не обошлось безъ новыхъ ужасовъ; наконецъ кое-какъ справились. До какой степени въ этой борьбѣ возрасла сила даже у людей самыхъ слабыхъ и изнуренныхъ — видно было изъ того, что, несмотря на отсутствіе оружія, на мѣстѣ драки всетаки осталось значительное число труповъ, и большинство египетскихъ надсмотрщиковъ было обезображено ужасными ранами.

Когда все успокоилось, Іисусъ Навинъ потребовалъ списокъ арестантовъ отъ раненаго начальника рудниковъ; но тотъ указалъ на своего писца, нетронутаго арестантами; послѣдній былъ ихъ врачемъ и относился къ нимъ дружески; это былъ старикъ много испытавшій, и такъ какъ онъ самъ зналъ всю тяжесть страданія, то всегда былъ готовъ облегчить его у другихъ.

Онъ охотно прочелъ имена узниковъ, въ числѣ которыхъ было много евреевъ; и послѣ того какъ каждый изъ вызванныхъ поочередно выступилъ впередъ, многіе изъ нихъ изъявили готовность присоединиться къ переселенцамъ.

Когда обезоруженные воины и надсмотрщики собрались, наконецъ, отправляться восвояси, отъ нихъ отдѣлился начальникъ арестантскаго транспорта, провожавшій Іисуса Навина и другихъ каторжниковъ въ рудники. Онъ въ смущеніи и съ поникшей головой подошелъ къ старому Нуну и его сыну и просилъ ихъ взять его съ собою: — Дома, говорилъ онъ: — не ждетъ меня ничего хорошаго, а такого могущественнаго Бога, какъ вашъ, нѣтъ въ Египтѣ. Мнѣ случалось видѣть, какъ Іоссія, несмотря на то, что былъ нѣкогда военачальникомъ, въ самыя тяжкія минуты своей жизни простиралъ руки къ этому Богу, послѣ чего ему сообщалась такая твердость, какой не приходилось мнѣ встрѣчать ни въ комъ. Теперь я знаю, что этотъ именно Богъ потопилъ въ морѣ сильное войско фараона, чтобы спасти народъ свой. Такой Богъ мнѣ по сердцу, и я не желаю ничего лучшаго, какъ остаться нынѣ при тѣхъ, которые ему служатъ.

Іисусъ Навинъ охотно позволилъ ему присоединиться къ еврейскому народу.

Въ числѣ освобожденныхъ каторжниковъ находились пятнадцать евреевъ, и между ними, къ великой радости Эфраима, и Рубенъ, мужъ несчастной Мильки, отличавшейся такою глубокою привязанностью къ Марьямъ. Его замкнутый характеръ и молчаливость послужили ему въ пользу, и тяжелая работа каторжника, повидимому, мало повредила его сильному тѣлу.

Эфраимомъ и его юными товарищами овладѣли восторженное чувство побѣды и радостное сознаніе удачи; но солнце уже зашло, а о Гурѣ и его отрядѣ ничего не было слышно, и это тревожило Нуна и бывшихъ при немъ евреевъ.

Эфраимъ уже вызвался отправиться съ нѣсколькими товарищами на развѣдки, когда одинъ гонецъ сообщилъ, что воины Гура при видѣ хорошо укрѣпленнаго египетскаго форта пали духомъ. Ихъ вождь настаивалъ на штурмѣ, но его воины не отваживались на такой подвигъ, и если Нунъ со своими пастухами не придетъ къ нимъ на помощь, то они отступятъ, не кончивъ предпринятаго дѣла.

Тогда было рѣшено помочь малодушнымъ. Всѣ отправились съ бодрой увѣренностью, и во время этого пути въ ночной прохладѣ Эфраимъ и Нунъ разсказали Іисусу Навину, какъ они нашли Казану, и какъ она умерла. Теперь ея милому было извѣстно то, что она желала сообщить ему, и воинъ выслушалъ этотъ разсказъ съ глубокимъ волненіемъ и оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, пока они не дошли до Дофки, долины бирюзовыхъ пріисковъ. Среди ея возвышалась крѣпость, къ которой примыкали дома арестантовъ.

Гуръ и его толпа скрывались въ одной изъ боковыхъ долинъ. Іисусъ Навинъ раздѣлилъ все войско евреевъ на нѣсколько отрядовъ, давъ каждому изъ нихъ особое назначеніе, и на разсвѣтѣ подалъ знакъ къ штурму.

Послѣ короткой борьбы небольшой гарнизонъ былъ побѣжденъ, и укрѣпленіе было взято. Обезоруженныхъ египтянъ, также какъ и ихъ товарищей на мѣдныхъ рудникахъ, послали домой. Узники были освобождены, а прокаженнымъ, кварталъ которыхъ былъ расположенъ въ долинѣ, по ту сторону копей, и между которыми находились также отведенные туда по приказанію Іисуса Навина, было позволено слѣдовать въ нѣкоторомъ отдаленіи за побѣдителями.

То, чего не могъ сдѣлать Гуръ, мужъ Марьямъ, удалось Іисусу Навину, и, прежде чѣмъ молодые воины ушли съ Эфраимомъ, старый Нунъ собралъ ихъ и вмѣстѣ съ ними возблагодарилъ Господа. Воины Гура присоединились къ нимъ въ этой молитвѣ, и тамъ, гдѣ появлялся Іисусъ Навинъ, молодые товарищи Эфраима привѣтствовали его радостными кликами.

»Да здравствуетъ нашъ военачальникъ! Да будетъ счастливъ тотъ, котораго самъ Всевышній избралъ своимъ мечемъ! Мы охотно слѣдуемъ за нимъ: посредствомъ его Богъ ведетъ насъ къ побѣдѣ!« Такія восклицанія часто раздавались во время дальнѣйшаго странствованія.

Въ нихъ участвовали и воины Гура, чему онъ не препятствовалъ. Послѣ штурмованія крѣпости онъ благодарилъ Іисуса Навина и выразилъ свою радость по поводу его освобожденія.

При выступленіи младшіе отошли назадъ, чтобы дать идти впереди старшимъ, а Гуръ просилъ стараго Нуна, далеко превосходившаго его годами, идти во главѣ, хотя его самого, послѣ спасенія народа на берегу тростниковаго моря, Моисей и старѣйшины назначили главнокомандующимъ всѣхъ еврейскихъ войскъ.

Путь велъ сначала черезъ ровную горную долину, затѣмъ пересѣкалъ ущелье, которое было единственною дорогою, соединявшею рудники съ тростниковымъ моремъ.

Каменистая мѣстность была дика и пустынна, тропы, по которымъ приходилось взбираться, были круты. Престарѣлаго Нуна, выросшаго на ровныхъ плоскостяхъ Гозена и непривыкшаго подыматься на горы, по веселому намеку другихъ сынъ и внукъ несли на рукахъ до вершины подъема. Гуръ, слѣдовавшій во главѣ своего отряда за товарищами Эфраима, слышалъ радостные клики юношей; онъ шелъ за ними, опустивъ голову, и мрачно смотрѣлъ въ землю.

На вершинѣ подъема пришлось остановиться въ ожиданіи народа, который долженъ былъ идти черезъ пустыню Синъ на Дофку. Съ этой возвышенности побѣдители смотрѣли, поджидая странниковъ, но тѣ не появлялись. Но когда они оглянулись назадъ, на тропинку, по которой взошли, имъ представилось другое зрѣлище, до того величественное и чудесное, что оно привлекало глаза каждаго точно какимъ-то волшебствомъ. У ногъ ихъ лежала круглая

долина, окруженная скалами, зубцами и шпицами, здѣсь бѣлыми, какъ мѣлъ, тамъ черными, какъ вороново крыло, или сѣрыми, бурыми, красными, зелеными, которые, казалось, выросли изъ песка и указывали на лазурное небо пустыни, залитое ослѣпительнымъ свѣтомъ и не оттѣненное ни однимъ облачкомъ.

Голо и пусто, безмолвно и безжизненно было здѣсь все, представлявшееся взорамъ. На склонахъ скалъ, окружавшихъ песчаную почву долины, не расло никакихъ хвощей, не было никакихъ самыхъ скудныхъ растеній. Ни одна птица, ни одинъ червякъ или жукъ не оживляли это безмолвное мѣсто, враждебное всякой жизни. Здѣсь глаза не встрѣчали ничего, что̀ напоминало бы о существованіи человѣка, о его посѣвахъ, насажденіяхъ, творчествѣ. Казалось, Богъ создалъ для себя самого эти большія массы, не служившія никакому живому существу. Проникавшій въ эту пустыню вступалъ въ область, которую Всевышній, можетъ быть избралъ для своего собственнаго покоя и уединенія, какъ святая святыхъ храма, недоступная для непосвященныхъ.

Молодые люди молча созерцали странныя картины, разстилавшіяся у ихъ ногъ. Расположившись на привалъ, они всячески старались услужить старому Нуну, любившему молодежь. Онъ отдыхалъ среди нихъ подъ быстро устроеннымъ навѣсомъ и съ сіяющими глазами разсказывалъ имъ о подвигахъ, которые совершилъ его сынъ въ качествѣ военачальника.

Между тѣмъ Іисусъ Навинъ и Гуръ все еще стояли на высотѣ ущелья, и каждый изъ нихъ безмолвно смотрѣлъ внизъ, на пустынную скалистую долину: осѣненная голубымъ куполомъ неба и окруженная высокими, какъ горы, колоннами и контрфорсами, вышедшими изъ мастерской Бога, она открывалась передъ ними подобно внутренности какого-то величественнѣйшаго храма.

Старшій изъ двухъ долгое время мрачно смотрѣлъ въ землю; но затѣмъ внезапно прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Въ Суккотѣ я поставилъ памятникъ и призвалъ Господа быть свидѣтелемъ между мною и тобой. Но здѣсь, въ этой тишинѣ, мнѣ кажется, что мы и безъ памятника или знака сознаемъ его близость.

При этихъ словахъ онъ выпрямился и продолжалъ:

— И теперь я возношу взоръ къ тебѣ, Адонаи, и обра-

щаю мое бѣдное слово къ тебѣ, Іегова, Богъ Авраама и нашихъ отцовъ, прося тебя снова быть свидѣтелемъ между мною и этимъ человѣкомъ, котораго ты самъ призвалъ на твою службу, чтобы онъ былъ твоимъ мечемъ!

Гуръ произнесъ эти слова, поднявъ глаза и руки къ небу. Затѣмъ онъ обратился къ Іисусу Навину и сказалъ съ суровою торжественностью:

— Я спрашиваю тебя, Іоссія, сынъ Нуна: помнишь ли ты клятву, которую ты далъ передъ камнями въ Суккотѣ?

— Помню, отвѣтилъ Іисусъ Навинъ. — Въ тяжкомъ бѣдствіи и великой опасности я узналъ, чего желаетъ отъ меня Всевышній, и всю дарованную мнѣ имъ силу жизни и души я намѣренъ посвятить единственно ему и его народу, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и мой народъ. Отнынѣ я буду называться Іисусомъ Навиномъ... Ни у египтянъ, ни у какого другаго иноплеменнаго царя я не буду впредь искать помощи, потому что самъ Господь Богъ даровалъ мнѣ это имя устами твоей жены.

— Именно это я и надѣялся услышать отъ тебя, прервалъ его Гуръ торжественно: — и такъ какъ и здѣсь Всевышній служитъ намъ свидѣтелемъ и слышитъ этотъ разговоръ между нами, то да исполнится здѣсь то, что я обѣщалъ предъ лицомъ его. Вожди колѣнъ и Моисей, служитель Господа, возвели меня на степень главнаго вождя военныхъ силъ нашего народа. Но теперь ты называешься Іисусомъ Навиномъ и поклялся не служить никому другому, кромѣ Господа, нашего Бога; притомъ я хорошо знаю, что въ качествѣ военачальника ты можешь сдѣлать больше меня, выросшаго и посѣдѣвшаго пастухомъ, и всякаго другаго еврея, кто бы онъ ни былъ; поэтому пусть исполнится обѣтъ, данный въ Суккотѣ. Отъ Моисея, служителя Господа, и отъ старѣйшинъ я потребую, чтобы они ввѣрили тебѣ должность вождя. Я предоставлю имъ рѣшеніе этого вопроса, и такъ какъ я чувствую, что Всевышній смотритъ въ мое сердце, то да будетъ извѣстно тебѣ, что въ глубинѣ души я чувствовалъ къ тебѣ злобу. Но ради блага народа я желаю забыть то, что лежитъ между нами, и вотъ протягиваю тебѣ мою правую руку!

Съ этими словами онъ подалъ руку Іисусу Навину; тотъ схватилъ ее и съ чистосердечною откровенностью отвѣтилъ:

— Твои слова достойны мужчины, пусть будутъ такими

же и мои. Ради народа и дѣла, которому мы оба служимъ, я принимаю твое предложеніе. Но такъ какъ ты призвалъ Бога во свидѣтели, и онъ слышитъ меня, то и я во всемъ воздамъ честь полной истинѣ. Къ тому, что̀ ты желаешь передать мнѣ, именно къ должности верховнаго вождя военныхъ силъ, я призванъ самимъ Господомъ. Онъ призвалъ меня черезъ Марьямъ, твою жену, и эта должность прилична мнѣ. Но что ты самъ пожелалъ отказаться отъ своего званія, то я считаю это достохвальнымъ подвигомъ. Я знаю, какъ трудно человѣку отречься отъ власти, въ особенности въ пользу младшаго и чуждаго его сердцу. Ты сдѣлалъ это, и я благодаренъ тебѣ. Однако же и я въ глубинѣ души думалъ о тебѣ съ непріязнью, потому что черезъ тебя я лишился другаго блага, отъ котораго мужчинѣ отказаться еще труднѣе, чѣмъ отъ должности: я потерялъ любовь женщины.

Кровь бросилась въ лицо Гуру, и онъ вскричалъ:

— Ты говоришь о Марьямъ! Я не принуждалъ ее къ браку; я даже не внесъ за нее брачнаго выкупа, какъ этого требовалъ обычай отцовъ: она сдѣлалась моею женою по своему собственному побужденію!

— Я знаю это, отвѣтилъ спокойно Іисусъ Навинъ: — однако же другой человѣкъ дольше и пламеннѣе желалъ обладать ею, и огонь ревности жестоко сожигалъ его душу. — Но не безпокойся. Еслибы теперь ты даже далъ ей разводъ и привелъ ее ко мнѣ, чтобы я открылъ для нея мой шатеръ и мои объятія, то я бы спросилъ: зачѣмъ ты поступаешь такъ съ собою и со мною? потому что недавно я въ первый разъ узналъ, что̀ значитъ и на что способна любовь женщины, и что я былъ въ заблужденіи, воображая, что Марьямъ раздѣляетъ пылъ моего сердца. Во время моего странствованія съ цѣпями на ногахъ, среди жесточайшаго злополучія, я далъ себѣ обѣтъ всю силу, весь жаръ моего тѣла и души не посвящать никому изъ людей, кромѣ нашего народа. Любовь къ женщинѣ не отвлечетъ меня отъ великой обязанности, которую я возложилъ на себя. Что касается твоей жены, то я останусь для нея чужимъ, хотя бы она возвѣстила мнѣ какое нибудь новое повелѣніе Господа въ качествѣ пророчицы.

Съ этими словами Іисусъ Навинъ протянулъ руку Гуру, и въ то время какъ послѣдній взялъ ее, между воинами

послышался шумъ: на гору взошли вѣстники, которые кричали, указывая на большой столбъ пыли, предшествовавшей еврейскому народу.

XXV

Путники подходили все ближе и ближе, и многіе изъ молодыхъ бойцовъ поспѣшили къ нимъ на встрѣчу.

Это уже не были тѣ веселыя толпы, которыя, торжествуя, присоединяли свои голоса къ хвалебному гимну Марьямъ. Медленно и опустивъ голову, они взбирались теперь на гору. Имъ приходилось карабкаться на высоту ущелья съ болѣе крутой ея стороны, и какъ тяжело вздыхали носильщики, какъ жалобно хныкали женщины и дѣти, какія дикія проклятія произносили возчики, понукая своихъ коней на узкой и крутой тропинкѣ, какъ хрипло звучали голоса изъ пересохшаго горла изнеможенныхъ людей, подпиравшихъ своими плечами повозки, чтобы помочь тащившимъ ихъ животнымъ.

Эти тысячи людей, которые немного дней тому назадъ чувствовали такую благодарность къ спасительной милости Господа, казались теперь Іисусу Навину, смотрѣвшему имъ на встрѣчу, похожими на разбитую армію.

Но путь, пройденный ими отъ послѣдняго мѣста расположенія ихъ лагеря у гавани тростниковаго моря, былъ такъ дикъ, безводенъ и такъ труденъ и ужасенъ для нихъ, выросшихъ на плодородныхъ равнинахъ нижняго Египта! Онъ велъ черезъ обнаженную скалистую мѣстность, и глаза, привыкшіе видѣть далеко кругомъ роскошную зелень, здѣсь встрѣчали повсюду съуживавшія кругозоръ преграды и нагую пустыню.

Пройдя черезъ Бабасскія ворота, они вступили въ долину того же имени и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по пустынѣ Синъ встрѣчали долины только съ круто подымавшимися стѣнами утесовъ. Одна высокая гора мрачно и грозно подымалась надъ всѣми кругомъ своими красными скатами, которые казались странникамъ дѣломъ человѣческихъ рукъ, ибо всѣмъ бросались въ глаза ихъ слои плитъ, нагроможденные другъ на друга равномѣрными промежутками и можно было подумать, что гиганты-работники помогавшіе здѣсь строителю всего міра, были отозваны, прежде чѣмъ окон-

чили это созданіе, которое въ этой пустынѣ не должно было пугать ничей пытливый глазъ и не было предназначено служить никакому живому существу. Сѣрыя и бурыя скалы возвышались возлѣ дороги, и въ покрывавшемъ ее пескѣ лежали высокія кучи красныхъ зеренъ порфира и черные, какъ уголь, точно разбитые молоткомъ камни, похожіе на шлаки, изъ которыхъ выплавливается мѣдь. Массы скалъ зеленоватаго оттѣнка и причудливыхъ формъ окружали необширныя, окаймленныя горами, площади возвышенныхъ долинъ, примыкавшихъ одна къ другой. Ихъ пересѣкалъ путь, поднимавшійся вверхъ, и путники часто, вступивъ въ какую нибудь изъ этихъ котловинъ, опасались, что высокій утесъ на ея заднемъ планѣ заставитъ ихъ вернуться. Тогда подымались жалобы и ропотъ, но скоро оказывался выходъ, который велъ въ какую нибудь новую впадину среди скалъ.

По выступленіи евреевъ изъ лагеря у гавани тростниковаго моря сначала имъ часто попадались колючія смолистыя акаціи и какіе нибудь душистые злаки пустыни, нравившіеся вкусу животныхъ; но чѣмъ дальше они подвигались въ скалистую пустыню, тѣмъ суше и жарче становился песокъ, и наконецъ глазъ напрасно искалъ какихъ нибудь травъ и деревьевъ.

Въ Элимѣ они нашли прѣсные источники и тѣнистыя пальмы, а у тростниковаго моря — цистерны, наполненныя водою; но при остановкѣ въ пустынѣ Синъ не нашли уже ничего для утоленія жажды, и въ полдень, казалось, полчище какихъ-то злыхъ демоновъ согнало тѣнь со скалъ: все въ этихъ котловинахъ и впадинахъ блестѣло и пылало, и нигдѣ не было спасенія отъ солнечнаго зноя.

Послѣдняя принесенная съ собою въ лагерь вода была раздѣлена между людьми и животными, и, когда утромъ еврейскій народъ двинулся снова въ путь, не нашлось больше ни одной капли для успокоенія усиливавшейся жажды.

Тогда прежнее малодушіе и неповиновеніе овладѣли толпой. Не было конца проклятіямъ противъ Моисея и старѣйшинъ, которые изъ многоводнаго Египта привели народъ въ такую жалкую пустыню; но когда наконецъ евреи взобрались на вершину ущелья, горловыя связки у нихъ уже слишкомъ пересохли для того, чтобы громко проклинать и ругаться.

Послы стараго Нуна, Эфраима и Гура уже сообщили

приближавшимся, что молодые евреи одержали одну побѣду и возвратили свободу Іисусу Навину и другихъ узникамъ; но изнеможеніе было такъ велико, что даже эта хорошая вѣсть не произвела большаго дѣйствія; оно ограничивалось тѣмъ, что на губахъ мужчинъ промелькнула мимолетная улыбка, а въ темныхъ глазахъ женщинъ потухшій блескъ снова вспыхнулъ на мгновеніе.

Даже Марьямъ съ блѣдною Милькой оставалась при своихъ спутникахъ и не призывала женщинъ, какъ прежде, благодарить Всевышняго.

Рубенъ, мужъ Мильки, которой страхъ разочарованія еще мѣшалъ предаваться возродившейся надеждѣ, былъ тихій молчаливый человѣкъ, такъ что первый посланецъ не могъ сказать — находится ли онъ въ числѣ освобожденныхъ. Милькою овладѣло сильное волненіе. Марьямъ велѣла ей терпѣливо ждать, и Милька перебѣгала отъ одной женщины къ другой, осаждая ихъ настойчивыми разспросами. Но, не получивъ ни отъ одной изъ нихъ извѣстія о своемъ потерянномъ мужѣ, она начала громко рыдать и вернулась къ пророчицѣ. Но и у ней она нашла мало утѣшенія, такъ какъ Марьямъ, которой предстояло поздравить своего мужа съ побѣдой и снова увидѣть освобожденнаго друга своего дѣтства, замкнулась въ себѣ самой и имѣла такой видъ, какъ будто ея душу удручало какое-то тяжелое бремя.

Какъ только Моисей узналъ, что нападеніе на рудники удалось, и Іисусъ Навинъ освобожденъ, онъ оставилъ народъ, такъ какъ ему было донесено, что воинственные амалекитяне, населявшіе оазисъ у подножія Синайской горы, уже вооружаются, чтобы не пропустить евреевъ черезъ свою землю, изобиловавшую водою и пальмами. Въ виду этого онъ съ нѣсколькими избранными людьми отправился прямо черезъ горы на рекогносцировку. Онъ намѣревался снова присоединиться къ своимъ между Алусомъ и Рафидимомъ — долиною, лежавшею передъ оазисомъ. Въ его отсутствіе мѣсто его и его спутниковъ должны были заступить Абиданъ, глава веніамитовъ, а также Гуръ и Нунъ, вожди колѣнъ Іуды и Эфраима, по возвращеніи своемъ изъ рудниковъ.

При приближеніи народа къ ущелью его встрѣтилъ Гуръ съ освобожденными узниками, которыхъ всѣхъ опередилъ молодой Рубенъ, мужъ Мильки. Но она узнала его еще издали, когда онъ всходилъ на гору, и, несмотря на запре-

щеніе Марьямъ, добѣжала до средины племени Симеона, которое шло впереди.

Тамъ видъ свиданія этой четы порадовалъ многія усталыя души, и когда мужъ и жена, тѣсно прижавшись другъ къ другу, поспѣшили къ Марьямъ, и пророчица взглянула въ лицо Мильки, то ей показалось, что совершилось какое-то чудо: изъ блѣдной лиліи Милька превратилась въ цвѣтущую розу. Ея губы, открывавшіяся рѣдко и робко, только для какой нибудь просьбы или для отвѣта, были теперь въ постоянномъ движеніи. Она такъ много желала знать, ей хотѣлось о многомъ разспросить своего молчаливаго возлюбленнаго, который вытерпѣлъ такія страшныя бѣдствія.

Это была прекрасная, счастливая чета, и супругамъ казалось, что они идутъ не возлѣ нагихъ скалъ по жесткимъ тропинкамъ пустыни, а по мѣстности, украшенной цвѣтущею весною, гдѣ журчатъ источники, и поютъ птицы.

Пророчицѣ, дѣлавшей все, чтобы поддержать бодрость въ этой увядавшей женщинѣ, было пріятно зрѣлище ея счастія. Но скоро всѣ слѣды радостнаго сочувствія исчезли съ лица Марьямъ. Между тѣмъ какъ Рубенъ и Милька, повидимому, едва касались почвы, точно летя на крыльяхъ, пророчица шла впередъ съ поникшею головою, подавляемая тяжестью мысли, что она сама виновата въ томъ, что этотъ часъ не принесъ ей такого же счастія.

Она говорила себѣ самой, что, отказавшись слѣдовать голосу своего сердца, она принесла тяжелую, достойную всякой награды и угодную Богу, жертву; но изъ ея мыслей не выходилъ образъ умирающей египтянки, отказавшей ей въ правѣ причислять себя къ тѣмъ, кто любитъ Іоссію, и изъза любви къ нему скончавшейся въ такихъ молодыхъ лѣтахъ.

Она, Марьямъ, осталась жива, но она убила въ себѣ пламеннѣйшія желанія своего сердца; долгъ запрещаетъ ей съ жаркимъ томленіемъ думать о человѣкѣ, который стоитъ вонъ тамъ, преданный дѣлу своего народа и Богу своихъ отцовъ, свободный, прекрасный, можетъ быть, будущій вождь военныхъ силъ евреевъ, а впослѣдствіи, если такъ рѣшитъ Моисей, первый послѣ него и важнѣйшій изъ всѣхъ людей еврейскаго народа, но потерянный для нея навсегда.

Еслибы въ ту злополучную ночь она послѣдовала желанію своего женскаго сердца, а не требованіямъ своего призванія, ставившаго ее высоко надъ другими женщинами, то онъ

но хотя Моисей и старѣйшины и ввѣрили мнѣ главное начальствованіе надъ войскомъ, ты всетаки вспомнишь о памятникѣ въ Суккотѣ и о моемъ обѣтѣ. Я постоянно храню его въ умѣ и сдержу его.

Марьямъ, недовольная, стала смотрѣть въ сторону и не говорила больше ничего, пока они не взошли на гору.

Съ ея высоты юноши-побѣдители привѣтствовали всходившихъ громкими кликами.

Радость новаго свиданія, захваченные въ видѣ добычи съѣстные припасы и питье, хотя и скудные, но послужившіе къ подкрѣпленію большинства нуждавшихся въ нихъ людей, подняли упавшій духъ истощенныхъ, а чувствовавшіе жажду сократили свой отдыхъ на высотѣ ущелья, чтобы поскорѣе дойти до Дофки. Отъ Іисуса Навина они узнали, что тамъ они найдутъ не только засыпанныя цистерны, но и скрытые источники, существованіе которыхъ было выдано ему бывшимъ вождемъ арестантовъ.

Дорога шла подъ гору. »Спѣши!« — вотъ девизъ истомленнаго путника, когда онъ идетъ къ колодцу. Немного времени спустя послѣ заката солнца евреи пришли въ долину бирюзовыхъ копей, гдѣ они устроили лагерь вокругъ холма, на которомъ стояли магазины и разрушенная крѣпость Дофки. Скоро были найдены источники въ рощѣ изъ акацій, посвященной богинѣ Гаторъ. Быстро зажигались костеръ за костромъ. Непостоянныя сердца, которыя въ пустынѣ Синъ были близки къ отчаянію, снова наполнились радостью существованія, надеждою и благодарной вѣрой. Прекрасныя акаціи были срублены для облегченія доступа къ колодцамъ, живительная влага которыхъ произвела это удивительное превращеніе.

На высотѣ ущелья Іисусъ Навинъ и Марьямъ свидѣлись снова, но едва успѣли наскоро обмѣняться привѣтствіями. Здѣсь, въ лагерѣ, они были ближе другъ къ другу.

Было уже поздно, такъ какъ старѣйшины долго совѣщались насчетъ мѣръ противъ внезапнаго нападенія амалекитянъ.

Іоссія явился на совѣщаніе вмѣстѣ съ отцомъ. Наслѣдника этого сановитаго, высокоуважаемаго старца привѣтствовали со всѣхъ сторонъ, и его совѣтъ — сформировать авангардъ изъ молодыхъ, а аріергардъ изъ старшихъ воиновъ и послать выбранные изъ первыхъ маленькіе отряды на развѣдки — былъ охотно принятъ.

Онъ имѣлъ право сказать себѣ, что онъ опытенъ во всемъ, относящемся къ управленію большою военною силой и къ ея оборонѣ. Самъ Богъ ввѣрилъ ему должность военачальника, и Моисей, посылая ему совѣтъ быть сильнымъ и крѣпкимъ, утвердилъ его въ ней. Гуръ, носившій теперь это званіе, тоже желалъ передать свою должность ему. И слово его было крѣпко, хотя онъ и замедлилъ повтореніемъ своего обѣщанія передъ старѣйшинами. Во всякомъ случаѣ съ Іисусомъ Навиномъ обращались такъ, какъ будто онъ былъ уже главнокомандующимъ, и онъ самъ чувствовалъ себя таковымъ.

Когда собраніе начало расходиться, Гуръ просилъ Іисуса Навина проводить его до палатки, несмотря на поздній часъ, и воинъ пошелъ съ нимъ, желая объясниться съ Марьямъ. Онъ хотѣлъ въ присутствіи ея мужа показать ей, что онъ вступилъ на тотъ путь, на который она ему такъ настойчиво указывала.

Передъ супругой другаго умолкли нѣжныя чувства еврея. Жена Гура должна была знать, что онъ ничего больше не желаетъ отъ нея. Самъ онъ совсѣмъ и окончательно пересталъ думать о ней съ любовью, даже въ часы уединенія.

Онъ въ душѣ признавалъ, что она великая, величественная женщина, но его охватывалъ холодъ, когда онъ думалъ объ этомъ величіи.

Образъ ея дѣйствій представлялся ему тоже въ другомъ свѣтѣ. Когда она на вершинѣ ущелья привѣтствовала его съ холодною улыбкой, онъ пришелъ къ убѣжденію, что они сдѣлались вполнѣ чуждыми другъ другу; и это чувство все болѣе и болѣе усиливалось у костра, пылавшаго передъ великолѣпною палаткой вождя, гдѣ онъ снова встрѣтился съ нею.

Освобожденный Рубенъ со своею Милькой давно оставили Марьямъ, и теперь во время ея одинокаго ожиданія въ ея умѣ являлось то то, то другое, что она желала дать почувствовать человѣку, которому она позволила такъ много, что это теперь точно грѣхъ лежало у ней на душѣ.

Мы воспламеняемся злобой легче всего къ тѣмъ, относительно которыхъ чувствуемъ себя неправыми, а женщина считаетъ даръ своей любви до того великимъ и драгоцѣннымъ, что даже и отъ отвергнутаго обожателя требуетъ, чтобы онъ не переставалъ вспоминать о ней съ благодарностью. Но Іисусъ Навинъ похвалялся, что онъ не желаетъ больше обла-

дать женщиной, къ которой нѣкогда пылалъ горячею страстью и которую держалъ въ своихъ объятіяхъ, хотя бы даже она была ему предложена. И онъ подтвердилъ такое увѣреніе тѣмъ, что не вышелъ къ ней на встрѣчу, а спокойно ждалъ ее. Теперь, наконецъ, онъ пришелъ вмѣстѣ съ ея мужемъ, который готовъ былъ уступить ему первое мѣсто.

Но она еще здѣсь и будетъ зорко смотрѣть за своимъ слишкомъ великодушнымъ супругомъ.

Старика, съ судьбою котораго она соединила свою и честная преданность котораго трогала ее, никто не долженъ былъ обманомъ лишить руководящей роли; и ему слѣдовало удерживать за собою положеніе вождя уже потому, что она не желала быть женою человѣка, не смѣющаго болѣе заявлять притязанія на самое первое мѣсто послѣ ея братьевъ.

Эта прославленная женщина, вѣрившая въ свой пророческій даръ, никогда еще не чувствовала въ своей душѣ такой горечи, обиды и раздраженія. Она не признавалась въ этомъ себѣ самой, и однако же ей казалось, какъ будто ненависть, внушенная ей Моисеемъ противъ египтянъ и оставшаяся теперь безпредметной, требуетъ новой цѣли и направляется противъ единственнаго человѣка, котораго она нѣкогда любила.

Но правдивая женщина можетъ быть ласкова съ каждымъ, кого она не презираетъ, и Марьямъ, хотя сильно покраснѣла при видѣ человѣка, на поцѣлуй котораго она когда-то отвѣтила, однако же приняла его дружески и обратилась къ нему съ участливыми вопросами.

При этомъ она называла его прежнимъ именемъ Іоссіи, и когда онъ замѣтилъ, что она дѣлаетъ это умышленно, то спросилъ ее — не забыла ли она, что она сама, въ качествѣ довѣренной Всевышняго, приказала ему впредь называться »Іисусомъ«.

Марьямъ отвѣтила, что память у ней хороша, но онъ напоминаетъ ей о времени, которое она желала бы забыть. Онъ самъ оттолкнулъ отъ себя имя, данное ему Господомъ, предпочтя милость египтянъ помощи, которую обѣщалъ ему Богъ. Она останется вѣрною старой привычкѣ и будетъ по прежнему звать его Іоссіей.

Честный воинъ не ожидалъ такой враждебности съ ея стороны, однако же сохранилъ относительное спокойствіе и равнодушно отвѣтилъ, что ей рѣдко будутъ представляться

случаи называть его такъ или иначе. Люди, расположенные къ нему, охотно привыкаютъ называть его Іисусомъ.

На это Марьямъ замѣтила, что она готова дѣлать то же, если позволитъ ей мужъ, и если онъ самъ будетъ настаивать на этомъ, потому что имя есть не болѣе, какъ внѣшность. Но должность и санъ, конечно, другое дѣло.

Когда затѣмъ Іисусъ Навинъ сказалъ ей, что онъ все еще вѣритъ, что самъ Богъ устами ея, своей пророчицы, призвалъ его быть вождемъ воиновъ народа, и что ни за кѣмъ, кромѣ Моисея, онъ не признаетъ права отказать ему въ притязаніи на эту должность, — Гуръ согласился съ нимъ и протянулъ ему руку.

Тогда Марьямъ оставила сдержанность, къ которой принуждала себя до тѣхъ поръ, и съ вызывающею запальчивостью сказала:

— И въ этомъ я другаго мнѣнія! Ты уклонился отъ призыва Всевышняго. Можешь ли ты отрицать это? И когда Вездѣсущій, вмѣсто того чтобы видѣть тебя во главѣ твоихъ соплеменниковъ, нашелъ тебя у ногъ фараона, — онъ лишилъ тебя должности, которую ввѣрилъ тебѣ прежде. Какъ сильнѣйшій изъ всѣхъ вождей, онъ поднялъ бурю и волны, и онѣ поглотили врага. Такъ окончили они, бывшіе твоими друзьями до тѣхъ поръ, когда ихъ тяжелыя цѣпи заставили тебя почувствовать — какъ они расположены къ тебѣ и къ твоему народу. Я между тѣмъ прославляла милость Всевышняго, и народъ присоединился къ моему хвалебному гимну. И еще въ тотъ же день Господь призвалъ, вмѣсто тебя, другаго для предводительствованія войскомъ, и этотъ другой — какъ тебѣ извѣстно — мой мужъ. И хотя Гуръ никогда не изучалъ военнаго искусства, но Богъ направляетъ его руку, — а кто кромѣ его даруетъ побѣду? Мой супругъ — выслушай это во второй разъ — мой супругъ одинъ военачальникъ, и хотя онъ въ избыткѣ своего великодушія позабылъ это, но онъ всетаки удержитъ свою должность, когда вспомнитъ — чья рука избрала его. И я, его жена, возвышаю голосъ и напоминаю ему объ этомъ!

Тогда Іисусъ Навинъ повернулъ къ выходу, чтобы положить конецъ этому непріятному спору; но Гуръ удержалъ его и, глубоко возмущенный неумѣстнымъ вмѣшательствомъ своей жены въ дѣло мужчинъ, началъ увѣрять, что онъ настаиваетъ на своемъ обѣщаніи. Вѣтеръ развѣетъ недобрыя

давно уже держалъ бы ее въ своихъ объятіяхъ, какъ молчаливый Рубенъ свою, прежде такую слабую, бѣдную и теперь такъ чрезмѣрно богатую и такъ бодро выступавшую, Мильку.

Какія мысли! Она должна загнать ихъ въ глубочайшую пропасть своего сердца, стараться уничтожить ихъ, потому что для нея грѣхъ такъ пламенно желать свиданія съ другимъ! И она желала, чтобы мужъ находился теперь при ней въ качествѣ ея избавителя отъ себя самой и отъ запрещенныхъ желаній ея въ этотъ ужасный часъ.

Ея мужемъ былъ начальникъ колѣна Іуды, Гуръ, а не бывшій египтянинъ, освобожденный узникъ. Чего же было ей нужно отъ эфраимита, отъ котораго она отказалась навсегда? какъ могло еще ей быть обидно то, что освобожденный не пошелъ къ ней на встрѣчу? почему она втайнѣ питала безумную надежду, что его удерживаетъ тамъ, наверху, какая нибудь серьезная обязанность?

Она едва видѣла, едва слышала — что вокругъ нея происходило, и только благодарное привѣтствіе, которое Милька крикнула на встрѣчу ея мужу, возвѣстило ей, что Гуръ приближается.

Онъ уже издали кивалъ ей головой, но онъ шелъ одинъ, безъ Іоссіи, безъ Іисуса Навина... все равно, какъ бы онъ ни назывался; и сознаніе, что ей обидно это, что это больно ея сердцу, возмущало ее противъ себя самой. Вѣдь она высоко цѣнила своего мужа, и ей было нетрудно дружески привѣтствовать его.

Онъ весело и сердечно отвѣтилъ на ея привѣтъ; но когда она указала ему на вновь соединившуюся чету, прославляла его, какъ побѣдителя и избавителя Рубена и многихъ другихъ несчастливцевъ, онъ откровенно признался, что эта похвала принадлежитъ не ему, а Іисусу, котораго она сама призвала во имя Всевышняго для начальствованія надъ военными силами народа.

При этихъ словахъ Марьямъ поблѣднѣла и, несмотря на утомительность пути, круто подымавшагося въ гору, не уставала обращаться къ мужу съ настойчивыми вопросами. Когда она узнала, что Іисусъ Навинъ со своимъ отцомъ и съ молодыми людьми отдыхаетъ тамъ, наверху, и что Гуръ обѣщалъ ему добровольно отказаться отъ должности главнаго военачальника, если Моисей согласится передать ее Іисусу

Навину, ея сросшіяся брови подъ высокимъ лбомъ мрачно сдвинулись, и съ суровою рѣзкостью она вскричала:

— Ты мой господинъ, и мнѣ неприлично противиться тебѣ даже тогда, когда ты настолько забываешь свою собственную жену, что уступаешь первое мѣсто человѣку, который когда-то осмѣливался подымать на нее глаза.

Гуръ съ жаромъ прервалъ ее:

— Онъ тебя не знаетъ больше, и, еслибы даже я захотѣлъ дать тебѣ разводъ, онъ всетаки не сталъ бы искать твоей руки.

— Не сталъ бы? спросила она съ принужденной улыбкой. — И онъ самъ сказалъ тебѣ объ этомъ?

— Онъ посвятилъ свое тѣло и свою душу благу народа и отрекся отъ любви къ женщинѣ, отвѣтилъ Гуръ. Но она вскричала:

— Отреченіе легко тамъ, гдѣ желаніе не могло бы добиться ничего, кромѣ отказа и стыда! Не ему, который въ часъ величайшей опасности искалъ помощи у египтянъ, а тебѣ одному, который велъ народъ къ первой побѣдѣ въ Суккотѣ и которому самъ Богъ черезъ Моисея, своего слугу, ввѣрилъ должность военачальника, — тебѣ одному принадлежитъ главное командованіе надъ войскомъ.

Гуръ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на жену, къ которой онъ пылалъ позднею горячею любовью, и, замѣтивъ, что щеки ея горятъ, и дыханіе прерывается, не зналъ, чему приписать это: трудности подъема на гору, или же страстному честолюбію ея высоко парящей души, которое она перенесла теперь на него, ея мужа.

Ему было пріятно, что онъ для нея гораздо дороже болѣе молодаго человѣка, извѣстнаго своими геройскими подвигами, возвращенія котораго онъ боялся. Но онъ посѣдѣлъ въ строгомъ исполненіи своихъ обязанностей и никогда не уклонялся отъ того, что̀ считалъ справедливымъ. Его первой женѣ, которую онъ похоронилъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, его взгляды были приказаніемъ; со стороны Марьямъ онъ тоже еще не испыталъ никакого противорѣчія. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Іоссія наилучшимъ образомъ подготовленъ для командованія военною силой народа, и поэтому онъ, тяжело дыша, такъ какъ и ему трудно было подыматься въ гору, возразилъ:

— Твое высокое мнѣніе льститъ мнѣ и радуетъ меня;

Онъ имѣлъ право сказать себѣ, что онъ опытенъ во всемъ, относящемся къ управленію большою военною силой и къ ея оборонѣ. Самъ Богъ ввѣрилъ ему должность военачальника, и Моисей, посылая ему совѣтъ быть сильнымъ и крѣпкимъ, утвердилъ его въ ней. Гуръ, носившій теперь это званіе, тоже желалъ передать свою должность ему. И слово его было крѣпко, хотя онъ и замедлилъ повтореніемъ своего обѣщанія передъ старѣйшинами. Во всякомъ случаѣ съ Іисусомъ Навиномъ обращались такъ, какъ будто онъ былъ уже главнокомандующимъ, и онъ самъ чувствовалъ себя таковымъ.

Когда собраніе начало расходиться, Гуръ просилъ Іисуса Навина проводить его до палатки, несмотря на поздній часъ, и воинъ пошелъ съ нимъ, желая объясниться съ Марьямъ. Онъ хотѣлъ въ присутствіи ея мужа показать ей, что онъ вступилъ на тотъ путь, на который она ему такъ настойчиво указывала.

Передъ супругой другаго умолкли нѣжныя чувства еврея. Жена Гура должна была знать, что онъ ничего больше не желаетъ отъ нея. Самъ онъ совсѣмъ и окончательно пересталъ думать о ней съ любовью, даже въ часы уединенія.

Онъ въ душѣ признавалъ, что она великая, величественная женщина, но его охватывалъ холодъ, когда онъ думалъ объ этомъ величіи.

Образъ ея дѣйствій представлялся ему тоже въ другомъ свѣтѣ. Когда она на вершинѣ ущелья привѣтствовала его съ холодною улыбкой, онъ пришелъ къ убѣжденію, что они сдѣлались вполнѣ чуждыми другъ другу; и это чувство все болѣе и болѣе усиливалось у костра, пылавшаго передъ великолѣпною палаткой вождя, гдѣ онъ снова встрѣтился съ нею.

Освобожденный Рубенъ со своею Милькой давно оставили Марьямъ, и теперь во время ея одинокаго ожиданія въ ея умѣ являлось то то, то другое, что она желала дать почувствовать человѣку, которому она позволила такъ много, что это теперь точно грѣхъ лежало у ней на душѣ.

Мы воспламеняемся злобой легче всего къ тѣмъ, относительно которыхъ чувствуемъ себя неправыми, а женщина считаетъ даръ своей любви до того великимъ и драгоцѣннымъ, что даже и отъ отвергнутаго обожателя требуетъ, чтобы онъ не переставалъ вспоминать о ней съ благодарностью. Но Іисусъ Навинъ похвалялся, что онъ не желаетъ больше обла-

дать женщиной, къ которой нѣкогда пылалъ горячею стр[illegible] и которую держалъ въ своихъ объятiяхъ, хотя бы да[illegible] была ему предложена. И онъ подтвердилъ такое ув[illegible] тѣмъ, что не вышелъ къ ней на встрѣчу, а спокойно [illegible] ее. Теперь, наконецъ, онъ пришелъ вмѣстѣ съ ея му[illegible] который готовъ былъ уступить ему первое мѣсто.

Но она еще здѣсь и будетъ зорко смотрѣть за [illegible] слишкомъ великодушнымъ супругомъ.

Старика, съ судьбою котораго она соединила [illegible] честная преданность котораго трогала ее, никто не до[illegible] былъ обманомъ лишить руководящей роли; и ему [illegible] удерживать за собою положенiе вождя уже потому, ч[illegible] не желала быть женою человѣка, не смѣющаго [illegible] лать притязанiя на самое первое мѣсто послѣ ея [illegible]

Эта прославленная женщина, вѣрившая въ [illegible] ческiй даръ, никогда еще не чувствовала въ своей [illegible] такой горечи, злобы и раздраженiя. Она не призна[illegible] въ этомъ себѣ самой, и [illegible] же ей казалось, какъ ненависть, внушенная ей Моисеемъ противъ [illegible] оставшаяся теперь безпредметной, требуетъ новой [illegible] направленiя противъ единственнаго человѣка, котора[illegible] нѣкогда любила.

И правдивая женщина можетъ быть [illegible]

[illegible]

случаи называть его такъ или иначе. Люди, расположенные къ нему, охотно привыкаютъ называть его Іисусомъ.

На это Марьямъ замѣтила, что она готова дѣлать то же, если позволитъ ей мужъ, и если онъ самъ будетъ настаивать на этомъ, потому что имя есть не болѣе, какъ внѣшность. Но должность и санъ, конечно, другое дѣло.

Когда затѣмъ Іисусъ Навинъ сказалъ ей, что онъ все еще вѣритъ, что самъ Богъ устами ея, своей пророчицы, призвалъ его быть вождемъ воиновъ народа, и что ни за кѣмъ, кромѣ Моисея, онъ не признаетъ права отказать ему въ притязаніи на эту должность, — Гуръ согласился съ нимъ и протянулъ ему руку.

Тогда Марьямъ оставила сдержанность, къ которой принуждала себя до тѣхъ поръ, и съ вызывающею запальчивостью сказала:

— И въ этомъ я другаго мнѣнія! Ты уклонился отъ призыва Всевышняго. Можешь ли ты отрицать это? И когда Вездѣсущій, вмѣсто того чтобы видѣть тебя во главѣ твоихъ соплеменниковъ, нашелъ тебя у ногъ фараона, — онъ лишилъ тебя должности, которую ввѣрилъ тебѣ прежде. Какъ сильнѣйшій изъ всѣхъ вождей, онъ поднялъ бурю и волны, и онѣ поглотили врага. Такъ окончили они, бывшіе твоими друзьями до тѣхъ поръ, когда ихъ тяжелыя цѣпи заставили тебя почувствовать — какъ они расположены къ тебѣ и къ твоему народу. Я между тѣмъ прославляла милость Всевышняго, и народъ присоединился къ моему хвалебному гимну. И еще въ тотъ же день Господь призвалъ, вмѣсто тебя, другаго для предводительствованія войскомъ, и этотъ другой — какъ тебѣ извѣстно — мой мужъ. И хотя Гуръ никогда не изучалъ военнаго искусства, но Богъ направляетъ его руку, — а кто кромѣ его даруетъ побѣду? Мой супругъ — выслушай это во второй разъ — мой супругъ одинъ военачальникъ, и хотя онъ въ избыткѣ своего великодушія позабылъ это, но онъ всетаки удержитъ свою должность, когда вспомнитъ — чья рука избрала его. И я, его жена, возвышаю голосъ и напоминаю ему объ этомъ!

Тогда Іисусъ Навинъ повернулъ къ выходу, чтобы положить конецъ этому непріятному спору; но Гуръ удержалъ его и, глубоко возмущенный неумѣстнымъ вмѣшательствомъ своей жены въ дѣло мужчинъ, началъ увѣрять, что онъ настаиваетъ на своемъ обѣщаніи. Вѣтеръ развѣетъ недобрыя

Твой умъ... да, онъ вдесятеро острѣе того, какимъ
а эта несчастная женщина. Но въ твоемъ сердцѣ,
мъ для великаго, нѣтъ мѣста для любви. Оно со-
ся и перестанетъ биться, не зная, что̀ значитъ это
И, несмотря на твой взглядъ, пылающій гнѣвомъ, я
тебѣ далѣе: ты больше, чѣмъ женщина, ты проро-
же не могу похвалиться такимъ высокимъ даромъ.
иное, какъ простой человѣкъ, для котораго битва
одходящее дѣло, чѣмъ созерцаніе будущаго. Однако
редвижу, что̀ произойдетъ. Сожигающую тебя нена-
ротивъ меня ты будешь питать въ своей душѣ. Ты
ь ее и въ сердцѣ своего мужа и усердно поста-
раздуть ее. И я знаю — зачѣмъ! пожирающее тебя
ое честолюбіе дѣлаетъ для тебя невыносимымъ быть
человѣка, уступившаго первое мѣсто другому. Ты
аешься называть меня именемъ, которымъ я обязанъ
если злоба и высокомѣріе не задушатъ въ тебѣ
ннаго чувства, которое еще соединяетъ насъ, имен-
бви къ нашему народу, то наступитъ день, когда
овольно подойдешь ко мнѣ и назовешь меня »Іису-
о свободному побужденію своего сердца.
тими словами онъ поклонился Марьямъ и ея мужу
ь въ темнотѣ ночи.
мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и не сказалъ ни
ока шаги его поздняго посѣтителя раздавались въ
ъ лагерѣ. Но затѣмъ долго сдерживаемый гнѣвъ этого
го человѣка, смотрѣвшаго до тѣхъ поръ на свою
жену съ нѣжнымъ обожаніемъ, вырвался на волю.
авъ два большіе шага, онъ остановился возлѣ жены,
была блѣднѣе, чѣмъ онъ, и, повидимому, разстроен-
трѣла въ огонь. Его голосъ потерялъ свое металличе-
гозвучіе и раздавался рѣзко и пронзительно, когда
ричалъ:
И имѣлъ мужество посвататься къ дѣвушкѣ, вообра-
что она ближе къ Богу, чѣмъ другія женщины, и
сдѣлавшись моею женою, она заставляетъ меня рас-
я въ такой смѣлости.
каиваться? сорвался вопросъ съ ея блѣдныхъ губъ,
рные глаза сверкнули на него вызывающимъ взгля-
онъ, не смущаясь, схватилъ ея руку, сжалъ ее
до боли, и продолжалъ:

оставило передъ нею зеркало, показавшее ей образъ,
привелъ ее въ ужасъ.
ь она чувствовала нетерпѣливое желаніе — поспѣ-
ѣдъ за нимъ и опять вымолить у него любовь, ко-
ъ окружалъ ее до сихъ поръ, — это она сознавала
дарностью.
чувствовала, что она въ состояніи отвѣтить на этотъ
ный подарокъ: не напрасно же она томилась те-
имъ искреннимъ желаніемъ услышать изъ его устъ
рощающее слово.
уша казалась ей подобною засѣянному полю, по-
му ядовитою ржавчиной, — поблеклою, засохшею,
нною, а между тѣмъ нѣкогда въ ней все цвѣло и

вспомнила пахатную землю въ Гозенѣ, которая, давъ
жатву, оставалась твердою и сухою до той поры,
ибывала вода рѣки, чтобы снова размягчить ее и
ть въ ростки сѣмена, принятыя ею. Такъ было и
шою, съ тою только разницею, что она бросила въ
рѣвшее зерно и преступною рукой воздвигла пло-
ду оросительной влагой и засохшею почвой.
ремя еще не прошло.
знала, что онъ ошибался въ одномъ отношеніи: она
такая же, какъ и всякая другая, и способна вол-
горячею страстью къ любимому человѣку. Един-
тъ нея зависѣло заставить его почувствовать это
ьятіяхъ.
ь онъ, разумѣется, вправѣ считать ее черствою и
енною, потому что тамъ, гдѣ прежде цвѣла лю-
ерь появился горькій источникъ, испортившій все,
коснулся.
ли то мщеніе сердца, пламенныя желанія котораго
геройски умертвила?
пренебрегъ ея тягчайшею жертвой; въ этомъ не-
было сомнѣваться, потому что слава его уже не
ей въ возвышающихъ сердце видѣніяхъ, и, слѣдо-
она едва ли имѣла теперь право называться проро-
ѣе, правдивую, эта жертва привела къ неправдѣ;
ая въ сознаніи, что она идетъ по истинному пути,
миръ съ собою, она ввергла въ мучительную тре-
времени этого великаго и тяжкаго подвига для

нея, нѣкогда столь богатой надеждами, не расцвѣтало ничто, къ чему она стремилась съ страстнымъ желаніемъ. Она, не знавшая ни одной женщины, передъ которою ей пришлось бы отступить, должна была потерпѣть униженіе отъ бѣдной умирающей. Она была доброжелательна къ каждому, кто принадлежалъ къ числу ея соплеменниковъ и былъ преданъ дѣлу ея народа, а теперь лучшаго и благороднѣйшаго она оскорбила враждебнымъ озлобленіемъ. Бѣднѣйшей женѣ поденьщика удавалось крѣпче привязать къ себѣ своего мужа, который разъ полюбилъ ее, — а она своего безразсудно отъ себя отдалила.

Она, иззябшая, пришла къ очагу въ качествѣ ищущей покровительства, но нашла тамъ болѣе теплоты, чѣмъ надѣялась, и его великодушіе и любовь, подобно цѣлебному бальзаму, подѣйствовали на ея изнуренную душу.

Теперь онъ болѣе не считалъ ее способною къ нѣжному чувству, а между тѣмъ она не могла жить безъ любви, и никакая жертва не казалась ей слишкомъ тяжелою, лишь бы снова пріобрѣсти его любовь. Но гордость тоже была однимъ изъ условій ея существованія, и каждый разъ какъ она намѣревалась смиренно открыть свое сердце мужу, ею овладѣвало опасеніе — какъ бы не унизить своего достоинства; и она, точно околдованная, стояла у костра до тѣхъ поръ, пока сгорѣвшія дрова, дымясь, обрушились у ея ногъ, и ее окружила тьма.

Какая-то странная боязнь закралась ей въ душу. Двѣ летучія мыши, явившіяся съ рудниковъ и кружившіяся у огня, пролетѣли какъ разъ возлѣ нея подобно какимъ-то привракамъ. Все побуждало ее вернуться въ шатеръ, къ нему, и съ внезапною рѣшимостью она вошла въ обширное помѣщеніе, освѣщенное однимъ свѣтильникомъ. Но оно было пусто, и встрѣтившая ее раба сказала ей, что Гуръ до самаго выступленія народа останется у сына и внука.

Тогда ею овладѣла скорбь, и она легла въ постель такая безпомощная и простыженная, какою не чувствовала себя со времени своего дѣтства.

Нѣсколько часовъ спустя лагерь проснулся, и когда ея мужъ на разсвѣтѣ съ краткимъ привѣтствіемъ вошелъ въ палатку, гордость снова заставила ее поднять голову, и ея отвѣтъ на его слова прозвучалъ сдержанно и холодно. Вернулся онъ пришелъ не одинъ: съ нимъ былъ его сынъ, Ура-

Притомъ онъ смотрѣлъ суровѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что люди племени Іуды, собравшись рано утромъ, умоляли его не уступать должности военачальника никому изъ принадлежащихъ къ другимъ колѣнамъ.

Это было для него неожиданностью. Онъ указалъ имъ на зависимость этого вопроса отъ рѣшенія Моисея, и желаніе, чтобы оно состоялось не въ его пользу, усилилось въ немъ, потому что самонадѣянный взглядъ его молодой жены снова возмутилъ его душу.

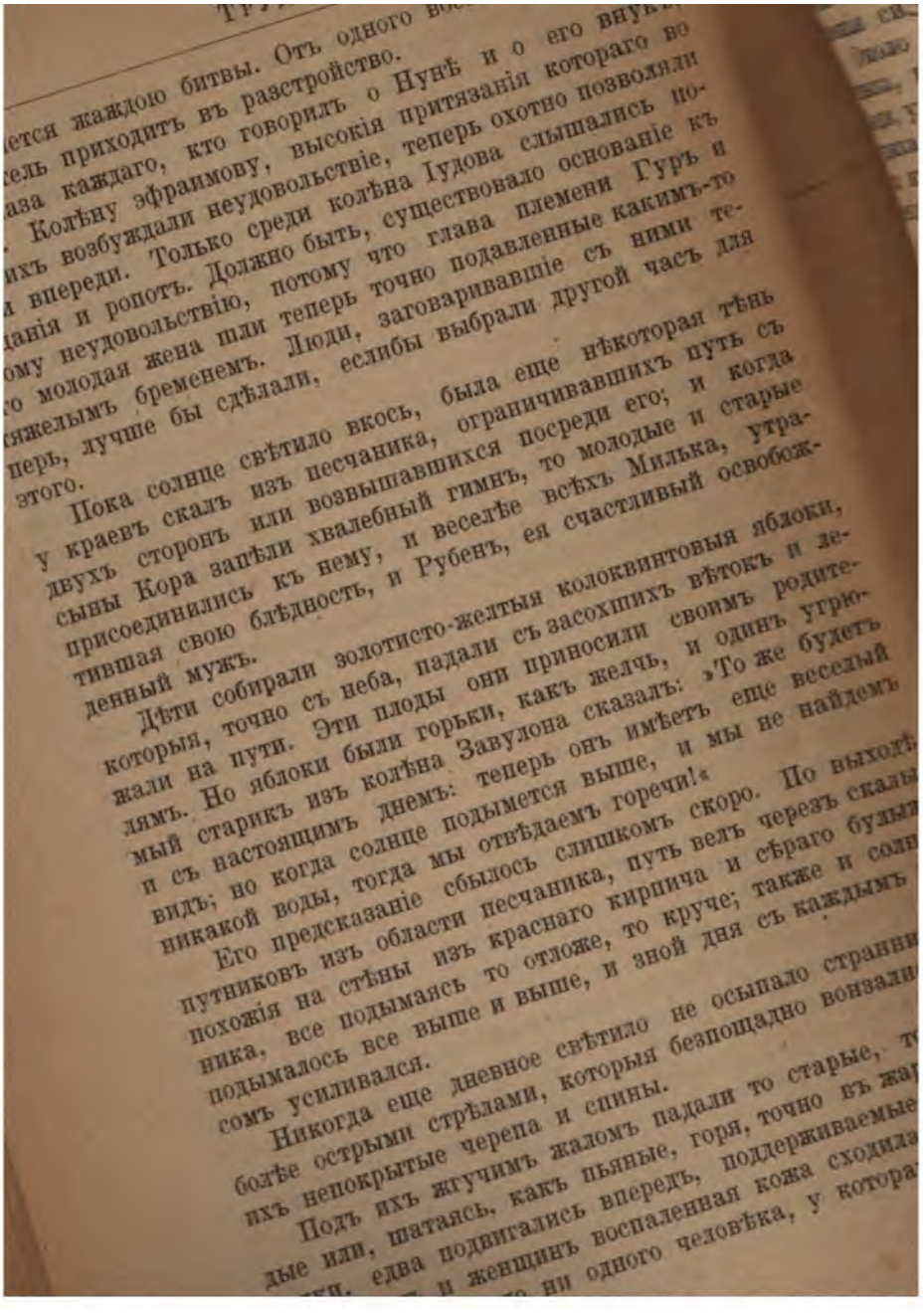
XXVI

Рано утромъ слѣдующаго дня народъ выступилъ въ путь, освѣженный и съ поднятымъ духомъ; но маленькій источникъ, который откопали евреи, совсѣмъ истощился. Однако же они легко перенесли это лишеніе, такъ какъ надѣялись найти новые источники въ Алусѣ.

Въ лучезарномъ величіи солнце поднялось на ясномъ небѣ. Его свѣтъ пролилъ свою живительную силу и въ сердца людей, и, подобно голубому своду въ вышинѣ, сіяли скалы и желтый песокъ дороги. Ароматный, чистый, легкій и охлажденный ночною свѣжестью воздухъ вздымалъ грудь странниковъ, и путешествіе сдѣлалось теперь для нихъ удовольствіемъ.

Давно уже мужчины не выказывали большей увѣренности, глаза женщинъ не свѣтились болѣе веселымъ блескомъ, потому что Господь показалъ своему народу, что онъ думаетъ о немъ среди его бѣдствій; отцы и матери съ гордостью смотрѣли на сыновей, одолѣвшихъ врага. Въ кругахъ большинства колѣнъ израилевыхъ вновь привѣтствовали погибшихъ и вновь возвращенныхъ узниковъ. Было пріятною обязанностью — по возможности вознаградить ихъ за вредъ, нанесенный имъ страшными каторжными работами. Между эфраимитами и вездѣ радовались возвращенію Іисуса Навина, какъ называли теперь бывшаго Іоссію всѣ, за исключеніемъ людей колѣна Іудова, — радовались, вспоминая обѣщаніе, скрывавшееся въ этомъ имени.

Юноши, одержавшіе подъ его начальствомъ побѣду надъ египтянами, разсказывали своимъ — какой человѣкъ сынъ Нуна, какъ онъ все обдумываетъ и каждаго ставитъ на надлежащее мѣсто. Каждый, на кого онъ броситъ взглядъ, вос-



насушилъ бы языка и нёба и не нанесъ бы вреда его крѣпкой силѣ и вновь возродившемуся мужеству.

Скотъ опустилъ голову и нехотя подвигался впередъ, едва волоча ноги, или валился на землю и лежалъ, пока бичи пастуховъ не заставляли его подняться и собрать ослабѣвшія силы.

Около полудня народу позволено было остановиться для отдыха, но на мѣстѣ остановки не было ни малѣйшей тѣни. Люди, улегшіеся подъ палящимъ полдневнымъ зноемъ, вмѣсто отдыха находили только новыя муки. Не будучи въ состояніи ихъ выносить, они настаивали на скорѣйшемъ выступленіи въ путь, чтобы дойти до источниковъ Алуса.

Въ предшествовавшіе дни, послѣ того какъ солнце на безоблачномъ небѣ начинало склоняться къ западу, жара обыкновенно ослабѣвала, и предъ наступленіемъ сумерокъ странниковъ прохлаждало болѣе свѣжее дыханіе воздуха; но въ этотъ день скалистая мѣстность пустыни въ теченіе многихъ часовъ оставалась насыщенною зноемъ полудня до тѣхъ поръ, пока отъ моря, съ запада, не начало доноситься легкое вѣяніе. Въ то же время авангардъ, который, согласно совѣту Іисуса Навина, шелъ впереди странниковъ, остановился, а за нимъ остановился и весь народъ.

Мужчины, женщины, дѣти повернули глаза въ одну сторону и руками, посохами, клюками указывали на одно и то же мѣсто, гдѣ взоры ихъ приковало чудное, никогда еще ими невиданное зрѣлище.

Громкій крикъ удивленія вырвался изъ засохшихъ, усталыхъ губъ, такъ долго не открывавшихся для разговора; онъ передавался отъ отряда къ отряду, отъ колѣна къ колѣну, пока не дошелъ до прокаженныхъ въ концѣ шествія и до аріергарда, слѣдовавшаго за ними. Одинъ подходилъ къ другому и шепталъ ему имя, извѣстное каждому, имя священной горы, гдѣ Господь обѣщалъ Моисею привести свой народъ въ прекрасную и обширную страну, изобилующую молокомъ и медомъ.

Никто не сказалъ объ этомъ изнуреннымъ странникамъ, но каждому изъ нихъ было извѣстно, что здѣсь въ первый разъ онъ видитъ Хоривъ и его синайскую вершину, священнѣйшую высоту этой гранитной горной массы.

Это была не только гора, это былъ тронъ всемогущаго Бога ихъ отцовъ!

нея, нѣкогда столь богатой надеждами, не расцвѣтало ничто, къ чему она стремилась съ страстнымъ желаніемъ. Она, не знавшая ни одной женщины, передъ которою ей пришлось бы отступить, должна была потерпѣть униженіе отъ бѣдной умирающей. Она была доброжелательна къ каждому, кто принадлежалъ къ числу ея соплеменниковъ и былъ преданъ дѣлу ея народа, а теперь лучшаго и благороднѣйшаго она оскорбила враждебнымъ озлобленіемъ. Бѣднѣйшей женѣ поденьщика удавалось крѣпче привязать къ себѣ своего мужа, который разъ полюбилъ ее, — а она своего безразсудно отъ себя отдалила.

Она, иззябшая, пришла къ очагу въ качествѣ ищущей покровительства, но нашла тамъ болѣе теплоты, чѣмъ надѣялась, и его великодушіе и любовь, подобно цѣлебному бальзаму, подѣйствовали на ея изнуренную душу.

Теперь онъ болѣе не считалъ ее способною къ нѣжному чувству, а между тѣмъ она не могла жить безъ любви, и никакая жертва не казалась ей слишкомъ тяжелою, лишь бы снова пріобрѣсти его любовь. Но гордость тоже была однимъ изъ условій ея существованія, и каждый разъ какъ она намѣревалась смиренно открыть свое сердце мужу, ею овладѣвало опасеніе — какъ бы не унизить своего достоинства; и она, точно околдованная, стояла у костра до тѣхъ поръ, пока сгорѣвшія дрова, дымясь, обрушились у ея ногъ, и ее окружила тьма.

Какая-то странная боязнь закралась ей въ душу. Двѣ летучія мыши, явившіяся съ рудниковъ и кружившіяся у огня, пролетѣли какъ разъ возлѣ нея подобно какимъ-то призракамъ. Все побуждало ее вернуться въ шатеръ, къ нему, и съ внезапною рѣшимостью она вошла въ обширное помѣщеніе, освѣщенное однимъ свѣтильникомъ. Но оно было пусто, и встрѣтившая ее раба сказала ей, что Гуръ до самаго выступленія народа останется у сына и внука.

Тогда ею овладѣла скорбь, и она легла въ постель такая безпомощная и пристыженная, какою не чувствовала себя со времени своего дѣтства.

Нѣсколько часовъ спустя лагерь проснулся, и когда ея мужъ на разсвѣтѣ съ краткимъ привѣтствіемъ вошелъ въ палатку, гордость снова заставила ее поднять голову, и ея отвѣтъ на его слова прозвучалъ сдержанно и холодно. Впрочемъ, онъ пришелъ не одинъ: съ нимъ былъ его сынъ, Ури.

Притомъ онъ смотрѣлъ суровѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что люди племени Іуды, собравшись рано утромъ, умоляли его не уступать должности военачальника никому изъ принадлежащихъ къ другимъ колѣнамъ.

Это было для него неожиданностью. Онъ указалъ имъ на зависимость этого вопроса отъ рѣшенія Моисея, и желаніе, чтобы оно состоялось не въ его пользу, усилилось въ немъ, потому что самонадѣянный взглядъ его молодой жены снова возмутилъ его душу.

XXVI

Рано утромъ слѣдующаго дня народъ выступилъ въ путь, освѣженный и съ поднятымъ духомъ; но маленькій источникъ, который откопали евреи, совсѣмъ истощился. Однако же они легко перенесли это лишеніе, такъ какъ надѣялись найти новые источники въ Алусѣ.

Въ лучезарномъ величіи солнце поднялось на ясномъ небѣ. Его свѣтъ пролилъ свою живительную силу и въ сердца людей, и, подобно голубому своду въ вышинѣ, сіяли скалы и желтый песокъ дороги. Ароматный, чистый, легкій и охлажденный ночною свѣжестью воздухъ вздымалъ грудь странниковъ, и путешествіе сдѣлалось теперь для нихъ удовольствіемъ.

Давно уже мужчины не выказывали большей увѣренности, глаза женщинъ не свѣтились болѣе веселымъ блескомъ, потому что Господь показалъ своему народу, что онъ думаетъ о немъ среди его бѣдствій; отцы и матери съ гордостью смотрѣли на сыновей, одолѣвшихъ врага. Въ кругахъ большинства колѣнъ израилевыхъ вновь привѣтствовали погибшихъ и вновь возвращенныхъ узниковъ. Было пріятною обязанностью — по возможности вознаградить ихъ за вредъ, нанесенный имъ страшными каторжными работами. Между эфраимитами и вездѣ радовались возвращенію Іисуса Навина, какъ называли теперь бывшаго Іоссію всѣ, за исключеніемъ людей колѣна Іудова, — радовались, вспоминая обѣщаніе, скрывавшееся въ этомъ имени.

Юноши, одержавшіе подъ его начальствомъ побѣду надъ египтянами, разсказывали своимъ — какой человѣкъ сынъ Нуна, какъ онъ все обдумываетъ и каждаго ставитъ на надлежащее мѣсто. Каждый, на кого онъ броситъ взглядъ, вос-

пламеняется жаждою битвы. Отъ одного военнаго крика его непріятель приходитъ въ разстройство.

Глаза каждаго, кто говорилъ о Нунѣ и о его внукѣ, сіяли. Колѣну эфраимову, высокія притязанія котораго во многихъ возбуждали неудовольствіе, теперь охотно позволяли идти впереди. Только среди колѣна Іудова слышались порицанія и ропотъ. Должно быть, существовало основаніе къ этому неудовольствію, потому что глава племени Гуръ и его молодая жена шли теперь точно подавленные какимъ-то тяжелымъ бременемъ. Люди, заговаривавшіе съ ними теперь, лучше бы сдѣлали, еслибы выбрали другой часъ для этого.

Пока солнце свѣтило вкось, была еще нѣкоторая тѣнь у краевъ скалъ изъ песчаника, ограничивавшихъ путь съ двухъ сторонъ или возвышавшихся посреди его; и когда сыны Кора запѣли хвалебный гимнъ, то молодые и старые присоединились къ нему, и веселѣе всѣхъ Милька, утратившая свою блѣдность, и Рубенъ, ея счастливый освобожденный мужъ.

Дѣти собирали золотисто-желтыя колоквинтовыя яблоки, которыя, точно съ неба, падали съ засохшихъ вѣтокъ и лежали на пути. Эти плоды они приносили своимъ родителямъ. Но яблоки были горьки, какъ желчь, и одинъ угрюмый старикъ изъ колѣна Завулона сказалъ: »То же будетъ и съ настоящимъ днемъ: теперь онъ имѣетъ еще веселый видъ; но когда солнце подымется выше, и мы не найдемъ никакой воды, тогда мы отвѣдаемъ горечи!«

Его предсказаніе сбылось слишкомъ скоро. По выходѣ путниковъ изъ области песчаника, путь велъ черезъ скалы, похожія на стѣны изъ краснаго кирпича и сѣраго булыжника, все подымаясь то отложе, то круче; также и солнце подымалось все выше и выше, и зной дня съ каждымъ часомъ усиливался.

Никогда еще дневное свѣтило не осыпало странниковъ болѣе острыми стрѣлами, которыя безпощадно вонзались въ ихъ непокрытые черепа и спины.

Подъ ихъ жгучимъ жаломъ падали то старые, то молодые или, шатаясь, какъ пьяные, горя, точно въ жару лихорадки, едва подвигались впередъ, поддерживаемые своими. У мужчинъ и женщинъ воспаленная кожа сходила съ лица и рукъ, и не было ни одного человѣка, у котораго зной не

насушилъ бы языка и нёба и не нанесъ бы вреда его крѣпкой силѣ и вновь возродившемуся мужеству.

Скотъ опустилъ голову и нехотя подвигался впередъ, едва волоча ноги, или валился на землю и лежалъ, пока бичи пастуховъ не заставляли его подняться и собрать ослабѣвшія силы.

Около полудня народу позволено было остановиться для отдыха, но на мѣстѣ остановки не было ни малѣйшей тѣни. Люди, улегшіеся подъ палящимъ полдневнымъ зноемъ, вмѣсто отдыха находили только новыя муки. Не будучи въ состояніи ихъ выносить, они настаивали на скорѣйшемъ выступленіи въ путь, чтобы дойти до источниковъ Алуса.

Въ предшествовавшіе дни, послѣ того какъ солнце на безоблачномъ небѣ начинало склоняться къ западу, жара обыкновенно ослабѣвала, и предъ наступленіемъ сумерокъ странниковъ прохлаждало болѣе свѣжее дыханіе воздуха; но въ этотъ день скалистая мѣстность пустыни въ теченіе многихъ часовъ оставалась насыщенною зноемъ полудня до тѣхъ поръ, пока отъ моря, съ запада, не начало доноситься легкое вѣяніе. Въ то же время авангардъ, который, согласно совѣту Іисуса Навина, шелъ впереди странниковъ, остановился, а за нимъ остановился и весь народъ.

Мужчины, женщины, дѣти повернули глаза въ одну сторону и руками, посохами, клюками указывали на одно и то же мѣсто, гдѣ взоры ихъ приковало чудное, никогда еще ими невиданное зрѣлище.

Громкій крикъ удивленія вырвался изъ засохшихъ, усталыхъ губъ, такъ долго не открывавшихся для разговора; онъ передавался отъ отряда къ отряду, отъ колѣна къ колѣну, пока не дошелъ до прокаженныхъ въ концѣ шествія и до аріергарда, слѣдовавшаго за ними. Одинъ подходилъ къ другому и шепталъ ему имя, извѣстное каждому, имя священной горы, гдѣ Господь обѣщалъ Моисею привести свой народъ въ прекрасную и обширную страну, изобилующую молокомъ и медомъ.

Никто не сказалъ объ этомъ изнуреннымъ странникамъ, но каждому изъ нихъ было извѣстно, что здѣсь въ первый разъ онъ видитъ Хоривъ и его синайскую вершину, священнѣйшую высоту этой гранитной горной массы.

Это была не только гора, это былъ тронъ всемогущаго Бога ихъ отцовъ!

Подобно кусту, изъ котораго Всевышній обращал
къ своему избраннику, въ этотъ часъ вся свя
гора, казалось, была объята пламенемъ. Высоко и
ственно подымалась ея семизубчатая корона надъ
раскинувшимися дальними возвышенностями и доли
пылала подобно какому то исполинскому рубину, пр
ному насквозь свѣтомъ всемірнаго пожара.

Никому еще не случалось видѣть подобнаго з
Затѣмъ солнце стало опускаться все глубже и гл
наконецъ, ушло въ скрывавшееся за горою море на
Пылающій рубинъ превратился въ темный аметистъ
конецъ украсился темною синевою фіалки, и въ
[illegible]

за какой нибудь маленькій клочокъ земли, изъ котораго они надѣялись собрать нѣсколько капель драгоцѣнной влаги въ какую нибудь чашечку. Скотъ блеялъ и мычалъ такъ безпокойно и жалобно, что эти звуки терзали сердце пастуховъ, подобно упрекамъ.

Только немногіе дали себѣ трудъ поставить палатки. Ночь была такъ тепла, и всѣ были того мнѣнія, что чѣмъ раньше отправиться далѣе, тѣмъ будетъ лучше, такъ какъ Моисей обѣщалъ черезъ нѣсколько часовъ присоединиться къ странникамъ. Онъ одинъ могъ найти способъ выйти изъ этого бѣдствія: предохранить и людей, и животныхъ отъ истощенія было его обязанностью.

Если Богъ, разсуждали они, Богъ, который обѣщалъ имъ такую прекрасную будущность, допуститъ, чтобы они погибли въ пустынѣ, то это будетъ значить, что человѣкъ, предводительству котораго они ввѣрились, обманщикъ, а Богъ, на могущество и милость котораго онъ непрестанно указывалъ имъ, лживѣе, безсильнѣе тѣхъ идоловъ съ головами людей и животныхъ, которымъ они покланялись въ Египтѣ.

Между ругательствами и проклятіями слышались также и угрозы. Когда Ааронъ, возвращавшійся къ народу, обращался къ нему съ рѣчью, ему грозили сжатыми кулаками.

Марьямъ, по приказанію своего мужа, тоже должна была перестать успокоивать женщинъ ободряющими словами утѣшенія, послѣ того какъ одна изъ нихъ, у изсохшей груди которой умеръ ребенокъ, подняла на нее камень, а другія послѣдовали ея примѣру.

Стараго Нуна и его сына слушали съ бо̀льшею охотою. Оба они рѣшили, что Іисусъ Навинъ будетъ сражаться, на какомъ бы мѣстѣ ни поставилъ его Моисей; но Гуръ самъ привелъ его къ воинамъ, и тѣ радостно привѣтствовали его.

Какъ отецъ, такъ и сынъ умѣли укрѣпить въ нихъ увѣренность. Они разсказывали воинамъ о богатомъ источниками оазисѣ амалекитянъ, который былъ недалеко, и указывали на оружіе въ ихъ рукахъ, которымъ вооружилъ ихъ самъ Господь.

Іисусъ Навинъ увѣрялъ ихъ, что они далеко превосходятъ числомъ воиновъ этого племени. Если молодежь будетъ драться съ такою же храбростью, какъ она дралась у мѣдныхъ рудниковъ и въ Дофкѣ, то, при божіей помощи, они одержатъ побѣду.

Послѣ полуночи Іоссія, посовѣтовавшись со старѣйшинами, велѣлъ трубить въ трубы, чтобы созвать людей, способныхъ сражаться. При свѣтѣ звѣздъ онъ сдѣлалъ имъ смотръ, раздѣлилъ ихъ на отряды, изъ которыхъ каждому далъ соотвѣтствующаго начальника, и объяснилъ имъ значеніе сигналовъ, которымъ они должны были слѣдовать.

Они собрались сонные, истомленные жаждой, но новая дѣятельность, къ которой побуждалъ ихъ бодрый вождь, и надежда на побѣду и драгоцѣнную добычу, т. е. кусокъ земли у подножія священной горы, богатый источниками и пальмами, изумительнымъ образомъ укрѣпили ихъ ослабѣвшую энергію.

Эфраимъ былъ между ними и оживлялъ другихъ своею неутомимою бодростью. Когда Іисусъ Навинъ, на которомъ Господь уже показалъ, что онъ считаетъ его достойнымъ помощи, обѣщанной ему въ самомъ его имени, сталъ убѣждать ихъ положиться на всемогущество божіе, то его слова подѣйствовали совсѣмъ другимъ образомъ, чѣмъ рѣчи Аарона, которыя они слышали каждый день.

Когда говорилъ Іисусъ Навинъ, съ губъ многихъ юношей, хотя бы они чувствовали жажду, срывался воодушевленный крикъ: »Да здравствуетъ военачальникъ! Ты нашъ вождь, мы не пойдемъ ни за кѣмъ другимъ!«

Но онъ объявилъ имъ серьезно и рѣшительно, что онъ намѣренъ самъ оказывать то же повиновеніе, какое требуетъ отъ нихъ. Онъ охотно поступитъ послѣднимъ человѣкомъ въ послѣдній отрядъ, если такъ прикажетъ Моисей.

Звѣзды еще ярко сіяли на безоблачномъ небѣ, когда звуки роговъ подали народу сигналъ къ выступленію.

Между тѣмъ авангардъ былъ уже посланъ впередъ, чтобы сообщить Моисею о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, и Эфраимъ послѣдовалъ за посланцами по окончаніи военнаго упражненія.

Во время дальнѣйшаго перехода Іисусъ Навинъ держалъ всѣхъ воиновъ такъ близко другъ къ другу, какъ будто уже теперь слѣдовало ожидать нападенія. При этомъ онъ пользовался каждою минутой, чтобы давать имъ и ихъ начальникамъ наставленія насчетъ предстоящей битвы, наблюдать за ними и приводить отряды въ бо̀льшій порядокъ. Такъ онъ поддерживалъ ихъ неусыпное вниманіе до тѣхъ поръ, пока не побѣдили звѣзды.

Только изрѣдка слышались противорѣчія или жалобы между бойцами, но тѣмъ громче были ропотъ, проклятія и угрозы тѣхъ, которые не носили никакого оружія. Еще до разсвѣта между мужчинами, у которыхъ отъ усталости подкашивались колѣни и которые близко видѣли бѣдственное положеніе женщинъ и дѣтей, все чаще слышался крикъ: »На Моисея! Мы побьемъ его камнями тамъ, гдѣ его найдемъ!«

Нѣкоторые уже вырвали камни изъ почвы, и озлобленіе толпы выказалось наконецъ такъ страстно и необузданно, что Гуръ собралъ благонамѣренныхъ старѣйшинъ на совѣтъ и затѣмъ съ воинами изъ колѣна Іуды поспѣшилъ опередить народъ, чтобы, въ случаѣ крайности, вооруженною рукою защитить Моисея отъ бунтовщиковъ.

Іисусу Навину было поручено удерживать мятежниковъ, которые съ угрозами и ругательствами старались прорваться впередъ мимо воиновъ.

Когда солнце наконецъ взошло въ ослѣпительномъ великолѣпіи, шествіе евреевъ представляло жалкое зрѣлище людей, которые подвигались впередъ, шатаясь и едва волоча ноги. Даже воины тащились точно разслабленные. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда бунтовщики старались прорваться впередъ, они оживлялись и, исполняя свою обязанность, отгоняли ихъ мечами и копьями.

По обѣимъ сторонамъ долины, черезъ которую проходили странники, подымались теперь высокія стѣны изъ сѣраго гранита, которыя причудливо сверкали и блестѣли, когда косые лучи дневнаго свѣтила падали на куски кварца, врѣзавшіеся въ первобытную гранитную массу.

Къ полудню слѣдовало ожидать подавляющаго зноя среди голыхъ каменныхъ стѣнъ, мѣстами близко сходившихся одна съ другою; но теперь еще господствовала утренняя прохлада. Скотъ находилъ для себя нѣкоторое подкрѣпленіе, такъ какъ ему попадались для корма кусты сочнаго душистаго бетарана *), и дѣти пастуховъ, поднявъ полы своей одежды, наполняли ихъ вѣтвями этого растенія и кормили ими своихъ голодныхъ четвероногихъ любимцевъ, несмотря на собственное изнеможеніе.

Такъ провели они около часа, какъ вдругъ послышался

*) Centolina fragrantissima.

громкій радостный крикъ. Онъ начался въ передовомъ отрядѣ и переходилъ отъ одного колѣна израилева къ другому, пока не дошелъ до послѣдняго человѣка въ аріергардѣ.

Никто не слышалъ словеснаго объясненія первоначальной причины этого крика, однако же каждый зналъ, что этотъ крикъ значитъ ничто иное, какъ то, что свѣжая вода наконецъ найдена.

Эфраимъ повернулъ назадъ, чтобы подтвердить радостную вѣсть, и какъ подѣйствовала она на людей, упавшихъ духомъ!

Они встрепенулись и съ удвоенною скоростью пошли впередъ, точно успѣли уже осушить по кувшину воды. Отряды воиновъ теперь пропускали ихъ безпрепятственно и весело привѣтствовали своихъ близкихъ, когда тѣ проходили мимо ихъ.

Однако же стремительный потокъ быстро бѣжавшаго народа скоро остановился, потому что до мѣста, гдѣ онъ надѣялся освѣжиться, не допускала передникъ, а съ ними вмѣстѣ и весь народъ, преграда болѣе сильная, чѣмъ рвы и стѣны.

Наконецъ показались мужчины и женщины съ веселыми лицами и съ полными кувшинами и ведрами въ рукахъ и на головѣ, весело кивая друзьямъ, крича имъ утѣшительныя слова и стараясь пробраться къ нимъ сквозь толпу. Но у многихъ изъ нихъ была отнята драгоцѣнная влага, прежде чѣмъ они достигли цѣли.

Окончаніе будетъ

[55a-32995]

AP
50
.T85
v.7
no.14

СОЛДАТИКЪ ВАНЯ

ЭСКИЗЪ

Знакомить васъ, читатель, съ Ваней мнѣ не приходится: если только вы когда либо совершали лѣтомъ болѣе или менѣе далекое путешествіе на лошадяхъ, вамъ, вѣроятно, попадалась гдѣ нибудь на проселкѣ или по шоссе запыленная фигура малорослаго солдатика съ загорѣлымъ лицомъ, въ порыжѣлыхъ сапогахъ, который, не моргнувъ, глоталъ пыль изъ-подъ колесъ вашего экипажа, покуда вы не проносились мимо, и потомъ исчезалъ въ густомъ облакѣ позади васъ.

Вотъ этотъ самый солдатикъ и былъ Ваня. И здѣсь, въ эстонскомъ городкѣ К., Ваня сохранялъ совершенно ту же наружность, включая и порыжѣлые сапоги, и густой слой пыли, покрывавшей его съ ногъ до головы.

Можетъ быть, вамъ казалось страннымъ, что на Ванѣ всегда столько пыли, всегда болѣе, чѣмъ на остальныхъ смертныхъ? Признаться, это и меня сначала поражало, покуда я не вникъ въ характеръ самого Вани или, вѣрнѣе говоря, въ ту роль, которую онъ игралъ по волѣ судебъ.

Въ каждый моментъ своего бытія Ваня представляетъ собою ничто иное, какъ дополненіе — дополненіе въ грамматическомъ смыслѣ этого слова, т. е. предметъ, на который направляются дѣйствія. Такимъ образомъ назначеніе Вани — воспринимать на себѣ дѣйствія, а отнюдь не сторониться ихъ; а потому попадается ему на встрѣчу столбъ

пыли — Ваня преть въ самую гущу; настигаетъ его дождикъ по дорогѣ въ лавочку, куда послалъ его фельдфебель, — Ваня мокнетъ и равнодушно проходитъ мимо навѣсовъ, подъ которые его ни одно подлежащее укрыться не посылаетъ. Однимъ словомъ, Ваня всѣми фибрами своего существа представлялъ дополненіе и со стоическою твердостью оставался вѣренъ самому себѣ во всѣхъ случайностяхъ жизни.

Городокъ К. — прескверный городокъ. Туземное населеніе его состоитъ изъ смѣси очень прозаическихъ нѣмцевъ съ самыми эстонскими эстонцами, а дачники — всѣ безъ исключенія съ изъянами, явными или скрытыми, въ видѣ параличей, перемежающихся ревматизмовъ, невралгическихъ болей и т. п., которые они и пріѣзжаютъ залѣчивать мѣстными цѣлебными грязями. Вотъ эти-то грязи да изъяны составляютъ здѣсь главные предметы разговоровъ. И, Боже, что это за разговоры! отъ нихъ отдаетъ скукой на такомъ уже разстояніи, на какомъ отдаетъ кислотой отъ пустой бочки изъподъ уксуса.

Заброшенный по волѣ судебъ въ городокъ К. на цѣлое лѣто, я охотнѣе всего сидѣлъ дома, гдѣ пользовался, по крайней мѣрѣ, отсутствіемъ пріятнаго общества. Къ счастію, комнатка моя была преуютная, а окно выходило на казарменный дворъ, который вскорѣ и сдѣлался любимымъ мѣстомъ моихъ наблюденій — можетъ быть, за неимѣніемъ инаго.

Есть виды, которые, не обладая никакою оригинальною прелестью, на всю жизнь запечатлѣваются въ вашей памяти, вѣроятно, потому, что изо дня въ день, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ — когда бы вамъ ни случилось поднять голову, они представлялись вашимъ глазамъ и такимъ образомъ ассоціировались съ цѣлыми вереницами самыхъ разнообразныхъ мыслей. Одинъ изъ такихъ видовъ былъ и изъ окна моей комнаты въ городѣ К.

Вотъ и теперь я словно вижу предъ собою длинное бѣлое каменное зданіе съ двумя рядами небольшихъ оконъ и съ вывѣскою надъ воротами: »Казармы 1-й роты *** ре-

зервнаго кадроваго батальона«. Предъ казармою большой квадратный дворъ, устланный не то пескомъ, не то пылью и обнесенный низкою каменною стѣною. Немного вправо среди двора какъ-то одиноко торчатъ столбы гимнастики, а противъ нихъ, у стѣны, горкою сложены заплѣсневѣлыя бревна, Богъ знаетъ зачѣмъ и сколько ужъ лѣтъ лежащія на этомъ мѣстѣ.

На дворѣ въ продолженіе большей части дня не видно было живой души, но изъ открытыхъ оконъ постоянно доносился какой-то однообразный гулъ. Благодаря моимъ усердным и продолжительнымъ наблюденіямъ, съ теченіемъ времени мнѣ и этотъ гулъ сталъ понятенъ; мнѣ удалось вникнуть въ жизнь солдатиковъ до самаго корня, и я позналъ солдатика Ваню.

Какъ же жилось Ванѣ въ городкѣ К.? На этотъ вопросъ по истинѣ мудрено отвѣтить. Часто я надъ нимъ задумывался, глядя въ окно моей комнаты, но не могъ придти ни къ какому заключенію. Если сказать, что Ванѣ жилось дурно, это значило бы, что онъ хочетъ чего нибудь другаго; а спросите-ка Ваню, чего онъ хочетъ? — »Не могу знать-съ«, отвѣтитъ онъ вамъ — и только. Сказать же, что ему жилось недурно, тоже нельзя, потому что подъ этимъ подразумѣвалось бы, что его что нибудь связываетъ съ городкомъ К., что ему здѣсь что либо мило, что либо по сердцу, — а что могъ Ваня находить по сердцу (еслибъ даже Ванѣ было свойственно находить), что могло быть милымъ ему, уроженцу псковской губерніи, въ эстляндскомъ городкѣ, гдѣ у него не было ни души родной или хоть близкой (а Ванѣ было двадцать два года), гдѣ туземцы говорили на какомъ-то нечеловѣческомъ языкѣ, и гдѣ онъ вообще былъ въ положеніи плевела, попавшаго на голую скалу: немного плевелу нужно, чтобы пустить корни, но все же къ голой скалѣ прилипнуть и онъ не съумѣетъ.

Однако бывали минуты, когда предо мною какъ будто мелькало рѣшеніе этого мудренаго вопроса. Это случалось

такъ за часокъ до вечерней зари, когда заходящее солнце багровыми лучами играло по длинному ряду оконъ казармы, и когда солдатики высыпали на казарменный дворъ, залитый мягкимъ румянымъ свѣтомъ.

На дворѣ, у стѣны, какъ я уже упоминалъ, лежали горкою заплѣсневѣлыя бревна. На этихъ-то бревнахъ и располагались солдатики — кто бочкомъ, кто на спинѣ, а кто и на животѣ потягивался и задиралъ ноги.

Вотъ еслибъ кто нибудь наблюдалъ Ваню, — какъ мнѣ это неоднократно случалось, — когда и онъ въ болѣе или менѣе живописной позѣ устраивался на бревнахъ, то, можетъ статься, и нашелъ бы отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Въ обыкновенное время лицо солдатика носило то самое выраженіе, какое бываетъ у робкихъ и невполнѣ еще вышколенныхъ кадетиковъ, когда они становятся во фронтъ передъ встрѣчнымъ генераломъ, — словно вотъ Ваня въ каждую минуту своего бытія готовъ былъ стать во фронтъ и заранѣе уже разъ навсегда приспособилъ къ этому свое лицо.

Но тутъ, на бревнахъ, было не то: тутъ точно кто-то стиралъ съ его лица обычную оторопѣлость, и глаза его глядѣли такъ, что еслибъ не упирались въ каменную стѣну, то казалось бы, пожалуй, будто Ваня въ раздумьѣ вглядывается въ какую-то отдаленную картину.

Отлежавъ себѣ одинъ бокъ на твердомъ бревнѣ, Ваня не безъ усилія вытаскивалъ собственную ногу изъ-подъ пыльныхъ сапогъ сосѣда, переворачивался на другой бокъ, облокачивался на руку и издавалъ звукъ, точно собирался вздохнуть. Но вмѣсто вздоха совершенно неожиданно — вслѣдствіе чего я впервые и обратилъ вниманіе на Ваню — изъ горла его начинали вылетать одинъ за другимъ протяжные звуки заунывной пѣсенки про какого-то Сатулата удалаго, которому Ваня обѣщалъ и пистолетъ, и коня съ кабардинскимъ сѣдломъ, и многое другое, а взамѣнъ всего этого просилъ у него лишь молодую жену, потому что — съ дребезжащею тоскою въ голосѣ убѣждалъ Ваня —

„Ты ужъ старъ, ты ужъ сѣдъ,
Ей съ тобой не житье,
На зарѣ юныхъ лѣтъ
Ты погубишь ее!“

да такъ это, видно, солдатика Ваню огорчало, что сосѣдъ его, сосредоточенно дымившій махоркой изъ сахарной бумаги, звучно сплевывалъ прямо въ стѣну, словно предъ нимъ была не стѣна, а самъ Сатулатъ, и вдругъ, вѣроятно, въ отместку ему, во все горло лихо затягивалъ удалую солдатскую пѣсню; подхватывалъ ее и Ваня, подхватывали и остальные солдатики на бревнахъ, подхватывали голоса въ открытыхъ окнахъ казармы, и глядь — несется удалая пѣсня черезъ казарменную стѣну и далеко-далеко разносится по городу...

Не знаю, что̀ въ это время думали солдатики; но когда эти звуки врывались въ открытое окно моей комнатки, они какъ будто вливали въ нее тоскливое одиночество, и въ душѣ моей возникало грустное воспоминаніе о чемъ-то родномъ и далекомъ.

Да, обыватели городка К., прислушиваясь, какъ пѣли солдатики предъ зарею, пожалуй, не повѣрили бы, что тамъ за стѣною сидѣли одни только »дополненія«, еслибъ при первомъ звукѣ барабана эта пѣсня не обрывалась, словно проваливалась сквозь землю.

А славно, бывало, пѣли солдатики!

Когда наступили іюльскія каникулы, солдатики разбрелись во всѣ стороны искать работы, и казарма понемногу опустѣла. Мнѣ стало скучно въ моей комнатѣ, и я тоже отправился бродить по улицамъ.

Городокъ К. расположенъ на мысѣ, который узкою полосою вдается въ море и весь изрѣзанъ бухтами. Изъ какого мѣста городка ни выйдешь, въ какую сторону ни направишься — въ концѣ концовъ непремѣнно очутишься у моря.

Я скоро наткнулся на знакомыхъ мнѣ солдатиковъ и принялся слѣдить за ними.

Погода стояла ясная, знойная, и весь городокъ, казалось, дремалъ отъ лѣни. Долго плуталъ Ваня съ тремя товарищами по раскаленнымъ улицамъ: сначала солдатики заходили почти на каждый дворъ, переминаясь тамъ съ ноги на ногу, пока кто нибудь не догадывался спросить ихъ, зачѣмъ они пришли, потомъ объявлялъ имъ, что дача занята пріѣзжими, а стало быть — о работѣ и справляться нечего, и товарищи брели дальше, покуда не упирались въ море. У моря приходилось поворачивать, поглазѣвъ безъ цѣли на недвижную поверхность воды. Затѣмъ прогулка продолжалась въ томъ же порядкѣ, и черезъ четверть часа солдаты опять уже стояли у моря и опять смотрѣли на воду осовѣлыми отъ жары глазами. Солнце палило нещадно; потъ съ нихъ катилъ градомъ, а кругомъ по прежнему все дремало, да и само море съ его неподвижною прозрачною водою казалось какимъ-то лѣнивымъ, апатичнымъ.

На самой окраинѣ города солдаты наконецъ набрели на работу: какая-то простоволосая старуха, стоявшая въ воротахъ низенькаго домика, поманила ихъ и растолковала болѣе жестами своихъ костлявыхъ рукъ, чѣмъ словами, что ей требуется вырыть въ саду колодецъ. Солдаты вчетверомъ двинулись было за нею; но только что первый прошелъ въ калитку, какъ старуха сердито замахала руками на остальныхъ, и солдатики попятились.

Оказалось, что ей нуженъ былъ одинъ только работникъ; Ванѣ съ двумя товарищами оставалось отправляться дальше за городъ — попытать счастія на окрестныхъ мызахъ.

За городомъ тянулся по берегу моря верстъ на десять боръ, и я поплелся туда вслѣдъ за солдатами, въ надеждѣ отдохнуть въ лѣсу отъ дневнаго зноя.

Пройдя версту съ небольшимъ по лѣсному проселку, мы очутились у какой-то мызы. Я прилегъ въ прохладномъ мѣстечкѣ у подножья сосны и опять принялся наблюдать за солдатами.

Мыза была большая и богатая, но нигдѣ не видно было

живаго существа. Потоптавшись около службъ, товарищи двинулись задами къ господскому дому и наконецъ наткнулись на рыжаго эстонца, несшаго на плечѣ коромысло съ ведрами. Эстонецъ имъ ровно ничего не сказалъ, поправилъ коромысло и пошелъ своею дорогою. Солдатики многозначительно переглянулись и стали, — и, вѣроятно, долго бы такъ простояли, еслибъ изъ-за сосѣдняго сарая не выскочила вдругъ куцая собачонка и своимъ неистовымъ лаемъ не оповѣстила о ихъ присутствіи. Изъ сарая вышла баба, протерла заспанные глаза, оглядѣла солдатовъ съ ногъ до головы, потомъ обратилась къ нимъ съ какимъ-то вопросомъ по эстонски и наконецъ повела ихъ къ заднему крыльцу господскаго дома, шагахъ въ двадцати отъ котораго я прохлаждался и наблюдалъ. У крыльца баба сказала что-то парню, пившему тамъ чай на скамеечкѣ; парень въ свою очередь окинулъ солдатовъ испытующимъ взглядомъ, лѣниво всталъ, забралъ чашку и блюдечко и вошелъ въ домъ, а черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи господина въ коломянковой одеждѣ, который, зѣвая и потягиваясь, заговорилъ наконецъ съ солдатами по русски.

— Тамъ... покосъ за садомъ... только сейчасъ начинать, чтобы живо... 30 копѣекъ въ день на брата.

Солдаты тотчасъ же согласились; но господинъ въ коломянкѣ сошелъ съ крыльца, ткнулъ пальцемъ въ двухъ товарищей, которые были рослѣе Вани, потомъ махнулъ рукою въ Ванину сторону и проговорилъ:

— Двухъ довольно, его не надо. Ну, идемъ, — и господинъ въ коломянкѣ, засунувъ руки въ карманы брюкъ, направился въ садъ.

Такой развязки Ваня, очевидно, не ожидалъ и отъ избытка недоумѣнія только разинулъ ротъ; потомъ поглядѣлъ вопросительно на бабу, которая все это время, какъ вкопанная, стояла у крыльца, затѣмъ на парня, опять невозмутимо тянувшаго чай изъ блюдечка, и снова на бабу, и, не найдя съ этой стороны ни препятствія, ни побужденія къ

тыномъ проселкѣ, среди безмолвной тишины лѣса и гигантскихъ стройныхъ сосенъ.

Я пришелъ солдатику на помощь.

— Въ эту сторону недалеко будетъ еще мыза. Попытай, братецъ, тамъ счастія.

— Слушаюсь, проговорилъ солдатикъ, прикладываясь рукою къ козырьку, и покорно побрелъ въ указанномъ мною направленіи.

Солнце стояло уже низко на небѣ и багровымъ заревомъ просвѣчивало сквозь сѣть деревьевъ. Съ минуту еще слѣдилъ я за фигурой солдатика и затѣмъ потерялъ ее изъ виду между темными стволами сосенъ.

Двѣ недѣли спустя я покидалъ блаженный городокъ К. До ближайшей станціи желѣзной дороги было 60 верстъ, и я ѣхалъ туда въ удобномъ почтовомъ экипажѣ, въ обществѣ очень почтеннаго господина и не менѣе пріятной дамы.

Когда мы отъѣхали по шоссе верстъ пять, спутница наша вдругъ воскликнула.

— А интересно бы знать, выѣхала-ли votre cousine до насъ, или мы ее опередили?

— Это мы сейчасъ узнаемъ, душенька, проговорилъ мѣрнымъ голосомъ ея спутникъ.

Экипажъ въ это время поравнялся съ солдатомъ, косившемъ пыльную траву на спускѣ канавы. Господинъ остановилъ лошадей и обратился къ нему:

— Э-э-э, послушай-ка, братецъ!

Солдатикъ поспѣшно приложился рукой къ козырьку, уронилъ косу, подбѣжалъ къ намъ и, ставъ у самаго колеса, не отнимая руки отъ козырька, уставился на моего спутника, усиленно выпучивъ глаза. На лбу его выступили крупныя капли, и все лицо, точно маскою, было покрыто слоемъ пыли и пота.

— Э-э-э, послушай-ка, братецъ, началъ опять мой по-

чтенный спутникъ. — Dieu, a-t-il l'air bête! прервалъ онъ внезапно самого себя, глядя въ упоръ на солдатика.

И надо солдатику отдать справедливость — видъ у него дѣйствительно былъ необыкновенно безсмысленный. Увы! — я узналъ пріятеля моего Ваню.

— Regardez donc un peu cette Dulcinée de caserne là! проговорила вдругъ наша спутница съ брезгливою гримаской.

Дульцинея, которую она разсматривала въ это время въ лорнетку, представляла изъ себя молодую смуглолицую бабенку, сидѣвшую на травѣ по ту сторону канавы и робко глядѣвшую на насъ изъ-подъ низко повязаннаго на глаза платочка.

Господинъ надѣлъ pince-nez, обстоятельно разглядѣлъ бабенку, издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, скорѣе всего однако одобрительный, затѣмъ, снявъ pince-nez и не глядя уже на Ваню, который во все время переговоровъ стоялъ предъ нимъ, не моргнувъ и не отнимая руки отъ козырька, началъ въ третій разъ:

— Э-э-э, послушай-ка, братецъ, не проѣзжалъ ли тутъ недавно экипажъ?

— Не могу знать!

— Однако ты тутъ давно уже косишь?

— Такъ точно!

— Въ такомъ случаѣ ты бы видѣлъ, еслибъ экипажъ проѣзжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Т.-е. не проѣзжалъ?

— Не могу знать!

— A-ni-mal, проговорилъ господинъ тѣмъ же тономъ и велѣлъ кучеру ѣхать.

Лошади съ мѣста тронули рысью. Солдатикъ еще разъ мелькнулъ предо мною съ выпученными глазами и рукою у козырька и исчезъ за экипажемъ въ густомъ облакѣ пыли.

Бѣдный Ваня! немало пыли наглотался онъ, должно быть, на сей разъ!

Но что сталось съ нимъ за эти двѣ недѣли? скоро ли онъ нашелъ работу, и откуда взялась эта бабенка?

Я предполагалъ, что навсегда покинулъ благословенный городокъ К., однако судьба распорядилась иначе: не прошло и трехъ лѣтъ, какъ я весною опять очутился въ этомъ слишкомъ ужъ укромномъ уголкѣ, вопреки всѣмъ моимъ разсчетамъ и стремленіямъ. Это было, собственно говоря, несовсѣмъ мило со стороны судьбы, но — съ нею считаться вѣдь не приходится, и я примирился со своею участью и отправился разыскивать мою старую квартиру.

Увы! комнатка моя съ окномъ на казарменный дворъ была сдана подъ прачешную, и я такимъ образомъ былъ лишенъ даже тѣхъ скромныхъ удовольствій, которыми когда-то пользовался въ городкѣ К. Однако послѣ долгихъ хлопотъ мнѣ удалось устроиться въ томъ же домикѣ, только въ нижнемъ этажѣ. Окно мое выходило опять въ сторону казармы, но теперь я видѣлъ предъ собою лишь стѣну казарменнаго двора, синее небо, да чахоточную рябинку, совавшую мнѣ свои жиденькія вѣтки въ самое окно. Зато до меня по прежнему доносилось все, что происходило за стѣною: было ли тамъ ученіе, смѣнялся ли караулъ, или просто солдатикъ бѣжалъ по своему дѣлу. До меня доносились даже голоса изъ открытыхъ оконъ казармы; однимъ словомъ, я по прежнему жилъ заодно съ солдатами и по прежнему во всякое время дня мысленно видѣлъ предъ собою давно уже знакомый мнѣ дворъ и бѣлое каменное зданіе съ длиннымъ рядомъ оконъ.

Но теперь мое вниманіе отвлекалось еще въ другую сторону: въ прачешной, надъ самой моей головой, постоянно происходило движеніе, слышался плескъ воды въ лоханяхъ, звукъ отставляемаго утюга, доносились женскіе голоса, а иногда и тихая монотонная эстонская пѣсенка. Сначала мнѣ все это приходилось несовсѣмъ по вкусу, потому что сосѣдка моя иногда принималась за дѣло съ четырехъ часовъ утра;

но постепенно я такъ свыкся со всѣми этими звуками, что, еслибы прачка вдругъ осталась безъ работы, мнѣ, пожалуй, стало бы не по себѣ.

Наверху работала иногда старуха-поденщица, но ее мнѣ рѣдко случалось видѣть, да она и не жила у насъ въ домѣ. Зато молодую прачку я часто встрѣчалъ то въ сѣняхъ, то на дворѣ у колодца, куда она ходила за водою.— и каждый разъ мнѣ приходило въ голову, что я уже видѣлъ гдѣ-то это миловидное смуглое лицо и этотъ робкій взглядъ, который она иногда кидала на меня исподлобья.

Она мнѣ казалась необыкновенно кроткимъ существомъ. Я постоянно чувствовалъ ее гдѣ нибудь по близости занятою своимъ дѣломъ, но ее никогда почти не было слышно. Если она и говорила, то негромко, а если смѣялась, то тихимъ короткимъ смѣхомъ.

Разъ, въ очень жаркую погоду, я засталъ ее на дворѣ за стиркою. Возлѣ ея лохани стоялъ мальчуганъ лѣтъ двухъ-трехъ, который при моемъ приближеніи сунулъ одну ручонку въ ротъ, а другою ухватился за подолъ прачки и уставился на меня широко раскрытыми глазами.

Помнится, я и раньше встрѣчалъ этого мальчугана на дворѣ, но не обращалъ на него вниманія. Теперь же я съ перваго взгляда призналъ въ немъ ея сына, и это меня удивило: для замужней она мнѣ казалась слишкомъ молчаливою.

Однако впереди меня ждало еще нѣчто болѣе удивительное. Однажды я вернулся домой незадолго до того времени, когда солдаты высыпали на казарменный дворъ, чтобы до зари понѣжиться на бревнахъ подъ лучами вечерняго солнца. И только я переступилъ порогъ моей комнатки, какъ глазамъ моимъ представилось необычайное зрѣлище: прямо противъ открытаго окна, на стѣнѣ, сидѣлъ солдатъ, свѣсивъ ноги на казарменный дворъ, и, очевидно, силился заглянуть въ верхнее окно.

— Аля! а Аля! крикнулъ солдатъ, когда я въ недоумѣ-

ніи остановился посреди комнаты. Слова эти, очевидно, относились къ кому-то надъ моей головой.

— Вана! раздался оттуда нѣсколько удивленный голосъ молодой прачки.

Я вглядѣлся въ фигуру на стѣнѣ и, къ немалой моей радости, узналъ стариннаго пріятеля Ваню. Но что дѣлалъ онъ здѣсь, на стѣнѣ?..

Солдатикъ заерзалъ на мѣстѣ и кивнулъ головою, ухмыляясь во все лицо.

— Нешто стираешь?

— Стираю, послышалось сверху.

— А Виля гдѣ?

— Вилли? тамъ, на дворѣ. Вилли! раздалось чрезъ мгновеніе откуда-то съ другой стороны; со двора откликнулся пискливый дѣтскій голосокъ, и скоро затѣмъ я увидѣлъ за окномъ знакомую уже мнѣ дѣтскую головку и пару ручонокъ, тянувшихся къ солдатику на стѣну.

— Виля! здравствуй, тэре-тэрэ! засуетился Ваня въ отвѣтъ на лепетъ ребенка и, весь сіяя, потянулся къ нему; потомъ нерѣшительно взглянулъ по направленію къ верхнему окну.

— Нешто поднять его сюда?

— Подыми, тихо послышалось сверху, и солдатикъ живо нагнулся, взялъ ребенка за обѣ ручки и осторожно притянулъ его къ себѣ.

Очутившись наверху, мальчуганъ уперся въ щеку солдатику, отстранилъ отъ себя его руки и выпрямился на собственныхъ ножкахъ, но, очевидно, недовольный еще этимъ, сталъ осторожно поворачиваться, разъѣзжая руками по всему Ваниному лицу, пока наконецъ не ухватился за его ухо. Найдя его, какъ видно, хорошею точкою опоры, мальчуганъ совсѣмъ обернулся въ нашу сторону и, разинувъ ротъ и сморщивъ всю рожицу, поднялъ голову къ верхнему окну, крѣпко держась ручонкою за ухо солдатика. Сверху послышался тихій смѣхъ, а солдатикъ сидѣлъ, не шевелясь, не мѣшая ре-

бенку распоряжаться его ухомъ по своему усмотрѣнію, и только сбоку широко ухмылялся мальчугану, который не давалъ емуповернуть головы.

Но вдругъ изъ казармы донесся гулъ шаговъ по каменному полу: солдаты высыпали на дворъ.

Ваня тотчасъ же принялъ озабоченный видъ, поспѣшно, но все же осторожно, спустилъ ребенка внизъ и соскочилъ на землю. Однако чрезъ мгновеніе голова его опять показалась надъ стѣною.

— Аля! такъ погодя придешь къ воротамъ, что ли?

— Да, да, приду, тихо отвѣтилъ голосъ сверху, и солдатикъ исчезъ; а за стѣною уже слышно было, какъ дворъ наполнился народомъ.

Я готовъ былъ бы принять все видѣнное мною за плодъ моего воображенія, еслибъ сверху до меня не донесся опять прервавшійся было плескъ воды въ лохани, и еслибъ помятая трава подъ моимъ окномъ не носила свѣжихъ слѣдовъ недавняго присутствія ребенка.

И то сказать — солдатикъ Ваня въ роли Ромео! Я бы менѣе удивился, еслибы какой нибудь почтенный старичокъ, давно уже разбитый параличемъ и разъѣзжающій по улицамъ городка К. въ телѣжкѣ, задрыгалъ вдругъ ногами...

Но внезапно въ головѣ моей мелькнуло пыльное шоссе, фигура остолбенѣлаго солдатика съ рукою у козырька и смуглолицая бабенка, выглядывавшая изъ-подъ низко повязаннаго платочка... Это была картина далекаго прошлаго, но теперь она живо представилась моему духовному зрѣнію и пролила нѣкоторый свѣтъ на занимавшую меня загадку. Ужь не есть ли та бабенка — моя теперешняя сосѣдка? и кто же въ такомъ случаѣ этотъ мальчуганъ? Неужто въ самомъ дѣлѣ видѣнное мною сейчасъ есть лишь маленькая страничка изъ длиннаго-длиннаго романа? Шутка сказать — три года!

Я старался нарисовать себѣ лицо той бабенки, насколько хватало памяти, и мало по малу, хотя я и не пріобрѣталъ еще увѣренности, все это мнѣ начинало казаться правдоподобнымъ.

Я никогда не сомнѣвался, что у Вани имѣется душа; но мнѣ всегда представлялось, что душа эта сидитъ гдѣ-то за клапаномъ, плотно захлопнутымъ надъ нею стараніями судьбы и людей. И вдругъ клапанъ оказывался приподнятымъ, и чѣмъ дольше я вглядывался въ происходившее кругомъ меня, тѣмъ болѣе въ этомъ убѣждался.

Частенько съ тѣхъ поръ случалось мнѣ заставать Ваню на стѣнѣ, противъ моего окна, и частенько наблюдать его въ бесѣдахъ съ моей сосѣдкой и ея мальчуганомъ. Да и въ самомъ мальчуганѣ — не знаю, можетъ быть, тутъ дѣйствовало предубѣжденіе — я понемногу начиналъ находить сходство съ солдатикомъ Ваней.

А славный это былъ мальчуганъ! рѣзвый, даже бойкій, онъ никогда не шумѣлъ, никогда никого не безпокоилъ. Случалось ему и плакать, иногда даже подолгу, но и плакалъ онъ какъ-то тихо, никому этимъ не мѣшая, сидя себѣ гдѣ нибудь въ закоулкѣ двора и утирая кулачкомъ глаза и носикъ, плакалъ, очевидно, для себя, а не для другихъ.

Мать была съ нимъ нѣжна, но я не замѣчалъ, чтобы она его очень ласкала. Идетъ она иногда по двору съ ведромъ, видитъ ребенка въ слезахъ, ласково кивнетъ ему на ходу головою, улыбнется и пройдетъ своею дорогою, точно все было въ порядкѣ вещей — ей надо было стирать, ребенку плакать; она шла заниматься своимъ дѣломъ и не мѣшала ребенку заниматься по своему. Если сыну случалось стоять возлѣ нея, она трепала его иногда по головкѣ, но никогда не брала на руки; да и руки у нея рѣдко бывали свободны. Зато когда мать выходила за ворота, Вилли ее ужъ непремѣнно сопровождалъ. Случалось, только двинется прачка со своей телѣжкой со двора полоскать бѣлье въ морѣ, Вилли бросаетъ всякое другое занятіе и бѣжитъ за нею, точно дѣло дѣлаетъ, крѣпко держась рученкой за ея подолъ и еле поспѣвая на своихъ не очень-то еще проворныхъ ножкахъ. Иногда ребенокъ зазѣвается на что нибудь, выпустивъ на ходу подолъ матери, и упадетъ среди дороги; тогда прачка

умѣряетъ шагъ, покуда малютка ее не нагонитъ и не ухватится опять за ея платье, и затѣмъ они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаютъ свой путь.

Общества дѣтей Вилли не жаловалъ, зато очень любилъ игрушки, которыя иногда находилъ на заднемъ крыльцѣ сосѣдняго дома, выходившемъ на нашъ дворъ. Въ этомъ домѣ жили дачники съ малыми ребятами, которыя и оставляли иногда свое имущество на крыльцѣ. Найдетъ Вилли дѣтское ведерко или лошадку и возится съ нимъ цѣлый день, покуда его у него не отнимутъ. Однимъ словомъ, это былъ необыкновенно покладливый ребенокъ, который жилъ, казалось, своею самостоятельною, никого не задѣвавшею жизнью.

Солдатику, повидимому, очень нравилось общество малютки. Иногда подъ вечеръ Ваня забѣгалъ къ намъ на дворъ, а порою, когда старухи тамъ не было, заглядывалъ и наверхъ, въ прачешную, и тогда до меня доносились его бесѣды съ ребенкомъ.

Прелюбопытныя это бывали бесѣды! Вилли не говорилъ ни по русски, ни по эстонски, а на своемъ собственномъ, непонятномъ мнѣ, нарѣчіи. Но солдатикъ его, очевидно, понималъ, если судить по вопросамъ, которые онъ задавалъ ребенку. Глядитъ, напр., Ваня, какъ малютка взбирается на лѣстницу, глядитъ и вдругъ спроситъ:

— А долго бы ты, чай, Виля, проходилъ, примѣрно, отселе до казармы?

Ребенокъ начинаетъ ему говорить что-то въ отвѣтъ, указывая то на свои ноги, то по направленію къ казармѣ, и долго лепечетъ себѣ что-то; а солдатикъ слушаетъ его, слушаетъ и наконецъ начинаетъ хохотать.

— Все это ты врешь, Виля! Аля, вѣдь вретъ онъ? а?

Вообще Ваня относился къ малюткѣ какъ-то особенно, не какъ взрослые обыкновенно относятся къ дѣтямъ. Разъ въ жаркую погоду Ваня подошелъ къ ведру, стоявшему на дворѣ, возлѣ колодца, и нагнулся, чтобы напиться изъ него. Вдругъ малютка дернулъ его сзади за полу, и когда Ваня

обернулся, погрозилъ ему кулачкомъ, залепеталъ что-то по своему и указалъ рученкой на сосѣднее крыльцо.

— Нешто нельзя? озабоченно спросилъ Ваня. Ребенокъ опять погрозилъ кулачкомъ, и солдатикъ отошелъ отъ ведра, не напившись.

Зато, съ другой стороны, въ обращеніи Вани съ ребенкомъ и въ томъ, какъ онъ на него глядѣлъ, словно выражалось удивленіе, что вотъ такое крохотное существо — и вдругъ бѣгаетъ и лопочетъ. И если, напр., ему случалось спускать дитя съ рукъ на землю, то онъ потомъ придерживалъ его еще нѣкоторое время, точно сомнѣвался, побѣжитъ ли оно еще, если отнять руку. Когда же Ваня рѣшался поднять куда нибудь ребенка или взять его на руки, то непремѣнно обращался предварительно за одобреніемъ къ матери.

Алли, казалось, была для солдатика авторитетомъ: онъ безпрестанно обращался къ ней съ вопросами, и во время разговора, если она была серьезна, и солдатикъ принималъ напряженно-озабоченный видъ; если же Алли улыбалась, то солдатикъ ухмылялся во всю ширину своего лица.

Особенно мнѣ нравилось въ молодой прачкѣ то, что она, очевидно, совершенно не скрывала своего близкаго знакомства съ солдатомъ, и это у нея выходило такъ просто и естественно, какъ будто было въ порядкѣ вещей. Влѣзалъ ли солдатикъ на стѣну спеціально для того, чтобы спросить: »нешто придти къ тебѣ?« — Алли отвѣчала: »приходи«; спрашивалъ ли солдатикъ разрѣшенія усѣсться возлѣ ея лохани, когда она стирала на дворѣ, — Алли говорила: »садись«, и вообще была съ солдатикомъ также кротка и тиха, какъ и со всѣми остальными. Сама она рѣдко съ нимъ заговаривала, но охотно отвѣчала ему на своемъ своеобразномъ русскомъ языкѣ, называя его всегда не »Ваня«, а »Вана«.

Да, когда я окончательно убѣдился, что клапанъ точно приподнятъ, я понялъ, какъ долженъ былъ солдатикъ привязаться къ этому кроткому существу.

Между тѣмъ дни проходили за днями, и іюнь уже былъ на исходѣ. Предо мною мирно текла незамысловатая жизнь блаженнаго солдатика, доставляя нѣкоторую пищу моему скучающему уму.

Впрочемъ, я несовсѣмъ вѣрно выразился, говоря, что клапанъ былъ приподнятъ — онъ лишь по временамъ приподымался. На улицѣ и на караулѣ у казармы, сколько разъ мнѣ ни случалось видѣть Ваню, онъ непзмѣнно сохранялъ свойственный ему остолбенѣлый видъ и недвижно выпученные глаза, и вообще по всѣмъ примѣтамъ былъ именно такимъ, какимъ я зналъ его три года тому назадъ. Глядя на него въ такія минуты, мнѣ невольно приходилъ въ голову вопросъ: за что полюбила его Алли? что привлекательнаго, въ самомъ дѣлѣ, было для дѣвушки въ этомъ безотвѣтномъ, безгласномъ, полуодушевленномъ солдатикѣ?..

Наконецъ опять наступили іюльскія каникулы. Не стало болѣе слышно солдатскихъ пѣсенъ предъ вечернею зарею, и казарма опустѣла.

Въ продолженіе цѣлой недѣли солдаты ходили по пыльнымъ улицамъ городка въ поискахъ за работой и понемногу разбрелись по окрестностямъ.

Былъ у Вани пріятель Степка, одинъ изъ немногихъ солдатовъ, которыхъ я помнилъ еще со временъ моего перваго пребыванія въ городкѣ К. Этотъ Степка былъ необыкновенно веселымъ малымъ въ трезвомъ видѣ, но послѣ первой рюмочки становился чрезмѣрно чувствительнымъ и плаксивымъ. Въ его-то обществѣ и бродилъ теперь Ваня по знойнымъ улицамъ городка К. Степка былъ еще трезвъ, выступалъ гоголемъ, съ фуражкой набекрень и гармоникой въ рукахъ, на которой онъ по временамъ лихо поигрывалъ, а Ваня плелся за нимъ, озабоченно глазѣя по сторонамъ.

Когда они проходили мимо нашихъ воротъ, Ваня торопливо заглядывалъ въ калитку, словно желалъ убѣдиться, что Аллинъ домъ все еще не ушелъ съ мѣста, и затѣмъ поспѣшно нагонялъ товарища. И долго бродили такъ сол-

датики по городу: сидя у себя въ комнатѣ, я могъ судить по звукамъ гармоники, по временамъ доносившимся до меня, гдѣ приблизительно они находились. Въ продолженіе цѣлой недѣли доносились до меня эти звуки, пока наконецъ въ одинъ прекрасный день ихъ болѣе не стало слышно — солдатики исчезли.

Прошли долгія двѣ недѣли. Лѣтній сезонъ въ городкѣ К. близился къ концу. Дачники уѣзжали долечивать свои немощи въ другія мѣста, и кругомъ все понемногу пустѣло. Я могъ объ этомъ судить потому, что сосѣдка моя по утрамъ стала позже приниматься за дѣло, и теперь съ каждымъ днемъ все раньше и раньше затихалъ по вечерамъ плескъ воды надъ моей головой. Теперь Алли сходила иногда на дворъ и безъ ведра и останавливалась стряхнуть песокъ съ штанишекъ ребенка или просто погладить его по головкѣ; а разъ я даже засталъ ее со скрещенными на груди руками у верхняго окна, выходившаго на дворъ, въ раздумьѣ глядѣвшую на улицу. Наконецъ однажды утромъ я видѣлъ, какъ Алли ушла куда-то съ ребенкомъ и до вечера не возвращалась — вѣроятно, и она отправилась искать работы.

Мнѣ стало очень скучно. На моихъ глазахъ какъ будто разстроилось мирное хозяйство семьи, и супруги разбрелись въ разныя стороны.

На другое утро меня разбудилъ пискливый женскій старческій голосъ. Я выглянулъ на дворъ и увидѣлъ, что это хозяйка наша кричала на Алли. Прачка молча стояла предъ нею, недвижно глядя въ землю, и одною рукою гладила по головкѣ ребенка, который, разинувъ ротъ, смотрѣлъ въ озлобленное лицо хозяйки, держась рученкой за подолъ матери. Хозяйка говорила по эстонски, но нетрудно было понять, чего она требовала.

Чего, въ самомъ дѣлѣ требуютъ обыкновенно хозяйки отъ своихъ постояльцевъ? чего? — это мнѣ стало особенно ясно, когда въ заключеніе своей крикливой брани хозяйка краснорѣчивымъ жестомъ указала прачкѣ на ворота. Алли

подняла голову и что-то ей тихо сказала, но старуха только замахала руками, выбранилась еще разъ на прощанье и сердито пошла прочь. Алли побрела наверхъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мнѣ еще слышно было, какъ Вилли карабкался по лѣстницѣ, потомъ все опять затихло.

Вдругъ скрыпнули ворота, и я увидѣлъ посреди двора совершенно сѣрую отъ пыли фигуру солдатика.

— Вана! раздалось изъ прачечной какъ-то необыкновенно звонко. Широко ухмыляясь, глядѣлъ солдатикъ въ верхнее окно и вдругъ захохоталъ, вѣроятно, отъ избытка веселости.

Ваня взбѣжалъ наверхъ, а черезъ четверть часа я видѣлъ, какъ Алли направилась къ хозяйскому крыльцу, считая по дорогѣ деньги.

Весь этотъ день сверху доносились дѣтскій лепетъ, говоръ и хохотъ солдатика. Прачешная опять оживилась, и у меня самого стало веселѣе на душѣ.

Но — увы! — это продолжалось недолго: скоро опять настало для моихъ сосѣдей тяжелое и скучное время; опять приходилось искать работы, и Ваня и Алли съ утра расходились въ разныя стороны пытать счастія. А счастіе имъ что-то не давалось. Приближалась осень, провизія вздорожала, дачники разъѣзжались, и въ довершеніе всѣхъ бѣдъ полилъ дождь и съ утра до вечера принялся барабанить по крышамъ и стекламъ опустѣвшаго и пріунывшаго городка.

Не ожидая, вѣроятно, много проку отъ Ваниныхъ странствованій, Алли стала наконецъ оставлять солдатика дома и одна уходила хлопотать о работѣ. А солдатикъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ обществѣ Вилли наверху, въ прачешной, уставившись въ окно, выходившее на дворъ, и не то озабоченно, не то уныло глядѣлъ на мокрыя крыши городка. Въ прачешной не слышно было человѣческаго слова; иногда только оттуда доносился какой-то глухой звукъ, и я не могъ разобрать, кашлялъ ли это ребенокъ, или вздыхалъ солдатикъ. Мнѣ казалось страннымъ, что Ваня даже пересталъ

бесѣдовать съ мальчуганомъ, — а онъ это, бывало, дѣлалъ такъ охотно. Я сталъ вглядываться въ солдатика, когда встрѣчался съ нимъ въ сѣняхъ, и меня въ немъ поразила небывалая мутность взгляда; по временамъ его точно трясла лихорадка, и мнѣ казалось, что Ванѣ серьезно нездоровится. Да, немудрено было захворать въ такую погоду даже солдатику, особенно поколесившему нѣсколько дней по грязи окрестныхъ дорогъ.

Алли, очевидно, ничего не замѣчала. Да и какъ ей было замѣтить: она такъ рѣдко бывала дома, а когда и забѣгала ненадолго, то всегда озабоченная, задумчивая.

Оказалось, однако, что я не ошибся. Разъ я засталъ Ваню у воротъ въ обществѣ еще какого-то солдата.

— Ишь ты, какъ тебя разбираетъ! услыхалъ я, проходя мимо нихъ. — Ложись, Ванюха, въ казарму, говорю тебѣ — ложись.

Не знаю, что̀ отвѣтилъ на это Ваня; да, вѣроятно, онъ ничего и не отвѣтилъ, только выпучилъ глаза; но немного погодя я слышалъ, какъ солдатикъ толковалъ наверху съ ребенкомъ. Долго что-то говорилъ Ваня, но изо всѣхъ его словъ вытекало лишь, что Вилли долженъ передать матери, что Ваня, молъ, ушелъ. Не знаю, полагалъ ли солдатикъ, что Алли этого сама не пойметъ, когда увидитъ, что его нѣтъ въ комнатѣ, или влагалъ онъ въ свои слова какой нибудь болѣе глубокій смыслъ, только никакихъ другихъ наставленій онъ такъ таки ребенку и не оставилъ, вышелъ за ворота и болѣе не возвращался. Я былъ въ полной увѣренности, что, согласно совѣту товарища, Ваня отправился лечь въ казарму.

Въ этотъ день я пошелъ навѣстить одного знакомаго, жившаго по сосѣдству.

Дождь не прекращался. Я радъ былъ, когда добрался до дома пріятеля, торопливо открылъ калитку — и вдругъ, къ великому моему изумленію, увидѣлъ Ваню, работавшаго лопатой въ грязи посреди двора. Оказалось, что, выйдя изъ

дому, солдатикъ точно направился въ казарму, но по дорогѣ кто-то позвалъ его къ хозяину дома, въ которомъ жилъ мой знакомый; хозяинъ поручилъ ему засыпать канаву на дворѣ, и мокрый солдатикъ послушно принялся за дѣло.

На крытомъ балкончикѣ, на которомъ мы сидѣли съ пріятелемъ, было собственно довольно уютно; но меня пробирала дрожь, и мнѣ становилось холодно, когда я взглядывалъ на солдатика, работавшаго подъ дождемъ по колѣно въ жидкой черной грязи. А вѣдь Ваня собирался лечь въ казарму, потому что былъ боленъ. Вотъ ужъ по истинѣ — человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Впрочемъ, Ваня, вѣроятно, ничего не предполагалъ: пошелъ въ казарму, потому что его туда послали; сталъ рыть эту грязь, потому что его за этимъ позвали.

Однако лихорадка, сидѣвшая въ солдатикѣ, была не такъ покладлива, какъ онъ, и теперь трясла бѣднягу немилосердно. Лопата дрожала въ его рукахъ, и онъ на полдорогѣ ронялъ землю, которую забиралъ ею.

Уже болѣе часу работалъ такъ Ваня. Наконецъ хворь взяла таки свое: усталый, продрогшій, трясясь, какъ осиновый листъ, оставилъ солдатикъ лопату и мокрымъ рукавомъ принялся растирать грязныя капли не то дождя, не то пота, катившагося по его лицу.

Долго что-то отдыхалъ Ваня. Изъ сосѣдняго крыльца вышелъ хозяинъ, посмотрѣлъ на кучу грязи, заглянулъ въ канаву и остался, очевидно, недоволенъ тѣмъ, что такъ мало было сдѣлано. Солдатикъ сначала тупо уставился на него, потомъ схватилъ лопату и торопливо принялся опять работать. Съ минуту слѣдилъ хозяинъ за его безсмысленно торопливыми движеніями, за его дрожавшими руками и наконецъ покачалъ головою.

— Ты, братецъ, совсѣмъ того... Иди себѣ, не надо мнѣ тебя, ступай, ступай!

Хозяинъ удалился и прислалъ какого-то эстонца отнять у солдатика лопату; Ваня послушно, лишь съ нѣкоторымъ

недоумѣніемъ, отдалъ ее, озабоченно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, еще разъ утерся мокрымъ рукавомъ и тихо побрелъ къ калиткѣ.

Я простился съ знакомымъ и вышелъ вслѣдъ за солдатикомъ.

Я думалъ, что Ванѣ не добраться до дому: съ него текло, какъ съ мокраго бѣлья; его отяжелѣвшіе сапоги скользили по вязкой грязи, и ему то и дѣло приходилось останавливаться и прислоняться къ стѣнѣ, чтобы перевести духъ. Наконецъ мы добрались до дому. Солдатикъ было прошелъ мимо, по направленію къ казармѣ, но, очевидно, торопясь укрыться отъ дождя, повернулъ вдругъ и, шатаясь, вошелъ въ калитку. Однако не успѣлъ онъ еще добрести до сѣней, какъ сверху сбѣжала Алли и торопливо объяснила ему, что нашла наконецъ для него работу: у одного домовладѣльца по сосѣдству требовалось наколоть дрова. Время не терпѣло, Алли торопила и велѣла идти сейчасъ же.

Какъ-то уныло заглянулъ Ваня въ сѣни, посмотрѣлъ въ озабоченное лицо Алли, хотѣлъ было что-то сказать, да такъ ничего и не сказалъ и покорно поплелся опять по дождю и слякоти, куда ему было указано.

На дворѣ начинало уже темнѣть. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ и съ какимъ-то ноющимъ чувствомъ на душѣ вошелъ къ себѣ въ комнату. Но не прошло и часу, какъ опять скрыпнула калитка, и въ полумракѣ сгустившихся уже сумерокъ я снова узналъ фигуру солдатика.

— Ваня! раздался сверху испуганный голосъ прачки.

Солдатикъ подошелъ къ сѣнямъ.

— Говорятъ, хворый, не гожусь, озабоченно вымолвилъ онъ, точно виноватый, и глубоко вздохнулъ. Повидимому, его очень огорчало, что хворый имъ не годился. Но тутъ силы ему окончательно измѣнили, и онъ тяжело опустился на стоявшую въ сѣняхъ скамейку.

Алли торопливо сбѣжала съ лѣстницы, взглянула на Ваню и слабо вскрикнула. Мокрый и грязный сидѣлъ сол-

датикъ на скамейкѣ, весь сгорбившись, а подъ нимъ на полу темною лужею стояла стекшая съ него вода.

— Идемъ, Вана, идемъ, проговорила Алли, схвативъ его за руку и направляясь наверхъ. Но солдатикъ покачалъ головою.

— Не, Аля, я въ казарму.

— Нѣтъ, нѣтъ, къ намъ, у насъ чай горячій.

Алли тянула его къ лѣстницѣ, и солдатикъ покорно всталъ, но опять закачалъ головою.

— Нельзя, надо въ казарму.

Солдатикъ не на шутку захворалъ. Въ этотъ же вечеръ слегъ онъ въ казармѣ, и, казалось, не суждено ему было когда либо встать.

И опять потянулись длинною вереницей однообразные, невеселые дни. Дожди не унимались; все небо, казалось, хотѣло излиться надъ несчастнымъ городкомъ. Кругомъ все было мокро и пустынно, и цѣлый день слышенъ былъ одинъ только однообразный шумъ отовсюду струившейся воды. На дворѣ не видно было живой души; иногда лишь забѣгалъ какой нибудь мокрый песъ поглодать кость подъ окномъ сосѣдней кухни, да и тотъ спѣшилъ поскорѣе забиться подъ навѣсъ.

Алли наконецъ нашла себѣ работу. Сначала я не могъ разобрать, чѣмъ собственно она стала заниматься; я видѣлъ только, что она почти безвыходно сидѣла дома, а когда и выглядывала на улицу, то съ тѣмъ серьезнымъ дѣловымъ видомъ, который былъ ей такъ свойственъ. Потомъ я узналъ, что Алли вязала изъ какой-то особенной мѣстной шерсти разные платки, шапочки, кофточки, безрукавки и все это сбывала въ одинъ торговый домъ, который эти вещи потомъ продавалъ, какъ мѣстныя произведенія.

Жизнь Алли, очевидно, вошла въ обычную колею. Только ребенка теперь совсѣмъ ужъ стало невидно и неслышно. Казалось, Вилли и тамъ, наверху, въ комнаткѣ, былъ также тихъ и также постоянно занятъ по своему, какъ и во время

бно на дворѣ. Недоставало имъ тамъ лишь солдатика. Алли ежедневно ходила въ казарму, ежедневно что-то носила туда, но возвращалась домой обыкновенно печальною и задумчивою.

И я скучалъ по Ванѣ. И мнѣ среди окружавшаго меня тоскливаго однообразія недоставало его присутствія, его незамысловатыхъ рѣчей и хохота, его тупаго озабоченнаго взгляда... и въ одно прекрасное утро я собрался его навѣстить.

На казарменномъ дворѣ мнѣ попался тотъ самый солдатъ, съ которымъ Ваня недавно еще бродилъ по городу. Степкѣ тоже не повезло, и онъ давно уже слонялся безъ дѣла; но неудача ево, казалось, мало огорчала. Степка былъ веселъ, по обыкновенію, и не выпускалъ гармоники изъ рукъ.

Я вошелъ въ казарму. Тамъ все еще было мало жизни. Кое-гдѣ лишь дремалъ на лежанкѣ какой нибудь солдатикъ, на закрытомъ окнѣ жужжала и билась глупая осенняя муха, да откуда-то издали доносились одинокіе шаги по гулкому каменному полу.

Ваня лежалъ одинъ въ большой комнатѣ съ тяжелымъ затхлымъ воздухомъ. Казалось, тутъ давно уже не открывали оконъ. Я подошелъ къ нему и насилу его узналъ, такъ измѣнился онъ за эту недѣлю: желтый и худой, со впалыми щеками, потнымъ лбомъ и мутнымъ взглядомъ, лежалъ онъ раскинувшись на нарахъ и тяжело дышалъ. Ваня меня узналъ и сдѣлалъ было движеніе, чтобы приподняться, но я его остановилъ.

Въ это время изъ коридора донеслись гулкіе шаги; въ комнату вошелъ Степка, очевидно, безъ опредѣленной цѣли и уставился на больнаго.

— Что, грудь болитъ? спросилъ я Ваню.

— Чижало, отвѣтилъ солдатикъ слабымъ голосомъ; но Степка его прервалъ.

— Смотри, Ванюха, помрешь! проговорилъ онъ внезапно, вѣроятно, въ видѣ предостереженія, и больной солдатикъ озабоченно посмотрѣлъ на него. Но Степка лишь подмигнулъ

[illegible] самъ [illegible]

[illegible] И какъ скоро [illegible]. А теперь [illegible] по-[illegible] съ казармы въ [illegible] Ваня [illegible] въ этой [illegible]...

[illegible] вопреки [illegible] пред-[illegible]

[illegible] жесткихъ [illegible] одно пре-[illegible] чуть живой еще на [illegible] быстро по-правляться. — [illegible] извѣстнымъ, какую [illegible] въ своемъ одино-[illegible].

Между тѣмъ [illegible] установилась. Настали ясные тихіе [illegible] дни, и Ваня, хотя еще желтый и худой на видъ, былъ уже на ногахъ и бродилъ по казармѣ, перекликаясь по временамъ въ открытыя окна черезъ дворъ съ моею [illegible]. Прошло еще нѣсколько дней, и онъ съ блаженною и необыкновенно глупою улыбкою приплелся къ намъ на дворъ и усѣлся на скамеечкѣ, близь сѣней.

Солдатикъ быстро поправлялся. Съ каждымъ днемъ становился онъ крѣпче и бодрѣе, и печаль исчезла со смуглаго лица Алли. Теперь на немъ лежала лишь печать тихой постоянной заботы, и когда мнѣ случалось видѣть, какъ ласково взглядывала Алли по временамъ на Ваню, у меня невольно зарождалась мысль: ужъ не она ли отстояла солдатика отъ смерти какою нибудь невѣдомою мнѣ силою.

Вокругъ меня опять воцарился мирный покой, точно тишь послѣ непогоды. И опять Вилли по цѣлымъ днямъ бывалъ на дворѣ, только теперь онъ не бѣгалъ простоволосымъ, какъ это случалось раньше, а всегда носилъ вяза-

вую синюю шапочку съ твердымъ козырькомъ, какую носятъ обыкновенно жокеи.

Эта-то шапочка и служила теперь темою долгихъ бесѣдъ солдатика.

— Она, чай, теплая? часто спрашивалъ солдатикъ.

Вилли иногда отвѣчалъ что-то, а иногда и нѣтъ, если бывалъ очень занятъ своимъ дѣломъ.

— А отчего она тебѣ съѣхала на самые глаза? Вѣдь тебѣ, чай, ничего не видно?

Ребенокъ задиралъ голову, насколько умѣлъ, и взглядывалъ изъ-подъ козырька на солдатика, очевидно, въ доказательство того, что ему видно.

— А нешто такъ и полагается? спрашивалъ опять солдатикъ.

Мальчуганъ отвѣчалъ утвердительно, но Ваня, несовсѣмъ ему довѣряя, обращался къ матери съ тѣмъ же вопросомъ, если она случалась тутъ, и Алли съ улыбкою подходила къ ребенку и молча поправляла на немъ шапку, къ чему Вилли обыкновенно оставался совершенно равнодушнымъ, не отрываясь даже отъ своего дѣла...

Между тѣмъ время шло, каникулы близились къ концу. Казармы начали оживляться. Солдаты стекались съ разныхъ сторонъ; съ казарменнаго двора къ намъ подчасъ доносился ихъ говоръ, и наконецъ въ одинъ ясный тихій вечеръ, когда солнце багровымъ пятномъ спускалось въ море, изъ-за стѣны по старому грянула солдатская пѣсня и внятно и далеко разнеслась по тихому городку.

Но ученія все еще не начинались, и солдатики продолжали бродить безъ дѣла.

Алли работала и работала, и чѣмъ дальше я жилъ въ сосѣдствѣ этого тихаго существа, тѣмъ оно мнѣ становилось понятнѣе и яснѣе. Я начиналъ даже понимать, какимъ образомъ Алли могла полюбить Ваню. Въ ней собственно было нѣчто общее съ нимъ. Ея кротость была сродни безотвѣтности солдатика: и она въ сущности была лишь орудіемъ

въ чужихъ рукахъ, съ тою только разницею, что руки, игравшія солдатикомъ, были руки человѣческія, а человѣкъ порою забываетъ и оставляетъ свою игрушку — поэтому солдатикъ часто находился въ состояніи полнаго покоя, въ состояніи инерціи тѣла неодушевленнаго; руки же, распоряжавшіяся судьбою Алли, принадлежали самой жизни. Жизнь сама ей постоянно диктовала, и Алли постоянно имѣла дѣло и дѣлала то, что было на очереди, и въ праздникъ, и въ черный день...

Ваня совершенно выздоровѣлъ и блаженствовалъ.

Казалось, солдатикъ всею душою, сколько ея у него было, привязался къ нашему дому, и здѣсь сосредоточилась вся его жизнь. Безпрестанно забѣгалъ онъ къ намъ на дворъ, иногда только на минутку, или же забирался на стѣну и подолгу просиживалъ на ней, направляя свои рѣчи въ верхнее окно. Однимъ словомъ, солдатикъ былъ доволенъ своею судьбою.

Въ сущности ему вѣдь такъ немного было нужно! И на голой скалѣ плевелъ нашелъ себѣ въ трещинкѣ немного землицы, прилипъ къ ней своими чахоточными корнями и былъ счастливъ. Никому онъ тутъ не мѣшалъ, никому не попадался подъ ноги, казалось — тутъ бы ему и вѣкъ скоротать... Такъ нѣтъ же!

Однажды утромъ, когда я только успѣлъ открыть окно, и вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ, ворвавшимся ко мнѣ въ комнату, рябинка стряхнула мнѣ на столъ нѣсколько пожелтѣлыхъ уже листьевъ, на казарменной стѣнѣ вдругъ появилась фигура солдатика, да съ такимъ растеряннымъ, озабоченнымъ лицомъ, какого я у него никогда еще не видѣлъ. Сначала Ваня потянулся къ верхнему окну, но тотчасъ повернулся въ сторону, — и, слѣдуя за направленіемъ его взгляда, я увидѣлъ Алли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего окна. Она стояла съ шерстью въ рукахъ, которую наматывала на клубокъ, вѣроятно, выкатившійся у нея изъ окна и размотавшійся при паденіи.

— Аля, насъ, слышь, угоняютъ... испуганно проговорилъ солдатикъ.

— Какъ, совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

— Ага! тихо промолвила Алли, и руки съ клубкомъ опустились, и глаза въ раздумьѣ устремились куда-то въ даль. Въ этомъ слабомъ звукѣ, вырвавшемся изъ ея устъ, мнѣ послышалось невольное удивленіе человѣка, настигнутаго ударомъ съ той стороны, откуда онъ долго его ожидалъ. Но болѣе они не проронили ни слова. Алли взглянула на солдатика и съ грустной улыбкой кивнула ему головой. »Да, такъ оно и бываетъ«, казалось, говорила эта улыбка, но изъ груди ея не вырвалось ни стона, ни ропота, ни даже слова упрека судьбѣ.

Ваня усиленно заморгалъ глазами. Я думалъ, онъ заплачетъ, но и Ваня не заплакалъ...

Весь этотъ день въ казармѣ происходило небывалое оживленіе: 50 человѣкъ переводились сначала въ Ревель, а потомъ еще куда-то; на слѣдующій же день ихъ моремъ отправляли въ путь, и солдатики теперь гуляли напослѣдокъ.

Мнѣ случилось опять встрѣтиться съ Ваней уже подъ вечеръ. Я проходилъ какъ разъ мимо настежъ открытыхъ воротъ казармы, когда Ваня шелъ по двору, вѣроятно, направляясь къ намъ. Вдругъ изъ казармы вывалился на дворъ Степка и остановилъ его. Степка былъ уже пьянъ и по этому случаю въ чрезвычайно чувствительномъ настроеніи. Онъ безъ всякихъ предисловій трогательно облобызалъ Ваню, который не оказалъ ему ни малѣйшаго сопротивленія, потомъ вытащилъ изъ кармана косушку и щелкнулъ по ней пальцемъ.

— Только одна утѣха и есть у сиротинушки, слезливо проговорилъ Степка, основательно приложился къ косушкѣ и заставилъ приложиться и Ваню.

Ваня пить не умѣлъ и самъ скоро чуть не прослезился; а когда косушка опорожнилась, солдатики, обнявшись, ст-

правились въ шинокъ, и тамъ за стойкой Ванина душа наконецъ вырвалась изъ-подъ клапана наружу: солдатикъ не выдержалъ и заплакалъ, какъ-то по дѣтски утирая себѣ кулакомъ слезы.

— Сирота ты, Ванюха, сирота, причитывалъ совсѣмъ ужъ растроганный Степка; и когда я поздно вечеромъ проходилъ мимо освѣщенныхъ оконъ шинка, солдатики все еще сидѣли тамъ въ темномъ углу на скамеечкѣ, нѣжно обнявшись...

На слѣдующій день вечеромъ я отправился на пристань смотрѣть, какъ будутъ отправлять моихъ пріятелей.

Стояла ясная осенняя погода съ безоблачнымъ небомъ и безмолвною недвижностью во всей природѣ.

Пристань городка К. узкою прямою полосою вдается далеко въ море. Когда я пришелъ, на ней уже толпились солдаты. Иные таскали какіе-то тюки и сваливали ихъ въ стоявшую у берега барку, другіе бродили безъ дѣла, собираясь тамъ и сямъ кучками; но у всѣхъ на лицахъ выражались ожиданіе и забота. А вдали, на разстояніи какой нибудь версты съ небольшимъ, стояло судно, которое должно было отвести солдатъ въ Ревель. По случаю убыли воды оно не подошло къ пристани.

Алли была тутъ же. Она стояла въ сторонкѣ отъ солдатъ, на спускѣ къ водѣ, съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ, серьезная и печальная, а у ногъ ея на травѣ сидѣлъ Вилли, удивленно глазѣвшій по сторонамъ.

Дивный былъ вечеръ: ни одинъ листокъ, ни одна травка не шевелилась. Ясное синее небо прозрачнымъ сводомъ спускалось надъ неподвижною водою; только на западѣ низко надъ горизонтомъ огромнымъ багровымъ шаромъ стояло солнце, разливая во всѣ стороны яркіе снопы золотыхъ лучей. И все кругомъ — и небо, и солнце, и судно вдали съ его мачтами и трубою — все отражалось въ морѣ, какъ въ зеркалѣ, и отраженія эти какъ-то неестественно-недвижно стояли на поверхности воды.

Ваня таскалъ тюки вмѣстѣ съ другими солдатами. Наконецъ нагрузка кончилась, на пристани стало тише, и солдатикъ подошелъ къ Алли.

— Сейчасъ будемъ отчаливать, проговорилъ Ваня и какъ-то торопливо вздохнулъ.

И дѣйствительно прощаніе продолжалось недолго. На минуту прикурнулъ солдатикъ возлѣ Вилли на травѣ, утирая себѣ лобъ, вспотѣвшій отъ возни на баркѣ, а Алли гладила его рукою по волосамъ, какъ дѣлала это обыкновенно со своимъ ребенкомъ. Она смотрѣла на солдатика сверху внизъ съ кроткою сосредоточенною печалью на лицѣ и лишь въ раздумьѣ тихо повторяла: »Прощай, Вана, прощай, прощай...«

Солдатикъ глядѣлъ какимъ-то удивленнымъ и пришибленнымъ. Мнѣ невольно пришла на умъ сценка, видѣнная мною въ это утро: у крыльца, выходящаго на нашъ дворъ, сидѣлъ Вилли и игралъ въ пескѣ деревянною чашечкою, забытою тутъ, вѣроятно, господскимъ ребенкомъ — дачники изъ сосѣдняго дома все еще не уѣзжали. Вилли долго забавлялся этою чашечкою сосредоточенно и тихо. Казалось, ребенокъ тѣломъ и душою погрузился въ свою забаву. Вдругъ съ крыльца сошла горничная и грубо отняла у него его чашечку, и Вилли не закричалъ, не заплакалъ, только посмотрѣлъ ей вслѣдъ внимательнымъ и удивленнымъ взглядомъ; такъ смотрятъ лишь неизбалованныя, некапризныя дѣти.

Теперь у Вани былъ этотъ самый взглядъ. У него отнимали чуть ли не самую жизнь, и солдатикъ не претендовалъ...

Вдругъ съ пристани раздалась команда. Солдаты встрепенулись, засуетились и повалили къ баркѣ.

Ваня торопливо всталъ, потомъ опять нагнулся и поцѣловалъ ребенка въ губы. Вилли этого, очевидно, не ожидалъ и схватился рученкою за подолъ матери, чтобы не упасть отъ Ванинаго поцѣлуя, и поднялъ на солдатика широко раскрытые глаза.

— Ну, Аля, прощай, сказалъ Ваня все съ тѣмъ же

пришибленнымъ выраженіемъ на лицѣ. Но вдругъ онъ улыбнулся. — Не забудешь меня, а?

Алли только покачала головою и опять тихо повторила: »Прощай, Вана, прощай!«

И слезы, пролитыя солдатикомъ наканунѣ въ шинкѣ за стойкою, были единственнымъ протестомъ, нашедшимся въ его незлобивой душѣ, — и клапанъ надъ неюза хлопнулся...

Черезъ четверть часа пароходикъ, который долженъ былъ потащить на буксирѣ солдатиковъ къ судну, пыхтя и шипя, отчалилъ отъ пристани, и вслѣдъ за нимъ барка, биткомъ набитая народомъ, темнымъ пятномъ всколебала водную гладь.

Кругомъ все по прежнему было ясно и спокойно. Дымъ пароходика плавно удалялся, и вслѣдъ за нимъ мелькало по водѣ его темное отраженіе. Когда оно наконецъ исчезло въ багровой полосѣ, перерѣзавшей море, съ барки вдругъ дружно грянула солдатская пѣсенка, далеко-далеко пронеслась надъ моремъ и берегомъ и, дрожа, словно повисла въ тихомъ воздухѣ...

Солдатики, проводившіе товарищей, понемногу разошлись; пристань опустѣла, и только на самомъ краю ея одинокою стояла еще Алли, держа ребенка за руку, и въ раздумьѣ глядѣла предъ собою. Солнце уже спряталось; лишь на горизонтѣ небо багровымъ сіяніемъ сливалось съ моремъ, и вдали, прямо противъ нея, все на томъ же мѣстѣ стояло судно, темное и недвижное...

Не знаю, видѣла ли его Алли. Во взглядѣ ея я прочелъ одну только мысль: »прошло — минуло«, а уста ея, казалось, все еще шептали: »прощай, Вана, прощай, прощай!...«

Однако ребенокъ въ нетерпѣніи дергалъ ее за руку, и Алли наконецъ побрела съ нимъ домой.

И теперь только, идя вслѣдъ за нею по пустыннымъ улицамъ городка, я впервые замѣтилъ, что кругомъ стояла поздняя осень, что деревья уже пожелтѣли и осыпали мнѣ подъ ноги свои сухіе листья.

Я. М.

КРАСА ТЕЛАВА

Съ грузинскаго

Раздался кличъ въ странѣ родной:
»Скорѣй за шашки! Персіяне
»Стремятся хищной саранчой
»Къ долинѣ пышной Алазани!« —
И мы пошли на смертный бой.

Ужъ ночь ложилась на дубравы;
Кавказа каменную грудь
Уже ласкалъ туманъ лукавый,
Когда рѣшались отдохнуть
Мы средь радушнаго Телава.

На пиръ телавцы стали звать,
Но вождь сказалъ, сверкнувъ очами:
»Теперь не время пировать!
»Мы будемъ здѣсь, подъ небесами,
»Зарю молитвою встрѣчать!«

Коню давъ корму, размышляя,
Присѣлъ я молча у огня —
И вдругъ смотрю: красой сіяя,
Вблизи, съ балкона, на меня
Глядитъ грузинка молодая;

Струятся слезы изъ очей,
И полонъ взоръ любви и муки...
Забилась кровь во мнѣ сильнѣй...
Я пѣсню скорби, пѣснь разлуки —
Баяти дѣвѣ спѣлъ моей.

»Безъ слезъ, спокойно мать родная
»Меня благословляла въ бой.
»Я шелъ, цѣпей любви не зная,
»Съ свободной, радостной душой,
»Разить враговъ роднаго края.

»Я взросъ въ бояхъ — и радъ былъ вновь
»Служить со славою отчизнѣ.
»Зачѣмъ же ты пришла, любовь,
»И пробудила жажду жизни,
»Зажгла иною страстью кровь,

»О счастьѣ шепчешь мнѣ лукаво?!...«
»Стыдись!« отвѣтила она:
»Любовь грузинки — не отрава!
»Я дочь героевъ, я княжна,
»И дорога твоя мнѣ слава.

»Коль одолѣешь ты въ бою, —
»Знай: я твоя! — и станъ твой стройный
»Лозою счастья обовью.
»Погибнешь смертію достойной —
»Прославлю память я твою

»Слезами, вѣчною тоскою,
»Жемчужной нитью дѣлъ святыхъ...«
Но я вскричалъ съ усмѣшкой злою:
— »Увы! блескъ подвиговъ моихъ, —
»Не я, не я любимъ тобою!

»До сердца друга — дѣла нѣтъ!
»Не все равно-ль, что̀ пиръ, что̀ тризны!..«
И грустно дѣва мнѣ въ отвѣтъ:
— »Мнѣ дорогъ вѣрный сынъ отчизны,—
»Милѣй, чѣмъ почесть, правды свѣтъ,

»Дороже честь твоя, чѣмъ слава...«
И палъ я ницъ: — »Благодарю!
»Люблю тебя, краса Телава!
»И вѣрю въ счастія зарю
»За мглой борьбы, за мглой кровавой!..«

В. Величко

Цвѣтовое зрѣніе и цвѣтовая слѣпота

Лекція **Брёднеля Картера,**

читанная въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ 9 мая 1890 г.

Какъ извѣстно всѣмъ, чувство зрѣнія вызывается образованіемъ на сѣтчатой оболочкѣ глаза обратнаго оптическаго изображенія внѣшнихъ предметовъ, изображенія, вполнѣ схожаго съ тѣмъ, какое мы видимъ въ фотографической камерѣ. Сѣтчатая оболочка весьма тонка и прозрачна, имѣя около $^1/_5$ миллиметра въ самой толстой своей части, около оптическаго нерва, и постепенно уменьшаясь до половины этой толщины къ своей наружной части. Подъ микроскопомъ она кажется состоящею изъ десяти слоевъ, связанныхъ соединительной тканью, содержащей въ себѣ питающіе ее кровеносные сосуды. Я коснусь только двухъ изъ этихъ слоевъ — передняго или волокнистаго слоя, преимущественно составленнаго изъ волоконъ оптическаго нерва, и воспринимающаго слоя, который, если его разсматривать извнутри глазнаго яблока, кажется чрезвычайно тонкой мозаикой, каждая индивидуальная часть которой находится въ сообщеніи съ нервнымъ волокномъ, проводящимъ впечатлѣнія ея къ мозгу. Воспринимающій слой оканчивается двумя видами тѣлецъ, такъ называемыми палочками или цилиндриками и конусами; они называются такъ потому, что первые дѣйствительно имѣютъ цилиндрическую, а вторые — коническую форму. Основанія конусовъ направлены къ внутренней части глаза; весьма возможно, что каждый конусъ можетъ считаться собирающимъ аппаратомъ, предназначеннымъ для сосредоточенія получаемаго имъ свѣта и для проведенія его въ болѣе глубокія части, которыя считаются настоящимъ мѣстомъ, гдѣ ощущаются свѣтовыя впечатлѣнія. Конусы чувствительнѣе цилиндриковъ и способствуютъ высшей остротѣ зрѣнія. Въ человѣческомъ глазѣ существуетъ небольшая центральная область, въ которой воспринимающій слой состоитъ изъ однихъ кону-

совъ, область, которую волокна обходятъ, закругляясь около нея, и въ которой другіе слои сѣтчатой оболочки гораздо тоньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего образуется углубленіе, окрашенное лимонно-желтымъ цвѣтомъ. Въ поясѣ, непосредственно окружающемъ это желтое пятно, около каждаго конуса расположенъ кругъ изъ цилиндриковъ; по мѣрѣ приближенія къ периферіи сѣтчатой оболочки, кругъ цилиндриковъ около каждаго конуса послѣдовательно становится двойнымъ, тройнымъ и т. д. Желтое пятно получаетъ изображеніе предмета, на который глазъ направленъ въ настоящую минуту, между тѣмъ какъ изображенія окружающихъ предметовъ падаютъ на пояса, окаймляющіе желтое пятно; въ зависимости отъ этого строенія ясность зрѣнія уменьшается пропорціонально разстоянію изображенія предмета отъ центра сѣтчатой оболочки. Вслѣдствіе того все, что̀ мы видимъ, походитъ на картину, центральная часть которой вполнѣ закончена, между тѣмъ какъ части около центра набросаны лишь болѣе или менѣе грубо. Мы сознаемъ, что эти внѣшнія части существуютъ; но если мы хотимъ разсмотрѣть ихъ болѣе точно, мы должны сдѣлать ихъ предметами прямаго видѣнія.

Неясность, съ какою мы видимъ боковые предметы, настолько уравновѣшивается быстрою подвижностью глазъ и тѣмъ способомъ, какимъ они безсознательно охватываютъ все поле зрѣнія, что мы на нее рѣдко или почти никогда не обращаемъ вниманія. Она легко обнаруживается съ помощью снаряда, называемаго „периметромъ“, который позволяетъ наблюдателю смотрѣть пристально на центральное пятно, между тѣмъ какъ другое пятно или другой предметъ двигается вдоль по дугѣ, въ томъ или иномъ меридіанѣ, отъ окружности поля зрѣнія къ центру или наоборотъ. Въ этомъ отношеніи между отдѣльными лицами замѣчаются незначительныя различія.

Изображеніе, образующееся на сѣтчатой оболочкѣ, становится видимымъ при двухъ различныхъ условіяхъ, т. е. благодаря различіямъ въ количествѣ свѣта, служащаго къ образованію различныхъ частей его, и благодаря различіямъ въ качествѣ свѣта, т. е. цвѣта его. Первыя условія осуществляются въ гравюрѣ, вторыя — въ картинѣ, написанной красками. Въ настоящую минуту насъ касаются только послѣднія условія и способность ихъ воспріятія.

Для моей цѣли достаточно напомнить, что цвѣтъ зависитъ отъ способности, которою обладаютъ такъ называемые цвѣтные предметы, поглощать и удерживать въ себѣ нѣкоторыя части бѣлаго или другаго смѣшаннаго свѣта и отражать другія части его. Дѣйствіе цвѣта выражается въ впечатлѣніи, производимомъ на глазъ или на мозгъ волнами свѣта, остающимися послѣ того,

какъ закончится процессъ избирательнаго поглощенія. Нѣкоторыя вещества поглощаютъ два или три основныхъ цвѣта солнечнаго спектра, другія поглощаютъ только одинъ, третьи — часть одного или нѣсколькихъ. Все то, что̀ остается, передается черезъ средины нашего глаза; для огромнаго большинства человѣческаго рода этого достаточно, чтобы возбудить сѣтчатую оболочку къ характерной дѣятельности. Можно найти немного вещей болѣе любопытныхъ, чѣмъ множество различныхъ свѣтовыхъ ощущеній, какія могутъ происходить отъ разнообразныхъ сочетаній трехъ простыхъ элементовъ — краснаго, зеленаго и фіолетоваго; но этой части нашего предмета я теперь не могу касаться.

Помимо дѣйствія цвѣта, какъ одного изъ главныхъ источниковъ красоты, присущей нашему міру, очевидно, что способность различенія его содѣйствуетъ въ значительной степени остротѣ зрѣнія. Предметы, отличающіеся отъ того, что̀ ихъ окружаетъ, цвѣтовыми различіями, гораздо замѣтнѣе тѣхъ, которые отличаются лишь разницей свѣта и тѣни. Цвѣты своимъ яркимъ окрашиваніемъ обязаны во многомъ насѣкомымъ, которыя способствуютъ ихъ оплодотворенію; животныя, служащія добычею для другихъ, находятъ лучшую защиту для себя въ сходствѣ ихъ окрашиванія съ окружающими предметами. Вѣроятно, возможно принять за общій законъ, что органы цвѣтоваго воспріятія спеціализированы выше всѣхъ другихъ, и что чувство цвѣта развито наиболѣе у всѣхъ животныхъ въ прямомъ отношеніи къ общей остротѣ зрѣнія каждаго.

Изъ множества соображеній, въ которыя недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ вдаваться, было выведено заключеніе, что чувство цвѣта составляетъ свойство коническихъ тѣлецъ сѣтчатой оболочки, тогда какъ цилиндрическія тѣльца ея чувствительны только къ различіямъ въ количествѣ падающаго на нихъ свѣта, независимо отъ качества его. Глазъ ночныхъ животныхъ не содержитъ въ себѣ конусовъ, и послѣдніе у ночныхъ птицъ развиты менѣе, чѣмъ у дневныхъ. Нѣкоторое ограниченіе цвѣтоваго чувства у человѣка зависитъ также отъ анатомическаго строенія сѣтчатой оболочки. Анатомія позволяетъ намъ предположить, что полное цвѣтовое чувство свойственно лишь центру этой оболочки, т. е. желтому пятну и непосредственно прилегающему къ нему поясу, и что оно уменьшается по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ центра къ окружности. Убѣдиться въ точности этихъ фактовъ гораздо труднѣе, чѣмъ кажется; хотя и легко передвигать цвѣтные предметы отъ окружности къ центру поля зрѣнія на периметрѣ, но вовсе нелегко опредѣлить точку, въ которой истинный цвѣтъ передвигаемаго предмета можетъ представиться уже вполнѣ ясно. Кромѣ

того, многое зависитъ отъ величины передвигаемаго предмета: чѣмъ онъ больше, тѣмъ скорѣе изображеніе его упадетъ на нѣкоторые изъ менѣе плотно распредѣленныхъ конусовъ на периферической части сѣтчатой оболочки. Говоря вообще, человѣческое зрѣніе можно назвать только трехцвѣтнымъ или удовлетворительнымъ для трехъ основныхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра небольшой центральной области, покрывающей не болѣе 30° поля зрѣнія; оно становится двуцвѣтнымъ или ограничивается лишь краснымъ и фіолетовымъ тотчасъ же за предѣлами этой центральной области, а оттуда до крайнихъ предѣловъ поля зрѣнія ограничивается лишь свѣтомъ и тѣнью.

Свойство и ограниченія цвѣтоваго чувства у человѣка давно уже заставили Томаса Юнга предположить, что сѣтчатая оболочка должна заключать въ себѣ три системы волоконъ, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ только одному изъ основныхъ цвѣтовъ, или что существуютъ особыя нервныя волокна для краснаго, особыя нервныя волокна для зеленаго и особыя нервныя волокна для фіолетоваго цвѣта. Предполагалось также, что различія между этими волокнами, главнымъ образомъ, должны заключаться въ способности каждой системы отзываться только на свѣтовыя колебанія волны извѣстной длины, подобно тому какъ струна отвѣчаетъ лишь на колебаніе другой струны, настроенной съ нею въ унисонъ. Насколько извѣстно, у человѣка нельзя открыть никакихъ оптическихъ различій между конусами, но аналогія слуха и факты, доставляемые сравнительной анатоміей, придаютъ гипотезѣ Юнга большое вѣроятіе, и она признается всѣми, по крайней мѣрѣ временно, какъ единственное объясненіе фактовъ Она заставляетъ предполагать, что элементы всѣхъ трехъ видоизмѣненій находятся въ центральной части сѣтчатой оболочки, что элементы, чувствительные къ зеленому цвѣту, отсутствуютъ въ кольцѣ около центра, и что периферическія части лишены элементовъ, которыми цвѣтовое чувство вызывается къ дѣятельности.

Мы уже сказали, что высшая степень остроты зрѣнія всегда бываетъ связана съ соотвѣтственной остротой цвѣтоваго чувства. Поэтому мы естественно должны ожидать, что такое высоко развитое цвѣтовое чувство окажется у птицъ, изъ которыхъ многія, относительно способности зрѣнія, повидимому, превосходятъ всѣ прочія живыя существа. Я не буду останавливаться на извѣстной остротѣ зрѣнія коршуновъ или проницательности морскихъ птицъ и замѣчу лишь, что неоспоримая острота ихъ зрѣнія болѣе распространена по сѣтчатой оболочкѣ, чѣмъ у человѣка. Наблюдая за домашними курами или за голубями въ то время, когда они ѣдятъ кормъ, мы часто можемъ видѣть, какъ птица, старательно клюющая зерна, находящіяся непосредственно пе-

редъ ея клювомъ, вдругъ дѣлаетъ движеніе въ сторону, к
какому либо зерну, лежащему внѣ зрительной линіи и невиди
мому для человѣческаго глаза, еслибы послѣдній смотрѣлъ в
томъ же направленіи, какъ глазъ курицы. Изучая сѣтчату
оболочку птицы, мы находимъ объясненіе и остроты, и широт
ея зрѣнія. У птицъ, у нѣкоторыхъ пресмыкающихся и у рыб
конусы не только распространены по сѣтчатой оболочкѣ болѣ
обильно и болѣе ровно, чѣмъ у человѣка, но они снабжены н
своихъ вершинахъ цвѣтными шариками, какъ бы капелькам
окрашеннаго масла, черезъ которыя входящій свѣтъ должен
пройти прежде, чѣмъ вызвать ощущеніе, и которыя физическ
недоступны ни для какого другаго свѣта, кромѣ своего соб
ственнаго. Каждый шарикъ помѣщенъ такимъ образомъ, чт
онъ находится между собирающей и воспринимающей частям
конуса, причемъ послѣдній можетъ воспринимать только цвѣт
проходящій черезъ шарикъ. Сѣтчатыя оболочки многихъ птицъ
въ особенности голубя и домашней курицы, были тщательн
изслѣдованы д-ромъ Вельхли, который нашелъ, что у центр
преобладаетъ зеленый цвѣтъ конусовъ; между зелеными кон
сами отчасти разсѣяны красные и оранжевые, которые пере
межаются такъ, что красный приходится между двумя оранже
выми и наоборотъ. Въ окружающей части, названной д-ром
Вельхли красной зоной, красные и оранжевые конусы располо
жены въ видѣ цѣпей, причемъ они крупнѣе и многочисленнѣе
чѣмъ вблизи желтаго пятна; зеленые конусы мельче по разм
рамъ и заполняютъ промежутки. Около периферіи конусы пере
мѣшаны; три цвѣта ихъ встрѣчаются въ одинаковомъ числѣ
въ одинаковомъ размѣрѣ, причемъ между ними попадаются без
цвѣтные конусы. Д-ръ Вельхли изслѣдовалъ оптическія свойств
окрашенныхъ конусовъ посредствомъ микро-спектроскопа и на
шелъ, какъ и можно было предположить, что они пропускали толь
соотвѣтственныя части спектра; повидимому, за исключеніемъ не
многихъ безцвѣтныхъ конусовъ периферической части сѣтчато
оболочки, птицамъ нечѣмъ было воспринимать голубаго цвѣта, так
какъ онъ поглощался ихъ цвѣтными шариками. Слѣдовало бы
подробнѣе ознакомиться съ ихъ пищей, для того чтобы оцѣнить
выгоды, какія могутъ произойти для этихъ птицъ отъ преоблада
нія у нихъ зеленыхъ, красныхъ и оранжевыхъ шариковъ; но уже
описанное выше строеніе прямо заставляетъ заключить, что птицы
у которыхъ оно встрѣчается, должны имѣть весьма острое цвѣ
товое чувство, соотвѣтственно шарикамъ, столь обильно имѣю
щимся у нихъ, и что это цвѣтовое чувство не локализован
въ центрѣ, какъ въ человѣческомъ глазѣ, но распространен
по обширной части сѣтчатой оболочки. Д-ръ Вельхли указы
ваетъ, что окрашиваніе желтаго пятна у человѣка должно д

нѣкоторой степени исключать голубой цвѣтъ изъ центральной и болѣе чувствительной части сѣтчатой оболочки.

Едва ли нужно упоминать, насколько высокое дифференцированіе конусовъ у описанныхъ птицъ поддерживаетъ гипотезу Юнга, что подобное же дифференцированіе, хотя и не столь очевидное, существуетъ также у человѣка. Если это справедливо, мы должны заключить, что область желтаго пятна содержитъ конусы, изъ которыхъ одни могутъ вызываться къ дѣятельности краснымъ, другіе — зеленымъ и третьи — фіолетовымъ цвѣтомъ; что окружающее кольцо не содержитъ конусовъ, чувствительныхъ къ зеленому цвѣту, но лишь такіе, которые чувствительны къ красному или фіолетовому, и что внѣ и вокругъ этой послѣдней области конусы, если они тамъ находятся, нечувствительны къ какому либо цвѣту, а, подобно цилиндрикамъ, лишь къ различію въ силѣ свѣта. Когда вызываются къ дѣятельности конусы лишь одного рода, являющееся при этомъ ощущеніе называется краснымъ, зеленымъ или фіолетовымъ, а когда всѣ три разновидности испытываютъ раздраженіе почти въ одинаковой степени, производимое ощущеніе называется бѣлымъ. Такимъ же образомъ безчисленныя промежуточныя цвѣтовыя ощущенія, къ которымъ способенъ нормальный глазъ, могутъ быть приписаны возбужденію трехъ равновидностей конусовъ въ неодинаковыхъ степеняхъ.

Условія цвѣтоваго чувства, которыя въ человѣческой расѣ или, по крайней мѣрѣ, у цивилизованнаго человѣка заключаются нормально во внѣшнихъ зонахъ сѣтчатой оболочки, у нѣкоторыхъ индивидуумовъ оказываются также и въ центрѣ. Можно найти людей, у которыхъ область желтаго пятна абсолютно нечувствительна къ цвѣту и распознаетъ только различія въ силѣ или количествѣ свѣта. Строго говоря, только къ такимъ лицамъ и можетъ быть примѣненъ терминъ „цвѣтовая слѣпота“; но этотъ недостатокъ встрѣчается такъ рѣдко, что не можетъ претендовать на монополію обозначенія, удобно примѣнимаго къ другимъ случаямъ. При полной цвѣтовой слѣпотѣ раскрашенная картина должна казаться гравюрой или нарисованной только черной и бѣлой краской, и различія между ея частями должны восприниматься лишь постольку, насколько эти части болѣе или менѣе свѣтлы.

Чаще встрѣчается въ центрѣ сѣтчатой оболочки такой родъ зрѣнія, который подобенъ тому, какой существуетъ нормально въ окружающей зонѣ, т. е. слѣпота къ зеленому цвѣту. Лица, слѣпыя къ зеленому цвѣту, вѣроятно, видятъ фіолетовый и желтый цвѣта также, какъ и люди съ нормальнымъ зрѣніемъ; они могутъ видѣть и красный цвѣтъ, но не въ состояніи отличать его отъ зеленаго. Другіе — что встрѣчается чаще предыдущаго — слѣпы

къ красному цвѣту, и весьма малое число лицъ слѣпо къ фіолетовому. Такая слѣпота къ одному изъ основныхъ цвѣтовъ можетъ быть полной или неполной, т. е. способность даннаго цвѣта вызывать соотвѣтствующія ему ощущенія можетъ вовсе отсутствовать или быть очень слабой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостатокъ такъ незначителенъ, что его удобно обозначить выраженіемъ „недостаточное цвѣтовое чувство".

Опыты Гельмгольца въ области цвѣтовыхъ ощущеній привели его къ дополненію первоначальной гипотезы Юнга предположеніемъ, что спеціальные нервные элементы, возбуждаемые какимъ либо однимъ цвѣтомъ, возбуждаются также въ нѣкоторой степени каждымъ изъ обоихъ другихъ, но что они реагируютъ свойственнымъ имъ ощущеніемъ, а не тѣмъ, какое свойственно цвѣту, которымъ они возбуждаются въ слабой степени. Эта гипотеза, часто называемая Юнгъ-Гельмгольцевской, допускаетъ, что чисто красная полоса спектра, раздражая главнымъ образомъ волокна, чувствительныя къ красному цвѣту, въ меньшей степени раздражаетъ тѣ, которыя чувствительны къ зеленому и еще въ меньшей — тѣ, которыя чувствительны къ фіолетовому цвѣту, причемъ въ общемъ результатѣ является впечатлѣніе краснаго цвѣта. Чисто зеленая полоса сильно возбуждаетъ волокна, воспринимающія зеленый цвѣтъ, и лишь слегка волокна, воспринимающія красный и фіолетовый цвѣта, въ результатѣ чего является ощущеніе зеленаго цвѣта. Чисто фіолетовая полоса сильно возбуждаетъ волокна, воспринимающія фіолетовый цвѣтъ, менѣе — воспринимающія зеленый и еще менѣе — воспринимающія красный цвѣтъ, причемъ въ результатѣ является ощущеніе фіолетоваго цвѣта. Когда всѣ три системы волоконъ возбуждаются разомъ, въ результатѣ является ощущеніе бѣлаго цвѣта, а когда передъ нормальнымъ глазомъ прямо ставится спектръ, область наибольшей яркости находится въ срединѣ желтой полосы, такъ какъ въ этомъ случаѣ волокна, воспринимающія зеленый, и другія, воспринимающія красный цвѣтъ, возбуждены въ высшей степени, и въ то же время въ нѣкоторой степени возбуждены и волокна, воспринимающія фіолетовый цвѣтъ.

Соотвѣтственно этому воззрѣнію, лицо, слѣпое къ красному цвѣту, т. е. съ недостаточными или парализованными волокнами, предназначенными для воспринятія этого цвѣта, видитъ въ спектрѣ только два основныхъ цвѣта, вмѣсто трехъ. Тѣмъ не менѣе спектральная красная полоса несовсѣмъ невидима для него, такъ какъ она въ слабой степени возбуждаетъ волокна, воспринимающія зеленый цвѣтъ, и вслѣдствіе этого кажется ему густаго зеленаго цвѣта незначительной свѣтовой силы. Самая свѣтлая часть спектра заключается для него не въ желтой, а

въ голубоватозеленой, такъ какъ здѣсь возбуждаются обѣ системы чувствительныхъ волоконъ. Въ случаѣ слѣпоты къ зеленому цвѣту, когда волокна, воспринимающія зеленый цвѣтъ, предполагаются отсутствующими или парализованными, спектральная зеленая полоса производитъ только раздраженіе волоконъ, воспринимающихъ красный, и другихъ, воспринимающихъ фіолетовый цвѣтъ; тамъ, гдѣ они возбуждаются въ равной степени, мы получаемъ цвѣтъ, который слѣпому къ зеленому цвѣту кажется бѣлымъ, а для обыкновеннаго глаза кажется розовымъ, смѣсью краснаго и фіолетоваго. Подобно тому цвѣтъ, кажущійся бѣлымъ слѣпому къ красному цвѣту, представляетъ смѣсь зеленаго и фіолетоваго цвѣтовъ; а на основаніи фактовъ мы видимъ, что спектральная красная полоса, которая въ нѣкоторой, слабой степени возбуждаетъ волокна нормальнаго глаза, воспринимающія зеленый цвѣтъ, и спектральная зеленая полоса, возбуждающая въ нѣкоторой, слабой степени волокна, воспринимающія красный цвѣтъ, въ нормальномъ глазу, а также и въ слѣпомъ къ зеленому цвѣту, должны казаться послѣднему однимъ и тѣмъ же цвѣтомъ, различающимся только по степени яркости, т. е. противоположно воспріятію глаза слѣпаго къ красному цвѣту. Т. е., другими словами, красный и зеленый цвѣта не отличимы одинъ отъ другаго и для слѣпаго къ красному, и для слѣпаго къ зеленому цвѣту; но для перваго красный, а для послѣдняго зеленый кажется, въ сравненіи съ другимъ, менѣе яркимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ оба — лишь болѣе свѣтлый и болѣе темный оттѣнокъ того же самаго цвѣта. Съ этими условіями сходны и условія слѣпоты къ фіолетовому цвѣту, но самый недостатокъ встрѣчается весьма рѣдко и, вслѣдствіе меньшаго промышленнаго значенія, пользовался до сихъ поръ меньшимъ вниманіемъ.

Весьма обширныя изслѣдованія, предпринимавшіяся въ послѣдніе годы и въ Европѣ, и въ Америкѣ, показали, что самыя обычныя формы цвѣтовой слѣпоты, слѣпота къ красному и слѣпота къ зеленому цвѣту, встрѣчаются почти у четырехъ человѣкъ на сто въ мужскомъ населеніи и, быть можетъ, въ одномъ случаѣ на тысячу женщинъ. Между остальными существуютъ незначительныя различія цвѣтоваго чувства, отчасти происходящія отъ различій въ привычкахъ и воспитаніи, но почти не имѣющія практическаго значенія. Одно изъ такихъ различій, на которое первый указалъ лордъ Рейлей, относится къ желтому цвѣту. Чистый желтый цвѣтъ спектра можетъ быть, какъ извѣстно, смѣсью спектральнаго краснаго съ спектральнымъ зеленымъ; но пропорціи этой смѣси различаются въ нѣкоторыхъ предѣлахъ для различныхъ людей. Я полагаю, это различіе зависитъ болѣе отъ различій распредѣленія пигмента

желтаго пятна, чѣмъ отъ какого либо недостатка въ нервномъ аппаратѣ цвѣтоваго чувства. Существуетъ весьма остроумный инструментъ, изобрѣтенный Лёвибондомъ и названный имъ „тинтометромъ", который позволяетъ воспроизводить цвѣтъ любаго предмета посредствомъ сочетанія цвѣтныхъ стеколъ. Употребляя этотъ инструментъ, мы не только находимъ незначительныя различія въ сочетаніяхъ, потребныхъ для различныхъ лицъ, но и въ сочетаніяхъ, нужныхъ для того или другаго глаза одного лица. И здѣсь, я полагаю, причина заключается въ различіяхъ пигментаціи желтаго пятна или, быть можетъ, также въ различіяхъ цвѣта внутреннихъ глазныхъ чечевицъ, которыя, какъ извѣстно, становятся желтоватыми послѣ наступленія средняго возраста. Эти различія ясно обнаруживаются при сравненіи лицъ, одинаково обладающихъ трехцвѣтнымъ зрѣніемъ, и не достигаютъ такой степени, чтобы имѣть какую либо практическую важность.

Обыкновенные случаи слѣпоты къ красному или къ зеленому цвѣту представляютъ интересный предметъ для соображенія — въ какомъ видѣ міръ представляется такимъ лицамъ? Будучи нечувствительными къ одному изъ основныхъ цвѣтовъ спектра, они не могутъ пользоваться, такъ сказать, цѣлою третью яркости природы, хотя, быть можетъ, ихъ недостатокъ отчасти вознаграждается усиленной остротой воспріятія тѣхъ цвѣтовъ, какіе они видятъ. Видятъ ли они бѣлый цвѣтъ въ томъ, что мы называемъ бѣлымъ, или въ томъ, что мы назвали бы смѣсью краснаго и фіолетоваго или зеленаго и фіолетоваго, мы съ увѣренностью сказать не можемъ, за неспособностью нашего языка выразить точную идею ощущенія. Мы всѣ слыхали о слѣпцѣ, который заключалъ изъ попытокъ, какія дѣлались для того, чтобы описать ему яркокрасный цвѣтъ, что этотъ цвѣтъ походитъ на звукъ трубы. Если мы возьмемъ кучку окрашенныхъ шерстинокъ и посмотримъ на нихъ сперва черезъ голубое стекло, устраняющее красные лучи, и затѣмъ чрезъ красноватофіолетовое, устраняющее значительное количество зеленыхъ лучей, мы можемъ предположить, что въ первомъ случаѣ шерстинки кажутся намъ такими, какъ онѣ представляются слѣпому къ красному цвѣту, а во второмъ случаѣ — слѣпому къ зеленому цвѣту. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ обоихъ случаяхъ явленія различны, но что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ красный и зеленый цвѣта практически неразличимы и кажутся однимъ и тѣмъ же цвѣтомъ, но не одинаковой яркости.

Не размышляя надъ этимъ предметомъ и не изслѣдуя его опытнымъ путемъ, мы должны предположить, что существованіе цвѣтовой слѣпоты у какого либо лица не можетъ оставаться незамѣченнымъ имъ самимъ или окружающими его, но такое предположеніе было бы несогласно съ фактами. Также какъ

Маріотту, жившему въ царствованіе Карла II, было предоставлено открыть существованіе въ полѣ зрѣнія каждаго глаза, такъ называемаго, слѣпаго пятна, соотвѣтствующаго мѣсту вступленія оптическаго нерва, открытіе столь обычнаго недостатка, какъ цвѣтовая слѣпота, было удѣломъ позднѣйшихъ поколѣній. Первый извѣстный случай ея былъ описанъ д-ру Пристлею Гёддертомъ въ 1777 г. и касался человѣка по имени Гарриса, сапожника изъ Мериморта въ Кёмберлендѣ, у котораго былъ братъ морякъ, страдавшій тѣмъ же недостаткомъ. Вскорѣ послѣ того былъ подробно описанъ случай съ химикомъ Дальтономъ, что̀ повело къ открытію другихъ примѣровъ подобнаго рода. Впрочемъ, это явленіе тогда считалось еще крайне исключительнымъ; въ виду своей исключительности оно получило названіе „дальтонизма“, и этотъ терминъ до сихъ поръ употребляется во Франціи, какъ синонимъ цвѣтовой слѣпоты. Это названіе должно быть исключено изъ научнаго языка не только потому, что вовсе нежелательно связывать имя знаменитаго ученаго съ физическимъ недостаткомъ, но и потому также, что Дальтонъ былъ слѣпъ къ красному цвѣту; слѣдовательно, упомянутый терминъ можетъ быть приложимъ лишь къ этой частной формѣ цвѣтовой слѣпоты.

Описываемый недостатокъ часто ускользаетъ отъ наблюденій, такъ какъ страдающіе имъ употребляютъ названіе цвѣтовъ въ томъ же видѣ, въ какомъ это дѣлаютъ всѣ окружающіе ихъ. Дѣти узнаютъ изъ разговоровъ, которые слышатъ кругомъ себя, что траву слѣдуетъ называть зеленой, а кирпичи или вишни — красными; они такъ и дѣлаютъ, хотя бы различіе представлялось имъ столь незначительнымъ, что названіе того или другаго цвѣта было бы для нихъ лишь болѣе свѣтлымъ или болѣе темнымъ оттѣнкомъ одного и того же цвѣта. Когда они ошибаются, надъ ними смѣются и думаютъ, что они выражаются такъ отъ небрежности или неправильнаго выбора цвѣтовыхъ названій; въ результатѣ обыкновенно получается то, что они стараются избѣгать такихъ названій и не высказывать своихъ заключеній о цвѣтахъ. Д-ръ Джой Джеффрсъ даетъ интересное описаніе почти безсознательныхъ уловокъ, которыя при этомъ практикуются страдающими описываемымъ недостаткомъ. Онъ говоритъ: „Страдающіе цвѣтовой слѣпотой, если они достаточно догадливы, чтобы убѣдиться еще въ ранней молодости, изъ насмѣшекъ окружающихъ, при обозначеніи цвѣта того или другаго предмета, что это часто имъ не удается, столько же догадливы и въ томъ, чтобы избѣгать подобныхъ обозначеній. Они убѣждаются, что аттрибуты нѣкоторыхъ вещей имѣютъ названія, которыя непонятны для нихъ и поэтому должны быть ими оставлены. Они узнаютъ также, что многіе предметы обыден-

ной жизни бываютъ всегда одного и того же цвѣта, какъ, напр., черепица и кирпичи, и такія цвѣтовыя названія они употребляютъ совершенно свободно; между тѣмъ часто, почти безсознательно, они остерегаются называть цвѣтъ новаго предмета, пока не услышатъ о немъ отъ другихъ, и тогда при сознаніи своего недостатка имъ остается только запомнить названіе цвѣта. Я часто припоминалъ страдающимъ цвѣтовой слѣпотой ихъ слова и поступки и изумлялъ ихъ самихъ, открывая имъ умственныя уловки, къ которымъ они прибѣгали, чтобы скрыть свой недостатокъ и которыхъ они почти не сознавали — настолько они сдѣлались для нихъ дѣломъ привычки. Другое важное обстоятельство заключается въ томъ, что, при крайней рѣдкости слѣпоты къ фіолетовому цвѣту, большинство страдающихъ цвѣтовой слѣпотой нечувствительно къ красному или зеленому цвѣту. Такія лица видятъ фіолетовый и желтый цвѣта также, какъ и люди съ нормальнымъ зрѣніемъ, и поэтому примѣняютъ названія ихъ вполнѣ правильно. Если же они ошибаются относительно краснаго или зеленаго цвѣта, случайный наблюдатель приписываетъ это простой небрежности, а недостатокъ всетаки остается скрытымъ. Повидимому, намъ кажется невозможнымъ, чтобы кто либо, имѣющій понятія о цвѣтахъ, совпадающія съ нашими, не могъ видѣть всѣхъ цвѣтовъ одинаково правильно, еслибы захотѣлъ внимательно посмотрѣть на нихъ".

Когда страдающіе цвѣтовой слѣпотой оказываются въ положеніяхъ, вынуждающихъ ихъ выбирать цвѣта для себя или для другихъ, или когда, какъ случается нерѣдко, они нечувствительны къ своему недостатку и даже забавляются удивленіемъ, какое они вызываютъ среди лицъ съ нормальнымъ зрѣніемъ, тогда получаются весьма любопытные результаты. Мы видимъ это изъ занятій членовъ ученаго „Общества друзей", существовавшаго въ концѣ прошлаго вѣка. Цвѣтовая слѣпота есть извѣстная особенность строенія, представляющая то, что̀ можетъ быть названо разновидностью человѣческой расы, и, подобно другимъ разновидностямъ, она можетъ переходить къ потомству. Поэтому, если она свойственна лицу, принадлежащему къ небольшой общинѣ, члены которой часто вступаютъ въ браки между собой, вѣроятность воспроизведенія ея возрастаетъ. Въ виду многихъ прежнихъ примѣровъ цвѣтовой слѣпоты, включая и случай самого Дальтона, примѣровъ, которыми мы обязаны „Обществу друзей", а также въ виду преслѣдованій значительнаго числа учащихся и другихъ лицъ, предпринимавшихся въ послѣдніе годы, мы можемъ заключить, что въ Англіи цвѣтовая слѣпота чаще встрѣчается у евреевъ, чѣмъ среди остальнаго населенія. У евреевъ этотъ недостатокъ скрывается

тѣмъ, что они не обладаютъ какимъ либо особымъ костюмомъ; во зрѣлище, замѣченное не одинъ разъ и заключающееся въ томъ, что какой нибудь квакеръ появлялся въ свѣтлозеленомъ или яркокрасномъ костюмѣ, не могло не возбуждать насмѣшекъ у людей, непривыкшихъ къ размышленію. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ привести извѣстные примѣры заблужденій лицъ, страдающихъ цвѣтовой слѣпотой, но я укажу примѣръ одного служащаго въ правительственномъ учрежденіи, на обязанности котораго лежало отмѣчать поступавшія бумаги, сообразно ихъ содержанію, чернилами того или другаго цвѣта, и исполнительность котораго зависѣла отъ порядка, въ какомъ были разставлены передъ нимъ склянки съ чернилами. Когда, однажды, этотъ порядокъ случайно былъ нарушенъ, его ошибки произвели большое смятеніе, и потребовалось немало времени для того, чтобы удовлетворительно объяснить ихъ. Другой чиновникъ, служившій въ прусскомъ почтамтѣ, былъ опредѣленъ къ продажѣ марокъ различныхъ цѣнъ и цвѣтовъ; въ его полученіяхъ часто замѣчались ошибки какъ въ его пользу, такъ и противъ него, вслѣдствіе чего никто не заподозрѣвалъ его честности. Наконецъ его кажущаяся небрежность объяснилась открытіемъ у него цвѣтовой слѣпоты, и онъ былъ отставленъ отъ своей обязанности, точное исполненіе которой было для него невозможно.

Впрочемъ, подобныя ошибки въ различеніи цвѣтовъ въ прежнее время имѣли маловажное значеніе сравнительно съ подобными ошибками современныхъ намъ желѣзнодорожныхъ машинистовъ и лоцмановъ. Устраненіе столкновеній на морѣ и на желѣзныхъ дорогахъ во многомъ зависитъ отъ способности быстро различать цвѣта сигналовъ; для этой цѣли, по большей части, употребляются красный или зеленый цвѣта, т. е. именно тѣ, которые не могутъ ясно различаться страдающими двумя самыми обычными формами цвѣтовой слѣпоты. Около тринадцати лѣтъ тому назадъ произошла серьезная желѣзнодорожная катастрофа въ Швеціи, и въ изслѣдованіяхъ, вызванныхъ ею, были открыты замѣчательныя уклоненія относительно воспріятія цвѣта сигналовъ. Гольмгренъ, проф. упсальскаго университета, обратилъ вниманіе на это обстоятельство и открылъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, что свидѣтель, показанія котораго относительно сигналовъ отличались отъ показаній другихъ лицъ, страдалъ въ дѣйствительности цвѣтовой слѣпотой. Вслѣдствіе этого случая проф. Гольмгренъ, заинтересованный важностью предмета, не успокоился до тѣхъ поръ, пока не добился проведенія закона, по которому никто не можетъ быть принятъ на желѣзнодорожную службу въ Швеціи, пока его цвѣтовое зрѣніе не будетъ подвергнуто испытанію и не окажется доста-

точнымъ для выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Примѣру Швеціи, въ большей или меньшей степени, послѣдовали и другія государства, и, въ особенности, благодаря неутомимымъ работамъ д-ра Джоя Джеффриса въ Бостонѣ, многіе изъ Соединенныхъ Штатовъ; въ то же время собрано было много доказательствъ, свидѣтельствующихъ о связи между указываемымъ недостаткомъ и несчастными случаями на желѣзныхъ дорогахъ и на морѣ.

Обширными и тщательными изслѣдованіями среди многочисленныхъ группъ солдатъ, полисменовъ, рабочихъ въ большихъ промышленныхъ учрежденіяхъ и т. д., а также и дѣтей въ различныхъ школахъ, было установлено, что цвѣтовая слѣпота свойственна въ замѣтной степени, какъ уже было сказано, приблизительно 4% мужскаго промышленнаго населенія цивилизованныхъ странъ и одной на тысячу женщинъ. Среди мужчинъ болѣе образованныхъ классовъ, какъ, напр., среди учениковъ итонской школы, цвѣтовая слѣпота достигаетъ до 2—3%, и притомъ скорѣе двухъ, нежели трехъ. Мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ для того, чтобы установить подобныя же отличія между женщинами различныхъ классовъ. Цвѣтовая слѣпота положительно неизлѣчима и не можетъ быть нисколько измѣнена ни воспитаніемъ, ни упражненіемъ, когда дѣло идетъ объ отдѣльномъ лицѣ, хотя сравнительная рѣдкость ея среди женщинъ оправдываетъ предположеніе, что это отчасти возможно въ ряду послѣдующихъ поколѣній, быть можетъ, потому, что женскій глазъ упражняется чаще въ подборѣ цвѣтовъ для своего костюма. Во всякомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, для отдѣльнаго лица этотъ недостатокъ неисправимъ; если въ восемь лѣтъ глазъ не различаетъ отчетливо красный цвѣтъ отъ зеленаго, то онъ останется такимъ же и въ восемдесятъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого цвѣтовая слѣпота у тѣхъ, кому поручается руководить движеніями судовъ или желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, представляетъ серьезную общественную опасность; весьма важно, чтобы страдающій ею, въ своихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ другихъ, былъ устраненъ отъ отправленія обязанностей, которыя исполнить не можетъ.

Попытки, какія дѣлались до сихъ поръ въ Англіи для устраненія страдающихъ цвѣтовой слѣпотой изъ желѣзнодорожной и морской службы, никакъ нельзя назвать удачными. Насколько дѣло касается коммерческаго флота, такъ наз. испытанія производились въ Board of Trade, но результаты ихъ могутъ быть названы только забавными. Кандидаты, „проваливавшіеся“ на одномъ испытаніи, допускались къ слѣдующему, какъ будто правильное цвѣтовое зрѣніе можетъ быть усвоено тѣмъ, кто не имѣетъ его. При этомъ кандидаты иногда неосновательно от-

вергались на первомъ испытаніи и также неосновательно принимались на второмъ. На англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ не установлено никакого единства въ методахъ такого рода испытаній; насколько мнѣ извѣстно, единство заключалось только въ томъ, что методы были одинаково ошибочны, будучи направлены къустраненію цвѣтовой слѣпоты тамъ, гдѣ ея не было, и къ оставленію ея безъ вниманія тамъ, гдѣ она существовала. Неудивительно при такихъ обстоятельствахъ, что относительно этого предмета существовало большое неудовольствіе между служащими на желѣзныхъ дорогахъ; это неудовольствіе повело косвеннымъ путемъ къ назначенію комитета отъ Королевскаго общества съ одобренія Board of Trade для изслѣдованія всего вопроса съ возможной полнотой.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію способа испытанія цвѣтоваго чувства для промышленныхъ цѣлей, слѣдуетъ упомянуть о той опасности, какую представляетъ цвѣтовая слѣпота. Какъ извѣстно, локомотивъ находится въ завѣдываніи двухъ лицъ—машинистовъ и кочегара. Въ составѣ каждой тысячи такихъ лицъ, приставленныхъ къ тысячѣ локомотивовъ, мы должны предположить, за отсутствіемъ настоящаго метода изслѣдованія, сорокъ машинистовъ и сорокъ кочегаровъ, страдающихъ цвѣтовой слѣпотой. Въ одномъ изъ двадцати пяти случаевъ или машинистъ, или кочегаръ извѣстнаго локомотива долженъ страдать цвѣтовой слѣпотой; въ одномъ случаѣ изъ 625 они должны страдать ею оба. Эти цифры, повидимому, показываютъ бо́льшую опасность, чѣмъ та, какую мы находимъ въ дѣйствительности; очевидно, что должны быть приняты во вниманіе различныя поправки ея. Во-первыхъ, терминъ „цвѣтовая слѣпота“ самъ по себѣ ведетъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, такъ какъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что сигналы, по отношенію къ которымъ извѣстное лицо признается слѣпымъ, несовсѣмъ невидимы для него. Для слѣпаго къ красному цвѣту красный свѣтъ кажется зеленымъ менѣе яркаго оттѣнка; для слѣпаго къ зеленому цвѣту зеленый свѣтъ кажется краснымъ менѣе яркаго оттѣнка. Опасность возникаетъ вслѣдствіе того, что видимыя различія недостаточно характерны, чтобы приводить къ вѣрному и быстрому отожествленію ихъ во всѣхъ состояніяхъ освѣщенія и атмосферы. Поэтому возможно предположить, что машинистъ, страдающій цвѣтовой слѣпотой, можетъ заниматься своимъ дѣломъ, не впадая въ ошибки; возможно, что онъ, сознавая незначительныя различія между сигнальными огнями, какіе доступны для него, будетъ относиться къ нимъ съ величайшей осторожностью. Кромѣ того, слѣдуетъ припомнить, что огни никогда не являются машинисту въ неожиданныхъ мѣстахъ. Прежде чѣмъ ему поручатъ поѣздъ, его возятъ по

линіи и указываютъ точное положеніе каждаго сигнальнаго огня. Если свѣтъ не оказывается тамъ, гдѣ ему должно быть, машинистъ естественно обращается къ помощи своего кочегара. Нужно припомнить также, что, не обративъ вниманія на сигналъ, извѣщающій объ опасности, онъ невсегда подвергаетъ поѣздъ столкновенію. Машинистъ можетъ проѣхать мимо него и уже послѣ того, замѣтивъ поѣздъ или другое препятствіе на пути, можетъ еще во время остановиться и избѣжать несчастнаго случая. За то, что онъ пропуститъ сигналъ, его, вѣроятно, отмѣтятъ и оштрафуютъ, и если то же повторится опять, его отставятъ за мнимую небрежность, не подозрѣвая его недостатка. Кочегары, страдающіе цвѣтовой слѣпотой, безъ сомнѣнія, именно такимъ образомъ исключаются изъ службы по жалобѣ машинистовъ. Въ дѣйствительности никто, кромѣ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, не знаетъ, насколько въ теченіе года часты случаи пропусканія сигналовъ и возникающіе отсюда споры о томъ — были ли сигналы на самомъ дѣлѣ, или ихъ не было. Между тѣмъ я никогда не слыхалъ ни объ одномъ примѣрѣ въ нашей странѣ, чтобы послѣ желѣзнодорожнаго несчастія цвѣтовое зрѣніе машиниста и кочегара поѣзда, причинившаго несчастіе, подвергалось какой либо экспертизѣ со стороны Board of Trade или желѣзнодорожной компаніи; но одинъ кочегаръ въ Соединенныхъ Штатахъ недавно добился уплаты крупной суммы отъ желѣзнодорожной компаніи за потерю ноги при столкновеніи, которое, какъ было доказано, произошло по цвѣтовой слѣпотѣ машиниста. Разсматривая вопросъ въ его цѣломъ, я долженъ признать, что опасность, являющаяся въ желѣзнодорожномъ движеніи отъ упомянутаго недостатка, несомнѣнна, но она уменьшается различными соображеніями, уже упомянутыми мною, и вообще не такъ велика, какъ можно было бы предположить, судя по статистическимъ даннымъ относительно этого недостатка.

На морѣ опасность принимаетъ болѣе угрожающій характеръ. Огни показываются во всякое время и во всѣхъ мѣстахъ, и наблюденіе ихъ отвѣтственно только одно лицо. Биккертонъ изъ Ливерпуля недавно напечаталъ отчетъ о трехъ случаяхъ, въ которыхъ цвѣтовая слѣпота служащихъ въ торговомъ флотѣ и прошедшихъ чрезъ испытаніе Board of Trade была случайно открыта капитанами, находившимися на палубѣ въ то время, когда упомянутые служащіе давали неправильныя приказанія, не различая огней, выставленныхъ приближавшимся кораблемъ. Гибель „Ville du Havre“ произошла почти несомнѣнно, благодаря цвѣтовой слѣпотѣ, и роковое столкновеніе въ американскихъ водахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, между „Isaac Bell“ и „Lumberman“ объяснилось, долго спустя послѣ событія, цвѣтовой слѣпотой лоцмана, который несправедливо обвинялся

будто былъ въ нетрезвомъ состояніи во время несчастія. Въ скольких случаяхъ цвѣтовая слѣпота послужила неизслѣдованной причиной кораблекрушеній и другихъ бѣдствій на морѣ — можно предполагать только гадательно.

Такимъ образомъ, какъ въ интересахъ публики, такъ и въ интересахъ лицъ, страдающихъ этимъ недостаткомъ, которымъ иногда самимъ приходится жестоко платиться при несчастіяхъ, невольно причиняемыхъ ими, необходимо предостерегать ихъ во-время отъ поступленія въ морскую или желѣзнодорожную службу. Иначе сказать, вопросъ сводится къ тому, какимъ образомъ можетъ быть открытъ ихъ недостатокъ? При этомъ нужно не только отличать страдающихъ цвѣтовой слѣпотой отъ людей съ нормальнымъ цвѣтовымъ зрѣніемъ, но и избѣгать смѣшенія цвѣтовой слѣпоты съ незнаніемъ или неумѣніемъ различать цвѣта.

Многіе, въ особенности дамы, весьма удивились бы, еслибы узнали, насколько невѣдѣніе въ этомъ отношеніи распространено среди малолѣтнихъ и взрослыхъ мужчинъ въ рабочихъ классахъ. Многіе изъ нихъ, могущіе въ совершенствѣ различать цвѣта и нимало не рискующіе ошибиться въ цвѣтѣ желѣзнодорожнаго сигнала, вовсе не умѣютъ назвать или описать какой нибудь цвѣтъ и нерѣдко лишены способности замѣчать, — за недостаткомъ воспитанія этой способности, которою они тѣмъ не менѣе обладаютъ, — что либо подобное цвѣтовымъ оттѣнкамъ. Гладстонъ написалъ однажды статью о скудной и неточной номенклатурѣ цвѣтовъ въ поэмахъ Гомера; онъ могъ бы найти подобные же примѣры у своихъ современниковъ и въ своей собственной странѣ. Недавно мнѣ пришлось видѣть обращики цвѣтнаго шелка, выпущенные однимъ ліонскимъ фабрикантомъ и содержащіе до двухъ тысячъ образцовъ различныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ каждому, болѣе или менѣе, присвоивается особое названіе. Такой лексиконъ цвѣтовыхъ обозначеній обширнѣе всего лексикона словъ, которымъ пользуется для выраженія своихъ свѣдѣній и своихъ мыслей обыкновенный машинистъ или кочегаръ; подобно тому какъ многіе изъ насъ не знаютъ названій огромнаго большинства цвѣтовъ въ обращикахъ ліонскаго фабриканта, сотни малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ, въ особенности въ большихъ городахъ, гдѣ рѣдко представляется случаи знакомиться съ окрашиваніемъ цвѣтовъ и насѣкомыхъ, не имѣютъ понятія о цвѣтовыхъ названіяхъ, какія образованными людьми постоянно употребляются въ ихъ обыденной рѣчи и безсознательно внушаются ими своимъ дѣтямъ. Именно между людьми, столь несвѣдущими въ цвѣтахъ, чиновники Board of Trade и желѣзнодорожныхъ управленій особенно успѣшно находятъ лицъ, подозрѣваемыхъ ими въ цвѣтовой слѣпотѣ.

между тѣмъ какъ эти лица никогда не были бы признаны дающими этимъ недостаткомъ ни однимъ экспертомъ и бы, при небольшомъ упражненіи въ наблюденіи и обозн цвѣтовъ, блистательно выдержать экзаменъ. Цвѣтовое ч представляетъ много аналогій съ чувствомъ слуха. Мног гутъ слышать болѣе высокія или низкія ноты въ сравне другими, причемъ это отличіе заключается въ строеніи неспособно подвергаться никакому измѣненію. Тому, можетъ слышать ноты извѣстной высоты, эта способно можетъ быть сообщена никакимъ воспитаніемъ; но въ пр денныхъ слуховыхъ предѣлахъ каждаго лица способность можетъ быть значительно усовершенствована упражне Точно также лицо, слѣпое къ красному или зеленому должно навсегда остаться такимъ же; но для того, у ког товое чувство просто неразвито, за недостаткомъ восп его, способность различенія тонкихъ оттѣнковъ можетъ значительно усилена.

Для испытанія цвѣтоваго зрѣнія съ желѣзнодорожны морскими цѣлями многіе могутъ признать наиболѣе удо такіе предметы, какъ флаги и сигнальные фонари, употр щіеся въ дѣйствительной жизни. Для полной убѣдител такое испытаніе должно производиться при различныхъ ніяхъ атмосферы съ цвѣтными стеклами различныхъ оттѣ съ освѣщеніями различной яркости и на различныхъ р ніяхъ; вслѣдствіе того нужно немало времени, чтобы исч всѣ условія, въ какихъ могутъ являться желѣзнодорожны налы. Но даже и при воспроизведеніи ихъ экзаменующій жетъ давать вѣрные и невѣрные отвѣты. Онъ всегда одинаковый шансъ, чтобы отвѣтъ его казался вѣрнымъ, бы неразрѣшимой задачей открыть — насколько вѣрные зависятъ отъ случайности, или насколько невѣрные могут приписаны экзаменной тревогѣ или смѣшенію названій.

Мы должны помнить, что дѣло заключается въ томъ, открыть страдающаго цвѣтовой слѣпотой противъ его ж и мы должны убѣдиться не въ вѣрномъ или невѣрномъ ченіи даннаго сигнала въ отдѣльномъ случаѣ, а въ прави различеніи различныхъ сигналовъ во всѣхъ случаяхъ. намъ нужно удостовѣриться въ общемъ состояніи его цв зрѣнія и вывести отсюда заключеніе объ его способнос неспособности къ отправленію обязанности особой профе

Для достиженія этой цѣли намъ нѣтъ надобности какъ экзаменующійся называетъ цвѣта, но только какъ о видитъ, какіе цвѣта кажутся ему схожими и какіе несх единственный путь узнать это съ точностью долженъ чаться въ томъ, чтобы заставить экзаменующагося дѣл

боръ между окрашенными предметами, соединять вмѣстѣ тѣ, которые кажутся ему существенно одинаковыми, и отдѣлять тѣ, которые кажутся ему существенно различными. Этотъ пріемъ испытанія былъ впервые предложенъ Сибскомъ, который требовалъ отъ экзаменующихся распредѣленія значительнаго числа окрашенныхъ предметовъ; но тотъ же способъ былъ еще болѣе упрощенъ и усовершенствованъ проф. Гольмгреномъ, который показалъ, что такое распредѣленіе было излишне. По его воззрѣнію, единственное требованіе отъ экзаменующагося должно заключаться въ выборѣ извѣстныхъ характерныхъ цвѣтовъ и, для этой цѣли, въ извлеченіи ихъ изъ цѣлой кучи, содержащей не только означенные цвѣта, но и другіе, которые страдающій цвѣтовой слѣпотой легко можетъ смѣшать съ ними.

Послѣ многихъ опытовъ Гольмгренъ остановился окончательно на берлинской шерсти, какъ матеріалѣ, наиболѣе пригодномъ для этой цѣли; его наборъ шерстинокъ заключаетъ въ себѣ около 150 обращиковъ. Преимущества этого метода надъ другими заключаются въ томъ, что шерсть дешева, удобна для переноски и вездѣ можетъ быть найдена со всѣми оттѣнками цвѣтовъ. Обращики неглянцовиты, такъ что свѣтъ, отражающійся отъ поверхности ихъ, не препятствуетъ точности наблюденія; отбирать ихъ и обращаться съ ними гораздо легче, чѣмъ съ окрашенной бумагой или окрашенными стеклами. Лицо, подвергающееся испытанію, помѣщается передъ столомъ въ достаточномъ дневномъ свѣтѣ; столъ покрывается бѣлой скатерью, и обращики разбрасываются въ видѣ безпорядочной кучи. Экзаменаторъ выбираетъ обращикъ блѣднозеленаго цвѣта, съ значительной примѣсью бѣлаго, и откладываетъ его по лѣвую сторону кучи. Тогда экзаменующагося просятъ посмотрѣть на этотъ обращикъ и на кучу, выбрать изъ послѣдней и положить рядомъ съ обращикомъ столько шерстинокъ того же цвѣта, сколько онъ найдетъ ихъ. Онъ не долженъ заботиться о болѣе свѣтлыхъ или темныхъ тѣняхъ, не долженъ приглядываться къ шерстинкамъ и сличать ихъ между собою или слишкомъ много рыться въ кучѣ, но просто дѣлать выборъ глазами, а руками уже прямо вынимать отобранный матеріалъ.

При такихъ условіяхъ лицо съ нормальнымъ цвѣтовымъ зрѣніемъ скоро и безъ колебанія выберетъ зеленыя шерстинки, не тронетъ ничего другаго и выкажетъ извѣстную быстроту и увѣренность, которую опытный экзаменаторъ легко распознаетъ и которую нельзя смѣшать съ мелочной акуратностью, выказываемою лицомъ, не довѣряющимъ своему цвѣтовому зрѣнію. Нѣкоторыя лица съ нормальнымъ зрѣніемъ дополнятъ свой выборъ, прибавивъ къ нимъ зеленыя шерстинки, приближающіяся къ желтому цвѣту, и другія, приближающіяся къ голубому, между

тѣмъ какъ иные этого не сдѣлаютъ; эта разница зависитъ отчасти отъ недостаточнаго упражненія въ цвѣтахъ, отчасти отъ объясненій, даваемыхъ экзаменаторомъ; тѣмъ не менѣе, лицо, дѣлающее подобный выборъ, видитъ зеленый элементъ въ желтоватозеленыхъ и въ голубоватозеленыхъ шерстинкахъ, и поэтому его нельзя заподозрить въ цвѣтовой слѣпотѣ. Страдающій этимъ недостаткомъ по отношенію къ красному или зеленому цвѣту приступитъ къ дѣлу почти съ такой же быстротой и увѣренностью, какъ и человѣкъ съ нормальнымъ зрѣніемъ, и проворно отберетъ извѣстное количество сѣроватыхъ, красныхъ или желтыхъ шерстинокъ. Между тѣмъ и другимъ классомъ мы находимъ немногихъ, выказывающихъ несовершенство цвѣтоваго чувства крайней тщательностью, съ какою они производятъ выборъ, медленностью, колебаніемъ и желаніемъ сличать ту или другую шерстинку съ образцомъ болѣе старательно, чѣмъ это допускается условіями испытанія. Подъ конецъ они могутъ прибавить или не прибавить одинъ или нѣсколько цвѣтовъ, сливающихся съ зеленымъ, но у нихъ замѣтна явная наклонность къ тому и общая неувѣренность въ выборѣ. Одно изъ большихъ преимуществъ метода Гольмгрена надъ всѣми другими заключается въ пріемѣ, которымъ экзаменаторъ можетъ судить объ экзаменующемся не только по окончательному выбору образцовъ, но и по той манерѣ, съ которой онъ выбираетъ, по дѣйствію его рукъ, жестамъ и общему отношенію къ дѣлу.

Когда выбираются несовсѣмъ опредѣленные цвѣта, или при выборѣ выказывается неестественное промедленіе и колебаніе, экзаменующійся долженъ считаться страдающимъ полной или неполной цвѣтовой слѣпотой. Для разрѣшенія этого вопроса, а также и для опредѣленія того, какой цвѣтъ недоступенъ ему, онъ подвергается второму испытанію. Съ этою цѣлью шерсть перемѣшивается опять, и на этотъ разъ выбирается образецъ свѣтлопурпурнаго цвѣта, т. е. смѣси краснаго и фіолетоваго со значительнымъ прибавленіемъ бѣлаго цвѣта. Страдающій цвѣтовой слѣпотой будетъ всегда подбирать болѣе густые цвѣта. Если онъ возьметъ только пурпурные цвѣта болѣе темнаго оттѣнка, онъ страдаетъ неполной цвѣтовой слѣпотой; если онъ возьметъ голубой или фіолетовый, съ примѣсью или безъ примѣси пурпурнаго оттѣнка, его слѣдуетъ признать страдающимъ полной слѣпотой къ красному цвѣту. Если онъ возьметъ зеленый или сѣрый съ примѣсью или безъ примѣси пурпурнаго оттѣнка, онъ выкажетъ полную слѣпоту къ зеленому цвѣту; если же онъ возьметъ красный или оранжевый съ примѣсью или безъ примѣси пурпурнаго оттѣнка, онъ обнаружитъ слѣпоту къ фіолетовому цвѣту. Въ случаѣ какого либо сомнѣнія экзаменующійся можетъ быть подвергнутъ третьему испытанію, въ кото-

ромъ нѣтъ необходимости для самого эксперта, но которое иногда усиливаетъ доказательность опыта въ глазахъ присутствующихъ. Обращикомъ для третьяго испытанія служитъ шерстинка яркокраснаго цвѣта; слѣпой къ красному цвѣту выберетъ, въ видѣ подобія ей, темнозеленый и коричневый цвѣта, болѣе темные, чѣмъ образецъ, а слѣпой къ зеленому цвѣту выберетъ болѣе свѣтлый зеленый и коричневый.

Описанный способъ испытанія можетъ считаться, по моему мнѣнію, вполнѣ достойнымъ довѣрія. Онъ не требуетъ никакихъ снарядовъ, кромѣ связки шерстинокъ, никакого приспособленія, кромѣ комнаты съ свѣтлымъ окномъ и стола съ бѣлою скатертью. При испытаніи большаго числа лицъ, ихъ можно вводить въ комнату числомъ около пятидесяти сразу, причемъ они вмѣстѣ получаютъ нужныя наставленія и могутъ приступать къ выбору одинъ за другимъ, не имѣя возможности наблюдать за дѣйствіями предшествующихъ и перенимать отъ нихъ необходимые пріемы. При большомъ числѣ экзаменующихся достаточно посвятить одну минуту на каждаго. Хотя мнѣ приходилось слышать и читать, будто лица, страдающія цвѣтовой слѣпотой, удовлетворительно проходили чрезъ упомянутое испытаніе, и недостатокъ ихъ обнаруживался уже впослѣдствіи посредствомъ другихъ методовъ; но этимъ свидѣтельствамъ я не могу придавать значенія. Я не допускаю, чтобы въ такихъ случаяхъ это испытаніе примѣнялось правильно или соотвѣтственно точнымъ наставленіямъ Гольмгрена; какъ мнѣ извѣстно изъ практики, оно дѣйствительно нерѣдко примѣняется въ такомъ видѣ, что можетъ вести лишь къ ошибочнымъ результатамъ. Такъ, напр., желѣзнодорожнымъ машинистамъ даютъ небольшой пучокъ шерстинокъ, собранныхъ безъ всякой системы, и о той или другой отдѣльной шерстинкѣ у нихъ спрашиваютъ: „какъ вы называете этотъ цвѣтъ?“ Сами экзаменаторы, люди съ большими научными притязаніями, чѣмъ простые служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, невсегда точно подбирали цвѣта обращиковъ и допускали тѣхъ, кого они экзаменовали, производить такія сличенія между оттѣнками обращиковъ, которые уже сами по себѣ служили доказательствомъ отыскиваемаго недостатка.

Однако, если экспертъ вполнѣ убѣдился изъ испытанія по методу Гольмгрена, что экзаменующійся неспособенъ различать съ точностью красные и зеленые флаги и огни во всѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они встрѣчаются, всетаки еще остается необходимымъ убѣдить чиновника, наблюдающаго за экзаменомъ, управляющаго желѣзной дорогой или собственника корабля, что лицо, подозрѣваемое въ цвѣтовой слѣпотѣ, дѣйствительно неспособно для исполненія нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей. Необходимо убѣдить и другихъ рабочихъ, что испы-

таніе было произведено вполнѣ правильно и основательно. Объ эти цѣли могутъ быть легко достигнуты посредствомъ незначительныхъ измѣненій въ огняхъ, употребляющихся въ дѣйствительной службѣ.

Проф. Гольмгренъ и покойный проф. Дондерсъ изъ Утрехта предложили для подобнаго испытанія фонари, примѣняя къ нимъ слѣдующій принципъ. Именно, свѣтъ различной силы показывается чрезъ отверстіе различной величины и чрезъ цвѣтныя стекла различныхъ оттѣнковъ, чтобы воспроизвести, такимъ образомъ, сигнальныя лампы на измѣняющихся разстояніяхъ и при измѣняющихся условіяхъ освѣщенія, погоды и атмосферы. Для страдающаго цвѣтовой слѣпотой различіе между краснымъ и зеленымъ цвѣтами не есть разница цвѣта, а разница яркости, причемъ цвѣтъ, къ которому онъ слѣпъ, кажется наименѣе яркимъ. Онъ можетъ угадать правильно — какой изъ нихъ выставленъ въ данномъ случаѣ, и можетъ не принять одинъ за другой, когда они показываются непосредственно другъ за другомъ. Склонность къ ошибкѣ болѣе замѣтна у него, когда онъ видитъ только одинъ свѣтъ, и когда условія, отъ которыхъ зависитъ его яркость, болѣе или менѣе отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ онъ привыкъ. При помощи фонарей, о которыхъ я говорилъ, всегда возможно открыть цвѣтовую слѣпоту, измѣняя яркость свѣта безъ измѣненія цвѣта его. Этого можно достигнуть уменьшеніемъ свѣта позади стекла, усиленіемъ толщины краснаго или зеленаго стекла или помѣщеніемъ передъ нимъ стекла болѣе или менѣе темнаго нейтральнаго оттѣнка. Самый недовѣрчивый свидѣтель можетъ быть убѣжденъ такого рода опытами, что страдающему неспособностью различать цвѣта нельзя поручать съ увѣренностью управлять судами или локомотивами. Фонари различныхъ формъ полезны для полнаго испытанія относительно цвѣтовой слѣпоты и для убѣжденія непригодности такихъ лицъ къ службѣ машинистовъ и лоцмановъ въ глазахъ неподготовленныхъ зрителей, но они слишкомъ громоздки и излишни въ виду того, что этотъ недостатокъ открывается съ бо̀льшей легкостью и съ такой же достовѣрностью посредствомъ описаннаго способа Гольмгрена, т. е. подбора берлинской шерсти.

Я упоминалъ уже, что испытанія, предпринимавшіяся въ Соединенныхъ Штатахъ, благодаря неутомимой дѣятельности д-ра Джоя Джеффриса, повели къ открытію незнанія цвѣтовъ въ такомъ размѣрѣ, какого никто не подозрѣвалъ. Это условіе часто смѣшивается съ цвѣтовой слѣпотой при употребленіи испытательныхъ методовъ, которыхъ до сихъ поръ придерживаются желѣзнодорожныя компаніи и Board of Trade. Незнакомство съ цвѣтами было признано однимъ изъ недостатковъ аме-

риканской системы народнаго воспитанія и въ нѣкоторыхъ штатахъ повело къ систематическому обученію въ различеніи цвѣтовъ въ школахъ; съ этой цѣлью д-ръ Джой Джеффрисъ придумалъ даже особыя раскрашенныя карты. Дѣтей учатъ сперва подбирать цвѣта на картѣ къ тѣмъ, какіе находятся на картахъ, даваемыхъ имъ въ руки; послѣ достаточнаго упражненія въ такомъ подборѣ, ихъ учатъ названіямъ цвѣтовъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что знаніе именъ невсегда необходимо связывается съ знаніемъ самихъ предметовъ, и что цвѣтовое зрѣніе не находится въ какомъ либо опредѣленномъ отношеніи къ цвѣтовой номенклатурѣ. Даже и при этой системѣ обученія цвѣтовая слѣпота можетъ остаться неоткрытой.

П. И. ЧАЙКОВСКІЙ

Очеркъ музыкальной дѣятельности

IX

Переходя къ *камерной* и *концертной* музыкѣ, въ области которыхъ Чайковскій далъ такое большое количество произведеній, намъ приходится дѣлить ихъ на группы, чтобы какъ нибудь орьентироваться въ этой массѣ; при этомъ нельзя не выразить сожалѣнія, что объемъ статьи не позволяетъ подробно остановиться на *всѣхъ* ихъ безъ исключенія.

Въ квартетной музыкѣ, мало культивируемой нашими композиторами, за исключеніемъ А. Г. Рубинштейна, Чайковскій является также чисто русскимъ композиторомъ, часто прибѣгающимъ къ народной пѣснѣ, которой онъ придаетъ художественную отдѣлку; какую бы форму письма Чайковскій ни пробовалъ, онъ вездѣ примѣняетъ западно-европейскую форму къ народной мелодіи, обогащая въ этомъ отношеніи европейскую литературу интереснымъ матеріаломъ. Квартетная музыка, какъ извѣстно, принадлежитъ къ наиболѣе классической категоріи музыкальнаго письма; казалось бы, здѣсь нѣтъ мѣста русской народной пѣснѣ; но нашъ композиторъ умѣетъ придавать и народному напѣву классическій образъ.

Пока имѣется только три квартета, написанные Чайковскимъ и принадлежащіе сравнительно къ раннимъ произведеніямъ его; будемъ надѣяться, что онъ этимъ не ограничится и еще обогатитъ эту литературу нѣсколькими образцами. *Первый квартетъ* (D-dur, op. 11) относится по времени приблизительно къ 1872 г. и исполнялся, также какъ и остальные, не только у насъ, но и за границей; объ успѣхѣ его распространяться не станемъ; онъ понятенъ самъ собой. Именно въ камерной музыкѣ, требующей отъ композитора абстрактнаго творчества, такъ какъ тутъ рѣчи не можетъ быть ни о программахъ, вдохновляющихъ пишущаго, ни о желаніи вліять на массу слушателей (ху-

ка эта обыкновенно назначается для небольшаго круга слуша-
лей), и сказывается истинный, вдохновенный музыкантъ.

Предоставленный однимъ лишь своимъ мыслямъ, безъ вся-
каго вліянія извнѣ, композиторъ черпаетъ все свое произведе-
ніе изъ чистаго источника вдохновенія; только въ подобныхъ
произведеніяхъ узнается композиторъ, способный сказать свое
„слово“ и имѣть вліяніе на свою литературу; въ этомъ смыслѣ
мы и сказали, что Чайковскій народный, т. е. національный компо-
зиторъ; его квартеты служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.
Такъ, разсматриваемый квартетъ, заключающій въ себѣ четыре
части, нося установившуюся форму, по духу своему — чисто рус-
ское произведеніе. Каждая изъ частей этого квартета богата
русскою мыслью. Возьмите хотя бы Andante его (2-я часть),
развѣ вы не слышите русскую мелодію съ народнымъ оттѣн-
комъ? Какъ хорошъ второй мотивъ его, акомпанируемый pizzi-
cato на віолончели; только изъ души русскаго человѣка мо-
гутъ вырваться такія теплыя, за душу хватающія ноты; недаромъ
это Andante cantabile аранжировано въ столькихъ видахъ.

Удивительно поэтично и изящно Scherzo этого квартета
(третья часть); но именно шутливо и игриво, что, въ сущности
говоря, составляетъ рѣдкое явленіе въ творчествѣ Чайковскаго,
болѣе склоннаго къ элегическому настроенію. Эта часть еще
болѣе выигрываетъ вслѣдъ за Andante, являясь контрастомъ не
только по содержанію и формѣ, но и по выдержанному настрое-
нію; особенно эффектно тріо этого скерцо. О технической сто-
ронѣ дѣла мы ужъ говорить не станемъ, а лишь отмѣтимъ уди-
вительную ясность изложенія, доминирующую надъ всѣмъ про-
изведеніемъ. Первая часть и финалъ, имѣя свои музыкальныя
достоинства, теряютъ въ сопоставленіи съ средними двумя час-
тями.

Второй струнный квартетъ (F-dur, op. 22) по достоин-
ствамъ музыкальныхъ мыслей долженъ быть поставленъ рядомъ
съ *третьей симфоніей*, хотя во внѣшней структурѣ его авторъ
видимо поддался вѣянію современныхъ требованій вычурности.
Въ первыхъ двухъ частяхъ композиторъ слишкомъ старался,
такъ такъ позволено выразиться, бить на эффектъ. Рядомъ съ
мотивами, проникающими въ душу, составляющими ядро обѣихъ
частей и подкупающими по обыкновенію своей теплотой, компо-
зиторъ облекъ ихъ въ вычурные наряды. Напримѣръ, ритмъ 3-й
части (скерцо), построенной на прекрасномъ мотивѣ въ тріо-
хъ, семидольный, кромѣ средней части, написанной въ трех-
льномъ ритмѣ. Зато третья часть, Andante, поражаетъ тра-
ическимъ паѳосомъ и мощью; тѣмъ сильнѣе контрастъ этой
сти съ финаломъ, первымъ мотивомъ для котораго послужило
ое увлекательное и бойкое болеро, неожиданно превращаю-

щееся въ фугу. Въ этомъ квартетѣ композиторъ выказалъ все свое остроуміе въ области техники, не желающей уступить первое мѣсто богатству его музыкальныхъ идей.

Не уступаетъ, если не превосходитъ, по своимъ рѣдкимъ качествамъ, второму квартету — *третій* (Es-moll, op. 30). Квартетъ этотъ написанъ вскорѣ послѣ смерти профессора московской консерваторіи по классу скрипки, Лауба, памяти котораго онъ и посвященъ композиторомъ; произведеніе это появилось въ свѣтъ въ 1876 г. Въ первой части авторъ ввелъ рѣдко допускаемое въ квартетѣ скрипичное solo, какъ бы напоминая этимъ о художникѣ, которому посвященъ квартетъ. Превосходная пѣвучая кантилена, одна изъ тѣхъ, на которыя способенъ одинъ Чайковскій въ своихъ элегическихъ изліяніяхъ, составляющихъ, какъ мы уже сказали, характерную черту его дарованія, легла въ основу первой части.

Даже въ скерцо, въ эту пикантную и игривую часть квартета, композиторъ вводитъ чудную среднюю часть (trio) съ мелодіей, полной слезъ и отчаянія; но наибольшей интенсивности достигаетъ это настроеніе въ Andante funebre e doloroso, носящемъ религіозный характеръ; композиторъ изливаетъ свою скорбь въ чудныхъ гармоническихъ звукахъ, оставляющихъ неизгладимое впечатлѣніе; особенно поразительна мелодія въ срединѣ этого Andante. Финалъ живъ и эффектенъ. Замѣчательная благозвучность и поэтическая оболочка, въ которую Чайковскій умѣетъ облекать свои мысли, — вотъ главныя достоинства его квартетовъ вообще, а третьяго въ особенности; видимо, все это произведеніе вылилось непосредственно подъ вліяніемъ охватившей все существо композитора скорби. Нигдѣ не видно и слѣдовъ вымученной, высиженной работы, — такъ все написано пластично, искренно и пѣвуче.

Подъ такимъ же впечатлѣніемъ написано его *фортепіанное тріо* (op. 50), на заглавномъ листѣ котораго находимъ слова: „Памяти великаго артиста“; нетрудно догадаться по времени появленія этого произведенія, что рѣчь здѣсь идетъ не только о „великомъ артистѣ“ Н. Г. Рубинштейнѣ, но и о другѣ и товарищѣ, если принять въ соображеніе глубокопрочувствованныя ноты, звучащія въ этомъ тріо. Мы уже выше сказали, что директоръ московской консерваторіи, Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, имѣлъ значительное вліяніе на талантъ нашего композитора; въ немъ Чайковскій лишился не только товарища по консерваторской каѳедрѣ, преданнаго друга, но и человѣка, которому онъ много обязанъ былъ своей популярностью. Стоя во главѣ консерваторіи и русскаго музыкальнаго общества въ Москвѣ, покойный Рубинштейнъ распространялъ произведенія Чайковскаго, играя ихъ публично или же дирижируя оркестромъ.

ительно поэтому, что потеря такого близкаго сердцу
ра и человѣка вызвала это „фортепіанное тріо“, кото
ъ быть названо по всей справедливости элегіей въ зву
ачительная роль въ этомъ тріо отведена фортепіано,
ту, которымъ такъ безподобно владѣлъ покойный, со
ъ своей игрѣ энергію и нѣжность, силу и мягкость,
окомъ и своеобразномъ пониманіи исполняемаго. Мы
объ этихъ рѣдкихъ качествахъ покойнаго артиста,
го фортепіанная партія разсматриваемаго „тріо“ такъ
что она должна напомнить слушателю манеру игры
бинштейна.

начинается съ „pezzo elegiaco“, для выраженія ко
омпозиторъ нашелъ сердечную, вполнѣ элегическую,
названіе показываетъ, мелодію; даже у Чайковскаго
лодіями этого рода, на которыя онъ такой великій мас
принадлежитъ первое мѣсто, если только возможно
ихъ между собой. Эта мелодія — основа всего произве
а же снова появляется въ концѣ „тріо“, какъ бы го
нателю, что скорбь эта безконечна, потеря невознагра
горая часть состоитъ изъ темы и варіацій. Это не
нныя варіаціи, которыя являются только украшеніями
мотива, а цѣлыя пьесы, отдѣльныя, самостоятельныя,
строенныя на одной и той же темѣ. Съ образцомъ
мастерскаго письма нашего композитора мы позна
ниже, при обзорѣ пьесъ, написанныхъ для одного фор
ор. 21).

ставъ варіацій (числомъ, кажется, десять) входитъ
дающаяся объясненію смѣсь музыки всевозможнаго
: здѣсь слышатся итальянская кантилена, мазурка,
трепакъ и др. Но между всѣми этими отдѣль
жно сказать, пьесками, связанными одной общей те
ается, если не ошибаемся, девятая варіація: въ ней
минорныхъ акордовъ и арпеджій, изображающихъ
волненіе, выдѣляются жалобныя фразы скрипки и
и; эти два инструмента, сначала порознь, а затѣмъ
вмѣстѣ, буквально стонутъ и рыдаютъ... Сильнѣе этого
ій нигдѣ не выражалъ чувства скорби. Еслибы не
анная смѣсь, мѣняющая настроеніе слушателей, пови
езъ необходимаго мотива, эта часть должна была бы
лучшимъ произведеніемъ изъ когда либо написан
позиторомъ.

ъ, который невольно теряетъ при сопоставленіи его со
астью, состоитъ изъ мотива первой части, русской
похороннаго марша. Любопытно здѣсь унисонное пѣ
ки и віолончели при акордахъ фортепіано (нѣсколько

похожее на девятую варіацію). Похоронный маршъ торжественъ и скорбенъ, какъ того требуетъ общее настроеніе этого „тріо". Композиторомъ пока изданo только одно тріо; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ не остановится на этомъ. Именно камерная и концертная музыка — его настоящее призваніе; здѣсь, а не въ операѣ, онъ стоитъ такъ недосягаемо высоко.

Въ концертахъ, написанныхъ для фортепіано съ оркестромъ, Чайковскій держится теоріи равенства; у него фортепіано не является лишь инструментомъ, на которомъ удобнѣе продѣлывать всевозможные кунстштюки въ то время, какъ оркестру поручена главная роль; также нельзя сказать, чтобы оркестровыя силы являлись у него лишь аксессуарами главной роли, отданной фортепіано, или же только его акомпаніаторомъ; его произведенія для фортепіано съ оркéстромъ (ихъ еще сравнительно немного) носятъ особенный характеръ: онъ предоставляетъ каждому изъ нихъ выражаться своимъ собственнымъ языкомъ и употреблять для этого средства, свойственныя каждому изъ нихъ. Такимъ образомъ роли оркестра и фортепіано, будучи совершенно самостоятельными, въ то же время служатъ другъ для друга восполненіемъ. Если при этомъ вспомнимъ о неисчерпаемомъ богатствѣ мелодіи и мастерскомъ знаніи инструментовъ, то понятна будетъ причина успѣха его концертовъ.

Первый его *фортепіанный концертъ* (B-moll, op. 23), посвященный г. Бюлову, исполнялся послѣднимъ неоднократно во время его артистической поѣздки по Америкѣ въ 1876 году и, кромѣ того, концертъ этотъ давно уже вошелъ въ программы всевозможныхъ концертовъ. B-moll'ный концертъ пріобрѣлъ обширную популярность не только вслѣдствіе исполненія его г. Бюловымъ, но и благодаря статьямъ послѣдняго о Чайковскомъ (г. Бюловъ страстный его поклонникъ и отдаетъ полную справедливость его таланту), а главнымъ образомъ — благодаря еще лучшему исполненію его покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ, производившимъ фуроръ этимъ концертомъ вездѣ въ Россіи и въ особенности въ Парижѣ во время всемірной выставки въ 1878 году, когда это произведеніе обратило на себя вниманіе всѣхъ музыкантовъ.

Фортепіанная партія B moll'наго концерта требуетъ вполнѣ законченнаго артиста: она очень трудна и доступна только владѣющему въ совершенствѣ фортепіанной техникой. Но суть его, какъ и оркестра, не исчерпывается блестящей техникой: здѣсь прежде всего поражаетъ музыкальная идея въ ея художественной обработкѣ. Трудно сказать, какая часть этого концерта лучше: здѣсь каждая на своемъ мѣстѣ и служитъ только дополненіемъ всего цѣлаго.

Второй фортепіанный концертъ (op. 44) не такъ популя-

ренъ, какъ первый; онъ также энергиченъ и полонъ движенія; онъ также болѣе симфоническаго характера, чѣмъ концертнаго въ строгомъ смыслѣ слова, какъ и первый, и также требуетъ исключительныхъ силъ исполнителя; но онъ написанъ по образцу перваго, и поэтому между ними нѣтъ большаго разнообразія. Хотя онъ самъ по себѣ стоитъ высоко по идеямъ и ихъ развитію, и хотя онѣ не замѣняются оркестровымъ шумомъ и неумѣренною претенціозностью сказать что либо новое во что бы то ни стало, однако, когда приходится его сопоставить съ первымъ, второй концертъ нѣсколько теряетъ, являясь по формѣ какъ бы повтореніемъ того, что уже извѣстно и съ чѣмъ Чайковскій насъ уже познакомилъ въ первомъ концертѣ. Нужно однако сказать, что его Andante — превосходная вещь, достойная своего композитора.

Къ разряду произведеній, написанныхъ для фортепіано съ оркестромъ, относится еще op. 56: „*Фантазія для фортепіано съ оркестромъ*“.

Спеціально фортепіанная литература весьма мало разработана русскими композиторами; это доказали вполнѣ программы историческихъ концертовъ А. Г. Рубинштейна, куда вошли имена всѣхъ нашихъ композиторовъ. Большинство произведеній написаны à la Шуманъ, à la Шопенъ и пр. и носятъ характеръ случайныхъ набросковъ, эскизовъ, написанныхъ между дѣломъ, какъ будто эта литература не заслуживаетъ никакого вниманія. Тѣмъ болѣе должны быть цѣнимы труды Чайковскаго и Рубинштейна, написавшихъ такъ много для этого инструмента. Если мы можемъ говорить о русской школѣ, касаясь фортепіанной литературы, то развѣ только благодаря трудамъ двухъ названныхъ композиторовъ, съумѣвшихъ поставить и эту отрасль творчества у насъ на подобающее ей мѣсто.

Какъ Рубинштейнъ, такъ и Чайковскій не брезгаютъ никакими формами: рядомъ съ грандіозными произведеніями, въ родѣ концертовъ, фантазій, сонатъ и пр., они пишутъ *этюды*, *баркароллы*, *полонезы*, *вальсы*, *мазурки*, *серенады* и др. У Чайковскаго даже есть цѣлый рядъ произведеній, назначенныхъ по степени трудности ихъ исполненія для извѣстныхъ возрастовъ; такъ, напр., op. 40 состоитъ изъ двѣнадцати пьесъ „средней трудности“; мы ужъ не говоримъ объ op. 39, озаглавленномъ „Дѣтскій альбомъ“ (о немъ ниже), очевидно, разсчитанномъ на силы начинающихъ еще только обучаться игрѣ на фортепіано. Такое восполненіе пробѣловъ въ музыкальной литературѣ нашими первоклассными композиторами дѣлаетъ только честь ихъ отношенію къ искусству.

Изъ всей суммы произведеній для фортепіано, которая можетъ быть раздѣлена на двѣ части — большихъ и малыхъ по

объему, возьмемъ opus'ы 37, 19 и 21, какъ болѣе характерные, отмѣтить особенности которыхъ считаемъ вполнѣ достаточнымъ для нашей цѣли. Подъ opus'омъ 37 помѣщена извѣстная *фортепіанная соната* (G-dur), ставшая у насъ особенно популярной, благодаря безподобному исполненію ея Н. Г. Рубинштейномъ.

Энергичный характеръ этой сонаты, чудныя модуляціи, встрѣчающіяся въ каждой ея части, благородство мелодій, составляющихъ фундаментъ этого произведенія, эффекты, разсыпанные въ немъ какъ бы случайно, неподчеркнуто, сила въ мѣстахъ патетическихъ и нѣкоторые пріемы, присущіе только Чайковскому, выдвигаютъ эту сонату на первый планъ. Первая часть, состоящая изъ интродукціи и двухъ темъ (прелестенъ переходъ отъ первой ко второй), страдаетъ длинnотой и однообразіемъ вслѣдствіе часто повторяемой первой темы, хотя она сама по себѣ очень красива. Любопытна здѣсь также нисходящая гамма басовъ (à la Глинка). Вторая часть, Andante (тема и варіація), отличается безукоризненной отдѣлкой; между варіаціями бросается въ глаза носящая заглавіе con animazione. Скерцо и финалъ превосходны каждый въ своемъ родѣ; остроуміе перваго и грандіозность втораго, грандіозность, столь гармонирующая въ концѣ пьесы съ характеромъ первой части, составляя съ ней одно цѣлое, — доказываютъ всю громадность техники Чайковскаго. И, несмотря на характеръ этого произведенія, русскій композиторъ и здѣсь нашелъ возможнымъ ввести въ финалъ чисто русскую тему, съ національнымъ колоритомъ.

Онъ одинаково умѣетъ сказать интересное и въ маленькой какой нибудь фортепіанной пьескѣ, какъ и въ массивной симфоніи. Возьмемъ хотя бы его Scherzo à la Russe (op. 1), представляющее собой рядъ варіацій на малороссійскую тему (посвященное Н. Г. Рубинштейну), или *Романсъ* (op. 5, меланхоличный, пѣвучій и безсомнѣнно навѣянный Шопеномъ); въ каждой даже изъ мелкихъ вещей мы встрѣчаемъ музыкальную мысль, облеченную въ изящную форму.

Еще любопытнѣе разсмотрѣть тетрадь, помѣченную op. 19. Въ ней шесть пьесъ различныхъ характеровъ; каждая изъ нихъ законченное цѣлое; вездѣ на первомъ мѣстѣ мелодія. Какая граціозная вещь „Ноктюрнъ“ (№ 4), что̀ за прелестная поэтическая мелодія (арранжированъ для віолончели)! Или это „Юмористическое скерцо“ (№ 2) съ его оживленной темой. Но пальму красоты между ними слѣдуетъ отдать № 6: темѣ и варіаціямъ (12), одинаково замѣчательнымъ какъ по согрѣвающей ихъ фантазіи, такъ и по богатству фактуры. Почти каждая изъ варіацій имѣетъ самостоятельное значеніе и лишь отдаленное

сходство съ главной темой. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь мнѣніе г. Бюлова о дарованіи Чайковскаго и, кстати, о разсматриваемомъ opus'ѣ:

„Еще болѣе радушный пріемъ вызвалъ (въ Лондонѣ) рядъ варіацій Чайковскаго (op. 19). Это молодой мастеръ, значеніе котораго возрастаетъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ; онъ истинный поэтъ въ звукахъ. Sit venia verbo. Его новый струнный квартетъ (Es-moll), его вторая симфонія, его оркестровая фантазія „Франческа-да-Римини“ по истинѣ восхитительны, даже уповли мои порядкомъ таки притупленныя уши своей свѣжей силой, глубиной и оригинальностью. Четыре года тому назадъ, по случаю исполненія „Жизни за царя“ въ Миланѣ я высказалъ въ „Augsburger Allgemeine Zeitung“ мое убѣжденіе объ агоніи итальянской и о рожденіи русской или, если хотите, славянской музыки, которая призвана въ исторіи музыки восполнить тотъ пробѣлъ, который образуется отъ паденія первой, и тогда же я упомянулъ о надеждѣ, ожидаемой отъ развитія таланта Чайковскаго. Она исполнилась“... („Signale“, Лейпцигъ, 1879 г.: „Автокритическое путешествіе по царству тумановъ“).

Верхомъ совершенства этого рода письма долженъ считаться op. 21, въ которомъ композиторъ, съ помощью разнообразныхъ средствъ гармонизаціи, контрапункта и ритма, построилъ на одномъ и томъ же мотивѣ шесть различныхъ пьесъ съ своеобразнымъ характеромъ, изъ которыхъ ни одна не похожа на другую. Симпатичная и непосредственно-вылившаяся мелодія послужила основой для прелюдіи, фуги (четырехголосной — поразительная техника), impromptu (страстная средина), похороннаго марша (мотивъ католической секвенціи — Dies irae; впечатлѣніе нѣсколько ослабляетъ средняя часть — trio, несвязанная съ началомъ и концомъ), мазурки (прелестный меланхолическій характеръ) и наконецъ скерцо (энергичное и стремительное, особенно эффектны первыя два колѣна). Кажется, въ этомъ произведеніи Чайковскій задался цѣлью, чтобы поразить чудесами техники, чего онъ и достигъ вполнѣ. Этотъ opus — изъ ряду вонъ выходящее явленіе.

Чтобы покончить хотя вкратцѣ съ этимъ обширнымъ отдѣломъ произведеній нашего композитора, скажемъ еще два слова о „Временахъ года“, сборникѣ двѣнадцати пьесъ, не обозначенныхъ opus'омъ, такъ какъ онѣ были изданы за границей, и объ opus'ѣ 39.

„Времена года“, называемыя авторомъ „характерными картинами“ для фортепіано, заключаютъ въ себѣ двѣнадцать небольшихъ вещей по числу мѣсяцевъ; къ каждой изъ нихъ авторъ приписалъ въ видѣ эпиграфа ту строфу изъ стихотвореній нашихъ поэтовъ—Пушкина, Вяземскаго, Майкова, Фета, Плещеева, Кольцова, А. Толстаго, Некрасова и Жуковскаго,— которая его вдохновила написать тотъ или другой №. Познакомившись поближе съ этими „характерными картинами“, приходится, къ сожалѣнію, сказать, что далеко не всѣ нумера со-

отвѣтствуютъ своимъ эпиграфамъ. Нельзя не сознаться, что нѣмецкій вальсъ, выбранный авторомъ для характеристики русскихъ святокъ (эпиграфъ Жуковскаго: „Разъ въ крещенскій вечерокъ") мало пригоденъ для даннаго случая; то же приходится сказать и о маршеобразномъ мотивѣ, изъ котораго состоитъ пьеса „На тройкѣ".

Единственнымъ исключеніемъ, по которому можно узнать перо Чайковскаго, между всѣми пьесами является „Баркарола" (№ 6, на слова г. Плещеева: „Выйдемъ на берегъ, тамъ волны"); въ ней снова господствуетъ чудесная мелодія, тогда какъ всѣ остальныя пьесы написаны точно по заказу. Происходитъ ли это отъ того, что композиторъ слишкомъ много пишетъ (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышатся мотивы, знакомые по другимъ произведеніямъ нашего композитора), или же въ данномъ случаѣ отсутствовала критика у автора къ созданному, но это произведеніе подтверждаетъ только, что и солнце не безъ пятенъ, что не всѣ произведенія и великаго художника бываютъ одного достоинства... Одна только „Баркарола" и стала популярной: она арранжирована для скрипки и для фортепіано въ четыре руки; на скрипкѣ она очаровательна.

„Дѣтскій альбомъ" (ор. 39), написанный въ подражаніе Шуману, состоитъ изъ 24 небольшихъ пьесокъ, охватывающихъ собой все, что можетъ интересовать ребенка; всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ проникнуты чрезвычайной искренностью и теплотой; многія изъ нихъ просто поэтичны („Болѣзнь куклы", „Похороны куклы"), въ нѣкоторыхъ проглядываетъ свойственный дарованію Чайковскаго юморъ („Игра въ лошадки", „Маршъ деревянныхъ солдатиковъ"); весьма интересны характерныя вещи („Мужикъ на гармоникѣ играетъ", „Шарманщикъ поетъ", „Баба-Яга"); сюда входитъ еще цѣлый рядъ національныхъ пѣсенъ, доступныхъ способностямъ ребенка: „Камаринская", „старая французская", „нѣмецкая", „итальянская", „русская" и пр. Кромѣ того, въ составъ этого сборника входятъ также пѣсни религіознаго настроенія („Молитва", „Въ церкви"). Всѣ эти вещи переносятъ слушателя въ міръ дѣтей и характеризуютъ какъ нельзя болѣе различные интересы и настроенія этихъ маленькихъ людей. „Альбомъ" написанъ поэтично и составляетъ вкладъ въ дѣтскую музыкальную литературу. Сборникъ этотъ сопровожденъ виньеткой, иллюстрирующей содержаніе всѣхъ пьесокъ изъ дѣтскаго міра (Album pour enfants).

Одаренный отъ природы по преимуществу лирическимъ дарованіемъ, нашъ композиторъ не могъ не обратить вниманія на тѣ инструменты, которые наиболѣе пригодны для выраженія лирическаго настроенія; мы говоримъ о скрипкѣ и віолончели; дѣйствительно, онъ обогатилъ вдохновенными страницами и ли-

этихъ инструментовъ; для скрипки съ акомпанемен-
ркестра имъ пока написаны четыре спеціальныхъ про-
(op. 26 — „Меланхолическая серенада“, op. 34 —
вальсъ“, op. 35 — „Концертъ“ (D-dur) и op. 42 — три
скрипки съ фортепіано: Meditation, Scherzo и Mélodie),
ранжировокъ изъ другихъ пьесъ, а для віолончели —
ько пока сочиненіе op. 33 — варіаціи на тему рококо
громъ).

отличительныя особенности, которыя характеризуютъ
нія Чайковскаго для фортепіано, имѣютъ и здѣсь
же глубокое знаніе инструмента, та же мелодичность,
ющая его ни въ одномъ родѣ творчества, и та же
я обработка, съ тою разницей, что въ разсматрива-
оизведеніяхъ композиторъ даетъ болѣе простора ли-
къ того требуютъ инструменты, и его сочиненія мо-
таться истиннымъ обогащеніемъ небогатыхъ литера-
пки и віолончели. Chef d'oeuvre между ними состав-
еланхолическая серенада“ (op. 26) съ ея чудной ми-
елодіей на струнѣ sol; эта мелодія — перлъ вдохно-
ъ украшенія, составляющія conditio sine qua non вся-
церта для струннаго инструмента, являются прямой
ностью; здѣсь нѣтъ ничего лишняго, какъ и ничего
нняго. Эта „серенада“ можетъ служить образцомъ
скрипичной пьесы, до того она написана задушевно,
грандіозно и тепло. Она пользуется громаднымъ
, какъ и концертъ для віолончели, который произвелъ
не только у насъ, но и въ Висбаденѣ, въ исполненіи
гагена.

В. Баскинъ

Окончаніе будетъ

Императоръ Вильгельмъ I-й и принцесса Элиза Радзивиллъ

Недавно въ нѣмецкомъ журналѣ „Deutsche Rundschau" были напечатаны письма императора Вильгельма I-го къ принцессѣ Элизѣ Радзивиллъ съ объяснительнымъ текстомъ г. Гнеомараиста фонъ-Натцмера. Эти письма, обнародованныя Натцмеромъ по повелѣнію нынѣ царствующаго императора Вильгельма II-го, составляютъ любопытный историческій эпизодъ изъ жизни покойнаго императора, тогда еще только принца, и являются небольшою сердечною трагедіей, въ высшей степени интересной многими своими сторонами. Какъ объяснительный текстъ Натцмера, такъ и письма мы передаемъ въ сокращеніи, съ нѣкоторыми поясняющими замѣтками, необходимыми для русскихъ читателей.

I

Весьма немногимъ въ Европѣ извѣстна та продолжительная душевная борьба, подъ давленіемъ которой находился бывшій императоръ въ дни своей молодости. Европа знаетъ его, какъ могущественнаго монарха, создавшаго германскую имперію, но лишь немногіе имѣли случай убѣдиться въ его сердечныхъ и душевныхъ качествахъ, составлявшихъ обаяніе его личности. Поразительную картину этой душевной борьбы представляетъ, между прочимъ, исторія его первой любви.

Отецъ принцессы Элизы Радзивиллъ, князь Антоній, чрезвычайно богатый литовскій магнатъ, родъ котораго былъ тѣсно связанъ съ исторіей Польши XVIII вѣка и дважды породнился съ домомъ Гогенцоллерновъ (одинъ виленскій кастеланъ изъ этого рода былъ женатъ на дочери курфюрста Іоганна-Георга бранденбургскаго, а его внучка вышла замужъ за сына великаго курфюрста, маркграфа Людвига), — окончивъ университетъ послѣ раздѣла Польши, поселился въ Берлинѣ и легко пріоб-

рѣлъ тамъ высокое положеніе, какъ одинъ изъ выдающихся вельможъ того времени.

Молодой польскій князь вскорѣ сблизился съ принцессой Луизой прусской, которая была на пять лѣтъ старше его; она была дочерью принца Фердинанда и маркграфини Луизы бранденбургской. Благодаря различію въ положеніи и религіи, бракъ князя Радзивилла и принцессы Луизы прусской сначала встрѣтилъ препятствія, но въ 1796 году эти препятствія были устранены, благодаря вмѣшательству прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II, интересовавшагося принцессой и ея сердечной склонностью.

Супруги были счастливы. Достойный любви, умный и образованный, князь Радзивиллъ соединялъ въ своемъ лицѣ „все рыцарское, поэтическое и высокое, что можно встрѣтить у благородныхъ поляковъ, — красивую внѣшность, прекрасную душу, умъ, храбрость и доброту". Прекрасно образованный, искусный и талантливый музыкантъ, князь въ то же время имѣлъ пріятный голосъ, и его музыкальныя сочиненія въ свое время обращали на себя вниманіе. Гёте говорилъ о немъ, что это былъ единственный истинный трубадуръ, котораго онъ видѣлъ. Онъ покровительствовалъ всѣмъ начинающимъ талантамъ, славился своимъ польскимъ гостепріимствомъ и щедрой рукой помогалъ всѣмъ нуждающимся въ немъ. Первоклассные художники дорожили его мнѣніемъ о ихъ произведеніяхъ.

О принцессѣ Радзивиллъ одинъ изъ ея современниковъ, Карлъ фонъ-Рёдеръ, писалъ: „Княгиня была очень знатная дама, одинаково возвышенная положеніемъ, воспитаніемъ, умомъ и сердцемъ. Какъ всѣ принцессы прусскія, она была полна любви къ родинѣ и прекрасно знала ея исторію. Къ большому чувству собственнаго достоинства она присоединяла неподдающуюся никакимъ описаніямъ привѣтливость и общительность".

Радзивилловскій домъ на Вильгельмштрассе, нынѣшній дворецъ имперскаго канцлера (въ немъ жилъ около двадцати лѣтъ князь Бисмаркъ), былъ мѣстомъ частныхъ собраній самыхъ выдающихся людей германской столицы. Люди науки и искусства, какъ Мендельсонъ-Бартольди, Раухъ, Шинкель, Спонтини, встрѣчались тамъ съ аристократами и придворными, что въ то время было большою рѣдкостью.

Въ такой обстановкѣ 28 октября 1803 года родилась принцесса Элиза. Вскорѣ послѣ этого событія война похитила брата ея матери, принца Луи-Фердинанда. Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и тильзитскаго мира Пруссія переживала одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ своей исторической жизни; но принцесса Луиза принадлежала къ тѣмъ немногимъ возвышеннымъ умамъ, которые не сомнѣвались въ болѣе свѣтломъ будущемъ

и, вмѣстѣ съ королевой Луизой и принцессой Вильгельминой, составляли ту тройную звѣзду женской добродѣтели и благородной мысли, которая освѣщала темную ночь испытаній.

Старшій сынъ принцессы Луизы, впослѣдствіи шефъ корпуса инженеровъ, на шестнадцатомъ году своей жизни участвовалъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Когда при дворѣ праздновали заключеніе мира, двѣнадцатилѣтняя принцесса Элиза Радзивиллъ въ кадрили представляла дружбу, а принцъ Вильгельмъ, сынъ короля, на шесть лѣтъ старше ея (онъ родился въ 1797 году), привѣтствовалъ ее въ качествѣ императора Конрада III. Эта картина очень понравилась зрителямъ.

Князь Антонъ Радзивиллъ принялъ предложенное ему званіе правителя великаго герцогства познанскаго съ резиденціей въ городѣ Познани. Часть лѣта проводилъ онъ съ семьей въ своемъ великолѣпномъ имѣніи Антонино, находящемся въ окрестностяхъ Познани, а зимой поселялся въ Берлинѣ. Когда дѣти принцессы и короля подросли, княжескій домъ достигъ наибольшаго своего блеска. Этому въ особенности способствовали принцъ Вильгельмъ, сынъ короля, и Людвигъ фонъ-Натцмеръ, который былъ также и повѣреннымъ принца въ его любви къ принцессѣ Элизѣ.

II

Когда принцесса Шарлотта прусская, сестра короля Фридриха-Вильгельма, поѣхала въ Петербургъ, какъ невѣста великаго князя Николая Павловича, въ сопровожденіи принца Вильгельма, Натцмеръ поѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Съ первой же станціи онъ написалъ принцессѣ Луизѣ. Она ему отвѣчала: „Берлинъ, 18 іюня 1817 г. Сердечный привѣтъ милому принцу Вильгельму. Скажите ему, что его письма изъ Данцига доставили много удовольствія королю“.

Черезъ нѣсколько дней — новое письмо: „Тысяча привѣтствій принцу. Я радуюсь обѣщаннымъ цвѣтамъ и вашему молчанію относительно его здоровья. Какъ бы я была рада видѣть принца и васъ, милѣйшій генералъ. Вамъ пришлось бы отвѣчать на безконечные вопросы“.

Во время обратнаго путешествія принцъ принялъ приглашеніе князя Радзивилла посѣтить его и его семью въ Познани. Относительно пребыванія тамъ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее въ дневникѣ Натцмера: „Князь выѣхалъ къ намъ на встрѣчу почти до самой границы. Мы сѣли въ коляску. Въ городѣ Познани народъ насъ встрѣтилъ весьма привѣтливо. Принцесса Луиза была очень рада нашему появленію. Мы жили у нея въ замкѣ“.

Въ слѣдующую зиму мы видимъ князя Радзивилла въ Берлинѣ, занятаго заботами поставить на сцену свою композицію „Фаустъ“. Актеръ Піусъ-Александръ Вольфъ, который въ 1816 году изъ Веймара перешелъ въ Берлинъ на сцену королевскаго театра, исполнялъ роль Фауста. Объ этомъ онъ писалъ одному своему другу: „25 мая 1819 г. Нашъ князь Радзивиллъ въ теченіе десяти лѣтъ занимался своей композиціей „Фаустъ“. Это такая прокрасная вещь, что Гёте и вообще всѣ музыканты — въ восторгѣ. Къ дню рожденія его супруги былъ выстроенъ въ Монбижу (имѣніе принца Карла мекленбургскаго, командира гвардейскаго корпуса) маленькій театръ, на которомъ были сыграны двѣ сцены (между прочимъ, сцена со студентами). Герцогъ, братъ нашей покойной королевы, исполнялъ роль Мефистофеля, графъ Фоссъ — Вагнера, графъ Брюль — духа земли, а я — Фауста“.

Зрители состояли изъ избраннаго берлинскаго общества. Черезъ годъ былъ представленъ вторично „Фаустъ“, и на этотъ разъ — безъ всякихъ исключеній. На спектаклѣ присутствовалъ король съ сыновьями. Принцъ Вильгельмъ писалъ по этому поводу своему другу Натцмеру, посланному въ то время въ Бреславль, слѣдующее: „Берлинъ, 30 мая 1820 года. На балу у принцессы Радзивиллъ, въ день ея рожденія, который былъ отпразднованъ, какъ и въ прошломъ году, въ Монбижу, я со всѣхъ сторонъ слышалъ сожалѣніе, что васъ нѣтъ. Въ такихъ случаяхъ мнѣ всегда недостаетъ васъ больше, чѣмъ когда либо. Относительно моего путешествія на воды ничего еще не рѣшено. Король согласился на это путешествіе и высказался за Теплицъ; но доктора находятъ воды Теплица слишкомъ сильными и вредными для меня. Они совѣтуютъ ѣхать въ Вармбруннъ, такъ какъ тюрингенскія воды — слишкомъ далеко. Вы знаете, какъ охотно я ѣду въ Силезію; на это существуютъ двѣ причины: во-первыхъ, я увижусь съ вами, а во-вторыхъ, не покину Пруссіи. Полагаю, что завтра разрѣшится этотъ вопросъ. Вчера вечеромъ мы были у принцессы Луизы Радзивиллъ на музыкальномъ soirée, на которое былъ приглашенъ также и Спонтини... Сегодня въ честь его даютъ пиръ. Такъ какъ вы намѣрены посѣтить Познань, то предупреждаю васъ, что, какъ мнѣ говорила принцесса Луиза, она намѣревается въ началѣ іюля отправиться на три недѣли въ Зальцбруннъ. Также и по этой причинѣ я охотно ѣду въ Вармбруннъ“.

Въ этихъ строкахъ видно уже сердечное влеченіе. Можетъ быть, юныя сердца, хотя еще и безсознательно, нашли уже другъ друга.

Третьяго іюня принцесса Луиза обратилась къ Натцмеру съ просьбой нанять ей въ Зальцбруннѣ помѣщеніе. „Оттуда я надѣюсь, — писала она, — поѣхать на нѣсколько недѣль въ Лан-

нъ. Дай Богъ, чтобы эти планы не разстроились. Я разсчитываю видѣть васъ въ Силезіи, но, конечно, не съ тѣмъ, чтобы странить обѣщанное посѣщеніе Познани. 13-го три принца, ридрихъ-Вильгельмъ, Вильгельмъ и Карлъ (сыновья короля), мы — принцесса Фредерика (рожденная принцесса ангальтъ-бернбургская), принцессы Александра и Луиза (дочери Фридриха-Вильгельма III) и я — намѣрены отправиться въ Фрейенвальдъ. Я никогда тамъ не была и очень рада этой поѣздкѣ. Въ этотъ день исполнится три года съ тѣхъ поръ, какъ принцесса Шарлотта, отправляясь въ Россію, простилась тамъ со своими братьями и сестрами".

А въ другомъ письмѣ: „День поѣздки въ Фрейенвальдъ я считаю самымъ счастливымъ днемъ въ моей жизни за послѣдніе годы. Кронпринцъ и принцъ Вильгельмъ были очень рады этой поѣздкѣ".

Конечно, и принцесса Элиза Радзивиллъ участвовала въ этой поѣздкѣ. Можетъ быть, у княгини были уже надежды относительно ея дочери.

Натцмеръ нашелъ для семейства Радзивиллъ помѣщеніе въ Фюрстенштейнѣ, принадлежавшемъ графу Генриху IV. Принцесса Луиза благодарила его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „23 іюня. Мы выѣзжаемъ рано утромъ во вторникъ. Путешествіе принца Вильгельма рѣшено: онъ ѣдетъ въ Силезію сейчасъ же послѣ крещенія маленькаго принца Фридриха и проѣдетъ черезъ Фюрстенштейнъ. Я надѣюсь, что вы дождетесь его у насъ".

Въ тотъ же день принцъ Вильгельмъ писалъ Натцмеру: „Нѣсколько строчекъ будетъ достаточно, чтобы извѣстить васъ о моемъ путешествіи на воды. Я очень радъ этому путешествію, потому что увижусь съ вами. Еслибы жребій палъ не на Силезію, то я охотнѣе всего выбралъ бы тюрингенскія воды уже потому, что во время путешествія имѣлъ бы возможность посѣтить родственниковъ. Но король не хотѣлъ этого, такъ какъ Тюрингія — далеко".

Въ большомъ свѣтѣ начали поговаривать, что союзъ принца Вильгельма съ принцессой Элизой—дѣло почти рѣшенное. Принца очень печалили эти слухи, потому что, несмотря на свое искреннее желаніе соединиться съ домомъ Радзивилловъ, онъ скорѣе предчувствовалъ, чѣмъ зналъ, всѣ препятствія этому союзу, могущія возникнуть съ обѣихъ сторонъ. Между прочимъ, онъ слѣдующее писалъ по этому поводу Натцмеру, который собирался, въ качествѣ военнаго комиссара, ѣхать въ Италію, въ австрійскую армію: „Берлинъ, 19 декабря 1820 года. Послѣ завтра здѣсь ждутъ принцессу Луизу. Слухи, будто я вступаю въ ближайшій союзъ съ домомъ Радзивилловъ, конечно, дошли и до

васъ. Моя дружба къ вамъ вынуждаетъ меня объясниться с вами относительно этого пункта, который, можетъ быть, кажетс вамъ серьезнѣе, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Что о такомъ сближеніи нечего и думать — я былъ всегда въ этомъ увѣренъ, такъ какъ столкновенія съ другими домами были бы слишкомъ велики и непріятны. Кромѣ того, во мнѣ могла возникнуть склонность, которую позволили себѣ отгадать и увеличить, и такимъ образомъ подали поводъ къ этимъ слухамъ. Эти слухи нашли себѣ вновь пищу совершенно случайно при встрѣчѣ въ Силезіи. При моемъ отъѣздѣ эта исторія въ первый разъ достигла моего уха. Уже то, что я долженъ оправдываться въ моемъ поведеніи, доказываетъ, что этому союзу я не придаю никакой вѣроятности, такъ какъ онъ едва ли можетъ осуществиться. Это я всегда высказываю, когда при мнѣ намекаютъ на этотъ союзъ, и надѣюсь скоро окончательно заглушить его. Вы, конечно, поймете, что при родившейся уже склонности я не могу желать, чтобы всѣ эти семейные слухи имѣли много силы, но при настоящихъ обстоятельствахъ я могу и долженъ не слушаться голоса сердца и съ этимъ вмѣстѣ устранить отъ себя всѣ мысли объ этомъ обстоятельствѣ. Я не могу подавить волненія при извѣстіи о прибытіи сюда этого семейства. Какъ желалъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ и уѣхать въ Италію!"

Приведя это письмо, Натцмеръ справедливо замѣчаетъ: „Надо удивляться — съ какимъ самоотверженіемъ молодой принцъ съумѣлъ найти дорогу для долга въ этомъ первомъ сердечномъ дѣлѣ".

III

Такъ какъ любовь принца Вильгельма была безнадежна, то въ этомъ дѣлѣ ему не оставалось другаго выхода, какъ только отрицаніе, „но, — какъ говоритъ поэтъ, — съ людской точки зрѣнія трава забвенія не найдена еще для любящихъ сердецъ".

Итакъ, для принца оставалось только одно: отступить. Но это нелегко было сдѣлать, такъ какъ свѣтскій этикетъ въ столицѣ неизбѣженъ, а присутствіе въ Берлинѣ иностранныхъ высокихъ гостей требовало присутствія всего придворнаго общества. Какъ разъ въ это время посѣтилъ Берлинъ великій князь Николай Павловичъ съ супругой. Готовились празднества. Для любимой принцессы Шарлотты была поставлена на сценѣ придворнаго театра поэма Томаса Мура: „Лалла-Рукъ". Принцесса Элиза, увѣковѣченная въ своей роли Пери знаменитымъ живописцемъ Генаелемъ, умершимъ въ 1861 году, получила приз за красоту. Она была названа „бѣлой розой". Она была средняго роста, стройная, съ высокимъ благороднымъ лбомъ, бѣло-

и пепельными волосами и слегка согнутымъ носомъ; ея
е голубые глаза имѣли привѣтливое, теплое выраженіе.
того, безъ большой учености, она была умна, скромна и
ко всѣмъ.
инцъ Вильгельмъ, который, благодаря своей прекрасной
, исполнялъ роль одного изъ сыновей великолѣпнаго вла-
я Дельи, Аурунъ-цебса, казался, какъ всегда, любезнымъ
лымъ. Но изъ письма къ Натцмеру мы выводимъ — въ ка-
тягостномъ положеніи онъ находился тогда:
ерлинъ. 30 января 1821 года. Все, что̀ говорилось въ
хъ о картинахъ Пери и Огнепоклонниковъ, — правда.
ю картину исполняли принцесса Элиза (Пери) и графиня
ьда Фоссъ (ангелъ свѣта); послѣднюю — Бояновскій, кото-
ь крыши башни бросается въ огонь, и графиня Брюль,
ющаяся въ море въ то время, когда князь Радзивиллъ
и другіе яростно осаждаютъ башню. Вообще, Берлинъ въ
немъ году очень блестящъ. Нашъ король въ мартѣ ѣдетъ
грессъ, потому что въ это время произойдетъ вступленіе
йской арміи. Какъ хотѣлъ бы я уѣхать съ нимъ, и
нибудь еще дальше. Вы понимаете, что теперь мнѣ здѣсь
ло. Еслибы не было здѣсь Шарлотты, я бы сдѣлалъ
зможное, лишь бы только уѣхать отсюда. Ну, будьте
ивы".
другомъ письмѣ мы читаемъ: „Мои проекты на лѣто
е опредѣлены. Я надѣюсь увезти Шарлотту въ Эмсъ
па, гдѣ она проведетъ лѣто. Но сперва я долженъ от-
ъея въ Штетинъ и Магдебургъ и осмотрѣть гвардію
пія".
збужденное настроеніе духа принца Вильгельма не могло
знуть отъ окружавшихъ его. Это выразилось въ томъ, что
начала выказывать особенно сердечное вниманіе прин-
Элизѣ. Изъ этого заключили, что король желалъ этого
При такихъ обстоятельствахъ принцъ Вильгельмъ снова
душно началъ посѣщать домъ Радзивилловъ.
томъ онъ поѣхалъ на продолжительное время въ Ахенъ
писывался о военныхъ дѣлахъ съ Натцмеромъ, который
тился изъ Италіи и во время отпуска посѣтилъ семей-
Радзивилловъ въ Познани. Въ этихъ письмахъ замѣчается
енное настроеніе духа. Принцъ, между прочимъ, пишетъ:
инъ, 20 сентября 1821 г. Когда я думалъ о радостномъ
ія съ вами, то всегда надѣялся провести въ вашемъ об-
ъ пріятные часы по вашемъ возвращеніи изъ Италіи. Но,
частію, вижу, что, возвратившись изъ Ахена, уже не найду
дѣсь".
) октября 1821 г. Только что получилъ письмо отъ прин-

васъ. Моя дружба къ вамъ вынужд
вами относительно этого пункта, котор
вамъ серьезнѣе, чѣмъ есть въ дѣйст
сближеніи нечего и думать — я бы
ренъ, такъ какъ столкновенія съ друг
комъ велики и непріятны. Кромѣ то
нуть склонность, которую позволили
и такимъ образомъ подали поводъ
нашли себѣ вновь пищу совершенно
Силезіи. При моемъ отъѣздѣ эта
стигла моего уха. Уже то, что я
моемъ поведеніи, доказываетъ, что
никакой вѣроятности, такъ какъ
ствиться. Это я всегда высказыв
на этотъ союзъ, и надѣюсь скор
Вы, конечно, поймете, что при
я не могу желать, чтобы всѣ
силы, но при настоящихъ обсто
не слушаться голоса сердца и
себя всѣ мысли объ этомъ обс
волненія при извѣстіи о при
желалъ бы я быть на вашем

Приведя это письмо, Н
„Надо удивляться — съ каким
съумѣлъ найти дорогу для
дѣлѣ“.

Такъ какъ любовь
въ этомъ дѣлѣ ему не
отрицаніе, „но, — как
зрѣнія трава забвенія

Итакъ, для прин
это нелегко было
лицѣ неизбѣженъ,
сокихъ гостей тре
ства. Какъ разъ
Николай Павлович
любимой принцес
дворнаго театра
Элиза, увѣковѣ
писцомъ Гензел
за красоту. Он
няго роста, стро

цессы Луизы, которая прислала мнѣ вашъ портретъ, нарис
ный принцемъ. Я сейчасъ же узналъ его, хотя въ чертах
мѣтилъ что-то странное. Для меня большая радость имѣть
портретъ, если уже мы не можемъ свидѣться скоро. Мо
быть, вы, возвращаясь, проѣдете черезъ Берлинъ? Здѣс
Берлинѣ, я веду жизнь улитки, какъ это и вы думаете
себя въ Бреславлѣ. По вечерамъ я большею частью ост
дома и занимаюсь. Мнѣ нравится это уединеніе, тѣмъ б
что здѣсь нѣтъ ничего, что меня привлекало бы и манил
мечтаю о прошедшихъ счастливыхъ временахъ".

„Потсдамъ, 25 декабря 1821 г. Принцесса Луиза пи
мнѣ, что вы на возвратномъ пути оставались у нихъ три
Она говоритъ о непріятностяхъ, которымъ вы подвергае
прося этой зимой отпускъ въ Берлинъ. Еслибы я могъ ула
это, то мнѣ было бы очень пріятно. Въ субботу въ Бер
ждутъ семейство Радзивилловъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы
пріѣхали, такъ какъ до сихъ поръ еще не случалось, ч
они пріѣхали въ тотъ день, который былъ назначенъ для
пріѣзда. Къ тому же, какъ я слышалъ, принцесса еще
всѣмъ поправилась. Въ Берлинѣ — постоянные балы.
дневно проводятъ вечеръ у одного изъ министровъ. Я бы
всѣхъ по разу".

Изъ ближайшаго письма принцессы Луизы къ Нати
видно, какъ сблизился принцъ съ семействомъ Радзивилл
Они писали ему, между прочимъ, изъ Познани: „Всѣ падѣ
видѣть васъ нынѣшней зимой въ Берлинѣ. Въ противномъ
чаѣ принцъ Вильгельмъ не проститъ вамъ того, что вы
вращаетесь черезъ Познань. Мой мужъ былъ совсѣмъ de
pointed, не увидѣвъ васъ здѣсь еще разъ. Онъ, Вильге
(старшій сынъ Радзивилла), Элиза, всѣ дѣти и всѣ гости ш
вамъ сердечный привѣтъ".

IV

Такъ какъ по всему было видно, что дѣло близилось къ со
то приходилось, въ интересахъ престолонаслѣдія, заняться
просомъ о происхожденіи принцессы Элизы и, если возмо
устранить всѣ сомнѣнія.

Объ этомъ вопросѣ высказался извѣстный юристъ Эйхо
Министерство двора объявило въ отвѣтъ на запросъ ко
что предполагавшееся супружество не представляло требу
равенства въ происхожденіи. Въ старину Гогенцоллерны
жениться на Радзивиллъ, какъ равной по происхожденію.
Фридриха Великаго въ Пруссіи былъ введенъ законъ, о
рому принцы Гогенцоллернскаго дома могли жениться

дился въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока наконецъ не нашелъ въ себѣ силы покориться... Всѣ, у кого я спрашивалъ совѣта, не могли мнѣ дать другаго, кромѣ совѣта покориться требованіямъ короля. Это сказали принцесса Вильгельмина, Браузе и великій герцогъ стрелицкій (братъ королевы Луизы), котораго я научился цѣнить. Итакъ, я рѣшился идти къ королю. Онъ сердечно-ласково говорилъ со мною, но долженъ былъ остаться при своемъ требованіи. Это было 16 февраля.

„Съ этого дня я снова осиротѣлъ въ мірѣ, который мнѣ показался пустыннымъ и безотраднымъ. Все, что говорятъ участіе и сочувствіе добрыхъ, дорогихъ людей въ эти минуты, — все это я перечувствовалъ, но утѣшенія это не даетъ: это дѣлаетъ только принесенную жертву еще тяжелѣе, потому что всѣ говорятъ о томъ, что безвозвратно потеряно для меня.

„Я долженъ былъ путешествовать. Приглашеніе принца Фридриха *) было получено уже нѣсколько недѣль тому назадъ: мнѣ было предоставлено ѣхать, когда захочу.

„О случившемся ничего еще не было сообщено семейству Радзивилловъ, и надо было рѣшиться на это, тѣмъ болѣе, что принцесса Луиза очень больна въ теченіе этой зимы. Мой отъѣздъ въ такое время года, конечно, долженъ былъ поднять шумъ, а этого я хотѣлъ избѣжать, и также думалъ и надѣялся имѣть довольно силъ, чтобы выдержать борьбу вблизи принцессы Элизы, пока она ничего не знала. Она ничего не подозрѣвала, напротивъ, — чѣмъ серьезнѣе и печальнѣе видѣла она меня, тѣмъ любезнѣе становилась ко мнѣ. Что я долженъ былъ переносить тогда!

„Между тѣмъ третьяго дня принцесса Луиза (мать Элизы) сама отгадала истину и написала мнѣ безконечно-сердечное и полное любви письмо, въ которомъ приглашала меня довѣриться ей и сообщить ей мое горе, такъ какъ она частью подозрѣвала его и знала уже кое-что. Это меня огорчило и подѣйствовало на меня, какъ ударъ.

„Какъ разъ въ тотъ же день я написалъ Вильгельму Радзивиллу, вслѣдствіе одного вырвавшагося у него случайно слова, и повѣрилъ ему горе, все разсказавъ. А вчера я ему передалъ отвѣтъ его матери.

„Итакъ, сегодня я нахожусь въ ужасномъ ожиданіи — захочетъ ли она говорить еще со мной или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ я уѣзжаю, можетъ быть, въ понедѣльникъ, въ Дюссельдорфъ.

---

*) Кузенъ принца Вильгельма, сынъ принца Людвига и принцессы Фредерики мекленбургскихъ, командовавшій тогда дивизіей въ Дюссельдорфѣ.

дорфъ, а потомъ въ Гагу *) до половины апрѣля. Послѣ возвращенія, когда горе заживетъ немного, между нами установятся другія отношенія.

„Представьте себя въ моемъ положеніи, и вы поймете, каково мое настроеніе духа.

„Однако довольно объ этомъ. Только разсчитывая на вашу дружбу, могъ я изложить эту тягостную исторію. Горе дѣлаетъ человѣка эгоистомъ: человѣкъ тогда легко высказывается, думая, что другіе его понимаютъ...

„Половина седьмаго вечера. Я спѣшу кончить, потому что долженъ сейчасъ же отправиться къ принцессѣ Луизѣ. Я не въ состояніи написать ни слова больше. Итакъ, до свиданія".

Принцъ Вильгельмъ отправился путешествовать. Дальнѣйшую исторію его страданій мы узнаемъ изъ слѣдующихъ писемъ:

„Гага, 21 апрѣля 1822 г. Ваше милое письмо, любезнѣйшій Натцмеръ, отъ 15 апрѣля доставило мнѣ большое удовольствіе и глубоко меня тронуло. Ваше участіе въ этомъ тяжеломъ, разразившемся надо мною, ударѣ выражается такъ дружески и открыто, что за это новое доказательство преданности я никогда не буду въ состояніи достойно отблагодарить васъ. Часто думалъ я, что, еслибы вы были въ Берлинѣ, я бы просилъ васъ сопутствовать мнѣ. Но разстояніе между нами было слишкомъ велико, а отъѣздъ слишкомъ поспѣшенъ.

„Путешествіе мнѣ очень нравится, но, несмотря на истинную дружбу, которую я вездѣ встрѣчаю, я не ощущаю въ себѣ прежней веселости; я умеръ для развлеченій, а такъ какъ у меня въ настоящее время нѣтъ опредѣленнаго занятія, то я постоянно погружаюсь въ воспоминанія о счастливыхъ и несчастныхъ минутахъ прошлаго.

„Конечно, теперь война очень желательна для меня (говорили о предстоящей новой восточной войнѣ Россіи). Давно уже рѣшилъ я просить короля позволить и мнѣ отправиться въ кампанію. Теперь, когда эти дѣла пришли, какъ кажется, къ окончательному рѣшенію, я представилъ королю мою просьбу. Завтра онъ долженъ получить ее. Я такъ откровенно написалъ ему, что смѣю надѣяться получить позволеніе. Мое теперешнее положеніе и интересъ войны такъ ясно говорятъ за меня, что я не могъ бы ждать исполненія моихъ ожиданій; это я также написалъ королю.

„Брауэ я написалъ, что, когда [illegible] о моемъ

*) Здѣсь жила королева Вильгельмина, сестра Фридриха-Вильгельма III.

[illegible] это на случай, если [illegible]. Въ противномъ случаѣ [illegible] и благословила бы [illegible] въ Потсдамъ [illegible] просить васъ [illegible] привѣтствій [illegible] нѣсколькихъ словъ [illegible] и больно. Сердечно [illegible] принца и [illegible]".

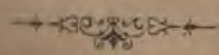
[illegible] сердце [illegible] нахвалиться [illegible].

[illegible] съ Натцмеромъ поѣхали [illegible], который съ [illegible], а оттуда — въ Римъ [illegible] къ Натцмеру, [illegible] впечатлѣнія [illegible] чувствъ.

[illegible] искреннюю [illegible] пожеланія по [illegible] Я счастливъ убѣжденіемъ, что это не пустыя [illegible] нашей дружбы къ тому, кто въ юности и до [illegible] въ столь различные годы и времена, стоялъ близко [illegible]. Примите отъ меня еще разъ благодарность за все [illegible] участіе и помощь, которыя вы такъ часто оказывали [illegible] и еще не далѣе, какъ въ послѣднемъ чудесномъ путешествіи. Какъ было бы хорошо, еслибы могли исполниться послѣдніе слова, сказанныя мною вамъ при прощаніи, и еслибы мы могли увидѣться снова въ лучшее время! Съ концомъ карнавала, которымъ окончилась и прелесть новаго свиданія и разсказ[illegible] о всемъ прекрасномъ, что я видѣлъ за это время, наступ[illegible] для меня печальное время, и только теперь, съ пробужденіемъ весны, живость снова вернулась ко мнѣ".

О. В.

Окончаніе будетъ



[illegible], а потомъ за принца Эрнста-Августа кумберлендск[illegible] [illegible] королемъ ганноверскимъ и жившаго въ Берлинѣ до [illegible] [illegible].

ІИСУСЪ НАВИНЪ

Разсказъ изъ библейскихъ временъ

Георга Эберса

Окончаніе

XXVI

Іисусъ Навинъ со своими отрядами тоже проложилъ себѣ путь къ живительному источнику, чтобы установить порядокъ между жадными потребителями воды. Однако же приходилось нѣкоторое время потерпѣть, потому что сильные люди Іудова колѣна, съ которыми Гуръ опередилъ остальныхъ, еще работали кирками и упирались на рычаги, быстро изготовленные изъ стволовъ колючихъ акацій, росшихъ по близости, чтобы очистить дорогу отъ большихъ камней и расширить доступъ къ потоку воды, изливавшемуся изъ многихъ разсѣлинъ утеса.

Источникъ сначала терялся въ грудѣ гранитныхъ глыбъ, покрытыхъ иломъ, далѣе — въ землѣ; но теперь работа подвинулась настолько, что убѣгавшая вода была задержана, и было устроено вмѣстилище, въ которомъ могъ пить и скотъ.

Тѣ, кому удалось уже наполнить кувшины, воспользовались струею воды, пробивавшеюся чрезъ быстро выраставшую запруду. Теперь люди, приставленные въ качествѣ сторожей лагеря, не допускали сюда никого, чтобы дать время водѣ очиститься въ новомъ обширномъ хранилищѣ, въ которое она прибывала въ изумительномъ изобиліи.

Въ виду божьяго дара, изъ-за котораго подымалось столько буйныхъ криковъ и воплей, было легко нѣсколько потерпѣть. Сокровище было поднято, оставалось только со-

хранить его. Не слышно было ни одного слова брани, ропота или неудовольствія; многіе смотрѣли на новый даръ Всевышняго робко и съ какимъ-то пристыженнымъ видомъ.

Издали доносились громкіе радостные крики и восклицанія. Но божій человѣкъ, — которому лучше, чѣмъ кому нибудь другому, были знакомы скалы, пастбища и источники области Хорива, и который снова оказалъ великое благодѣяніе народу, — удалился въ ближайшее ущелье, какъ бы желая уйти отъ изъявленій благодарности и хора привѣтственныхъ кликовъ, которые захватывали все бо́льшее пространство и подымались съ возраставшимъ одушевленіемъ. Главнымъ же образомъ онъ искалъ успокоенія, возможности сосредоточиться для своей глубоко взволнованной души.

Скоро послышались благочестивые хвалебные гимны Господу среди освѣженныхъ, возродившихся и переполненныхъ благодарностью людей; и никогда они еще не ставили своего лагеря съ большею надеждой и радостною увѣренностью въ успѣхѣ.

Пѣсни, веселый смѣхъ, шутки и оживленныя восклицанія сопровождали постановку каждаго шатра, и лагерь явился такъ быстро, какъ будто онъ выросъ изъ земли съ помощью волшебства.

Глаза молодежи сверкали воинственной отвагой; нѣсколько штукъ скота было убито для праздничнаго пира. Матери, покончивъ свое дѣло по устройству лагеря и очага, пошли къ источнику, ведя съ собою дѣтей за руки, чтобы и они видѣли мѣсто, гдѣ жезлъ Моисея указалъ евреямъ воду, изливавшуюся изъ разсѣлины гранита. Многіе мужчины, поднявъ руки и глаза, окружали пространство, гдѣ Іегова показалъ себя столь милостивымъ къ своему народу, и въ ихъ числѣ нѣсколько изъ бунтовщиковъ, которые такъ недавно наклонялись, чтобы поднять камни для убіенія божьяго избранника. Никто не сомнѣвался въ томъ, что здѣсь совершилось великое чудо.

Старые внушали молодымъ никогда не забывать этого дня и этой воды; одна женщина окропила ею лбы своихъ внуковъ, чтобы обезпечить малюткамъ божіе покровительство на предстоявшую имъ жизнь.

Надежда, благодарность и теплая вѣра господствовали повсюду; исчезъ даже страхъ предъ воинственными сынами

Амалика: что могло случиться съ людьми, ввѣрившими свою судьбу милости такого всемогущаго покровителя?

Только одинъ шатеръ, лучшій изъ всѣхъ, шатеръ вождя іудова племени, былъ далекъ отъ общаго ликованія.

Безмолвно раздѣливъ трапезу мужчинъ, переполненныхъ благодарнымъ одушевленіемъ, узнавъ отъ Рубена, что Моисей ввѣрилъ Іисусу Навину должность главнокомандующаго, предпочтя его всѣмъ старѣйшинамъ, услыхавъ далѣе, что Гуръ съ радостью уступалъ это званіе сыну Нуна, Марьямъ сидѣла въ шатрѣ, окруженная своими служанками.

На этотъ разъ пророчица держала себя далеко отъ хвалебныхъ гимновъ народа. Когда ея женщины и Милька стали убѣждать ее пойти съ ними къ источнику, она велѣла имъ идти туда безъ нея.

Она поджидала мужа и желала привѣтствовать его наединѣ. Но онъ не возвращался домой. По окончаніи совѣта старѣйшинъ онъ находился при главнокомандующемъ, чтобы привести въ порядокъ военные отряды, что онъ дѣлалъ въ качествѣ помощника, подчиненнаго Іоссіи, который ей былъ обязанъ своимъ призваніемъ и именемъ Іисуса.

Теперь ея служанки занимались пряжею шерсти, но ей эта унизительная работа была противна; и пока она сидѣла, сложивъ руки и праздно устремивъ неподвижный взоръ въ пустоту, часы медленно тянулись одинъ за другимъ. При этомъ Марьямъ чувствовала, что ея намѣреніе смиренно подойти къ мужу все болѣе и болѣе слабѣетъ. Ей хотѣлось молиться о ниспосланіи ей силы покорно склониться предъ человѣкомъ, который былъ ея господиномъ; однако же пророчица, привыкшая къ горячимъ мольбамъ, никакимъ образомъ не могла возбудить въ себѣ молитвеннаго настроенія. Едва удавалось ей сосредоточиться и возвысить свое сердце — какъ ее разстраивало то то, то другое. Каждая новая вѣсть, доходившая къ ней изъ лагеря, усиливала ея неудовольствіе. Когда, наконецъ, наступилъ вечеръ, явился посланецъ сказать ей, чтобы она не заботилась объ ужинѣ для мужчинъ, который давно уже былъ приготовленъ: Гуръ, его сынъ и внукъ намѣрены были принять приглашеніе Нуна и Іисуса, сына его.

При этомъ извѣстіи она съ трудомъ удержалась отъ слезъ. Но еслибы она дала имъ волю, то изъ ея глазъ по-

лились бы слезы гнѣва и оскорбленнаго достоинства женщины, а не слезы печали и тоскливаго ожиданія.

Въ часы вечерней стражи мимо нея проходили воины, до нея доносились привѣтственные крики въ честь Іисуса Навина, передававшіеся отъ отряда къ отряду.

Тамъ, гдѣ слышались слова »твердый и сильный!« подразумѣвался тотъ, кто нѣкогда былъ ей дорогъ и кого она теперь ненавидѣла, въ чемъ откровенно признавалась себѣ. Ея мужа привѣтствовали криками только люди его колѣна. Это ли была благодарность за великодушіе, съ которымъ онъ въ пользу младшаго сложилъ съ себя званіе, принадлежавшее по праву ему одному? Видѣть своего мужа отодвинутымъ на второй планъ было еще больнѣе сердцу Марьямъ, чѣмъ то, что Гуръ ее, новобрачную, оставилъ одну.

Ужинъ передъ шатромъ эфраимитовъ тянулся долго. Около полуночи Марьямъ отослала своихъ служанокъ на покой и легла, намѣреваясь подождать своего супруга и признаться ему во всемъ, что̀ ее огорчало, что̀ приводило ее въ негодованіе и къ чему она стремилась съ тоскливымъ желаніемъ.

Она думала, что при такомъ горестномъ настроеніи ея души ей нетрудно будетъ не спать. Но великія усилія и волненія послѣднихъ дней и ночей давали себя чувствовать, и ею овладѣлъ сонъ среди ея молитвы о смиреніи и о любви ея мужа. Наконецъ ко времени первой утренней смѣны часовыхъ, когда только что забрезжилъ разсвѣтъ, ее разбудили звуки трубъ, возвѣщавшіе о близкой опасности.

Марьямъ быстро встала и, взглянувъ на ложе своего супруга, нашла его пустымъ. Однако же оно, очевидно, было занято ночью, и на песчаномъ полу она какъ разъ передъ своею постелью замѣтила слѣды ногъ Гура.

Онъ стоялъ близко возлѣ нея и, можетъ быть, съ любовью смотрѣлъ на лицо жены.

Да, это было дѣйствительно такъ: ей сказала объ этомъ старая раба, не дожидаясь ея вопроса. Разбудивъ Гура, она пошла съ нимъ и видѣла, какъ онъ осторожно посвѣтилъ въ лицо Марьямъ и затѣмъ долго стоялъ склонившись надъ нею, какъ бы для того, чтобы ее поцѣловать.

Это была добрая вѣсть, и она такъ обрадовала одинокую женщину, что Марьямъ забыла свою обычную сдержанность и

прижала губы къ морщинистому лбу маленькой согбенной старушки, которая служила еще ея родителямъ. Затѣмъ она велѣла служанкамъ наскоро привести въ порядокъ ея волосы, надѣть на нее праздничную свѣтлоголубую одежду, подаренную ей Гуромъ, и поспѣшила вонъ изъ шатра, чтобы проститься съ мужемъ.

Между тѣмъ военные отряды выстраивались. Евреи начали снимать палатки, и Марьямъ долго не могла отыскать своего мужа. Наконецъ она его нашла, но онъ былъ занятъ серьезнымъ разговоромъ съ Іисусомъ Навиномъ; и когда она увидѣла послѣдняго, холодная дрожь пробѣжала по жиламъ пророчицы, и она не могла заставить себя подойти ближе къ двумъ разговаривающимъ мужчинамъ.

XXVII

Предстояла трудная борьба, потому что, по донесеніямъ лазутчиковъ, къ амаликитянамъ присоединились и другія племена пустыни. Несмотря на это, еврейское войско всетаки вдвое превосходило ихъ численностью. Но какъ далеко уступали воины Іисуса Навина въ воинскихъ качествахъ своимъ противникамъ, привыкшимъ къ битвамъ и нападеніямъ!

Непріятели шли съ юга, отъ оазиса, лежавшаго у подножья священной горы, а этотъ оазисъ съ незапамятныхъ временъ былъ мѣстопребываніемъ ихъ племени, ихъ кормильцемъ, ихъ милою родиной, всѣмъ для нихъ; онъ былъ достоинъ того, чтобы пролить за него послѣднія капли крови.

Іисусъ Навинъ, котораго теперь Моисей и весь народъ признали вождемъ военной силы евреевъ, повелъ свои новосформированные отряды къ самому обширному мѣсту долины, такъ какъ оно позволяло ему лучше воспользоваться численнымъ превосходствомъ своихъ воиновъ.

Онъ велѣлъ снять лагерь и перенести его на сѣверный конецъ предназначенной для битвы равнины Рафидимъ, гдѣ его легче было защищать. Главное начальство надъ лагеремъ и воинами, отдѣленными для его защиты, онъ ввѣрилъ своему предусмотрительному отцу.

Іисусъ Навинъ желалъ оставить Моисея и болѣе старыхъ вождей колѣнъ израилевыхъ въ хорошо защищенныхъ предѣлахъ лагеря, но великій вождь народа преду-

предилъ его и взошелъ, вмѣстѣ съ Гуромъ и Ааропомъ, на гранитную скалу, съ высоты которой можно было обозрѣвать битву. Такимъ образомъ бойцы видѣли Моисея и двухъ его спутниковъ на вершинѣ возвышавшагося надъ долиною утеса и знали, что довѣренный Господа не устанетъ ходатайствовать за нихъ предъ Всевышнимъ и молить его о дарованіи имъ побѣды.

Но и каждый простой человѣкъ въ войскѣ, каждый старикъ, каждая женщина въ лагерѣ обращались въ этотъ часъ опасности къ Богу своихъ отцовъ, и избранный Іисусомъ Навиномъ военный кликъ »Іегова — наше знамя!« соединялъ сердца воиновъ съ Богомъ браней и даже самымъ робкимъ и неискуснымъ воинамъ напоминалъ, что они не могутъ сдѣлать ни одного шага, не могутъ нанести ни одного удара безъ его дозволенія.

Звуки еврейскихъ трубъ и роговъ раздавались все громче и громче, такъ какъ амаликитяне наступали на ровную плоскость, которая должна была служить театромъ битвы.

Это было странное поле сраженія; опытный военачальникъ никогда не выбралъ бы его по собственной волѣ, потому что оно съ двухъ сторонъ было ограничено высочайшими сѣрыми, круто подымавшимися, стѣнами изъ гранита. Въ случаѣ побѣды враговъ долженъ былъ погибнуть и лагерь, а средствами, предоставляемыми военнымъ искусствомъ, приходилось здѣсь пользоваться на самомъ маломъ пространствѣ, какое только можно вообразить.

Обойти непріятеля или напасть на него во флангъ казалось здѣсь невозможнымъ; но и скалы должны были служить вождю: онъ приказалъ своимъ искуснымъ пращникамъ и стрѣлкамъ изъ лука взобраться по ихъ склонамъ до умѣренной высоты, объяснивъ имъ — по какому сигналу они должны были принять участіе въ битвѣ.

Уже съ перваго взгляда еврейскій полководецъ увидѣлъ, что онъ не преувеличивалъ силы непріятелей. Тѣ изъ нихъ, которые открыли сраженіе, были бородатые люди съ рѣзко обозначенными чертами смуглаго лица; черные глаза ихъ пылали жаждою битвы и дикою ненавистью къ противникамъ.

Подобно своему сѣдобородому вождю, всѣ они были сухощаваго и гибкаго сложенія. Какъ опытные бойцы, они хорошо владѣли своими серповидными мѣдными мечами и кри-

выми палицами изъ тяжелаго дерева съ заостреннымъ концомъ или копьями, украшенными подъ наконечникомъ пучками изъ верблюжьей шерсти. Военные клики громко, свирѣпо и злобно раздавались изъ крѣпкой груди этихъ людей, которые должны были или побѣдить, или отдать врагу все, что имъ было наиболѣе дорого.

Іисусъ Навинъ встрѣтилъ первое нападеніе во главѣ воиновъ, вооруженныхъ большими щитами египтянъ; и они, воспламененные своимъ храбрымъ вождемъ, довольно долго выдерживали натискъ, тѣмъ болѣе, что узкій входъ на поле сраженія не позволялъ непріятелю вполнѣ развернуть свою силу.

Но когда непріятельскіе пѣхотинцы отступили, и противъ евреевъ ринулся отрядъ воиновъ на быстроходныхъ дромадерахъ, то многіе испугались при видѣ этихъ большихъ и странныхъ животныхъ, о которыхъ они знали прежде только по слухамъ.

Съ громкимъ крикомъ ужаса они побросали свои щиты и побѣжали. Въ каждый образовавшійся такимъ образомъ промежутокъ въ ихъ рядахъ амаликитскіе всадники направляли своихъ дромадеровъ и съ ихъ высоты поражали своихъ противниковъ длинными острыми пиками. Пастухи, непривыкшіе къ подобному способу нападенія, думали теперь только о своемъ собственномъ спасеніи, и нѣкоторые изъ нихъ обратились въ бѣгство. Ими овладѣвалъ внезапный ужасъ, когда ихъ глаза встрѣчались съ пылающимъ взоромъ, или въ ихъ ушахъ раздавался крикъ амаликитянокъ, которыя тоже кинулись къ мѣсту сраженія, чтобы воспламенить мужество въ своихъ мужьяхъ и устрашить врага. Лѣвою рукою онѣ держались за кожаные ремни, свѣшивавшіеся съ сѣделъ, предоставляя горбатымъ животнымъ тащить ихъ съ собою. Казалось, злоба закалила слабое женское сердце каждой изъ нихъ противъ страха смерти, страданія и женской робости, и ужасные крики этихъ мегеръ уничтожили мужество многихъ наиболѣе смѣлыхъ евреевъ.

Но едва военачальникъ замѣтилъ, что его воины подались, онъ поспѣшилъ извлечь пользу изъ этого прискорбнаго обстоятельства. Іисусъ Навинъ приказалъ имъ отступить еще дальше и открыть для непріятеля входъ въ долину, въ томъ предположеніи, что онъ будетъ въ состояніи воспользоваться болѣе дѣйствительнымъ образомъ численнымъ

превосходствомъ своего войска, какъ скоро ему будетъ возможно стѣснить непріятеля съ фронта и съ двухъ сторонъ и привлечь пращниковъ и стрѣлковъ изъ лука къ участію въ битвѣ.

Эфраимъ и его мужественные товарищи, окружавшіе Іисуса Навина въ качествѣ ординарцевъ, были посланы на сѣверный конецъ долины, чтобы сообщить начальникамъ поставленныхъ тамъ отрядовъ о томъ, что онъ намѣревался сдѣлать, и передать имъ приказъ двинуться впередъ.

Быстроногіе пастухи, проворные, подобно газелямъ, поспѣшили туда,—и скоро оказалось, что военачальникъ разсчиталъ вѣрно: какъ только амаликитяне дошли до средины долины, они были атакованы со всѣхъ сторонъ, и многіе изъ нихъ, мужественно стремившіеся впередъ и размахивавшіе мечами и копьями, пали на песокъ, пораженные со скалъ круглыми камнями пращниковъ или острыми стрѣлами стрѣлковъ.

Между тѣмъ Моисей съ Аарономъ и Гуромъ оставался на скалѣ, командовавшей полемъ сраженія.

Оттуда онъ наблюдалъ за битвой, въ которой онъ, посѣдѣвшій въ дѣлахъ мира, участвовалъ только душою и сердцемъ.

Ни одно движеніе, ни одинъ подымавшійся или опускавшійся мечъ друга или врага не ускользали отъ его зоркихъ глазъ; но когда началось первое нападеніе и полководецъ, согласно своему хорошо задуманному плану, допустилъ врага въ самое сердце своего войска, то Гуръ, обращаясь къ Моисею, сказалъ:

— Однако высокій умъ моей жены, твоей сестры, въ самомъ дѣлѣ не ошибался: сынъ Нуна лишился призванія Всевышняго. Что это за командованіе! численный перевѣсъ на нашей сторонѣ, а между тѣмъ непріятель безпрепятственно врывается въ средину войска. Подобно морскимъ волнамъ, которымъ Господь повелѣлъ тогда отступить, подаются и наши отряды, и притомъ, кажется, по приказанію своего вождя.

— Чтобы поглотить амаликитянъ, какъ тогда волны поглотили египтянъ, отвѣтилъ Моисей.

Затѣмъ онъ поднялъ руки къ небу и вскричалъ:

— Посмотри, Іегова, внизъ, на твой народъ, находящійся въ новой опасности; укрѣпи руку и обостри взоръ того,

кого ты избралъ своимъ мечемъ! ниспошли ему помощь, которую ты обѣщалъ ему, назвавъ его, Іоссію, Іисусомъ! И если тебѣ неугодно болѣе, чтобы онъ, показавшій уже себя твердымъ и сильнымъ, управлялъ нашими воинами въ битвѣ, то стань самъ, съ небесными силами, во главѣ твоихъ людей, чтобы они истребили врага твоего народа!

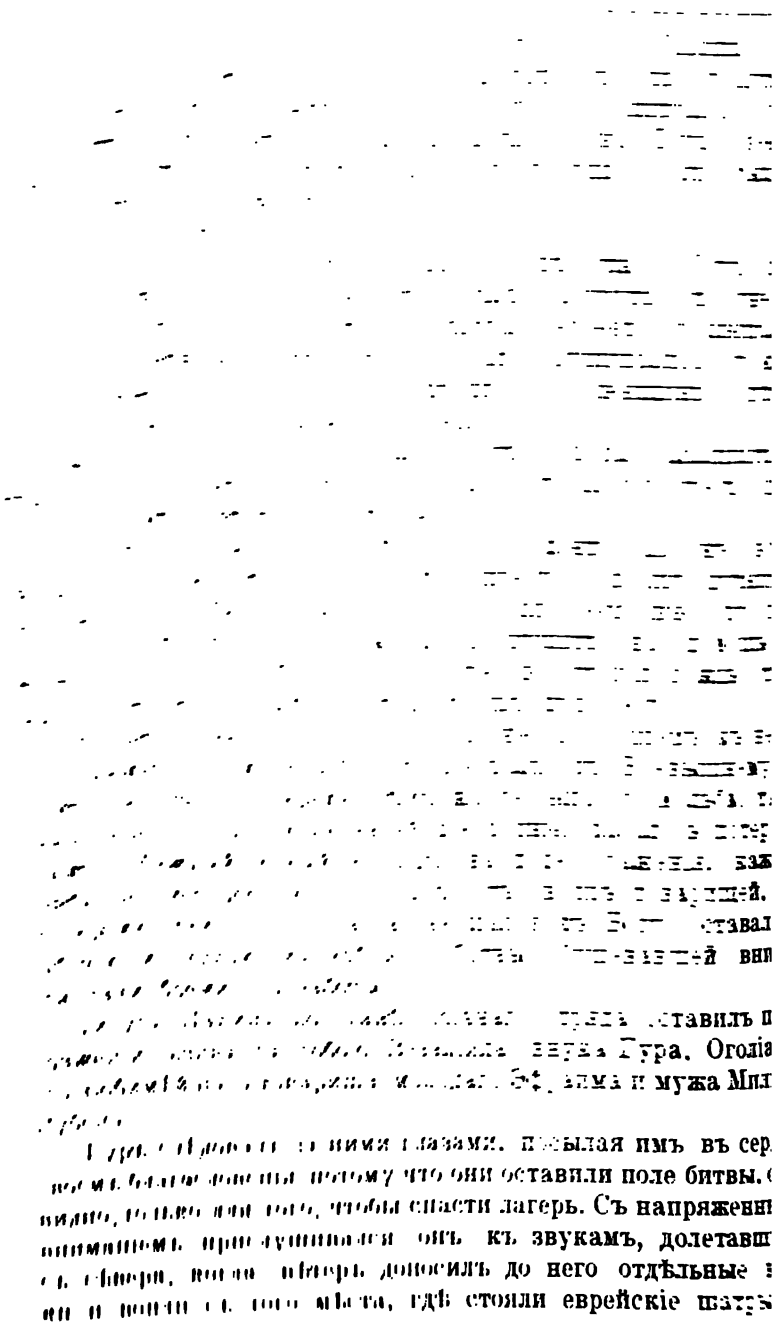
Такъ молился божій человѣкъ, воздѣвъ руки къ небу, и не переставалъ взывать къ Богу, чья воля управляла его волею; и скоро Ааронъ шепнулъ ему, что непріятель жестоко стѣсненъ, и мужество евреевъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Іисусъ Навинъ появлялся то здѣсь, то тамъ, и непріятельскіе ряды порѣдѣли, между тѣмъ какъ еврейскіе, повидимому, все растутъ. Гуръ подтвердилъ это и прибавилъ, что нельзя отказать сыну Нуна въ неутомимомъ рвеніи и геройскомъ презрѣніи къ смерти. Онъ только что повалилъ на землю самаго свирѣпаго изъ амаликитскихъ вождей своею боевою сѣкирой.

Тогда Моисей глубоко вздохнулъ, опустилъ руки и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ битвы, кипѣвшей внизу.

Между тѣмъ солнце достигло полуденной высоты и обдавало бойцовъ жгучимъ зноемъ. Сѣрыя гранитныя стѣны долины изливали потоки все болѣе и болѣе усиливавшагося жара, и по лбу трехъ человѣкъ, стоявшихъ на скалѣ, струились крупныя капли пота. Какъ этотъ полуденный зной долженъ былъ отягчать борьбу, какъ сильно должны были горѣть раны людей, лежавшихъ на пескѣ и истекавшихъ кровью!

Моисей чувствовалъ все это, точно онъ самъ лично принималъ участіе въ сраженіи; его непоколебимо твердая душа была богата состраданіемъ, и людей одной съ нимъ крови, для которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, о которыхъ думалъ и молился, онъ заключилъ въ своемъ сердцѣ, какъ отецъ своихъ дѣтей.

Раны своихъ причиняли ему боль; но сердце его билось гордою радостью, когда онъ видѣлъ, какъ люди, которыхъ трусливое непокорство еще недавно возбуждало въ немъ пламенный гнѣвъ, научились защищаться и нападать, какъ отряды юныхъ воиновъ одинъ за другимъ кидались на врага съ громкимъ крикомъ »Іегова — наше знамя!«



ый Нунъ храбро защищалъ лагерь противъ напав-
него отряда амаликитянъ; но когда онъ увидѣлъ,
ни, ввѣренныя его командованію Іисусомъ Навиномъ,
остояніи долго сопротивляться врагамъ, то послалъ
подкрѣпленія. Іисусъ Навинъ тотчасъ же поручилъ
шее управленіе войсками въ битвѣ второму вождю
Іуды, Наасону, а также Ури, сыну Гура, отличив-
мужествомъ и благоразуміемъ, и вмѣстѣ съ другими
ыми имъ людьми поспѣшилъ на помощь къ своему

не потерялъ ни одного мгновенія; однако же, когда
явился на мѣстѣ борьбы, дѣло уже было рѣшено.
каясь къ лагерю, онъ увидѣлъ, что амаликитяне
орвали ряды воиновъ его отца, отрѣзали его отъ
бросились въ лагерь.
жде всего военачальникъ выручилъ храбраго старца
съ враговъ; затѣмъ нужно было выгнать сыновъ
изъ палатокъ, причемъ произошла жаркая руко-
схватка. Самъ Іисусъ Навинъ не могъ быть вездѣ
жденъ былъ предоставить молодымъ воинамъ дѣй-
по своему усмотрѣнію въ каждомъ отдѣльномъ

цѣсь онъ поднялъ тотъ же военный кликъ: »Іегова—
амя!« и бросился въ начальническую ставку Гура.
непріятель овладѣлъ прежде всего и гдѣ кипѣла
е ожесточенная борьба. Передъ его появленіемъ уже
рупы покрывали землю, и бѣшеные амаликитяне дра-
е съ кучкой евреевъ, изнутри же палатки доноси-
кіе крики ужаса.
съ Навинъ стремительно кинулся туда, и его гла-
редставилось зрѣлище, которое ужаснуло даже этого
шимаго воина. На лѣвой сторонѣ обширнаго пола
евреи боролись съ амаликитянами, катаясь на окро-
ыхъ цыновкахъ, на правой — стояла Марьямъ и нѣ-
ея служанокъ, которымъ враги связали руки. Ама-
е намѣревались увести ихъ съ собою, какъ драгоцѣн-
бычу, но одна амаликитянка, бѣснуясь отъ злобы,
мести и ревности и желая предать еврейскихъ жен-
мерти посредствомъ огня, раздула уголья очага и
щью покрывала, сорваннаго ею съ головы Марьямъ,
ихъ до пылающаго жара.

Страшный шумъ наполнялъ палатку, когда въ нее бросился Іисусъ Навинъ. Здѣсь шумѣли боровшіеся люди, тамъ служанки пророчицы подымали громкій гвалтъ и, увидавъ приближающихся евреевъ, умоляли ихъ о помощи и спасеніи.

Марьямъ, мертвенно-блѣдная, стояла на колѣняхъ передъ тѣмъ самымъ амаликитскимъ военачальникомъ, жена котораго угрожала ей смертью. Точно на какой-то призракъ, поднявшійся изъ земли, смотрѣла она неподвижнымъ взоромъ на появившагося избавителя, и то, что теперь произошло, запечатлѣлось въ памяти пророчицы, какъ рядъ кровавыхъ, ужасныхъ, безсвязныхъ и при всемъ томъ—прекрасныхъ образовъ.

Амаликитскій вождь, связавшій ее, представлялъ собою геройскую фигуру, достойную удивленія. Этотъ темносмуглый горбоносый воинъ съ черною бородою и пылающими глазами похожъ былъ на орла его горъ. Скоро съ нимъ долженъ былъ помѣряться силами человѣкъ, дорогой сердцу Марьямъ въ прежнее время. Она часто уподобляла его льву, но никогда онъ не казался ей такъ похожимъ на царя пустыни, какъ въ эту минуту. Оба были страшны и сильны. Никто не могъ бы сказать напередъ — кто изъ нихъ падетъ, кто побѣдитъ; но ей пришлось смотрѣть на ихъ борьбу, и пылкій сынъ пустыни уже поднялъ воинскій кликъ и бросился на болѣе сдержаннаго еврея.

Каждому ребенку было извѣстно, что человѣкъ не можетъ остаться живымъ, если у него сердце остановилось на минуту; однако же Марьямъ сознавала, что ея сердце оставалось неподвижнымъ, точно оно оцѣпенѣло или превратилось въ камень, когда льву угрожала опасность погибнуть отъ орла, когда блеснулъ ножъ послѣдняго, и она увидѣла кровь, брызнувшую изъ плеча Іисуса Навина.

Но скоро ея оцѣпенѣвшее сердце снова задвигалось и начало биться сильнѣе, чѣмъ когда либо. Этотъ мужественный, какъ левъ, боецъ, котораго она только за минуту предъ тѣмъ ненавидѣла съ такою горькою злобой, превратился теперь снова, точно какимъ-то чудомъ, въ друга ея юности. Со звуками трубъ и кимваловъ любовь поднялась снова и съ торжествующимъ ликованіемъ входила въ ея недавно столь опустѣвшую, обнищавшую душу. Причина раздора между нимъ и Марьямъ была внезапно забыта, и никогда она не взывала къ Всевышнему съ болѣе пламенною мольбою, чѣмъ въ той короткой молитвѣ, которая вырвалась изъ ея сердца

въ эту минуту. И чѣмъ пламеннѣе была ея мольба, тѣмъ скорѣе она была услышана: орелъ палъ съ растянутыми крыльями, уступивъ львиной силѣ своего противника.

Тогда у Марьямъ потемнѣло въ глазахъ, и, точно во снѣ, она чувствовала только, какъ Эфраимъ разрѣзывалъ веревки, которыми были связаны ея ноги.

Вскорѣ затѣмъ къ ней вернулось полное сознаніе, и теперь она видѣла у своихъ ногъ окровавленное тѣло побѣжденнаго военачальника, а на другой сторонѣ шатра, на полу, убитыхъ и раненыхъ амаликитянъ и евреевъ, и между ними многихъ рабовъ своего мужа. Возлѣ павшихъ стояли, радуясь побѣдѣ, сильные воины ея народа, и среди нихъ — почтенная старческая фигура Нуна и Іисусъ Навинъ, которому отецъ перевязывалъ рану.

Она чувствовала, что сдѣлать это слѣдовало ей, а не кому либо другому, и ею овладѣли глубокій стыдъ и жгучая горесть при мысли, какъ виновата она передъ этимъ человѣкомъ.

Она, такъ глубоко оскорбившая его, не знала теперь, чѣмъ загладить этотъ проступокъ и какъ вознаградить его за то, чѣмъ она была ему обязана. Все ея сердце было переполнено желаніемъ услышать отъ него слова примиренія, и она на колѣняхъ подползла къ нему по окровавленному полу. Но краснорѣчивыя уста пророчицы были точно парализованы и не могли найти подходящаго слова. Наконецъ изъ ея стѣсненной груди вдругъ вырвался громкій умоляющій крикъ: — Іисусъ, о Іисусъ! Я тяжко согрѣшила передъ тобою и буду каяться въ этомъ всю мою жизнь; только не пренебрегай моею благодарностью! не отталкивай ея отъ себя и прости меня, если можешь!

Больше она не могла сказать ничего, но ея глаза наполнились горячими слезами, и онъ съ непреодолимою силою и вмѣстѣ такъ нѣжно, точно мать, подымающая упавшаго ребенка, поднялъ ее съ земли, и изъ его губъ послышались кроткія слова, обѣщавшія полное прощеніе. Пожатіе его правой руки тоже удостовѣряло ее, что онъ болѣе не чувствуетъ противъ нея гнѣва. Она держала еще его руку въ своей, когда услышала его увѣреніе, что слышать имя »Іисусъ« отъ нея ему пріятнѣе, чѣмъ отъ кого бы то ни было.

Наконецъ съ боевымъ кликомъ: »Іегова — наше знамя!« онъ оставилъ ее, и еще долго въ ея душѣ раздавались его

громкій голосъ и одушевленные привѣтственные крики его воиновъ.

Наконецъ все стихло вокругъ нея, и она сознавала только то, что никогда она не плакала такими горячими и горькими слезами, какъ въ этотъ часъ. И Богу, избравшему ее своею пророчицей, Марьямъ дала два торжественныхъ обѣта.

Между тѣмъ оба человѣка, которыхъ касались эти обѣты, находились среди шума битвы. Одинъ снова повелъ своихъ воиновъ изъ освобожденнаго лагеря противъ врага; другой вмѣстѣ съ вождемъ народа наблюдалъ со скалы за ходомъ сраженія.

Іисусъ Навинъ нашелъ своихъ въ очень затруднительномъ положеніи. Въ одномъ мѣстѣ они отступали передъ непріятелемъ, въ другомъ еще сопротивлялись нападенію сыновъ пустыни, но слабо; а Гуръ съ возрастающимъ и двойнымъ безпокойствомъ смотрѣлъ на битву, такъ какъ въ лагерѣ находились его жена и внуки, а среди битвы его сыну угрожала смертельная опасность.

Его родительское сердце болѣло, когда онъ видѣлъ, что Ури отступаетъ передъ врагомъ, и затѣмъ снова наполнялось радостью, когда его сынъ посредствомъ хорошо направленнаго нападенія поражалъ своихъ противниковъ. Въ такія минуты Гуру хотѣлось крикнуть ему слово похвалы.

Но чье ухо могло бы быть настолько чуткимъ, чтобы отличить голосъ отдѣльнаго человѣка среди бряцанія оружія, воинственныхъ криковъ, воплей женщинъ, стоновъ раненыхъ, отвратительнаго рева верблюдовъ, звука трубъ и роговъ тамъ внизу, въ пылу битвы?

Первый отрядъ амаликитянъ врѣзался уже, подобно клину, въ войско евреевъ до самыхъ заднихъ его рядовъ. Еслибы этому отряду удалось проложить путь для слѣдовавшихъ за нимъ воиновъ и соединиться съ тѣми, которые напали на лагерь, тогда битва была бы проиграна, и погибель еврейскаго народа рѣшена, потому что у южнаго входа въ долину стоялъ еще одинъ отрядъамаликитянъ, который еще не принималъ участія въ битвѣ и, повидимому, былъ предназначенъ для защиты оазиса противъ врага въ случаѣ крайности.

Затѣмъ послѣдовала новая неожиданность.

Амаликитяне пробились уже такъ далеко впередъ, что пращные камни и стрѣлы едва могли теперь долетать до нихъ. Чтобы пращники и стрѣлки изъ лука не оставались

праздными, ихъ слѣдовало призвать внизъ, на поле сраженія.

Гуръ давно уже хотѣлъ крикнуть сыну, чтобы онъ вспомнилъ о нихъ; но вотъ внезапно появилась фигура юноши, который съ легкостью горной козы приближался къ нимъ со стороны лагеря, взбираясь и прыгая съ утеса на утесъ.

Какъ только юноша добрался до первыхъ стрѣлковъ, онъ поговорилъ съ ними, сдѣлалъ слѣдующимъ знакъ, который они передали дальше, и наконецъ всѣ они спустились въ долину, затѣмъ опять поднялись немного на скалу съ западной ея стороны и внезапно исчезли, точно проглоченные каменными глыбами.

Юноша, за которымъ послѣдовали пращники и стрѣлки изъ лука, былъ Эфраимъ.

Черная тѣнь на каменной стѣнѣ утеса, гдѣ онъ исчезъ вмѣстѣ съ другими, вѣроятно, представляла собою входъ въ ущелье, чрезъ которое они должны были пройти, чтобы присоединиться къ воинамъ, послѣдовавшимъ за Іисусомъ Навиномъ, для освобожденія лагеря отъ врага.

Такъ думалъ не только Гуръ, но и Ааронъ, и первый снова началъ сомнѣваться въ призваніи Іисуса Навина, такъ какъ то, что могло послужить въ пользу для лагеря, ослабляло войско, предводительство которымъ было предоставлено сыну Гура и его товарищу Наассону.

Битва изъ-за лагеря продолжалась уже цѣлый часъ. Моисей не переставалъ молиться, поднявъ руки къ небу, когда амаликитянамъ удался ихъ сильный натискъ впередъ.

Вождь еврейскаго народа снова громко воззвалъ къ Всевышнему; но у него подгибались колѣни отъ утомленія, и ослабѣвшія руки его опустились. Только душа его сохранила свою силу полета, а сердце — желаніе не отступать отъ того, кто руководитъ битвами. Вождь не хотѣлъ оставаться праздным въ этой борьбѣ, и его оружіемъ была молитва.

Подобно ребенку, который не отстаетъ отъ своей матери, пока она не дастъ того, чего онъ безкорыстно выпрашиваетъ у нея для своихъ братьевъ и сестеръ, онъ не переставалъ молиться Всемогущему, который до тѣхъ поръ былъ, какъ отецъ, милостивъ къ нему и къ его народу и чудеснымъ образомъ спасалъ ихъ отъ опасности.

Но его тѣло было истощено. Онъ обратился къ своимъ товарищамъ, и они пододвинули ему камень, на который онъ

сколько минутъ спустя онъ снова поднялъ ихъ и увидѣлъ, что Эфраимъ съ пращниками и стрѣлками напалъ на отрядъ амаликитянъ, стоявшій у южнаго входа въ долину, между тѣмъ какъ Іисусъ Навинъ гналъ главную силу сыновъ пустыни къ ихъ отступавшимъ соплеменникамъ.

Военачальникъ слышалъ отъ плѣнныхъ объ ущельѣ, по которому люди, умѣющіе хорошо лазить по горамъ, могли дойти до тропинки въ лощинѣ, ведущей къ южному концу поля сраженія, — и по его приказанію Эфраимъ съ пращниками и стрѣлками напалъ на этой тропѣ въ тылъ на послѣдній способный къ сопротивленію отрядъ непріятелей.

Стѣсненные съ двухъ сторонъ, убавившись въ числѣ и лишась мужества, амаликитяне оставили битву, и теперь обнаружилось, какъ хорошо дѣти пустыни, выросшія въ этой горной странѣ, умѣютъ пользоваться своими ногами. По знаку своего вождя, они закололи дромадеровъ и разсѣялись въ разныя стороны, подобно перьямъ, разлетающимся отъ дуновенія вѣтра. На крутые горные склоны, которые казались недоступными для людей, они проворно взбирались посредствомъ рукъ и ногъ, подобно ящерицамъ; многіе другіе ушли черезъ ущелье, которое выдали Іисусу Навину плѣнные рабы.

XXVIII

Болѣе половины амаликитянъ пало, убитыми или ранеными, на полѣ битвы; Іисусу Навину было извѣстно также, что другія племена пустыни, присоединившіяся къ нимъ, согласно своему обычаю, оставили разбитыхъ товарищей и вернулись восвояси.

Однако же казалось вѣроятнымъ, что отчаяніе внушитъ бѣглецамъ мужество — не отдавать въ руки евреевъ своего оазиса безъ сопротивленія. Но бойцы еврейскаго вождя были слишкомъ изнурены для того, чтобы можно было немедленно вести ихъ далѣе. Самъ онъ былъ покрытъ множествомъ легкихъ ранъ, и усилія послѣднихъ дней чувствительно отзывались на его закаленномъ тѣлѣ. Къ тому же солнце, поднявшееся незадолго передъ началомъ битвы, теперь уже заходило, и — въ случаѣ необходимости вторгнуться въ оазисъ — было бы неблагоразумно сражаться въ темнотѣ. Ему и, въ особенности, его храбрымъ бойцамъ былъ необходимъ отдыхъ до утренней зари.

Іисусъ Навинъ видѣлъ вокругъ себя веселыя лица, сіявшія радостью побѣды, и когда онъ отпускалъ своихъ воиновъ въ лагерь торжествовать побѣду въ кругу близкихъ имъ людей, каждый отрядъ, проходившій мимо него медленно съ усталымъ видомъ, разражался такими бодрыми и звонкими кликами, какъ будто воины забыли свою усталость которая незадолго передъ тѣмъ склоняла ихъ головы и обременяла ихъ ноги.

»Да здравствуетъ Іисусъ!.. да здравствуетъ побѣдитель!« Эти крики эхо разносило еще по горамъ послѣ того, какъ послѣдніе отряды скрылись отъ его взоровъ. Но еще громче въ его душѣ раздавались слова, которыми благодарилъ его Моисей: — Ты велъ себя, какъ истинный мечъ Всевышняго, сильный и твердый. Покуда Богъ остается твоимъ помощникомъ, пока твое знамя — Іегова, мы не должны бояться никакого врага!.. Ему все еще казалось, что онъ чувствуетъ на лбу и темени поцѣлуй великаго человѣка божія, который передъ всѣмъ народомъ прижалъ его къ своей груди, и ему стоило немалаго труда успокоиться отъ волненія, возбужденнаго въ немъ концомъ этого дня, чреватаго послѣдствіями.

Сильное желаніе привести свои мысли въ порядокъ прежде чѣмъ онъ снова смѣшается съ ликующею толпой и увидитъ отца, который долженъ былъ принимать участіе во всемъ великомъ, что волновало его душу, — удерживало его на полѣ сраженія.

Оно сдѣлалось мѣстомъ ужаса, такъ какъ тѣ, которые не могли оставить его, лежали тамъ мертвыми или ранеными. Вороны, слѣдовавшіе за странниками, летали надъ трупами и уже осмѣливались спускаться на эту обильную пищу для ихъ пира. Запахъ крови привлекалъ хищныхъ звѣрей изъ ихъ горъ и каменистыхъ логовищъ, и ревъ и голодный лай слышались со всѣхъ сторонъ.

Когда затѣмъ послѣ сумерокъ наступила тьма, надъ почвой, наполненной кровью, замелькали свѣтильники. Они помогали рабамъ и тѣмъ, которые искали своихъ близкихъ различать друзей отъ враговъ, раненыхъ отъ убитыхъ. Громкіе жалобные стоны первыхъ смѣшивались съ карканьемъ воронъ и воемъ голодныхъ шакаловъ, гіенъ, лисицъ и пантеръ.

Но Іисусъ Навинъ былъ хорошо знакомъ съ ужасами поля сраженія и не пугался ихъ. Прислонившись къ скалѣ

онъ смотрѣлъ на восхожденіе тѣхъ самыхъ звѣздъ, которыя свѣтили ему въ лагерѣ передъ Танисомъ, когда онъ находился въ глубочайшемъ разладѣ съ самимъ собою въ виду предстоявшаго ему рѣшенія труднѣйшаго въ его жизни вопроса.

Съ тѣхъ поръ прошелъ только мѣсяцъ, но въ этотъ короткій промежутокъ времени совершился неслыханный переворотъ во всей его внутренней и внѣшней жизни.

То, что̀ въ ту ночь передъ шатромъ, гдѣ лежалъ въ лихорадкѣ Эфраимъ, казалось ему великимъ, славнымъ и достойнымъ напряженія всѣхъ силъ, то теперь лежало далеко позади его и представлялось ему суетнымъ и ничтожнымъ.

Онъ нѐ нуждался болѣе въ почестяхъ и званіяхъ, которыми могло осыпать его самовластіе прихотливаго, слабаго царя чужаго народа. Какое было ему дѣло теперь до благоустроеннаго и хорошо обученнаго войска, къ вождямъ котораго онъ причислялъ себя съ такою гордостью? Онъ едва вѣрилъ, что было время, когда высшею цѣлью его стремленій было — командовать все бо̀льшимъ числомъ тысячъ египтянъ, когда сердце его наполнялось радостью по поводу присужденія ему какого либо новаго титула или пышнаго знака отличія людьми, которыхъ онъ большею частью считалъ недостойными его уваженія.

Тогда отъ египтянъ онъ ожидалъ всего — и ничего не ожидалъ отъ евреевъ.

Еще въ ту ночь, передъ шатромъ, ему были противны его соплеменники, какъ жалкіе рабы, испорченные унизительною подневольною работой. Даже на знатнѣйшихъ изъ нихъ онъ смотрѣлъ надменно и свысока, такъ какъ они были пастухами и уже по этому самому были существами презрѣнными въ глазахъ египтянъ, чувства которыхъ раздѣлялъ и онъ.

Его отецъ былъ тоже стадовладѣлецъ, и если онъ его высоко цѣнилъ, то только потому, что не принималъ въ разсчетъ его званія, а также потому, что натура его достойнаго старца внушала уваженіе, что его пылкая бодрость вызывала любовь со стороны каждаго, и болѣе всѣхъ — со стороны его благороднаго сына.

Относительно его Іисусъ Навинъ никогда не стыдился признавать себя евреемъ, но въ кругу своихъ товарищей по службѣ онъ старался держать себя такъ, чтобы они забыли

объ его происхожденіи и считали его однимъ изъ своихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его прародительница Аснатъ, жена Іосифа, была египтянка, — и онъ гордился этимъ.

А теперь, сегодня? Онъ заставилъ бы почувствовать свое неудовольствіе каждаго, кто обозвалъ бы его египтяниномъ, и то, что̀ за мѣсяцъ передъ тѣмъ онъ отталкивалъ отъ себя и скрывалъ, то теперь, въ эту ночь новолунія, которая только что началась, сіяя звѣздами, заставляло его подымать голову съ радостною гордостью.

Какое высокое чувство — сознавать себя, съ основательнымъ самоуваженіемъ, тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ эту минуту! Жизнь и стремленія его въ то время, когда онъ былъ египетскимъ военачальникомъ, казались ему какъ бы продолжительнымъ обманомъ, бѣгствомъ отъ собственнаго знамени. Его чувство правды ликовало при сознаніи, что недостойному отрицанію и сокрытію своего происхожденія наступилъ конецъ.

Онъ съ веселіемъ чувствовалъ себя членомъ народа, который Всевышній предпочелъ всѣмъ другимъ; онъ радовался, что онъ принадлежитъ къ тому обществу, гдѣ даже самый ничтожный изъ людей, даже ребенокъ, молясь, воздѣваетъ руки къ Богу, котораго лучшіе умы между египтянами окружали тайною, такъ какъ они считали свой народъ слишкомъ слабымъ и тупоумнымъ для того, чтобы предстать предъ его могущественнымъ величіемъ и понимать его.

И этотъ единый, единственный Богъ, предъ которымъ весь пестрый сонмъ боговъ египетскихъ обращался въ ничто, избралъ его, сына Нуна, изъ тысячъ его соплеменниковъ передовымъ бойцомъ и защитникомъ своего избраннаго народа и далъ ему имя, которымъ обѣщалъ ему свою помощь.

Повиноваться своему Богу и подъ его защитою посвятить кровь и жизнь своему собственному народу — болѣе великой цѣли — думалъ онъ — еще никому не было поставлено. Его черные глаза горѣли и сіяли, когда онъ думалъ объ этомъ. Сердце ему казалось слишкомъ малымъ для того, чтобы вмѣстить въ себѣ всю любовь, которою онъ желалъ загладить передъ своими братьями то, въ чемъ онъ провинился предъ ними въ прежніе годы.

Возвышенная благородная женщина, обладать которою онъ надѣялся, принадлежала теперь другому; но это ни-

сколько не нарушило радостнаго волненія его души, потому что онъ пересталъ желать обладанія ею, хотя ея образъ по прежнему высоко стоялъ въ его душѣ. Теперь онъ думалъ о ней только со спокойною благодарностью, такъ какъ охотно признавалъ, что его новая жизнь началась съ той рѣшительной ночи, въ которую Марьямъ подала ему примѣръ пожертвованія Богу и народу всѣмъ, даже самымъ дорогимъ для сердца.

То, чѣмъ погрѣшила предъ нимъ пророчица, Іисусъ Навинъ охотно изгладилъ изъ своей памяти; онъ привыкъ забывать то, что онъ прощалъ. Теперь онъ чувствовалъ только величіе того, чѣмъ онъ былъ обязанъ ей. Она стояла между его новою и прежнею жизнью, подобно великолѣпному дереву, подымающемуся къ небу на границѣ двухъ враждебныхъ странъ. Любовь была похоронена въ могилѣ, но онъ и она никогда не могли перестать стремиться къ одной и той же цѣли, по одному и тому же пути.

Еще разъ онъ оглянулся на пройденное имъ пространство — и могъ сказать себѣ, что подъ его предводительствомъ несчастные подневольные работники въ короткое время превратились въ храбрыхъ бойцовъ. На полѣ битвы они были послушны уже по собственному побужденію и научились высоко носить голову послѣ побѣды. И съ каждымъ новымъ успѣхомъ должны были улучшаться ихъ качества. Уже сегодня ему казалось не только желательнымъ, но вполнѣ возможнымъ — предводительствуя ими, завоевать отечество, которое они полюбили бы и гдѣ среди свободы и благосостоянія они могли бы сдѣлаться дѣльными людьми, какими онъ желалъ ихъ видѣть.

Среди ужасовъ поля битвы, въ безлунную ночь, въ его сердце вливалась радость, свѣтлая, какъ день. Съ тихимъ восклицаніемъ: »Богъ и мой народъ!« и съ благодарнымъ взглядомъ вверхъ, въ звѣздную высоту, оставилъ онъ усѣянную трупами долину смерти, какъ тріумфаторъ, идущій по пальмовымъ вѣтвямъ и цвѣтамъ, которыми благодарный народъ усыпалъ путь для его торжественнаго шествія послѣ побѣды.

спасъ ее отъ врага, уже готовы были исполниться, и она чувствовала, что то былъ добрый часъ, когда они были даны ею.

Новое для нея пріятное чувство — сознавать себя женщиною, какъ всякая другая — сообщило всему ея существу кротость, которая ей была чужда до сихъ поръ, и эта кротость пріобрѣла для нея любовь мужа, всю цѣну котораго она узнала въ то горькое время, когда его сердце было замкнуто для нея.

Въ тотъ самый часъ, когда Гуръ и Іисусъ Навинъ заключили между собою союзъ братства, свидѣлась вновь и другая чета людей, разлученныхъ другъ съ другомъ священными обязанностями. Между тѣмъ какъ друзья еще пировали передъ палаткою Гура, явились три человѣка изъ народа, желавшіе говорить съ Нуномъ, своимъ господиномъ. Это были: старая вольноотпущенница, овдовѣвшая послѣ выхода евреевъ, въ Танисѣ, ея дочь Хогла и Ассеръ, женихъ послѣдней, съ которымъ дѣвушка разлучилась, чтобы заботиться о своихъ родителяхъ.

Старый Эліавъ, ея отецъ, вскорѣ умеръ, и затѣмъ мать и дочь съ невообразимыми трудностями отправились вслѣдъ за еврейскимъ народомъ, причемъ послѣдняя ѣхала на ослѣ покойнаго старика.

Нунъ принялъ этихъ вѣрныхъ людей съ радостью и отдалъ Хоглу въ жены Ассеру.

Такимъ образомъ этотъ кровавый день принесъ счастіе многимъ; однако же ему было суждено окончиться неурядицей.

Пока горѣли костры, въ лагерѣ было шумно, и во все время странствованія не проходило ни одного вечера безъ какой нибудь ссоры и кровавой рукопашной схватки. Часто наносились раны и смертельные удары, когда оскорбленный прибѣгалъ къ мести врагу, когда безчестный покушался завладѣть чужою собственностью или отрицалъ обязательства, которыя поклялся исполнить.

Въ подобныхъ случаяхъ было трудно водворить спокойствіе и привлечь преступника къ отвѣту, потому что непокорные отказывались признавать судьею кого бы то ни было. Кто чувствовалъ себя обиженнымъ, тотъ сговаривался съ другими и старался добиться удовлетворенія посредствомъ грубой силы.

Въ этотъ торжественный вечеръ Гуръ и его гости сл
шали сначала просто шумъ, къ которому всѣ привыкли. В
когда въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, вмѣстѣ съ по
нявшимся неистовымъ ревомъ толпы, показался яркій свѣт
факеловъ, то вожди стали опасаться за безопасность ла
геря. Они встали, чтобы положить конецъ этому безпо
рядку, и скоро сдѣлались свидѣтелями зрѣлища, которое
однихъ привело въ гнѣвъ и ужасъ, а другихъ наполнило
горестью.

Радость побѣды опьянила толпу. Она горѣла нетерпѣ-
ніемъ выразить благодарность божеству, и толпа финикіанъ,
находившихся въ числѣ чужеземцевъ, въ живомъ воспоми-
наніи о жестокихъ религіозныхъ обрядахъ своей родины,
зажгли большой костеръ въ честь своего Молоха и собира-
лась уже бросить въ пламя нѣсколькихъ плѣнныхъ амалики-
тянъ, какъ самую пріятную этому богу жертву.

Очень близко отъ того же мѣста израильтяне поставили
на высокомъ деревянномъ столбѣ глиняное изображеніе еги-
петскаго бога Сета, которое одинъ изъ его еврейскихъ по
клонниковъ взялъ съ собою при выходѣ изъ Египта въ видѣ
защиты для себя и для своего семейства.

Многія сотни евреевъ плясали вокругъ этого изображе
нія съ пѣніемъ и ликованіемъ. Ихъ усердіе не могло бы
быть искреннѣе, полетъ ихъ душъ не могъ бы подняться
выше, еслибы они собрались здѣсь, чтобы воздать достойно
благодареніе Богу своихъ отцовъ.

Ааронъ, по возвращеніи въ лагерь, тотчасъ же собралъ
народъ для хвалебныхъ гимновъ и благодарственныхъ мо
литвъ; но во многихъ потребность, по старой привычкѣ, ви
дѣть изображеніе бога, къ которому они желали вознестись
душою, была такъ сильна, что при одномъ взглядѣ на гли
нянаго идола они пали на колѣни и отвратились отъ истин
наго Бога.

При видѣ служителей Молоха, уже связавшихъ обре
ченныхъ на жертву амаликитянъ, чтобы бросить ихъ въ
огонь, Іисусъ Навинъ разгнѣвался и, встрѣтивъ сопротив
леніе этихъ ослѣпленныхъ людей, приказалъ трубить въ
трубы и съ помощью своихъ юныхъ воиновъ, которые слѣпо
ему повиновались и вовсе не были расположены къ чуже
земцамъ, прогналъ ихъ въ лагерь безъ пролитія крови.

Настойчивыя увѣщанія стараго Нуна, Гура и Наассона

отклонили отъ грѣха евреевъ, которыхъ неблагодарность къ истинному Богу дѣлала вдвойнѣ достойными наказанія. Однако же многимъ изъ нихъ тяжело было примириться съ тѣмъ, что пылкій старикъ разбилъ дорогое для нихъ изображеніе божества, и еслибы не его бѣлыя, какъ снѣгъ, сѣдины и не уваженіе къ его сыну и внуку — многіе подняли бы на него руку.

Какъ послѣ каждой опасности, которую милость Всевышняго приводила къ хорошему концу, Моисей удалился въ уединеніе, а у Марьямъ появились слезы на глазахъ при мысли о той горести, которую должна была причинить ея великому брату вѣсть о такомъ отпаденіи народа отъ истиннаго Бога и о такой тяжкой неблагодарности.

Веселая увѣренность Іисуса Навина тоже омрачилась. Онъ безъ сна лежалъ на цыновкѣ въ шатрѣ своего отца и мысленно оглядывался на случившееся.

Его воинственную душу возвышала мысль о единой всемогущей, никогда не ошибающей, силѣ, которая управляетъ всѣмъ, въ томъ числѣ и жизнью людей, и отъ всѣхъ созданій неумолимо требуетъ послушанія. Что все зависитъ отъ единаго, безконечно великаго и могущественнаго существа и по мановенію его возникаетъ, приходитъ въ порядокъ или останавливается, въ этомъ убѣждалъ его каждый взглядъ на природу. Для него, вождя небольшаго войска, его Богъ былъ верховнѣйшимъ и прозорливѣйшимъ изъ всѣхъ вождей, единственнымъ, для котораго побѣда всегда была несомнѣнна.

Какое преступленіе — оскорбить такого властителя и за его благодѣянія отплатить отпаденіемъ!

И однако же народъ передъ его глазами совершилъ этотъ неслыханный грѣхъ, и теперь, когда онъ припоминалъ предыдущія обстоятельства, заставившія его вмѣшаться въ дѣло, въ его душѣ поднялся вопросъ: какимъ образомъ можно оградить этотъ народъ отъ гнѣва Всевышняго, какъ открыть глаза тупоумной толпѣ, чтобы она поняла его чудное, расширяющее умъ и сердце, величіе.

Но онъ не находилъ никакого отвѣта и не видѣлъ никакого средства, когда вспоминалъ о господствовавшемъ въ лагерѣ духѣ неповиновенія и своеволія, который угрожалъ его народу погибелью.

Своихъ воиновъ ему удалось привести къ послушанію;

какъ только труба созывала ихъ, и онъ самъ становился во главѣ вооруженныхъ бойцовъ, они подчиняли его волѣ свою собственную упрямую волю. Неужели нѣтъ никакого средства и во время мирной будничной жизни удерживать ихъ въ границахъ, которыя въ Египтѣ обезпечиваютъ существованіе даже самыхъ слабыхъ и незначительныхъ людей и защищаютъ ихъ отъ нападенія со стороны своевольныхъ и болѣе сильныхъ?

Подобныя размышленія не давали ему заснуть до утра; и когда звѣзды зашли, онъ вскочилъ, приказалъ трубить въ трубы, — и новосформированные отряды собрались теперь, какъ и вчера, безъ прекословія и въ полномъ числѣ.

Во главѣ ихъ онъ пошелъ черезъ узкую горную долину. Пройдя цѣлый часъ среди темноты, воины почувствовали освѣжительную прохладу, которая обыкновенно предшествуетъ утру.

Затѣмъ на востокѣ забрезжилъ утренній свѣтъ, небо начало свѣтлѣть, и среди яркаго великолѣпія румяной утренней зари торжественно возстала передъ взорами путниковъ гигантская величественная масса священной горы.

Близко и осязательно-явственно выдавалась она впередъ со своими бурыми скалами, утесами и разсѣлинами, и вокругъ ея семизубчатой короны летала пара орловъ, широкія крылья которыхъ свѣтъ молодаго дня обдавалъ мерцающимъ золотымъ блескомъ.

Благочестивый трепетъ заставилъ странствующую толпу замолчать, какъ предъ Алусомъ, и каждый, отъ перваго до послѣдняго, съ безмолвнымъ благоговѣніемъ поднялъ руки для молитвы.

Затѣмъ воины бодро пошли дальше, и одинъ весело перекликался съ другимъ, когда имъ на встрѣчу летѣли съ громкимъ щебетаніемъ темныя птички, предвозвѣщавшія близость проточной воды.

Это радовало сердце; къ тому же величественный видъ горы Синая *), вершина которой, касающаяся неба, была

*) Нынѣшній Сербалъ, а не Синай монаховъ, который, по нашему мнѣнію, объявленъ былъ горою закона только впослѣдствіи, именно уже во времена Юстиніана. Подробное изложеніе основаній нашего мнѣнія, что Синай священнаго писанія есть нынѣшній Сербалъ, высказаннаго до насъ Вансіусомъ и раздѣляемаго съ нами и другими, находится въ нашемъ сочиненіи: „Чрезъ Гозенъ къ Синаю; изъ путевой книги и библіотеки“. II изд. Лейпцигъ, 1882 г., Вильг. Энгельмана. *Прим. авт.*

теперь окутана голубоватымъ туманомъ, наполнялъ души людей, выросшихъ на плоскихъ равнинахъ Гозена, благоговѣйнымъ удивленіемъ.

Теперь они осторожно подвигались впередъ, такъ какъ было вѣроятно, что остатокъ разбитыхъ амаликитскихъ войскъ скрывается въ какой нибудь засадѣ.

Но никакого врага не было ни видно, ни слышно, и единственными слѣдами жажды мести сыновъ пустыни были попадавшіеся евреямъ разрушенные дома, срубленныя великолѣпныя пальмы въ долинѣ и опустошенные сады.

Поэтому пришлось убирать прочь съ дороги стройные стволы этихъ деревьевъ съ ихъ коронами, чтобы они не мѣшали народу идти впередъ, и когда эта работа была окончена, Іисусъ Навинъ черезъ одно каменистое ущелье, спускавшееся въ долину къ ручью, выбрался на первый уступъ горы, чтобы вблизи и вдали видѣть непріятеля, въ случаѣ его приближенія.

Онъ шелъ возлѣ красныхъ гранитныхъ массъ, испещренныхъ зеленоватыми жилами діорита, по крутой тропинкѣ, пока не достигъ ровной площадки, высоко подымавшейся надъ оазисомъ, на которой вмѣстѣ съ свѣтлымъ источникомъ зеленые кустарники и горные цвѣты украшали голую пустыню.

Здѣсь онъ остановился, чтобы отдохнуть, и, обозрѣвая окрестность, увидѣлъ въ тѣни нависшей скалы высокую человѣческую фигуру.

Это былъ Моисей.

Полетъ его мыслей увлекъ его такъ далеко отъ настоящаго и всего, что̀ его окружало, что онъ не замѣтилъ приближенія Іисуса Навина; а этого послѣдняго удерживала вдали почтительная боязнь помѣшать божьему человѣку въ его размышленіяхъ.

Онъ терпѣливо ждалъ; наконецъ Моисей поднялъ голову и привѣтствовалъ его съ ласковымъ достоинствомъ.

Оба они вмѣстѣ стали обозрѣвать оазисъ и пустынныя каменистыя долины горной страны, разстилавшейся у ихъ ногъ. Они видѣли также маленькій кусокъ тростниковаго моря, омывавшаго западный склонъ горы и мерцавшаго своимъ изумрудно-зеленымъ цвѣтомъ.

При этомъ они говорили о народѣ и о величіи Бога, который привелъ ихъ сюда такимъ чудеснымъ образомъ.

утреннимъ вѣтромъ. Съ тревожнымъ изумленіемъ смотрѣлъ Іисусъ Навинъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ призракъ, — и, удивленный и обезпокоенный собственнымъ страннымъ выборомъ, относительно котораго онъ однако же чувствовалъ, что не ошибся, онъ спросилъ дѣвочку: какое значеніе имѣетъ ея подарокъ для него и для народа.

Тогда она кивнула ему, указала вдаль и промолвила три слова, нѣжное благозвучіе которыхъ глубоко проникло въ его сердце. Но какъ ни старался онъ уловить ихъ смыслъ, ему это не удавалось, и когда онъ сталъ просить ребенка объяснить ему эти слова, — онъ проснулся отъ звука своего собственнаго голоса и, разочарованный и задумчивый, вернулся въ лагерь.

Впослѣдствіи онъ часто пытался припомнить эти слова, но каждый разъ напрасно. Вся великая сила его любви и его души была навсегда и неизмѣнно посвящена народу; а его племянникъ Эфраимъ, сдѣлавшись могущественнымъ вождемъ своего колѣна и заслуживая то уваженіе, которымъ онъ пользовался, основалъ свой собственный домъ. Въ этомъ домѣ старый Нунъ видѣлъ подроставшихъ правнуковъ, которые обѣщали его благородному племени продолжительное существованіе.

Дальнѣйшая богатая дѣяніями жизнь Іисуса Навина исторія завоеванія имъ новаго отечества для своего народа извѣстны каждому.

Тамъ, въ обѣтованной землѣ, много столѣтій спустя, родился въ Виѳлеемѣ другой Іисусъ, который всему человѣчеству даровалъ то, чего сынъ Нуна тщетно искалъ для еврейскаго народа.

Три слова, произнесенныя устами ребенка, которыя не могъ понять Іисусъ Навинъ, еврейскій военачальникъ, были: »Любовь, милость, искупленіе!«

05a-32995?

AP
50
.T85
v.7
no.15

ПАЧКА ПИСЕМЪ

Психологическій этюдъ

Онъ только что развернулъ новую книжку журнала, когда въ кабинетъ вошла горничная и подала ему большое, довольно тяжеловѣсное письмо.

— Что это? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, принимая пакетъ.

— Сейчасъ принесъ почтальонъ, отвѣтила горничная.

»Отъ кого это?« подумалъ онъ, но, взглянувъ на почеркъ, которымъ былъ написанъ адресъ, сразу понялъ — отъ кого письмо, и невольно измѣнился въ лицѣ, а сердце его другъ забилось учащенно и сильно.

Онъ спѣшно разорвалъ конвертъ, и въ его рукѣ очутилась пачка писемъ, изъ которыхъ одно выпало и свалилось на мягкій коверъ, покрывавшій полъ всего кабинета. Горничная нагнулась, чтобы поднять.

— Спасибо... вамъ что же, Маша? сказалъ онъ, принимая письмо изъ рукъ дѣвушки.

— Развѣ ничего не дадите почтальону? спросила она.

— Ахъ, да!

Озадаченный полученіемъ письма, онъ забылъ дать мелочь на чай почтальону, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Поспѣшно доставъ изъ кармана первую попавшуюся серебряную монету, онъ сунулъ ее горничной, и та вышла изъ кабинета, шурша туго-накрахмаленными юбками и слегка скрыпя новыми башмаками.

смотрѣвъ къ сѣверу, они увидѣли необозримо длинный
дъ путниковъ, которые, слѣдуя изгибамъ горной долины,
дленно направлялись къ оазису.

Тогда Іисусъ Навинъ открылъ божьему человѣку свое
ердце и сообщилъ ему, какіе вопросы онъ задавалъ себѣ
ъ эту безсонную ночь, на которые не нашелъ отвѣта.
Моисей слушалъ его спокойно и затѣмъ, запинающимся
олосомъ и отрывистыми фразами, отвѣтилъ:

— Своеволіе въ лагерѣ — да, конечно, оно портитъ мнѣ
мой народъ! Но намъ въ руки Господь далъ силу разбить
это неповиновеніе въ куски. Горе тому, кто будетъ ей про-
тивиться! И они почувствуютъ эту силу, высокую, какъ эта
гора, и непоколебимую, какъ ея твердый камень!

Сказавъ эти гнѣвныя слова, Моисей замолчалъ. Оба они
нѣкоторое время безмолвно смотрѣли въ даль; затѣмъ Іисусъ
Навинъ спросилъ:

— Какъ называется эта сила?

— Законъ! твердо и громко отвѣчалъ божій человѣкъ
и своимъ жезломъ указалъ при этомъ на вершину горы.

Затѣмъ онъ кивнулъ своему собесѣднику и оставилъ его,
а Іисусъ Навинъ продолжалъ обозрѣвать окрестность и за-
мѣтилъ на желтыхъ подошвахъ долинъ темныя тѣни, дви-
гавшіяся туда и сюда.

Это были остатки разбитыхъ амаликитянъ, искавшіе
новаго мѣста жительства.

Нѣсколько времени онъ еще наблюдалъ за ними и, убѣ-
дясь, что они удаляются отъ оазиса, въ задумчивости сталъ
спускаться въ долину.

»Законъ!« повторялъ онъ себѣ снова и снова.

Да, именно этого недоставало переселенцамъ! Пусть
строгости закона будетъ предоставлено преобразить эти орды,
убѣжавшія отъ рабства, въ народъ, достойный Бога, кото-
рый оказалъ ему предпочтеніе предъ всѣми другими наро-
дами земли.

Здѣсь размышленія военачальника были прерваны. Че-
ловѣческіе голоса, ревъ и блеяніе стадъ, лай собакъ и твер-
дые удары молотка донеслись до него съ оазиса.

Тамъ евреи ставили палатки; это было мирное дѣло, при
которомъ никто не нуждался въ немъ.

Іисусъ Навинъ легъ въ тѣни густаго куста тамариска,
надъ которымъ гордо подымалась высокая корона пальмы,

и съ наслажденіемъ далъ отдыхъ своему усталому тѣлу, сознавая, что теперь народъ обезпеченъ: во время войны о немъ будетъ заботиться его мечъ, а во время мира — законъ. Этого было довольно, это укрѣпляло надежду... Но нѣтъ, нѣтъ, это было не все, это не могло быть послѣднимъ словомъ! Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ глубже чувствовалъ, что этого недовольно для людей, находящихся тамъ, внизу, которыхъ онъ, какъ братьевъ и сестеръ, заключилъ въ своемъ сердцѣ. Его высокое чело омрачилось снова, и, встревоженный новымъ сомнѣніемъ, онъ покачалъ головою.

Нѣтъ, и опять нѣтъ! Тѣмъ, которые сдѣлались для него столь дорогими, законъ не могъ дать всего, чего онъ желалъ для нихъ. Было необходимо еще что-то другое, для того чтобы сдѣлать ихъ будущность такою достойною и прекрасною, какою онъ видѣлъ ее своими внутренними очами еще на своемъ пути къ рудникамъ.

Но что это было, какъ называлось это другое?

И его мозгъ началъ усиленно работать, чтобы найти это слово; и тѣмъ временемъ, какъ онъ съ закрытыми вѣками позволялъ своимъ мыслямъ перебѣгать также и къ другимъ народамъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на войнѣ и въ мирѣ, чтобы при сравненіи съ ними своего народа отыскать то, чего не доставало послѣднему, — имъ овладѣлъ сонъ. И во снѣ онъ увидѣлъ Марьямъ и прелестный образъ дѣвочки, похожей на Казану того времени, когда она, чистое невинное дитя, такъ часто бѣжала къ нему на встрѣчу, а за нею слѣдовалъ бѣлый ягненокъ, котораго его отецъ много лѣтъ тому назадъ подарилъ своей любимицѣ.

Каждый изъ этихъ образовъ подавалъ ему подарокъ и требовалъ, чтобы онъ выбралъ тотъ или другой изъ этихъ двухъ даровъ.

Въ рукахъ Марьямъ была тяжелая золотая скрижаль, наверху которой стояло начертанное пылающими буквами заглавіе: »Законъ«, и которую она предлагала ему съ мрачною серьезностью. Дѣвочка подавала ему одну изъ тѣхъ прекрасно округленныхъ пальмовыхъ вѣтвей, которыми онъ часто махалъ въ качествѣ вѣстника мира.

Видъ скрижали наполнилъ его благоговѣйнымъ трепетомъ, а пальмовая вѣтвь ласково манила его, — и онъ быстро схватилъ ее. Но едва онъ взялъ ее въ руку, образъ пророчицы растаялъ въ воздухѣ, подобно туману, разсѣянному

утреннимъ вѣтромъ. Съ тревожнымъ изумленіемъ смотрѣлъ Іисусъ Навинъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ призракъ, — и, удивленный и обезпокоенный собственнымъ страннымъ выборомъ, относительно котораго онъ однако же чувствовалъ, что не ошибся, онъ спросилъ дѣвочку: какое значеніе имѣетъ ея подарокъ для него и для народа.

Тогда она кивнула ему, указала вдаль и промолвила три слова, нѣжное благозвучіе которыхъ глубоко проникло въ его сердце. Но какъ ни старался онъ уловить ихъ смыслъ, ему это не удавалось, и когда онъ сталъ просить ребенка объяснить ему эти слова, — онъ проснулся отъ звука своего собственнаго голоса и, разочарованный и задумчивый, вернулся въ лагерь.

Впослѣдствіи онъ часто пытался припомнить эти слова, но каждый разъ напрасно. Вся великая сила его любви и его души была навсегда и неизмѣнно посвящена народу; а его племянникъ Эфраимъ, сдѣлавшись могущественнымъ вождемъ своего колѣна и заслуживая то уваженіе, которымъ онъ пользовался, основалъ свой собственный домъ. Въ этомъ домѣ старый Нунъ видѣлъ подроставшихъ правнуковъ, которые обѣщали его благородному племени продолжительное существованіе.

Дальнѣйшая богатая дѣяніями жизнь Іисуса Навина и исторія завоеванія имъ новаго отечества для своего народа извѣстны каждому.

Тамъ, въ обѣтованной землѣ, много столѣтій спустя, родился въ Виѳлеемѣ другой Іисусъ, который всему человѣчеству даровалъ то, чего сынъ Нуна тщетно искалъ для еврейскаго народа.

Три слова, произнесенныя устами ребенка, которыхъ не могъ понять Іисусъ Навинъ, еврейскій военачальникъ, были: »Любовь, милость, искупленіе!«

105a-32945
AP
50
.T85
v.7
no.15

ПАЧКА ПИСЕМЪ

Психологическій этюдъ

Онъ только что развернулъ новую книжку журнала, когда въ кабинетъ вошла горничная и подала ему большое, довольно тяжеловѣсное письмо.

— Что̀ это? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, принимая пакетъ.

— Сейчасъ принесъ почтальонъ, отвѣтила горничная.

»Отъ кого это?« подумалъ онъ, но, взглянувъ на почеркъ, которымъ былъ написанъ адресъ, сразу понялъ — отъ кого письмо, и невольно измѣнился въ лицѣ, а сердце его вдругъ забилось учащенно и сильно.

Онъ спѣшно разорвалъ конвертъ, и въ его рукѣ очутилась пачка писемъ, изъ которыхъ одно выпало и свалилось на мягкій коверъ, покрывавшій полъ всего кабинета. Горничная нагнулась, чтобы поднять.

— Спасибо... вамъ что̀ же, Маша? сказалъ онъ, принимая письмо изъ рукъ дѣвушки.

— Развѣ ничего не дадите почтальону? спросила она.

— Ахъ, да!

Озадаченный полученіемъ письма, онъ забылъ дать мелочь на чай почтальону, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Поспѣшно доставъ изъ кармана первую попавшуюся серебряную монету, онъ сунулъ ее горничной, и та вышла изъ кабинета, шурша туго-накрахмаленными юбками и слегка скрыпя новыми башмаками.

Нѣсколько мгновеній онъ продолжалъ держать пачку писемъ въ рукѣ, точно не зналъ, куда ихъ дѣвать и что съ ними дѣлать; потомъ положилъ ихъ на столъ и устремилъ на нихъ задумчивый взоръ. Рой думъ и мыслей пронесся съ быстротой молніи какимъ-то вихремъ въ его мозгу. Ничего не было опредѣленнаго, яснаго... все и ничего... Какъ бы раздался какой-то одинъ бѣшеный акордъ, которымъ ничего нельзя разсказать, но который даетъ возможность все почувствовать, все пережить въ одно мгновеніе. Словно передъ нимъ промелькнулъ складень видовъ, или будто передъ глазами невидимая сила съ невыразимой быстротой одинъ за другимъ перевернула листы книги. Ничего нельзя было прочесть, но мелькнули знакомыя страницы, главы, слова. Они напомнили все, раньше прочитанное, — и оно наполнило всю душу, весь мозгъ, отразилось въ немъ безпорядочнымъ вихремъ мыслей, воспоминаній, — обрывковъ мыслей, воспоминаній; оно не возстановило прошлаго, прочитаннаго, а только сообщило ощущенія, какія переживались прежде.

Онъ, можетъ быть, еще долго бы смотрѣлъ на письма, еслибы вдругъ у него не мелькнула мысль: »не пишетъ ли она чего нибудь? нѣтъ ли объясненія?« И онъ торопливо началъ перебирать свои письма, ища листка со знакомымъ мелкимъ красивымъ почеркомъ. Но ничего не было.

Онъ горько улыбнулся.

»Все кончено... безъ всякихъ поясненій... она возвращаетъ письма, которыя для нея потеряли цѣну, какъ потерялъ всякое значеніе онъ самъ«.

И вдругъ ему вспомнилась фраза изъ ея послѣдняго письма: »я не возвращаю вамъ писемъ, но не подумайте, что я ими дорожу... я оставляю ихъ на память, въ урокъ для себя: пусть они говорятъ, какъ легко ложь принять за правду, какъ легко ошибиться въ человѣкѣ! Впрочемъ, когда нибудь я ихъ вамъ верну«.

Когда нибудь! И вотъ это время настало... Они не нужны

ей болѣе, какъ урокъ... Что же: достаточно ли она окрѣпла, или... или нашла настоящую правду, нашла такого сильнаго человѣка, который говоритъ только то, что можетъ сдѣлать, и никогда не ошибается?.. Да, вѣроятно, послѣднее...

Онъ вспомнилъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ одинъ изъ пріятелей писалъ ему: »Лидія Викторовна Зубова, говорятъ, выходитъ замужъ за адъютанта Горскаго...« Да, да, нашла!.. ну что же: и слава Богу! Вѣдь не въ монастырь же идти ей изъ-за того, что...« Горскій... Горскій... что-то знакомая фамилія...

Онъ началъ припоминать, но въ эту минуту послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ. Онъ быстро сунулъ пачку писемъ въ ящикъ стола и повернулъ голову по направленію къ двери.

Въ кабинетъ вошла жена. Это была высокая блондинка, съ нѣжнымъ, бѣлымъ, неправильнымъ, но миловиднымъ лицомъ и ясными сѣрыми глазами. На вискахъ и затылкѣ тонкіе волосы образовали колечки; пухленькій небольшой носъ и розовыя губы завершали ея портретъ. Она была одѣта въ сѣрое платье; этотъ цвѣтъ очень шелъ къ ея свѣжему чистому лицу. На головѣ была надѣта такого же цвѣта небольшая шляпа-капотъ, позволявшая видѣть красивый высокій лобъ; короткая вуаль закрывала полъ-лица.

— Куда это ты? произнесъ онъ нѣсколько смущенно, хотя хорошо зналъ, что жена не подозрѣваетъ о томъ, что онъ получилъ сейчасъ.

— Я къ портнихѣ, Боря... милый, у меня не хватаетъ...

— Тебѣ денегъ, да? обрадовался мужъ.

— Да, милый... немного... я, видишь...

— Ахъ полно, Соня, что за оправданія! Онъ досталъ бумажникъ, вынулъ двадцатипятирублевку и подалъ ее женѣ. — Не мало?

— Совсѣмъ довольно, голубчикъ! Она нагнулась и поцѣловала мужа въ лобъ. — Я скоро, Боря! Впрочемъ, Маша подастъ тебѣ кофе безъ меня. До свиданья!

И она удалилась плавно, нѣсколько медленною походкой, которая такъ шла къ ея росту и полной представительной фигурѣ.

Онъ походилъ на школьника, который спряталъ запрещенную книгу при входѣ воспитателя и сейчасъ же послѣ того, какъ тотъ удалился, снова спѣшитъ взять ее. Именно эта мысль мелькнула невольно въ головѣ Бориса Львовича, когда онъ, по уходѣ жены, снова досталъ изъ ящика пачку писемъ. Ему вдругъ захотѣлось перечитать ихъ, припомнить детально все минувшее, которое отошло такъ далеко, чуть не совсѣмъ было забыто, перестало тревожить, но когда-то дало такъ много волненій, заставило такъ много пережить и перечувствовать. Ни прежняго волненія, ни старой острой боли Борисъ Львовичъ теперь уже не ощущалъ; но его охватила какая-то сладкая тихая грусть, ему сдѣлалось какъ будто чего-то жаль, и въ то же время онъ ясно чувствовалъ душевное довольство отъ того, что все то, воспоминаніе о чемъ породило теперь въ душѣ меланхолическую грусть, совсѣмъ и навсегда прошло. Нѣчто подобное онъ ощутилъ недавно, когда пріятель сообщилъ ему, что Зубова выходитъ замужъ за Горскаго. Ему и тогда стало немного грустно, чего-то жаль — и онъ, задумавшись, просидѣлъ нѣсколько времени съ письмомъ въ рукахъ; но потомъ, войдя въ гостинную, гдѣ сидѣла жена, онъ опять ощутилъ въ душѣ пріятное довольство. Взглянувъ на веселое, счастливое лицо жены, онъ подумалъ невольно: »*тогда бы* оно не было такимъ«; хорошо сдѣлалось у него на сердцѣ, и онъ съ особенною нѣжностью поцѣловалъ руку жены.

Письма лежали на столѣ передъ Борисомъ Львовичемъ и влекли его мысль, думы въ минувшее. Отдавшись воспоминаніямъ, которыя нестройно проносились въ памяти, онъ какъ-то машинально взялъ самое верхнее письмо и началъ читать. Оно было недлинно и очень сдержанно. »Многоуважаемая Лидія Викторовна!« — такъ начиналось это письмо.

Затѣмъ онъ писалъ о томъ, что съ удовольствіемъ исполнитъ ея просьбу и достанетъ книгу — повѣсти какого-то неособенно извѣстнаго беллетриста. Письмо оканчивалось слѣдующими строками: »надѣюсь, многоуважаемая Лидія Викторовна, что вы сдержите слово и заѣдете къ намъ. Жена будетъ очень рада познакомиться съ вами, чему будетъ тоже радъ и вашъ покорный и преданный слуга Б. Ларинъ«.

Это было первое письмо, которое онъ послалъ Зубовой. Прочитавъ его, онъ взялъ слѣдующее, но не сталъ читать, а, держа его въ рукѣ, задумался. Ему припомнилась самая первая встрѣча съ Зубовой. Онъ ѣхалъ по какому-то дѣлу и встрѣтился съ пріятелемъ, который спѣшилъ на похороны. — »Чьи?« совершенно безцѣльно спросилъ Ларинъ. — Тутъ одинъ знакомый, Зубовъ. — »Не докторъ ли?« — Да; а что ты зналъ его? — »Нѣтъ, но я слышалъ, что у него прехорошенькая женка«. — О да, прелестный чертенокъ! Представь, ей было девятнадцать, а ему уже шестьдесятъ. — »О!.. я думаю, она не скучаетъ?!« — Нисколько! Да еще бы: трауръ къ ней такъ идетъ. О, она теперь развернется и закрутитъ... натура у нея ой-ой какая!

Онъ перекинулся еще парой словъ съ пріятелемъ, и они разстались. Но спустя полчаса, проѣзжая мимо церкви, гдѣ отпѣвали Зубова, Ларинъ вдругъ почему-то велѣлъ извощику остановиться и зашелъ въ церковь.

Зубова была дѣйствительно хороша... не сегодня — въ траурѣ, а всегда. Это была стройная брюнетка средняго роста, съ тяжелой пышной косой до пояса, которую она любила носить по дѣвически. Во всѣхъ ея движеніяхъ была разлита какая-то томная нѣга и плавность, но временами она выходила изъ состоянія этой нѣги и тогда дѣлалась оживленной, кипучей, пока снова не впадала въ истомную лѣнь. Ея бархатные черные глаза были всегда полузакрыты вѣками, изъ-подъ которыхъ взоръ, какъ бы дразня, манилъ куда-то; тонкій носикъ капризно приподнятъ на концѣ; изъ-подъ крупныхъ алыхъ губъ блестѣли два ряда бѣлыхъ зубовъ.

Борисъ Львовичъ раскрылъ альбомъ, лежавшій на столѣ, и долго-долго смотрѣлъ на карточку, которая находилась въ альбомѣ первою послѣ портрета жены. Онъ осторожно вынулъ карточку изъ альбома и прочелъ надпись на обратной сторонѣ: »Борису Львовичу Ларину на добрую память отъ...« затѣмъ какія-то буквы были зачеркнуты и дальше стояло: »уважающей Лидіи Зубовой«. Эта надпись напомнила Ларину одинъ очень скверный и дождливый, но знаменательный для него вечеръ.

Это было уже спустя мѣсяца два послѣ похоронъ, н которыя онъ попалъ случайно. Онъ уже часто бывалъ у Зубовой, она также заѣзжала раза два къ нему и познакомилась съ его женой. — »Да она у васъ прелимпатичная, Борисъ Львовичъ«, сказала Зубова, когда онъ провожалъ е домой отъ себя въ первый разъ. — »Ну, вы для меня безопасны«. — Почему? спросилъ онъ. — »Не влюбитесь в меня«. — Вы увѣрены? пошутилъ онъ. — »О, конечно!« от вѣтила она также шутливо: — »впрочемъ«, добавила она какъ то особенно: — »это и хорошо!« Онъ помолчалъ и промолвилъ — Вы говорите »хорошо«, почему же? — »Да безполезно, я н отвѣтила бы«. Онъ хорошо помнитъ, что этотъ отвѣтъ какъ то больно отозвался въ его сердцѣ. Онъ не любилъ ее, нѣтъ! а между тѣмъ... Онъ смолкъ и притихъ. Она замѣтила это и сказала, смѣясь: — »что съ вами? вы сдѣлались грустны... ужъ не мой ли отвѣтъ опечалилъ васъ? Можетъ быть вы имѣли намѣреніе влюбиться въ меня?« Она и смѣялась, и будто дразнила. Онъ не помнитъ теперь, что отвѣтилъ ей тогда, но что-то смѣшное, потому что она искренн засмѣялась. Когда онъ, прощаясь, пожалъ ей руку, она бро сила ему тѣмъ же задорно-шутливымъ тономъ: — »вы н принимайте въ серьезъ моего отказа... если хотите — я по зволю влюбиться: попробуйте, можетъ быть, и побѣдите!«

Возвращаясь домой, онъ чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то необычайное. И это не проходило. Его мыслями думами овладѣла Зубова и мѣшала работать. Борисъ Льво

вичъ забросилъ свои критическіе этюды и жилъ только встрѣчами съ красивой вдовой. Онъ ѣздилъ въ Михайловскій театръ, хотя совсѣмъ почти не зналъ французскаго языка,—но тамъ постоянно бывала Зубова, и этого было уже довольно; посѣщалъ тѣ дома, гдѣ могъ встрѣтить ее. Его охватилъ какой-то туманъ, который закрылъ отъ его взоровъ все, кромѣ образа прелестной вдовы: этотъ образъ наполнялъ весь его внутренній міръ и властительно манилъ его къ себѣ. Онъ совсѣмъ забылъ о томъ, что его тайна можетъ обнаружиться, что онъ выдаетъ себя если не словами, то дѣйствіями. Онъ былъ увѣренъ, что ведетъ себя необыкновенно тонко и искусно. Впрочемъ, иногда ему начинало казаться, что жена проникла въ его душу, — и тогда онъ съ тревогой, съ подозрительностью принимался приглядываться къ женѣ, вникая въ каждое ея слово, провѣряя свои предположенія. Но затѣмъ онъ убѣждался, что его тревоги напрасны: жена ничего и не подозрѣваетъ. Такъ думалось ему. Онъ успокоивался, довольный такимъ выводомъ, и въ то же время ему часто дѣлалось скверно и мучительно-стыдно. »Вѣдь я же обманываю ее; она вѣритъ безусловно, а я... Но что же дѣлаю я такого преступнаго?« сейчасъ же спѣшилъ онъ оправдать себя: — »развѣ я ей измѣняю? Зубова влечетъ къ себѣ... да, но что же дѣлать?«

Да, именно, онъ ничего не могъ подѣлать съ собою: Зубова властно влекла его. Она это умѣла дѣлать особенно искусно: то лаская, дразня, маня чѣмъ-то неопредѣленнымъ, подходя, такъ сказать, очень близко, то вдругъ обдавая холодомъ, забывая свои слова; прикидываясь ничего не понимающей, она обижалась его намеками, тѣми шагами, которыя она находила непозволительно-смѣлыми. Онъ оправдывался, объяснялся... О, въ этой пачкѣ найдется не одно письмо, наполненное такими оправданіями. Она смягчалась, прощала и становилась опять доброй и ласковой. И вотъ однажды въ скверный дождливый вечеръ, когда она была особенно хороша съ гостемъ, онъ снова попросилъ у нея карточку.

Снова — потому что онъ просилъ ранѣе нѣсколько разъ, и она постоянно отказывала, шутливо отговариваясь: — »зачѣмъ вамъ карточка, если вы такъ часто можете видѣть оригиналъ!« Онъ не былъ увѣренъ, что и сегодня добьется желаемаго, но Зубова, неожиданно для него, уступила просьбамъ.

— Нате, нате, проговорила она, доставая карточку изъ столика и подавая ее гостю. — Ну, что, довольны?

— Очень, отвѣтилъ Ларинъ, цѣлуя руку хозяйки: — вотъ, значитъ, и вѣрно: просите и дастся вамъ...

— Ну, вы не очень-то много надѣйтесь... вашъ текстъ невсегда оправдывается!.. Благодарите и не мечтайте!

— Я благодарю... но это еще не все!

— Не все? что же вамъ еще?

— А надпись!

— Вотъ еще выдумали — надпись! Что мнѣ написать? Однако, она взяла карточку и стала писать: »Борису Львовичу Ларину на добрую память отъ...« Тутъ она вдругъ засмѣялась и, обращаясь къ гостю, сказала: — какъ же дальше?

— Какъ хотите!

— А если я хочу написать: »отъ любящей«? можно?.. И она задорно-пытливо посмотрѣла на него. — Хотите или нѣтъ? сказала она, глядя на него съ улыбкой, но съ какимъ-то особеннымъ блескомъ въ глазахъ и, ему показалось, въ нервномъ волненіи.

— Если это правда, если вы хотите, — можете написать, сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Да? хорошо! Она написала »лю...« и остановилась. — А ваша жена? сказала она. И, прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-либо отвѣтить, она проговорила: — Нѣтъ, я не хочу, чтобы вамъ досталось... Ужъ такъ и быть — кончу иначе. Она зачеркнула густо буквы и докончила: »уважающей Лидіи Зубовой«. — Довольно?

— Да, но вы позволите считать написаннымъ то, что хотѣли, или это... только шутка? спросилъ Ларинъ.

Она по его голосу поняла, что отвѣтъ для него не безразличенъ, посмотрѣла на гостя долгимъ-долгимъ взглядомъ и сказала:

— Ой, не шутите съ огнемъ, Борисъ Львовичъ!

Въ первый разъ изъ ея устъ вырвалась фраза съ искренней страстностью, и, точно понявъ это, она смутилась, нахмурила брови и добавила спѣшно:

— Однако мы засидѣлись... Простите, но я прогоняю васъ домой.

— Вы соскучились? спросилъ онъ.

— Такихъ вопросовъ не задаютъ, милостивый государь, потому что...

— Всегда лгутъ, отвѣчая — »да«?

— Разумѣется!.. Но я не буду лгать... Я просто утомилась за день... Да и вамъ пора домой. Жена ваша навѣрное безпокоится... Кстати: знаетъ она—гдѣ вы? И, опять не давши ему отвѣтить, она прибавила: — зачѣмъ вы познакомили меня съ нею?

Этотъ вопросъ поставилъ его втупикъ. — »Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ? И ужъ если познакомилъ, то зачѣмъ убѣдительно, чуть ли не всякій разъ, звалъ Зубову къ себѣ? Былъ ли это съ его стороны политическій маневръ, или...«

— А вы недовольны тѣмъ, что познакомились? спросилъ онъ, не найдя отвѣта на свой собственный вопросъ.

— Да, отвѣтила Зубова: — она слишкомъ симпатична.

Онъ удивленно посмотрѣлъ на хозяйку.

— Не понимаете? иронически сказала она: — ну и ладно!

Онъ продолжалъ смотрѣть на нее.

— Ну, идите, идите и доберитесь до смысла дома... Ахъ, вы — сообразительный!

Она засмѣялась и протянула ему руку.

Ему вдругъ стало необыкновенно весело — и жутко, и весело. Онъ не понялъ, но какъ бы сердцемъ все почувствовалъ, и съ улыбкой произнесъ, пожимая ей руку:

— Такъ съ огнемъ нельзя шутить... а вы развѣ — ого

— Палящій! Ну, идите, идите!

И такъ какъ онъ продолжалъ стоять, то она шутя то нула его. А когда онъ вышелъ изъ будуара, гдѣ они си ли, — она не утерпѣла и бросила ему вслѣдъ:

— Поцѣлуйте крѣпче отъ меня вашу жену!

На дворѣ шелъ крупный дождь, но Ларинъ ѣхалъ, всѣмъ не замѣчая его и не открывая зонта. Если и все уѣзжалъ онъ отъ Зубовой въ какомъ-то туманѣ, припом ная ея слова, выраженіе лица, переживая вторично нед нія ощущенія при ней, — то въ этотъ разъ онъ былъ, называется, самъ не свой. Онъ чувствовалъ, что и съ З бовой также происходитъ что-то — она была возбужден Напрасно она продолжала смѣяться, шутить и держал своей обычной манеры разговаривать: она не смогла скры внутренняго волненія и не одинъ разъ выдавала себя, о бенно восклицаніемъ: — »ой, не шутите съ огнемъ!« И ка она смутилась, чего до сихъ поръ съ ней никогда не сл чалось! Эта фраза противъ воли слетѣла съ устъ: прав прорвалась наружу... Правда?.. какая правда?

Этотъ вопросъ Борись Львовичъ задалъ себѣ, когда у подымался по лѣстницѣ въ свою квартиру. Жена уже лег Онъ прошелъ въ кабинетъ, гдѣ спалъ, когда засижива за работой или возвращался очень поздно. — »Правда... к кая правда? и повторилъ онъ мысленно, кладя шляпу на э жерку. И вдругъ онъ все понялъ, по крайней мѣрѣ рѣши что это такъ. — »Да, она любитъ меня«. Онъ чуть не в крикнулъ эту фразу. И если не выкрикнулъ, то несомнѣн произнесъ ее. Его охватило сильное волненіе, и онъ пача ходить по кабинету, по тому самому кабинету, въ которо онъ сидитъ теперь и вспоминаетъ все прошлое...

»Но какъ же это? откуда? почему она все время... лгала же она, не хотѣла признаться! И нынче она не пр зналась, а *это* невольно сорвалось. Но что же значитъ фраза о женѣ? Почему она сказала: — »зачѣмъ...«

Въ его умѣ вдругъ мелькнула одна мысль. »Да неужели *это... это* она хотѣла сказать?«

Онъ даже остановился и оперся рукою о столъ, къ которому подошелъ въ этотъ мигъ.

»Слишкомъ симпатична! Слѣдовательно... неужели, еслибы не это, то она бы...« Ему припомнилась другая фраза, которую Зубова нѣсколько дней тому назадъ кинула ему, по обыкновенію, шутливо, со смѣхомъ: — »Зачѣмъ вы раньше женились? Будь вы холостой — я бы женила васъ на себѣ!«

Это было сказано не только шутливымъ тономъ, но при такихъ обстоятельствахъ, что онъ не придалъ словамъ никакого значенія. Но теперь ясно, что и та фраза имѣла значеніе и смыслъ.

Ларинъ, въ памяти котораго воскресло все это такъ ясно, подробно, быстро сталъ искать письмо, посланное имъ Зубовой тою же ночью. Перебирая письма, онъ мелькомъ пробѣгалъ ихъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ нѣсколько дольше. Каждая мелочь, каждая строчка напоминала что нибудь, воскрешала ту или другую встрѣчу, тотъ или другой разговоръ. Въ одномъ письмѣ, напримѣръ, онъ проситъ измѣнить рѣшеніе и позволить ему пріѣзжать къ Рухловымъ, гдѣ Зубова бывала каждое воскресенье, позволить провожать ее изъ театра домой. Онъ писалъ: »Покорный вашему велѣнію, добрая (?) Лидія Викторовна, я обрекъ себя на невыразимую муку: знать, что вы тамъ-то, что я могу видѣть васъ, и — не быть съ вами! Это вѣдь пытка, подвигъ! И я его несу... но ради чего? Неужели вамъ это нужно? Чего вы боитесь? сплетни? Вы сказали какъ-то: »я не хочу, чтобы обо мнѣ дурно думали«. А я развѣ хочу? Но кто же думаетъ? И что вы сказали мнѣ вчера: »вы, кажется, хотите, чтобы я не стояла такъ высоко?« Лидія Викторовна, да я не могу васъ представить иначе, какъ на пьедесталѣ! Вашъ дорогой образъ, какъ святыня, живетъ въ моей душѣ. Но ради Бога — измѣните ваше суровое рѣшеніе!«

И оно было измѣнено, за что онъ благодарилъ ее горячо

въ слѣдующемъ письмѣ... А вотъ письмо, которое было написано имъ на другой день послѣ какого-то концерта: »Дорогая Лидія Викторовна! Вчера, проводивъ васъ до дому, я отпустилъ извощика и пошелъ пѣшкомъ. Я шелъ, погруженный въ думы, пока ноги не отказались идти далѣе. Знаете ли, куда я забрелъ? Чуть не къ Смоленскому кладбищу! Я сѣлъ на лавочку у воротъ небольшаго дома, чтобы отдохнуть. Ни души! Было уже поздно, но я не хотѣлъ спать, не хотѣлось мнѣ идти и домой. Нервы страшно били. Все перепуталось въ мозгу. Мнѣ хотѣлось броситься съ пятаго этажа, мчаться на такомъ конѣ, чтобы мили мелькали, какъ тумбы, хотѣлось... чортъ знаетъ чего хотѣлось! Я вспомнилъ мою первую встрѣчу съ вами. Не въ церкви — нѣтъ! Вы меня тогда и не замѣтили... да вы въ тотъ разъ и не произвели на меня подавляющаго впечатлѣнія... Я говорю о первой встрѣчѣ у Рухловыхъ. Вы часто говорите мнѣ: — »вы слишкомъ смѣлы! развѣ я дала поводъ?« Сердитесь, но я скажу: да, вы виноваты! Зачѣмъ вы тогда были такъ восхитительны и такъ внимательны ко мнѣ? зачѣмъ вы позволили провожать васъ? Вы уже тогда захватили меня въ плѣнъ, а теперь я не хочу на волю! Я вижу, какъ вы хмуритесь. Пусть!.. я не могу лгать! Искреннимъ быть не всегда удобно — но что дѣлать! Я таковъ!.. Правда, спокойный игрокъ всегда выигрываетъ, но я имъ не могу назваться!...«

— Однако это не то... гдѣ же *то* письмо? произнесъ Ларинъ вслухъ и, положивъ листокъ, сталъ искать, что ему было нужно...

А, вотъ и оно! Онъ откинулся на спинку кресла и принялся читать письмо съ самаго начала.

»Лидія Викторовна! Я рѣшаюсь на самый смѣлый шагъ!.. Если вы до сихъ поръ находили, что я »слишкомъ смѣлъ«, то теперь я буду — я не подберу и названія. Ахъ, да къ чему оно? Я сжигаю корабли, — послѣ этого письма нѣтъ возврата: или вы — моя, или... другаго исхода нѣтъ! Что

лучше разомъ, чѣмъ такъ... Да, я люблю, люблю васъ,
по такъ, какъ никогда и никого еще не любилъ. Вы —
чего я искалъ, къ чему рвался отъ юности. Вы олице-
яете мой идеалъ. Я живу только при васъ... Безъ васъ
жизнь немыслима. Вы все: жизнь, свѣтъ, воздухъ!.. Внѣ
— жизнь для меня пустыня, могила... съ вами тюрьма,
рга — праздникъ! Не говорите, что это — нервы, что это...
Бога не говорите! Я васъ люблю серьезно, глубоко, и
ко вы можете дать мнѣ истинное, полное счастіе! Я
, что̀ скажете вы: »а жена!« О, я виноватъ передъ нею.
правы: она очень симпатична, она — прекрасная, рѣд-
женщина, чудный человѣкъ, ее нельзя не уважать, пе-
ней пестыдно преклонить колѣни въ знакъ уваженія,
чиста, высока! Она умна, женщина доброй души, и —
аю, что она любитъ меня... »Боже, но тогда чего же
вамъ надо?« скажете вы, и прибавите: »я не выше ея,
хуже!« И я не буду лицемѣрить съ вами: вѣрно, вы
е выше, не лучше... даже, можетъ быть, хуже... но вы
о, что̀ она, вы — другая, вы именно та, какая нужна
Въ васъ есть то, чего нѣтъ въ ней, и потребность чего
еть въ моей душѣ съ юныхъ лѣтъ! Она — добра, чиста,
на, но слишкомъ проста, слишкомъ спокойна!.. Она —
й прудъ. А вы... въ васъ есть то, что̀ манитъ къ себѣ,
оянно раздражаетъ, не даетъ заснуть... Вы — какъ пѣна
панскаго, какъ бурное и капризное море... да нѣтъ! я
умѣю и не могу теперь выразить все, какъ слѣдуетъ...
не критическій этюдъ я пишу, и не въ такомъ состоя-
чтобы писать такъ... но вы вѣдь поняли меня? Если
те, я добавлю еще: жена слишкомъ хороша, какъ жена,
грѣетъ, но не свѣтитъ! А вы — ярки, вы — свѣтъ, хотя
адны, какъ... нѣтъ, это ложь! Вы затянули только себя
орсетъ, вы маскируетесь, но вы именно огонь, а огонь
олько свѣтитъ, а и грѣетъ, больше — жжетъ даже! Въ
ъ я убѣдился вчера... Слушайте, Лидія Викторовна! Зо-
меня безумнымъ, дерзкимъ, но я скажу: и вы вѣдь

любите меня! да, да! Вы только не хотите признаться въ этомъ... но зачѣмъ это, зачѣмъ, дорогая? Зачѣмъ вы хотите разбить свое счастіе, то счастіе, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ и котораго вы еще не испытали въ жизни! Вы вышли замужъ безъ любви, по принужденію, ради спасенія отца... я знаю все! А теперь вы любите... Оставьте же свою боязнь, не выдвигайте въ видѣ барьера мою жену! Вѣдь не вы, а я буду отвѣчать передъ нею! Вамъ-то что? гдѣ ваша вина? развѣ не я самъ прошу васъ дать мнѣ счастіе — служить вамъ, заботиться о васъ, жить для васъ, вами дышать, себя подчинить вамъ? Вы сказали однажды: »о, я была бы самая тяжелая жена: я бы такъ много потребовала, что мужъ проклялъ бы тотъ часъ, въ который сошелся со мною!« Клянусь, ни одного упрека не сорвется съ моихъ губъ! Вы не вѣрите въ прочное счастіе? Да вамъ ли судить о томъ, чего вы не испытали? И могу ли я измѣнить вамъ, васъ разлюбить? а если вы когда нибудь... О, я буду счастливъ и тѣмъ, что вы мнѣ дадите! Но нѣтъ, нѣтъ! я вѣрю и хочу вѣрить въ долгое, крѣпкое счастіе! Отвѣчайте же: да или нѣтъ? Неужели васъ можетъ остановить то, что вамъ придется быть нелегальной подругой? Лидія, Лидія! но неужели *это* для васъ имѣетъ значеніе? Кто же нынче изъ развитыхъ и мыслящихъ людей дѣлаетъ здѣсь различіе? Да и ваша среда *это* подчеркнетъ? Никогда! А что вамъ [illegible] великихъ болотныхъ гадовъ, до разныхъ салонныхъ [illegible] дѣла? Право, вы сдѣлали бы очень хорошо, если бы перестали имъ удѣлять столько вниманія. Такъ и [illegible], милая Лидія! я ждетъ корабля — и жду отвѣта. Или вашимъ, или позволь мнѣ самому пріѣхать къ тебѣ. И ты понимаешь — когда? или да, непремѣнно да!.. Твой Вершининъ.

Выслушавъ это, Лидія [illegible] и вышла изъ квартиры, [illegible] и [illegible] письмо въ [illegible]. Въ эту минуту [illegible] экипажъ, вызванный кѣмъ-то изъ [illegible] Лидіи [illegible] письмо, [illegible] приказавъ

тить его завтра утромъ, какъ можно раньше... Но на
ой день, какъ только проснулся, онъ вспомнилъ про
мо и вдругъ испугался своего поступка. Онъ вѣдь дѣй-
тельно сжигалъ корабли, ибо послѣ такого письма, если
ошибся — ему уже нельзя было, неудобно посѣщать Зу-
. Да она его и не приметъ... Что онъ надѣлалъ! Онъ
ался навсегда того, что ему было такъ дорого... Даже
о то, что онъ имѣлъ, для него значило много, а между
онъ могъ все потерять!.. Зачѣмъ было такъ дѣлать? И
ужъ написалъ сгоряча — зачѣмъ было сейчасъ отправ-
?

нъ быстро вскочилъ съ турецкаго дивана, на которомъ
ъ, наскоро одѣлся, вышелъ на парадную лѣстницу и
алъ швейцара. Увы! письмо уже было опущено!.. Швей-
крайне удивился, когда, вмѣсто ожидаемой благодар-
, услышалъ рѣзкое восклицаніе: »ахъ, и чего вы то-
лись!«

— Но вѣдь вы сами же приказали?

да, это вѣрно. И ему стало досадно, что это вѣрно, что
семъ виновать одинъ онъ.

— Я не то письмо вложилъ въ конвертъ, зачѣмъ-то со-
ъ онъ швейцару.

тотъ выразилъ сожалѣніе и посовѣтовалъ съѣздить въ
ъ: можетъ быть, письмо еще не попало въ разноску.
самомъ дѣлѣ... это мысль!«

аринъ полетѣлъ въ почтовый отдѣлъ. Какъ вчера Бо-
Львовичъ страстно желалъ, чтобы Зубова получила
мо возможно раньше, такъ теперь онъ былъ готовъ дать
знаетъ что, лишь бы письмо еще не ушло по назна-
. Но оно ушло, и его нельзя было вернуть!

аринъ возвратился домой убитый, недовольный собою.
упорно преслѣдовала мысль, что теперь все потеряно.
а ночью онъ былъ убѣжденъ, что Зубова его любитъ и
о скрываетъ это; а теперь ему стало неоспоримо ясно,
нъ ошибся, все понялъ иначе. Она разсердится. Если

и нѣтъ, ему все равно идти неловко, нельзя! Да, ко были сожжены!.. »Ну, и что же... отлично! конецъ во мелькнула у него мысль на одну секунду: — »пройдетъ успокоюсь, и все пойдетъ по старому... вѣдь не въ с же дѣлѣ безъ нея и жизнь немыслима?.. Нѣтъ, нѣтъ!« нулъ онъ мысленно: »я не могу совсѣмъ отказатьс нея! Тогда это не жизнь, а ночь... безпросвѣтная ноч

У него явилась новая мысль; онъ поспѣшно одѣ поѣхалъ къ Зубовой. Онъ хотѣлъ предупредить почта »Я скажу, что по ошибкѣ вложилъ не то письмо, и по ее не вскрывать, когда получитъ... Ну, а если она у лучила?.. Конечно, да!.. А, можетъ быть, и нѣтъ?..«

Онъ безпрестанно торопилъ извощика, обѣщая ему бавку.

На его звонокъ вышла горничная Зубовой.

— А барыни нѣтъ, сказала она съ едва замѣтной кой и тѣмъ тономъ, который позволяютъ себѣ иногда ничныя относительно мужчинъ, бывающихъ въ домѣ часто.

— Нѣтъ? такъ рано?

— Онѣ уѣхали по дѣлу!..

»Это неважно, что уѣхала, но получено ли пи какъ узнать?« подумалъ Ларинъ. — »Да что же«, рѣшилъ »спрошу прямо...« И онъ спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, Груша, былъ уже почта

— Да-съ, былъ!..

— При Лидіи Викторовнѣ еще?

— При нихъ! газету подалъ и письмо отъ васъ!

— Почемъ вы знаете, что отъ меня? невольно и лось у Ларина.

— А по конверту-съ! Тамъ же на конвертѣ ск отъ кого... Да и барыня...

Но онъ уже не слушалъ дальше.

»Ахъ, болванъ!..« выбранилъ онъ самъ себя... — »: же было такое письмо положить въ конвертъ для дѣл

бумагъ... точно въ редакцію статью, чтобы знали — отъ кого! А впрочемъ — что же... не все ли равно? Еще лучше... узналъ хотя...»

— Ничего не прикажете сказать барынѣ? спросила Груша, въ недоумѣніи глядя на Ларина, задумчиво, съ растерянным видомъ стоявшаго въ дверяхъ.

— Ничего... кланяйтесь Лидіи Викторовнѣ! отвѣтилъ онъ и вышелъ.

Онъ направился не домой, а зашелъ въ редакцію, потомъ гулялъ по Невскому, зашелъ еще куда-то и не поѣхалъ домой обѣдать. Съ нѣкотораго времени онъ вообще чувствовалъ себя какъ-то неловко въ присутствіи жены, которая, по его убѣжденію, ничего не подозрѣвала и во всемъ безусловно ему вѣрила... Положимъ, ничего особеннаго онъ и не сдѣлалъ, но все же... Развѣ и то, что было, уже не являлось виною? а тѣмъ болѣе теперь, сегодня, когда онъ послалъ *такое* письмо... Жена не знаетъ. Но это-то и скверно, что она не знаетъ. Она будетъ съ нимъ, какъ всегда, а между тѣмъ онъ (ему стало не только неловко передъ самимъ собою, но и больно)... чуть ли не наканунѣ разрыва! Вѣдь если Зубова... И вдругъ въ эту минуту видѣть любящій, довѣрчивый взглядъ жены, встрѣчать ея ласки, заботу и даже... даже отвѣчать на поцѣлуи! Да развѣ же это можно? развѣ онъ смѣетъ? не подло это? Нѣтъ, никогда! пока не выяснится...

Онъ завернулъ въ ресторанъ.

Но онъ лгалъ нѣсколько самъ себѣ... Онъ не поѣхалъ домой обѣдать не потому только, что избѣгалъ встрѣчи съ женой: онъ боялся болѣе всего отвѣта и хотѣлъ какъ можно дольше не знать его. Какой бы онъ ни былъ — все равно...

Онъ заказалъ обѣдъ, но почти ничего не ѣлъ, зато выпилъ цѣлую бутылку вина, послѣ чего почувствовалъ, что ему сдѣлалось вдругъ и легче, и веселѣе.

»Ну что-жъ такое?« разсуждалъ онъ, сидя уже на из-

вощикѣ:— »ну, написалъ — прочла... пусть! Развѣ нельзя вывернуться? Вотъ глупости!..«

И онъ уже безо всякаго страха позвонилъ въ свою квартиру.

— Писемъ нѣтъ? развязно спросилъ онъ у Маши.

— Есть, и даже два! крикнула изъ сосѣдней комнаты жена. — И одно, если не ошибаюсь, отъ Зубовой.

Онъ вспыхнулъ, но сдѣлалъ усиліе надъ собою и промолвилъ небрежно:

— А! что ей надо? И сейчасъ же подумалъ про себя: »Вотъ штука: а что, если жена попроситъ показать? Да нѣтъ«, успокоилъ онъ себя: »она не любитъ этого...«

Онъ уже вошелъ въ кабинетъ, гдѣ на рабочемъ столѣ лежали два письма: одно было изъ редакціи, другое отъ Зубовой. Онъ взялъ послѣднее и быстро разорвалъ конвертъ. На маленькомъ палевомъ листочкѣ было написано только слѣдующее: »Вы сошли съ ума! Но если у васъ еще осталась хотя лодочка, послѣ того какъ вы сожгли всѣ корабли, садитесь въ нее и плывите ко мнѣ сегодня вечеромъ... непремѣнно!« Подписи не было.

Онъ рѣшительно не зналъ, какъ понять этотъ отвѣтъ.— »Зоветъ сегодня, значитъ... но эта фраза: »вы сошли съума!« пустая ли только фраза, или... или, по обыкновенію, она обратила все въ шутку и потому не сердится, не придала значенія письму?.. Если отрицательный отвѣтъ выраженъ такъ, то, пожалуй, можно и радоваться: значитъ, ни ссоры, ни разрыва не предстоитъ«. Но Борису Львовичу отвѣтъ показался обиднымъ. Развѣ можно *такъ* отвѣчать на его горячее, пламенное письмо?

Онъ терялся въ догадкахъ и продолжалъ стоять у стола съ письмомъ въ рукахъ.

— Прочелъ? окликнула жена изъ сосѣдней комнаты.

— Да.

Онъ очнулся и быстро спряталъ листокъ въ карманъ.

— Ну, что пишетъ?

— Да зоветъ къ себѣ!

— А ты развѣ вчера не былъ у нея?

Онъ хотѣлъ сказать »нѣтъ!« но все таки отвѣтилъ: — былъ!

— И опять?

Въ этомъ вопросѣ ему послышалось удивленіе съ примѣсью подозрѣнія. Это задѣло его.

— Ну, такъ что же изъ этого? крикнулъ онъ нѣсколько вызывающе.

— Ничего, мой другъ, я такъ... тихо промолвила жена.

Ему стало стыдно, и онъ произнесъ мягко:

— Развѣ не знаешь, какая она взбалмошная... вѣрно, опять что нибудь...

Но жена перебила его: — Почему же взбалмошная? просто веселая!.. Она очень хорошая... я ее люблю. Кланяйся ей отъ меня... да что это она меня забыла?

Ларину сдѣлалось тяжело и скверно. И въ то же время онъ какъ-то обозлился на жену... »Господи! да неужели она ничего не замѣчаетъ? или это нарочно?«

Онъ, не читая, отбросилъ въ сторону редакціонное письмо и опустился въ кресло. Въ столовой раздавался бой часовъ. Онъ вынулъ свой хронометръ: было семь.

»Что же, не ѣхать ли?« подумалъ онъ. Онъ всталъ и, самъ не зная почему, крикнулъ женѣ: — я поѣду, Соня!

— Поѣзжай, мой милый! Ты долго не вернешься?

Софья Павловна вошла въ кабинетъ.

— Не знаю, право... развѣ я могу по часамъ!..

Въ его голосѣ слышалось раздраженіе.

— Ну, до свиданья! сказалъ онъ, беря шляпу и протягивая руку женѣ.

Онъ не поцѣловалъ, а только пожалъ ее и поспѣшно вышелъ. Одѣвая шинель, онъ замѣтилъ громко:

— Ты, во всякомъ случаѣ, не жди меня... ложись. Я заѣду еще въ одно мѣсто...

Все это, до мельчайшихъ деталей, припомнилось теперь Ларину, который сидѣлъ съ закрытыми глазами, откинув-

шись на спинку кресла. Все это, казалось, уже предан забвенію, а если и вспоминалось, то изрѣдка, вскользь; н вотъ теперь снова ярко возстало передъ нимъ и даже про будило что-то похожее на то, что онъ чувствовалъ прежде Особенно этотъ вечеръ, когда онъ пріѣхалъ къ Зубовой по слѣ своего »горячаго посланія«. Никогда еще ему не был такъ неловко, какъ въ этотъ вечеръ. Что она скажетъ ему какъ встрѣтитъ: ласковымъ ли словомъ, или той насмѣш кой, которой она такъ умѣла »насквозь пронзить человѣка« по выраженію одного адвоката, пытавшагося ухаживать з »прелестной вдовушкой« и потерпѣвшаго полное фіаско Послѣ такого реприманда адвокатъ всегда говорилъ про Зу бову, что она »какъ ангелъ — прекрасна и какъ демонъ — коварна и зла«. Она не была злой, но немножко ехидной причемъ капризный характеръ, не чуждый деспотизма, нѣ которая взбалмошность, склонность къ самымъ противорѣ чивымъ поступкамъ — все это сбивало многихъ съ толку въ томъ числѣ и Ларина.

Лидія Викторовна встрѣтила его дѣйствительно насмѣш ливо, даже рѣзко, но въ этомъ было много дѣланнаго, на пускнаго; правда прорывалась невольно въ нѣкоторыхъ сло вахъ, въ движеніяхъ, во взглядѣ. Зубова была сильноажи тирована и явно сердилась на себя за то, что не может вполнѣ владѣть собою. Ларинъ это понялъ и смѣло пошел къ цѣли. Его не остановили »отчаянные выстрѣлы« разби ваемаго непріятеля, какъ онъ выразился потомъ шутя, — и атака увѣнчалась побѣдой.

— Зачѣмъ же ты долго скрывала и теперь старалас хитрить, обмануть меня? а? спрашивалъ онъ, страстно цѣ луя руку Зубовой. — Вѣдь хуже бы было?

— Нѣтъ, лучше, словно со слезами въ голосѣ воскли нула она: — все равно, ничего не можетъ выйти, и мы н можемъ быть счастливы!

— Почему?

— Ты несвободенъ. Я хочу открытой любви... Я хо

чу свѣтлаго, полнаго счастія, — а какое же счастіе, если...

Онъ принялся уговаривать ее. Онъ говорилъ долго, горячо и нѣжно... Они уѣдутъ, уѣдутъ далеко — въ Италію, въ Швейцарію. Никто и ничто не помѣшаетъ ихъ счастію... Жена?.. Конечно, она будетъ грустить, но это недолго. Она молода, сама полюбитъ... боязнь, что ея жизнь будетъ разбита, не должна отравлять ихъ счастія... А онъ будетъ работать, онъ создастъ себѣ крупное имя, о немъ всѣ заговорятъ... Развѣ она не хочетъ, чтобы онъ явился вторымъ Бѣлинскимъ или Добролюбовымъ?..

Она какъ бы поддалась этимъ уговорамъ, притихла и слушала его, склоня голову на его плечо. Онъ уже совсѣмъ успокоился, какъ вдругъ она встала, прошлась по комнатѣ и прежнимъ тономъ — упрямо и рѣзко — промолвила: — Нѣтъ, все это вздоръ! Не думай, что я боюсь двусмысленнаго положенія!.. о, когда я люблю — я пойду на все! Но нужна вѣра... А ты не любишь меня! ты просто увлекаешься... это минутный капризъ, который пройдетъ... что же тогда? Если жена проститъ, ты вернешься къ ней, а я... я что же? Если не твое, то мое положеніе каково будетъ? а, можетъ быть, и насъ обоихъ? Нѣтъ, нѣтъ, Борисъ! Я люблю тебя, но мы должны разстаться!..

А и блескъ глазъ, и то, какъ жала она ему руку, — говорили, что ей самой больно и жутко разставаться. Онъ снова началъ увѣрять ее, что любитъ глубоко, серьезно и никогда не разлюбитъ ее. — Я не дитя, Лида... ужели ради каприза буду я бросать жену, пойми это.

— А развѣ не случается? сказала она. — Есть факты... Милый! вдругъ воскликнула она: — я не хочу обижать тебя... ты не лжешь, знаю... но ты можешь самъ обманываться!.. провѣримъ!

— Но какже это, Лида?

— Я уѣду на мѣсяцъ, на два, къ тетѣ въ Саратовъ. Помнишь стихи чьи-то: »для чувства мелкаго довольно новой встрѣчи, любовь глубокая съ разлукой горячей«?...

Онъ попробовалъ возразить, но она упрямо уперлась на своемъ, — и онъ уступилъ.

И вотъ они разстались... Онъ хотѣлъ проводить ее до вокзала, но она не позволила... На его мольбы она отвѣчала: — »нѣтъ, не хочу! Ты знаешь, я ужасно упряма... это мой порокъ, можетъ быть, но ты долженъ съ нимъ примириться... предупреждаю тебя напередъ«.

Она уѣхала.

Онъ и не подозрѣвалъ, что она, уѣзжая, коварно приготовила ему искушеніе. Въ семействѣ Рухловыхъ жила молоденькая хорошенькая гувернантка, подруга Зубовой по институту: ее-то и просила Лидія Викторовна заинтересовать Ларина, чтобы провѣрить прочность и глубину его чувства. И вотъ началась игра. Ларинъ ничего не подозрѣвалъ и, еслибы не былъ безумно увлеченъ Зубовой, вѣроятно, нѣсколько иначе отнесся бы къ миловидной гувернанткѣ. Но теперь для него никто не существовалъ, кромѣ его Лидіи, которой онъ писалъ чуть не каждый день. Зубова отвѣчала сначала часто, потомъ все рѣже, рѣже, — и вдругъ совсѣмъ прервала переписку. Онъ чуть не сошелъ съ ума. — »Если ты и на это письмо не отвѣтишь«, писалъ онъ: — »я брошу все и самъ пріѣду къ тебѣ!« Отвѣтъ пришелъ. Она извинялась тѣмъ, что была страшно занята, затѣмъ прихворнула. — »Впрочемъ«, добавляла она: — »вѣдь ты не долженъ особенно скучать: я слышала, что ты часто видишься съ Любой Чернявской и, кажется, ухаживаешь за нею... Неправда ли: я была немножко права, не вѣря прочности твоего чувства?«

О какое письмо послалъ онъ ей въ отвѣтъ!.. Онъ клялся, что только о ней одной думаетъ, одну ее любитъ, что другія женщины для него не существуютъ, а Люба противна ему (и въ эту минуту онъ ее дѣйствительно ненавидѣлъ)! Онъ упрекалъ ее за подозрѣнія, за ѣдкіе намеки: »я весь изстрадался, изболѣлъ о тебѣ, а ты, ты пишешь такъ!« съ горечью восклицалъ онъ.

Она поспѣшила вознаградить его. Она просила простить ее за излишнюю подозрительность и закончила письмо нѣжными ласками, намекая на скорое возвращеніе въ Петербургъ. Но прошло еще около мѣсяца, прежде чѣмъ она вернулась. Онъ сидѣлъ за какой-то работой, когда ему подали телеграмму. Зубова извѣщала, что она пріѣдетъ сегодня, въ 8 часовъ вечера, и просила ее встрѣтить на вокзалѣ.

Въ 8 часовъ! А было уже семь! Опоздай депеша на полчаса — и онъ прозѣвалъ бы. Надо сейчасъ ѣхать! Онъ бросилъ срочную работу и полетѣлъ на николаевскій вокзалъ. Жены не было дома.

Онъ пріѣхалъ на вокзалъ какъ разъ во время. Зубова видимо обрадовалась ему, но на его слишкомъ порывистое движеніе замѣтила, однако, не безъ иронiи: »не забывайте, что здѣсь публика!« Это замѣчаніе непріятно охладило его, и нѣкоторое время, сидя въ каретѣ, онъ молчалъ недовольный.

— Вы такъ рады мнѣ? сказала ему Зубова.

— Вы... ты хоть кого охладишь!

— Вы, ты... вотъ оно что!

— Ахъ, Лида, Лида! ну, зачѣмъ ты мучишь меня! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

Она нѣжно обняла его и поцѣловала.

— Да развѣ можно такъ... при всѣхъ... пойми ты! сказала она, съ ласковой улыбкой заглядывая ему въ глаза.

Недовольства и грусти въ немъ не осталось и слѣда.

— Дорогая! прошепталъ онъ: — да что же намъ прятаться? Ты же сказала, что не боишься...

— Но вѣдь мы еще не сошлись открыто? ты не оставилъ жены? Не могу же я при ней... либо она, либо я!

— Ты знаешь, я согласенъ! Когда ты захочешь...

Она посмотрѣла на него пытливо и промолвила:

— Смотри, Борисъ... теперь отступать поздно! Я говорила, было время... теперь я также имѣю право требовать... мы съ тобою связаны — и я не уступлю тебя!

Глаза ея загорѣлись страстью; она дышала тяжело и пре
рывисто.

Ему стало почему-то вдругъ страшно, сердце съ боль
сжалось. Но она была невыразимо хороша, вся охваченна
страстью, которая сообщилась Ларину и, какъ винные пар
ударила ему въ голову. Онъ крѣпко сжалъ въ объятіяхъ сво
спутницу и прошепталъ: — я твой весь и навсегда!

Она наклонилась къ нему, и ихъ губы слились въ жгу
чій и долгій поцѣлуй. Въ его глазахъ все помутилось,
сладкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Она также во
вздрагивала и, словно чего-то испугавшись, вдругъ отодви
нулась отъ него.

Карета остановилась у подъѣзда. Онъ хотѣлъ зайти к
Зубовой, но она воспротивилась.

— Не надо, не надо теперь, милый, прошу тебя! гов
рила она,прощаясь, и снова крѣпко впилась своими губам
въ его губы.

— Но почему же, Лида?

— Милый, не надо! Скоро, скоро совсѣмъ... а теперь
Прощайте! вдругъ громко сказала она и вышла изъ ка
реты.

Онъ поѣхалъ домой.

Въ кабинетъ вошла Маша съ подносомъ въ рукахъ. Л
ринъ, унесшійся мыслями въ прошлое, только скользнул
взглядомъ по горничной.

— Вотъ кофе, барыня приказала сюда подать!..

— Хорошо, поставьте, сказалъ Борисъ Львовичъ бе
участно.

Однако появленіе горничной всетаки разбило его мысл
и какъ бы отвлекло ихъ въ сторону. Онъ поднялся съ мѣ
ста, прошелся по комнатѣ и остановился у окна... Ма
по малу его мысли снова приняли недавнее направленіе,
онъ опять перенесся въ прошлое. И вотъ въ его памяти во
сталъ холодный весенній вечеръ. Съ самаго утра онъ нах

дился въ особенно нервномъ состояніи. Сегодня онъ уѣзжалъ изъ Петербурга... куда? Для жены онъ ѣхалъ только въ Москву, на самомъ же дѣлѣ онъ уѣзжалъ на югъ, а затѣмъ — за границу, вмѣстѣ съ Зубовой, навсегда покидая жену, расходясь съ нею. Онъ бѣжалъ... да, именно бѣжалъ: онъ не могъ поступить иначе. Онъ чувствовалъ, что сказать прямо женѣ: »я больше не люблю тебя, мы должны разстаться« — у него не хватитъ силъ. Можетъ быть, это вышло бы честнѣе, — но что̀ дѣлать! приходилось прибѣгнуть къ обману. »Впрочемъ, какой же обманъ? Да еслибы и такъ, развѣ не все равно?« разсуждалъ онъ: — »развѣ такъ хуже? еще гораздо лучше! Личныя объясненія невсегда удобны... На бумагѣ можно все объяснить проще, спокойнѣе. Наконецъ, жена и сама можетъ догадаться, она исподоволь все пойметъ, это и легче ей... О, конечно, легче! Онъ вовсе не хочетъ отягчать ея горя. Разумѣется, разрывъ самъ по себѣ уже горе... но что̀ же дѣлать, если онъ необходимъ! Нельзя иначе... Скажутъ: »можно подавить все«... Но къ чему такая жертва? не говоря уже о томъ, что онъ хочетъ жить и имѣетъ право на жизнь! Такое же право имѣетъ, конечно, и жена... но развѣ онъ ее стѣсняетъ? Развѣ бы онъ сталъ насильно удерживать ее, еслибы съ ней случилось то, что̀ теперь съ нимъ? никогда! Ему не надо подневольной любви и жертвъ! И она не приметъ! Вѣдь все равно жертва узнается... развѣ тогда лучше? О, это хуже разрыва! Разрывъ! это только сразу больно... какъ зубъ дергать: страшно, минута мукъ, а затѣмъ — спокойствіе и отрада! И она успокоится... полюбитъ другаго и заживетъ счастливо!«

Зубова сначала колебалась: уѣхать ли тайкомъ, или на чистоту дѣйствовать. Она сначала была противъ новой лжи, но потомъ прониклась доводами Ларина и согласилась съ нимъ. Рѣшено было ѣхать безъ гласнаго разрыва.

Борисъ Львовичъ пилъ утренній чай и думалъ: »въ послѣдній разъ! Завтра меня здѣсь не будетъ... Завтра, почти

въ это время, я буду въ Москвѣ, и тамъ другая ста
разливать чай... другая!»

Онъ посмотрѣлъ на жену: она сидѣла задумчивая,
рѣе грустная.

«Ужели она все понимаетъ и только скрываетъ?
думалъ онъ. — «Ну что-жъ, и лучше!..» Но онъ испуг
этой мысли и, какъ бы желая избавиться отъ личныхъ
ненній, поспѣшно всталъ изъ-за стола.

— Больше не хочешь? спросила жена.

— Нѣтъ, спасибо... когда сбираешься, всегда нѣтъ
тита.

— Ты надолго, Боря?

— Нѣтъ... а, впрочемъ, какъ дѣла... Я, право, впе
не знаю...

Она подняла на него задумчивые сѣрые глаза и
вздохнула. Ему стало невыразимо жаль ее, — но онъ
лалъ усиліе надъ собою и сказалъ насколько можно тверд
Постараюсь скорѣе, дружокъ! Ну, до свиданья... я съ
кое-куда и вернусь...

Онъ не обѣдалъ дома и вернулся за какіе нибудь
часа до отхода поѣзда. Его встрѣтила Маша — встрево
ная и пасмурная. Занятый думами объ отъѣздѣ, онъ не
глядѣлъ выраженія лица горничной и, сбросивъ шин
освѣдомился о письмахъ.

Нѣту-съ... Но барыня заболѣла, сударь!

— Какъ заболѣла?

Онъ взглянулъ на Машу и только теперь замѣтилъ
репуганное выраженіе ея лица.

Какъ заболѣла?.. что съ нею? воскликнулъ он
почувствовалъ опять какую-то внутреннюю боль.

— Не знаю-съ... лежатъ! Я за докторомъ ѣздила.

— За Макаровымъ?

— Да-съ.

— Былъ?

— Они и теперь здѣсь.

— Здѣсь?

Онъ прошелъ однако въ кабинетъ.

»Что же это? что же?« Онъ схватился руками за голову и простоялъ такъ нѣсколько минутъ. Шумъ приближавшихся шаговъ вывелъ его изъ оцѣпенѣнія. Онъ обернулся—въ кабинетъ входилъ докторъ.

— Что съ нею, Иванъ Петровичъ? поспѣшно спросилъ онъ, протягивая руку врачу.

— Сейчасъ не могу сказать точно... жаръ, температура высока, бредъ! Я думаю — тифъ... или нервная горячка...

— Да отчего, докторъ, отчего?

— Не знаю... вѣроятно, простуда... а вы, говоритъ Маша, ѣдете?

— Да, я хотѣлъ... но теперь... я думаю—лучше остаться?

Ему сдѣлалось неловко отъ своего вопроса.

— Если дѣла ваши позволяютъ, то, конечно, надо остаться!

Ларину показалось, что докторъ какъ-то особенно посмотрѣлъ на него...

»Ужъ не сказала ли она чего нибудь въ бреду?« подумалъ онъ, невольно краснѣя.

— Да. я останусь, проговорилъ онъ, стараясь подавить смущеніе: — какія дѣла, если только... но вѣдь, докторъ, все-таки нѣтъ ничего опаснаго?

И Ларинъ самъ удивился той искренней тревогѣ, какую ощутилъ онъ. »Неужели все еще?..«

— Я полагаю, отвѣтилъ врачъ: — но какъ можно завѣрить впередъ? пожалъ онъ плечами. — Я еще заверну сегодня... а если не успѣю, то завтра утречкомъ... а пока...

Онъ далъ нѣсколько наставленій и прибавилъ, что прописалъ рецептъ.

— Впрочемъ, я все растолковалъ вашей дѣвушкѣ, она у васъ очень понятливая и хорошая, закончилъ Макаровъ, протягивая руку Ларину.

Проводивъ доктора, онъ хотѣлъ пройти въ спальню же-

ны, но, узнавъ, что она заснула, повернулъ въ кабинетъ. На диванѣ и на стульяхъ были разложены вещи; на полу, у камина, стояли два чемодана.

— Вы не поѣдете, баринъ? спросила Маша, входя въ кабинетъ.

— Да, не поѣду, отвѣтилъ онъ, думая о чемъ-то.

— Прикажете все убрать?

Онъ не слышалъ вопроса. Маша повторила.

— А, что? да, вы спрашиваете — убирать ли? пожалуйста, Маша, уберите!

»Который же часъ?« вдругъ вспохватился онъ. — »Боже, да черезъ часъ отходитъ поѣздъ!« съ ужасомъ подумалъ онъ, кладя обратно часы въ жилетный карманъ. »Она ждетъ, удивлена... чего добраго — прилетитъ сюда.. съ нея все станется...«

Онъ рѣшилъ ѣхать на вокзалъ, чтобы объяснить все Зубовой, попросить ее отложить отъѣздъ на нѣкоторое время...

— Что, барыня не просыпалась? спросилъ онъ у Маши, уходившей въ спальню больной и снова вернувшейся въ кабинетъ.

— Забылись... пріутихли..

— А-а!...

Сказавъ, что онъ ѣдетъ къ другому еще врачу, Ларинъ чуть не бѣгомъ выбѣжалъ изъ квартиры и помчался на вокзалъ.

Публики было очень много, но онъ сразу отыскалъ Зубову на условленномъ мѣстѣ. Она была вся въ черномъ въ такой густой вуали, что по лицу ее положительно нельзя было узнать.

— Наконецъ-то! что вы такъ долго? встрѣтила она его съ нѣкоторымъ недовольствомъ. — Я ужъ за билетами посылала артельщика... Да гдѣ же ваши вещи? и что съ вами? прибавила она, пристально вглядываясь въ его лицо: — вы на себя непохожи!

Онъ смутился и смѣшался.

— Голубка, придется отложить нашъ отъѣздъ! прошепталъ онъ.

— Какъ отложить? въ умѣ ли вы? да что съ вами? вѣроятно, жена...

Въ ея голосѣ послышалась иронія, и глаза блеснули злобнымъ огонькомъ, но Ларинъ не могъ видѣть этого, благодаря вуали.

— Она опасно заболѣла, Лида!.. Я не думаю, чтоб долго.. но...

Все еще смущенный, онъ началъ убѣждать Зубову — отложить поѣздку. Вѣдь нельзя же ѣхать ему, если жена заболѣла. Это неловко — прежде всего, а во-вторыхъ — и жестоко... за что же... развѣ она заслуживаетъ? »Да я и не могу такъ поступить« — хотѣлъ онъ сказать, но удержался и сказалъ совсѣмъ другое: положимъ, она ему чужая совсѣмъ (ложь! что-то крикнуло внутри него), но вѣдь она же его любитъ, такъ относилась сама... Онъ не имѣетъ права бросить ее одну, больную!.. Но какъ только болѣзнь выяснится, будетъ лучше — они уѣдутъ!

Зубова слушала молча, но когда онъ закончилъ свою рѣчь вопросомъ: — »не правда ли, голубка, мы отложимъ, да?« — она отвѣтила рѣшительно:

— Нѣтъ! низачто!

Онъ снова было заговорилъ, но она перебила его:

— И не упрашивай... низачто! Что это за комедія? Я ѣду... къ тетѣ, а тамъ... можетъ быть, болѣзнь вашей жены (она вдругъ перешла на »вы«) еще осложнится, вамъ придется везти ее на воды, за границу. Я не хочу мѣшать исполненію вашихъ священныхъ обязанностей. Вы были раньше такимъ нѣжнымъ супругомъ. И чего вы остаетесь здѣсь сейчасъ? поѣзжайте скорѣе къ больной... я не держу!..

Но онъ не поѣхалъ, хотя въ его душѣ усиливалась тревога о женѣ. Онъ сѣлъ возлѣ Зубовой и заговорилъ опять. Онъ умолялъ ее вѣрить, не терзать его такими фразами...

— Послушайте, Борисъ Львовичъ: вы не хитрите со мной? вдругъ спросила Зубова.

Онъ молча посмотрѣлъ на нее.

— Можетъ быть, вы уже раскаиваетесь?

— Лида!

— Смотрите!.. Я вѣдь все равно пойму потомъ... тогда...

— Лида!

Раздался звонокъ. Онъ такъ обрадовался ему, и въ то же время мысль, что онъ ее долго не увидитъ, такъ подѣйствовала на него, что онъ съ особенной нѣжностью пожалъ руку Зубовой и поцѣловалъ ее.

Она оглянулась: близко никого не было. Она быстро, какъ бы на лету, поцѣловала его въ губы и пошла къ выходу.

— Пиши же, Лида, Бога ради, пиши! говорилъ онъ, держа ее за руку: — какъ пріѣдешь, сейчасъ же телеграфируй!.. да и потомъ...

— А вы не будете лгать, Борисъ?

— Лида, ради Бога!

— Ну, ну, прости... я такъ...

Раздался третій звонокъ. Она стояла на площадкѣ вагона. Не выпуская ея руки изъ своей, онъ шелъ еще нѣкоторое время рядомъ съ поѣздомъ, пока тотъ двигался медленно. Но вотъ ходъ ускорился, онъ выпустилъ руку и поклонился, снимая шляпу.

— Прощай! крикнула Зубова, и голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ.

— До свиданья! отвѣтилъ онъ.

Она, улыбаясь, кивнула ему еще разъ головой, потомъ, когда поѣздъ сталъ заворачиваться, махнула платкомъ и пошла въ вагонъ.

Онъ облегченно вздохнулъ, постоялъ съ минуту на мѣстѣ и чуть не бѣгомъ бросился къ выходу. Опять всѣми мыслями его овладѣла больная жена. И все-таки ему было грустно еще и отчего-то другаго.

Въ его голосѣ слышалось столько нѣжнаго, молящаго, что ей стало жаль его.

— Ну, хорошо, сказала она, смотря на него, и злой огонекъ потухъ въ ея глазахъ: — хорошо, я подожду; но помни, я не терплю колебаній, и если я приду къ убѣжденію, что... знай, между нами все кончено!..

Подходилъ артельщикъ. Она встала.

— Значитъ, ты не ѣдешь, да? обрадовался онъ.

— Нѣтъ, я ѣду и буду ждать тебя въ Москвѣ... Я остановлюсь въ Лоскутной... это самая удобная гостинница. Сюда и адресуй мнѣ все...

Онъ успокоился. А тревога о женѣ все росла и росла въ его душѣ. Онъ сейчасъ же бы уѣхалъ домой, но Зубова, торопившая его за минуту передъ этимъ, теперь вдругъ пожелала, чтобы онъ остался съ нею до отхода поѣзда.

— Или вамъ нельзя? вы такъ тревожитесь! опять насмѣшливо бросила она, щуря глаза.

— Нѣтъ... я... конечно, останусь! Я очень радъ, голубка!

Ему очень захотѣлось сказать: — »ну да, тревожусь, что же изъ этого?« Но онъ не сказалъ — ему стало даже неловко отъ предположенія, что она догадывается о его тревогѣ.

Онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собой, заговорилъ о чемъ-то небрежно.

А мысль неотступно вертѣлась на одномъ: »что дома жена?« Онъ шелъ рядомъ съ Зубовой, разговаривалъ, а самъ посматривалъ на вокзальные часы, съ нетерпѣніемъ ожидая звонка. Онъ самъ не могъ объяснить себѣ: отчего вдругъ у него пробудилась такая тревога о женѣ, о которой за послѣднее время совсѣмъ было забылъ, интересы которой, самое счастіе отбросилъ въ сторону.

»Какъ, однако, медленно идетъ время!« думалъ онъ, отвѣчая на какой-то вопросъ Зубовой. Впервые, находясь съ ней, онъ рвался домой, какъ бы тяготясь ея обществомъ... Бывало—уйти не хочется, а теперь... онъ чувствовалъ одно безпокойство и ничего болѣе.

— Послушайте, Борисъ Львовичъ: вы не хитрите со мной? вдругъ спросила Зубова.

Онъ молча посмотрѣлъ на нее.

— Можетъ быть, вы уже раскаиваетесь?

— Лида!

— Смотрите!.. Я вѣдь все равно пойму потомъ... тогда...

— Лида!

Раздался звонокъ. Онъ такъ обрадовался ему, и въ то же время мысль, что онъ ее долго не увидитъ, такъ подѣйствовала на него, что онъ съ особенной нѣжностью пожалъ руку Зубовой и поцѣловалъ ее.

Она оглянулась: близко никого не было. Она быстро, какъ бы на лету, поцѣловала его въ губы и пошла къ выходу.

— Пиши же, Лида, Бога ради, пиши! говорилъ онъ, держа ее за руку: — какъ пріѣдешь, сейчасъ же телеграфируй!.. да и потомъ...

— А вы не будете лгать, Борисъ?

— Лида, ради Бога!

— Ну, ну, прости... я такъ...

Раздался третій звонокъ. Она стояла на площадкѣ вагона. Не выпуская ея руки изъ своей, онъ шелъ еще нѣкоторое время рядомъ съ поѣздомъ, пока тотъ двигался медленно. Но вотъ ходъ ускорился, онъ выпустилъ руку и поклонился, снимая шляпу.

— Прощай! крикнула Зубова, и голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ.

— До свиданья! отвѣтилъ онъ.

Она, улыбаясь, кивнула ему еще разъ головой, потомъ, когда поѣздъ сталъ заворачиваться, махнула платкомъ и пошла въ вагонъ.

Онъ облегченно вздохнулъ, постоялъ съ минуту на мѣстѣ и чуть не бѣгомъ бросился къ выходу. Опять всѣми мыслями его овладѣла больная жена. И все-таки ему было грустно еще и отчего-то другаго.

Онъ вернулся домой какъ разъ въ ту минуту, когда проснулась жена. Она была въ жару, но несовсѣмъ безъ сознанія. Она спросила даже о немъ и, когда увидѣла его и узнала, что онъ остается, очень обрадовалась.

— Но вѣдь тебѣ же надо ѣхать по дѣлу? сказала она, кладя на его ладонь свою горячую сухую руку.

— Успѣю... какія дѣла, дружокъ, когда ты больна! сказалъ онъ, цѣлуя эту горячую руку.

Софья Павловна посмотрѣла на него горящимъ взглядомъ и промолвила тихо:

— Спасибо, милый... я знаю, что ты... любишь меня!

Его точно ожгли эти слова. Но онъ сейчасъ же подумалъ: »а развѣ нѣтъ... не люблю?« и всѣмъ сердцемъ почувствовалъ, что крѣпко любитъ эту больную женщину, что она ему дорога, что потеря ея была бы для него страшной мукой.

»Но какже: вѣдь ты любишь ту?« словно кто-то спросилъ его. — Нѣтъ, нѣтъ... я эту люблю... — »А ту?« — Ту не люблю! Нѣтъ, и ту люблю... — »И эту?« — Да, и эту... эту больше, иначе... безмѣрно больше, и если выбирать, то, конечно...

— Боря! промолвила слабо больная, открывая глаза.

— Что, милая?

— А мнѣ страшно вдругъ стало безъ тебя!

— Отчего, дорогая?

И въ голосѣ его звучала та нѣжность, съ какой уже давно онъ не обращался къ женѣ.

— Я видѣла ужасный сонъ... будто тебя кто-то похитилъ... птица какая-то... нарядная, красивая... схватила въ когти и понесла. Я чуть не закричала, проснулась и спросила про тебя, а ты тутъ.

Она опять протянула ему руку. Ему сдѣлалось невыразимо больно.

Много передумалъ Ларинъ за эту ночь, сидя у постели жены, которая скоро снова впала въ забытье — и только и

короткія мгновенія приходила въ себя... Маша не спала также всю ночь.

Сидя въ маленькомъ креслѣ жены, у изголовья ея постели, Борисъ Львовичъ припомнилъ все прошлое, то время, когда онъ встрѣтился съ Софьей Павловной, тогда еще mademoiselle Владыкиной, — и полюбилъ ее. Припомнились ему годы, которые онъ прожилъ съ женой вмѣстѣ, идя съ ней рука объ руку. Она была всегда ему истиннымъ другомъ, который понималъ его, умѣлъ утѣшить, посильно помочь въ трудахъ. Софья Павловна была умна, образована, отличалась тонкимъ чутьемъ. Она на явленія жизни смотрѣла очень спокойно и просто, но именно это-то спокойствіе, эта простота и помогала ей избѣгать многихъ ошибокъ, благодаря этому-то она умѣла понимать какъ слѣдуетъ такіе шаги мужа, которые другая бы не поняла, а, не понявши, отравила бы жизнь близкаго человѣка и свою собственную. Эта ясная простота, отсутствіе всякой душевной изломанности прежде всего бросились въ глаза Ларину, когда онъ встрѣтился съ Софьей Павловной въ первый разъ. Онъ полюбилъ ее какъ-то странно. Она ему понравилась сразу, и нѣсколько дней онъ только и думалъ о ней. Потомъ уѣхалъ куда-то и какъ бы совсѣмъ забылъ про нее. Новыя встрѣчи, знакомства... Онъ увлекался опять. Но все это ему казалось чѣмъ-то не тѣмъ, чего жаждала его душа. И вдругъ онъ вспомнилъ о Владыкиной, вспомнилъ и сознался, что онъ ее любитъ, именно ее, что только она дастъ ему въ жизни то, что̀ надо... Онъ полетѣлъ въ Москву, гдѣ жила тогда Софья Павловна, и объяснился ей. Она отвѣтила согласіемъ, и они скоро обвѣнчались. Потянулись годы трудовой жизни, — онъ чувствовалъ особенный приливъ силъ, энергіи и работалъ много. Она оставалась по прежнему спокойною, ровною, глубоко любящей, но сдержанной въ проявленіи своихъ чувствъ. Онъ замѣчалъ ей о такой »сухости«, но она отвѣчала всегда: »я не могу быть другой... ты знаешь, что я люблю тебя... но я ужъ такая...« Но къ

тихой нѣжности, къ ласковой заботливости она была склон
Она не свѣтила ему, но грѣла. И хорошо всетаки, те
было ему съ ней. Онъ зналъ, что она живетъ его инте
сами, понимаетъ ихъ и всегда душою съ нимъ. Онъ бы
доволенъ. Но его натура была изъ увлекающихся, не
ривпшаяся только на одномъ спокойствіи, на тихой лас
Въ немъ иногда пробуждалась жажда другой жизни, и
любви: ему хотѣлось огня, страсти, свѣта, »вихря как
то«, какъ самъ онъ выражался. И вотъ онъ случайно сто
нулся съ Зубовой. Она захватила его, захватила такъ
которыми особенностями своей натуры — капризной, не
ной, деспотически-взбалмошной, но кипучей и страст
что онъ въ какомъ-то чаду, въ порывѣ, рѣшился разб
свое спокойное счастіе и броситься въ бурныя воды но
жизни. Онъ почувствовалъ, что любитъ Зубову, что
именно отвѣчаетъ его натурѣ, его идеалу, а жена...
бовь къ ней была только ошибкой.

Онъ уже занесъ ногу, чтобы сдѣлать послѣдній ша
какъ вдругъ жена внезапно заболѣла. Онъ точно очну
отъ угара. Возможность потерять ее ужаснула его въ т
самый мигъ, какъ онъ самъ хотѣлъ разстаться съ нею. (
понялъ, что если кто дорогъ ему, кого онъ любитъ име
глубоко, такъ это ее — жену. Онъ сжился съ нею вс
фибрами своего сердца... а тамъ, съ Зубовой — именно о
увлеченіе, угаръ...

Это открытіе не испугало его, не наполнило его ду
тоскою въ первую минуту. Онъ былъ радъ, что во-вр
понялъ все, и, какъ бы совсѣмъ вытѣснивъ изъ сердц
думъ Лидію, весь отдался заботамъ о женѣ, ухаживая
нею съ любовью и усердіемъ. Онъ получилъ отъ Зубо
телеграмму, письмо — и послалъ ей короткій, сухой отвѣ
Его даже раздражили нѣкоторыя мѣста письма, и онъ г
вое изъ писемъ Зубовой скомкалъ и бросилъ въ камин

Не разъ, сидя у постели жены, слыша ея ласко
слова, ловя любящій, нѣжный, немного почему-то грусти

взглядъ, устремленный на него, — Борисъ Львовичъ невыносимо страдалъ... »И что, и что я готовилъ ей?« съ болью думалъ онъ: — »я совсѣмъ забылъ о ней, пересталъ обращать на нее вниманіе... Она не существовала для меня за послѣднее время. А какъ она похудѣла... быть можетъ, она все видѣла, понимала и... страдала, ужасно страдала. А я...«

Ему хотѣлось броситься передъ ней на колѣни, во всемъ признаться и умолять о прощеніи... Но онъ овладѣлъ собою, сознавъ всю глупость, даже ненужную жестокость такого раскаянія. У него явилось желаніе поцѣловать руку жены, но въ такія минуты онъ не смѣлъ и этого. Разъ только, уходя изъ спальни, когда жена спала, онъ тихо прикоснулся губами къ ея ногѣ и прошепталъ: »прости, прости меня, дорогая!«

Усилія врача и молодость побѣдили болѣзнь; ее удалось прервать, и Софья Павловна стала поправляться.

Ларинъ успокоился. И вотъ тутъ-то онъ задалъ себѣ вопросъ: »а какъ же съ той? Надо ей написать, сказать всю правду...«

И ему вдругъ стало страшно, жалко все сразу уничтожить, потерять.

»Да вѣдь не хочешь же ты опять?« спросилъ его внутренній голосъ. — Нѣтъ, нѣтъ! отвѣтилъ самъ себѣ Ларинъ, и все же у него не хватило рѣшимости сказать правду. Зубова писала ему довольно часто. Онъ отвѣчалъ неопредѣленно, уклончиво... Одно изъ его писемъ было опять нѣжное и ласковое... »Зачѣмъ, зачѣмъ я такъ пишу ей?« думалъ онъ — и всетаки написалъ и послалъ. Но вотъ онъ получаетъ отъ Зубовой короткое и сухое письмо... »Я не хочу и не могу играть дольше въ жмурки«, писала она: — »вы точно пляшете на канатѣ. Отвѣчайте категорически: будете или нѣтъ въ Москву на этой недѣлѣ, не позже субботы«.

Его опять какъ бы затуманило. Не по прежнему... онъ хорошо сознавалъ, что не броситъ жену, но его что-то и

куда-то манило, хотѣлось чего-то испробовать, продлить от
ношенія къ Зубовой. Точно онъ стоялъ на краю пропаст
или на высочайшей башнѣ: страшно броситься, и онъ зна
етъ, что не бросится, а пріятно смотрѣть внизъ, тянет
что-то туда: и жутко, и хорошо!..

Онъ послалъ опять такое письмо, которое можно был
понять какъ угодно... Онъ писалъ, что пріѣхать не мо
жетъ, еще нельзя, но... и т. д. Просьбы и оправданія был
пересыпаны ласковыми словами, и онъ обращался къ не
по прежнему на »ты«. Онъ зналъ, что письмо непонра
вится Зубовой, но онъ не думалъ, что получитъ такой о
вѣтъ, какой она послала ему черезъ день.

Все было кончено! Она писала...

Ларинъ, который продолжалъ стоять у окна, безцѣль
глядя на улицу, вспомнилъ, что это послѣднее письмо л
житъ у него особо въ конторкѣ. Не давая себѣ отчета
почему онъ дѣлаетъ это, онъ подошелъ къ конторкѣ, о
перъ ее и досталъ письмо. Оно было недлинно, но
теперь, какъ и тогда, нѣсколько лѣтъ назадъ, задѣло его.

»Пишу вамъ послѣднее письмо, Борисъ Львовичъ«,
читалъ онъ, опершись руками о конторку: — »теперь я в
поняла, и, что̀ бы вы ни говорили, какъ бы ни клялись,
не повѣрю. Вы все время лгали мнѣ. Можетъ быть, и н
умышленно, даже я увѣрена, что такъ, но ложь останет
все же ложью. О какъ хорошо, что заболѣла ваша жен
и вы не уѣхали со мною! Вы бы все равно сбѣжали о
меня къ ней, — конечно, не сразу! Вы любите ее, а не мен
Какъ вы ни балансируете, но я все поняла. Пока вы бы
съ ней, пока вамъ не нужно было ее оставлять, и вы мог
сохраняя ее, свое семейное statu quo, *забавляться вым
ками* (помните это выраженіе въ одномъ романѣ, разобра
номъ вами?) — все шло хорошо. Но вотъ пришлось пере
Рубиконъ — и вы не можете сжечь кораблей, сжигая и
лишь... на словахъ! А я... я повѣрила... о какъ я мо

такъ ошибиться? Но слава Богу, что все выяснилось во-время!.. Итакъ, Борисъ Львовичъ, между нами все кончено!.. Слышите, все и навсегда! Такъ и надо... Вамъ нужно вовсе не море, а прудъ, гдѣ вы безбоязненно могли бы плескаться... И свѣта никакого не надо... Съ васъ довольно теплой лежанки, ну, и прекрасно: грѣйтесь на ней!.. Я не изъ охотницъ до лежанокъ и, признаюсь, не могу любить такихъ, какъ вы... Я ошибалась, но разъ все поняла — я не могу любить васъ... Да еслибы еще и любила, такъ смогу затушить чувство... Я люблю ширь поднебесную, а не курятникъ... Будьте же счастливы и наслаждайтесь любовью вашей супруги. Покайтесь ей во всемъ, вымолите прощеніе... Впрочемъ, зачѣмъ: она и не подозрѣваетъ ничего! она счастлива, безмятежна... Будьте и вы счастливы, забудьте все, что было между нами, и усиленными заботами, ласками вознаградите жену за то невниманіе, какимъ ее такъ долго дарили... Не пишите мнѣ — я не отвѣчу. Не пытайтесь увидѣть меня, когда вернусь, — я не приму васъ... Ваши письма я не возвращаю, но не потому, что они дороги... я оставляю ихъ въ урокъ себѣ... Пусть они напоминаютъ о томъ, какъ легко ложь принять за правду... Впрочемъ, когда нибудь я ихъ вамъ верну...«

Да, она сдержала слово: онъ послалъ ей два письма, но не получилъ отвѣта. Онъ телеграфировалъ въ Лоскутную гостинницу, на имя управляющаго, и получилъ извѣщеніе, что »Зубова выбыла въ саратовскую губернію«. Нѣсколько дней спустя, возвращаясь домой откуда-то, онъ увидѣлъ даму около магазина. Ему показалось, что это она — Зубова. Онъ соскочилъ съ извощика и подошелъ къ окну магазина. Нѣтъ, то была не Лидія, хотя поразительно схожа съ ней и по росту, и по фигурѣ, и по манерѣ держаться,— даже шляпка на ней была именно такая, какую носила Зубова.

Онъ все ждалъ, что она вернется; но прошло два года, а Зубова не пріѣзжала. Она поселилась въ Харьковѣ.

И вотъ...

— Ну, и что же! вслухъ произнесъ Ларинъ: — и хорошо, что такъ все случилось!.. Я не могъ долго быть счастливымъ съ нею. И если не я... такъ она еще скорѣе бы оставила меня... Вѣдь, собственно говоря, наши боги совсѣмъ разные!

И все же ему было грустно, жаль чего-то...

»Горскій!« опять сталъ припоминать онъ, положа письмо обратно въ конторку: — »будетъ ли она съ нимъ счастлива долго? Но развѣ мнѣ не все равно?«

Нѣтъ, ему было не все равно: онъ желалъ ей прочнаго счастія... онъ считалъ себя и передъ нею виновнымъ... Да, да, пошли Богъ ей счастія — крѣпкаго, долгаго... Пусть...

— Боря! знаешь, какую я тебѣ новость привезла? воскликнула Софья Павловна, быстро входя въ кабинетъ мужа.

Ларинъ, стоявшій въ задумчивости около конторки, вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Я испугала тебя... ты задумался о чемъ-то, дружокъ? мягко улыбнулась Софья Павловна: — ну, извини!

— Ничего, ничего... какая же новость?

Онъ тоже улыбнулся и протянулъ руку женѣ.

— Лидія Викторовна выходитъ замужъ!

Онъ поблѣднѣлъ и впился пристальнымъ взглядомъ въ лицо жены. У него мелькнулъ опять старый, такъ часто мучившій его вопросъ: »знаетъ она все или нѣтъ?«

»Если и знаетъ, то далеко не все« — рѣшилъ онъ.

— Ты удивленъ, да? промолвила жена.

— Почему же... развѣ ей нельзя выйти замужъ... но за кого же? добавилъ онъ, не находя почему-то возможнымъ признаться, что онъ уже знаетъ.

— За гвардейца Горскаго. Говорятъ — богатъ и красивъ!

Она взглянула на столикъ у дивана и, замѣтивъ чашку съ нетронутымъ кофе, прибавила: .

— А ты и не пилъ?

Она подошла, дотронулась до чашки и сказала съ улыбкой:

— У, совсѣмъ простылъ! Пойдемъ, Боря, въ столовую... Маша подаетъ самоваръ.

— Иди, я сейчасъ...

Когда она ушла, онъ собралъ со стола письма (»видѣла или нѣтъ?« — подумалъ онъ) и заперъ ихъ въ конторку...

»Да, все кончено... и навсегда!« произнесъ онъ мысленно...

И онъ вышелъ изъ кабинета со щемящимъ чувствомъ на сердцѣ.

Ал. Кругловъ

НЕВОЛЬНИЧІЙ БРИГЪ

Изъ А. Шультса

Буйный вѣтеръ мчитъ отъ Конго
Стаи тучъ въ ночи беззвѣздной;
Блещутъ ярко змѣи молній
Надъ кипучей, темной бездной.
По волнамъ, гонимый бурей,
Бригъ летитъ, какъ окрыленный,—
Съ цѣннымъ грузомъ путь направилъ
Онъ на западъ отдаленный.
Цѣнный грузъ запрятанъ въ трюмѣ:
То шестьсотъ рабовъ злосчастныхъ;
Слышны тамъ цѣпей бряцанье,
Вопли, стоны мукъ ужасныхъ...
Но рабамъ никто не внемлетъ:
Далеко ихъ жены, дѣти, —
Грозный вѣтеръ съ ихъ отчизны
Заглушаетъ стоны эти...
Въ ураганъ онъ переходитъ
И чѣмъ дальше — все крѣпчаетъ:
Бригъ трещитъ, — его, какъ щепку,
И бросаетъ, и качаетъ.
Перетрусили матросы
И, въ сердечномъ сокрушеньѣ,
Шепчутъ: »Дѣва пресвятая,

»О, избавь насъ отъ крушенья!..«
А изъ трюма вопли негровъ
Вторятъ вою урагана,—
Страхъ и трепетъ отразились
На лицѣ у капитана.
»Эй! наверхъ сюда всѣхъ черныхъ!
»Мы сильнѣйшаго поставимъ
»Управлять рулемъ и прямо
»Въ портъ Эйландскій бригъ направимъ...«
И, звеня цѣпями, негры
Тихо вылѣзли изъ трюма:
Впереди король, — высокъ онъ,
Мускулистъ, глядитъ угрюмо...
»Расковать его! изъ негровъ
»Онъ всѣхъ крѣпче и бодрѣе...
»Ну-ка, черная собака,
»Становись къ рулю скорѣе!«
И оковы спали (только
Послѣ нихъ чернѣетъ рана) —
Взоръ свой, ненависти полный,
Плѣнникъ бросилъ на тирана:
Негръ недавно властелиномъ
Былъ въ своей странѣ родимой,
Былъ грозой племенъ враждебныхъ,
Вождь, народомъ всѣмъ любимый, —
Но... бѣда пришла нежданно
Отъ измѣны вражьей, скверной:
Онъ былъ преданъ въ руки бѣлыхъ
Со своей дружиной вѣрной.
А потомъ и въ рабство проданъ,
Разлученъ съ дѣтьми, съ женою, —
Долженъ былъ навѣкъ проститься

Со своей страной родною...
Тамъ напрасно раздается
Стонъ семействъ осиротѣлыхъ, —
Увезенъ ихъ вождь поспѣшно,
Ставши собственностью бѣлыхъ.
Онъ въ отчизнѣ былъ такъ счастливъ,
Возсѣдалъ на пышномъ тронѣ,
Камни цѣнные горѣли
Въ золотой его коронѣ...
А теперь? онъ — рабъ злодѣевъ...
Злое горе негра гложетъ,
Но онъ — царь: онъ тутъ съ народомъ
И отмстить тиранамъ можетъ!
И, скрыпя зубами, кинулъ
На врага онъ взглядъ суровый,
Словно левъ разсвирѣпѣвшій,
Тотчасъ въ бой вступить готовый.
Онъ своимъ рукой на море
Показалъ, воскликнувъ: »Бѣлый,
»Полюбуйся: прямо въ гавань
»Царь введетъ народъ свой смѣлый!«
Мигъ... и кинулся онъ въ воду,
И за нимъ во слѣдъ покорно
Всѣ шестьсотъ, гремя цѣпями,
Быстро скрылись въ безднѣ черной...
Утромъ прибылъ въ Санъ-Доминго
Бригъ, отъ груза облегченный,
Потерпѣвшій отъ крушенья
И грѣхами отягченный...

П. Быковъ

Начало общественной и частной жизни въ столицѣ

„Богатырь его построилъ,
„Топь костями набучилъ".

Первые пришельцы. — Насильственное заселеніе города. — Первыя постройки. — Дѣленіе города на пять частей. — Тяжкая жизнь рабочихъ. — Постоянные домы, австеріи, трактиры и публичныя увеселенія. — Толкучій рынокъ. — Мытный и почтовый дворъ. — Первый оберполицеймейстеръ Петербурга. — Городское благочиніе. — Кушанья, число блюдъ, обѣды, питье, вина. — Народные обычаи на свадьбахъ и похоронахъ. — Шутовскіе обряды при дворѣ. — Богадѣльня, воспитательный домъ и школа. — Духовенство. — Церковные и орденскіе праздники. — Наводненія въ городѣ. — Повальное пьянство народа. — Азартныя игры. — Начало роскоши. — Бироновское время.

Первая общественная и частная жизнь въ нашей столицѣ родилась на Петербургской сторонѣ. Петръ Великій, основавъ крѣпость, для надзора за рабочими построилъ себѣ домикъ, существующій посейчасъ подъ каменнымъ сводомъ. Близъ своего скромнаго жилища царь позволилъ приближеннымъ къ нему лицамъ возводить себѣ постройки. Вмѣстѣ съ этими постройками образовались на той же Петербургской сторонѣ двѣ слободы: россійская и татарская, съ неправильными улицами, гдѣ поселились присланные рабочіе изъ всѣхъ городовъ, посадовъ и селеній Россіи, кромѣ азовской и кіевской губерній.

Въ новосозидаемомъ городѣ сперва работниками были ссыльные, туземные жители и частью плѣнные шведы, а также бѣглые солдаты, которые посылались сюда на работу для того, какъ сказано было въ указѣ, „чтобы и впредь инымъ такимъ со службы и изъ полковъ бѣгать было неповадно". Но число такихъ рабочихъ вскорѣ оказалось недостаточно, и государь повелѣлъ выслать 40.00 работниковъ, по 20.000 въ смѣну, изъ всей Россіи. Въ этотъ счетъ не входили кирпичники и каменщики. Работники присылались изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Рос-

сіи и самой Сибири; они должны были брать съ собою нужны для работъ орудія, а хлѣба и запасу — столько, сколько необходимо въ дорогѣ до Петербурга; пришедши же на мѣсто, они получали хлѣбъ отъ казны и денегъ по полтинѣ на мѣсяцъ. Всѣхъ рабочихъ въ 4 года выслано было изъ губерній на петербургскія работы 148.000 человѣкъ.

Успѣвъ заложить крѣпость, Петръ задумалъ заселить и возникающій городъ, и въ 1712 году повелѣлъ, „чтобы недорослей всѣхъ городскихъ жителей и фамилій и знатныхъ, и низкихъ чиновъ, которые для наукъ въ школахъ и въ службу и къ какимъ дѣламъ не опредѣлены, выслать въ С.-Петербургъ на житье безсрочно". Царедворцы и всѣ другіе чины, за которыми состояло крестьянъ не менѣе 30 дворовъ, должны были ѣхать тоже въ Петербургъ, построивъ предварительно там домы. Этому же повеленію были подчинены и 300 человѣкъ гостей „изъ гостиной сотни", чернослободцы московской и другихъ губерній и 300 человѣкъ мастеровыхъ „всѣхъ художествъ".

Помѣщики обязаны были строить каменные домы по числу крестьянскихъ дворовъ, имъ принадлежащихъ: съ 1.000—700 дворовъ строился домъ не менѣе какъ на десяти саженяхъ, съ 700—500 дворовъ — на 8 саженяхъ и т. д.; а съ 300—100 дворовъ позволялось строить мазанки или деревянные домы какой угодно величины. Но многіе указы царя не имѣли успѣха, — явились болѣе суровые; повелѣно было высылать силой; а буде нѣкоторые съ высылкой нарочно медлить, то они „яко клятвопреступники и преслушники указа, съ разореніемъ домовъ и всего имѣнія ихъ жестоко наказаны будутъ". Черезъ годъ государь отмѣнилъ это строгое распоряженіе и повелѣлъ тѣхъ, которые еще не высланы, не отправлять болѣе, равно отпустить восвояси и тѣхъ, которые живутъ въ городѣ одиноки и скудные, домовъ своихъ не имѣютъ или торгами и прочимъ не озаводились. Также позволялось и помѣщикамъ ѣздить въ свои деревни и куда хотятъ, только не болѣе, какъ на пять мѣсяцевъ.

Народонаселеніе столицы пополнялось и такими лицами, которыя теперь извергаются изъ обществъ. Бродяги, непомнящіе родства, люди, называющіе себя незаконорожденными, ссы-

лались въ Петербургъ на житье. Жители, наказанные публично кнутомъ, также оставались въ немъ, исключая только тѣхъ, которые были приговорены канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Мѣры строгости въ отношеніи къ заселенію Петербурга нужны были и послѣ пятидесятилѣтія его существованія *). Дворяне неохотно ѣхали жить въ столицу, даже на время, по очереди, а не безсрочно, какъ было сначала. Въ отвращеніе этого сенатъ повелѣлъ въ 1756 году: „штабъ и оберъ-офицеровъ, назначенныхъ по расписанію герольдмейстерской конторы на житье въ С.-Петербургъ, реверсами обязать къ явкѣ къ 1 числу января 1757 года непремѣнно, укрывающихся сыскивать и высылать въ самой крайней строгости, а если и затѣмъ не исполнятъ они высочайшей воли, то недвижимыя ихъ имѣнія отписывать на Ея Императорское Величество, и ихъ самихъ высылать на житье въ столицу на другой годъ безъ очереди".

Постройки въ первые годы возникновенія города были крайне неприглядны; иностранцы, посѣтившіе Петербургъ въ это время, описываютъ ихъ такъ. Дома строились по русскому образцу изъ бревенъ, положенныхъ накрестъ одно на другое, и состояли изъ одной комнаты съ большою печью, гдѣ варилось и жарилось все. Вмѣсто окошекъ, въ избѣ дѣлались два небольшія четыреугольныя отверстія, закрывавшіяся доской, которая свободно двигалась туда и сюда. Жители позажиточнѣе, а равно бояре и знатные, вставляли въ такія окошечки слюду или же просто вклеивали туда бумагу, свиной пузырь, а иногда ветошку изъ закоптѣлаго холста.

Внутри крѣпости стояло нѣсколько небольшихъ домовъ, крытыхъ дерномъ. Такія крыши сначала покрывали гонтомъ или берестою, и на нихъ уже настилали дернъ. Въ этихъ первыхъ петербургскихъ домахъ помѣщались комендантъ съ офицерами и солдатами гарнизона, также хранились боевые снаряды, припасы и т. д.

Гдѣ теперь въ крѣпости главное казначейство, на томъ мѣстѣ при Петрѣ былъ сенатъ, переведенный изъ Москвы; онъ помѣщался въ мазанковомъ зданіи объ одномъ этажѣ; чертежъ

*) См. Заблоцкой — Статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургѣ.

въ простиралось на 259 верстъ, а укрѣпленія — на 17 верстъ. арь на Васильевскомъ островѣ повелѣлъ строиться всему шля-тству (дворянству), духовному чину и купечеству, склады-ясь — въ случаѣ бѣдности — по два хозяина на одинъ домъ; то же время повелѣно было во всей имперіи прекратить ка-енную работу.

При Петрѣ заложены были близь истока Фонтанки лѣтній ворецъ и ниже его зимній (гдѣ теперь помѣщается л.-гв. Пре-раженскій полкъ), затѣмъ еще каменные дворцы для царевны атальи Алексѣевны и царевича Алексѣя Петровича (на Шпа-рной улицѣ); литейный дворъ и вокругъ его Литейная сло-да. Затѣмъ въ это же время нѣкоторые изъ придворныхъ по-чили дозволеніе выстроить для себя домы на лѣвой сторонѣ евы: это были графъ Брюсъ, князь Гагаринъ и Шафировъ. Выборгской сторонѣ построенъ былъ госпиталь для военныхъ новъ; затѣмъ были сооружены Петропавловскій соборъ, зда-12-ти коллегій (гдѣ университетъ), часть зданія академіи укъ (бывшій дворецъ царицы Прасковьи).

Но, несмотря на быстрый ростъ столицы, жители всячески лонялись отъ житья въ Петербургѣ, и хотя строили домы, при первой оказіи покидали ихъ.

Веберъ *) разсказываетъ, что зимою 1716 года прибыло въ тербургъ 200 дворянскихъ семействъ, чтобы поселиться здѣсь. рибывшіе дворяне жаловались, что такое переселеніе лишило ъ двухъ третей состоянія. Въ Петербургѣ имъ приходилось роиться и платить за все втридорога.

Переселенные въ Петербургъ крестьяне страдали еще бо-е; по свидѣтельству иностранцевъ, они переносили всѣ бѣд-вія съ невѣроятнымъ терпѣніемъ, говоря только, что имъ іятнѣе было бы умереть. Иностранцевъ поражало въ русскомъ ловѣкѣ полнѣйшее равнодушіе къ жизни: когда кто нибудь ъ рабочихъ въ Петербургѣ дѣлался боленъ, то ложился на млю, мало заботясь — выздоровѣетъ ли, умретъ ли, и не при-мая никакихъ медицинскихъ пособій.

Беркгольцъ разсказываетъ, что крестьянъ, которые умирали работахъ, тотчасъ же тамъ и зарывали. Веберъ свидѣтель-

*) Das veränderte Russland, I. 229.

ствуетъ, что въ то время запрещены были плачъ, вой и приговариванья надъ умершими, и вообще весь обрядъ погребенія рабочихъ былъ самый немногосложный: если умиралъ крестьянинъ, то его клали гдѣ нибудь на видное мѣсто и зажигали восковую свѣчу, чтобы вызвать у проходящихъ подаяніе на погребеніе; сострадательные прохожіе клали деньги у свѣчи, и когда близкіе покойника или тѣ, кто взялся похоронить его, считали сборъ достаточнымъ на покрытіе издержекъ, то завертывали тѣло въ рогожу, завязывали его кругомъ веревками, какъ мѣшокъ, и клали на носилки, которые двое носильщиковъ на плечахъ относили къ могилѣ. Веберу случилось разъ видѣть, что двое крестьянъ несли уже такимъ образомъ покойника, но видно еще не собрали достаточно денегъ, почему и положили тѣло на землю, зажгли свѣчу и, сдѣлавъ обычное крестное знаменіе, стали выжидать подаяній; однако ихъ не было, а между тѣмъ ночь приближалась: въ надеждѣ на большій сборъ завтрашнимъ днемъ, носильщики отложили погребеніе и, высмотрѣвъ подъ ближайшимъ мостомъ небольшое пространство, втиснули туда тѣло; головѣ покойника не оказалось мѣста, а потому все тѣло вталкивали и сгибали до тѣхъ поръ, пока оно не было все скрыто. Затѣмъ рабочіе, помолясь, удалились и уже на другой день отнесли трупъ на кладбище.

Крестьяне приходили въ Петербургъ, утомленные путемъ, и тотчасъ принимались за земляную работу, непривычную для другихъ; у многихъ изъ нихъ не было необходимыхъ ни лопатъ, ни заступовъ, ни тачекъ. При возведеніи земляныхъ укрѣпленій нужна была земля, а послѣдней по близости не было, кругомъ виднѣлись только болотистыя и низменныя мѣста, покрытыя мхомъ и водою; приходилось таскать землю изъ дальнихъ мѣстъ въ мѣшкахъ, рогожахъ или даже просто въ полахъ платья.

Рабочіе долгое время оставались безъ пристанища, укрываясь въ шалашахъ посреди болота на сыромъ вредномъ воздухѣ. Къ тяжкимъ бѣдамъ присоединялся еще недостатокъ въ съѣстномъ и необходимомъ. Въ первыя десять лѣтъ существованія Петербурга, тамъ невозможно было почти ничего достать, кромѣ рѣпы, капусты и травы для домашняго скота, и то въ незначительномъ количествѣ. Коровъ, овецъ, свиней и т. п.

прежде основанія города можно было купить за небольшія деньги, но когда начался строиться Петербургъ, мѣстныя средства къ пропитанію скоро истощились, и бѣдняки довольствовались капустой, рѣпой, вовсе не видя обѣда.

Хотя иностранцы и видѣли на невской набережной сотни, даже тысячи струговъ, приходившихъ изъ Ладоги, Новгорода и другихъ городовъ съ товарами и съѣстными припасами, но иногда цѣны въ Петербургѣ вдругъ возвышались на все, и это происходило оттого, что бо́льшая часть съѣстныхъ припасовъ вдругъ истощалась.

Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о количествѣ потреблявшихъ въ Петербургѣ хлѣбныхъ запасовъ, находимъ въ отчетахъ того времени, что здѣсь, напр., въ 1714 году, для продовольствія войска и рабочихъ состояло на лицо муки 100.000 четв., крупъ 6.250; заподряжено было сенатомъ муки 46.864 четв., крупъ 5.452 ч., да сверхъ того требовалось еще купить и подрядить муки 143.134 четв., крупъ 7.298 ч. въ городахъ Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ, Нарвѣ и друг. *)

Но недостатокъ хлѣба обильно вознаграждался для петербуржцевъ дичью и рыбою: воды Петербурга были полны вкусною рыбою разныхъ родовъ; изъ рѣчныхъ особенно много было харіусовъ, затѣмъ ловилось множество лососины и форелей. Однако, несмотря на такое обиліе рыбы, живую и свѣжую было очень трудно достать; привозили на рынки только сонную и соленую; запахъ отъ нея, по словамъ иностранцевъ, былъ слышенъ за нѣсколько шаговъ, но русскіе ѣли ее съ большою охотою. Причиной большаго употребленія рыбы были и посты. Лѣсная дичь въ окрестностяхъ Петербурга водилась тоже въ изобиліи; глухари, тетерева, рябчики, дикія утки продавались на рынкахъ за ничтожную цѣну: тетеревъ зимой стоилъ 5—6 коп., пара рябчиковъ около 4 коп. и т. д. Отъ избытка дичи за господскимъ столомъ дичи никто не ѣлъ, и вся она шла на людской столъ.

Жили переселенцы въ избахъ очень неряшливо, не знали постелей и ночью покрывались одеждою и разными лохмотьями. По обыкновенію рабочіе ложились спать, когда изба совсѣмъ

*) Полн. собр. закон. V. 2731.

нагрѣвалась, на большой печкѣ, похожей на тѣ, которыя уст
вались въ пекарняхъ, или же на доскахъ, вдѣланныхъ
повѣшенныхъ на веревкахъ у потолка. Эти доски, по слов
иностранцевъ, были не ниже одного фута, или много
15—16 дюймовъ, такъ что можно было бы ожидать, что
щіе тамъ люди падали и ломали себѣ шеи; однако этого не
чалось: на узенькихъ доскахъ спали также благополучно,
и на широкихъ постеляхъ. Иностранцы видѣли, что здѣсь
мѣщалось спать отъ 15 до 20 человѣкъ: они свѣшивали
головы, но ни одинъ изъ нихъ, разъ забравшись наверхъ,
только не падалъ, но даже не ворочался и въ продолженіе
оставался въ одномъ и томъ же положеніи. Между спящ
всегда раздавался такой храпъ, что можно было вообра
себя на какой нибудь шлифовальной мельницѣ. Спали со
шенно раздѣвшись, какъ ни попало, не обращая вниманія
полъ и возрастъ; тутъ же находились собаки, кошки, тел
свиньи и т. п. Избу въ ночное время можно было сравнит
контильней. Легко себѣ вообразить, какое отвращеніе возб
дало все это въ непривычномъ путешественникѣ. Надо еще
мѣтить, что всѣ избы были курныя, безъ трубъ. Насѣком
въ стѣнахъ и щеляхъ было множество, и они усугубляли с
данія спавшихъ. Иностранцы обратили вниманіе и на колыб
которыя висѣли на шестахъ; вмѣсто свѣчей употреблялась
кая расколотая лучина: она втыкалась одна за другою въ
лѣзныя вилки, подъ которыми становилась иногда лохань
водою. Случалось и такъ, что лучину втыкали и въ стѣну,
заботясь, загорится ли домъ отъ этого или нѣтъ. Двери въ
бахъ дѣлались очень низкія, такъ что, входя въ нихъ, надо
было непремѣнно сгибаться въ три погибели. Когда дверь
ворялась, чадъ и дымъ обдавали такъ сильно, что непри
ному человѣку можно было лишиться чувствъ или задохнут
Неудивительно, что бѣдные переселенцы гибли и мерли,
свидѣтельству очевидцевъ Вебера и Берхгольца, какъ мухи

Какъ уже сказано, въ первые годы существованія Пет
бурга построено было болѣе деревянныхъ, нежели мазанков
или фахверковыхъ домовъ: этотъ послѣдній родъ постройки
зывался тогда прусскимъ. Изъ числа мазанковыхъ Петръ
собственноручно въ 1710 году заложилъ одинъ такой домъ

Петербургской для типографіи. Этотъ домъ назначенъ былъ считаться образцовымъ. Затѣмъ существовали и деревянные дома образцоваго вида; такой существовалъ тоже на Петербургской сторонѣ, въ одинъ ярусъ или жилье. По этому первому образцу было построено въ 1714 г. семь домовъ для чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Начало Петербурга, какъ говоритъ одинъ иностранецъ, бывшій въ немъ въ первые годы — было не пышное, не великолѣпное; первыя строенія походили на хижины, построенныя героями для отдыха на полѣ побѣды, или на лагерь, временно расположенный при вновь строющейся крѣпости.

Нельзя, конечно, думать, чтобы въ самомъ началѣ заложенія построекъ на Невѣ Петръ имѣлъ уже твердое намѣреніе устроить здѣсь свою столицу. Онъ несомнѣнно только желалъ поставить здѣсь крѣпость. Но мысль о столицѣ уже утвердилась у него послѣ Полтавской побѣды, какъ надо это думать, принимая въ соображеніе всѣ распоряженія царя къ постройкѣ и заселенію Санктпетербурга.

Для пріѣзжавшихъ въ новый городъ людей на Петербургской сторонѣ противъ палатъ генерала Брюса были поставлены крытые тесомъ и выкрашеные постоялые дворы. Дворы эти были казенные, построенные солдатами петербургскаго гарнизона. По постройкѣ ихъ состоялся указъ: останавливаться въ новыхъ постоялыхъ домахъ всѣмъ пріѣзжавшимъ въ Петербургъ, которыхъ воспрещено было принимать на квартиры въ частные дома; въ противномъ же случаѣ грозилось „жестокимъ штрафомъ презирателямъ его величества высокаго указа“...

Передъ постоялыми дворами находились мясные и рыбные ряды и садки съ живой рыбой. Другой постоялый дворъ или, вѣрнѣе, питейный домъ стоялъ на другой сторонѣ Невы, гдѣ теперь Мраморный дворецъ; послѣдній былъ деревянный съ двумя идущими вокругъ галлереями. Издали онъ имѣлъ очень красивый видъ, но въ немъ, какъ говоритъ первый описатель Петербурга, трудно было допроситься вина, хотя царь иногда устроивалъ тамъ ассамблеи и пиршества, и лѣтомъ 1716 года праздновалъ тутъ свои именины и годовщину Полтавской побѣды.

Извѣстна также уже въ 1705 году, близъ Петровскаго крѣ-

постнаго моста на лѣвой рукѣ, первая въ городѣ австерія. Этотъ домъ былъ въ 8 оконъ, крытый черепицей и обведенный кругомъ пониже оконъ балюстрадою. Здѣсь продавалось вино, карты, пиво, водка и табакъ; доходъ со всего этого поступалъ въ царскую казну. Предъ австеріей отправлялись всѣ торжества и сожигались фейерверки. По праздникамъ царь, отъ обѣдни въ Троицкой церкви, заходилъ сюда выпить чарку водки, вмѣстѣ съ корабельными мастерами и шкиперами. Голландцы увѣряютъ, что этотъ обычай Петръ перенялъ у нихъ.

Около австеріи стоялъ въ петровское время еще кофейный домъ; первый же въ Петербургѣ трактиръ стоялъ противъ Троицкой церкви на самомъ берегу Невы, у пристани: сюда нерѣдко захаживалъ и самъ царь послѣ обѣдни. Трактиръ помѣщался въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ въ десять оконъ на Неву.

Первые общественные праздники давались въ Петербургѣ на Троицкой площади передъ церковью. Здѣсь праздновалась полтавская годовщина, бывали смотры, парады. Сюда Петръ Великій являлся въ своемъ простомъ зеленомъ кафтанѣ съ небольшими красными отворотами; въ рукахъ у него была прострѣленная шляпа, а нерѣдко та палка или „дерезинный ходатай", которая не разъ служила темою для ритерскихъ исторій современныхъ витій. Троицкая площадь была также частою свидѣтельницею цѣлаго ряда ужасныхъ казней, самыхъ обыкновенныхъ въ то суровое время.

На Троицкой площади разгуливали и выдѣлывали разные фокусы люди на ходулях, длившихся иногда цѣлыя недѣли. На ихъ заказъ не ужасъ, и горе было осрамившимся: если они были больны, то къ нимъ посылались медики, и если отсутствіе считалось умышленнымъ, то на нихъ налагались штрафы, въ родѣ того, что въ назначенный день въ синіе праздничные кафтаны были напущены огромную порцію водки, извѣстную подъ именемъ огненной крови „большого орла". Особые надзиратели за праздничной забавой, чтобы никто не ушелъ и кровь всѣ пили. Царь строго наблюдалъ, чтобы и женщины пили столько же, сколько мужчины. Женщины не избѣгали по подобныхъ случаяхъ напиваться. Отъ подобныхъ штрафовъ не могли избѣгнуть сами виночерпіи. Петръ, желая [illegible]

ходясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, она не явилась въ послѣднихъ числахъ октября на маскарадную процессію, гулявшую слишкомъ три недѣли по Петербургу, по случаю заключенія въ 1721 году ништадтскаго мира. За такое ослушаніе ей было приказано явиться вмѣстѣ съ тридцатью другими дамами въ сенатъ, гдѣ Девьеру и деньщику Татищеву велѣно было заставить ихъ выпить столько, сколько пили другіе, причемъ, въ наказаніе, въ вино примѣшивали водку. Олсуфьева въ слезахъ умоляла Екатерину спасти ее и уговорила ее взять на себя ходатайствовать за нее, но Петръ отказалъ наотрѣзъ, говоря, что снисхожденіе къ нѣмкѣ усилитъ непріязнь русскихъ къ иностранцамъ. Несчастная терзалась всю ночь и преждевременно родила мертваго младенца, который былъ посаженъ въ спиртъ.

Самымъ люднымъ мѣстомъ по постройкѣ Петербурга былъ толкучій рынокъ; какъ мы уже говорили, тамъ стояли въ два ряда лавочки — здѣсь сидѣли пирожники, хлѣбопеки, маркитанты, здѣсь же продавалось платье, лапти, сапоги, сѣдла, хомуты и др. пред. Около этихъ лавокъ толпилась всегда масса народа, отчего здѣсь была такая тѣснота, что проходившіе должны были держать свои карманы, кошельки, даже самыя шляпы съ париками, чтобы сохранить ихъ отъ воровъ. Первый повѣствователь о Петербургѣ разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ однажды гвардейскій полковникъ и дама изъ нѣмцевъ, проходя по рынку, не приняли нужныхъ предосторожностей, и одинъ возвратился домой безъ шляпы и парика, а другая вышла изъ толпы безъ фонтанжа. Это съ ними случилось въ разныхъ мѣстахъ рынка, у одного послѣ другой, и притомъ очень просто: какой-то человѣкъ верхомъ на малороссійской лошаденкѣ, проѣзжая мимо нихъ, стащилъ головные уборы особеннаго устройства вилами. Толпа, видя это, смѣялась и отпускала остроты, но никто не оказалъ помощи къ возвращенію похищеннаго, и всѣ продолжали идти своей дорогой.

Также весьма многолюднымъ мѣстомъ было на самомъ берегу Невы, подъ крѣпостью, большое четвероугольное зданіе — мытный дворъ. До сихъ поръ перевозъ въ этой мѣстности называется „мытнымъ“, а сосѣдственныя бани — „мытнинскими“. На этомъ мѣстѣ складывалось все, что относилось до домаш-

няго хозяйства. Недалеко отсюда, на берегу, построена была на сваяхъ бойня. Мѣста, застроенныя по лѣвую руку отъ бойни и мытнаго двора, звались „русскою слободою"; здѣсь жили небогатые люди, и только по берегу стояло нѣсколько красивыхъ деревянныхъ построекъ: здѣсь помѣщалась губернская канцелярія, жилъ вице-губернаторъ, ландрихтеръ и другіе чиновники.

Русскіе, по словамъ иностранцевъ, уже въ первое время по возникновеніи Петербурга отличались способностью подражать иностранцамъ. Берхгольцъ, прибывши въ Петербургъ въ 1721 году изъ Парижа, увидалъ въ первый разъ въ Лѣтнемъ саду избранное петербургское общество въ дорогихъ модныхъ нарядахъ, въ изысканныхъ прическахъ, со множествомъ бриллiантовъ и т. д. „Признаюсь, — восклицаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — я вовсе не ожидалъ, что здѣшній дворъ такъ великолѣпенъ".

Берхгольцъ подробно упоминаетъ и о почтовомъ дворѣ, гдѣ, какъ мы уже говорили, прежде была виноторговля. Домъ этотъ въ его время былъ двухъэтажный; въ полдень здѣсь, по обычаю нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ, играли двѣнадцать музыкантовъ на трубахъ и рожкахъ. Здѣсь иногда царь давалъ ассамблеи. Когда учредили тамъ почтовый дворъ, туда назначили, вмѣстѣ съ почтмейстеромъ, и трактирщика, нарочно выписаннаго изъ Данцига. Послѣдній обязанъ былъ кормить и давать помѣщеніе пріѣзжающимъ. Впослѣдствіи, когда, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, буйные лейбъ-кампанцы стали производить буйства и драки въ трактирѣ, трактирщику былъ данъ офицерскій чинъ. Во времена Берхгольца на почтовомъ дворѣ должны были останавливаться всѣ до пріисканія квартиръ.

Передъ адмиралтействомъ, отъ проспекта до дворцовой площади, былъ морской рынокъ, гдѣ около Невскаго стоялъ кабакъ, называвшійся петровскимъ кружаломъ. У нынѣшняго Полицейскаго моста была канцелярія полицеймейстера, и здѣсь же торговали въ шалашахъ и ходили торговцы съ товарами, отчего проѣздъ по улицамъ былъ крайне затруднителенъ, и нерѣдко происходили жестокія драки. Впослѣдствіи ходящихъ торговцевъ и съ возами приказано было перевезти къ кружалу на площадь. При Петрѣ послѣдняя представляла лугъ, порос-

шій травой. Здѣсь по праздникамъ собирались большія толпы народа и, подгулявъ въ кружалѣ, вступали въ кулачный бой. Полиція тогда не вступалась въ это и не препятствовала кулачнымъ боямъ, видя въ нихъ особенный родъ молодечества.

Первымъ генералъ-полицеймейстеромъ Петербурга былъ Девьеръ, Антонъ Эмануиловичъ, родомъ итальянецъ; при назначеніи его въ эту должность, ему отъ царя были даны пункты: „какъ врученное дѣло управлять". Всѣхъ пунктовъ было двѣнадцать, въ нихъ были изложены обязанности полиціи о наблюденіи за правильностью построекъ въ городѣ, чистотою на улицахъ и переулкахъ, порядкомъ на торговыхъ площадяхъ и т. д. Полиція должна была осматривать три раза въ году печки, уничтожать „шинки, зернь, картежную игру и другія похабства", хватать людей подозрительныхъ и слоняющихся; отбирать отъ домохозяевъ свѣдѣнія о пріѣзжающихъ, учреждать ночные караулы, причемъ „караульщики по ночамъ ходили бы съ трещотками, какъ обычай въ другихъ земляхъ".

Опредѣлены были и наказанія за нарушеніе этихъ пунктовъ. Такъ, домохозяевъ за необъявленіе о пріѣзжающихъ подвергали наказанію кнутомъ, ссылкѣ въ каторгу, а ихъ имѣніе отбиралось на государя. Кто въ рынкахъ продавалъ негодные продукты, въ первый разъ былъ битъ кнутомъ; во второй ссылался на каторгу, а въ третій подвергался смертной казни. По улицамъ предписывалась величайшая чистота, „чтобы никакого скаредства и мертвечины по улицамъ не валялось". Каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ противъ своего двора рано утромъ или вечеромъ, когда по улицамъ не было ни ѣзды, ни ходьбы, сметать съ мостовъ всякій соръ, а камни, которые выламывались въ продолженіе дня, поправлять и вообще не допускать никакого сора по улицамъ. За неисполненіе этого правила взыскивался штрафъ по двѣ деньги съ сажени въ ширину двора. Особенно строго преслѣдовалось засореніе рѣкъ и каналовъ. Также было постановлено, чтобы торговцы съѣстными припасами по улицамъ и въ лавкахъ „ходили въ бѣломъ мундирѣ по указу, а мундиры бы дѣлали по образцу, какъ въ мясномъ и рыбныхъ рядахъ у торговыхъ людей". Съ неисполнителей брали штрафъ, а товаръ отбирали „на великаго государя". Извощиковъ, которые ѣздили на невзнузданныхъ лоша-

дяхъ и топтали пѣшеходовъ, за первый разъ наказывали ко[illegible]ками, за второй — кнутомъ, за третій — ссылкой въ каторгу. Для содержанія города въ чистотѣ Девьеръ просилъ 25 фурманщиковъ съ 50 лошадьми — это по смѣтѣ стоило въ годъ 2.753 руб. „Для прекращенія воровскихъ приходовъ и всякихъ непотребныхъ людей“ учреждены были шлагбаумы на улицахъ, и ночью при нихъ находился караулъ съ дворовъ по очереди; такіе шлагбаумы были сдѣланы въ концѣ каждой улицы, ночныхъ караульщиковъ было 1.200 человѣкъ. Шлагбаумы опускались ежедневно вечеромъ въ одиннадцатомъ часу и подымались послѣ пробитія утренней зари въ крѣпости; чрезъ шлагбаумы пропускались: священники, лекаря, повивальныя бабки, военныя команды и посланные по дѣламъ службы; также безъ задержанія пропускали знатныхъ персонъ, которыя шли въ сопровожденіи служителей съ фонарями.

Съ 1721 года на петербургскихъ улицахъ появились первые фонари — годовое освѣщеніе улицъ стоило 21.438 рублей; каждый фонарь тогда стоилъ 26 руб. 24 алт. Освѣщеніе продолжалось только 5 часовъ, коноплянаго масла сгорало 80 золотниковъ. Во всемъ городѣ было 64 фонарщика. Въ первые года, какъ пишутъ иностранцы, порядокъ въ городѣ былъ исправный — самъ государь строго преслѣдовалъ ослушниковъ полицейскаго устава. Генералъ-полицеймейстеръ Девьеръ славился своею строгостью и быстротою въ исполненіи царскихъ повелѣній; обывателямъ онъ внушалъ такой страхъ, что они дрожали при одномъ его имени.

Штеллинъ въ своихъ анекдотахъ о Петрѣ Великомъ приводитъ разсказъ, касающійся Девьера. Однажды царь, проѣзжая по Мойкѣ на Адмиралтейскую сторону на одноколкѣ, вмѣстѣ съ Девьеромъ, подъѣхалъ къ мосту черезъ каналъ у Новой Голландіи; мостъ оказался плохимъ, и проѣхать было опасно. Петръ приказалъ своему деньщику сдвинуть быки, а между тѣмъ тутъ же отсчиталъ Девьеру нѣсколько ударовъ дубинкой, приговаривая: „это лучше прибавитъ тебѣ памяти о попеченіи и содержаніи мостовъ и улицъ въ порядкѣ — будешь самъ все осматривать!“ Потомъ царь сѣлъ въ одноколку и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, сказалъ Девьеру: „садись, братъ!“

И полиція тоже не церемонилась на улицахъ съ обыкно-

земными смертными и даже не съ особенно чиновными. Такъ, тотъ же Веберъ разсказываетъ, какъ онъ разъ явился на балъ къ Апраксину, и караульный офицеръ не пропустилъ его въ залу; а когда онъ настаивалъ на своемъ правѣ, то безъ дальнихъ околичностей былъ столкнутъ съ подъѣзда. По поводу этого приключенія этому дипломату одинъ иностранный министръ далъ наставленіе непремѣнно носить въ Петербургѣ одежду, всю по швамъ вышитую золотомъ и серебромъ, и имѣть двухъ служителей, которые, идучи бы впереди, кричали: „долой съ дороги!“ Безъ этого правила—добавлялъ онъ — въ Петербургѣ всегда онъ можетъ подвергаться разнымъ непріятностямъ и оскорбленіямъ. Онъ же разсказываетъ, что при посѣщеніи домовъ знатныхъ вельможъ ему приходилось часто мерзнуть на дворѣ, пока самъ вельможа не увидитъ его, потому что ни одинъ изъ служителей не хотѣлъ о немъ докладывать.

Веберу приходилось не разъ наблюдать, какъ знатныя тогда петербургскія красавицы, одѣтыя въ новомодныя французскія платья, не умѣли носить ихъ, и притомъ всѣ дамы имѣли черные нечищенные зубы, — это происходило оттого, что старинное русское барство было того мнѣнія, будто бы бѣлые зубы бываютъ у однихъ обезьянъ и арабовъ. Онъ же повѣствуетъ, что когда садились за столъ на торжественныхъ обѣдахъ, то самъ хозяинъ и хозяйка, не исключая царя и знатныхъ, первымъ долгомъ подносили на тарелкѣ рюмку водки каждому приглашенному; пріятели же и друзья дома удостоивались отъ хозяйки поцѣлуя. За обѣдомъ ранѣе подавали холодныя кушанья, окорока ветчины, соленыя рыбы, приправленныя деревяннымъ масломъ, чеснокомъ и лукомъ. Все это оставалось на столѣ около часу; затѣмъ слѣдовали похлебки, жареныя и горячія кушанья, и, наконецъ, подавались сласти. Здоровье начинали пить, какъ садились за столъ; пили изъ большихъ хрустальныхъ бокаловъ. При торжественныхъ обѣдахъ не употреблялось другаго вина, кромѣ венгерскаго. Часъ обѣда всегда бывалъ въ полдень. Знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи; жены съ дѣтьми обѣдали особо, но незнатные дворяне всегда обѣдали вмѣстѣ съ прочими членами семьи. Столъ накрывался скатерью, но это не всегда соблюдалось: очень часто незнатные люди обѣдали безъ

скатерти и на голый столъ ставили кушанья и клали ломт
хлѣбъ. Двое домашнихъ служителей завѣдывали порядк
обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій; ключн
находился въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій
при столѣ и при поставцѣ съ посудой, стоявшемъ всегда
тивъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанья
поварни; ключникъ и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзыв
на куски, отвѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ста
предъ господиномъ и сидѣвшими за столомъ. Обыкновенно
шанье подавали разрѣзаннымъ на тонкіе куски, такъ что мо
было ѣсть ихъ руками; отъ этого тарелки, поставленныя пер
обѣдавшими, не перемѣнялись во все время обѣда, ибо обѣ
піе касались своей тарелки тогда только, когда случалось
сать на нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда п
валось на два или на три человѣка въ одной мисѣ, и всѣ
изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать привод
въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашихъ обычаевъ; им
нравилось и то, что русскіе за столомъ зѣвали, вытягивал
рыгали и пр. На званыхъ обѣдахъ было иногда до пятидес
блюдъ. Слуги, подававшіе кушанья, назывались стряпч
несли блюда голыми и, притомъ, нечистыми руками. Вос
ко всякимъ блюдамъ русскіе любили примѣшивать пряныя
правы, въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ бо
шаго употребленія чесноку русскіе, по замѣчанію иностр
цевъ, носили съ собою непріятный запахъ. При изготовле
кушаньевъ обыкновенно не употребляли соли, какъ это
лается во многихъ мѣстахъ и теперь. Существовало въ
рину одно русское блюдо, которое носило названіе „похмѣл
его употребляли послѣ хорошей выпивки. Оно представл
изрѣзанные ломтики холодной баранины, смѣшанной съ мел
искрошенными огурцами, огуречнымъ разсоломъ, уксусом
перцемъ. Въ постные дни, когда считалось грѣхомъ ѣсть р
пища русскихъ состояла изъ сухоядѣнія, т. е. изъ растите
ныхъ веществъ: кислой капусты, свеклы, рѣдьки, грибовъ,
роговъ съ горохомъ, луковниковъ, овсянаго киселя, гороху
таго, тертаго, взвара изъ овощей, солива (кутьи) и проч.

На пиршествахъ и обѣдахъ того времени въ Петербу
надо было пить во что бы то ни стало. Беркгольцъ раз

зываетъ, что противъ этого не помогали ни просьбы, ни мольбы. Употребленіе вина доходило до того, что первые сановники, какъ напр. Меньшиковъ, замертво привозились домой. Отъ питья вина не были застрахованы и духовныя лица. Беркгольцъ говоритъ, что разъ при немъ пришелъ къ смотрителю царскаго дворца тамошній священникъ; хозяинъ подалъ ему, одинъ за другимъ, пять большихъ стакановъ, наполненныхъ разными напитками; священникъ всѣ ихъ выпилъ и, казалось, нисколько не опьянѣлъ.

При Петрѣ министры и дворъ неосторожно соединяли разныя шутовскіе обряды съ установленіями церкви. Такъ, напр., извѣстны свадьбы карликовъ и престарѣлаго князя-папы. Первая изъ нихъ произошла въ присутствіи царя въ 1710 году, въ крѣпостномъ соборѣ Петра и Павла; женихомъ былъ любимецъ царя карликъ Якимъ Волковъ; вѣнчаніе было очень пышное, для празднованія было собрано болѣе ста карликовъ, мужчинъ и женщинъ, изъ всѣхъ мѣстъ Россіи. При вѣнчаніи женихъ, на вопросъ священника: „хочетъ ли онъ жениться на своей невѣстѣ?“ громко крикнулъ: „хочу, на ней и ни на какой другой“; невѣста на вопросъ священника, не обѣщала ли она руки другому, отвѣчала: „вотъ была бы штука!“ Отвѣты эти въ церкви произвели всеобщій смѣхъ присутствующихъ придворныхъ. Послѣдствія этого брака были невеселыя: карлица умерла въ родахъ, а карликъ спился. Похороны одного изъ супруговъ сопровождались маскарднымъ характеромъ. Самый малорослый священникъ провожалъ усопшаго по городу до Ямскаго кладбища, на которомъ было погребеніе.

Въ такомъ же духѣ была и другая свадьба — тайнаго совѣтника Никиты Моисѣевича Зотова, названнаго княземъ-папою; послѣдній имѣлъ отъ роду 84 года, онъ женился на вдовѣ Ржевской. Свадьбу вѣнчалъ въ той же Петропавловской церкви выписанный откуда-то священникъ, которому было болѣе 90 лѣтъ. При этомъ женихъ одѣтъ былъ кардиналомъ, а князь-кесарь Ромодановскій облаченъ былъ царемъ Давидомъ съ какими-то крыльями, висѣвшими на перевязяхъ изъ медвѣжьей кожи. Прочіе поѣзжане были въ разныхъ потѣшныхъ костюмахъ, напр., въ короткихъ шубахъ, надѣтыхъ навыворотъ. Въ продолженіе обѣденнаго стола гостей подчивали старики, едва-

едва державшіеся на ногахъ. Князя-папу съ женою много дней возили по городу напоказъ народу.

Въ званіе князя-папы производились чиновные люди, преданные старинѣ и пьянству. При князѣ-папѣ существовалъ коллегіумъ кардиналовъ, которые всѣ были не только первѣйшіе, но и чиновнѣйшіе пьяницы. Эта коллегія безнравственности и разврата, какъ говоритъ Берхгольцъ, имѣла свой уставъ, по которому всѣ члены ея, вмѣстѣ съ главою, обязательно должны были всякій день напиваться допьяна пивомъ, водкой и виномъ. Папу выбиралъ конклавъ съ большими церемоніями. Зотову, который былъ первымъ папою, дано было 12 слугъ: заикъ, глухихъ, кривыхъ и самыхъ безобразныхъ, какихъ только могли найти въ государствѣ.

Домъ князя-папы стоялъ на Петербургской сторонѣ, на углу, образуемомъ Невою и Невкою. На немъ былъ куполъ, а на улицу выходилъ балконъ, на которомъ стояла статуя Бахуса. Передъ домомъ его стояла толпа народа, потѣшаясь даровымъ зрѣлищемъ. Послѣ Зотова княземъ-папой былъ Бутурлинъ; онъ вступилъ въ супружество со вдовою Зотова и вѣнчался въ полномъ облаченіи папы. Въ 1723 году этотъ Бутурлинъ умеръ; тѣло его хоронили съ большимъ почетомъ на Сампсоніевскомъ кладбищѣ. При погребеніи присутствовалъ весь дворъ и несмѣтныя толпы народа. Передъ выносомъ каждый изъ гостей обязанъ былъ помянуть его душу доброю чаркою вина; по возвращеніи съ кладбища добрыя чарки вина многократно повторялись за продолжительнымъ обѣдомъ. Послѣднимъ княземъ-папою былъ провіантскій чиновникъ Строгостъ, величайшій пьяница своего вѣка; это званіе отъ него впослѣдствіи было отнято и уже не возобновлялось.

Изъ народныхъ обычаевъ въ петровское время вошли въ обыкновеніе нѣкоторые, касающіеся брачныхъ обрядовъ и погребенія *). Послѣ сговора жениха съ невѣстой въ домѣ иногда совершалось домашнее обрученіе, отдѣльно и ранѣе брака. Особъ царскаго рода обручали и вѣнчали или архимандриты, или архіереи. Въ 1724 году герцога голштинскаго Карла съ Анной Петровною обручалъ новгородскій архіепископъ Ѳеодосій; вѣн-

*) См. Истор. статист. свѣд. спб. епархіи.

чаніе шло на славянскомъ языкѣ и вслѣдъ затѣмъ переводимо было на латинскій—для жениха. По окончаніи обряда невѣста, по древнему обычаю, подносила гостямъ по кубку вина. Во время брачнаго пиршества послѣ вѣнчанія надъ новобрачными и надъ подругами невѣсты ставили балдахины и подъ ними вѣшали вѣнки изъ цвѣтовъ. Лавровый вѣнокъ, спущенный надъ женихомъ во время стола, имѣлъ форму древнихъ римскихъ вѣнковъ. Дружки или шафера, угощая гостей, носили на рукахъ, въ знакъ своего званія кокарду изъ лентъ. У дворянъ бывало по 12-ти шаферовъ, и сверхъ того маршалъ свадьбы; этотъ маршалъ носилъ кокарду на правой рукѣ (шафера — на лѣвой), имѣлъ жезлъ и былъ главнымъ распорядителемъ пиршества. Какъ для жениха, такъ и для невѣсты приглашались еще изъ почетнѣйшихъ людей посаженные отецъ и мать. Вѣнокъ жениха на другой день при публикѣ снималъ съ мѣста какой нибудь почтенный человѣкъ изъ родныхъ, а вѣнокъ невѣсты, по обычаю, долженъ былъ сорвать женихъ; вѣнки же дѣвушекъ оставались нетронутыми, и ихъ снимали, послѣ всѣхъ церемоній, тихонько, безъ публики. Ежели женихъ вступалъ во второй бракъ, то вмѣсто вѣнка надъ головою его спускали только кисть изъ разноцвѣтныхъ лентъ.

Пыляевъ

Окончаніе будетъ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

МАРКА ТВЭНА

I

Журналистика въ Теннесси

Докторъ сказалъ мнѣ, что южный климатъ поправитъ мое здоровье, и вотъ я отправился въ Теннеси и пристроился помощникомъ редактора »Утренней Славы« и »Воинскаго Клича«. Когда я явился къ своимъ обязанностямъ, редакторъ сидѣлъ, откинувшись назадъ, на трехногомъ стулѣ, положивъ ноги на сосновый столъ. Въ комнатѣ былъ еще другой сосновый столъ и другой убогой стулъ, и оба они были завалены газетами, рукописями и лоскутками бумаги. Тутъ же стояла плевальница, усыпанная сигарочными окурками, и печка, заслонка которой держалась только на верхнихъ петляхъ. На редакторѣ былъ длинный черный сюртукъ и бѣлыя холщевыя панталоны; обувь короткая, хорошо вычищенная, смятая рубашка, широкій перстень съ печатью, стоячій воротникъ допотопнаго фасона и клѣтчатый галстухъ съ висячими концами: костюмъ приблизительно 1848 года. Онъ курилъ сигару и, придумывая фразы, ерошилъ волосы, поридкомъ растрепавъ свои кудри. Онъ страшно хмурился, и я рѣшилъ, что онъ сочиняетъ какую нибудь особенно забористую статью. Онъ велѣлъ мнѣ взять газеты, выжать изъ нихъ сокъ и написать »Новости журналистики въ Теннесси«, составивъ статейку изъ болѣе интересныхъ извѣстій.

Я написалъ слѣдующее:

»*Новости журналистики въ Теннесси*. Издатели »Зем-

трясенія два раза въ недѣлю«, очевидно, пишутъ, нахо-
съ въ заблужденіи относительно желѣзной дороги Балли-
къ. Общество не намѣрено оставить въ сторонѣ Безерд-
ль, напротивъ, оно считаетъ его очень важнымъ пунк-
мъ на линіи и, слѣдовательно, не желаетъ пренебречь имъ.
ентльмены изъ »Землетрясенія« не откажутся, разумѣется,
удовольствія сдѣлать поправку.

»Джонъ В. Блоссомъ, эсквайръ, почтенный редакторъ
ромоваго Удара« и »Воинскаго Клича Свободы« прибылъ
ра въ городъ. Онъ остановился въ гостинницѣ Ванъ-Бернъ.

»Мы замѣтили, что нашъ коллега изъ Грязныхъ-
ьевъ »Утренній Ревъ« ошибается, предполагая, что из-
ніе Ванъ-Вертера — еще не совершившійся фактъ; но онъ,
ъ сомнѣнія, увидитъ свою ошибку, прежде чѣмъ наша
тка дойдетъ до него. Его ввели, конечно, въ заблужде-
неполные отчеты о выборахъ.

»Пріятно отмѣтить, что городъ Блезерсвиль собирается
лючить контрактъ съ извѣстнымъ джентльменомъ изъ
ю-Іорка на мощеніе изрядно непроходимыхъ улицъ по
особу Никольсона. »Ежедневное Ура« искусно призыва-
ъ къ этой мѣрѣ и не сомнѣвается въ блестящемъ успѣхѣ«.

Я передалъ рукопись редактору для одобренія, поправки
ли уничтоженія. Онъ взглянулъ на нее, и его лицо омра-
лось. Онъ пробѣжалъ глазами статью, и его видъ сталъ
чень внушителенъ. Легко было замѣтить, что дѣло не-
адно. Онъ тотчасъ вскочилъ и сказалъ:

— Громъ и молнія! И вы думаете, что я буду въ этомъ
дѣ объясняться съ этими скотами? Вы думаете, что мои под-
ечники удовлетворятся подобной размазней? Дайте мнѣ перо.

Я никогда не видѣлъ, чтобы чье нибудь перо такъ
ркало и перечеркивало, или такъ безжалостно истребляло
аголы и прилагательныя другаго автора. Пока онъ рабо-
лъ, кто-то выстрѣлилъ въ него черезъ открытое окно и
портилъ мое ухо.

— А... сказалъ онъ: — это негодяй Смитъ изъ »Нрав-
веннаго Волкана«: его пробрали вчера.

Онъ вытащилъ изъ-за пояса револьверъ и выстрѣлилъ
окно. Смитъ упалъ, раненый въ бедро. Это помѣшало
ицѣлу Смита, который приготовился уже ко второму вы-
рѣлу, и онъ искалѣчилъ постороняго человѣка, именно
ня: у меня былъ прострѣленъ одинъ палецъ.

Затѣмъ редакторъ продолжалъ черкать и писать между строками. Какъ только онъ кончилъ, черезъ печную трубу влетѣла граната, и отъ ея взрыва печка разлетѣлась на мелкіе куски. Другаго вреда она не причинила; впрочемъ, однимъ кускомъ мнѣ вышибло пару зубовъ.

— Эта печка совершенно разрушена, сказалъ редакторъ.

Я отвѣчалъ, что я того же мнѣнія.

— Ну, ничего... она не нужна въ такую погоду. Я знаю, кто это сдѣлалъ, я поймаю его. Ну-съ, вотъ какова должна быть статья.

Я взялъ рукопись: она такъ была испещрена помарками и вновь написанными строками, что родная мать не узнала бы ее, еслибы таковая могла быть у рукописи. Теперь она имѣла такой видъ:

»*Новости журналистики въ Теннесси.* Закоренѣлые врали изъ »Землетрясенія два раза въ недѣлю«, очевидно, стараются всклепать на благородный и рыцарскій народъ новую свою подлую и грубую ложь относительно новѣйшаго изобрѣтенія XIX столѣтія — желѣзной дороги Балтиморъ. Мысль, что Безердвиль будетъ оставленъ въ сторонѣ, зародилась въ ихъ собственныхъ гнусныхъ мозгахъ — или, скорѣе, въ рѣшетѣ, которое они принимаютъ за мозгъ. Пусть они проглотятъ эту ложь, если хотятъ спасти свою распутную шкуру отъ потасовки, которой они вполнѣ заслуживаютъ.

»Этотъ оселъ Блоссомъ, редакторъ »Громоваго Удара« и »Воинскаго Клича Свободы«, снова здѣсь и блюдолизничаетъ въ гостинницѣ Ванъ-Бернъ.

»Мы узнали, что подлецъ изъ Грязныхъ-Ручьевъ »Утренній Ревъ« сообщаетъ, съ обычнымъ своимъ пристрастіемъ къ вранью, что Ванъ-Вертеръ не выбранъ. Небомъ утвержденная миссія печати — это распространять истину, искоренять заблужденія, воспитывать, смягчать, возвышать общественные нравы и привычки и сдѣлать людей болѣе мягкими, болѣе добродѣтельными, болѣе милосердыми, вообще лучше, здоровѣе и счастливѣе; а между тѣмъ этотъ безсердечный негодяй постоянно унижаетъ свою великую обязанность распространеніемъ лжи, клеветы и пошлостей.

»Блезерсвилю понадобилась мостовая по способу Никольсона, — ему нужнѣе тюрьма и домъ призрѣнія. Мостовая въ

городѣ съ одною лошадью, въ городѣ, который состоитъ изъ двухъ мельницъ и кузницы, и этого горчичнаго пластыря— газеты «Ежедневное Ура!« Пресмыкающееся насѣкомое Брекнеръ, который издаетъ »Ура«, ревѣтъ по поводу этой затѣи со свойственною ему глупостью, воображая, что говоритъ дѣло«.

— Вотъ какъ надо писать... перцу, и въ достаточномъ количествѣ. Кислосладкій слогъ газетъ мнѣ претитъ.

Въ это время въ окно съ трескомъ упалъ кирпичъ и порядкомъ ушибъ мнѣ спину. Я отодвинулся... я начиналъ чувствовать себя лишнимъ.

Редакторъ замѣтилъ: — Это, вѣрно, полковникъ. Я два дня уже жду его. Онъ сейчасъ поднимется сюда.

Онъ отгадалъ: черезъ минуту полковникъ появился въ дверяхъ, съ револьверомъ въ рукахъ, и спросилъ: — Сэръ, имѣю я честь говорить съ трусомъ, который издаетъ этотъ паршивый листокъ?

— Вы имѣете эту честь. Садитесь, сэръ. Будьте осторожнѣе со стуломъ — одной ножки не хватаетъ. Я полагаю, что имѣю честь говорить съ вонючимъ лгуномъ, полковникомъ Блезерскаймъ-Текумзей?

— Вѣрно, сэръ. Мнѣ нужно покончить съ вами одно дѣльцо. Если вы свободны, мы приступимъ.

— Мнѣ нужно кончать статью: »Прогрессъ нравственности и умственнаго развитія въ Америкѣ«, но это не къ спѣху. Начинайте.

Оба пистолета выпалили въ одно мгновеніе; редакторъ лишился пряди волосъ, а пуля полковника окончила свой путь въ мякоти моего бедра; лѣвое плечо полковника было слегка задѣто. Они снова стрѣляли: на этотъ разъ оба не попали другъ въ друга, но я получилъ свою долю — пулю въ руку. При третьемъ выстрѣлѣ оба джентльмена были слегка ранены, а мнѣ расщепило суставъ пальца. Тогда я сказалъ, что пойду прогуляться, такъ какъ это частное дѣло, и я считаю неделикатнымъ принимать въ немъ дальнѣйшее участіе; но оба джентльмена просили меня оставаться на мѣстѣ и увѣряли, что я не мѣшаю.

Потомъ, заряжая пистолеты, они заговорили о выборахъ и урожаѣ, а я принялся перевязывать свои раны. Но они тотчасъ же съ одушевленіемъ снова открыли огонь; каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль, но слѣдуетъ замѣтить, что

пять изъ шести выстрѣловъ пришлись на мою долю. Ше той выстрѣлъ смертельно ранилъ полковника, который з мѣтилъ съ тонкимъ юморомъ, что теперь ему слѣдуетъ п прощаться, такъ какъ у него есть дѣло въ городѣ. Затѣ онъ спросилъ, какъ пройти къ погребальныхъ дѣлъ мастер и удалился.

Редакторъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: — Я ожида гостей къ обѣду, надо приготовиться. Вы окажете мнѣ бол шую услугу, если будете держать корректуру и приме посѣтителей.

Я поморщился при мысли о пріемѣ посѣтителей; но былъ слишкомъ оглушенъ перестрѣлкой, отъ которой у ме еще звенѣло въ ушахъ, чтобы придумать что нибудь отвѣтъ.

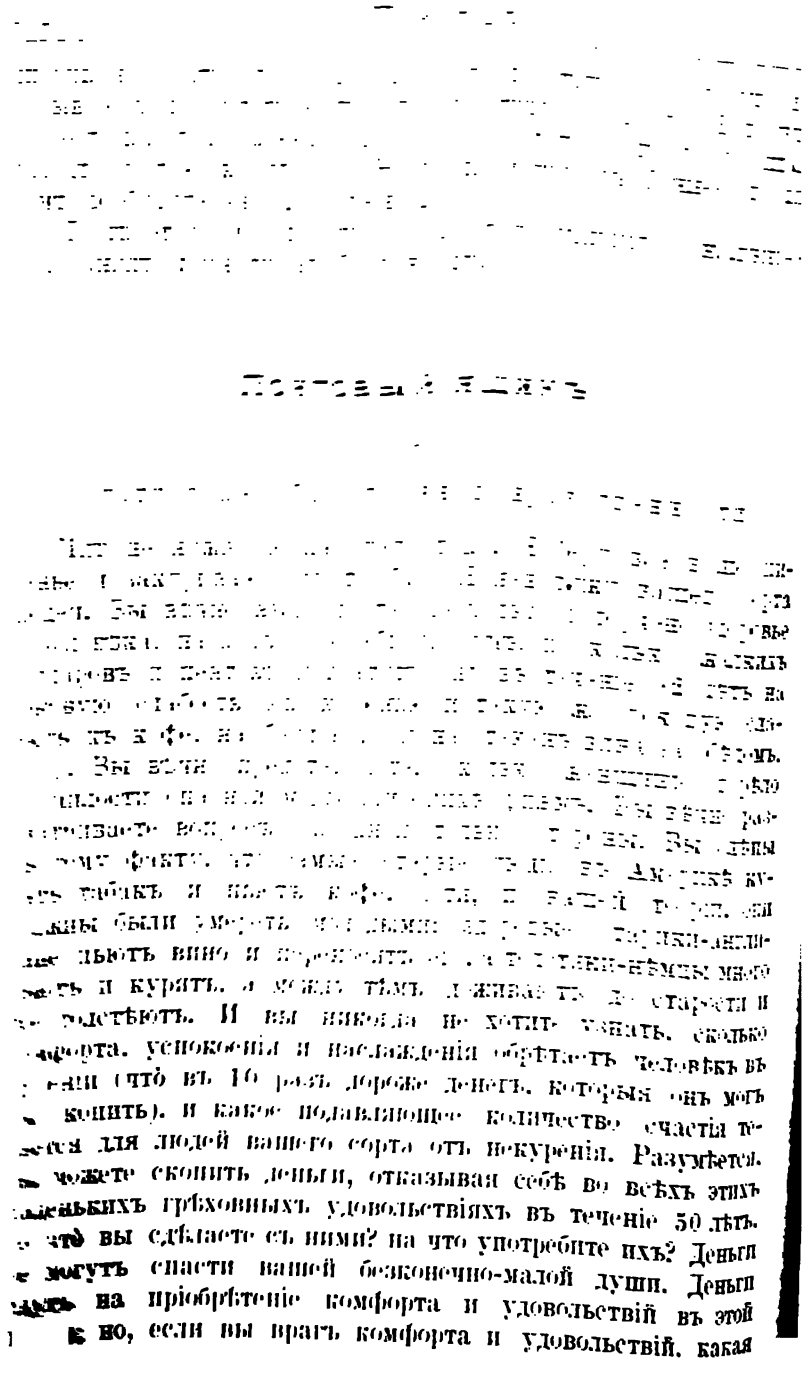
Онъ продолжалъ: — Джонсъ будетъ здѣсь въ три часа побейте его. Джилепси, можетъ быть, придетъ раньше — вы бросьте его изъ окошка. Фергюсонъ будетъ около четыре — убейте его. Вотъ и все, кажется, на сегодня. Если у ва будетъ свободное время, вы можете написать забористу статейку о полиціи — поцарапайте главнаго инспектор Ремни подъ столомъ, оружіе въ ящикѣ, патроны здѣсь, у углу, корпія и перевязки у окна. Въ случаѣ несчаст ступайте къ Ланцету, докторъ внизу: онъ публикуется насъ, мы беремъ съ него натурой.

Онъ ушелъ. Я весь дрожалъ. Въ продолженіе трехъ ч совъ я прошелъ черезъ такія страшныя опасности, что п терялъ всякое присутствіе духа и всякую бодрость. Пр шелъ Джилепси и выбросилъ меня въ окошко; явил Джонсъ и приколотилъ меня, пока я приготовился поби его; въ стычкѣ съ постороннимъ человѣкомъ, не упомян тымъ въ счетѣ редактора, я потерялъ свой скальпъ; друг посторонній человѣкъ, по имени Томсонъ, оставилъ мен превративъ въ совершенную руину въ лохмотьяхъ; и нак нецъ, когда, забившись въ уголъ, осажденный яростной то пой редакторовъ, военныхъ политикановъ и сорвиголов которые ревѣли и ругались, потрясали оружіемъ надъ мо головой, такъ что въ воздухѣ переливался отблескъ стал я готовъ былъ отказаться отъ участія въ газетѣ. — явил редакторъ, а съ нимъ толпа восхищенныхъ и восторженны друзей. Многіе были убиты, ранены, искалѣчены, выбр шены изъ окна. Среди потока мрачныхъ проклятій — вих

бѣшеной пляски, и затѣмъ все было кончено. Черезъ пять минутъ наступала тишина, и, окровавленные, редакторъ и я, очутились одни и разсматривали кровавые слѣды разрушенія, покрывающіе полъ комнаты.

Онъ сказалъ: — Вы полюбите это дѣло, когда привыкнете къ нему.

Я отвѣчалъ: — Прошу извинить меня; полагаю, что со временемъ я могъ бы угодить вамъ; я увѣренъ, что, напрактиковавшись и изучивъ языкъ, я былъ бы вамъ полезенъ. Но, правду сказать, этотъ энергичный способъ выраженій имѣетъ свои неудобства, и человѣку не даютъ заниматься. Вы сами это знаете. Энергичный стиль имѣетъ цѣлью облагородить публику, но мнѣ не нравится обращать на себя то вниманіе, какое онъ вызываетъ. Я не могу спокойно писать, когда меня часто отрываютъ отъ работы, какъ, напр., сегодня. Занятія мнѣ нравятся, но не нравится принимать посѣтителей. Ощущенія эти новы, я согласенъ съ вами, даже интересны въ своемъ родѣ, но они неправильно распредѣлены. Джентльменъ стрѣляетъ черезъ окошко въ васъ и калѣчитъ меня; предназначенная вамъ бомба летитъ черезъ печную трубу и устремляетъ заслонку въ мою шею; пріятель заходитъ обмѣняться любезностями съ вами и такъ пестритъ меня пулями, что моя кожа не въ состояніи болѣе покрывать мой остовъ; вы идете обѣдать, а тѣмъ временемъ приходитъ Джонсъ со своимъ ремнемъ, Джилепси выбрасываетъ меня въ окошко, Томсонъ рветъ мою одежду, а совсѣмъ посторонній человѣкъ снимаетъ мой скальпъ съ безцеремонностью стараго знакомаго; наконецъ, черезъ пять минутъ, являются всѣ негодяи графства въ воинственномъ настроеніи и до смерти калѣчатъ мои останки своими томагавками. Если взять все это вмѣстѣ, я никогда еще въ жизни не проводилъ время такимъ потрясающимъ образомъ, какъ сегодня. Вы мнѣ нравитесь и мнѣ нравится ваша спокойная, невозмутимая манера объясненій съ посѣтителями; но вы видите, что я не привыкъ къ ней. Южное сердце слишкомъ пылко, южное гостепріимство слишкомъ широко для пришельца. Замѣтки, которыя я сегодня написалъ, и въ холодныя фразы которыхъ вы мастерскою рукою впустили горячій духъ южной журналистики, разбудятъ другое гнѣздо недовольныхъ. Вся эта толпа издателей явится сюда; они придутъ голодные, и имъ понадобится кто



ьза копить деньги? Вамъ нечего говорить, что вы мо-е употребить ихъ съ лучшею цѣлью — на хорошее пи-іе, на благотворительность и поддержку разныхъ обществъ, ому что вы сами знаете, что такіе, какъ вы, люди, не ѣющіе маленькихъ пороковъ, никогда не даютъ ни цента шимъ, а въ нищѣ вы такъ скряжничаете, что вѣчно го-ны и тощи. Днемъ вы не смѣете смѣяться изъ страха, бы какой нибудь бѣдняга, видя васъ въ веселомъ рас-женіи духа, не попытался занять у васъ долларъ; въ кви вы вѣчно стоите на колѣняхъ, уткнувъ глаза въ шку, когда идутъ со сборомъ; вы никогда не скажете рщикамъ податей настоящей суммы вашего дохода. Все вы сами знаете. Ну, такъ какая же польза тянуть вашу счастную жизнь до глубокой, дряхлой старости? какая ъ польза копить деньги, которыя совершенно не имѣютъ ы для васъ? Словомъ, отчего вы куда нибудь не скро-ь и не умрете, вмѣсто того чтобы вѣчно соблазнять лю-і вашей противной статистикой и приглашать ихъ сдѣ-ься такими же достойными и нелюбимыми, какъ вы сами? не одобряю разгула и не позволяю его себѣ; но я ни на шъ не довѣряю человѣку, за которымъ не водятся ма-ькіе, простительные грѣшки; и я не желаю болѣе ничего шать отъ васъ. Я думаю, что вы — тотъ самый чело-къ, который на прошлой недѣлѣ прочелъ мнѣ длинную цію объ унизительномъ порокѣ куренія сигаръ, а затѣмъ нулся въ мое отсутствіе и унесъ изъ гостиной мою пре-тную трубку.

2

Отвергнутому жениху

»Я любилъ и до сихъ поръ люблю прелестную Эдиту вардъ и намѣревался жениться на ней. Между тѣмъ, во мя моего пребыванія въ Венеціи, на прошлой недѣлѣ, — увы! — обвѣнчалась съ Джонсомъ. Неужели мое сча-навѣки разбито? неужели я не могу получить удовле-ренія?« — Разумѣется, можете. Всякій законъ, писанный неписанный, на вашей сторонѣ. Намѣреніе, а не дѣйствіе, гавляетъ преступленіе — другими словами, составляетъ ступокъ. Если вы назовете своего дорогаго друга дура-

комъ, съ намѣреніемъ оскорбить, то это будетъ оскорбл-
ніемъ; если же вы сдѣлаете это шутя, безъ всякаго нам-
ренія оскорбить, — это не будетъ оскорбленіемъ; но если в-
пытаетесь убить человѣка и, очевидно, намѣрены убить его
законъ сочтетъ намѣреніе за преступленіе, и вы будете винов-
ны въ убійствѣ. Ergo, еслибы вы обвѣнчались съ Эдитой слу-
чайно, не имѣя въ дѣйствительности намѣренія сдѣлать это, т-
вы бы теперь вовсе не были женаты на ней, потому что брак-
не можетъ быть совершенъ безъ намѣренія. Ergo, согласно с-
буквой закона, разъ вы добровольно намѣревались жениться
на Эдитѣ, то вы все равно женаты на ней, хотя и не исполни-
ли этого, потому что, какъ я сказалъ выше, намѣреніе состав-
ляетъ уже преступленіе. Ясно, какъ день, что Эдита — ваш-
жена, и ваше удовлетвореніе будетъ состоять въ томъ, чт-
вы возьмете дубину и отколотите Джонса, сколько пожелаете
Каждый человѣкъ имѣетъ право защищать свою жену от
нападеній другихъ мужчинъ. Но у васъ есть еще друго
средство — вы женились на Эдитѣ первый, вслѣдствіе в-
шего добровольнаго намѣренія; теперь вы можете преслѣдо-
вять ее за двумужество, такъ какъ она потомъ вышла з-
Джонса. Но въ этомъ сложномъ случаѣ есть и другая ст-
рона: вы намѣревались жениться на Эдитѣ, и, слѣдовательн-
по закону она ваша жена — этого не уничтожишь; но он-
не вышла за васъ, и если у ней никогда не было намѣрен-
выйти за васъ, то, разумѣется, вы ей не мужъ. Ergo, в-
ходя за Джонса, она была виновна въ двумужествѣ, потом-
что въ то время была женою другаго человѣка, — все это по-
хорошо, — но затѣмъ слѣдите: у ней не было другаго мужа, к-
да она выходила за Джонса, и, слѣдовательно, она невиновна
двумужествѣ. Теперь, согласно съ этой точкой зрѣнія, Джон-
женился на дѣвицѣ, которая была вдовой и въ то же само-
время женой другаго человѣка; а между тѣмъ у ней не был-
мужа и никогда его не бывало, и она никогда не намѣревалас-
выйти замужъ; и выходитъ, что вы холостой, потому что никогд-
не были ничьимъ мужемъ, — и женатый человѣкъ, потому чт-
имѣете жену, которая жива, — и по всѣмъ даннымъ вдовецъ, по-
тому что были лишены жены, — и совершеннѣйшій оселъ уж-
потому, во-первыхъ, что уѣхали въ Бениціо, когда дѣл-
были запутаны. А теперь я такъ завязъ въ путаницѣ этог-
необыкновеннаго случая, что долженъ отказаться отъ дал-
нѣйшихъ совѣтовъ вамъ. Я могу завраться и не съумѣ-

быть понятымъ. Я думаю, что могъ бы продолжать аргументацію и, развивая ее подробнѣе, доказалъ бы, къ вашему удовлетворенію, что вы или вовсе не существовали, или что вы теперь умерли, и, слѣдовательно, вамъ не нужна ваша невѣрная Эдита. Я думаю, что могъ бы сдѣлать это, если бы это доставило вамъ какое либо утѣшеніе.

3

Молодой матери

Итакъ, вы полагаете, что »беби« — это сама »красота« и »вѣчная радость?« Что же, идея пріятная, но отнюдь не новая. Каждая корова то же самое думаетъ о своемъ теленкѣ. Можетъ быть, корова думаетъ не въ такой изящной формѣ, тѣмъ не менѣе она это думаетъ. Я уважаю за это корову. Мы преклоняемся передъ трогательнымъ материнскимъ инстинктомъ, гдѣ бы мы ни встрѣтили его—въ роскошномъ ли домѣ или убогомъ хлѣву. Но, сударыня, когда я начинаю разсматривать вопросъ со всѣхъ сторонъ, я нахожу справедливость вашего утвержденія сомнительною во многихъ отношеніяхъ. Грязное »беби« съ невытертымъ носомъ не можетъ, по совѣсти, быть признано »красотой«; а такъ какъ ребенокъ бываетъ »беби« только три короткіе года, то никакое беби не можетъ быть вѣчною радостью. Мнѣ больно уничтожить такимъ образомъ одною фразою двѣ трети вашего милаго убѣжденія, но положеніе, которое я занимаю, требуетъ, чтобы я не позволялъ вамъ обманывать и вводить въ заблужденіе публику вашими громкими словами. Я знаю здѣсь, въ городѣ, »беби« женскаго пола 18 мѣсяцевъ, которое, оставленное одно, не можетъ пробыть »радостью» даже въ продолженіе 24 часовъ. Беби это обладаетъ замѣчательнѣйшими эксцентричностями характера и аппетита, какія мнѣ случалось наблюдать. Я изображу рядъ дѣйствій этой малютки (задуманныхъ, обдуманныхъ и выполненныхъ ею самою, безъ внушенія или помощи со стороны ея матери или кого либо другаго) въ теченіе одного дня; и то, что я разскажу, можетъ быть подтверждено подъ присягою свидѣтелями... Началось съ того, что »беби« съѣло дюжину крупныхъ голубыхъ пилюль вмѣстѣ съ коробкой; затѣмъ малютка скатилась съ лѣстницы и поднялась съ

багровымъ волдыремъ на лбу, послѣ чего она стала отыскивать дальнѣйшія угощенія и забавы. Она нашла стеклянную игрушку съ мѣдными украшеніями, разбила ее и скушала стекло, а затѣмъ проглотила и мѣдь. Она выпила 20 капель опіума — все, что было въ склянкѣ — и больше дюжины чайныхъ ложекъ камфорнаго спирта. Послѣ этого малютка растянулась на спинѣ и запихала въ горло пять или шесть вершковъ трости изъ китоваго уса съ серебрянымъ набалдашникомъ, такъ что ея мать должна была вытаскивать трость, стараясь не вытащить вмѣстѣ съ нею внутренности малютки. Питая вкусъ къ стеклу, малютка разбила нѣсколько рюмокъ и принялась глотать кусочки стекла, не обращая вниманія на порѣзы. Она также покушала масла, перцу, соли и калифорнійскихъ спичекъ, а именно: ложку масла, ложку соли, ложку перцу и по три-четыре спички на каждый глотокъ (я замѣчу, кстати, что эта »красота« любитъ нѣмецкія спички и охотно кушаетъ ихъ; но она предпочитаетъ калифорнійскія спички, и это предпочтеніе, на мой взглядъ, особенная похвала нашей отечественной промышленности, такъ какъ она исходитъ отъ того, кто слишкомъ молодъ, чтобы льстить). Намыливъ себѣ голову, малютка выпила мыльную воду; потомъ скрылась изъ виду, безъ церемоніи схватила за хвостъ корову и полетѣла вверхъ ногами. Нѣсколько разъ на день, когда эта »радость« ничѣмъ особеннымъ не была занята, она лазала по разнымъ мѣстамъ и падала, постоянно нанося себѣ увѣчья. Какъ она ни молода, она выговариваетъ слова достаточно ясно и, рѣзкая, даже грубая въ другихъ отношеніяхъ, начинаетъ разговоръ съ посторонними лицами, мужчинами и женщинами, одною и тою же фразой: »какъ поживаешь, Джимъ?..« Не будучи близко знакомъ съ дѣтскими нравами, можетъ быть, я описалъ — какъ нѣчто особенное — факты, которые не удивятъ того, кто коротко изучилъ младенческій возрастъ. Но я не могу повѣрить, чтобы это было такъ, и — повторяю — мое описаніе дѣйствій »беби« строго вѣрное; если кто либо усомнится, я могу представить малютку. Я даже утверждаю, что она проглотитъ все, что только будетъ дано ей (я оставляю за собою право исключить наковальни) и будетъ падать съ каждаго мѣста, куда бы ее ни поставили (надѣюсь, что ея предпочтеніе падать на голову будетъ уважено, и поэтому выбранное мѣсто будетъ настолько высоко, чтобы дать ей

возможность исполнить это къ ея удовольствію). Но я замѣчаю, что удалился отъ своего предмета: итакъ, безъ лишнихъ околичностей, повторяю свое убѣжденіе, что не всѣ »беби« бываютъ »красотой« и »вѣчною радостью«.

4

Молодому автору

Да, Агассисъ рекомендуетъ авторамъ ѣсть рыбу, потому что фосфоръ, въ ней заключающійся, идетъ на образованіе мозга. Въ этомъ вы правы. Но я не могу помочь вамъ въ точномъ опредѣленіи количества, потребнаго для васъ. Если образецъ, который вы прислали мнѣ, составляетъ вашу обычную работу, то я думаю, что пары китовъ достаточно будетъ для васъ въ настоящее время—не самыхъ большихъ, но хорошихъ, средней величины, китовъ.

П. И. ЧАЙКОВСКІЙ

Очеркъ музыкальной дѣятельности

X

Намъ остается еще для полноты нашего бѣглаго очерка сказать о дѣятельности Чайковскаго въ области *романсовой* литературы. У него есть много романсовъ для одного голоса (около 50), есть дуэты, есть ансамбли какъ свѣтскіе, такъ и церковные. Подъ opus'ами 6, 16, 25, 27, 38, 47, 57 (и нѣкоторые безъ означенія ихъ) находятся романсы для одного голоса, писанные въ разное время. Не касаясь еще внутренняго ихъ содержанія, нужно замѣтить, что произведенія болѣе ранняго періода отличаются болѣе выдающимися качествами, чѣмъ позднѣйшаго времени.

Въ opus'ахъ болѣе раннихъ незамѣтно той изысканной отдѣлки, какая встрѣчается въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, зато въ первыхъ болѣе теплоты, болѣе мелодичности, болѣе внутренняго огня. Не гоняясь за популярностью посредствомъ несвойственныхъ музыкальному языку эффектовъ, нашъ композиторъ писалъ свои романсы, выдвигая иногда музыкальную идею даже въ ущербъ тексту; вотъ почему его романсы въ большинствѣ случаевъ чужды преобладанія аксесуара надъ дѣйствующимъ лицомъ; его акомпаниментъ не вычуренъ, а лишь дополняетъ вокальныя фразы, представляя такимъ образомъ первенствующую роль пѣвцу. Это большое достоинство у композитора романсовъ въ настоящее время. И въ этомъ отношеніи Чайковскій снова является прямымъ преемникомъ тенденцій Глинки, безспорно умѣвшаго писать для человѣческаго голоса.

Очень можетъ быть, что именно эта особенность романсовъ композитора и служитъ причиной ихъ обширной популярности. Далѣе, не претендуя на роль декламатора, онъ также не старается речитативу отдать предпочтеніе предъ плавной канти-

ценой. Хотя у него есть болѣе или менѣе счастливыя попытки въ области декламаціи, какъ, напр., въ романсѣ „Я съ ней никогда не говорилъ“ (ор. 25) (въ высшей степени эффектна страстная фраза: „Ее въ мечтахъ себѣ я представлялъ“), но это счастливая случайность, а не „назойливое ковырянье“, какъ этого требовалъ покойный Мусоргскій. Чайковскій декламируетъ тамъ, гдѣ онъ находитъ это нужнымъ по смыслу текста, и гдѣ музыкальная мысль выиграетъ отъ патетическаго говора,— но не ставитъ его себѣ условіемъ quand-même, какъ наши кучкисты, напримѣръ.

Текстомъ для романсовъ композитора въ большинствѣ случаевъ служатъ стихотворенія русскихъ поэтовъ; неудивительно поэтому, что большинство изъ нихъ имѣетъ характерно-русскій колоритъ. Но встрѣчаются между ними и романсы на слова иностранныхъ поэтовъ: Гете, Мицкевича и др. Знаменитый романсъ: „Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ“ (ор. 16), пріобрѣвшій такую извѣстность, написанъ на слова Гете въ переводѣ Мея; „Али мать меня рожала“ и „Моя баловница“, которымъ композиторъ придалъ польскую національную окраску, сочинены на слова Мицкевича. Характерная особенность его романсовъ— красота кантилены въ связи съ ясностью и задушевностью, а часто и страстностью; вотъ причина, почему его романсы вліяютъ такъ очаровывающе на слушателя.

Намъ нѣтъ, разумѣется, надобности подробно останавливаться на каждомъ изъ пятидесяти романсовъ; достаточно ознакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Особенною мелодичностью отличаются: „*Ни слова, о другъ мой*“, „*Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ*“ (ор. 16), „*Такъ что же?*“ и др. Яркой поэтичностью выдѣляются романсы: „*Не вѣрь, мой другъ*“ (слова А. Толстаго), „*Погоди*“ (сл. Грекова). Но преимущество между произведеніями ор. 16 нужно отдать „*Новогреческой пѣснѣ*“ (на слова Майкова), въ которой композиторъ мастерски иллюстрируетъ характеръ словъ; любопытенъ акомпанементъ (изображеніе ада); авторъ здѣсь эксплуатируетъ мотивъ католической секвенціи Dies irae, которою онъ впослѣдствіи воспользовался для *фуги* ор. 21. Повтореніе однихъ и тѣхъ же мотивовъ, также какъ и пріемовъ, у нашего композитора не рѣдкость; вѣроятно, въ этомъ нужно видѣть залогъ мнѣнія, что „Чайковскій повторяется“,—но едва ли это такъ.

Авторъ съумѣлъ придать и восточный колоритъ тѣмъ изъ романсовъ, для которыхъ онъ нашелъ его подходящимъ; такъ, въ ор. 25, состоящемъ также изъ шести романсовъ (первые три изъ нихъ: „*Примиреніе*“, „*Какъ надъ горячей золой*“ и „*Пѣснь Миньоны*“—чудные перлы, поражающіе своей мелодичностью,— весьма удобны для исполненія), встрѣчаемъ „*Канарейку*“, ил-

люстрируемую прекрасной мелодіей съ восточнымъ колоритомъ. Мы отмѣчаемъ эту восточную окраску, обыкновенно мало продуцируемую Чайковскимъ, такъ какъ любовь къ восточной пѣснѣ свойственна всѣмъ русскимъ композиторамъ. Еще слѣдуетъ обратить вниманіе на послѣдній романсъ этой группы: „*Какъ наладили: дуракъ*“ съ чисто-русскимъ напѣвомъ, эффектно написаннымъ.

Особеннымъ блескомъ и разнообразіемъ красокъ отличается группа романсовъ, означенныхъ *ор. 27*: „*На сонъ грядущій*“ (слова Огарева) выдѣляется своей мелодіей; въ романсѣ „*Смотри, вонъ облако*“ — акомпанементъ по своей изящной гармонизаціи оспариваетъ вниманіе слушателя у мотива; если „*Не отходи отъ меня*“ нѣсколько сантименталенъ, то „*Вечеръ*“, одинъ изъ популярнѣйшихъ романсовъ, блещетъ поэзіей и вдохновеніемъ: эта цѣлая музыкальная картина, набросанная рукой талантливаго художника въ минуту особеннаго вдохновенія; замыкаютъ эту группу два романса на слова извѣстнаго польскаго поэта, которые Чайковскій иллюстрируетъ посредствомъ характернѣйшей польской пѣсни-мазурки и этимъ придаетъ обоимъ романсамъ характерно-польскую окраску.

Не можемъ здѣсь не упомянуть еще о трехъ романсахъ, сдѣлавшихся уже давно репертуарными на концертной эстрадѣ: это — „*Страшная минута*“ (ор. 28), „*Серенада Донъ-Жуана*“ (слова гр. А. Толстаго: „Гаснутъ дальней Альпухары) и „*Было раннею весною*“ (послѣдніе два романса ор. 56). Первый и послѣдній дышатъ тою неподдѣльною теплотой, которая всегда подкупитъ пѣвца, а за нимъ и слушателя: оба эти романса такъ мелодичны и такъ глубоко трогательны, что достаточно ихъ разъ прослушать, чтобы они ужъ надолго остались въ памяти. И въ этомъ нельзя не видѣть одной изъ особенностей таланта Чайковскаго — ясно и просто выражать самую задушевную мысль.

Серенада Донъ-Жуана — сама по себѣ составляетъ одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній композитора; насколько авторъ Донъ-Жуана съумѣлъ придать своему герою эклектически всѣ качества всѣхъ Донъ-Жуановъ (испанскаго, итальянскаго, французскаго, англійскаго и русскаго поэтовъ), настолько же композиторъ съумѣлъ въ одномъ романсѣ соединить въ одно все, что можетъ охарактеризовать Донъ-Жуана; тутъ не только руководящій мотивъ, но и акомпанементъ, всѣ фигуры, употребляемыя композиторомъ, все говоритъ о знаменитомъ испанскомъ героѣ. Еслибы мы не боялись нареканій со стороны завзятыхъ моцартистовъ, мы бы сказали, что серенада Донъ-Жуана русскаго композитора далеко оставляетъ за собой серенаду Донъ-Жуана германскаго генія, ибо тамъ нѣтъ той характеристичности въ духѣ пьесы, какою отличается разсматриваемая се-

денада, гдѣ Чайковскій обнаружилъ такую глубину пониманія характера этого ненасытнаго искателя женскаго идеала.

О *дуэтахъ* (ор. 46) едва ли придется много говорить; въ общемъ они обнаруживаютъ тѣ же особенности, что и романсы: перевѣсъ музыки надъ текстомъ; текстъ лишь является внѣшнимъ двигателемъ для музыкальной мысли; отсутствіе откапыванія небывалыхъ путей для выраженія обыкновенныхъ вещей; отсутствіе того психологическаго анализа, который переноситъ композитора изъ области музыки-искусства въ область музыки-науки; отсутствіе прикрытія недостаточности мысли внѣшнимъ кипучимъ блескомъ. Здѣсь на первомъ планѣ мелодія, какъ основа музыкальнаго языка, а затѣмъ сопровожденіе ея простое или яркое и изысканное, смотря по характеру вещи, вытекающему изъ сущности и содержанія. Не забыта композиторомъ, гдѣ это нужно, и декламація, но не болѣе, какъ въ пропорціи относительной.

Таковъ характеръ дуэтовъ: „*Солнце утомилось*“, „*Баллада*“ (очень красивая вещь; жаль, что она сравнительно мало популяризируется въ концертахъ), „*Слезы*“, „*Въ огородѣ*“ (съ русскимъ мотивомъ), „*Минула страсть*“ и „*Разсвѣтъ*“. И въ этихъ произведеніяхъ характерный элегическій тонъ, любимый нашимъ композиторомъ, преобладаетъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить богатую технику и пониманіе свойствъ человѣческаго голоса, чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ вещахъ; послѣднія двѣ намъ кажутся слабѣе остальныхъ; очевидно, авторъ ихъ писалъ въ разное время. Къ произведеніямъ, пользующимся обширной популярностью, должно еще прибавить: „*Благословляю васъ, лѣса*“ и „*Я ли въ полѣ не травушка была*“.

Коронаціонная *кантата* „Москва“, написанная по случаю коронованія, состоитъ изъ шести нумеровъ, предназначенныхъ для солистовъ (меццо-сопрано и баритонъ), хора и оркестра. Слова написаны А. Майковымъ. Несмотря на то, что она — плодъ „случайности“ и вызвана не столько вдохновеніемъ композитора, сколько силой обстоятельствъ, въ ней есть много интереснаго. Какъ pièce d'occasion, кантата эта кое-гдѣ носитъ слѣды торопливости работы (послѣдній хоръ „*Слава*“), но вмѣстѣ съ тѣмъ мастерство техники, выказавшейся и здѣсь, дѣлаетъ эту вещь выдающейся. Во-первыхъ, здѣсь необходимо отмѣтить русскій характеръ произведенія, господствующій въ немъ, начиная съ перваго хора: „*Съ мала ключика*“ вплоть до конца; въ этомъ отношеніи „кантата“ можетъ смѣло называться *русской*.

Во-вторыхъ, первое ;аріозо: „*Ты не звѣздочка*“, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, какъ московскій князь возвышается, можетъ служить образцомъ очень удачной музыкальной декламаціи. Мы

подчеркиваемъ эту черту дарованія Чайковскаго, такъ какъ декламаціонная рѣчь играетъ большую роль въ русскомъ композиторствѣ, и есть композиторы, утверждающіе, что въ деклама-ціи чуть ли не заключается альфа и омега музыкальнаго искусства (разумѣется, вокальнаго); при такомъ взглядѣ на вещи можно только порадоваться за нашего композитора: талантъ его настолько гибокъ, что ему нетрудно угодить на всѣхъ и вызвать всеобщія одобренія.

Въ-третьихъ, въ чисто музыкальномъ отношеніи интересно превосходно разработанное второе аріозо: „Мнѣ ли, Господи, мнѣ-ль по силамъ“. Хоръ: „Часъ ударилъ“ написанъ нѣсколько казенно. Объ оркестровкѣ и ея эффектахъ ужъ повторять не будемъ; во всемъ, что бы ни вышло изъ-подъ пера Чайковскаго, виденъ мастеръ владѣть искусствомъ по своей волѣ. Отъ какой нибудь маленькой фортепіанной піески до сонатъ, симфоническихъ поэмъ и оперъ включительно — вездѣ сказывается европейски образованный (въ музыкальномъ смыслѣ) человѣкъ, вполнѣ овладѣвшій теоріей и отлично изучившій свойства и особенности каждаго музыкальнаго инструмента. Если мы не ошибаемся, то „Москва“ — первая русская кантата, форма еще не испробованная русскими композиторами, кромѣ, разумѣется, А. Г. Рубинштейна.

Намъ остается еще въ общихъ чертахъ познакомиться съ *духовными* произведеніями Чайковскаго; имъ изданы: „*Литургія св. Іоанна Златоуста*“ (ор. 41), „*Всенощное бдѣніе*“ (ор. 52) и *духовныя сочиненія* (девять нумеровъ), непомѣченныя никакимъ opus'омъ. И въ этой области нашъ композиторъ является истымъ преемникомъ тенденцій основателя нашей народной музыки, Глинки; извѣстно, что Глинка, познакомившійся съ церковными ладами лишь въ послѣдній годъ своей жизни, оставилъ намъ шестиголосную „*Херувимскую*“, съ интересной фугой „*Яко да царя*“ и „*Ектенію*“. Чайковскій, единственный изъ русскихъ композиторовъ, явился продолжателемъ мысли Глинки, и, несмотря на неудачу, которую потерпѣла его „*Литургія*“, онъ все же продолжалъ и продолжаетъ работать на этомъ пути, преслѣдуя исключительно цѣли искусства.

Неудача, о которой мы сейчасъ говорили, состояла въ томъ, что „*Литургія*“ была конфискована. Дѣло въ томъ, что по указу императора Александра I воспрещалось исполнять духовную музыку въ церквахъ, неодобренную дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бортнянскимъ. На этомъ основаніи бывшій начальникъ пѣвческой капеллы въ Петербургѣ Бахметевъ конфисковалъ изданіе „Литургіи“, не взирая на то, что она вышла съ разрѣшенія духовной цензуры, и что дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бортнянскаго давно уже не было въ живыхъ.

тъ сожженія конфискованную „Литургію“ спасло главное управ-
еніе по дѣламъ печати, признавшее распоряженіе начальника
ѣвческой капеллы незаконнымъ.

Но главная причина конфискаціи „Литургіи“ заключалась
е въ томъ: указъ императора Александра I былъ только бла-
овиднымъ предлогомъ; суть состояла въ томъ, что началь-
икъ капеллы усмотрѣлъ въ этомъ произведеніи что-то въ
родѣ ереси, такъ какъ Чайковскій въ своихъ церковныхъ со-
ченіяхъ старается освободиться отъ того итальянскаго влія-
нія, подъ которое подпалъ духовный репертуаръ пѣвческой
капеллы съ пріѣздомъ въ Петербургъ, въ особенности въ цар-
ствованіе Екатерины II, разныхъ итальянскихъ композиторовъ.
Стараніе сохранить древнее русское церковное пѣніе и очистить
его отъ несвойственныхъ ему чужеземныхъ наростовъ, въ особен-
ности въ области его внѣшней отдѣлки, и вызвало бурю со сто-
роны Бахметева. Однако, когда „Литургія“ эта была исполнена
въ Москвѣ въ присутствіи митрополита, она получила полное
его одобреніе.

Собственно говоря, Чайковскій не внесъ ничего новаго въ
область церковной музыки въ смыслѣ матеріальнаго ея содер-
жанія; тутъ мы видимъ только желаніе избѣжать гармоническихъ
средствъ, не соотвѣтствующихъ духу православной церкви, т.
разныхъ септаккордовъ, обыкновенныхъ и уменьшенныхъ, и
стремленіе ограничиться гармоніей трезвучій, какъ наиболѣе
простой и вмѣстѣ строгою. Слѣдовательно, онъ пользуется су-
ществующимъ и употребляемымъ матеріаломъ, но придаетъ ему
болѣе простую и соотвѣтствующую настроенію форму. Здѣсь мы
не встрѣчаемъ ни фугъ, ни каноновъ, ни имитацій, словомъ —
ничего того, что входитъ, какъ ингредіентъ, въ полифоническій
стиль западнаго церковнаго пѣнія. Его произведенія написаны
совершенно въ духѣ церковныхъ традицій, но лучше гармони-
зованы, такъ что страхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника
Бахметева оказался совершенно напраснымъ. Всѣ почти нумера
состоятъ изъ ряда акордовъ, надъ которыми выплываетъ ме-
лодія, соотвѣтственно характеру установившагося у насъ цер-
ковнаго стиля. Но талантъ Чайковскаго и его глубокія позна-
нія въ области гармоніи и здѣсь сказались; его умѣнье пользо-
ваться и самыми простыми средствами поразительно.

Заканчивая этотъ отдѣлъ такъ называемой вокальной му-
зыки, считаемъ необходимымъ сказать, что нашъ композиторъ, —
несмотря на прекрасные образцы, данные имъ въ этой области,
обнаруживающіе его способности и къ декламаціонной рѣчи, и
къ музыкально-патетическому выраженію мыслей, и въ особен-
ности къ лирическому, и даже къ характеристикѣ, придающей
колориту, — стоитъ выше въ области инструментальной му-

зыки; его инструментальныя сочиненія въ обширномъ смыслѣ слова составляютъ главный залогъ его славы; лучшими его произведеніями, на нашъ взглядъ, должны считаться тѣ, гдѣ его рѣдкій талантъ предоставленъ самъ себѣ и не подверженъ никакому вліянію извнѣ.

Считаемъ преждевременнымъ дѣлать теперь какія бы то ни было заключенія по поводу дѣятельности П. И. Чайковскаго: онъ еще сравнительно не старъ и много пишетъ. Его художественная физіономія, кажется, достаточно выяснилась изъ обзора его главнѣйшихъ произведеній; мы не могли, разумѣется, въ бѣгломъ очеркѣ и въ объемѣ журнальной статьи, требующей прежде всего популярнаго изложенія и извѣстной сжатости, подробно разсмотрѣть *всѣ* его сочиненія и кстати указать на слабѣйшія изъ нихъ; но художника вѣдь судятъ не по слабымъ его произведеніямъ, а по тѣмъ, въ которыхъ наиболѣе сказались характеристическія особенности его дарованія.

Списокъ произведеній П. И. Чайковскаго по opus'амъ

Opus 1-й: Scherzo à la Russe et Impromptu (Es-moll) для фортепіано въ 2 руки.

„ 2-й: Souvenir de Hapsal; три пьесы: 1) Ruines d'un château, 2) Scherzo и 3) Romance sans paroles. (Аранжированы для скрипки съ фортепіано Свѣтомъ и для віолончели съ фортепіано Поппероmъ и Фитценгагеномъ, для оркестра — Эрдмансдерферомъ).

„ 3-й: Увертюра къ оперѣ „*Воевода*“. (Аранжирована въ 4 руки авторомъ).

„ 4-й: Вальсъ для фортепіано (D-dur).

„ 5-й: Романсъ для фортепіано (F-moll); аранжированъ для скрипки Свѣтомъ.

„ 6-й: Шесть романсовъ: 1) Не вѣрь, мой другъ (E-moll), 2) Ни слова, о другъ (Cis-moll), 3) И больно, и сладко (A-dur), 4) Слеза дрожитъ (Ges-dur), 5) Отчего? (D-dur), и 6) Нѣтъ, только тотъ (Des-dur); аранжированы для пѣнія съ акомпанементомъ віолончели а также корнетъ-а-пистона — Вурмомъ.

„ 7-й: Вальсъ-скерцо для фортепіано въ 2 руки (A-dur).

„ 8-й: Capriccioso (Ges-dur).

„ 9-й: Trois morceaux: 1) Rêverie (D-dur), 2) Polka (B-dur) и 3) Mazurka (D-moll). Первое аранжировано для скрипки и фортепіано — Свѣтомъ.

„ 10-й: Deux morceaux: 1) Nocturne (F-dur) и 2) Humoresque

(G-dur); послѣдняя вещь арранжирована самимъ *композиторомъ для скрипки съ фортепіано.*

Всѣ эти произведенія написаны до 1872 г.

Opus 11-й: Первый квартетъ D-dur (1872 г.) для двухъ скрипокъ, альта и віолончели; Andante Cantabile этого квартета арранжировано: для скрипки съ фортепіано Лаубъ, для віолончели съ фортепіано де-Свертъ и г. Фитценгагеномъ, въ 2 руки Клиндвортомъ, въ 4 руки и въ квинтетъ.

„ 12-й: *)

„ 13-й: Первая симфонія G-moll (1875 г.); арранжирована для pianoforte въ 4 руки.

„ 14-й:

„ 15-й: Тріумфальная увертюра на національный датскій гимнъ (D-dur).

„ 16-й: Шесть романсовъ: 1) Колыбельная пѣснь, 2) Погоди, 3) Пойми хоть разъ, 4) О, спой же ту пѣснь, 5) Такъ что же? и 6) Въ темномъ адѣ.

„ 17-й:

„ 18-й: „*Буря*", фантазія для оркестра, F-moll (1875 г.); арранжирована въ 4 руки для фортепіано.

„ 19-й: Шесть пьесъ для фортепіано: 1) Rêverie du soir (G moll), 2) Scherzo humoristique (D-dur), 3) Feuillet d'album (D dur), 4) Nocturne (Cis-moll); арранжированъ для віолончели съ фортепіано г. Фитценгагеномъ, 5) Capriccioso (B-dur) и 6) Thême et variations (F-dur).

„ 20-й:

„ 21-й: Шесть пьесъ на одну тему (посвящ. А. Г. Рубинштейну): 1) Prélude, 2) Fugue, 3) Impromptu, 4) Marche, 5) Mazurka и 6) Scherzo.

„ 22-й: Второй квартетъ, F dur (1875 г.).

„ 23-й: Концертъ, B-moll (1875 г.) для фортепіано съ оркестромъ; арранжированъ въ 4 руки.

„ 24-й:

„ 25-й: Шесть романсовъ: 1) Примиреніе, 2) Какъ надъ горячею золой, 3) Пѣснь Миньоны, 4) Канарейка, 5) Я съ ней никогда не говорилъ и 6) Какъ наладили: дуракъ.

„ 26-й: Меланхолическая серенада (B-moll) для скрипки съ оркестромъ; арр. для скрипки съ фортепіано.

„ 27-й: Шесть романсовъ: 1) На сонъ грядущій (B-moll), 2) Смотри облако (C-moll), 3) Не отходи отъ меня

*) Подъ пропущенными opus'ами (№№ 12, 14, 17, 20 и 24) слѣдуетъ разумѣть оперы и балетъ, обыкновенно не помѣчаемые никакимъ opus'омъ.

(F-dur), 4) Вечеръ (B-dur), 5) Али мать моя (E-moll) и 6) Моя баловница (A-dur). (Третій романсъ переложенъ для скрипки Лаубомъ).

Opus 28-й: Шесть романсовъ: 1) Нѣтъ, никогда (Es-dur) 2) Корольки (Fis-moll), 3) Зачѣмъ? (D-moll), 4) Онъ такъ меня любилъ (D-moll), 5) Ни отзыва, ни слова (C-moll) и 6) Страшная минута (Fis-moll). (№ 3 арранжированъ для скрипки Лаубомъ, а № 6—для віолончели).

„ 29-й: Третья симфонія D-dur (1876 г.) для оркестра; арранж. въ 4 руки для фортепіано.

„ 30-й: Третій квартетъ Es-moll (1876 г.); Andante арранжировано авторомъ для скрипки съ фортепіано; также и для фортепіано въ 4 руки.

„ 31-й: Славянскій маршъ, для оркестра (B-moll); арранжированъ авторомъ для фортепіано въ 2 руки, а въ 4 руки — Баталиной.

„ 32-й: *Франческа-да-Римини* (E-moll), фантазія для оркестра (по Данту, 1877 г.); арранжирована въ двѣ и четыре руки Клиндвортомъ.

„ 33-й: Варіаціи на тему рококо (A-dur) для віолончели съ оркестромъ или фортепіано.

„ 34-й: Скерцо-вальсъ (C-dur) для скрипки съ оркестромъ или фортепіано.

„ 35-й: Концертъ (D-dur) для скрипки съ оркестромъ или фортепіано.

„ 36-й: Четвертая симфонія, F-moll (1877 г.), для оркестра; арранжирована въ 4 руки г. Танѣевымъ.

„ 37-й: Соната для одного фортепіано. (G-dur).

„ „ (a) *Времена года*, двѣнадцать характеристическихъ картинъ: 1) У камелька, 2) Масляница, 3) Пѣснь жаворонка, 4) Подснѣжникъ, 5) Бѣлыя ночи, 6) Баркаролла, 7) Пѣснь косаря, 8) Жатва, 9) Охота, 10) Осенняя пѣсня, 11) На тройкѣ и 12) Святки. (Баркаролла арранжирована въ 4 руки, для скрипки и фортепіано — Светомъ и Соре, для віолончели—Фитценгагеномъ; „На тройкѣ“ — для скрипки и фортепіано — Соре. „*Времена года*“ печатались въ „Нувелистѣ“).

„ 38-й: Шесть романсовъ: 1) Серенада Донъ-Жуана („Гаснутъ дальней Альпухары“, слова г. Ал. Толстаго), 2) То было раннею весною, 3) Среди шумнаго бала, 4) О, еслибъ ты могла, 5) Любовь мертвеца и 6) Pimpinella (Флорентинская пѣсня).

„ 39-й: „*Дѣтскій альбомъ*“ [illegible]жаніе Шуману), двадцать четыре [illegible] 1) [illegible] 2) Зимнее утро, 3) Мама,

4) Игра въ лошадки, 5) Маршъ деревянныхъ солдатиковъ, 6) Новая кукла, 7) Болѣзнь куклы, 8) Похороны куклы, 9) Вальсъ, 10) Полька, 11) Мазурка, 12) Русская пляска, 13) Мужикъ на гармоникѣ играетъ, 14) Камаринская, 15) Итальянская пѣсня, 16) Старинная французская пѣсня, 17) Нѣмецкая пѣсня, 18) Неаполитанская пѣсня, 19) Нянина сказка, 20) Баба-Яга, 21) Сладкія грезы, 22) Пѣснь жаворонка, 23) Въ церкви и 24) Шарманщикъ-поэтъ. („Сладкія грезы" и „Вальсъ" изъ „*Дѣтскаго альбома*" переложены для струннаго оркестра).

40-й: Двѣнадцать пьесъ средней трудности для фортепіано: 1) Этюдъ, 2) Грустная пѣсенка, 3) Похоронный маршъ, 4) Мазурка, 5) Мазурка, 6) Пѣсни безъ словъ, 7) Въ деревнѣ, 8) Вальсъ, 9) Вальсъ, 10) Русская пляска, 11) Скерцо и 12) Прерванныя грёзы.

41-й: „*Литургія Св. Іоанна Златоуста*" (на четыре голоса: сопрано, альтъ, теноръ и басъ) (1883 г.): 1) Господи помилуй, 2) Слава Отцу и Сыну; 3) Пріидите поклонимся, 4) Аллилуіа, 5) Слава Тебѣ, Господи, 6) Херувимская, 7) Господи помилуй, 8) Вѣрую, 9) Милость мира, 10) Тебѣ поемъ, 11) Достойно, 12) Аминь, 13) Отче нашъ, 14) Хвалите и 15) Благословенъ.

42-й: Три пьесы для скрипки съ фортепіано: 1) Meditation, 2) Scherzo и 3) Mélodie.

43-й: Первая сюита для оркестра (Marche miniature, аранжированъ для фортепіано въ 4 руки).

44-й: Второй концертъ для фортепіано съ оркестромъ. (Аранжированъ для двухъ фортепіано).

45-й: „*Итальянское каприччіо*" (1880 г.) для оркестра; аранжировано для двухъ фортепіано Лангеромъ.

46-й: Шесть дуэтовъ для пѣнія: 1) Солнце утомилось, 2) Баллада, 3) Слезы, 4) Въ огородѣ, 5) Минута страсти и 6) Разсвѣтъ.

47-й: Семь романсовъ для пѣнія: 1) Кабы знала я, 2) Горними тихо летѣла, 3) На землю сумракъ палъ, 4) Усни, печальный другъ, 5) Благословляю васъ, лѣса, 6) День ли царитъ и 7) Я ли въ полѣ да не травушка была.

48-й: Серенада для струннаго оркестра; Элегія (Larghetto) аранжирована для гармоніи и фортепіано.

49-й: „*1812-й годъ*", торжественная увертюра (для оркестра) по случаю освященія Храма Спасителя; аранжирована для фортепіано въ четыре и въ двѣ руки (1882 г.).

Opus 50-й: Трio для скрипки, віолончели и фортепіано („Въ память великаго артиста", вѣроятно, Н. Г. Рубинштейна).

„ 51-й: Шесть пьесъ для фортепіано: 1) Valse de Salon, 2) Polka peu dansante, 3) Menuetto scherzoso, 4) Natha-polka, 5) Romance и 6) Valse sentimental.

„ 52-й: „*Всенощное бдѣніе*", опытъ гармонизаціи богослужебныхъ пѣснопѣній; семнадцать нумеровъ: 1) Предначинательный псаломъ, 2) Господи помилуй, 3) Канонизма: „Блаженъ мужъ", 4) Господи помилуй, 5) Свѣте тихій, 6) Богородице, Дѣво, радуйся, 7) Богъ Господь, 8) Хвалите имя Господне, 9) Благословенъ еси, 10) Отъ юности моея, 11) Пѣснопѣнія по Евангелію: a) Воскресеніе Христово видѣвше, b) Тоже греческаго напѣва и c) Слава молитвами Апостоловъ и нынѣ молитвами Богородицы, 12) Катавасія радовая: „Отверзу уста моя", 13) Пѣснь Богоматери съ припѣвомъ, 14) Святъ Господь Богъ нашъ, 15) Богородиченъ: И нынѣ, и присно, 16) Великое славословіе и 17) Взбранной воеводѣ. (1883 г.).

„ 53-й: Вторая сюита для оркестра: 1) Jeu des sons, 2) Valse, 3) Scherzo humoristique, 4) Rêves d'enfant и 5) Danse baroque (написано въ стилѣ произведеній А. С. Даргомыжскаго).

„ 54-й: Шестнадцать пѣсенъ для дѣтей старшаго возраста (съ иллюстраціями художника А. Степанова): 1) Бабушка и внучекъ, 2) Птичка, 3) Весна, 4) Мой садикъ, 5) Легенда, 6) На берегу, 7) Зимній вечеръ, 8) Кукушка, 9) Весна, 10) Колыбельная пѣсня въ бурю, 11) Цвѣтокъ, 12) Зима, 13) Весенняя пѣсня, 14) Осень, 15) Ласточка и 16) Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ.

„ 55-й: Третья сюита для оркестра: 1) Elégie, 2) Valse mélancolique, 3) Scherzo и 4) tema con variazioni; аранжирована для фортепіано въ четыре руки.

„ 56-й: Фантазія для фортепіано съ оркестромъ.

„ 57-й: Шесть романсовъ: 1) Скажи, о чемъ въ тѣни, 2) Нивы желтыя, 3) Не спрашивай, 4) Усни, 5) Смерть и 6) Лишь ты одинъ.

„ 58-й: „*Манфредъ*", симфоническая поэма въ четырехъ картинахъ (1886 г.); арранжированъ въ четыре руки.

„ 59-й: Думка — деревенская сцена для оркестра.

„ 60-й: Двѣнадцать романсовъ, посвященныхъ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: 1) Вчерашняя ночь, 2) Я тебѣ ничего не скажу, 3) О, еслибъ знали вы, 4) Соловей, 5) Простыя слова, 6) Ночи безумныя

7) Пѣснь цыганки, 8) Прости, 9) Ночь, 10) За окномъ въ тѣни мелькаетъ, 11) Подвигъ и 12) Намъ звѣзды кроткія сіяли.

Opus 61-й: Четвертая сюита для оркестра „Моцартіана“ (написана, кажется, по случаю столѣтія „Донъ-Жуана, въ 1887 г.): 1) Gigue, 2) Menuett, 3) Gebet и 4) Thema mit Variationen.

„ 62-й: Pezzo capriccioso — для віолончели и оркестра.

„ 63-й: Шесть романсовъ: 1) Я сначала тебя, 2) Растворилъ я окно, 3) Я вамъ не нравлюсь, 4) Первое свиданіе, 5) Ужъ гасли въ комнатахъ и 6) Серенада: О, дитя, подъ окошкомъ твоимъ.

„ 64-й: Пятая симфонія для оркестра. (Арранжирована въ 4 руки для фортепіано г. Танѣевымъ).

„ 65-й: Шесть романсовъ, посвященныхъ г-жѣ Арто-Падилла: 1) Серенада: Ты куда идешь, 2) Разочарованіе: Ярко солнце еще блестѣло, 3) Серенада: Въ яркомъ свѣтѣ зари, 4) Пускай зима, 5) Слезы: Если покой дадите и 6) Rondel: Ты собою воплощаешь.

Opus'ы: 6, 27, 28, 38, 46 (дуэты) и 47 переведены на нѣмецкій языкъ.

Слѣдующія сочиненія еще не отмѣчены никакимъ opus'омъ:

а) Оперы и увертюры:

1) „*Ромео и Джульетта*“, увертюра-фантазія; арранжирована въ 4 руки г-жой Римской-Корсаковой.

2) „*Снѣгурочка*“, музыка къ весенней сказкѣ А. Н. Островскаго. (Увертюра, антракты, соло и хоры).

3) „*Лебединое озеро*“, балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ. (Вальсъ для фортепіано сдѣланъ Бюхнеромъ).

4) „*Вакула-Кузнецъ*“, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

5) „*Евгеній Онѣгинъ*“, лирическія сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

6) „*Орлеанская дѣва*“, опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

7) „*Мазепа*“, опера въ трехъ дѣйствіяхъ.

Почти всѣ оперы имѣются съ нѣмецкимъ текстомъ.

8) „*Черевички*“, опера въ четырехъ дѣйствіяхъ (передѣлана изъ „*Кузнеца-Вакулы*“).

9) „*Чародѣйка*“, опера въ 5 дѣйствіяхъ.

10) „*Спящая красавица*“, балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ.

11) По слухамъ, готовится къ постановкѣ опера „*Пиковая дама*“.

b) Духовныя сочиненія:

1) Херувимская № 1 (F-dur).
2) Херувимская № 2 (D-dur).
3) Херувимская № 3, C-dur.
4) Тебе поемъ.
5) Достойно есть.
6) Отче нашъ.
7) Блажени яже избралъ.
8) Да исправится.
9) Нынѣ силы небесныя.

c) Теоретическія сочиненія:

1) Учебникъ гармоніи, принятый какъ руководство въ консерваторіи въ Москвѣ.

2) Краткій учебникъ гармоніи, приспособленный къ чтенію духовно-музыкальныхъ сочиненій въ Россіи.

d) Для оркестра: Коронаціонный маршъ, исполненный на праздникѣ, даннomъ городомъ Москвою по случаю св. коронанія Е. И. В. Александра III въ 1883 г.; арранжированъ для фортепіано въ двѣ руки самимъ авторомъ.

e) Для одного фортепіано: 1) Impromptu и 2) Perpetuum mobile Вебера, арранжированное для одной лѣвой руки.

f) Романсы: 1) Уноси мое сердце, 2) Глазки весны голубые, 3) Хотѣлъ бы въ единое слово, 4) Недолго намъ гулять и 5) Дѣтская пѣснь: „Seht, mein Hänschen ist klein".

g) Кантата (коронаціонная): „*Москва*" для солистовъ (меццо-сопрано и баритонъ), хора и оркестра, написанная на слова А. Майкова по случаю коронованія.

№ 1. Хоръ: „Съ мала ключика".
№ 2. Аріозо: „То не звѣздочка" (арранжировано для корнетъ-а-пистона съ акомпанементомъ фортепіано).
№ 3. Хоръ: „Часъ ударилъ".
№ 4. Монологъ и хоръ: „Ужъ какъ изъ лѣсу".
№ 5. Аріозо: „Мнѣ ли, Господи?"
№ 6. Финалъ: „По Руси пошелъ".

h) Пятьдесятъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ для фортепіано въ четыре руки.

i) Знаменитые марши для фортепіано въ четыре руки.

В. Баскинъ

Императоръ Вильгельмъ I-й и принцесса Элиза Радзивиллъ

Окончаніе

V

Тлѣющее въ сердцѣ принца Вильгельма страданіе не могло укрыться отъ взглядовъ короля во время путешествія. Въ надеждѣ устранить препятствія, которыя представлялись противъ союза съ принцессой Элизой, король созвалъ государственный совѣтъ, но и совѣтъ большинствомъ голосовъ высказался противъ союза. Хотя бракосочетаніе кронпринца устранило значеніе супружества принца Вильгельма по отношенію къ престолонаслѣдію, но надо было имѣть въ виду возможность бездѣтнаго брака наслѣдника. При такихъ обстоятельствахъ король колебался въ своихъ рѣшеніяхъ, въ которыхъ такъ нуждался принцъ, переходившій постоянно отъ отчаянія къ надеждѣ.

Тѣмъ не менѣе, всякій, кто читалъ его тогдашнія письма, будетъ удивляться его удивительному самообладанію.

„Берлинъ, 22 февраля 1824 г. Нѣсколько дней тому назадъ Браузе передалъ мнѣ ваше привѣтствіе, за которое я вамъ сердечно благодаренъ. Вы ему говорили также о моей прежней мысли купить себѣ имѣніе въ Силезіи. Все это я давно уже совершенно выбросилъ изъ головы, во-первыхъ, потому, что для меня одного не будетъ никакой радости въ этомъ имѣніи, а во-вторыхъ, потому, что какъ разъ въ этой провинціи хотятъ поселиться особы, которыхъ я долженъ пока еще избѣгать. Мое дѣло переживаетъ теперь кризисъ. Король, который, какъ я раньше думалъ, хотѣлъ устранить препятствія, представлявшіяся моему счастію, два мѣсяца тому назадъ въ горячемъ разговорѣ со мною высказался такъ, что я потерялъ всякую надежду. Я очутился въ ужасномъ положеніи, изъ котораго для меня не было другаго выхода, какъ только послѣдовать

совѣту кронпринца и принца Оранскаго—написать королю, что послѣ этого разговора, изъ котораго я узналъ его сокровенныя мысли и прочелъ его волю, мнѣ не остается никакой надежды, и я долженъ просить его прямо высказать свой отказъ, который мнѣ уже извѣстенъ. Принцесса Луиза, которой я написалъ о своемъ безнадежномъ положеніи, также написала ему, настаивая на отказѣ. Онъ хочетъ спросить еще совѣта у другихъ лицъ, — короче, все проволочки. Но это ужасно тяжело для меня; это почти невозможно переносить.

„Одинъ взглядъ на наше внѣшнее положеніе, конечно, не можетъ ничего выяснить. Все, о чемъ мы такъ часто говорили и что̀ видѣли съ горестью, кажется мнѣ теперь еще хуже, потому что, какъ и въ моемъ частномъ дѣлѣ, не могутъ придти къ рѣшенію и энергическимъ мѣрамъ. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Но не будемъ пугаться; пускай каждый, кто это дѣйствительно думаетъ, будетъ такъ дѣятеленъ, какъ можетъ, потому что если лучшіе изъ скуки отстанутъ, то все погибнетъ.

„Будьте здоровы и пишите чаще вашему вѣрному другу".

„Берлинъ, 31 марта 1824 г. Примите мою сердечную благодарность, милѣйшій Натцмеръ, за ваши два письма, изъ которыхъ послѣднее содержитъ ваши добрыя пожеланія къ 22-му. Этотъ день, какъ это теперь часто случается, прошелъ для меня, какъ день живѣйшихъ ожиданій и неисполнившихся надеждъ. Все, что̀ касается меня и моей судьбы, снова отложено въ дальній ящикъ. Король не могъ рѣшиться выговорить „нѣтъ" на мое письмо. Такъ какъ на этотъ разъ онъ не сказалъ его, то я не знаю, что̀ думать о его намѣреніяхъ. Будущее покажетъ.

„Будьте увѣрены, что все, что̀ вы, сочувствуя, пишете мнѣ, находитъ во мнѣ отголосокъ, потому что это — мысли истинно религіознаго ума, умѣющаго удержаться на мудрой дорогѣ между вольнодумствомъ и ханжествомъ. Печально только, что нашъ вѣкъ такъ слѣпо склоняется къ этой послѣдней крайности".

Противъ неравнаго происхожденія возникъ въ концѣ концовъ проектъ, состоявшій въ усыновленіи принцессы Элизы братомъ ея матери, принцемъ Августомъ. Еще разъ принцъ Вильгельмъ осмѣлился отдаться надеждѣ. Онъ писалъ:

„Потсдамъ, 1 апрѣля 1825 г. Наконецъ-то, милый мой Натцмеръ, я могу принести вамъ сердечную благодарность за ваше письмо отъ 22 марта и за все то, что̀ вы такъ дружески сообщаете. Хотя ваше желаніе, чтобы я въ этотъ день получилъ, наконецъ, такъ долго ожидаемое, не исполнилось; однако

я уже близко стою къ этому, такъ какъ король велѣлъ только переждать праздники, чтобы, по его возвращеніи въ Берлинъ, выслушать его окончательное рѣшеніе, благодаря которому все остальное произойдетъ уже офиціально. Я ничего не скажу вамъ о способѣ, какимъ мы дошли до рѣшенія этого вопроса. Кромѣ того, я не согласился бы на него, еслибы все не обошлось такъ, что я и не зналъ ничего, и мнѣ сказали только тогда, когда все было уже улажено и получено было уже согласіе изъ Познани,—такъ что мнѣ оставалось только принять жертву, приносимую фамиліей Радзивилловъ.

„Для того, чтобы разсказать вамъ, хотя бы и кратко, какъ я былъ счастливъ въ Познани, мнѣ нужно было бы того, кто недавно женился. Довольно будетъ вамъ сказать, что я чувствую себя счастливѣе, чѣмъ могъ себѣ представить.

„Ваше милое участіе въ случившемся со мной несчастіи глубоко тронуло меня. Это было не такъ болѣзненно, какъ жутко, и ухудшилось особенно во время обратнаго путешествія. Но вы не будете порицать меня за то, что я уѣхалъ; мой отпускъ окончился, и всякое промедленіе было бы неудобно, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ. Вы себѣ не можете представить, какъ тяжело было уѣзжать съ убѣжденіемъ, что лучше было бы остаться!

„Мнѣ надо еще очень беречься одного, что я до сихъ поръ едва зналъ, но необходимость чего я, къ несчастію, предвижу, такъ какъ мнѣ все причиняетъ легкую головную боль; завтра я долженъ первый разъ ѣхать верхомъ“.

„Берлинъ, 18 мая 1825 г. Меня ужасно радуетъ, что вы, въ вашемъ счастіи, сейчасъ же подумали обо мнѣ. Еслибы могло исполниться сердечное пожеланіе, которымъ вы заканчиваете ваше письмо, я былъ бы также счастливъ, какъ и вы“.

Изъ слѣдующаго письма принца Вильгельма мы узнаемъ, что рѣшеніе еще заставило себя ждать.

„Теплицъ, 2 іюля 1825 г. Въ настоящее время Теплицъ уже заселенъ, и даже очень многочисленнымъ обществомъ, которое прежде собиралось не раньше средины іюля. Я опять пріѣхалъ сюда,— какъ?— я и самъ того не знаю. Я долженъ былъ ѣхать на сѣрныя воды на Рейнъ, но это оказалось слишкомъ далеко, потому что осенью мнѣ опять предстоитъ путешествіе: надо будетъ въ концѣ августа ѣхать во Франкфуртъ. При этихъ условіяхъ былъ предложенъ Вюрмбруннъ; король согласился, но я счелъ себя обязаннымъ спросить короля: подумалъ ли онъ о близости Руберга. Король дѣйствительно упустилъ это изъ вида, и такъ какъ мое дѣло все еще тянется,

то приказалъ мнѣ по возможности избѣгать принцессъ Луизы и Элизы. Итакъ, я опять здѣсь и не ожидаю особеннаго дѣйствія отъ водъ, потому что теперь мои нервы мучаютъ меня больше, чѣмъ ревматизмъ.

„Что скажете вы о медленномъ теченіи моего дѣла? Едва лишь я пріѣхалъ сюда, какъ В. прислалъ мнѣ докладъ, въ которомъ былъ изложенъ весь планъ и тутъ же — новыя затрудненія. Я чуть не взбѣсился. Вотъ уже пять лѣтъ держитъ онъ въ головѣ эту мысль объ усыновленіи; наконецъ онъ ее провелъ, все устроилъ, и теперь противъ своего же, пять лѣтъ лелѣяннаго, плана строитъ новыя затрудненія! Какъ вамъ это нравится? Могу ли я, могутъ ли принцессы Луиза и Элиза, да и самъ король, быть такими игрушками интригъ и заговоровъ? Онъ самъ это почувствовалъ и ретировался, сваливъ все на Мюффлинга, но оставаясь всетаки за кулисами.

„Мюффлингъ прежде былъ рѣшительнымъ противникомъ этого плана, но съ тѣхъ поръ, какъ все дѣло очутилось у него въ рукахъ, онъ перемѣнилъ намѣреніе, сталъ выше партій и снова все устроилъ. Такъ какъ въ немъ уже ошиблись и не нашли никакого противника, то невозможно, чтобы его предложенія были приняты.

„Кто можетъ теперь сомнѣваться въ интригахъ и заговорахъ, которые и Мюффлингъ видитъ? Поставьте себя на мое мѣсто—и вы узнаете, какое у меня должно быть терпѣніе. Еслибы я зналъ, что это мнѣ какъ либо поможетъ, я бы давно уже опуталъ одного изъ этихъ деликатныхъ господъ.

„Король опять сказалъ, что черезъ шесть недѣль все будетъ рѣшено. Дай-то Богъ! До свиданія. Всего хорошаго вашей женѣ".

Причиной новыхъ розысковъ, а также и скорѣйшаго разрѣшенія вопроса, былъ союзъ принца Карла съ принцессой Маріей саксенъ-веймарской, потому что великій герцогъ объявилъ, что онъ потребуетъ преимуществъ престолонаслѣдія для потомковъ своей дочери, если принцъ Вильгельмъ послѣдуетъ своей склонности. Изъ этого возникъ споръ о престолонаслѣдіи, споръ, который былъ тѣмъ болѣе серьезенъ, что принцесса Элиза Радзивиллъ была католичка.

Но помолвка принца Карла происходила уже тогда, когда все дѣло Радзивилловъ было окончательно рѣшено. Эти переговоры велись и окончились до помолвки.

Кромѣ того, министры объявили, что усыновленіе не можетъ измѣнить крови.

Въ письмѣ, полномъ нѣжности, король писалъ сыну, что все, къ несчастію—напрасно, было испробовано, чтобы сдѣлать бракъ

возможнымъ. Теперь принцу оставалось только навсегда отказаться отъ какихъ либо надеждъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ принцъ Вильгельмъ увѣдомляетъ Натцмера о катастрофѣ:

„Теплицъ, 29 іюля 1826 г. Вы, конечно, уже знаете черезъ Браузе, милѣйшій Натцмеръ, какое ужасное несчастіе поразило меня недавно. Надо обладать рѣдкой силой, чтобы пожертвовать своими лучшими, самыми высокими желаніями. Но какъ долженъ былъ укрѣпить я эту силу, чтобы отказаться отъ мысли о союзѣ, который со всѣхъ сторонъ былъ такъ желателенъ для заинтересованнаго и которому недоставало внѣшнихъ условій, въ которомъ я много-много лѣтъ уже только и думалъ найти свое счастіе, а въ послѣдніе четыре года находился въ постоянномъ возбужденіи и даже, казалось, достигъ уже страстно желаемой цѣли. Я долженъ сказать, что мною, благодаря людской слабости, жестоко играли такъ долго; но въ моемъ сердцѣ нѣтъ ненависти къ виновникамъ этого. Богъ пользуется людьми на землѣ, какъ орудіями, и черезъ нихъ опредѣляетъ намъ нашу судьбу по своей волѣ. Это только благочестивое, терпѣливое искушеніе. Тотъ, кто такъ тяжко испытываетъ, даетъ намъ также путь къ утѣшенію и силу, которая намъ такъ нужна въ это время. Я буду твердъ, но сердце мое глубоко потрясено, и людскія утѣшенія и участіе, хотя и приносятъ ему пользу, не могутъ его излечить. Много нужно времени, чтобы пріобрѣсти внутренній покой, который необходимъ для исполненія своего назначенія и для того, чтобы путемъ исполненія долга, чувствовать себя довольнымъ.

„Въ первые дни я былъ разбитъ; теперь же, несмотря на всю мою волю, меня охватываетъ новая боль, — сознаніе внутренней пустоты, и это ужасно. Слишкомъ великъ контрастъ между чувствами, поднимавшимися во мнѣ при мысли о теперь уже безвозвратно потерянномъ счастіи, и убивающимъ меня сознаніемъ, что все это безнадежно потеряно.

„Король въ своемъ письмѣ съ тягостнымъ отказомъ былъ очень милостивъ и полонъ любви ко мнѣ, и это, послѣ столькихъ испытаній, я считаю величайшимъ счастіемъ.

„Во всемъ этомъ дѣлѣ я никогда не былъ слѣпъ; я никогда не скрывалъ отъ себя, насколько необыкновенно такое супружество, и сколько можно сказать противъ него. Но такъ какъ я не считалъ его невозможнымъ и, кромѣ того, не могъ перемѣнить своихъ мыслей, еслибы даже я никогда не могъ питать и отдаленной надежды, то, конечно, не могъ я эту мечту отдать такъ легко, въ особенности при мысли о существѣ, бывшемъ предметомъ борьбы. Я постоянно требовалъ прямаго отказа, но меня постоянно щадили. Теперь мои желанія діаметрально

противоположны тѣмъ, что мнѣ сообщали прежде. Теперь только послѣдовалъ требуемый отказъ безъ всякихъ надеждъ на будущее, и теперь-то онъ долженъ былъ поразить меня тѣмъ болѣе, что я никакъ не ожидалъ его и — еще открывая бумагу — полагалъ, что буду слѣдовать старому теченію.

„Въ вашемъ сочувствіи я былъ увѣренъ въ эти тяжелыя минуты больше, чѣмъ когда либо.

„Мы увидимся этою осенью; тогда поговоримъ подробнѣе. Какъ бы хотѣлось мнѣ видѣть васъ здѣсь!

„Пребываніе здѣсь, столь несогласное съ моимъ настроеніемъ, принесло мнѣ, однако, пользу своими развлеченіями. Обыкновенно я не вздыхаю за уединеніемъ моей комнаты въ Берлинѣ и скучаю дома. Итакъ, до свиданія. Всего хорошаго вашей женѣ".

Твердость, которую сохранялъ принцъ Вильгельмъ во время своего горя, вытекала изъ сознанія, что онъ своимъ отказомъ, потребованнымъ его отцомъ, приносилъ жертву государству. Въ этомъ духѣ написалъ онъ королю въ день отказа слѣдующее письмо, приводимое Трейчке лишь въ извлеченіи *):

„Вы, дорогой отецъ, отказали моей судьбѣ; это я долженъ былъ предполагать, но этого я боялся, пока мнѣ еще оставался лучъ надежды. Читайте въ моемъ сердцѣ — и вы прочтете тамъ невыразимую благодарность за неисчислимыя доказательства вашей милости, любви и снисходительности, которыя вы мнѣ дали въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, но прежде всего за ваше вчерашнее, глубоко тронувшее меня, письмо. Я никогда не въ состояніи буду выразить, какое впечатлѣніе произвело оно на меня!

„Ваша отеческая любовь, милость и нѣжность, ваше полное любви сочувствіе къ жестокому удару, поразившему меня, напоминаніе объ обязанностяхъ моего положенія, признаніе достоинствъ существа, которому я отдалъ свою любовь, воспоминаніе о всѣхъ попыткахъ, которыя ваша любовь къ дѣтямъ заставила васъ сдѣлать, чтобы исполнить желанія моего сердца, и все это найти въ строкахъ, отнимающихъ у меня счастіе,— все это дало такое утѣшеніе и такое невыразимое чувство благодарности моему разбитому сердцу, что, только благодаря моей сыновней любви и мысли о моихъ будущихъ обязанностяхъ, я въ состояніи подтвердить вамъ, дорогой отецъ, мои истинныя намѣренія.

„Я оправдаю ваше довѣріе и выдержу это испытаніе борьбой съ моимъ глубокимъ горемъ и твердостью въ необходимости.

---

*) Treitschke,— „Deutsche Geschichte", IV Theil. S. 739.

„Я призову помощь божью. Богъ не оставлялъ меня въ столь многихъ ужасныхъ минутахъ моей жизни, онъ не оставитъ меня и теперь.

„Я кончаю эти строки съ истерзаннымъ сердцемъ, но теперь, дорогой отецъ, оно ближе къ вамъ, чѣмъ когда либо..."

Такъ заканчивается это замѣчательное письмо, несомнѣнно, составляющее важный историческій памятникъ.

О дальнѣйшей сердечной борьбѣ принца мало извѣстно. Видѣлъ ли онъ Элизу еще разъ, чтобы проститься съ нею? Мы, однако, знаемъ, что незадолго до своего бракосочетанія принцъ Вильгельмъ, по желанію родныхъ, ѣздилъ въ Антонино, чтобы окончательно помириться съ семействомъ Радзивилловъ, которое тогда совсѣмъ скрылось, потому что зиму проводило въ Познани, а лѣто въ Рубергѣ и Антонино.

Въ іюнѣ 1827 г., принцъ писалъ въ Фишбау, около Руберга, къ принцу Вильгельму, брату короля: „Благо тѣмъ, кто осмѣливается обитать эту прелестную долину. Тѣ, которые благодаря силѣ отношеній остаются въ ней чужими, одни чувствуютъ это лишеніе". Въ 1830 г., уже послѣ женитьбы, принцъ Вильгельмъ писалъ: „Послѣ трехъ лѣтъ, я опять здѣсь,— и что между нами! Встрѣченный и принятый благороднымъ сердцемъ, я только наполовину чужой здѣсь. Вѣчно благодарный Вильгельмъ".

VI

Между Берлиномъ и Веймаромъ всегда существовали самыя дружескія отношенія. Во время наполеоновской войны Карлъ-Августъ служилъ въ прусскомъ войскѣ; миръ съ Наполеономъ онъ также заключилъ съ разрѣшенія Фридриха-Вильгельма III. Хотя впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои политическіе взгляды, но лично по прежнему былъ преданъ прусскому двору. При такихъ обстоятельствахъ Карлъ-Августъ писалъ Штейну о проектѣ союза своей старшей внучки съ принцемъ Карломъ: „Вы давно знаете, какъ я уважаю и люблю прусскій королевскій домъ. Вы поэтому легко поймете, какъ былъ бы я счастливъ, еслибы мнѣ удалось способствовать и этому союзу, который бы еще больше сблизилъ меня съ моими дорогими родственниками" (мать Карла-Августа была племянницей Фридриха II).

Принцъ Вильгельмъ, которому поручено было сопровождать брата въ Веймаръ, сейчасъ же сталъ отвѣчать на родственныя чувства веймарскаго дома.

„Еслибы не выбрали Силезіи,— писалъ онъ Натцмеру въ приведенномъ уже письмѣ,— то я бы охотнѣе всего поѣхалъ на тюрингенскія воды, уже потому, чтобы по дорогѣ заѣхать къ

родственникамъ". Относительно своей теперешней миссіи он
писалъ другу: „Въ Веймарѣ я провелъ время очень весел
хотя бывали моменты въ высшей степени тяжелые, такъ как
я видѣлъ, какъ нарождалось счастіе, которое я потерялъ так
давно. Приказаніе отправиться въ это путешествіе есть уж
доказательство того, что жизнь не будетъ легка для меня".

Спустя нѣсколько дней состоялась помолвка юной четы
Есть возможность предположить, что король послалъ принц
Вильгельма въ Веймаръ съ тѣмъ, чтобы его, всей душой пр
даннаго своимъ военнымъ обязанностямъ, направить на други
мысли. Интересъ государства требовалъ также женитьбы
принца Вильгельма. О союзѣ съ пятнадцатилѣтней принцесс
Августой веймарской, вслѣдствіе ея чрезвычайной молодост
нечего было и думать. Вильгельмъ Гумбольдтъ такъ называл
принцессу Августу: „Принцесса уже и въ этомъ, едва ли вы
шедшемъ изъ дѣтства, возрастѣ имѣла твердый и самостоя
тельный характеръ. Ея живой, проницательный умъ свѣтитс
въ ея глазахъ; ея черты въ высшей степени выразительны,
ея лицо, черезъ нѣсколько лѣтъ, конечно, разовьется и сдѣлаетс
еще лучше".

26 мая 1827 г. состоялось бракосочетаніе принцессы Маріи
а 21 августа — благословеніе принцессы Августы. Въ томъ ж
году старикъ Гагернъ писалъ Штейну: „Принцъ Вильгельм
обладаетъ благороднѣйшею наружностью, онъ величественнѣ
всѣхъ, притомъ прямъ и простъ, веселъ и любезенъ, держитс
всегда съ достоинствомъ. Наша принцесса Августа, кажетс
сильно притягиваетъ его. Берлинцы мечтаютъ уже о втором
союзѣ". Но объ этомъ союзѣ въ дѣйствительности не было ни
и рѣчи. Зиму принцъ провелъ въ Петербургѣ. Король не дал
ему позволенія участвовать въ русско-турецкой войнѣ. Кажетс
что интересъ принца къ принцессѣ Августѣ укрѣпился при ру
скомъ дворѣ.

Въ слѣдующемъ году Карлъ-Августъ умеръ, но надо думать
что во время пребыванія великаго герцога въ Берлинѣ был
рѣчь о свадебномъ проектѣ. Натцмеръ писалъ своей женѣ 21 ав
густа 1828 г. „Дѣло принца Вильгельма никоимъ образом
не окончено, но находится въ полномъ ходу. Принцъ поѣхал
въ Веймаръ на довольно продолжительное время, послѣ тог
какъ онъ присутствовалъ на осеннихъ маневрахъ австрійско
арміи". Затѣмъ, въ другомъ письмѣ, тотъ же Натцмеръ писал
„Принцъ Вильгельмъ еще въ Веймарѣ, гдѣ онъ очень хорош
принятъ. О помолвкѣ не слышно пока ничего опредѣленнаго".
Относительно этихъ послѣднихъ строчекъ надо замѣтить, чт
писавшій ихъ зналъ больше, чѣмъ рѣшался писать: принц
Вильгельмъ и принцесса Августа были неофиціально помол

ены 19 октября; но, вслѣдствіе вскорѣ послѣдовавшей смерти бабушки невѣсты, открытая офиціальная помолвка имѣла мѣсто только въ февралѣ, послѣ того какъ король торжественно просилъ, черезъ своихъ пословъ, руки принцессы у ея родителей.

Бракосочетаніе должно было произойти въ Берлинѣ. 6 мая принцъ пріѣхалъ въ Веймаръ, чтобы сопровождать свою невѣсту. Принцесса переночевала въ Виртембергѣ. На слѣдующій день помолвленные отправились въ Потсдамъ. Натцмеръ, приглашенный на свадьбу, писалъ женѣ: „Принцъ былъ очень внимателенъ къ принцессѣ. Что онъ на возвратномъ пути изъ Варшавы, гдѣ присутствовалъ на коронованіи своего зятя императора Николая, заѣхалъ въ Антонино къ Радзивилламъ, это случилось по настоятельному желанію его отца; онъ долженъ былъ передъ свадьбой совершенно помириться съ княжескимъ семействомъ".

10 іюня былъ заѣздъ въ Берлинъ, 11 было совершено вѣнчаніе епископомъ Эйлертомъ. На другой день молодая чета принимала высокихъ гостей въ своемъ домѣ, въ такъ называемомъ Тауэцинскомъ домѣ. Натцмеръ опять писалъ женѣ: „Берлинъ, 14 іюня 1829 г. Бракосочетаніе совершилось благополучно. Принцесса была очень хороша собой, во время вѣнчанія очень взволнована, а послѣ чрезвычайно весела и довольна. Церемонію поздравленій провела она прекрасно; каждому сказала что нибудь любезное, такъ что всѣ были въ восхищеніи".

Принцъ Вильгельмъ былъ счастливъ; въ Берлинѣ утверждали, что возраставшая серьезная практичность принца нашла себѣ необходимое дополненіе въ его молодой супругѣ, расцвѣтшей при дворѣ музъ въ Веймарѣ и скоро освоившейся въ Берлинѣ.

Что происходило въ сердцѣ принцессы Элизы, когда она, годъ спустя, встрѣтила принца Вильгельма съ женой въ паркѣ Бухвальдскомъ (около Гиршберга), никто не могъ прочесть на ея лицѣ.

VII

Кажется, что принцъ Вильгельмъ и принцесса Радзивиллъ при послѣднемъ свиданіи условились не искать другъ друга, не избѣгать другъ друга и встрѣчаться возможно равнодушнѣе.

Принцесса Элиза не перемѣнилась: она осталась дѣвицей, но ея сердце было разбито.

Удалившись отъ большаго свѣта, семейство Радзивилловъ жило въ Рубергѣ. „Сѣяли и сажали, строили и музицировали, сочиняли стихи и рисовали, дѣлали поѣздки, молились и принимали императора и короля просто по домашнему".

Принцесса Элиза охотнѣе всего проводила время одна; любила свои занятія, живопись и дѣла милосердія. Такіе л какъ Штейнъ и Гнейзенау, прославляли тихую жизнь мол страдалицы. Она носила уже въ себѣ зачатокъ смерти.

Принцъ Вильгельмъ писалъ Натцмеру относительно ея лѣзни: „1 апрѣля 1833 г. Вы не можете себѣ представить, мы были испуганы болѣзненнымъ состояніемъ принцессы Э Замѣчательное совпаденіе, — это несчастіе постигло меня п одного обѣда, когда мы всѣ были очень веселы. Слава Б теперь ей лучше. Но какая надежда остается намъ, послѣ какъ три члена этой семьи умерли отъ той же болѣзни, принцессы въ одинъ мѣсяцъ было три припадка".

Между тѣмъ отецъ принцессы заболѣлъ гриппомъ (инфлуэн который тогда былъ до такой степени распространенъ въ линѣ и Петербургѣ, что были обнародованы строгія по новленія. Съ другой стороны, вышучивая эти постановле принцъ писалъ Натцмеру: „Распоряженія Вибеля (тайнаго нитарнаго совѣтника) противъ этого насморка смѣшны въ шей степени; можно подумать, что это чума".

Гриппъ, однако, унесъ много жертвъ и, между проч 7 апрѣля — князя Антона Радзивилла. Министръ двора к Витгенштейнъ писалъ Натцмеру: „Берлинъ, 10 апрѣля 183 Князь Радзивиллъ палъ жертвой запущеннаго гриппа. вездѣ оплакиваютъ. Домъ ихъ — настоящій домъ печали. П цесса Элиза находится въ ужасномъ состояніи. Ей еще не о лились сказать о смерти отца. Ужасное положеніе состоитъ томъ, что она несчастной матери даетъ порученія къ умерш отцу, — и пораженная горемъ, но стойкая принцесса должна носить ей отвѣты покойника".

„13 апрѣля. Вчера принцесса Элиза узнала о кончинѣ о и, противъ всѣхъ ожиданій, приняла это извѣстіе съ больш смиреніемъ. Состояніе ея здоровья даетъ мало надежды на здоровленіе".

Четыре недѣли спустя: „Сегодня реквіемъ въ католичес церкви по покойномъ князѣ".

Болѣзнь все ухудшалась; принцесса Элиза была готова смерти, какъ это мы узнаемъ изъ ея дневника: „30 іюня. Е бы я жила не для мамы! О Спаситель! возвысь меня и мнѣ себя!.. Позволь мнѣ жить для одной лишь мамы, если на то твоя воля!"

Но судьба разсудила иначе. Принцесса снова заболѣла, мы узнаемъ изъ письма г-жи Кнезебекъ: „Берлинъ, 29 сентя 1833 г. Пилюли, которыя ты мнѣ прислала, я сейчасъ же полученіи отнесла во дворецъ Радзивилловъ. Принцесса Э приняла ихъ и спокойно провела ночь. Вчерашній день

тоже провела недурно. Все, что слышишь о принцессѣ Элизѣ, ея чистой душѣ, ея вѣрѣ въ Бога и въ хорошихъ людей,—все заставляетъ сожалѣть о ея скорой смерти. Княгиня-мать кажется мнѣ Ніобеей, такъ какъ доктора утверждаютъ, что принцъ Богуславъ также быстро идетъ къ смерти. Принцесса Ванда сдѣлалась неузнаваема за эти послѣдніе два года. Печальная судьба!"

Въ слѣдующемъ году принцесса Элиза отправилась съ матерью въ Фрейенвальдъ. Тамъ онѣ жили въ королевскомъ замкѣ, о которомъ Фонтанъ сказалъ: „Замокъ расположенъ между липами и цвѣтами, такъ что все это производитъ пріятное впечатлѣніе; и всетаки стѣны эти говорятъ, что онѣ видѣли много горя". Здѣсь-то умерла принцесса Элиза 27 сентября 1834 г. Она похоронена въ родовомъ имѣніи Радзивилловъ, Антонино, рядомъ со своимъ отцомъ.

О. В.

„БОРЬБА ЗА РАВНОПРАВНОСТЬ"

РАЗСКАЗЪ

ГАСТОНА БЕРЖЕРЕ

I

Людвигъ женился на Маргаритѣ. Въ этомъ бракѣ соединялось все, даже любовь.

Маргарита была красивая молодая дѣвушка, здоровая, веселая, образованная и изъ хорошаго семейства. Она получила въ приданое очень порядочный капиталъ; а если, какъ позволительно предполагать, ея родители когда нибудь умрутъ, то, кромѣ горя, ихъ смерть принесетъ ей и состояніе, вполнѣ достаточное, чтобы обезпечить будущность дѣтей.

Людвигъ, какъ всѣ уважающіе себя молодые люди, первымъ окончилъ политехническую школу. Затѣмъ ему оставалось только выбирать любое мѣсто на жизненномъ пиру; онъ предпочелъ быть инспекторомъ финансовъ. Такъ какъ онъ, съ своей стороны, обладалъ и родовымъ имѣніемъ, и большими надеждами, то молодая чета вступила въ жизнь по пути, усыпанному цвѣтами.

Все произошло надлежащимъ образомъ: познакомившись, молодые люди понравились другъ другу и пожелали жениться, а родители воспротивились этому, такъ какъ отецъ молодой дѣвушки побѣдилъ на послѣднихъ выборахъ отца молодаго человѣка. Приходилось страдать, бороться, ждать, причемъ согласіе было получено только въ ту минуту, когда дальнѣйшее ожиданіе сдѣлалось бы утомительнымъ.

Послѣ вѣнчанія молодые совершили свадебное путешествіе, а затѣмъ поселились въ Парижѣ, въ кокетливой квартиркѣ, которую обойщики убрали всецѣло по своему вкусу.

Собственно только съ этого дня и началось настоящее хозяйство. До тѣхъ поръ Людвигъ являлся нѣкоторымъ образомъ похитителемъ: хотя онъ на законномъ основаніи увезъ Маргариту отъ ея безутѣшныхъ родителей, но, тѣмъ не менѣе, это имѣло видъ настоящаго похищенія: поспѣшный отъѣздъ, безпрерывное путешествіе, остановки въ гостинницахъ. Теперь слѣдовало обратиться къ серьезной сторонѣ жизни.

Во время путешествія Людвигъ, само собою разумѣется, бралъ билеты, расплачивался въ гостинницахъ, заботился обо всемъ необходимомъ; Маргаритѣ оставалось только любоваться соборами и видами, имѣть хорошій апетитъ, позволять любить себя, смѣяться и отдыхать. Такъ не могло долго продолжаться: ей тоже слѣдовало взять въ свои руки бразды домашняго хозяйства. Въ Парижѣ Людвигу было бы невозможно самому имѣть дѣло съ поставщиками. Слѣдовало организовать какую нибудь другую систему хозяйства.

Людвигъ нѣсколько стѣснялся затронуть этотъ щекотливый вопросъ. И это происходило не потому, чтобы у него не установилось на этотъ счетъ опредѣленнаго взгляда — онъ намѣревался быть въ домѣ казначеемъ и контролеромъ. Въ день совершенія контракта всѣ бумаги и валюта поступили въ его владѣніе; онъ записалъ нумера и время полученія процентовъ, и съ точностью высчиталъ, сколько имъ можно тратить въ теченіе мѣсяца. Отрѣзать купоны и получать по нимъ — составляло его обязанность.

Въ своихъ личныхъ расходахъ онъ никому не долженъ былъ отдавать отчета, а такъ какъ квартиру нанималъ онъ, то, конечно, ему же отдавались и расписки домохозяина.

Но на расходы по хозяйству онъ вынужденъ былъ давать деньги женѣ. Сколько дать ей? и какъ удобнѣе — на годъ, на триместръ, на мѣсяцъ или на недѣлю? На годъ — вышла бы слишкомъ большая сумма сразу; на недѣлю, пожалуй, слишкомъ часто. Разсчетъ по триместрамъ самый удобный: онъ совпалъ бы съ главными получками. Опасно только, чтобы молодая хозяйка, неопытная, можетъ, и взбалмошная, не истратила вначалѣ слишкомъ много и, такимъ образомъ, не была въ затрудненіи къ концу. Ежемѣсячный разсчетъ въ этомъ отношеніи предпочтительнѣе, позволяя чаще производить ревизію.

Что касается размѣра суммы, то тутъ необходимо при-

бѣгнуть къ маленькой уловкѣ: лучше начать со скромной суммы, которую можно, въ случаѣ необходимости, увеличить, чѣмъ сразу назначить слишкомъ большую цифру, уменьшить которую будетъ потомъ невозможно.

Возникалъ также вопросъ о личныхъ издержкахъ Маргариты. Людвигъ былъ слишкомъ влюбленъ въ жену, чтобы отказать ей не только въ необходимомъ, но даже въ прихоти. Ей стоило только высказать самое мимолетное желаніе имѣть тотъ или другой туалетъ, какую нибудь мебель, драгоцѣнность, какъ Людвигъ уже летѣлъ за ними. Но онъ былъ бы очень доволенъ возможностью держаться и въ этомъ опредѣленной суммы, не открывая неограниченнаго кредита и сохранивъ, главнымъ образомъ изъ принципа, право контроля.

Все это было трудно высказать.

Вѣдь въ ихъ общемъ интересѣ и, главнымъ образомъ, въ интересѣ самой же Маргариты, чтобы Людвигъ занялся соблюденіемъ правилъ мудрой экономіи. А между тѣмъ молодая женщина, мало знакомая съ денежными вопросами и еще находящаяся въ періодѣ слѣпой нѣжности, пожалуй, истолкуетъ въ дурную сторону мѣры, вызванныя единственно благоразумною предусмотрительностью. Она, быть можетъ, ожидаетъ, что ей просто-напросто дадутъ ключъ отъ денежнаго ящика, предложивъ черпать оттуда, сколько заблагоразсудится. Какая отчетность была бы мыслима при подобныхъ условіяхъ!

Въ концѣ концовъ Людвигъ, избѣгая рѣшительнаго объясненія, просто принесъ женѣ деньги и ласково сказалъ ей, что, когда всѣ выйдутъ, пусть она только скажетъ ему.

Ничего не подозрѣвавшая Маргарита разсѣянно взяла деньги и такъ горячо поцѣловала мужа, что тотъ счелъ дѣло оконченнымъ. Но какъ только онъ ушелъ, она погрузилась въ размышленія и скоро замѣтила, что вовсе не была довольна.

»Какъ«, думала она: — »онъ собирается посадить меня на размѣренныя порціи? Такъ вотъ на какую сумму простирается его довѣріе ко мнѣ! Я могу идти только до сихъ поръ!.. Если я и растранжирю эту сумму — потеря невелика, и всегда будетъ время сдѣлать мнѣ замѣчаніе. За каждымъ пустякомъ придется обращаться къ нему! Этого нельзя допустить! И у меня никогда не будетъ въ рукахъ свободной

уммы! Мнѣ нельзя будетъ одолжить подругѣ безъ разрѣ-
енія мужа, сдѣлать доброе дѣло, не докладывая ему, при-
отовить ему самому подарокъ, не попросивъ у него же де-
егъ на это? Нѣтъ, такъ невозможно!«

Она хотѣла сейчасъ же вернуть деньги и объявить, что
овсе не желаетъ ходить на помочахъ. Но такъ какъ Люд-
ига не было дома, то ей пришлось подождать; она полу-
ила возможность разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ и
одавить первый порывъ. По возвращеніи мужа она ни
лова не сказала ему на этотъ счетъ и была веселѣе, чѣмъ
огда либо.

Черезъ нѣсколько дней у нихъ былъ сдѣланъ званый
автракъ; собирались уже перейти въ столовую. Маргарита
счезла на минуту, чтобы распорядиться по хозяйству; вер-
увшись, она, среди всеобщаго молчанія, громко обратилась
ъ мужу:

— Мой другъ, дайте мнѣ, пожалуйста, денегъ, чтобы
ыплатить угольщику.

Людвигъ былъ страшно взбѣшенъ: его сегодняшніе го-
ти какъ разъ принадлежали къ числу лицъ высокопостав-
енныхъ, передъ которыми ему хотѣлось поддержать из-
ѣстный престижъ. Можно бы просто подумать, что Мар-
арита умышленно смутила все важное собраніе этимъ вуль-
арнымъ указаніемъ на способъ, которымъ ведется ихъ хо-
яйство.

Когда супруги остались вдвоемъ, Людвигъ высказалъ
енѣ свое неудовольствіе; но та пренаивно отвѣтила, что
е сдѣлала ничего необыкновеннаго, чему стоило бы удив-
яться: каждый же, вѣроятно, знаетъ, что необходимо имѣть
гли и, само собою разумѣется, платить за нихъ. Ея просьба
огла дать поводъ подумать, что у нея нѣтъ денегъ; но у
ея и дѣйствительно ихъ нѣтъ.

Въ другой разъ Людвигъ сидѣлъ въ кабинетѣ со своими
кольными товарищами, какъ вдругъ вошла Маргарита, одѣ-
ая для прогулки, и извинилась, что безпокоитъ курящихъ:
й надо спросить у мужа денегъ, чтобы нанять карету.

Теперь ужъ не могло быть сомнѣнія: Людвигу приходи-
ось считаться съ предвзятымъ намѣреніемъ. Тщетно уве-
ичивалъ онъ каждый разъ сумму, чтобы избѣжать повторе-
ія подобныхъ случаевъ: Маргарита всетаки находила сред-
тво быть безъ денегъ въ самую неподходящую минуту. Она

[illegible] запасы сахару [illegible] за все рас- [illegible] остаться безъ ко- [illegible]

[illegible] какъ вы- [illegible] Ради всей [illegible] сраженіе: уступи [illegible] не поддаваться. [illegible] быть настоя- [illegible] доказать ей, что [illegible] принять нѣко- [illegible] что это малень- [illegible]

Маргарита [illegible] не дулась, [illegible] но тратила [illegible] ни малѣйшаго [illegible] увѣренный, что [illegible] замѣчанія [illegible] ни потребо- [illegible] каждый разъ [illegible] время и сумму [illegible]

Скоро онъ съ радостью началъ замѣчать, что Маргарита сдѣлалась разсудительнѣе, настолько разсудительнѣе, что это даже ставило его втупикъ. Она ужъ очень давно не спрашивала денегъ и продолжала обходиться безъ нихъ.

Такъ какъ хозяйство продолжало идти обычнымъ путемъ, то слѣдовало предположить, что Маргарита забирала припасы въ долгъ: это должно было сильно уронить ее въ глазахъ поставщиковъ. Къ тому же, вѣдь и кромѣ закупки провизіи есть еще мелкіе расходы, требующіе немедленной расплаты; невѣроятно, напримѣръ, чтобы Маргарита унизилась до просьбы, не подождутъ ли слуги жалованья?

Наконецъ Людвигъ не выдержалъ и спросилъ жену, какъ она умудряется жить такъ экономно? Она отвѣтила, что устала постоянно просить у него денегъ и съ нѣкоторыхъ поръ тратитъ тѣ 3.000 франковъ, которые дядя подарилъ ей въ день свадьбы, чтобы она купила себѣ какую нибудь бездѣлушку.

Людвигъ возмутился такимъ поступкомъ, благодаря которому онъ могъ прослыть скупымъ мужемъ, и немедленно пополнилъ злополучныя 3.000. Онъ прибавилъ, что не по-

нимаетъ этой неумѣстной щепетильности, такъ какъ никогда не подавалъ повода считать его скрягой, и что нельзя ставить ему въ упрекъ желаніе сосредоточить въ своихъ рукахъ контроль надъ всѣми расходами: подобный контроль долженъ лежать въ основаніи управленія какъ цѣлымъ государствомъ, такъ и отдѣльнымъ домомъ.

Но убѣдить ее ему не удалось: она упорно настаивала, что, не имѣя опредѣленной смѣты, не можетъ сообразовывать расходовъ съ приходомъ; чтобы хозяйничать съ разсчетомъ, ей необходимо знать, сколько она въ состояніи израсходовать въ теченіе года, въ опредѣленное время получать эту сумму — разъ въ мѣсяцъ или разъ въ триместръ — и имѣть нѣкоторую свободу дѣйствій. Тогда она можетъ сводить счеты, поставить домъ на приличную ногу и идти спокойно, зная къ чему придешь. Такъ какъ Людвигъ желаетъ завѣдывать кассой, то пусть ужъ онъ лучше беретъ на себя и всю отвѣтственность и самъ разсчитывается съ кухаркой и лавочниками. Она предпочитаетъ совершенно отстраниться отъ дѣлъ, относительно которыхъ все равно не имѣетъ голоса.

Людвигъ держался стойко.

Онъ настаивалъ, что его система имѣетъ всѣ преимущества: Маргаритѣ стоитъ только назначить, сколько ей нужно, и онъ никогда не выскажетъ никакого замѣчанія относительно слишкомъ крупной суммы; но всѣ счеты необходимо должны сосредоточиваться въ его рукахъ, чтобы онъ имѣлъ возможность подвести общій итогъ.

Онъ видѣлъ, что ни на іоту не убѣдилъ жену, но не отступалъ отъ своихъ принциповъ, думая, что въ концѣ концовъ она будетъ вынуждена согласиться на подобную организацію. Еслибы она даже вздумала вторично пустить въ ходъ дядины 3 тысячи, то и онѣ когда нибудь да изсякнутъ, и ей придется сдаться на капитуляцію. Разъ принципъ восторжествуетъ — все пойдетъ великолѣпно, и въ домѣ водворятся полное согласіе и счастіе: мужъ будетъ стараться предупреждать желанія жены, а жена всецѣло подчинится мужу и не рѣшится ни на какую крупную издержку безъ его согласія.

Между тѣмъ Маргарита продолжала не спрашивать денегъ. Можно бы приписать это тому, что ей ничего больше не нужно: разъ въ домѣ заведена полная чаша, то вполнѣ естественно, если нѣкоторое время не приходится дѣлать ни-

какихъ покупокъ. Но Людвигъ скоро убѣдился, что тутъ была совсѣмъ не та причина: хотя онъ не давалъ денегъ, въ домѣ постоянно появлялись новыя вещи. Онъ видѣлъ, какъ приносили огромные свертки изъ моднаго магазина, всевозможную посуду, золотыя вещи, картонки отъ портнихъ и модистокъ. Въ сущности, его контроль сводился, такимъ образомъ, къ нулю, и онъ предвидѣлъ, что скоро получитъ цѣлую груду счетовъ, по которымъ придется сразу уплатить огромную сумму.

Время шло, а счеты не появлялись, и однажды, при видѣ новой шляпки, Людвигъ воспользовался случаемъ, чтобы спросить, чѣмъ Маргарита за нее заплатила? — Ей вовсе и не нужно было платить: это подарокъ матери... А за послѣднее платье? — О, его подарила крестная... А этотъ зонтикъ? — Отъ невѣстки...

— Да вы нищенствуете! вскричалъ Людвигъ. — Развѣ ваши средства не позволяютъ вамъ одѣваться на свои деньги, не прибѣгая къ великодушію родныхъ?!

Она отвѣтила, какъ человѣкъ, который хотѣлъ бы избѣжать объясненій, но принужденъ давать ихъ.

Стычка грозила зайти слишкомъ далеко: поведеніе Маргариты было ужъ черезчуръ безтактно; чтобы получить всѣ эти подарки, ей, конечно, пришлось объяснить роднымъ причину своей кажущейся бѣдности, и всѣ они неизбѣжно должны были придти къ заключенію, что Людвигъ—домашній тиранъ, лишающій жену всего, даже самаго необходимаго.

Онъ рѣшился серьезно объясниться и спросилъ — чего она хочетъ достичь такимъ путемъ?

Чего она хочетъ? — знать точную цифру ихъ годоваго дохода и дѣлежа этой суммы на три части, пропорціональность которыхъ будетъ полюбовно обсуждена на общемъ совѣтѣ: одну — для Людвига, другую — въ ея безконтрольное распоряженіе и третью на хозяйство, причемъ распоряжаться этой частью будетъ она, Маргарита, но, пожалуй, отдавая время отъ времени Людвигу отчетъ.

Что же касается выдачи денегъ по мѣрѣ надобности, то на это она рѣшительно несогласна. Пусть онъ сговаривается, если хочетъ, съ мясникомъ и булочникомъ, пусть платитъ самъ по этимъ счетамъ; она не будетъ противиться этому, но только отказывается принимать какое либо участіе въ хозяйничаньѣ при подобныхъ условіяхъ.

Людвигъ попробовалъ было пошутить насчетъ послѣдствій открытаго мятежа. Маргарита отвѣтила, не улыбнувшись, что съ завтрашняго же дня перестаетъ заказывать обѣдъ и завтракъ, станетъ донашивать только тѣ платья, что у нея уже есть, и въ скоромъ времени будетъ выходить къ гостямъ съ продранными локтями и обтрепаннымъ подоломъ.

Тогда онъ захотѣлъ серьезно убѣдить ее и объяснить тѣ причины, по которымъ въ рукахъ мужа должно сосредоточиваться главное управленіе всѣми домашними дѣлами. Маргарита разсердилась, возвысила голосъ, стучала по столу кулаками, топала ногами и наконецъ упала въ обморокъ.

Людвигъ былъ сначала пораженъ, что его кроткая сдержанная жена прибѣгла къ такому грубому средству, какъ обморокъ; на минуту у него явилась мысль дать ей хорошій урокъ и преспокойно заняться чтеніемъ, пока она сама не соблаговолитъ придти въ чувство. Но это показалось ему слишкомъ жестокимъ, не говоря ужъ о томъ, что изъ простой вѣжливости слѣдовало выказать ей участіе, дать понюхать солей, примочить виски, потереть руки.

Однако, подойдя къ ней, онъ замѣтилъ, что ея руки похолодѣли, лицо посинѣло, и что, вообще, она лежитъ въ настоящемъ обморокѣ. Тогда онъ страшно испугался и поднялъ весь домъ на ноги.

Поспѣшно призванный докторъ внимательно осмотрѣлъ интересную больную, которая только что пришла въ себя; онъ разспросилъ и выслушалъ ее, предписалъ полнѣйшее спокойствіе и осторожность и предупредилъ, что долженъ зайти еще разъ. Людвигъ вышелъ провожать его и съ безпокойствомъ спросилъ:

— Докторъ, это серьезно?

— Очень серьезно, отвѣтила знаменитость.

И, наклонившись къ Людвигу, онъ тихо проговорилъ нѣсколько словъ.

Стоявшій у дверей лакей съ удивленіемъ замѣтилъ, что лицо барина приняло при этомъ сіяющее выраженіе. Только много мѣсяцевъ спустя понялъ онъ, какимъ образомъ болѣзнь молодой женщины можетъ быть и серьезна, и въ то же время доставлять радость ея мужу.

И дѣйствительно Людвигъ едва сдерживалъ свою радость: въ первый разъ это всегда доставляетъ счастіе. Но

онъ зналъ также, что это положеніе требуетъ спокойствія, и что простое противорѣчіе можетъ погубить счастіе цѣлаго семейства.

Онъ вернулся къ женѣ, объяснилъ ея положеніе и, лаская и уговаривая ее, заявилъ, что въ сущности она была права. Съ завтрашняго же дня они сообща займутся составленіемъ смѣтъ.

Онъ проигралъ первое сраженіе.

II

Маргарита не преминула воспользоваться выгодами своего положенія: она добилась права голоса при составленіи смѣтъ и назначенія опредѣленныхъ суммъ на хозяйство и ея личные расходы; но, какъ всякая оппозиція, достигшая могущества, она доказала, что на дѣлѣ съ нею очень легко ладить.

Начали супруги, сообразно сентенціи, высказанной Людовикомъ, съ приведенія въ извѣстность суммы будущихъ доходовъ. Эта смѣта была обставлена самыми благопріятными условіями, потому что доходы были вполнѣ надежны и такъ разнородны, что не могло быть опасности лишиться всѣхъ сразу. Тутъ было и жалованье Людвига, выплачиваемое государствомъ и представляющее серьезныя гарантіи; сюда же входилъ и доходный домъ, составляющій собственность Людвига и который могъ бы обезцѣниться только благодаря невѣроятному пониженію квартирной платы; наконецъ, сюда же относились и бумаги — именныя и на предъявителя — приданое Маргариты.

Такъ какъ дѣло происходило въ кабинетѣ Людвига, то послѣднему стоило только протянуть руку, чтобы открыть ящикъ, гдѣ лежали бумаги; передъ глазами Маргариты, прислонившейся къ плечу мужа, замелькали расписки домохозяина, старыя акціи, пожелтѣвшая бумага которыхъ была изборождена складками, и красивыя совсѣмъ еще новенькія облигаціи на толстой глянцовитой голубой, розовой и зеленой бумагѣ.

Она разсматривала все это съ видомъ солиднаго дѣльца.

Когда сдѣлано было сложеніе, то оказалось, что они гораздо богаче, чѣмъ думала Маргарита. Людвигъ счелъ своимъ долгомъ напомнить, что бо́льшая часть состоянія при-

надлежитъ ей; она побранила его за это замѣчаніе: развѣ есть что нибудь его или ея? состояніе одно, общее, также какъ ихъ жизнь, ихъ надежды.

Когда активъ былъ приведенъ въ извѣстность, то, прежде чѣмъ перейти къ вопросу о расходахъ, Людвигъ важнымъ и официальнымъ тономъ сталъ объяснять женѣ, что для сохраненія состоянія въ цѣлости слѣдуетъ неуклонно придерживаться одного основнаго правила: никогда не тратить всего дохода. Когда человѣкъ богатъ, поступать по этому правилу легче, когда бѣденъ — необходимѣе. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что отступленіе отъ него приведетъ къ разоренію: если нѣтъ сбереженій, чтобы покрыть убытки, которые всякій человѣкъ долженъ хоть разъ понести, то приходится трогать основной капиталъ.

Впрочемъ, даже и безъ понесенія убытковъ, по естественному экономическому закону, состояніе всегда стремится къ уменьшенію; проценты постоянно идутъ на пониженіе, такъ что съ одного и того же капитала доходъ постепенно уменьшается. Съ другой стороны, цѣнность продуктовъ постоянно повышается, такъ что даже и при неизмѣняющемся доходѣ съ каждымъ годомъ сравнительно все болѣе и болѣе бѣднѣешь.

Для борьбы съ этой двойной причиной упадка благосостоянія существуютъ только два средства: увеличивать съ каждымъ годомъ процентъ съ капитала — что возможно исключительно въ коммерческихъ дѣлахъ, или откладывать отъ ежегоднаго дохода извѣстную сумму, достаточную для увеличенія капитала въ той пропорціи, въ какой уменьшается его цѣнность.

— Да, всѣ говорятъ такъ, отвѣтила Маргарита: — это называется политической экономіей.

Но слова Людвига клонились къ болѣе частному выводу: къ необходимости предоставить ему право свободно распоряжаться остаточными суммами. Маргарита предчувствовала ударъ и возразила, что она ужъ не такъ неопытна въ житейскихъ дѣлахъ и можетъ при случаѣ дать хорошій совѣтъ. Но окончательное рѣшеніе спорнаго пункта было на время отложено, и вопросъ оставленъ открытымъ.

Относительно цифры издержекъ на хозяйство молодая женщина выказала такую умѣренность, что Людвигу пришлось довольно долго убѣждать ее ассигновать болѣе крупную

ть вовсе не желалъ, чтобы жена испытывала тѣ
ыя недохватки, которыя въ одно и то же время со-
ть страшное мученіе для женщинъ и вносятъ раз-
льность въ самыя миролюбивыя семьи; къ тому же
ктива плохаго стола вовсе не привлекала его.
енія, возникшія относительно нѣкоторыхъ подробностей,
носили характеръ обмѣна дружескихъ замѣчаній, чѣмъ
ящаго спора, т. е. происходило то же самое, что про-
ить между правительствомъ и бюджетной комиссіей, если
амент имѣетъ довѣріе къ кабинету, а кабинетъ ничего
крываетъ отъ парламента.
Насчетъ пунктовъ, касавшихся общихъ расходовъ, быстро
лѣдовало полное соглашеніе, такъ какъ обѣимъ сторонамъ
ло выгодно обставить ихъ наилучшимъ образомъ. Но от-
осительно вопроса о личныхъ расходахъ явились нѣкото-
ыя недоразумѣнія.
Людвигъ предложилъ самое справедливое распредѣленіе —
поровну каждому. Но Маргарита положительно не понимала,
какія особенныя издержки могутъ быть у ея мужа; она
считала, что ему нужно лишь настолько, чтобы платить
портному, покупать сигары и держать экипажъ. Что ему
еще нужно? устраивать своимъ друзьямъ обѣдъ въ ре-
сторанѣ? это очень неопредѣленная, даже двусмысленная
рубрика, легко могущая привести къ обману. Гдѣ начина-
ются и гдѣ кончаются друзья? если между ними есть жена-
тые, приглашаются ли они съ женами? и всегда ли они
вѣнчаны въ церкви? а холостые могутъ ли приводить сво-
ихъ знакомыхъ? Нѣтъ, здѣсь можно слишкомъ далеко зайти!
Людвигъ съ своей стороны не понималъ самыхъ простыхъ
вещей. Онъ ужасался стоимости самаго дешеваго платья,
недоумѣвалъ, какимъ образомъ шерстяная матерія можетъ
стоить дороже шелка.
Маргарита выказала въ этомъ маленькомъ спорѣ замѣ-
чательную сговорчивость. Она не настаивала на уничтоже-
ніи графы »угощеніе пріятелей«, вполнѣ довѣряя мужу, з
относительно денегъ на свой туалетъ согласилась на всѣ
предложенныя ей сокращенія: она отлично знала, что стоитъ
ей только похуже одѣться, чтобы вызвать замѣчаніе мужа
и удвоеніе, даже утроеніе первоначально ассигнованной суммы.
— А непредвидѣнные расходы? спросила она: — у насъ
не отложено на непредвидѣнные расходы.

— И ненужно.

— Какъ ненужно?! вездѣ на это откладывается — и въ министерствахъ, и въ комисіяхъ.

— Это ошибка. Въ хорошо составленной смѣтѣ все предвидѣно.

— Да, впрочемъ, вскричала Маргарита: — если у насъ явятся непредвидѣнныя издержки, мы всегда можемъ покрыть ихъ отложенной отъ доходовъ суммой.

Но Людвигъ настоятельно сталъ просить ее разъ навсегда запомнить всю важность финансовой аксіомы: не слѣдуетъ переступать разграниченій, сдѣланныхъ въ смѣтѣ, и деньги, предназначенныя для одного, употреблять на другое. Если сумма, ассигнованная на расходы по одной изъ рубрикъ, готова преждевременно изсякнуть, то слѣдуетъ сократить издержки, перенести предположенныя покупки на слѣдующій годъ, но отнюдь не занимать въ другой рубрикѣ, даже если бы казалось, что денегъ съ избыткомъ хватитъ на покрытіе издержекъ по обѣимъ рубрикамъ.

Въ общемъ Людвигъ былъ вполнѣ удовлетворенъ этимъ разговоромъ, за исходъ котораго сильно побаивался. Оказалось, что дѣло пришлось имѣть съ женщиной разсудительной; и если ему не удалось удержать за собой права быть единственнымъ распорядителемъ въ домѣ, то онъ могъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что его жена сдѣлаетъ умѣренное и достойное употребленіе изъ ихъ договора. Этой, сравнительно недорогою, цѣною онъ откупался отъ множества сценъ.

Политика вѣдь, въ сущности, есть ничто иное, какъ примиреніе принциповъ съ обстоятельствами.

III

И дѣйствительно, съ этого дня между супругами воцарилось полнѣйшее согласіе. Людвигъ работалъ; но даже среди самой спѣшной работы мысль о Маргаритѣ вызывала улыбку на его лицѣ и наполняла счастіемъ его сердце; онъ любилъ, былъ любимъ, не имѣлъ ни какихъ либо печальныхъ воспоминаній прошлаго, ни страданій въ настоящемъ, ни заботы въ будущемъ и мало по малу начиналъ даже толстѣть.

Маргаритѣ, конечно, нужно было очень беречься, и она не танцовала эту зиму; каждый день Людвигъ выводилъ ее

гулять, а когда приходилось ѣхать въ каретѣ, то кучеру позволено было проѣзжать только по тѣмъ улицамъ, гдѣ была деревянная мостовая.

Молодой четѣ приходилось, конечно, принимать родныхъ, приглашать нѣкоторыхъ друзей и знакомыхъ, даже холостыхъ, чтобы не выставить себя въ смѣшномъ видѣ; но оба всегда съ нетерпѣніемъ ожидали, когда настанетъ часъ разъѣзда, и они снова останутся вдвоемъ, болтая, читая, но, впрочемъ, не засиживаясь слишкомъ долго, такъ какъ молодой женщинѣ было предписано рано ложиться спать.

Маргарита старалась заинтересоваться занятіями мужа; она до тонкости изучила всю администрацію его департамента и могла даже подавать иногда дѣльные совѣты относительно того, какъ слѣдуетъ обращаться — въ видахъ полученія повышеній — съ начальствомъ настоящимъ, будущимъ и, изъ деликатности, даже съ бывшимъ. Она разрѣзала и перелистывала всѣ новыя книги, отчасти чтобы убить время, отчасти чтобы поддержать при случаѣ разговоръ съ мужемъ; но при этомъ она не упускала изъ виду и того, что могло помочь ей скрыть свое положеніе и возстановить нѣсколько утраченную красоту.

Такое благоразуміе было вознаграждено: въ свое время на свѣтъ божій появилось третье существо, очень маленькое, но очень буйное. Ребенокъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, рѣдкой красоты и съ перваго же дня сталъ проявлять необыкновенный умъ.

IV

Къ концу года Маргарита объявила, что у нея все оказалось совершенно вѣрно, по смѣтѣ, и даже похвасталась порядкомъ въ веденіи дѣлъ и экономіей, которую ей удалось сдѣлать въ рубрикѣ »расходовъ на почту«. Трудно было свести концы съ концами, но все-таки это почти удалось ей — только портнихѣ не было заплачено по двумъ-тремъ счетамъ.

Но Людвигъ не долженъ надѣяться, что на слѣдующій годъ все пойдетъ также гладко, такъ какъ имъ предстоитъ неизбѣжная и довольно крупная издержка: малютка, составляющій всю ихъ отраду, пользовался до сихъ поръ цвѣтущимъ здоровьемъ; для сбереженія этого здоровья необ-

одимо, чтобы ребенокъ дышалъ лѣтомъ свѣжимъ воздухомъ. равда, онъ еще не боленъ, но не слѣдуетъ ждать болѣзни, тобы принять всѣ предосторожности, рекомендуемыя гигіе-ой; докторъ, съ которымъ совѣтовались на этотъ счетъ, одтвердилъ, что въ періодъ развитія зрительныхъ органовъ елень деревьевъ предпочтительнѣе, чѣмъ лучи солнца, отра-енные отъ бѣлыхъ каменныхъ стѣнъ домовъ; кромѣ того, а мягкой дерновой лужайкѣ можно позволить ребенку ба-ахтаться вволю и укрѣплять свои ручки и ножки, безъ пасенія, что онъ повредитъ ихъ.

Людвигъ не сразу понялъ все важное значеніе переѣзда а дачу; онъ указывалъ, что многія дѣти постоянно жили ъ Парижѣ и все же выросли безъ всякаго ущерба для здо-овья; кончилось, однако, тѣмъ, что онъ долженъ былъ ознаться въ своей полной некомпетентности на поприщѣ ѣтской гигіены. Онъ предчувствовалъ, что ему предстоятъ едленныя утомительныя поѣздки взадъ и впередъ по же-ѣзной дорогѣ, но тѣмъ не менѣе не былъ настолько черствъ, тобы пожертвовать пользою ребенка ради экономическихъ обужденій.

Но откуда взять денегъ для дачи? Маргарита, съ при-ущимъ ей легкомыслiемъ, замѣтила, что на одинъ-то годъ ожно бы сдѣлать исключеніе и не откладывать ничего изъ ходовъ. Но Людвигъ всѣми силами воспротивился этому: ли ужъ со втораго года не выдержишь и дотронешься запаснаго капитала, то сдѣлаешь первый трудный агъ, удержаться отъ втораго будетъ уже невозможно. Тра-ить весь доходъ войдетъ въ привычку, и случись какія будь непредвидѣнныя обстоятельства, требующія большихъ здержекъ, придется брать изъ основнаго капитала. Нѣтъ, ѣтъ, предложенный ею способъ — первый шагъ по пока-сти, называемой банкротствомъ!

Маргарита воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы на-омнить, какъ она настаивала на созданіи рубрики »непред-идѣнныхъ расходовъ«. Еслибы ее тогда послушались, то ейчасъ не были бы поставлены въ затруднительное положе-іе. Но она тщетно убѣждала мужа, что рожденіе ребенка сть скорѣе случай исключительный, который можетъ и не повторяться въ слѣдующіе годы; да, наконецъ, разъ дача іобрѣтена, она не будетъ обходиться дороже для двоихъ, аже, въ худшемъ случаѣ, для троихъ дѣтей, чѣмъ для од-

ного; напрасно доказывала она, что наемъ дачи будетъ
производительной затратой, такъ какъ тѣ нѣсколько
выхъ билетовъ, на которые не увеличится ихъ сос
вполнѣ окупятся тѣмъ, что ребенокъ запасется здор
на всю свою жизнь. Людвигъ продолжалъ твердо дер
принципа увеличенія основнаго капитала.

Молодая мать перестала настаивать. Ребенку
свѣжій воздухъ, и она съумѣетъ нанять дачу, не
мужа до разоренія. Ей придется только отказаться о
рого стоющихъ и совершенно ненужныхъ ей туа
просто одѣваясь и не выѣзжая слѣдующую зиму, он
покроетъ издержки.

Тогда произошла борьба великодушій: Людвигъ
шать не хотѣлъ, чтобы его жена стала одѣваться ка
щанка и прервала всякую связь со свѣтомъ; за да
заплатитъ изъ своихъ денегъ, и Маргаритѣ не приде
нять образа жизни.

Окончаніе будетъ

(054-32995)

AP
50
.T85
V.7
no.16

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть вторая

XVII

Репортеръ Михей Устругинъ, собственно говоря, никакого званія не имѣлъ и посему рекомендовался просто »господиномъ«. »Съ кѣмъ имѣю честь?« спрашивали его, и на это, выкативъ свои налитые кровью буркалы, онъ отвѣчалъ кратко и вразумительно: — »Господинъ Устругинъ!« Если на лицѣ у вопрошавшаго отражалось нѣкоторое изумленіе, то онъ пояснялъ: — »Репортеръ«.

Роста онъ былъ высокаго, силу имѣлъ необыкновенную, почему ни разу битъ не былъ; въ плечахъ косая сажень, на головѣ цѣлая копна черныхъ кудлатыхъ волосъ, обнаруживавшихъ его несомнѣнную принадлежность къ цыганскому племени.

— Я изъ цыганъ, говаривалъ онъ самъ: — изъ настоящихъ, и родился въ таборѣ отъ Матрешки, да она подбросила меня помѣщику Куцому-Орало... Ну, тотъ и воспиталъ меня... до пятаго класса гимназіи довелъ, но оттуда я самъ сталъ о себѣ заботиться... Въ труппу сбѣжалъ; первыхъ любовниковъ игралъ, а потомъ въ писательство ударился... Вотъ репортеръ теперь; десять копѣекъ за строчку и на всѣ балы приглашенія... Меня любятъ!..

Сегодня утромъ онъ выѣхалъ на добычу.

[illegible]

[illegible] за [illegible]

[illegible] молчанъ. [illegible]

[illegible]

[illegible] и запачника.

[illegible]

[illegible] Что же ты [illegible]шь, мерзавецъ? ткнулъ [illegible] — [illegible]

[illegible] за плечами Устру[illegible] оказался на сюртукѣ ор[illegible] — [illegible] чтобы не мѣшала за[illegible] любопытнымъ.

— Убійство... закладчика...

У воротъ и у дверей стояла полиція; приказано было никого не пускать, но Устругинъ налетѣлъ такимъ молодцомъ и такъ властно крикнулъ издали »здѣсь?«, что городовые только вытянулись и отдали ему честь.

— Смотрите же, никого посторонняго не пускайте! отдалъ онъ въ воротахъ приказаніе и, какъ »не-посторонній«, увѣренно прошелъ во дворъ. Тамъ стояли уже полицейскій офицеръ, дворники, судебный слѣдователь; ждали прокурора. Полицейскій поручикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ было на Устругина, но тотъ, минуя его, прошелъ къ слѣдователю и съ столь любезнымъ видомъ подалъ ему руку, что не пожать ее нельзя было.

— Позвольте записать вашу фамилію... Я къ вашимъ услугамъ, и моя газета — тоже.

Слѣдователь выпрямился. Его идеалъ былъ Мольтке, и потому Лука Петровичъ Куртцъ былъ молчаливъ и глубокомысленъ.

— Куртцъ... не Курцъ, заглянулъ онъ въ книжку Устругина: — а Куртцъ... изъ остзейскихъ дворянъ...

Пока Куртцъ засматривалъ въ книжку къ нему, Устругинъ записывалъ: »молодъ, но на лицѣ видна увѣренность; взглядъ орлиный и пронизывающій, чувствуешь, что онъ проникаетъ въ самое сердце«.

— Это вы для печати? разнѣжился Куртцъ.

— Да, краткая характеристика...

Куртцъ былъ имъ завоеванъ!.. Теперь ужъ Устругина не могли бы выгнать отсюда, и »происшествіе« принадлежало ему по праву.

Вторымъ его подвигомъ была находка въ самомъ подъѣздѣ скомканной бумажки. Онъ ее поднялъ, прочелъ и глубокомысленно подалъ Куртцу.

Куртцъ взглянулъ и просіялъ: оказался вексель Платона Епифонова со слѣдами крови...

— Вы думаете? кратко спросилъ у Устругина Куртцъ.

Тотъ молча ему поклонился...

Наконецъ пріѣхалъ прокуроръ. Пока онъ еще болтался во дворѣ, спрашивая о подробностяхъ, Устругинъ уже успѣлъ выспросить кухарку Гельмуца, записалъ, что она во время »происшествія« была тамъ-то и тамъ-то у мужа, ремесломъ сапожника, »шьющаго, между прочимъ, даже на генерала Астафьева«; потомъ познакомился съ заплаканною Фанни, утѣшалъ ее, чѣмъ могъ, сдѣлалъ у себя въ книжкѣ краткую характеристику.

Бѣдная Фанни, сидя въ уголкѣ гостинной, тихо смотрѣла на все ее окружающее и только по временамъ принималась плакать, повторяя:

— Папа, папа... дайте мнѣ папу! папу хочу.

Ее не пускали въ залу...

Въ качествѣ бывалаго человѣка, Устругинъ убѣдилъ увести дѣвочку наверхъ, въ семью чиновника, жившаго тамъ, съ сыномъ котораго »Тоней« она когда-то бѣжала въ Америку.

Ночью, когда въ конторѣ стало тихо, и Левъ Станиславовичъ ушелъ оттуда, Фанни выползла изъ-за конторки и, смущенная тьмою, кинулась въ гостинную и проплакала тамъ до прихода кухарки...

— Что ты?..

— Тамъ что-то случилось... кто-то билъ папу... а потомъ, должно быть, они оба ушли...

— Какъ билъ, кто билъ?..

— Не знаю!.. должно быть, Платонъ... онъ приходилъ, говорилъ съ папой, я заснула въ конторкѣ, а потомъ проснулась — папу уже били...

Кухарка сунулась въ залу — темно; сдѣлала нѣсколько шаговъ, споткнулась о тѣло Карла Альбертовича, рукою попала въ лужу крови и подняла крикъ. На крикъ сбѣжались люди...

Фанни допросилъ слѣдователь.

— Кто же былъ у вашего папа?

— Платонъ былъ.

Устругинъ многозначительно кивнулъ Куртцу.

— Вексель?..

— Платонъ Епифоновъ, да?

— Онъ, онъ самый. Потомъ я слышала, какъ папу били... и больше ничего...

Куртцъ сталъ еще многозначительнѣе и глубокомысленнѣе: виновный былъ у него въ рукахъ...

Квартиру Гельмуца опечатали... тѣло увезли. Фанни не пустили проститься съ нимъ.

Левъ Станиславовичъ еще крѣпко спалъ, когда въ нумерахъ у Бабкиной произошелъ переполохъ невѣроятный: нагрянула полиція, судебный слѣдователь, прокуроръ. Дѣвица Бабкина чуть не умерла со страху: она хлопала глазами, присѣдала, бормотала что-то, пока не явился ея оберъ, къ счастію, сегодня бывшій не у дѣлъ.

— У васъ живетъ Платонъ Епифоновъ, мѣщанинъ, содержатель мѣняльной лавки?

— Чаю неугодно ли? угощала Бабкина.

— Я вамъ говорю о Платонѣ Епифоновѣ.

— У насъ, у насъ, вмѣшался оберъ.

— Проведите насъ къ нему.

— Онъ только что пріѣхалъ... пьяный... спитъ, должно быть.

— Какъ только что? значитъ, и не ночевалъ дома?

— Нѣтъ... онъ часто: какъ запьетъ — кончено!

Платошка въ сапогахъ, одѣтый, лежалъ поперекъ кровати и храпѣлъ. Лицо его было подбито, рука оказалась въ крови, сюртукъ былъ оборванъ.

Устругинъ и Куртцъ молча переглянулись.

— Всѣ улики налицо!.. произнесъ первый; второй сдѣлалъ значительное лицо.

Когда Платошку удалось поставить на ноги, онъ на первыхъ порахъ не понялъ было, чего отъ него хотятъ. Потомъ ему представилось, что его мѣняльную лавку ограбили, и онъ заоралъ »караулъ«. Наконецъ оберъ догадался,

наклонилъ ему голову и вылилъ на него цѣлый умывальникъ холодной воды. Платошка опамятовался.

— Вы были вчера у Карла Альбертовича Гельмуца?

— Былъ, моталъ онъ мокрою головой.

— Вы съ нимъ поссорились?

— Нѣтъ.

— Вы уличаетесь въ томъ, что убили его.

— Я?.. И Платошка попятился.

— Гдѣ вы провели ночь?..

Платошка никакъ этого припомнить не могъ: въ его головѣ мелькала какая-то ярко освѣщенная зала, голыя плечи какихъ-то женщинъ, музыка... На счастіе явился совершенно неожиданно извощикъ, привезшій его оттуда: Платошка спьяна не заплатилъ ему денегъ. Поставивъ лошадь, тотъ пришелъ къ нему на квартиру.

— Это вашъ вексель?

— Мой.

— Какъ онъ попалъ къ подъѣзду?..

Но Платошка зналъ это столько же, сколько и Куртцъ.

»Онъ кровавыми руками хватился за него и случайно забылъ на лѣстницѣ...« записалъ къ себѣ въ книжку Устругинъ.

Платошку забрали и поѣхали по адресу, сообщенному извощикомъ. Тамъ простоволосыя дѣвицы выбѣжали въ блузахъ...

— Былъ у васъ вчера этотъ господинъ?

— Былъ.

— Что дѣлалъ?

Толстая хозяйка выплыла къ Куртцу.

— Что дѣлалъ у васъ этотъ господинъ?

— Съ дѣвицами занимался.

— Много пилъ?

— Пилъ.

— Съ какими дѣвицами именно?

Мадамъ указала. Дѣвицъ забрали и нашли у нихъ

рилліантовую »сердечную стрѣлу«, золотые часы... Платошка, купившій это Сашѣ, спьяна все оставилъ здѣсь.

— Гдѣ вы это достали?

— У Гельмуца... въ конторѣ купилъ.

Тутъ уже не оставалось мѣста сомнѣніямъ.

— А куда вы дѣли деньги, которые взяли въ шкафу Гельмуца?

— Я не бралъ!

— Вы его убили и ограбили.

Только сейчасъ Платошка понялъ весь ужасъ своего положенія и повалился ни съ того, ни съ сего въ ноги къ куртцу.

— Помилуйте, ваше высокородіе, отцы!..

— Вы сознаетесь?

— Ничего не понимаю... Господи, что же это?..

— Ишь, запамятовалъ! скажите, пожалуйста! насмѣшливо улыбался полицейскій офицеръ.

Платошку заперли...

Левъ Станиславовичъ, вставъ, чувствовалъ страшную головную боль. Онъ не сразу припомнилъ все, что случилось вчера. Онъ долго сидѣлъ у себя на постели, свѣсивъ босыя ноги и тупо глядя въ окно. Сердце щемило. — »О еслибы умереть!.. умереть теперь, сейчасъ!.. убійца!..« Ему почудилось, что это сказалось не въ немъ самомъ, не въ его душѣ, а извнѣ, гдѣ-то въ комнатѣ, рядомъ, такъ что ознобъ охватилъ его всего...

»Убійца!.. Сейчасъ придутъ... возьмутъ...« И еслибы пришли и взяли — ему бы не было такъ тяжко, такъ ужасно...

Разумѣется, для него все кончено!..

Случайно глаза его упали на револьверъ, лежавшій на столѣ. »Понятно, что онъ не отдастся имъ«. Въ немъ хватитъ мужества умереть, какъ хватило подлости сначала сдѣлать подлогъ, а потомъ убить человѣка...

Онъ даже не вспомнилъ сразу, что пальто съ деньгами

еще валялось у него на полу, на коврѣ, что пачки другихъ денегъ лежали на столѣ, сложенныя имъ туда въ ту самую минуту, какъ онъ вошелъ къ себѣ послѣ вчерашняго...

О еслибы это былъ сонъ! Проснуться бы теперь... вотъ такъ открыть глаза... И пусть будетъ опять весело на душѣ, пусть все это ему почудилось... пусть пройдетъ кошмаромъ!..

Онъ не помнилъ, сколько времени просидѣлъ такъ; очнулся онъ тогда, когда въ коридорѣ послышался тревожный и торопливый шумъ шаговъ, звонъ шпоръ, стукъ сабли, чьи-то чужіе, но властные голоса.

»За мной!« точно молоткомъ, ударило ему въ голову.

Не зная самъ, что онъ дѣлаетъ, Левъ Станиславовичъ швырнулъ пальто съ деньгами подъ кровать, пачки съ ними — туда же; потомъ взялъ револьверъ, ощупалъ зарядъ: есть ли онъ въ гнѣздѣ? — есть! Прислонился къ стѣнѣ и такъ и застылъ. Когда они войдутъ, онъ не станетъ ждать вопроса: онъ просто пуститъ себѣ пулю... Въ ротъ, кажется, нужно, чтобы сразу: вотъ сюда, въ нёбо... прямо мозги всѣ выброситъ вонъ... Что-жъ, жизнь за жизнь — око за око, зубъ за зубъ, слетѣло откуда-то къ нему. Такъ и слѣдуетъ...

Сердце его уже не колотилось, какъ прежде, а ныло, больно, точно его прищемили, ныло... Холодно было: комнату еще не топили, а онъ былъ въ одной ночной рубахѣ.

Нѣсколько минутъ онъ простоялъ такъ. Шаги направились дальше. Теперь шумъ и возня слышались тамъ, гдѣ жилъ Платошка.

»Что бы это значило?« думалъ Левъ Станиславовичъ: — »что бы это такое значило?.. Или пьянаго Платошку привели, или онъ надѣлалъ что нибудь?« И вдругъ ему жутко стало: ему представилось, что Платошка вернулся домой, не засталъ Сашу, бывшую у него, у Смецкаго, и теперь

утромъ, когда она вернулась къ себѣ, сдѣлалъ съ нею что нибудь ужасное.

Левъ Станиславовичъ мигомъ одѣлся. Онъ не сообразилъ, что появленіе его въ такую минуту у Саши будетъ, по меньшей мѣрѣ, подтвержденіемъ подозрѣнія Платошки, и вышелъ туда.

Какой-то черный кудлатый господинъ съ глазами навыкатѣ тормошился въ коридорѣ, приставая ко всѣмъ и всѣмъ надоѣдая. Онъ было накинулся на Льва Станиславовича, но тотъ отвелъ его только рукою...

— Что случилось? чуть слышно, шопотомъ спросилъ онъ у обера.

— Бѣда!.. утромъ Платона забрали. Теперь у него обыскъ дѣлаютъ... растерянно разсказывалъ тотъ.

— За что?.. Сашу онъ...

— Нѣтъ, Саша со страху заперлась. Ее не тронули.

— За что же?..

— Такія дѣла, такія дѣла!.. И оберъ только совался по сторонамъ.

Но въ эту минуту Левъ Станиславовичъ замѣтилъ вдали слѣдователя. Куртцъ и онъ были товарищами; первый только оказывался выпускомъ раньше.

— Старградъ-Смецкій! ты что здѣсь дѣлаешь?

— Я живу тутъ...

— Не дашь ли ты мнѣ стаканъ чаю?

— Хорошо, сейчасъ прикажу... Что здѣсь случилось?

— Ты не слышалъ объ убійствѣ?..

— Какомъ?

— Былъ одинъ дисконтеръ и закладчикъ, Гельмуцъ. Его ночью сегодня убили и ограбили...

Левъ Станиславовичъ прислонился къ стѣнѣ. Въ коридорѣ, къ счастію, было темно.

— Зачѣмъ же ты здѣсь?.. вѣдь Гельмуцъ... т. е. развѣ Гельмуцъ здѣсь убитъ?..

— Нѣтъ, но здѣсь убійца.

Левъ Станиславовичъ незамѣтно вынулъ револьверъ изъ кармана и спряталъ его въ рукавъ.

— У васъ оказался убійца... всѣ улики налицо.

— Какія же улики, что̀ вы называете уликами? горячо спросилъ Смецкій.

— Всѣ, всѣ... и вещи у него найдены... и векселя... это содержатель мѣняльной лавки Платонъ Епифоновъ!

Какая-то животная, бѣшеная радость охватила всего Смецкаго; онъ взялъ Куртца за руку.

— Что̀ ты говоришь?...

— Платонъ Епифоновъ!... Я его нашелъ сразу.

— Да вѣдь ты развѣ не знаешь его? уже весело спросилъ Смецкій.

— Кого?

— Платошку?.. Вѣдь это нашъ апельсинщикъ... Съ чего же ты вообразилъ, что это онъ убилъ Гельмуца?..

— Во-первыхъ, на дворѣ у подъѣзда мы, т. е. я нашелъ векселъ его, весь въ крови... Во-вторыхъ, дочь потерпѣвшаго, т. е. убитаго, показала, что Платошка былъ въ это время у ея отца, что она заснула подъ его разговоръ съ покойнымъ и, когда проснулась отъ шума борьбы, въ комнатѣ уже было темно; въ-третьихъ, у него найдены вещи, ограбленныя у Гельмуца; въ-четвертыхъ, онъ не можетъ сказать, гдѣ былъ въ это время... Я тебѣ говорю: обвиненъ будетъ навѣрняка!...

— Что̀ же, онъ сознался?

— Нѣтъ, закоренѣлая каналья! »Пьянъ былъ«, говоритъ, »гдѣ шлялся — не помню«.

— Позвольте рекомендоваться — господинъ Устругинъ!.. изъ прессы! Не дадите ли и мнѣ стаканъ чаю?.. заморился! Повѣрите ли — собачья должность, бѣгаешь весь день...

Левъ Станиславовичъ пригласилъ ихъ къ себѣ. Онъ заперъ дверь спальной.

— Ты недурно живешь! оглянулся Куртцъ. — Хорошо вамъ, богатымъ людямъ... завистливо проговорилъ онъ. —

Ты не боленъ?

— Нѣтъ, а что?

— Блѣденъ ужасно... А это что у тебя?.. ого!..

— Сейчасъ видно слѣдователя! смѣялся Устругинъ.

Куртцъ наклонился и поднялъ съ полу свалившуюся ночью съ Саши кофточку...

— Ну, теперь я понимаю твой растрепанный видъ.

Левъ Станиславовичъ улыбался тоже... Вдругъ ему пришла въ голову блестящая мысль.

— Постой, постой: какой Гельмуцъ убитъ? Карлъ Альбертовичъ? Который жилъ въ ....? и онъ назвалъ улицу.

— Именно.

— Вотъ тебѣ и на!

— А что тебѣ?.. ты развѣ его зналъ?

— Зналъ... не только зналъ, но былъ ему долженъ...

— Ну вотъ!

— И не я одинъ... князь Ордынскій и другіе.

— У него твоихъ векселей не нашли.

— Значитъ, и ихъ украли?

— Должно быть.

— А ему я именно хотѣлъ отдать на этихъ дняхъ все... Во всякомъ случаѣ помни, что я отъ своего долга не отступаюсь: за мной было около десяти тысячъ — я уплачу его наслѣдникамъ до копѣйки...

— Вотъ это благородно!.. И я заявлю объ этомъ въ газетѣ!.. восхищался Устругинъ: — подъ заглавіемъ: »Благородный поступокъ г. Староградъ-Смецкаго«... Десять тысячъ... превосходно!.. Завтра же въ отдѣлѣ происшествій. Вы увидите, какъ это будетъ: по графамъ. »Квартира... Тѣло... Сирота... Кухарка и ея мужъ... Судебный слѣдователь Куртцъ и открытіе виновнаго... Герой мѣняльной лавки... отъ апельсиновъ къ убійству... Ночь среди павшихъ женщинъ... Стрѣла-обличительница... Арестъ... Запирательство... Богъ видитъ правду... Благородный поступокъ г. Староградъ-Смецкаго«... На пятьдесятъ цѣлковыхъ выйдетъ. Что вы думаете?

И онъ самодовольно выпучилъ на нихъ свои буркалы...

— Знаете, у меня есть слогъ! вдругъ выпалилъ онъ.— У другихъ слогу нѣтъ, а у меня есть!

Но возбужденіе, охватившее было Льва Станиславовича, уже проходило... Онъ понурился и не слушалъ.

— Однако ты, братъ, и усталъ же! покачалъ головою Куртцъ. — Вотъ онѣ, женскія кофточки!.. Ты, впрочемъ, всегда былъ ходокъ... До свиданія!..

Товарищи пожали другъ другу руки.

XVIII

Староградъ-Смецкій ушелъ въ спальню, и его какъ-то разомъ сморило. Въ головѣ стучали какіе-то молотки, — но онъ уже ихъ не слышалъ отдѣльно. Онъ весь тонулъ въ какомъ-то странномъ стихійномъ шумѣ. Скоро онъ сталъ привыкать къ этому шуму. Въ немъ онъ или внѣ его? онъ ужъ не задавался вопросомъ... Онъ думалъ, что не заснетъ. Ему хотѣлось только вытянуться, лечь, чтобы не такъ болѣли натуженная грудь и усталыя ноги... Но только что онъ легъ, какъ вдругъ заснулъ, какъ убитый, безъ сновъ, безъ пробужденія до вечера. Вечеромъ, когда внесли лампу, Левъ Станиславовичъ съ удивленіемъ открылъ глаза.

— Кто тутъ? крикнулъ онъ.

Кругомъ все молчало.

— Кто тутъ? съ слѣпымъ и глупымъ страхомъ повторилъ онъ.

Ему казалось, что шорохъ слышится за его кроватью. Она была неплотно приставлена къ стѣнѣ. Странный шорохъ, крадущійся, боящійся быть услышаннымъ. Онъ поднялся на локтѣ и взглянулъ туда: пальто его лежало на полу такъ, точно тамъ кто-то распростерся и руки раскинулъ... Староградъ-Смецкій весь разомъ какъ-то смокъ отъ ужаса и шопотомъ спросилъ:

— Кто здѣсь?.. кто?.. кто?..

И, прислушиваясь, глядѣлъ туда, чувствуя, что онъ въ эту минуту не въ силахъ оторвать своего взгляда отъ того »чего-то«, чудящагося ему...

Ему казалось, что въ темнотѣ вдругъ блеснетъ неподвижный мертвый взглядъ, и эта рана въ вискѣ замерещится съ мозгомъ и кровью... такъ замерещится, что онъ ее разомъ увидитъ — и эту кровь, и этотъ мозгъ... И сердце въ немъ все тише и тише билось, точно жизнь замирала совсѣмъ — замирала-замирала и вдругъ вспыхнула, да такъ, будто кто-то встряхнулъ его. Онъ вскочилъ и сталъ на полъ.

»Неужели Платошка арестованъ?.. или мнѣ это приснилось?« Нѣтъ, нѣтъ... не приснилось... Слѣдователь тутъ вѣдь сидѣлъ и говорилъ съ нимъ, съ Смецкимъ. Чувство бѣшеной, животной радости охватывало его всего. »Никто, никто не подозрѣваетъ, ни одна душа...« Въ немъ ни къ кому не было жалости въ эту минуту. Казалось, онъ былъ доступенъ только двумъ ощущеніямъ: это — самой подлой радости и страху, слѣпому, медленному и неотступному... »Платошка арестованъ... Его, разумѣется, оправдаютъ! Когда же это обвиняютъ невиннаго! Не можетъ быть... Неужели же я спасенъ?... Спасенъ!«

Онъ опять зажегъ всѣ свѣчи въ канделябрахъ: ему захотѣлось, чтобы кругомъ свѣту было какъ можно больше... Еслибы могъ, онъ бы зажегъ мебель, стѣны, бумаги, книги... чтобы все это горѣло и свѣтило...

Мало по малу успокоившись, онъ вышелъ въ гостинную, заперъ на ключъ двери въ коридоръ и вернулся къ себѣ.

Надо было собрать деньги...

Онъ не рѣшился самъ полѣзть подъ кровать: ему казалось, что тамъ онъ увидитъ нѣчто ужасное... Онъ съ усиліемъ отодвинулъ ее и поставилъ канделябръ около; взялъ пальто, собралъ пакеты съ деньгами... Странно: деньги эти казались ему теплыми и влажными — точно ихъ насквозь просачивала кровь ихъ хозяина, та, что̀ текла тогда тонкою и длинною струей по грязному полу. Не считая и ста-

раясь не глядѣть на нихъ, онъ заперъ ихъ всѣ въ большой портфель, а его въ свою очередь бросилъ на дно сундука. Только когда въ замкѣ послѣдняго онъ два раза повернулъ ключъ — ему стало легче: точно отъ сердца отпало что-то, до сихъ поръ сосавшее его...

— Ну слава Богу! самъ не зная зачѣмъ, проговорилъ онъ и, чтобы собраться съ мыслями, сѣлъ на диванъ и откинулъ голову назадъ, — какъ въ дверь къ нему постучали.

— Кто тамъ? испуганно спросилъ онъ, и когда подходилъ къ двери — ноги его дрожали, и руки казались точно чужими, когда онъ отпиралъ двери.

— Я... Ѳерапонтъ Августиновичъ... Чего вы затворились? больны, что ли?.. И на службѣ не были... и лица на васъ нѣтъ... Не кутнули ли?

— Да, боленъ... голова... У насъ здѣсь происшествіе... нервно заговорилъ онъ, стараясь отвести лицо отъ казавшагося ему пристальнымъ взгляда Воздвиженскаго.

— Слышалъ, слышалъ. А я вамъ деньги привезъ. Вотъ — полностью... получите 10.000!..

— Деньги? это хорошо... я совсѣмъ безъ денегъ... совсѣмъ... ни копѣйки... Мнѣ деньги очень-очень нужны. Вексель вамъ написать... вдругъ опомнился онъ и перешелъ въ дѣловой тонъ.

— Ну, съ неудовольствіемъ протянулъ Воздвиженскій:— какіе же векселя между родными — только этого еще недоставало!..

— Очень кстати... благодарю васъ. Я совершенно безъ гроша. И онъ совсѣмъ успокоился... — »Ничего, ничего не подозрѣваютъ!« точно что-то запѣло въ его душѣ.

— Сегодня къ намъ? ласково взялъ его за руку Воздвиженскій, сажая его рядомъ съ собою на диванъ.

»Куда нибудь, только подальше отъ себя самого, отъ этого сундука съ портфелемъ, отъ этой памяти страшнаго вчерашняго дня... Куда нибудь, куда нибудь!«

И ему вдругъ страстно захотѣлось видѣть шумъ, движе-е, людей.

— Если позволите, я поѣду съ Вѣрочкой въ театръ.

— Хорошо, хорошо... Ахъ вы молодежь, молодежь!

И разнѣженный Воздвиженскій потянулся къ Смецкому смачно поцѣловалъ его въ самыя губы.

— Вы меня подождите минуту: я сейчасъ одѣнусь и ду готовъ — съ вами вмѣстѣ и поѣдемъ... Если вы на-рмите меня обѣдомъ, радъ буду...

И Смецкому самому было странно, какъ можетъ онъ въ у минуту говорить такимъ равнодушно-дѣловымъ тономъ.

Уличный воздухъ освѣжилъ его, и къ Воздвиженскимъ онъ ріѣхалъ даже веселый. Вѣрочка тоже оказалась въ восторгѣ.

— А послѣ театра ты меня ужинать повезешь? пристала на къ нему.

— Хорошо! уже улыбался Смецкій.

— И знаешь что... только ты не смѣйся.

— Ну, изволь.

— Научи меня... только, пожалуйста, не смѣйся... на-чи меня ѣсть устрицы.

— Хорошо!

— И мы выпьемъ шампанскаго..

»Еслибы она знала!..« пронеслось въ головѣ у него, и другъ ни съ того, ни съ сего у него вырвалось:

— А, можетъ быть, Платошка невиненъ?

— Что? удивился папо-Воздвиженскій.

— Можетъ быть, говорю, Платошка невиненъ.

— Ахъ, это вы все про то! Какой вы нервный!.. Я ни-какъ не ожидалъ, чтобы вы были такъ впечатлительны.

— Да, это у меня не выходитъ изъ головы. Я даже убѣжденъ, что кто нибудь другой, кого никто-никто не по-озрѣваетъ, никто... Онъ вотъ тоже по театрамъ ѣздитъ, шампанское пьетъ... А Платошку оправдаютъ навѣрное...

— Слѣдователь разберетъ... судъ наконецъ. Если неви-енъ — выпустятъ.

— Можетъ быть, другой убилъ...

— Да, засмѣялись кругомъ — ужъ если не онъ — значитъ, другой.

— Какъ вы можете смѣяться? это такое страшное, ужасное дѣло. Представьте себѣ — трупъ всю ночь лежалъ... И дѣвочка была около, въ гостиной... и не видѣла, а онъ все-все видѣлъ неподвижными глазами... И эта рана съ мозгомъ въ вискѣ... и кровь на грязномъ полу... И потомъ вы говорите: »слѣдователь разберетъ«. Что же онъ разобрать можетъ, если онъ и у насъ былъ ужасно глупъ? Кромѣ того, развѣ мало преступленій, именно убійствъ, остаются нераскрытыми? развѣ мало? Ну, напримѣръ, Джекъ-потрошитель — кто его раскрылъ? Или наши убійства — въ Гусевомъ переулкѣ... Я еще мальчикъ былъ — помню. Разумѣется, не раскроютъ... И чѣмъ больше онъ сознавалъ, что дѣлаетъ неосторожность, тѣмъ больше ему хотѣлось говорить и говорить на эту именно тему.

— Фу, какія вы гадости говорите! запротестовала Вѣрочка. — Поѣдемте лучше скорѣе въ театръ. И она, вскочивъ, ушла одѣваться.

Левъ Станиславовичъ очнулся и обвелъ всѣхъ испуганнымъ взглядомъ: »не замѣтилъ ли кто его волненія..«

— У васъ голова болитъ? съ соболѣзнованіемъ замѣтила старшая сестра.

— Да, немножко. Я зналъ Гельмуца. Это на меня произвело впечатлѣніе... Точно... точно я самъ его убилъ... вотъ этою самою рукою: поднялъ вотъ такъ и ударилъ въ високъ. Вы думаете, я не могъ бы убить?..

Кругомъ опять всѣ расхохотались...

— Однако какой вы нервный!

— Я ужасно, ужасно нервный... Я даже всегда былъ нервный!

Вас. Немировичъ-Данченко

Окончаніе будетъ

* *
*

не люблю ночей, таинственныхъ ночей,
очей мечтательныхъ, какъ очи юной дѣвы,
очей задумчивыхъ, какъ грустные напѣвы
бснаго соловья, когда въ тѣни вѣтвей
етъ онъ о любви восторженной своей,
трель его звенитъ въ лѣсу, какъ бисеръ звонкій;

вѣтеръ у озеръ, тростникъ качая тонкій,
ребряный заливъ покроетъ чешуей,
стая облаковъ, какъ сновидѣній рой,
очуетъ медленно надъ спящею землей.

хочется въ тотъ мигъ — чего — не знаешь самъ:
олитвы-ль пламенной, иль вдохновенной грезы?
ы полонъ звуками и, волю давъ слезамъ,
оскуешь до зари о злѣ и скукѣ прозы.

не люблю ночей... милѣе сердцу день,
огда онъ искры звѣздъ, какъ алтари, потушитъ
ярко озаритъ лѣсовъ угрюмыхъ сѣнь,
, весело спугнувъ съ полей ночную тѣнь,
ллюзіи ночей съ улыбкою разрушитъ.

Онъ зазвенитъ въ поляхъ серпами и косой,
Въ янтарный виноградъ прольется сладкимъ сокомъ,
Разбудитъ стаи птицъ и зашумитъ травой,
И въ дождикъ золотой жемчужныхъ тучекъ рой
Растопитъ надъ землей своимъ горячимъ окомъ.

И въ этотъ мигъ быстрѣй по жиламъ льется кровь,
Какъ море послѣ бурь, уляжется тревога,
И хочется труда, и чувствуется вновь,
Что силы въ мускулахъ и вѣры въ сердцѣ много...

Ал. Будищевъ

ТАЙНА

РАЗСКАЗЪ

I

Въ небольшой, но высокой и уютно обставленной комнатѣ собралось нѣсколько студентовъ передъ лѣтними вакаціями. По новымъ, хорошо сидѣвшимъ мундирамъ, по щегольскимъ ботинкамъ съ острыми носками, по благообразнымъ прическамъ видно было, что они принадлежали къ такъ называемому »аристократическому« кружку университета и шли по юридическому факультету, который почти вездѣ имѣетъ особый щегольской контингентъ учащейся молодежи. Ихъ было пятеро, изъ которыхъ одинъ, хозяинъ дома, былъ особенно изящный красавецъ-юноша съ мягкими свѣтлыми усами и подстриженной »à la Boulanger« острой бородкой. Застегнутые до верху мундиры съ синими воротниками и золотыми пуговицами производили странное впечатлѣніе: казалось, что это скорѣе юнкера, чѣмъ студенты, большинство которыхъ еще въ недавнее »дореформенное« время мы привыкли видѣть въ »косовороткахъ«, въ высокихъ сапогахъ и съ длинными волосами. Только одинъ изъ четырехъ составлялъ исключеніе и служилъ контрастомъ этой чинной и благообразной компаніи. Этотъ, хотя тоже былъ въ мундирѣ, но довольно таки поношенномъ, съ поблекшими пуговицами, съ измятымъ и полинявшимъ воротникомъ, засаленнымъ сзади отъ спускавшихся на него длинныхъ волосъ, довольно небрежно зачесанныхъ назадъ, ко-

торые онъ во время разговора постоянно ерошилъ, про
по нимъ всей пятерней.

Разговоръ шелъ вяло. Молодые люди курили папир
вынимая ихъ изъ изящныхъ портсигаровъ и стряхивая
пелъ на изящную пепельницу, стоявшую на письмен
столѣ; одинъ лишь студентъ въ поношенномъ сюртукѣ
бывалъ папиросы безъ зазрѣнія совѣсти изъ открытаго
ребрянаго портсигара хозяина: тому надоѣли постоян
обращенія къ нему гостя: »Устиновъ, дайте папироску
и онъ, незамѣтно пожавъ плечами, положилъ свой пор
гаръ передъ гостемъ. Но Устиновъ никакъ не могъ доби
чтобы »поношенный студентъ« не сбрасывалъ пепла на п
какъ онъ ни пододвигалъ ему пепельницу, какъ ни стар
ввести ее въ кругъ зрѣнія товарища — тотъ не замѣ
ничего и стряхивалъ пепелъ куда попало. По безпре
ному этому движенію, безпрерывному куренію одной п
росы за другой, видно было, что ему не по себѣ въ
компаніи, что онъ попалъ не въ свой кружокъ, что
только подчиняется необходимости и ушелъ бы, еслибы з
способъ, какъ сдѣлать это ловко и никого не обижая
что иногда возможно сдѣлать совершенно просто и ес
венно обыкновенному человѣку, то робкимъ людямъ
кажется почему-то неудобнымъ. Такъ и теперь: его о
ствіе очень облегчило бы хозяина, гостей и его самого,
сознавалъ это, — но никакъ не могъ придумать, как
ему встать и уйти.

— Вы никуда не собираетесь сегодня, Стояновъ?
рался облегчить ему задачу Устиновъ: — нѣтъ?.. такъ
дите сегодня съ нами.

— Съ удовольствіемъ, очень вамъ благодаренъ. Я
нигдѣ не бываю по вечерамъ, сижу дома и долго не ло
запутывалъ самъ себя студентъ.

Въ группѣ у камина разговоръ оживился: наконец
пали на тему, за которую всѣ поспѣшили ухватиться.
дентъ Лерхе разсказывалъ, что онъ уже окончательн

лъ распроститься съ университетомъ и поступить въ гвар-ейскій кавалерійскій полкъ непремѣнно въ Варшаву.

— Почему такъ? и почему именно въ Варшаву? спро-илъ его студентъ съ преувеличенно острыми носками на ботинкахъ.

— Видите ли, я до сихъ поръ не въ состояніи постичь »особой части русскаго уголовнаго права« или »уголовной части особаго права«... такъ, что ли? Я и тутъ въ одномъ названіи, кажется, напуталъ; я — поэтъ въ душѣ, и, право, это уголовное право сидитъ у меня поперекъ горла. Это не моя спеціальность...

— Какая же ваша спеціальность? вмѣшался въ разго-воръ Стояновъ.

— Моя спеціальность? женщины! нѣсколько задорно от-вѣтилъ тотъ: — а въ Варшавѣ женщины...

— Увѣряю васъ, это одна только слава про Варшаву, замѣтилъ хозяинъ. — Нѣтъ, что касается меня, я не брошу университета: жаль потраченныхъ годовъ; да и карьера при-сяжнаго повѣреннаго, право, не изъ плохихъ и мнѣ очень по душѣ. Въ наше время жить безъ денегъ мудрено, и хотя отецъ оставилъ мнѣ кое-какія средства, но, во-первыхъ, съ ограниченными средствами жить невесело, и потомъ почему же ихъ не увеличить?..

— Конечно, согласился Лерхе.

— А профессія адвоката даетъ хорошій заработокъ — почему же для этого не потрудиться? Вамъ хорошо, Лерхе, вы можете служить въ гвардейской кавалеріи, и будь у меня ваши средства — я, можетъ быть...

— Нѣтъ, а я, перебилъ его третій студентъ: — ужасно жалѣю, что въ наше время нѣтъ камеральнаго факультета: я немъ, говорятъ, можно было рѣшительно ничего не дѣ-лать, а права между тѣмъ всетаки пріобрѣтались... Я бы нѣлыми днями игралъ на бильярдѣ... Знаете, прошлое воскре-сеніе я игралъ съ однимъ изъ нашихъ и такой триплетъ сдѣлалъ... теперь даже пріятно вспомнить, а тотъ даже по-

зеленѣлъ, разозлился — онъ тоже считается игрокомъ — и говоритъ: »вамъ бы, Шишковъ, можно карьеру сдѣлать, поступивъ въ маркеры«. А теперь зубри, да еще съ этими новыми правилами о зачетѣ полугодій...

Въ это время, докуривъ папироску и бросивъ ее въ каминъ, всталъ со стула четвертый студентъ.

— Куда вы, Шумовъ? спросилъ его Устиновъ.

— До свиданья, голубчикъ, мнѣ непремѣнно нужно сегодня къ 8 часамъ...

— Быть у княжны?.. перебилъ его Лерхе со смѣхомъ.

— Да! А вы почему знаете?

— Да кто же этого не знаетъ?

— Нѣтъ, видите ли, я обѣщалъ пріѣхать сегодня...

— Прочитать стихи собственнаго изготовленія, посвященные ей? опять договорилъ за него Лерхе.

— Да, да, правда.

Онъ ушелъ; когда онъ подходилъ къ дверямъ, Стояновъ думалъ ухватиться за этотъ удобный случай и самому удалиться, но, начавъ тушить папиросу пальцами, смутился и не зналъ, куда ее сунуть, упорно продолжая не видѣть пепельницы; провозившись съ папиросой, онъ упустилъ Шумова, который уже ушелъ. Хозяинъ постарался помочь ему, замѣтивъ его движеніе.

— Куда же вы, Стояновъ?

— Я... мнѣ нужно...

— Вы же сказали, что вечера проводите дома, улыбаясь проговорилъ Лерхе.

— Да, дѣйствительно... отчего же. Я могу остаться Нѣтъ ли у васъ папироски, Устиновъ?

— Вотъ же онѣ, передъ вами, замѣтилъ Устиновъ, еще ближе пододвигая портсигаръ.

— Да, дѣйствительно... я не замѣтилъ.

Шишковъ и Лерхе продолжали разговоръ вполголоса Стояновъ, пристально въ нихъ вглядываясь, упорно молчал Устиновъ незамѣтно поглядывалъ на часы: ему хотѣло

сть на бенефисъ въ Аркадію; онъ досадовалъ на Лерхе,
рый помѣшалъ Стоянову удалиться: тогда онъ приглаб
бы оставшихся двухъ съ собою, и они покатили бы въ
елительное мѣсто и провели бы прекрасно время. Зная
итанскій взглядъ Стоянова, онъ стѣснялся сдѣлать это,
болѣе, что всегда слылъ за благовоспитаннаго молоо
человѣка, привыкшаго вращаться въ обществѣ и прить въ жертву приличію свои желанія и вкусы.

Чтобы вывести своего молчаливаго гостя изъ созерцанаго положенія, такъ какъ другіе два говорили между
й, нисколько не обращая на него вниманія, онъ скаСтоянову:

— Ну, а ваши виды на будущее?

— Я уже не разъ говорилъ съ вами объ этомъ, проголъ гость, едва оторвавшись отъ созерцанія выпущенимъ двойнаго кольца.

— Ну, однако? вы не измѣнили вашимъ мечтамъ?

— Зачѣмъ бы я измѣнилъ имъ? Какъ раньше, такъ и рь я рѣшилъ, когда сдѣлаюсь вполнѣ самостоятельнымъ, свои знанія и силы посвятить на пользу ближнему.

— Но вѣдь это слишкомъ общая фраза, въ сущности го неговорящая. И, во-первыхъ: кто есть мой ближній, ода?

— Я и объ этомъ говорилъ; болѣе конкретнѣе — я буду я раціональное хозяйство у крестьянъ за весьма нимое вознагражденіе, даже безъ вознагражденія, а за итаніе...

— Но вѣдь это же утопія, Стояновъ! воскликнулъ Усти. — Неужели вы все еще не убѣдились въ этомъ?

— Нѣтъ, отчего же утопія? Если не жалѣть труда и ени, можно побѣдить упорство и косность нашихъ »паовъ«, какъ вы выразились недавно.

— Но вѣдь крестьянскіе урожаи часто не возвращаютъ затраченныхъ на посѣвъ сѣмянъ, какое же тутъ раьное хозяйство?

— Во-первыхъ, неурожаи сравнительно рѣдко быв
а во-вторыхъ, если и бываютъ, то потому, что хозя
ведется нераціонально...

— Значитъ, вы совершенно откажетесь отъ личной ж
и посвятите себя для жизни другихъ? Ну, воля ваша.
меня, по крайней мѣрѣ, это непостижимо, и жизнь без
вольствій немыслима... И какое благо міру можете вы
нести, вы, одинъ, единственный человѣкъ, обрекшій се
трудовую жизнь въ тѣсномъ и маленькомъ муравейни

— Я и не говорю о благѣ міра, неохотно отв
Стояновъ. Ему было просто скучно спорить о такомъ
сячу разъ уже передуманномъ имъ и ясномъ для него
вопросѣ. Но Устиновъ не унимался. Адвокатская ли ж
въ немъ заговорила, или ему просто захотѣлось разо
свою скуку, только онъ всячески старался втянуть вт
говоръ Стоянова и самъ говорилъ много, постоянно пе
вая своего собесѣдника.

— Да и что такое благо міра? продолжалъ онъ, не
тивъ вниманія на послѣднюю фразу Стоянова. — Прав
чего въ этомъ мірѣ нѣтъ путнаго и достойнаго труд
жертвъ; право же...

— Это вы философію Шопенгауэра хотите пропов
вать? улыбаясь спросилъ Стояновъ, для котораго и
вопросъ былъ очень уже знакомъ, и пережевывать ег
показалось скучнымъ занятіемъ. Устиновъ слегка оби

— Ничего не хочу я проповѣдывать. И къ чему в
мѣнно всему давать сейчасъ же клички и наклеивать
лыки? И, во-первыхъ, о суетѣ мірской говорилъ не
Шопенгауэръ, а и Гартманъ, и Леопарди, и Аккерма
даже еще чуть не ранѣе всѣхъ Соломонъ въ своемъ
зіастѣ... Слѣдовательно, вопросъ этотъ старъ, какъ мі
давно уже рѣшенъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что несовсѣмъ рѣшенъ...

— Еще Соломонъ сказалъ, продолжалъ Устиновъ.
бивая того: — суета суетъ — все суета! что пользы чел

отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ?.. что̀ было, то и будетъ; и что̀ дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ...« А вы еще хотите трудиться для крестьянъ и вводить какое-то новое »раціональное хозяйство«!.. Все — суета суетъ и всяческая суета! Въ Экклезіастѣ же сказано: »видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ — все суета и томленіе духа!.. Во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь...« Вотъ что̀ сказалъ Соломонъ за тысячу лѣтъ до христіанской эры!

Устиновъ сталъ, какъ показалось Стоянову, въ позу. »Вѣроятно воображаетъ себя передъ публикой говорящимъ ораторскую рѣчь... что-жъ, ему надо привыкать къ этому«, подумалъ онъ и сказалъ: — Если такъ, къ чему же вы учитесь, трудитесь и стараетеесь пріобрѣсти себѣ положеніе?.. все вѣдь суета суетъ...

— Вотъ я и хочу сказать вамъ, что вовсе я не проповѣдую философію Шопенгауэра, какъ вы выражаетесь, а у меня есть своя философія, собственный мой взглядъ на вещи, который и позволяетъ мнѣ стремиться къ пріобрѣтенію познаній, положенія въ обществѣ и прочихъ благъ въ жизни, и въ то же время сознавать суетность этой жизни.

— Да? это любопытно! какая же ваша философія? въ чемъ-съ суть? проговорилъ Стояновъ.

— Выражаясь кратко, я исповѣдываю эпикуреизмъ на почвѣ пессимизма или, если вамъ угодно, шопенгауэризма, но замѣтьте: это только для краткости я говорю такъ, потому что я вообще врагъ, какъ уже вамъ говорилъ, всякихъ кличекъ и ярлыковъ...

Стояновъ заинтересовался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недоумѣвалъ.

— Позвольте, какже это?.. я что-то не понимаю...

— Очень просто: Эпикуръ училъ, опять таки резюмируя его ученіе кратко и не вдаваясь въ подробности, что цѣль жизни — наслажденіе. Но жизнь есть зло, безконечный рядъ страданій и мученій, суета суетъ и всяческая суета;

это неоспоримо, для меня, по крайней мѣрѣ. Но вотъ именно по этому самому, потому что жизнь даетъ рядъ ужаснѣйшихъ мученій и страданій, нужно употребить всѣ свои силы и всѣ средства къ тому, чтобы въ полной мѣрѣ, до послѣдней возможности, извлекать все изъ встрѣчающихся въ жизни наслажденій; наслаждаться до пресыщенія, чтобы самое страданіе не казалось столь ужаснымъ, насладиться такъ, чтобы страданіе показалось отдыхомъ отъ наслажденія...

Стояновъ былъ ошеломленъ.

— Постойте, постойте, если вы это серьезно... вѣдь нужно же разобраться въ такомъ случаѣ; тутъ много можетъ быть оригинальнаго, но много недоговореннаго, перемѣшаннаго, спутаннаго.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Вы несовсѣмъ усвоили себѣ философію пессимизма. Вѣдь эта философія говоритъ, что наслажденія-то собственно вовсе не существуетъ въ мірѣ, что оно — то же страданіе, только въ иной формѣ, какъ вода, снѣгъ, ледъ, — два объема водорода и одинъ кислородъ — одна субстанція въ разныхъ только формахъ...

— А не поѣдемъ ли мы, Устиновъ, въ Аркадію? неожиданно раздался голосъ Лерхе, который давно уже прекратилъ разговоръ съ Шишковымъ и прислушивался къ бесѣдѣ своего товарища съ Стояновымъ. Ему показалось это чрезвычайно скучнымъ, и онъ, позѣвывая и потягиваясь, давно ждалъ случая вступиться. Такъ какъ разговоръ, очевидно, затягивался, то онъ и счелъ нужнымъ прервать его.

Обрадовался случаю и Устиновъ. Онъ нѣсколько смущенно проговорилъ:

— Право, не знаю...

— Тамъ бенефисъ примадонны сегодня, добавилъ Шишковъ.

— Да я непрочь, вотъ только какъ Стояновъ...

— Я? я никуда не поѣду, рѣзко сказалъ онъ. — Неужели вамъ, Устиновъ, такъ легко прекратить разговоръ,

рый вы сами же завязали; интересно же было бы вы-
ть всетаки...

— Ну, Стояновъ, вѣчно вы съ философіей, сказалъ съ
овольствіемъ Лерхе. — Право же, это скучно; ну, дого-
те когда нибудь въ другой разъ.

— Да я вамъ, господа, не мѣшаю, мирно проговорилъ
новъ, овладѣвъ собой и разсудивъ, что даже не стоитъ
рить, когда собесѣдникъ такъ не серьезно относится къ
овору. — Уѣзжайте себѣ съ Богомъ, тѣмъ болѣе, что и
уже давно пора.

— А вы не поѣдете съ нами? любезно предложилъ Ус-
въ.

— Нѣтъ, благодарю, я пойду домой.

— Мы подвеземъ васъ...

Стояновъ и отъ этого отказался. Когда всѣ выходили въ
днюю, Лерхе замѣтилъ Стоянову:

— Посмотрите, батенька, да вы сѣдой совсѣмъ — и это
5 лѣтъ! »Вотъ нынѣшняя молодежь!« съ комическимъ
омъ прибавилъ онъ, кого-то пародируя. — Ну, что вы
ете дамѣ вашего сердца, если когда нибудь влюбитесь,
ашими сѣдыми волосами?

— Я скажу ей: полюбите насъ бѣленькими, а черень-
насъ всякій полюбитъ, сострилъ неожиданно для себя
новъ, переворачивая на изнанку гоголевскую фразу.

Всѣ расхохотались.

Стояновъ вышелъ на улицу. Онъ облегченно вздохнулъ,
вствовалъ себя внѣ этого чуждаго ему товарищескаго
ка. Онъ всегда избѣгалъ посѣщать кружокъ этихъ »при-
нныхъ, приличныхъ и пустыхъ аристократовъ«. Но онъ
рался уѣзжать на каникулы въ провинцію и передъ
здомъ долженъ былъ зайти получить деньги за уроки,
рыя онъ давалъ младшему брату Устинова, приготовляя
въ одно военноучебное заведеніе. У Устиновыхъ оказа-
гости, и хозяйка дома, мать его ученика, обратившись
ему съ любезной улыбкой, сказала: »У Володи нѣ-

ситета сдѣлали изъ него мужчину. Онъ много переработалъ и передумалъ за эти два года. »Вотъ даже виски посѣдѣли!« вспомнилъ онъ послѣднія слова своихъ товарищей и улыбнулся. Несмотря на всю свою солидность и вполнѣ неюношескую серьезность, молодость взяла свое: ему пріятно было воображать себя уже взрослымъ мужчиной и даже съ посѣдѣвшими висками.

Сонъ уходилъ отъ его глазъ: онъ черезчуръ размечтался. Думы о свиданіи рисовались ему всю ночь, и подъ вліяніемъ ихъ горькій осадокъ отъ »безпутно проведеннаго вечера« уничтожился.

Только часа черезъ три удалось наконецъ ему заснуть.

Рано утромъ почтальонъ принесъ ему повѣстку. Пробѣжавъ ее, онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ: тамъ было изображено 100 р., вмѣсто 50. »Что это, отецъ разбогатѣлъ, что ли?« подумалъ онъ: — »и къ чему это. Отлично могъ бы обойтись и 50-ю. Къ чему онъ мнѣ столько прислалъ? можетъ быть, порученіе какое!« Но, побывавъ на почтѣ и прочитавъ письмо, онъ убѣдился, что это ему на дорогу, и порученія никакого не было. Вечеромъ онъ собрался въ путь.

II

Поѣздъ приближался къ станціи. Стояновъ издалека уже выглядывалъ въ окно вагона и старался въ толпѣ публики на дебаркадерѣ разглядѣть знакомыя лица отца и сестры. Старикъ Стояновъ находился на концѣ длинной платформы и вглядывался въ быстро приближавшійся поѣздъ. Но они другъ друга не узнали: отецъ не узналъ въ этомъ похудѣвшемъ и поблѣднѣвшемъ юношѣ въ мундирѣ своего сына, два года назадъ — здороваго и цвѣтущаго гимназиста, а сынъ не узналъ отца въ этомъ обрюзгшемъ, одряхлѣвшемъ человѣкѣ. Когда наконецъ они узнали другъ друга, и студентъ послѣ поцѣлуевъ и объятій всмотрѣлся въ лицо отца, онъ не могъ подавить въ себѣ назойливой мысли:

»Эля права, съ нимъ что-то есть!« Онъ съ волненіемъ вглядывался въ глаза отца, прежде всегда спокойные и свѣтлые, а теперь какіе-то задумчивые, съ затаенною грустью. »Что-то есть!« думалъ Стояновъ, не отдавая себѣ отчета, какая именно перемѣна произошла съ отцомъ. И ему, какъ это часто бываетъ при свиданіяхъ послѣ долгой разлуки, вдругъ стало непосебѣ и захотѣлось уйти, остаться одному, спрятаться. Онъ ухватился за носильщика, который шелъ къ нему съ багажной квитанціей, пошелъ съ нимъ самъ въ багажное отдѣленіе и, несмотря на убѣжденія артельщика все довѣрить ему, самъ возился съ сундукомъ, стараясь промедлить время возможно дольше.

— Не извольте, баринъ, безпокоиться, уговаривалъ его артельщикъ. — Извольте нумерокъ замѣтить, я все вамъ предоставлю въ лучшемъ видѣ.

— Ничего, ничего, я самъ тоже, говорилъ тотъ.

Когда онъ ѣхалъ съ отцомъ на извощикѣ домой, у нихъ завязался наконецъ разговоръ.

— Какже ты, Степа, похудѣлъ, мой мальчикъ! сказалъ ему отецъ.

— Да, а ты... началъ было студентъ, но пріостановился: во-первыхъ, онъ не зналъ, какъ ему называть отца: »папа« звучитъ какъ-то »по дѣтски«, »отецъ« — слишкомъ торжественно и офиціально; кромѣ того, ему хотѣлось сказать, что отецъ очень измѣнился на его взглядъ, но онъ удержался, не зная, какъ это будетъ принято.

— А я постарѣлъ, докончилъ за него отецъ: — ничего, братъ, ничего, быстро продолжалъ онъ, замѣтивъ отрицательное движеніе сына: — самъ знаю... не скроешь. Да и пора — вонъ ты молодецъ какой у меня вышелъ!

Но въ этой шуткѣ звучало что-то совсѣмъ невеселое.

— Что Эля? вотъ, я думаю, измѣнилась! сказалъ студентъ, чтобы перемѣнить разговоръ, который все какъ-то не клеился, что его очень смущало и раздражало. »Вѣдь гово-

рилъ же я съ нимъ всегда просто и откровенно«, думалъ онъ: — »отчего же теперь что-то будто мѣшаетъ мнѣ?«

— А вотъ увидишь; скоро доѣдемъ, самъ ее увидишь. Она не пріѣхала тебя встрѣчать на вокзалъ, встрѣтитъ дома...

— Да мы не туда, кажется, ѣдемъ, папа, рѣшился наконецъ студентъ назвать отца этимъ именемъ.

— Какъ не туда?

— Право, не туда, нужно было повернуть на Канатную...

— А! вотъ что!.. Развѣ я не писалъ тебѣ, что домъ нашъ проданъ?..

— Домъ нашъ проданъ!

— Ну да, что ты такъ этому изумляешься? Ты уѣхалъ, сестра тоже не вѣкъ будетъ дома жить, а мнѣ, старику, къ чему такой домъ большой? Мнѣ на старости лѣтъ уютнѣе въ маленькихъ-то клѣтушкахъ и теплѣе, и уютнѣе...

Онъ подхихикивалъ и старался говорить въ шутливомъ тонѣ, но оба, и сынъ, и отецъ, чувствовали, что шутливый тонъ не подходилъ какъ-то къ разговору, въ которомъ была какая-то дѣланность и напряженіе.

— Отчего же ты не писалъ мнѣ объ этомъ?

— Да, да, это странно, неужели я забылъ?.. это удивительно! И Эля не писала тебѣ объ этомъ?

— И Эля ничего не писала.

— Вотъ видишь, Степа, старость-то что значитъ! все по забывчивости. Ну, пожури Элю, видно тоже старѣть начинаетъ, пробовалъ онъ шутить.

Они подъѣхали къ одноэтажному маленькому домику въ три окна на улицу. Изъ дверей выскочила рослая хорошенькая дѣвушка и повисла на шеѣ у студента.

— Степа, Степа! родной, наконецъ-то!

Когда первые порывы встрѣчи прошли, молодой Стояновъ сказалъ:

— Да какже ты похорошѣла, Эля! Право, я бы тебя не узналъ на улицѣ!

— Ну что ты, Степа! Вотъ ты возмужалъ, настоящій мужчина. Ну разсказывай, разсказывай...

Тотъ засмѣялся.

— Какъ разсказывай? Ты бы меня чаемъ напоила прежде и закусить дала.

— Все, все будетъ, все!

Въ это время послышался звонокъ, и они услышали голосъ отца:

— Послѣ, послѣ, пожалуйста, завтра, теперь некогда!

Дверь торопливо захлопнулась.

— Кто это, папа? спросилъ студентъ.

— Ну, и ты такой же, какъ Эля, любопытный! Такъ, по дѣлу! На лицѣ старика Стоянова было написано смущеніе, и яркій румянецъ живилъ его щеки.

— Что съ нимъ? прошепталъ студентъ сестрѣ.

— Молчи. Я тебѣ говорила!

За чаемъ разговоръ опять никакъ не могъ наладиться. Сынъ все разспрашивалъ о ихъ домѣ — кому продали, кто живетъ теперь въ немъ, какъ его письма доходили до отца, когда онъ писалъ ему на прежній адресъ... Отецъ неохотно отвѣчалъ на эти вопросы и наконецъ прервалъ сына:

— И охота тебѣ, право, Степа... Ну, поговоримъ лучше, что у васъ, какъ въ университетѣ? какъ идешь, надолго ли пріѣхалъ?

Разговоръ не клеился. Степанъ Стояновъ замѣтилъ въ отцѣ еще совершенно новую для него черту, очень его удивившую: это тщательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и плохо скрываемое какое-то глухое раздраженіе противъ дочери. Во время разговора о продажѣ дома Эля дѣлала брату знаки глазами. Но тотъ не понималъ ихъ и продолжалъ разговоръ на эту тему.

— Отчего, Эля, ты не написала мнѣ о продажѣ дома? спросилъ ее братъ.

— Да вѣдь папа самъ... начала она, но отецъ вдругъ черезчуръ рѣзко, очевидно, чтобы прервать разговоръ, сказалъ:

— Успѣете наговориться. Ты бы лучше подчивала брата,

Елена, чѣмъ занимать его разговорами. Усталъ вѣдь, я думаю, съ дороги-то? Соловья баснями не кормятъ! продолжалъ онъ, стараясь послѣдней шуткой загладить рѣзкость своей выходки.

Все это напрягало нервы всегда откровеннаго и правдиваго юноши; онъ не выдержалъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, рискнулъ сказать:

— Что это, папа, я не узнаю тебя! У тебя что-то есть на душѣ...

Но эффектъ этой фразы былъ поразителенъ, и онъ горько раскаялся, что произнесъ ее.

— Ну вотъ! и ты туда же! заговорилъ Стояновъ быстро и вспыхнулъ, какъ юноша: — слава Богу! теперь ужъ двое будутъ приставать ко мнѣ съ выпытываніями. Уже успѣла донести! накинулся онъ на дочь. — Это все ты, ты, ты! И брата подзадориваешь... И откуда вы взяли: есть что-то, да есть что-то, — затвердили одно и то же. Что вамъ нужно отъ меня? Ничего у меня нѣтъ, ничего, понимаете? ничего... Захотѣлось вотъ ей (онъ чуть не съ ненавистью посмотрѣлъ на дочь), чтобы была у меня тайна, вотъ и зудитъ всѣхъ...

— Я, право, папа ничего Степѣ... пробовала та оправдаться.

— Молчи, знаю ужъ... успѣла: »посмотри, что такое съ папой, да онъ странный, да онъ не такой, да онъ«... Знаю ужъ!

Елена расплакалась и ушла изъ-за стола.

— Ну вотъ, всегда такъ, ворчалъ старикъ. — Сама затѣетъ кашу, а потомъ въ слезы... Полно, полно, Елена... Елена! звалъ онъ ее уже болѣе мягко, но до него доносились лишь одни глубокія и продолжительныя всхлипыванья. — Нну! теперь не скоро уймется!

— Да съ чего ты, папа, на нее накинулся? право, я не понимаю, ничего она со мной не говорила...

— И говорить-то нечего...

— Ну да, конечно, такъ за что же ты ее обидѣлъ?

Старикъ какъ-то неловко усмѣхнулся.

— Говорилъ я тебѣ — старъ сталъ. Ну да полно! вотъ ць въ первый же день и исторія! Ну, поди, утѣшь сестру, я пойду къ себѣ отдохнуть.

Елена лежала на кровати, уткнувъ голову въ подушки, старалась заглушить свои рыданія.

— Эля, дорогая, голубка, перестань, ну что за вздоръ, аво! утѣшалъ ее братъ. — Сядемъ-ка лучше да поговоримъ, арался онъ силой поднять ее съ кровати.

— Послѣ... послѣ... ночью, сквозь слезы шептала она: — перь подслушаетъ...

— Эля, что ты говоришь! началъ было братъ, но въ ъ же моментъ ему почудился у дверей шорохъ. Онъ заалъ и, молча сжавъ руку сестры, сѣлъ у ея ногъ на овати; мрачныя думы одолѣли его.

»Что же все это значитъ?« думалъ онъ. — »Что за отношенія съ сестрой у отца? И почему эти отношенія такъ пряжены, что они не съумѣли ихъ скрыть въ первый же нь моего пріѣзда? А съ отцомъ рѣзкая перемѣна. Хоть бы скорѣй съ Элей поговорить по душѣ!..«

Остатокъ вечера прошелъ вяло. Отецъ старался шутить запскивалъ у дочери, сынъ поддерживалъ это якобы вое настроеніе духа и самъ шутилъ, но всѣмъ до очевидти было не по себѣ, и каждый игралъ взятую на себя роль...

Студентъ пошелъ на кухню повидаться со старой кукой Авдотьей, жившей уже 18 лѣтъ въ домѣ. Та ему нь обрадовалась.

— Ну, наконецъ-то разстался съ ниверститетомъ! Дома кивн, батюшка... Ну, слава тебѣ, Господи, перекрестись она, поцѣловавшись съ нимъ, и въ этомъ возгласѣ моему Стоянову почудилось, что Авдотья вздохнула съ обченіемъ и возлагала на него какія-то надежды. Словомъ, сестра, и Авдотья радовались, очевидно, не столько ему чно и его пріѣзду, сколько тому, что онъ повернетъ дѣло своему, исправитъ, успокоитъ... Такъ, по крайней мѣрѣ,

ему казалось. Какое дѣло? что̀ исправить? кого успокоить? задавалъ онъ себѣ вопросы, но тщетно...

Вечеромъ, когда отецъ заперся въ своемъ кабинетѣ, всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Эля отправилась съ братомъ въ свою комнату.

— Ну, Эля, сказалъ ей студентъ: — разсказывай все по порядку, что̀ у васъ здѣсь происходитъ?

— Что̀ я тебѣ скажу? ты самъ все видѣлъ и слышалъ.

— Да, но я ровно ничего не понялъ; что̀ такое съ папой?

— Ну вотъ, слушай: годъ спустя послѣ твоего отъѣзда онъ продалъ домъ...

— Да почему ты мнѣ ни однимъ словомъ не намекнула объ этомъ?

— Вотъ видишь ли, онъ мнѣ совершенно неожиданно объявилъ о продажѣ; я была очень удивлена, но не разспрашивала его, думая, что онъ самъ мнѣ разскажетъ; но онъ молчалъ, и когда мы переѣхали на эту квартиру, онъ съ каждымъ днемъ сталъ мрачнѣе и мрачнѣе, придирчивѣе придирчивѣе, даже Авдотья стала замѣчать перемѣну въ немъ. Разъ, когда я писала въ своей комнатѣ письмо тебѣ, онъ вошелъ. — »Ты написала брату, что домъ продали?« — Нѣтъ еще. »Ну, и не пиши, еще обезпокоится; самъ вотъ лѣтомъ пріѣдетъ, узнаетъ«. Я послушалась; ты не пріѣхалъ то лѣто... И все съ каждымъ днемъ онъ становился хуже и хуже — и вотъ, Степа, дошелъ до того состоянія, въ какомъ ты видишь его теперь. Ты думаешь, эта сцена, что̀ сегодня произошла, рѣдко повторяется? — чуть не каждый день! право! Я ужъ подумывала уѣхать куда нибудь; и что̀ только я ему сдѣлала, чѣмъ провинилась? Ахъ, Степа, Степа! И она опять готова была заплакать, но удержалась. — Авдотья прямо не говоритъ, продолжала она: — но она что-то знаетъ. Она мнѣ говорила какими-то обиняками, но я ничего не понимаю. Поразспроси у нея, Степа!

— Что̀ же я у ней буду разспрашивать?..

— Ахъ да, я забыла тебѣ сказать: вечеромъ онъ запи-

ется и все щелкаетъ на счетахъ что-то; еще ходятъ къ му по утрамъ и по вечерамъ какія-то подозрительныя лица.

— Ну что ты, Эля?

— Право же, голубчикъ. И онъ запирается съ ними въ бинетѣ, и тогда никто не долженъ мѣшать имъ. И каж-ый день ходятъ акуратно.

Она встала и подошла къ двери, быстро ее открывъ. удентъ улыбнулся.

— Ну, ужъ ты очень стала подозрительна, Эля!

— Говорю тебѣ, онъ подслушивать сталъ. Похоже ли это него? И въ особенности эти люди, что ходятъ къ нему...

— Ты говоришь, каждый день ходятъ? а вотъ же сегодня никого нѣтъ. Или они, можетъ, надѣваютъ шапки-невидимки?..

— Не шути, Степа, сказала она, понизивъ голосъ. — икого нѣтъ? это потому, что ты пріѣхалъ. А помнишь се-дня — звонокъ? Онъ ихъ выпроводилъ. Говорю тебѣ — ть тайна какая-то!

Студентъ задумался.

— Вотъ что, Эля: въ такомъ небольшомъ городкѣ, какъ шъ, всякія тайны легко раскрываются. Я узнаю эту тайну.

Поздно ночью они разошлись.

Жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Стояновъ-сынъ тавалъ рано и принимался за чтеніе. Часто къ нему при-дила сестра, и они вмѣстѣ читали. Эля изъявила рѣши-льное желаніе идти на курсы, такъ какъ вновь заговори-ли объ ихъ открытіи; поэтому она усердно занималась и дготовлялась, пользуясь присутствіемъ брата. Отецъ по рамъ уходилъ куда-то и являлся къ обѣду. Съ пріѣздомъ на онъ сталъ менѣе мраченъ, хотя часто замѣтно было ательно скрываемое волненіе и какая-то тревога. »Подо-ительные люди« хотя и появлялись, но сравнительно рѣдко.

По временамъ, большею частью вечеромъ, за чаемъ, за-ывались общіе разговоры, въ которыхъ принималъ уча-е и отецъ, и тогда сынъ его съ грустью убѣждался, что

взгляды отца стали очень расходиться съ его
съ каждымъ разомъ все больше и больше. Ему
онъ понялъ, что за эти два года онъ сдѣлал
жимъ для отца. Ломая себѣ голову, отыскі
этого, онъ спрашивалъ себя, онъ ли измѣнил
чика сталъ разсудительнымъ человѣкомъ, по
сталъ понимать прежніе взгляды отца, или, н
измѣнилъ свои убѣжденія.

Тяжело становилось ему жить подъ родн
мало того, что онъ пересталъ теперь сходитьс
съ отцомъ, — этотъ послѣдній сталъ вышучи
ваться надъ самыми его святыми идеалами
Правда, это случалось рѣдко, въ дни особенн
нія, въ дни мрачнаго настроенія отца. Но сь
лодъ и горячъ и со всѣмъ пыломъ, свойств
дости, вооружался противъ этихъ оскорблен
тѣлъ въ нихъ видѣть ничего, кромѣ »предат
мѣны«, не хотѣлъ и не могъ ничѣмъ объясни
ничего уступить, ничего простить. Ложь бы
несвойственна его натурѣ; онъ питалъ къ ней
отвращеніе и на совѣтъ сестры не спорить,
а наружно соглашаться, ибо »это ни къ ч
ваетъ«, онъ набрасывался на нее и громилъ

— И это ты говоришь?! Ты молчишь, Эля!
величайшая глупость въ мірѣ! Зачѣмъ, къ чем

Теперь въ разговорахъ чаще, чѣмъ когда ли
упрекать его молодостью.

— А ты все еще не бросишь свои бредн
однажды старикъ.

— Какія это?

— Ну, о служеніи народу, о необходим
себя часть общечеловѣческаго страданія, о до
ціи народу и что тамъ еще? словомъ, всѣ
оскомину фразы и напыщенныя рѣчи.

— Зачѣмъ же я ихъ брошу? сухо отвѣти

— Молодъ ты очень, Степа, вотъ что! Ну, да съ лѣтами
то пройдетъ: всѣ начинали съ этого, а кончали...

— Измѣною своимъ убѣжденіямъ? ѣдко замѣтилъ ему
Степанъ. Старика передернуло.

— Что ты хочешь сказать? гнѣвно проговорилъ онъ.

Студентъ не сдержался. — Только то, папа, что не всѣмъ
дано такъ быстро и свободно мѣнять свои убѣжденія, какъ
то сдѣлалъ ты за эти два года.

Къ удивленію его, старикъ не разсердился.

— Вотъ я и говорю: молодъ ты очень, молодъ и горячъ.
Жизнь коротка, Степа, и преисполнена всякаго рода печа-
ей и скорбей; ею надо пользоваться, пользоваться такъ,
тобы не упустить ничего, что плыветъ въ руки. На замѣ-
ишь, какъ промелькнетъ молодость, какъ потухнутъ идеалы,
акъ все станетъ сѣро, уныло, безнадежно и грустно. И за-
очется насладиться жизнью, захочется радости и веселья,
а поздно... все прошло, прошло...

Лирическій тонъ этой тирады и какая-то затаенная грусть
одѣйствовали смягчающимъ образомъ на сына. Озлобленіе
же прошло, чувство жалости и нѣжности къ отцу проснулось.

— Зачѣмъ ты такъ говорилъ, папа? и почему ты такъ
ѣзко перемѣнилъ свои взгляды? Вѣдь ты же одобрялъ когда-
о мои идеи о служеніи обществу и именно обездоленному,
езпомощному обществу — народу... Что съ тобой сдѣлалось?

— Видишь ли, когда ты отправился въ университетъ,
остался одинъ и много по этому поводу думалъ. Я самъ
ало испыталъ радости въ жизни. Долгими ночами думая
ъ своемъ кабинетѣ о пролетѣвшей жизни, объ исчезнувшей
олодости, о всѣхъ треволненіяхъ и невзгодахъ, вынесенныхъ
ною, о массѣ неудачъ и горя, заботъ и оскорбленій, и огор-
еній — я подумалъ, что, поддерживая въ тебѣ тѣ же взгляды,
сдѣлаю тебя несчастнымъ на всю твою жизнь. Могу ли
помянуть добромъ прожитое? Такъ и ты, когда дойдешь
о моихъ лѣтъ, проклянешь свою жизнь, и нечѣмъ будетъ
ебѣ вспомнить молодость.

— Но почему же нечѣмъ?

— А потому, что прежде всего нужно жить для себя, потомъ для своихъ ближнихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. для родныхъ; потомъ, если время и обстоятельства позволятъ, подумать ужъ и о пользѣ общей. Только не будетъ и не останется у тебя на это времени.

— Совершенно вѣрно: если человѣкъ весь погрязнетъ въ жизнь для себя, то онъ, конечно, навсегда разучится понимать значеніе жизни для другихъ...

— Я жилъ для себя, продолжалъ старикъ: — я не дѣлалъ людямъ зла, но я и не думалъ особенно о ихъ благѣ: я жилъ и работалъ, т. е. служилъ для себя, для семьи, для дома — и то мнѣ нечѣмъ вспомнить прошлое, помянуть добромъ мою молодость. А ты — ты хочешь совершенно отъ самого себя отрѣшиться!.. Ну, и что выйдетъ? никто, повѣрь, не скажетъ тебѣ спасиба! никто! Загубишь ты свою молодость, свою жизнь, — и когда опомнишься, то или проклянешь все прошлое и измѣнишь своимъ убѣжденіямъ, или пустишь себѣ пулю въ лобъ; я вѣдь тебя знаю... ты изъ такихъ! да и вся нынѣшняя молодежь изъ такихъ... обширныя задачи, необъятныя стремленія и микроскопическая силенка воли! Ты удивляешься? откуда, дескать, онъ нахватался всего этого? Я, братъ, многое переиспыталъ въ эти два года, пока ты учился, многое передумалъ. И скажу тебѣ, вся пережитая мною жизнь показалась мнѣ до того ничтожной, до того нестоющей тѣхъ страданій, которыя она даетъ, что я глубока раскаялся, что не воспользовался тѣми немногими радостями, которыя она хотя изрѣдка еще предлагала. Повѣрь, пользуйся, Степа, жизнью, пока молодъ, пока можешь.

»Что это такое?« размышлялъ про себя студентъ, слушая отца. — »Вѣдь ужъ что-то такое я слышалъ гдѣ-то не разъ? А, да это пессимизмъ на почвѣ эпикуреизма! или наоборотъ?« вспомнилъ онъ теорію, которую ему проповѣдывалъ Устиновъ наканунѣ его отъѣзда. — »И что за стран-

емя!« думалъ онъ: — »Устиновъ — юноша, отецъ — старикъ, и оба проповѣдуютъ одно и то же«.

иновъ продолжалъ. — И вотъ, я рѣшилъ сдѣлать все ія зависящее, чтобы ты могъ быть обезпеченъ, хоть ько, съ матеріальной стороны и не вступалъ въ жизнь, ваго же дня испытавъ всю тяжесть необезпеченнаго зованія. Немного я оставлю тебѣ, но отъ тебя будетъ ъ пріумножить это немногое...

Папа, папа! взволнованно заговорилъ Степанъ: — ога! что̀ это вы говорите?..

невсегда такъ мирно оканчивался ихъ разговоръ. Въ я минуты, которыя находили на Стоянова, онъ горѣзко, не терпѣлъ возраженій, издѣвался надъ взгляна, увѣрялъ его, что онъ дурно вліяетъ на сестру, залъ его презрительно »народнымъ печальникомъ«.

ительно становилось жить молодому Стоянову дома: ить и притворяться онъ былъ не въ силахъ; молыслушивать возмутительныя, на его взглядъ, рѣчи было невыносимо; спорить — невозможно: онъ видѣлъ, еубѣдить отца онъ не въ силахъ. Съ глубокимъ убѣжи съ яростью ренегата тотъ отстаивалъ свои мнѣнія. сть накапливалась въ душѣ юноши. Онъ съ страстетерпѣніемъ ждалъ момента, когда ему можно будетъ и считалъ дни, оставшіеся ему прожить дома, и ставшіеся ему до вечера, когда онъ уходилъ къ себѣ сестрѣ и отводилъ съ ней душу.

В. Свѣтловъ

Окончаніе будетъ

Начало общественной и ча
жизни въ столицѣ

Продолженіе

Петромъ строго было воспрещено во время пр
никовъ голосить и дѣлать причитыванья, какъ эт
Москвѣ до его воцаренія. Старый обычай носить
на кладбище въ народѣ оставался во всей силѣ;
особъ возили на дрогахъ съ факельщиками. При
обычай носить трауръ въ случаѣ смерти особъ ца
ліи; но кончинѣ царевны Маріи Алексѣевны о
былъ на шесть недѣль и всѣми, не исключая п
постоянно.

Въ числѣ придворныхъ обычаевъ въ это врем
также взаимное цѣлованіе рукъ при свиданіи гос
ховными персонами.

Въ описываемое время въ Петербургѣ нищим
было шататься по улицамъ и просить милостыню,
таковыхъ многіе за лѣностьми и молодые, которы
и наймы не употребляются, милостыни просятъ,
ничего добраго, кромѣ воровства, показать не мо
дававшихъ милостыню взыскивался штрафъ въ 5
что желающіе помогать бѣднымъ обязывались дѣ
ванія на богоугодныя заведенія.

Первую богадѣльню въ Петербургѣ устроилъ
Самсоніевской церкви, купеческій человѣкъ Ем
левъ Москвинъ. Починъ этого дѣла принадлежал

аревнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, особѣ щедрой къ бѣднымъ и не-
ощнымъ. Она первая устроила въ 1713 году въ своемъ домѣ,
а мѣстѣ, гдѣ теперь Воскресенскій проспектъ, и стоитъ ка-
енный конторскій корпусъ, примыкающій къ церковному дому,—
ервую богадѣльню для женщинъ, преимущественно престарѣ-
ыхъ и убогихъ; здѣсь же была и лечебница для бѣдныхъ.
огадѣльня называлась „Воскресенскою". По смерти царевны,
ъ 1716 г., Петръ положилъ въ богадѣльнѣ основаніе воспита-
ельному дому, повелѣвъ богадѣльнымъ женщинамъ воспиты-
ать сиротъ, а главное — принимать подкидышей, чтобы сохра-
ить ихъ жизнь. Съ этою цѣлью къ зданіямъ богадѣльни на-
очно были пристроены съ улицы чуланы, въ которые тайно
риносили незаконорожденныхъ младенцевъ, призрѣвавшихся въ
огадѣльнѣ; женщины принимали въ чуланахъ дѣтей и воспи-
ывали ихъ до опредѣленнаго времени. При этомъ строго за-
рещалось принимавшимъ спрашивать объ именахъ принося-
ихъ или узнавать — отъ кого именно принесены дѣти. На со-
ержаніе каждаго ребенка, а равно и на пропитаніе богадѣле-
окъ, отпускались изъ казны деньги. Дѣти воспитывались до
7-лѣтняго возраста, а затѣмъ переводились въ мастерскія:
альчики — для обученія разнымъ художествамъ, а дѣвочки —
укодѣльямъ.

Въ богадѣльнѣ Москвина у Сампсонія призрѣвалось десять
еловѣкъ бѣдныхъ мужскаго пола, преимущественно убогихъ и
лабыхъ здоровьемъ.

Въ 1721 г. проживавшій на Карповкѣ въ архіерейскомъ
домѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ, будучи еще псковскимъ епископомъ, открылъ въ Петербургѣ школу. Въ нее при открытіи было собрано 20 человѣкъ бѣдныхъ ребятъ разнаго званія. Черезъ семь лѣтъ въ этой школѣ обучалось 46 человѣкъ. „Они учились разныхъ книжныхъ чтеній: читать, писать, пѣть, латинской грамматикѣ, реторикѣ и діалектикѣ. 30-ть изъ нихъ обучались живописеству, многіе музыкѣ голосной, а нѣкіи — и инструментальной". Писалась и называлась эта первая школа въ Петербургѣ „семинаріею".

Въ 1723 г. комендантъ крѣпости, бригадиръ Бахметьевъ, учредилъ въ крѣпости гарнизонную школу для солдатскихъ дѣтей; послѣдніе обучались грамотѣ, ариѳметикѣ и военному ис-

кусству. Съ этихъ лѣтъ явились въ Петербургѣ и частныя школы по домамъ, въ которыхъ учителями были: архіерейскіе пѣвчіе, дьячки и дворовые учителя. Въ 1722 г. преосвященный Ѳеодосій поручилъ невскому грамматисту Тихонову проэкзаменовать всѣхъ этихъ учителей со стороны ихъ познаній.

Тогдашнее духовенство, вмѣстѣ съ свѣтскими людьми, принимало участіе во всѣхъ общественныхъ гуляньяхъ и празднествахъ. Берхгольцъ заноситъ въ своемъ дневникѣ, что въ день коронованія императора Петра онъ видѣлъ множество духовныхъ въ Лѣтнемъ саду. Они сидѣли за круглымъ столомъ, уставленнымъ кушаньями, въ прелестной молодой рощицѣ. Духовныя лица, говоритъ онъ, носятъ здѣсь одежду всѣхъ цвѣтовъ, но знатнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ обыкновенно черную въ видѣ длиннаго кафтана и на головѣ длинныя монашескія покрывала, закрывающія плечи и спину. Какъ извѣстно, въ петровское время было даже предположеніе завести ассамблеи между духовенствомъ. Такъ, въ 1723 г. архіепископъ Ѳеодосій сдѣлалъ въ Москвѣ распоряженіе объ учрежденіи ассамблей между членами синода и лицами, зависящими отъ него, „а ежели кто“, прибавлено въ повелѣніи, „и обѣдомъ трактовать изволитъ, о томъ не воспрещается...“ Первая такая ассамблея съ обѣдомъ была въ Донскомъ монастырѣ.

Несмотря на такія нововведенія, людей духовныхъ въ петровское время за нарушеніе церковнаго порядка и указовъ царскаго величества строго наказывали. Такихъ провинившихся священниковъ брали въ „тіунскую избу“, заключали въ колодки и подвергали нещадному біенію на тѣлѣ плетьми. Все духовенство, помимо синода, было подъ вѣдѣніемъ тіунской избы; послѣднею заправляли закащики духовныхъ дѣлъ. Сверхъ того, за всѣмъ смотрѣли оберъ-инквизиторъ съ помощниками. Въ первое время по возникновеніи Петербурга сюда прибывало много духовныхъ лицъ: одни пріѣзжали по порученію духовнаго начальства, другіе — по своимъ надобностямъ, для пріисканія мѣстъ, третьи — прямо для прокормленія. Паспорты духовенству выдавались только до Петербурга. Отсюда они получали билеты на обратный путь. Въ числѣ прибывавшихъ были безпаспортные, нѣкоторые ходили въ платьѣ мірскихъ людей по неимѣнію одежды, приличной духовнымъ. Прибывъ въ столицу,

ни заявляли свой видъ, и многіе изъ нихъ, не получивъ бла-
ословенія на совершеніе требъ у людей приходскихъ, рѣша-
ись совершать ихъ безъ позволенія начальства. Поведеніе та-
ихъ господъ не отличалось безукоризненностью, особенно по
асти употребленія спиртныхъ напитковъ.

Въ годъ учрежденія святѣйшаго синода такихъ прибыв-
ихъ было до 30-ти человѣкъ. Ихъ пригласили въ тіунскую
онтору, всѣхъ разобрали и нѣкоторымъ дали паспорты въ об-
атный путь. Главный судья, архимандритъ Трифилій, для над-
ора за ними нарядилъ синодальнаго сторожа, преображенскаго
олдата Ѳедора Волкова, и далъ ему слѣдующую интересную
нструкцію:

„Смотрѣть тебѣ съ прилежно-тщательнымъ радѣніемъ мона-
овъ (кромѣ Александро-Невскаго монастыря), священниковъ,
ьяконовъ и церковниковъ, пришлыхъ изъ разныхъ епархій и
ородовъ, оставившихъ свои церкви и волочащихся въ С.-Пе-
ербургѣ сѣмо и овамо мірскимъ лицомъ, и за преступленія об-
аженныхъ священства и ходящихъ въ лицѣ священниковъ, а
явившихся въ тіунской конторѣ, также и находящихся въ
.-Петербургѣ соборныхъ, приходскихъ и полковыхъ священ-
иковъ, которые явится лежащіе пьяные по улицамъ и въ пьян-
твѣ, и входящіе на кабаки для пьянства, и, таковыхъ бравъ,
риводить въ тіунскую контору и допрашивать безъ всякой
альши и прибытка, не уступая никому, подъ опасеніемъ же-
токаго наказанія".

Волковъ, взявъ инструкцію, расхаживалъ по улицамъ Пе-
ербурга и ловилъ духовныхъ, доставляя въ избу. Послѣдняя
ысылала пойманныхъ изъ Петербурга, давая имъ на дорогу
илетъ, въ которомъ прописывалось, чтобы по дорогѣ путникъ
игдѣ не останавливался для жительства, кромѣ отдыха и ноч-
ега, не служилъ и не исправлялъ никакихъ требъ.

Для препровожденія времени въ обществѣ Петръ постановилъ
чредить въ Петербургѣ „ассамблеи". Для интересующихся этими
ервыми нашими общественными вечерами приведемъ описанія
ихъ, занесенныя въ свои дневники бывшими въ то время ино-
транцами. Веберъ разсказываетъ: „на ассамблеяхъ въ одной
омнатѣ танцуютъ, въ другой играютъ въ карты, шашки и осо-
енно въ шахматы (въ послѣдней игрѣ многіе изъ самыхъ даже

незнатныхъ русскихъ весьма искусны); въ третьей комнатѣ курятъ и бесѣдуютъ; въ четвертой — дамы заводятъ различныя игры, которыя часто подаютъ поводъ къ смѣху. Хотя теперь никто не обязанъ пить вино или водку противъ воли, развѣ только нарушитъ, какъ случается зачастую, правила ассамблеи, однако многіе русскіе выходятъ оттуда съ достаточнымъ запасомъ хмѣля въ головѣ". Вообще же ассамблеи привились, какъ одно изъ лучшихъ нововведеній.

Повелѣніе давать ихъ касается всѣхъ знатныхъ придворныхъ; они обязаны отправить ассамблею по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ зиму, и полицеймейстеръ заранѣе оповѣщаетъ того, въ домѣ котораго, по царскому усмотрѣнію, должно быть это торжество. Начало ассамблей зимою возвѣщали обыкновенно барабаннымъ боемъ.

Въ Петербургѣ при Петрѣ также очень торжественно праздновался первый день св. пасхи. О началѣ службы въ соборѣ давались сигналы ракетами съ Троицкой площади. По сигналу изъ трехъ пушекъ для начала благовѣста службу начинали въ пятомъ часу пополуночи. Когда крестный ходъ въ Троицкомъ соборѣ, совершивъ теченіе вокругъ церкви, начиналъ пѣть въ притворѣ „Христосъ воскресе", палили изъ 11 пушекъ, во время евангелія — изъ 15-ти, а по окончаніи литургіи — изъ 31 пушки. Императоръ христосовался со всѣми, а членамъ царской фамиліи женскаго пола, а равно и боярынямъ, поздравители цѣловали руки. Тотчасъ послѣ литургіи передъ дворцомъ собирались съ музыкою не только всѣ наличные петербургскіе литаврщики, трубачи и гобоисты, но и всѣ барабанщики и флейтщики петербургскихъ полковъ для поздравленія государя.

Также торжественно справлялись и орденскія празднества. Такъ, въ день св. Андрея Первозваннаго (установленнаго царемъ въ 1698 году, 30 ноября) царь со всѣми придворными былъ у обѣдни и слушалъ молебенъ. По окончаніи службы производилась пушечная пальба въ крѣпости и адмиралтействѣ. Послѣ обѣдни былъ обѣдъ въ домѣ одного изъ кавалеровъ, гдѣ первый тостъ провозглашался въ честь и славу апостола. Затѣмъ цѣлый день гости ѣздили ко всѣмъ кавалерамъ ордена, и у каждаго предлагалось угощеніе, что продолжалось до поздней ночи.

его рода торжественностью отличались въ петровское
примѣры церковнаго покаянія. Такъ, невольные убійцы,
военнаго или гражданскаго суда и наказанія нещаднаго,
лались для очищенія совѣсти въ церковь для принесенія
наго покаянія. Самое покаяніе совершалось слѣдующимъ
мъ. Священникъ заблаговременно объявлялъ народу, что
значенный день, большею частью въ праздникъ, будетъ
ркви предъ литургіею принесено преступникомъ публичное
ніе. Народу въ такой день приходило въ церковь множе-
Преступникъ стоялъ въ церкви среди народа на видномъ
, окруженный стражею. По окончаніи часовъ дьяконъ,
ши изъ алтаря, читалъ сентенцію суда, изложенную по-
въ указѣ, и, когда ему приходилось въ первый разъ упо-
ь имя преступника, онъ указывалъ на него публикѣ ру-
По прочтеніи указа дьяконъ добавлялъ: „и нынѣ онъ, ви-
й, приноситъ покаяніе“. Послѣ виновный клалъ поклоны и.
вшись къ народу, держалъ покаянное слово, прося право-
ихъ за него помолиться. Послѣ этого шла обѣдня. Причтъ
несшій раскаяніе подписывались къ формѣ публичнаго по-
. Послѣ виновный отправлялся въ тіунскую избу. Такое
чное покаяніе приносилъ въ Матвѣевской церкви одинъ
ъ, ненамѣренно убившій во гнѣвѣ своего товарища по
ѣ.

бывали примѣры церковнаго покаянія болѣе строгіе и
жительные. Такъ, солдатка Ѳадѣева, живя въ Петер-
, снискивала себѣ пропитаніе „волшебнымъ согрѣшеніемъ“.
й пришелъ крестьянинъ погадать о женѣ своей, которая
лась въ безуміи. Солдатка взяла ковшъ, пошла на Неву,
нула воды и, посмотрѣвъ въ воду, сказала, что жена его
чена незнамо кѣмъ, что въ ней обрѣтается нечистый духъ,
ый наущаетъ ее утопиться или удавиться. Гадальщица
вила, что мужу надо бдительно смотрѣть за нею. Но мужъ
смотрѣлъ, больная дѣйствительно утопилась въ Невѣ; по-
сыски. Мужъ ничего не потаилъ и разсказалъ, что̀ ей на-
чила гадалка. Взялись за послѣднюю; та отвѣчала, что
му не пророчила. На вопросъ: кто ее научилъ гадать, от-
ла, что при смерти это передалъ ей отецъ. Духовное на-
тво отправило волшебницу въ соборъ для публичнаго цер-

ковнаго покаянія. Духовникъ исповѣдалъ ее и наложилъ тайную епитемію, а затѣмъ гадалка въ теченіе трехъ дней во время богослуженія стояла внѣ церкви у дверей, всѣмъ входящимъ и выходящимъ по древнему чину принося покаяніе въ своемъ волшебномъ согрѣшеніи, прося съ поклонами у проходящихъ прощенія и молитвъ за нее у Бога.

Въ первыхъ годахъ существованія Петербурга жители довольно часто терпѣли невзгоды отъ наводненій. По преданію, первые обитатели прибрежья Невы не строили прочныхъ построекъ, а небольшія избушки, и какъ только подымалась вода, они складывали постройки на плоты и съ ними удалялись на возвышенныя мѣста. Въ третій годъ существованія Петербурга наводненіе было настолько сильно, что жители всюду по городу ѣздили въ лодкахъ. Такихъ наводненій въ лѣтописяхъ Петербурга можно насчитать болѣе двухъ десятковъ.

Грунтъ земли, на которой построенъ Петербургъ, болотистый; въ первое время дорога по улицамъ Петербурга была очень плоха и топка; по разсказамъ бывшихъ здѣсь въ то время иностранцевъ, чтобы не завязнуть при переходѣ на улицѣ, обыкновенно брали верейку или барку и водою доѣзжали до мѣста. Мощеніе улицъ камнемъ было начато только въ 1716 г.: мостили тогда не всю улицу, а только передъ домами, не болѣе какъ на сажень. Посѣтившій Петербургъ, спустя 17 лѣтъ по постройкѣ города, одинъ изъ членовъ польскаго посольства разсказываетъ: „Здѣсь всякій сенаторъ, министръ и боярин долженъ имѣть свой домъ; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастливъ былъ тотъ, кому отведено сухое мѣсто; но кому попалось болото и топь, тотъ порядкомъ нагрѣлъ себѣ лобъ, пока установилъ фундаментъ; еще и теперь, хотя дома и отстроены, они трясутся, когда около нихъ проѣзжаетъ экипажъ". Очень понятно, что при такихъ условіяхъ, хотя и строили дома въ Петербургѣ, но при малѣйшей возможности покидали ихъ.

При Петрѣ II, за отъѣздомъ двора, Петербургъ почти весь обезлюдѣлъ; было даже предположеніе городъ упразднить. Въ началѣ царствованія Анны Іоановны генералъ-полицеймейстеръ Салтыковъ доносилъ, что „на отводныхъ мѣстахъ каменное и деревянное строеніе, хотя гдѣ и построено, но половъ и по-

ковъ у многихъ не окончено, а у другихъ одни фундаменты, реба, среднія и верхнія жилья зачаты, и по окна и выше ланы были, но за непокрышками нѣкоторыя развалились; евянное же строеніе у нѣкоторыхъ хотя и построено, но за мѣніемъ въ нихъ присылкою отъ помѣщиковъ людей и пус-ою сгнили и растасканы, у прочихъ же застроены и недо-оя оставлены и состоятъ пусты". Вотъ въ какомъ видѣ была никающая столица. Къ довершенію же бѣдъ, какъ видно изъ ременныхъ распоряженій, появились въ столицѣ поджига-и, и городъ въ два-три пожара наполовину былъ превращенъ пепелъ. Кромѣ пожаровъ, причиняли зло еще болѣзни и бои. Въ 1737 г. отъ вліянія непомѣрной теплоты и выдѣ-нія міазмовъ изъ почвы атмосфера вредно дѣйствовала на дей, и въ простомъ народѣ ходила какая-то болѣзнь, не шанная по имени въ документахъ. Затѣмъ появились въ го-дѣ разбойники и грабители. Въ самомъ центрѣ города, на вскомъ проспектѣ, на погорѣлыхъ мѣстахъ совершались аки и грабежи, такъ что императрица приказала возстано-ть пикеты изъ солдатъ для прекращенія этихъ золъ. Нашлись е „непорядочные люди", которые имѣли свой притонъ на Вы-ргской сторонѣ, близъ церкви св. Самсона, въ Казачьей сло-дѣ, состоящей изъ 22 дворовъ разныхъ владѣльцевъ. Прави-льство распорядилось слободу эту снести на другое мѣсто. вились еще въ Петербургѣ случаи воровства, которые названы робокопательствомъ"; эти грабители вынимали трупы изъ мли и грабили. Такихъ воровъ пытали и казнили смертью. прочемъ, еще въ первое десятилѣтіе существованія новаго го-да на Аптекарскомъ островѣ были пойманы такіе же воры.

Въ окрестностяхъ Петербурга, въ лѣсахъ, тоже коренилось ого разбойниковъ. Одно время правительство даже требовало, обы владѣльцы дачъ вырубали лѣса. За Нарвскую заставу и Шлиссельбургской дорогѣ были посланы военныя команды. ольшая шайка разбойниковъ жила открыто на Черной рѣчкѣ броду.

Въ послѣднихъ годахъ царствованія Петра Великаго въ Пе-рбургѣ было открыто много трактировъ и кабаковъ. Простой родъ привыкъ съ этого времени къ бражничеству и пропи-лъ въ кабакѣ всѣ свои заработки; если же не было наличныхъ

денегъ, то закладывалъ въ кабакѣ платье и всякія вещи. Вольнодомцы (кабатчики) охотно принимали всякіе заклады. Временщикъ Бирономъ, стараясь о возвышеніи казенныхъ интересовъ въ ущербъ народной нравственности, открывалъ все болѣе и болѣе кабаковъ въ Петербургѣ. Всѣхъ вольныхъ домовъ или кабаковъ въ столицѣ въ началѣ царствованія Анны Іоановны было 120. Несмотря на такое обиліе, ежегодно по сенатскимъ указамъ открывали по десятку и болѣе новыхъ питейнымъ домовъ.

Простой народъ также предавался играмъ въ кости и зерни; игры такія происходили на открытомъ воздухѣ, на плацахъ и улицахъ. Страсть къ игрѣ въ связи съ пьянствомъ до того овладѣла рабочимъ народомъ, что фабриканты своею властью ничего не могли сдѣлать, а обратились къ правительству, которое въ 1739 г. опредѣлило ссылать „невоздержныхъ въ Сибирь на коштѣ фабрикантовъ“.

Азартныя игры также процвѣтали въ петербургскомъ обществѣ. Этому злу много содѣйствовало допущеніе всякихъ игръ въ гербергахъ, трактирахъ и вольныхъ домахъ. Много играли и на бильярдахъ, и въ кости. Манштейнъ пишетъ, что „въ это время и при дворѣ завелась большая карточная игра. Многіе отъ игры наживали великія богатства, а другіе совершенно разорялись. Я часто видѣлъ, что иные за одинъ пріемъ проигрывали до 20.000 руб. въ квинтичъ или фаро. Благородное юношество не хотѣло отстать на этомъ поприщѣ отъ своихъ отцовъ“. Въ особенности прославлялись играми пажи и камеръ-пажи. Указомъ отъ 5 марта 1735 г. (Собр. зак. № 6.703) велѣно ихъ, если гдѣ появятся, не допускать до питія и игры, брать подъ караулъ и приводить въ домъ ея величества, въ дежурную генералъ-адъютантовъ. Между пажами особенно въ то время прославился пажъ Иванъ Волковъ. Насчетъ его въ указѣ было сдѣлано особое распоряженіе: „пуще смотрѣть пажа Ивана Волкова и ежели гдѣ явится, тотчасъ, поймавъ, привести въ дежурную“. Провинившихся противъ этого указа велѣно было сперва наказывать денежнымъ штрафомъ, потомъ взятіемъ въ тюрьму, а „подлыхъ — нещаднымъ битьемъ батогами и жесточае, смотря по важности дѣла“.

Вмѣстѣ съ играми стали водворяться въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ роскошь и расточительность. Манштейнъ

ишетъ въ своихъ запискахъ: „великолѣпіе двора приведено
ило въ стройный порядокъ, и это стоило величайшихъ издер-
екъ. На сей одинъ предметъ выходило изъ имперіи невѣроят-
ое количество серебра". При дворѣ появились актеры-итальянцы,
ыписанъ былъ балетъ. Роскошь въ одеждѣ дошла до невѣ-
оятныхъ размѣровъ: жена Бирона являлась въ платьѣ, на ко-
оромъ драгоцѣнностей было болѣе чѣмъ на милліонъ рублей.
нязь Щербатовъ говоритъ, что придворный, издержавшій въ
одъ 2 или 3 тысячи рублей на свой гардеробъ, едва ли былъ
мѣтенъ по своему наряду; иностранцу-содержателю моднаго
агазина достаточно было прожить въ Петербургѣ два-три года,
тобы пріобрѣсти хорошій капиталъ, хотя бы при своемъ пріѣздѣ онъ ничего не имѣлъ, кромѣ долгу. Роскошь и мотовство
роявлялись не въ однихъ нарядахъ, но и во всемъ — въ экипажахъ, меблировкѣ, столѣ. „Число разныхъ винъ", говоритъ Щербатовъ, „умножилось, и прежде незнаемыя—шампанское, бургунское и кипрское — стали привозиться и употребляться на столѣ". Путь императрицы, итальянецъ Педрилло, писалъ къ тосканскому ерцогу: „хотя мы находимся въ самомъ нордѣ, однако-жъ при ворѣ имѣются такія забавы, какія могутъ быть при первыхъ вропейскихъ дворахъ, несмотря ни на какое иждивеніе; ваше ысочество можете симъ примѣромъ воспользоваться". При выздахъ государыни у кареты шло 48 лакеевъ, у бироновской—
4, у каретъ сановниковъ — 12. Запрещено было являться ко
вору два раза въ одномъ платьѣ.

Но, вмѣстѣ съ этой пышностью, жить въ Петербургѣ въ то
ремя было крайне жутко: по словамъ современниковъ, столица
ыла въ самомъ центрѣ горестей. Мальгинъ пишетъ: „Страшно,
одлинно подумать, до какой степени простирались суровость,
ѣстокость, кровопролитіе и крайнее подданныхъ удрученіе;
ибо въ столицахъ мужъ съ женою, другъ съ другомъ своимъ,
езъ явной себѣ опасности отъ многихъ повсюду тайныхъ приѣчателей и доносителей, паче же злобныхъ затѣйщиковъ, не
ожмо на улицахъ и общенародныхъ мѣстахъ, спроста и осѣмъ о стороннемъ разговаривать, кольми паче о угнетенномъ
бѣдственномъ своемъ состояніи промолвить что̀ или другъ
руга чѣмъ либо въ общей почти скорби утѣшить, а часто и
внезапномъ и безвѣстномъ отлученіи, потерѣ и, конечно,

жестокомъ жребіи, искреннихъ своихъ и присныхъ ни навѣстить, ни помочь ниже провѣдать, но ни въ домахъ своихъ, а, думаю, и въ самыхъ мысляхъ вознамѣриться о томъ не могли и не смѣли".

Наказанія въ то время производились страшныя: многіе сходили съ ума отъ пытокъ и душевныхъ страданій. Наказывали не только стариковъ, но и малолѣтнихъ; никому пощады не было отъ частыхъ арестовъ, пытокъ и ссылокъ; многіе промыслы въ то время въ столицѣ пришли въ упадокъ. Не было семьи, гдѣ бы одинъ или нѣсколько членовъ не были отторгнуты и высланы. Отъ этого приходили дворы въ разстройство, дома стояли пустыми, торговыя предпріятія падали и разрушались. Правительство, видя такія вредныя послѣдствія, постановило: „не высылать изъ Петербурга всѣхъ людей, публично наказанныхъ, кромѣ тѣхъ, которые наказаны за важныя вины, по дѣламъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ; въ особенности же не высылать такихъ, которые жили въ Петербургѣ своими домами".

М. Пыляевъ

Продолженіе будетъ

МЩЕНІЕ МАИВЫ

ИЛИ

ВОЙНА МАЛЕНЬКОЙ РУЧКИ

РОМАНЪ

Райдера Геггерта

I. Гобо упрямится

Въ одинъ славный осенній день мы отлично поохотились съ моимъ пріятелемъ Алленомъ Кватерменомъ въ его помѣстьѣ въ Іоркшейрѣ и воротились домой къ обѣду въ самомъ веселомъ настроеніи. Сумки наши были туго набиты дичью, и, въ довершеніе удачнаго дня, Алленъ сдѣлалъ уже на возвратномъ пути три поразительно мѣткихъ выстрѣла по тремъ бекасамъ, которые летѣли разомъ съ трехъ сторонъ на довольно далекомъ разстояніи отъ насъ. Несмотря на наступавшую уже темноту и поднявшійся довольно сильный вечерній вѣтеръ, онъ не далъ ни одного промаха и уложилъ всѣхъ трехъ, одного за другимъ. Подобная быстрота и мѣткость прицѣла поразили даже меня, привыкшаго къ охотничьимъ подвигамъ моего пріятеля.

— Ну, Кватерменъ, сказалъ я ему съ невольнымъ восхищеніемъ:—хотя вы и первостатейный охотникъ, а все же, я думаю, вамъ нечасто приходилось дѣлать на своемъ вѣку такіе выстрѣлы!

— Пожалуй, что такъ, отвѣтилъ онъ съ довольной улыбкой: — это напоминаетъ мнѣ случай, бывшій со мною въ средней Африкѣ, но тогда дичь была покрупнѣе бекасовъ. Я убилъ тремя выстрѣлами трехъ слоновъ, только тогда дѣло

легко могло кончиться иначе: слоны чуть было не убили меня самого.

Слова моего пріятеля сильно заинтересовали меня, и я далъ себѣ слово при первомъ удобномъ случаѣ заставить его разсказать это приключеніе. Случай представился въ тотъ же вечеръ. Къ обѣду въ Гренджъ (такъ называется помѣстье Кватермена) пріѣхали еще двое изъ его знакомыхъ, сэръ Генри Куртисъ и м-ръ Гудъ, оба также страстные охотники. Обѣдъ былъ очень веселъ; выйдя изъ-за стола, мы всѣ четверо усѣлись съ сигарами около пылающаго камина и принялись болтать. Разговоръ зашелъ, конечно, объ охотѣ; каждый изъ насъ разсказывалъ свои приключенія. Гудъ разсказалъ, между прочимъ, какъ онъ охотился однажды въ Кашмирѣ въ горахъ за каменнымъ бараномъ и загналъ его въ такую трущобу, изъ которой ему, казалось, не было выхода: передъ нимъ разстилалась бездонная пропасть по крайней мѣрѣ въ тридцать футовъ ширины: но баранъ, недолго думая, махнулъ черезъ пропасть; тогда Гудъ выстрѣлилъ въ него и убилъ наповалъ; баранъ перекувырнулся въ воздухѣ и полетѣлъ въ бездну; Гудъ уже думалъ, что его дичь пропала для него, — но, къ счастію, баранъ зацѣпился своими огромными рогами за уступъ скалы и висѣлъ до тѣхъ поръ, пока Гудъ ухитрился накинуть на него петлю, и такимъ образомъ встащить его наверхъ.

Исторія эта была принята слушателями съ нескрываемымъ недовѣріемъ, что замѣтно разсердило разскащика.

— Если вы мнѣ не вѣрите, сказалъ онъ съ досадой:— такъ пусть кто нибудь изъ васъ разскажетъ мнѣ приключеніе, равносильное моему. Я повѣрю: я знаю по опыту, что на охотѣ все случается и все возможно.

— За вами слово, Кватерменъ, вмѣшался я. — Разскажите о трехъ слонахъ, о которыхъ вы говорили давеча.

— Куда мнѣ за Гудомъ! сказалъ Алленъ, лукаво подмигнувъ на раздосадованнаго пріятеля: — такихъ диковинныхъ случаевъ, какіе съ нимъ бываютъ, нескоро прибережь. А, впрочемъ, пожалуй, я разскажу вамъ кое-что изъ моихъ похожденій въ средней Африкѣ: въ числѣ ихъ есть довольно интересныя. Вы знаете, я поѣхалъ въ Африку съ небольшимъ капиталомъ. Тамъ я открылъ было ссудную кассу въ Преторіи, въ компаніи съ однимъ изъ тамошнихъ дѣльцовъ. Условіе было заключено на такихъ основаніяхъ,

что я обязался вложить въ дѣло мой капиталъ, а онъ — свою опытность. Но предпріятіе наше не выгорѣло: четыре мѣсяца спустя послѣ открытія кассы намъ пришлось закрыть ее, и дѣла почему-то сложились такъ, что капиталъ мой перешелъ въ руки моего компаньона, а опытность — увы! — досталась на долю мнѣ. Я понялъ, что держать ссудную кассу — не по моей части, и рѣшился заняться слоновой охотой, какъ дѣломъ наиболѣе мнѣ подходящимъ. Изъ всего капитала у меня осталось не болѣе 400 ф. ст. На эти деньги я закупилъ себѣ все необходимое для экспедиціи, сѣлъ въ Дурбанѣ на пароходъ, шедшій въ бухту Делагоа, нанялъ тамъ себѣ двадцать человѣкъ носильщиковъ и двинулся къ сѣверу, по направленію къ Лимпопо. Въ первые же двадцать дней всѣ мои люди переболѣли лихорадкой, я одинъ остался здоровъ, къ великой моей радости, такъ какъ хворать мнѣ было некогда: нужно было охотиться, чтобъ караванъ мой не терпѣлъ недостатка въ мясѣ, а дичи попадалось намъ въ пустынной области, по которой мы шли, очень немного. На двадцатый день мы пришли къ берегамъ довольно широкой рѣки, называемой Гонуру, перешли ее въ бродъ и направились къ высокимъ горамъ, синіе хребты которыхъ смутно виднѣлись вдали. Сколько мнѣ извѣстно, это было продолженіе Дракенсбергскихъ горъ, идущихъ вдоль Наталя. Въ сторону отъ нихъ шелъ по направленію къ берегу, на протяженіи пятидесяти миль или около того, длинный отрогъ, оканчивавшійся весьма высокою горою. Этотъ отрогъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, раздѣлялъ владѣнія двухъ туземныхъ властителей: одного звали Нала, а другаго Вамбе. Земли Налы лежали къ югу, земли Вамбе — къ сѣверу. Нала былъ властителемъ племени Бутіана, происходящаго отъ зулусовъ, а Вамбе властвовалъ надъ племенемъ матуку, гораздо болѣе многочисленнымъ и имѣющимъ много общаго съ базутусами. Матукусы — племя болѣе развитое, чѣмъ бутіаны; они строятъ себѣ шалаши съ дверями, даже съ крытыми навѣсами передъ дверью, умѣютъ отлично выдѣлывать кожи и носятъ родъ куртки вмѣсто грубаго *муно* (куска ткани), которымъ бутіаны обертываютъ себѣ верхнюю часть тѣла. Лѣтъ двадцать назадъ матукусы напали врасплохъ на бутіановъ, перебили бо́льшую часть ихъ, а остальныхъ сдѣлали своими данниками. Но въ то время, къ которому относится мой разсказъ, бутіаны начинали

опять усиливаться и, понятно, тяготились игомъ матукусовъ.

Я слышалъ еще въ Делагоа, что въ густыхъ лѣсахъ, на скатахъ и у подножія горъ, граничащихъ съ владѣніями Вамбе, очень много слоновъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я наслышался много дурнаго о самомъ Вамбе, жившемъ въ краалѣ, расположенномъ на скатѣ горы и укрѣпленномъ такъ хорошо, что его считали положительно неприступнымъ. Мнѣ разсказывали, что онъ — самый жестокій властитель въ этой части Африки и, между прочимъ, хладнокровно перерѣзалъ цѣлую партію англичанъ, которые пріѣхали охотиться за слонами въ его владѣніяхъ. При нихъ находился въ качествѣ проводника другъ моего дѣтства Джонъ Эверн, и я часто со вздохомъ вспоминалъ о его безвременной кончинѣ. Это однако не отняло отъ меня охоты пробраться во владѣнія Вамбе, гдѣ было такъ много звѣрей, ради которыхъ я предпринялъ экспедицію въ эту дикую часть Африки. Я вообще не боялся туземцевъ, къ тому же я, какъ вамъ извѣстно, немного фаталистъ — и потому былъ убѣжденъ, что если мнѣ на роду написано, чтобъ Вамбе отправилъ меня на тотъ свѣтъ вслѣдъ за моимъ пріятелемъ Эверн, то такъ тому и быть, какія бы мѣры я ни принималъ, чтобъ отъ него спрятаться.

Три дня спустя послѣ того, какъ мы завидѣли вдали горы, мы были почти у подножія ихъ. Идя по берегу рѣки, протекавшей черезъ лѣса вблизи горъ, мы вступили во владѣнія грознаго Вамбе: но прежде мнѣ пришлось выдержать порядочную схватку съ моими носильщиками. Когда мы дошли до границы его земли, они сѣли на землю и наотрѣзъ отказались слѣдовать за мной дальше. Всѣ мои убѣжденія были напрасны: сколько я ни доказывалъ, что »чему быть, того не миновать« — они стояли на своемъ. »Теперь«, говорили они, »наша шкура цѣла, а если мы войдемъ въ землю Вамбе, не спросясь его, она скоро сдѣлается похожа на листъ, изъѣденный червями. Судьба ходитъ въ его владѣніяхъ, а мы не пойдемъ туда, чтобы съ ней не встрѣтиться«.

— Что-жъ вы сдѣлаете, если я не захочу идти назадъ? спросилъ я наконецъ.

— Мы пойдемъ назадъ одни, Макумазанъ, дерзко отвѣчалъ Гобо, старшій надъ носильщиками.

— Хорошо, отвѣтилъ я хладнокровно, хотя желчь кипѣла во мнѣ: — только помните: вы всетаки недалеко уйдете.

Съ этими словами я прислонился къ дереву и взялъ въ руки ружье.

— Ступайте, продолжалъ я: — но предупреждаю васъ: первому — кто пойдетъ — я выстрѣлю въ спину, а вы знаете — я промаху не даю!

Гобо замахнулся было на меня копьемъ, которое держалъ въ рукѣ, къ счастію, всѣ ружья лежали у дерева возлѣ меня, — но одумался и, не говоря ни слова, пошелъ назадъ. Я, также молча, прицѣлился въ него. Прочіе стояли неподвижно, не спуская глазъ съ моего ружья. Онъ замѣтно храбрился, однако время отъ времени поглядывалъ на меня украдкой черезъ плечо. Когда онъ отошелъ отъ меня ярдовъ на двадцать, я сказалъ ему спокойно:

— Послушай, Гобо, лучше воротись, не то выстрѣлю!

Я игралъ въ опасную игру. Понятно, я не намѣренъ былъ стрѣлять: какое право имѣлъ я убить человѣка за то, что онъ не хотѣлъ подвергать жизнь свою опасности ради моего желанія? Но я сознавалъ необходимость поставить себя съ моими подчиненными такъ, чтобы они слушались меня слѣпо; поэтому я стоялъ злой-презлой и цѣлилъ ему прямо въ спину, противъ сердца. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ — и вдругъ обернулся ко мнѣ.

— Не стрѣляй, босъ *), я пойду съ тобой! крикнулъ онъ, протягивая ко мнѣ руки съ умоляющимъ видомъ.

— И отлично сдѣлаешь, замѣтилъ я совершенно спокойно. — Иначе тебѣ пришлось бы убѣдиться, что »судьба ходитъ« не въ однихъ владѣніяхъ Вамбе.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Гобо былъ зачинщикомъ сопротивленія; когда покорился онъ, покорились и другіе. Доброе согласіе между мной и моими подчиненными было возстановлено; мы перешли границу, и на другой же день я не шутя принялся за охоту.

II. Первая охота

Мѣстность въ пяти или шести миляхъ отъ высокой горы, о которой я упомянулъ раньше, самая живописная изъ всѣхъ,

*) Господинъ, начальникъ.

какія я видѣлъ въ этой части Африки, за исключе
Кукуаны. Отрогъ, идущій почти подъ прямымъ угломъ
главной цѣпи, образуетъ широкую логовину въ видѣ
маднаго полумѣсяца; рѣка пересѣкаетъ ее, какъ серебр
лента, на протяженіи слишкомъ тридцати миль. По
сторону рѣки идетъ густой кустарникъ въ перемеж
зелеными просѣками, на которыхъ мѣстами виднѣются гр
высокихъ деревьевъ, одинокіе холмы и крутыя скалы
вышающіеся къ небесамъ такъ прямо и гордо, какъ
они были монументы, поставленные рукою человѣка,
памятники, воздвигнутые самою природою въ честь
лыхъ вѣковъ. Все это обширное пространство кажется
мадным паркомъ. По другую сторону рѣки идутъ и
мѣнно то зеленыя болота, то сочные луга; вся эта изу
ная площадь поднимается чуть замѣтнымъ отлогомъ къ
который начинается на скатѣ горъ приблизительно в
сячѣ футовъ надъ равниной и идетъ почти до вер
Многія деревья такъ высоки, что птицу, сидящую на
хушкѣ ихъ, нельзя убить изъ обыкновеннаго ружья
они перевиты гирляндами изъ темнозеленаго висячаго
мѣстами разукрашеннаго громадными орхидеями всево
ныхъ яркихъ цвѣтовъ. Мохъ этотъ — растеніе весьм
лезное: туземцы добываютъ изъ него чудную темнопу
вую краску и красятъ ею кожи и ткань.

Вечеромъ того дня, въ который я имѣлъ вышеоп
ную стычку съ Гобо, мы расположились на ночле
опушкѣ лѣса, а на другой день рано утромъ я отпра
на охоту. Такъ какъ у насъ было мало мяса, то мн
тѣлось убить буйвола, прежде чѣмъ я пойду искать
выхъ слѣдовъ. Пройдя не болѣе полумили отъ нашей ст
мы увидѣли въ лѣсу тропинку шириною съ порядочны
селокъ, очевидно, проложенную цѣлымъ стадомъ буйв
которое, по всей вѣроятности, имѣло обыкновеніе х
тутъ на водопой къ рѣкѣ, а оттуда — опять тѣмъ жа
темъ — въ прохладную тѣнь лѣса. Взявъ съ собой I
ще двухъ носильщиковъ, я смѣло пошелъ по этой
пинкѣ; но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ лѣсъ стано
гуще. Ярдахъ въ двухстахъ отъ опушки кустарникъ
шій между деревьями, сталъ такъ плотенъ, что, не буд
пинки, мы бы не въ состояніи были сдѣлать шагу ви
Спутники мои стали обнаруживать сильное нежеланіе

альше, представляя мнѣ, что если намъ попадется звѣрь, о »некуда будетъ убѣжать отъ него«. Я отвѣчалъ имъ, что они могутъ воротиться, если хотятъ, но что я, конечно, пойду впередъ. Имъ стало стыдно, и они пошли за мной.

Такъ прошли мы ярдовъ пятьдесятъ; наконецъ тропинка вывела насъ на небольшую просѣку. За нею лѣсъ начинался опять, но въ немъ уже не было видно широкой тропинки, а виднѣлись только узенькіе проломы. Очевидно, надо, выйдя на просѣку, разбилось и пошло дальше вразбродъ, — но сколько я ни смотрѣлъ, нигдѣ не видно было ни одного буйвола. Выбравъ одинъ изъ проломовъ, я прошелъ въ немъ ярдовъ шестьдесятъ, и чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что дичь кишитъ кругомъ меня, хотя я не вижу ея: то мнѣ слышался невдалекѣ трескъ вѣтвей, то особый звукъ, который производятъ буйволы, когда трутся рогами о стволъ дерева, то наконецъ глухой ревъ показывалъ какъ нельзя яснѣе, что старый быкъ стоитъ невидимый, можетъ быть, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я пробрался впередъ на цыпочкахъ, сдерживая дыханіе и остерегаясь наступить на какую нибудь сухую вѣтку, чтобы не спугнуть дичь. Спутники мои слѣдовали за мной, дрожа отъ страха. Вдругъ Гобо дотронулся до меня и, когда я оглянулся, молча указалъ мнѣ влѣво. Я поднялъ голову и разглянулъ черезъ массу вьющихся растеній, которыя сплелись между собою на подобіе изгороди; за нею возвышался большой кустъ колючаго алоэ той породы, у которой листья растутъ въ бокъ горизонтально, а за алоэ, шагахъ въ пятидесяти отъ меня, я увидѣлъ рога, шею и часть хребта огромнаго быка. Я тотчасъ схватился за ружье: но не успѣлъ я прицѣлиться, какъ онъ тяжело вздохнулъ и легъ на землю.

Что мнѣ было дѣлать? стрѣлять по немъ, пока онъ былъ въ такомъ лежачемъ положеніи, я не могъ: у меня бы не было точки опоры для прицѣла. Подумавъ немного, я рѣшился ждать, разсчитывая, что вѣдь встанетъ же онъ когда нибудь — сѣлъ самъ на землю и закурилъ трубку, въ надеждѣ, что табачный запахъ заставитъ его встать; но вѣтеръ дулъ не въ ту сторону, и дымъ не доходилъ до него. Тѣмъ не менѣе, трубка эта, какъ вы сейчасъ увидите, обошлась мнѣ недешево.

Прошло около получаса, а быкъ все не трогался съ мѣста. Я наконецъ потерялъ терпѣніе и началъ придумывать, какъ

[illegible] заставить его встать. Между тѣмъ [illegible] обѣ [illegible] тѣмъ, не спуская съ него [illegible] стороны послышался [illegible] треск. Я [illegible] на это вниманія: по трескѣ [illegible] [illegible] чувствительно. Я вдругъ въ [illegible] сорока [illegible] отъ меня [illegible] чилъ чудовищной величины [illegible] меня: должно быть, онъ почуялъ мою трубку, [illegible] нило его изъ чащи. Извѣстно, какъ [illegible] виду неповоротливыя, тварь [illegible] мнѣ дѣлать. Какъ онъ очутился отъ меня [illegible] восьми ярдахъ. Прицѣлиться и выстрѣлить [illegible] времени. Я едва успѣлъ растянуться на землѣ [illegible] отъ него подъ кусты. Онъ пронесся мимо [illegible] пахнуло особымъ, присущимъ ему, запахомъ, — увѣряю васъ, — я потомъ не могъ забыть этого запаха [illegible] дѣло. Его горячее дыханіе обожгло мнѣ лицо [illegible] чудовищныхъ лапъ онъ наступилъ на мои [illegible] шаровары и слегка ущемилъ мнѣ кожу. Спутники мои были какъ разъ ему на дорогѣ: одинъ изъ нихъ успѣлъ [illegible] титься, подобно мнѣ, подъ кусты, другой громко взвизгнулъ и отпрыгнулъ, какъ резиновый мячъ, прямо въ кустъ алоэ. Но третій, мой бѣдный Робо, не успѣлъ посторониться: страшный звѣрь налетѣлъ на него, просунулъ ему рогъ между ногами и подбросилъ его вверхъ, какъ перышко. Онъ упалъ сначала къ нему на спину, а потомъ уже на землю: это смягчило его паденіе. Онъ остался лежать на землѣ, громко охая, но, какъ оказалось послѣ, не получилъ никакихъ серьезныхъ ушибовъ. Къ счастію, носорогъ не обратилъ на него вниманія и продолжалъ бѣжать по направленію къ кусту алоэ. Тутъ случилось нѣчто необыкновенное: заслышавъ шумъ, старый буйволъ, спавшій за кустомъ сномъ праведника, поднялся на ноги и, увидя несущуюся на него сѣрую громаду, сталъ, какъ вкопанный, въ недоумѣніи. Носорогъ набѣжалъ на него, подхватилъ его рогомъ подъ брюхо повернулъ на спину и пронесся, какъ вихрь, по направленію къ просѣкѣ.

Лѣсъ въ минуту оживился самыми разнообразными звуками: всюду слышался глухой ревъ и топотъ ногъ разбѣгающихся буйволовъ. Я лежалъ на землѣ, отъ всей души желая, чтобы бѣгущая ватага миновала меня. Наконецъ, когда въ лѣсу немного поутихло, я рѣшился приподняться.

нъ изъ моихъ людей — тотъ, который успѣлъ откатиться
кустъ — лѣзъ на дерево такъ проворно, какъ будто дѣло
о томъ, чтобы попасть въ рай небесный; Гобо лежалъ
зь меня и охалъ, а тотъ, который спрыгнулъ къ алоэ,
юбно кричалъ на весь лѣсъ. Я взглянулъ въ его сторону
увидѣлъ, что положеніе бѣднаго малаго крайне незавидно:
защѣпился одеждой за колючку алоэ, крѣпкую и острую,
съ гвоздь, и повисъ въ воздухѣ на высотѣ шести футовъ.
уйволъ, вѣроятно, считая его виновникомъ испытаннаго
ь злоключенія, яростно ревѣлъ и рылъ ногами землю пе-
ъ кустомъ, стараясь подкопать его и такимъ образомъ
раться до повисшаго на немъ бѣдняка. Чтобы спасти
знь несчастному, нельзя было терять ни секунды. Я схва-
ъ ружье, наскоро прицѣлился и попалъ буйволу въ пра-
о переднюю ногу; онъ съ громкимъ ревомъ повалился на
лю. Тогда я подошелъ къ нему ближе и вторымъ выстрѣ-
ъ въ сердце убилъ его наповалъ.

Между тѣмъ второй носильщикъ слѣзъ съ оглядкой съ
ева; Гобо поднялся на ноги, и мы всѣ трое принялись
бождать несчастнаго, засѣвшаго въ алоэ. Немалаго труда
ило намъ отцѣпить его. Онъ дрожалъ, какъ листъ, пла-
ъ и, очутившись на твердой землѣ, набожно проговорилъ:
рно духъ-покровитель мой взглянулъ въ мою сторону,
че мнѣ бы не быть живому«. Я всегда уважаю искрен-
о набожность, поэтому не счелъ нужнымъ намекнуть ему,
духъ-покровитель его удостоилъ воспользоваться моимъ
ъемъ, чтобы спасти его отъ смерти. Что касается до Гобо,
онъ еще больше утвердился въ убѣжденіи, что »судьба
итъ по землѣ во владѣніяхъ Вамбе«.

Убитый буйволъ былъ, какъ я уже сказалъ, колоссаль-
съ размѣровъ, поэтому мяса обѣщало хватить намъ на-
го. Отправивъ людей за ножами и помощниками, что-
разрѣзать его на части и перенести на стоянку, я самъ
елъ отыскивать носорога, надѣлавшаго намъ такой не-
олохъ: я никакъ не могъ простить ему смѣшнаго поло-
нія, въ которое онъ меня поставилъ. Большаго труда
ило мнѣ отыскать его, однако я выслѣдилъ таки его,
илъ и воротился на стоянку усталый, но очень доволь-
й моей утренней охотой.

III. З[illegible]

Пообѣдавъ съ апетитомъ жареной буйволятины съ прибавкой консервовъ, вывезенныхъ изъ Преторіи, я уснулъ, какъ убитый, тѣмъ славнымъ сномъ, какимъ могутъ спать только охотники, истомившіе себѣ умъ и тѣло въ преслѣдованіи опаснаго звѣря. Но въ четыре часа Гобо разбудилъ меня извѣстіемъ, что старшина одного изъ краалей Вамбе прибылъ въ стоянку и желаетъ меня видѣть. Я велѣлъ позвать его: явился тщедушный болтливый старикашка въ курткѣ и грязномъ плащѣ изъ кроликовыхъ шкуръ, наброшенномъ на плечи.

— Чего тебѣ нужно отъ меня? спросилъ я его сердито (мнѣ было ужасно досадно, что онъ помѣшалъ мнѣ спать)—, какъ ты смѣешь безпокоить такого важнаго человѣка, какъ я, и нарушать мой отдыхъ?

Я зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло: мой пріемъ сейчасъ же заставилъ моего посѣтителя, вошедшаго ко мнѣ довольно нахально, принять рабски-угодливый видъ. Съ туземцами въ этихъ краяхъ ничѣмъ инымъ не возьмешь, какъ дерзкимъ обхожденіемъ: дерзость всегда кажется имъ признакомъ силы.

— Прости, великій человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ смиренно: сердце мое разбито надвое твоими словами: я понимаю, какъ нехорошо я поступилъ, что потревожилъ тебя. Но меня привело къ тебѣ дѣло очень важное. Я слышалъ, что въ нашихъ краяхъ пребываетъ великій бѣлый охотникъ чудной красоты, но я и понятія не имѣлъ о томъ, какъ ты прекрасенъ, пока не увидѣлъ тебя (можете представить, какъ разсмѣшилъ меня подобный комплиментъ моей топорной фигурѣ). Великій человѣкъ, будь нашимъ избавителемъ. Нашъ край опустошаютъ три слона огромной величины: прошлой ночью они опустошили цѣлое поле проса около нашего крааля: если не унять ихъ, намъ скоро совсѣмъ будетъ нечего ѣсть. Великій охотникъ, будь милостивъ, убей ихъ! тебѣ это будетъ легко, о! такъ легко. Сегодня ночь будетъ лунная: они вѣрно опять придутъ кормиться на наши поля. Поговори съ ними ружьемъ твоимъ: они падутъ мертвые къ ногамъ твоимъ и перестанутъ ѣсть наше просо.

Предложеніе это восхитило меня, но я, конечно, не подалъ виду, напротивъ — заставилъ долго просить себя, пока

наконецъ согласился, съ тѣмъ чтобы онъ послалъ къ Вамбе гонца съ извѣщеніемъ, что я прибылъ въ его владѣнія и прошу у него позволенія поохотиться въ его лѣсахъ въ ожиданіи, пока я самъ явлюсь къ нему и принесу ему *гоно* (подарокъ). Старикъ обѣщалъ тотчасъ же исполнить мое желаніе, но прибавилъ, что не ручается, чтобы отвѣтъ отъ Вамбе получился удовлетворительный. Мы снялись съ лагеря и направились къ краалю, гдѣ старикъ былъ старшиной. Мы пришли туда ровно за часъ до заката. Крааль былъ расположенъ въ ложбинѣ горы, частью поросшей мхомъ, частью открытой и засѣянной просомъ; онъ состоялъ приблизительно изъ десяти шалашей. Всѣ они были обнесены одной общей изгородью изъ терновника, только одинъ шалашъ стоялъ внѣ ея, въ сторонѣ, ближе къ полямъ; въ немъ хранились запасные снопы проса, и жила главная жена старшины. Эта почтенная особа, уже весьма преклонныхъ лѣтъ, поссорилась со своимъ супругомъ изъ-за предпочтенія, которое тотъ оказывалъ своей младшей женѣ, молоденькой и хорошенькой, и, объявивъ ему, что не желаетъ долѣе оставаться подъ его кровлей, перешла жить изъ лучшаго дома въ краалѣ въ шалашъ, служившій кладовою, т. е., говоря мѣстнымъ языкомъ, »оторвала себѣ носъ, чтобы досадить своему лицу«.

По близости этого шалаша росъ огромный баобабъ, и за нимъ находилось большое поле проса, на половину опустошенное слонами. Я взглянулъ на слѣды, оставленные животными, и изумился: я никогда не видалъ такихъ громадныхъ. Въ особенности поразили меня слѣды стараго самца, у котораго, какъ увѣряли туземцы, былъ всего одинъ клыкъ. Въ любомъ изъ этихъ слѣдовъ можно было бы какъ нельзя удобнѣе взять сидячую ванну — такъ они были широки и глубоки.

Всѣ три слона, какъ увѣряли туземцы, скрывались въ лѣсахъ, лежавшихъ за полями, и выходили кормиться только ночью. Планъ мой былъ составленъ живо. Я рѣшился влѣзть на дерево и оттуда стрѣлять по слонамъ, какъ скоро они появятся. Я сообщилъ этотъ планъ старшинѣ, и онъ пришелъ отъ него въ восхищеніе. — »Значитъ, сказалъ онъ: — мы можемъ спать спокойно эту ночь; чего же намъ бояться, если великій бѣлый охотникъ будетъ бодрствовать надъ нами, какъ духъ, и заботиться о нашемъ благосостояніи?« Я воз-

разилъ ему, что онъ — неблагодарная бестія, если думаетъ спокойно спать въ то время, когда я буду сидѣть на деревѣ, какъ коршунъ на насѣсти, въ самомъ неудобномъ положеніи, ради соблюденія его интересовъ. Онъ опять оробѣлъ и почтительно замѣтилъ, что слова мои »остры, но справедливы«...

Настала ночь: весь кралль успулъ, не исключая и престарѣлой ревнивицы въ шалашѣ, гдѣ хранилось просо, а я взобрался на дерево. Выбравъ два сука, шедшіе параллельно, и заблаговременно вытребовавъ себѣ отъ старшины доску, я укрѣпилъ ее на этихъ сучьяхъ и усѣлся на этомъ сидѣньѣ рядомъ съ Гобо. Мы находились на вышинѣ приблизительно футовъ двадцати восьми отъ поверхности земли и могли удобно свѣсить ноги, а спиною прислониться къ дереву. Я далъ ему держать одно изъ моихъ ружей съ крупнымъ зарядомъ, а себѣ взялъ другое, полегче. Мы сидѣли молча; было уже девять часовъ. Было совершенно темно; луна должна была взойти не раньше, какъ черезъ полчаса. Курить я не смѣлъ, зная по опыту, какъ чутки слоны на табачный дымъ. Признаюсь, полчаса ожиданія, проведенные мною посреди полнѣйшаго мрака и глубочайшаго безмолвія, господствовавшаго кругомъ, показались мнѣ вѣкомъ. Наконецъ взошла луна, и вмѣстѣ съ нею поднялся легкій вѣтерокъ. Листва деревъ зашелестила таинственнымъ шепотомъ. Какъ пустынны показались мнѣ горы, лѣса и равнины, облитые мягкимъ свѣтомъ мѣсяца! Видъ былъ такъ хорошъ, что я непремѣнно пришелъ бы въ самое поэтическое настроеніе и вообразилъ бы, пожалуй, что я нахожусь въ какомъ-то волшебномъ эпирномъ мірѣ, — но жесткое сидѣнье на неровной и неотесанной доскѣ — увы! — напоминало мнѣ слишкомъ хорошо, что я не въ эмпиреяхъ, а на землѣ, гдѣ всегда и вездѣ такъ много неудобствъ. Поэтому я ограничился мысленнымъ сознаніемъ, что »ночь чертовски хороша«, и сталъ зорко вглядываться вдаль — не идутъ ли слоны; но слоны не являлись, и я, прождавъ напрасно дольше часу, наконецъ задремалъ. Вдругъ Гобо, сидѣвшій, какъ я уже сказалъ, возлѣ меня, чуть слышно щелкнулъ пальцами. Сонъ у меня, какъ у всѣхъ охотниковъ, когда они насторожѣ, былъ очень чутокъ, я сейчасъ очнулся и быстро вглянулъ на него, зная по опыту, что это его обыкновенный способъ обращать безъ шуму мое вниманіе на что нибудь. Онъ молча указалъ

на лѣсъ въ томъ направленіи, гдѣ онъ образовалъ какъ
олъ. Въ ту же минуту я услышалъ слабый шорохъ,
-за угла появился слонъ — самый громадный изъ всѣхъ,
ъ мнѣ когда либо случалось видѣть. Сдѣлавъ нѣсколько
ъ по просяному полю, онъ остановился и сталъ пово-
ушами, пробуя хоботомъ, откуда дуетъ вѣтеръ. Я не-
залюбовался на его чудовищный единственный клыкъ,
торомъ ярко отражались лучи мѣсяца, и тутъ же рѣ-
что клыкъ этотъ во что бы то ни стало долженъ
моимъ. Вдругъ за первымъ слономъ появился второй,
ьше ростомъ, но потолще объемомъ, съ двумя клыками
й красоты; за вторымъ появился и третій, еще по-
е, но и этотъ былъ никакъ не меньше двѣнадцати фу-
вышиной; можете представить себѣ поэтому, каковы
оба первые. Всѣ три выстроились въ одну линію и
ли такъ нѣсколько минутъ, причемъ тотъ, который
объ одномъ клыкѣ, нѣжно гладилъ хоботомъ товарища,
шаго по лѣвую сторону его. Потомъ они начали ѣсть,
я хоботомъ головки проса и упрятывая ихъ себѣ въ
съ изумительнымъ проворствомъ. Все это происходило
ъ въ ста двадцати отъ меня; я не смѣлъ стрѣлять на
ъ далекомъ разстояніи и при такомъ слабомъ освѣще-
акъ лунный свѣтъ, но съ радостью замѣтилъ, что они
ногу подвигаются ближе къ шала́шу, стоявшему не-
сѣ отъ моей засады. Только приближеніе это совершалось
е медленно, и эта медленность сводила меня съ ума. Я
орѣлъ ожиданіемъ, страхомъ и надеждой, и уже по-
алъ — не спуститься ли мнѣ съ дерева и не пойти
нимъ самому, хотя — какъ вы легко можете понять—
ло бы съ моей стороны безумной отвагой. Вдругъ
изъ слоновъ — именно великанъ объ одномъ клыкѣ—
повернулъ въ мою сторону, издалъ носомъ странный
, словно высморкался, и зашагалъ прямо къ шалашу,
ранилось просо. Я взялъ ружье на прицѣлъ, — но въ
секунду мнѣ показалось, что какъ будто темнѣетъ.
лянулъ на луну и съ ужасомъ увидѣлъ, что на нее
гаются густыя дождевыя облака. »Ну,—подумалъ я,—
й охота!« — и какъ разъ въ то время, когда слонъ
уже ядрахъ въ двадцати пяти отъ меня, облако на-
лось и закрыло мнѣ свѣтъ. Стрѣлять было невозможно.
наступившемъ полумракѣ я всетаки могъ видѣть, что

сѣрая громада подвигается къ шалашу все ближе и ближе. Наконецъ совсѣмъ стемнѣло; я не могъ уже ничего видѣть, только слышалъ, какъ слонъ возился около шалаша. Черезъ нѣсколько минутъ опять посвѣтлѣло, и я увидѣлъ, что онъ стоитъ у шалаша, запустивъ хоботъ во внутрь. Я ужъ началъ цѣлиться, какъ вдругъ раздался оглушительный визгъ— и я увидѣлъ, какъ слонъ торопливо вытащилъ изъ шалаша свой хоботъ съ цѣлымъ снопомъ проса и со спавшей на снопѣ старухой! Ея длинныя костлявыя руки и ноги торчали во всѣ стороны; она кричала и визжала, какъ бѣшеная. Не знаю, кто былъ больше перепуганъ — она, я или самъ слонъ. Онъ, конечно, и не думалъ замышлять ничего противъ нея, а пришелъ за просомъ и захватилъ ее случайно вмѣстѣ со снопомъ. Ея крики страшно переполошили его; онъ фыркнулъ и швырнулъ ее въ сторону. Она попала въ рослую неподалеку мимозу и засѣла тамъ, продолжая визжать, словно паровозный свистокъ, а онъ поджалъ уши и побѣжалъ было въ лѣсъ, но тутъ я изловчился выстрѣлить ему въ плечо. Выстрѣлъ грянулъ и разсыпался громовымъ раскатомъ въ безмолвныхъ горахъ. Слонъ повалился, какъ пластъ, на землю; я думалъ — онъ убитъ наповалъ. Въ эту минуту доска, на которой мы сидѣли — какъ видно, гнилая — подломилась подъ нами: Гобо успѣлъ уцѣпиться за сукъ и остался на деревѣ, а я полетѣлъ внизъ и — не помню, какъ — очутился у подножія дерева въ сидячемъ положеніи: должно быть, я соскользнулъ со ствола, какъ съ горы. Потрясеніе отъ паденія было жестокое: нѣсколько секундъ я сидѣлъ, какъ ошеломленный, однако наконецъ пришелъ въ себя и почувствовалъ, что не потерпѣлъ серьезныхъ поврежденій.

Между тѣмъ слонъ — не убитый, какъ я думалъ, а только раненый — очнулся, приподнялся на колѣни и принялся реветь отъ боли. На ревъ его прибѣжали два другіе. Я сталъ нащупывать около себя ружье — его не было: оно осталось на деревѣ! Положеніе мое было крайне незавидное. Я не смѣлъ подняться съ мѣста и попытаться влѣзть опять на дерево: во-первыхъ, послѣ такой встряски, какую получилъ я при паденіи, это было бы для меня крайне затруднительно; во-вторыхъ, еслибъ я всталъ, слоны непремѣнно увидали бы меня и бросились бы на меня, а бѣжать мнѣ было некуда: кругомъ не было ничего способнаго служить мнѣ

оградой. Пробираясь ползкомъ, я обогнулъ дерево и шопотомъ приказалъ Гобо спуститься ко мнѣ съ ружьемъ; но Гобо — понятно, очень довольный тѣмъ, что успѣлъ сохранить свое безопасное положеніе — сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ. Итакъ, я остался за деревомъ безоружный, недоумѣвая, что̀ дѣлать: оба нераненые слона оставались между тѣмъ около своего раненаго товарища. Когда они подошли къ нему, онъ пересталъ ревѣть и тихо простоналъ, указывая хоботомъ на рану, изъ которой буквально хлестала кровь. Они опустились по обѣимъ сторонамъ его, подсунули подъ него свои клыки и хоботы и помогли ему встать, затѣмъ, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ, повели его по направленію къ деревнѣ. Въ это время луну затмило густой тучей, словно свѣчу гасильникомъ: я уже не могъ ихъ видѣть, а только слышалъ ихъ шаги. Черезъ нѣсколько минутъ туча пронеслась, луна выглянула, и я увидѣлъ моихъ трехъ великановъ около самой изгороди крааля. Недолго думая, они вломились въ ограду, перевернули мимоходомъ вверхъ дномъ два-три шалаша, проломили изгородь съ противоположной стороны и ушли въ лѣсъ. Спавшій людъ переполошился, разшумѣлся и забѣгалъ, какъ муравьи въ муравейникѣ; но, къ счастію, какъ я узналъ впослѣдствіи, никто не получилъ поврежденій, что̀ можно поистинѣ назвать чудомъ.

Добравшись въ свою очередь до деревни, я нашелъ всѣхъ въ смятеніи, а старшину — въ совершенномъ изступленіи: онъ метался и кидался во всѣ стороны передъ своимъ шалашемъ, словно его укусилъ тарантулъ. На вопросъ мой, что̀ съ нимъ, онъ разразился противъ меня цѣлымъ потокомъ брани и упрековъ

— Какой ты охотникъ! кричалъ онъ: — ты обманщикъ, пустомеля и больше ничего! Что̀ ты съ нами сдѣлалъ? Ты обѣщалъ намъ убить слоновъ, а они по твоей милости чуть не передавили всѣхъ насъ!

Эти упреки до того меня взбѣсили (нужно вамъ признаться, я и безъ того разсерженъ былъ моимъ паденіемъ и испытанной неудачей), что я схватилъ его за ухо и началъ колотить головой о стѣну его шалаша.

— Ахъ ты негодяй! раскричался я на него въ свою очередь: — какъ ты смѣлъ дать мнѣ гнилую доску на дерево! По твоей винѣ я чуть не убился, да и жену твою

причину, вызвавшую слоновый крикъ, который выманилъ меня изъ лагеря: посреди просѣки стоялъ большой левъ съ густой гривой и тихо хурчалъ, помахивая хвостомъ, какъ игривый котенокъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ изъ кустовъ выскочила львица и, приблизившись неслышными шагами къ льву, начала къ нему ласкаться. Я стоялъ неподвижно, не зная, что̀ дѣлать; но они, должно быть, не замѣтили меня и, постоявъ нѣсколько минутъ, ушли въ лѣсъ, вѣроятно, за дичью. Я переждалъ немного и хотѣлъ было уже воротиться на стоянку въ убѣжденіи, что появленіе львовъ спугнуло слоновъ, и досадуя, что напрасно побезпокоился, но вдругъ услышалъ въ концѣ просѣки трескъ, какой обыкновенно происходитъ, когда слоны ломаютъ вѣтви хоботомъ, и пошелъ въ ту сторону. Тамъ опять былъ проломъ въ высокихъ кустахъ, но до того узкій, что я едва могъ различать путь передъ собою. Перебравшись черезъ него, я вышелъ на другую просѣку и посреди ея, не далѣе какъ въ восьмидесяти ядрахъ отъ меня, увидѣлъ моихъ трехъ слоновъ: раненый объ одномъ клыкѣ стоялъ, опершись на дерево, и, повидимому, едва держался на ногахъ; другой стоялъ съ нимъ рядомъ, а третій — нѣсколько впереди. Вдругъ этотъ третій круто повернулся и ушелъ въ лѣсъ.

Я постоялъ съ минуту, недоумѣвая, что̀ мнѣ дѣлать: идти ли назадъ, на стоянку, и явиться на охоту съ людьми на разсвѣтѣ, или напасть на слоновъ сейчасъ же. Первое было, конечно, гораздо благоразумнѣе: напасть одному на трехъ слоновъ, да еще при лунномъ свѣтѣ — вещь не только очень рискованная, но даже прямо безразсудная. Между тѣмъ — съ другой стороны — они могли къ утру уйти далеко, и я остался бы опять ни съ чѣмъ. Я рѣшился напасть на нихъ немедленно.

Но какъ было это сдѣлать? Выйти на просѣку я не могъ: они сейчасъ увидѣли бы меня. Нужно было подкрасться къ нимъ незамѣтно, кустарникомъ. Я началъ осторожно пробираться впередъ, но никакъ не могъ найти такой точки, съ которой можно было бы выстрѣлить незамѣтно по двумъ слонамъ, стоявшимъ на просѣкѣ, и потому пошелъ за тѣмъ, который ушелъ въ лѣсъ. Проломъ, сдѣланный имъ, шелъ нѣсколько ярдовъ прямо, потомъ круто повернулъ въ сторону, образуя острый уголъ. Я осторожно заглянулъ за этотъ

уголъ, разсчитывая увидать невдалекѣ отъ себя хвостъ слона, — и вдругъ, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ прямо передъ собою, ярдахъ въ пяти, его голову съ поднятымъ слегка хоботомъ. Это меня до того ошеломило, что я съ минуту простоялъ какъ бы въ оцѣпенѣніи. Должно быть, и онъ удивился не меньше меня, однако опомнился первый и крикнулъ, какъ бы собираясь напасть на меня. Бѣжать было немыслимо: вправо и влѣво кустарникъ былъ слишкомъ густъ, а еслибъ я бросился назадъ, онъ сейчасъ же догналъ бы меня. Я поднялъ ружье и, не цѣлясь, выстрѣлилъ ему въ грудь.

Выстрѣлъ громко раскатился по безмолвному полѣсью. Слонъ вскрикнулъ и на секунду словно замеръ на мѣстѣ. Признаюсь, я растерялся: мнѣ слѣдовало бы сейчасъ же сдѣлать по немъ второй выстрѣлъ, а я этого не сдѣлалъ. Не успѣлъ я сообразить, что̀ дѣлать, какъ онъ бросился на меня. Его страшный хоботъ взвился надо мною, какъ темная полоса. Я бросился бѣжать, а онъ пустился за мной. Мы пробѣжали нѣсколько ярдовъ — и онъ повалился мертвый: пуля моя, должно быть, попала ему въ легкія.

Я былъ спасенъ чудомъ; но не успѣлъ порадоваться моему спасенію, какъ, оглянувшись, увидѣлъ позади себя, шагахъ въ пятнадцати, не больше, двухъ остальныхъ слоновъ, вѣроятно, прибѣжавшихъ на выстрѣлъ и теперь надвигавшихся на меня съ двухъ сторонъ, подобно двумъ каменнымъ громадамъ. Почти не цѣлясь, я выстрѣлилъ въ голову тому, который не былъ раненъ. Къ счастію, я попалъ въ единственное чувствительное мѣсто въ слоновой головѣ — въ ноздри. Пуля прошла мозгъ, и сѣрый великанъ рухнулся, какъ пораженный молніей. Не передо мной оставался еще страшный противникъ — раненый самецъ объ одномъ клыкѣ. Онъ уже наступалъ на меня, подвигаясь, какъ туча, при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца. Я поднялъ ружье, прицѣлился ему въ шею: ружье дало осѣчку. Тутъ только я вспомнилъ, что съ лѣвой стороны это ружье было немного попорчено и иногда осѣкается. Не теряя времени, я отпрыгнулъ въ сторону и едва избѣгъ страшнаго удара хоботомъ: онъ просвистѣлъ отъ меня такъ близко, что на меня вѣтромъ пахнуло отъ него. Затѣмъ я пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, не выпуская изъ рукъ ружья и разсчитывая спрятаться отъ него гдѣ нибудь въ кустахъ. Къ счастію, онъ, будучи раненъ, не могъ бѣжать такъ скоро, какъ обыкновенно бѣгаютъ слоны,

землеколебатель *) вытащилъ изъ шалаша, какъ улитку изъ раковины, и зашвырнулъ ее невѣсть куда. Мы всѣ пострадали по твоей милости, а ты смѣешь жаловаться на испугъ — вотъ тебѣ, вотъ тебѣ за это!

Говоря это, я продолжалъ безъ милосердія трясти и колотить его, положительно не владѣя собой отъ злости.

— Виноватъ, виноватъ, великій человѣкъ! взмолился онъ наконецъ. — Сердце мое говоритъ мнѣ, что я виноватъ передъ тобой.

Его жалобный писк образумилъ меня; я выпустилъ его изъ рукъ. Онъ встряхнулся, какъ наказанный котъ, постоялъ на мѣстѣ нѣсколько секундъ, должно быть, собираясь съ мыслями, и наконецъ робко проговорилъ:

— Что сказалъ ты, великій охотникъ? жену мою, говоришь ты, зашвырнулъ землеколебатель? Ахъ, еслибъ онъ зашибъ ее до смерти, все бы было къ лучшему!

Съ этими словами онъ сложилъ руки, набожно поднялъ глаза къ небу и скорчилъ такую забавную мину, что я отъ души расхохотался и забылъ всю досаду.

— Не надѣйся на это, старый грѣшникъ, сказалъ я: — жена твоя сидитъ на мимозѣ и визжитъ благимъ матомъ; чѣмъ желать ея смерти, поди-ка лучше, сними ее.

— Охъ нѣтъ, не пойду, отвѣчалъ онъ: — ужъ коли она жива, такъ сама слѣзетъ съ дерева, когда ей наскучитъ тамъ сидѣть. Значитъ, я отъ нея не избавился... ну, что дѣлать! Неси волъ ярмо, пока...

Тутъ разсужденія старшины были прерваны появленіемъ его дрожайшей половины, растрепанной, перецарапанной, а — впрочемъ — здравой и невредимой. Ей какъ-то удалось соскочить съ дерева, и она прибѣжала, чтобы хорошенько побраниться съ муженькомъ и выместить на немъ всѣ испытанныя ею невзгоды. Оставивъ нѣжныхъ супруговъ объясняться между собою, я ушелъ къ себѣ на стоянку, легъ на землю, завернулся въ одѣяло и скоро забылъ въ крѣпкомъ снѣ всѣ мои неудачи.

IV. Что было дальше

На другой день я проснулся порядочно разбитымъ, но съ твердымъ намѣреніемъ продолжать охоту за слонами, ко-

*) Такое значеніе имѣетъ на мѣстномъ языкѣ слово слонъ.

торые прошлою ночью такъ досадливо ушли отъ меня, какъ говорится изъ-подъ носу. Ихъ молочно-бѣлые клыки мелькали у меня въ глазахъ и не давали мнѣ покоя. Люди мои, очевидно, считали мою рѣшимость безуміемъ, но не смѣли мнѣ противорѣчить. Мы снялись съ лагеря; я наскоро простился со старшиной, которому — замѣчу кстати — было не до меня (онъ усердно колотилъ свою престарѣлую супружницу съ помощью своей молоденькой женки), и мы пошли по слѣдамъ слоновъ. Нелегко намъ было отыскать ихъ: приходилось идти по каменистому грунту, въ которомъ ноги животныхъ не оставляли отпечатка; нужно было довольствоваться кровавыми слѣдами, которые оставлялъ по себѣ раненый слонъ, но и это было крайне затруднительно: ночью шелъ дождь, и мѣстами кровь была почти совершенно смыта. Такъ промучились мы часа полтора; затѣмъ каменистый грунтъ смѣнился рыхлой почвой, въ которой слѣды были видны хорошо. Мы шли по нимъ до вечера и весь слѣдующій день, едва давая себѣ время перекусить и передохнуть. Намъ попадалась масса другой дичи, но я не обращалъ на нее вниманія и неуклонно шелъ по намѣченнымъ слѣдамъ. Наконецъ къ вечеру втораго дня я убѣдился по многимъ признакамъ, что слоны находятся отъ меня уже не болѣе, какъ въ четверти мили, — но мѣстность, въ которую мы пришли, была поросши густымъ кустарникомъ, который мѣшалъ намъ видѣть вдаль. Измученные усталостью, мы разбили лагерь; послѣ ужина спутники мои всѣ уснули, а я сѣлъ къ дереву, прислонясь къ нему спиной, и закурилъ трубку. Вдругъ не далѣе, какъ въ трехстахъ ядрахъ отъ меня, послышался крикъ слона — тотъ рѣзкій, похожій на звукъ трубъ, крикъ, который обыкновенно означаетъ, что животное испугано чѣмъ нибудь. Забывъ усталость, я вскочилъ съ мѣста, схватилъ ружье — мою тяжелую, но надежную четырехстволку, сунулъ въ карманъ нѣсколько запасныхъ зарядовъ и пошелъ на крикъ. Тропинка, которую проложили слоны черезъ кустарникъ, была узка, но явственно видиѣлась передо мною при лунномъ свѣтѣ. Я осторожно пошелъ по ней и прошелъ ужъ ядровъ двѣсти, какъ вдругъ передо мной открылась просѣка, ядровъ въ сто въ окружности, вся поросшая густой сочной травой, съ нѣсколькими растущими въ разбивку деревьями. Заглянувъ въ нее съ привычной бывалому охотнику осторожностью, я увидѣлъ

причину, вызвавшую слоновый крикъ, который
меня изъ лагеря: посреди просѣки стоялъ больш
густой гривой и тихо хурчалъ, помахивая хво
игривый котенокъ. Не успѣлъ я опомниться, ка
стовъ выскочила львица и, приблизившись несль
гами къ льву, начала къ нему ласкаться. Я с
движно, не зная, что̀ дѣлать; но они, должно бы
тили меня и, постоявъ нѣсколько минутъ, ушл
вѣроятно, за дичью. Я переждалъ немного и х
уже воротиться на стоянку въ убѣжденіи, чт
львовъ спугнуло слоновъ, и досадуя, что напра
коился, но вдругъ услышалъ въ концѣ просѣки
кой обыкновенно происходитъ, когда слоны ло
хоботомъ, и пошелъ въ ту сторону. Тамъ опять
ломъ въ высокихъ кустахъ, но до того узкій,
могъ различать путь передъ собою. Перебрав
него, я вышелъ на другую просѣку и посреди
какъ въ восьмидесяти ядрахъ отъ меня, уви
трехъ слоновъ: раненый объ одномъ клыкѣ с
шись на дерево, и, повидимому, едва держалс
другой стоялъ съ нимъ рядомъ, а третій — нѣс
реди. Вдругъ этотъ третій круто повернулся
лѣсъ.

Я постоялъ съ минуту, недоумѣвая, что̀
идти ли назадъ, на стоянку, и явиться на охот
на разсвѣтѣ, или напасть на слоновъ сейчасъ
было, конечно, гораздо благоразумнѣе: напасть
трехъ слоновъ, да еще при лунномъ свѣтѣ — ве
очень рискованная, но даже прямо безразсуд
тѣмъ — съ другой стороны — они могли къ утр
леко, и я остался бы опять ни съ чѣмъ. Я р
пасть на нихъ немедленно.

Но какъ было это сдѣлать? Выйти на пр
могъ: они сейчасъ увидѣли бы меня. Нужно было
къ нимъ незамѣтно, кустарникомъ. Я началъ ос
бираться впередъ, но никакъ не могъ найти т
съ которой можно было бы выстрѣлить незамѣт
слонамъ, стоявшимъ на просѣкѣ, и потому пош
который ушелъ въ лѣсъ. Проломъ, сдѣланный
нѣсколько ярдовъ прямо, потомъ круто поверну
рону, образуя острый уголъ. Я осторожно заглян

, разсчитывая увидать невдалекѣ отъ себя хвостъ сло-
и вдругъ, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ
о передъ собою, ярдахъ въ пяти, его голову съ поднятымъ
а хоботомъ. Это меня до того ошеломило, что я съ минуту
тоялъ какъ бы въ оцѣпенѣніи. Должно быть, и онъ уди-
я не меньше меня, однако опомнился первый и крикнулъ,
бы собираясь напасть на меня. Бѣжать было немыслимо:
ево и влѣво кустарникъ былъ слишкомъ густъ, а еслибъ
осился я назадъ, онъ сейчасъ же догналъ бы меня. Я под-
ь ружье и, не цѣлясь, выстрѣлилъ ему въ грудь.

Выстрѣлъ громко раскатился по безмолвному полѣсью.
нъ вскрикнулъ и на секунду словно замеръ на мѣстѣ.
знаюсь, я растерялся: мнѣ слѣдовало бы сейчасъ же сдѣ-
ть по немъ второй выстрѣлъ, а я этого не сдѣлалъ. Не ус-
ть я сообразить, что̀ дѣлать, какъ онъ бросился на меня.
о страшный хоботъ взвился надо мною, какъ темная по-
са. Я бросился бѣжать, а онъ пустился за мной. Мы про-
жали нѣсколько ярдовъ — и онъ повалился мертвый: пуля
оя, должно быть, попала ему въ легкія.

Я былъ спасенъ чудомъ; но не успѣлъ порадоваться мо-
ему спасенію, какъ, оглянувшись, увидѣлъ позади себя, ша-
тахъ въ пятнадцати, не больше, двухъ остальныхъ слоновъ,
вѣроятно, прибѣжавшихъ на выстрѣлъ и теперь надвигав-
шихся на меня съ двухъ сторонъ, подобно двумъ камен-
нымъ громадамъ. Почти не цѣлясь, я выстрѣлилъ въ голову
тому, который не былъ раненъ. Къ счастію, я попалъ въ
единственное чувствительное мѣсто въ слоновой головѣ — въ
ноздри. Пуля прошла мозгъ, и сѣрый великанъ рухнулся,
какъ пораженный молніей. Не передо мной оставался еще
страшный противникъ — раненый самецъ объ одномъ клыкѣ.
Онъ уже наступалъ на меня, подвигаясь, какъ туча, при
блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца. Я поднялъ ружье, прицѣлился ему
въ шею: ружье дало осѣчку. Тутъ только я вспомнилъ, что
съ лѣвой стороны это ружье было немного попорчено и
иногда осѣкается. Не теряя времени, я отпрыгнулъ въ сто-
рону и едва избѣгъ страшнаго удара хоботомъ: онъ просви-
стѣлъ отъ меня такъ близко, что на меня вѣтромъ пахнуло
отъ него. Затѣмъ я пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, не вы-
пуская изъ рукъ ружья и разсчитывая спрятаться отъ него
гдѣ нибудь въ кустахъ. Къ счастію, онъ, будучи раненъ, не
могъ бѣжать такъ скоро, какъ обыкновенно бѣгаютъ слоны,

но всетаки былъ отъ меня не дальше, какъ въ трехъ футахъ, и я никакъ не могъ увеличить разстоянія между нами. Такъ пробѣжали мы проломъ изъ первой просѣки; я разсчитывалъ попасть во вторую черезъ проломъ, которымъ вышелъ на нее изъ первой, но впопыхахъ пробѣжалъ мимо его: бѣгу, смотрю — и нигдѣ не вижу отверстія въ кустарной чащѣ, плотной, какъ стѣна. Что мнѣ было дѣлать! Я круто повернулъ, какъ дѣлаетъ травленный заяцъ отъ собакъ, и побѣжалъ назадъ. Онъ не могъ повернуться такъ скоро, какъ я; это дало мнѣ возможность перевести духъ, но онъ живо сталъ опять догонять меня, и я вдругъ почувствовалъ надъ своей головой его горячее дыханіе. Богу одному извѣстно, что перенесъ я въ эту минуту! Невдалекѣ отъ себя я увидѣлъ большее дерево и бросился къ нему, чтобы спрятаться за нимъ. Онъ налетѣлъ на дерево и свалилъ его, какъ тростинку, ударившись о него головой. Къ счастію, я успѣлъ отпрыгнуть въ сторону, и стволъ рухнулъ мимо меня, но одинъ изъ сучьевъ задѣлъ меня и опрокинулъ на спину. Слонъ пробѣжалъ мимо меня, но вдругъ воротился. Не имѣя возможности подняться, я почти безсознательно сдѣлалъ попытку опять выстрѣлить. Ружье на этотъ разъ послушалось, выстрѣлъ грянулъ. Но слонъ продолжалъ бѣжать на меня, и я не зналъ даже, попалъ ли я въ него, а самъ, придавленный сукомъ, не могъ вскарабкаться на ноги. Онъ былъ ужъ отъ меня не дальше двадцати шаговъ, какъ вдругъ остановился и сталъ медленно опускаться на колѣни. Въ эту минуту я лишился чувствъ.

Очнувшись, я замѣтилъ по положенію луны на небѣ, что пролежалъ въ обморокѣ по крайней мѣрѣ часа два. Я былъ весь мокрый отъ росы и сначала не могъ сообразить, что со мной и какъ я попалъ въ эту пустынную мѣстность; но, увидя передъ собой неподвижно стоявшаго на колѣняхъ исполина, понялъ все. »Да полно, убитъ ли онъ?« мелькнуло у меня въ умѣ. Можетъ быть, онъ живъ и только отдыхаетъ. Съ трудомъ выкарабкавшись изъ-подъ придавившаго меня сука, я зарядилъ ружье, подкрался къ слону и заглянулъ ему въ глаза. Взглядъ его тускло свѣтился при свѣтѣ мѣсяца тѣмъ страшнымъ стекловиднымъ блескомъ, который свойственъ только мертвому глазу. Не было никакого сомнѣнія: страшный противникъ мой кончилъ жизнь. Нѣсколько минутъ стоялъ я молча, смотря на его исполинскую

игуру, облитую лучами мѣсяца, и мысленно благодаря
ога за мое спасеніе, затѣмъ сталъ пробираться на стоянку
кое-какъ добрелъ туда, едва передвигая ноги отъ исто-
ценія. Люди мои всѣ спали безъ просыпа; я не сталъ бу-
ить никого, выпилъ глотокъ водки, сбросилъ съ себя верх-
ее платье и башмаки, завернулся въ одѣяло и уснулъ мерт-
ымъ сномъ.

Когда я проснулся на другой день, солнце стояло уже
ысоко. Въ первую минуту пробужденія мнѣ представилось,
то все испытанное мною прошлою ночью было не болѣе,
акъ сонъ; но первое движеніе, которое я сдѣлалъ, убѣдило
еня, что я ошибаюсь: всѣ члены у меня страшно болѣли,
ъ особенности плечо, въ которое сильно отдался мой по-
лѣдній выстрѣлъ, сдѣланный мной, какъ я вамъ уже ска-
алъ, въ самомъ неловкомъ положеніи, т. е. въ то время,
огда я лежалъ на спинѣ. Гобо и еще одинъ изъ носиль-
иковъ сидѣли у огонька, ими разведеннаго, — утро было
ень свѣжее — и разговаривали. Я сталъ вслушиваться.

— Ужасно мнѣ надоѣло бѣгать за слонами, которыхъ
икакъ догнать нельзя, сказалъ Гобо. — Макумазанъ (такъ
вали меня мои люди), можетъ быть, и храбрый человѣкъ,
порядочный охотникъ, но онъ какой-то сумасшедшій: чего
нъ разъ захотѣлъ, того и подавай ему непремѣнно. Кру-
омъ пропасть всякой дичи, а ему вишь подавай слоновъ,
а еще непремѣнно тѣхъ, которыхъ онъ намѣтилъ! Да мы
ъ этимъ покончимъ живо: скажемъ ему, что не пойдемъ за
имъ дальше, и все тебѣ тутъ.

— И пора! согласился его товарищъ. — Нужно образу-
ить его, пока на насъ еще шкура цѣла. Въ землѣ Вамбе
амъ несдобровать: здѣсь пропасть духовъ и привидѣній. Я
егодня ночью слышалъ сквозь сонъ, какъ они охотились:
ѣсколько разъ стрѣляли. Нѣтъ, пора, пора намъ убраться
тсюда, пока у насъ еще голова на плечахъ; что̀ намъ
мотрѣть на этого сумасшедшаго...

— Гобо! крикнулъ я, приподнявшись на коврѣ, служив-
шемъ мнѣ постелью: — полно тебѣ болтать, лѣнивецъ, вари
корѣй кофе!

Оба носильщика мигомъ вскочили съ мѣста и приня-
ись ухаживать за мной съ подобострастіемъ, которое сильно
ало въ разрѣзъ съ пренебреженіемъ, съ какимъ они только
то отзывались обо мнѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я напился

кофе, всѣ носильщики явились ко мнѣ гуртомъ и объявили, что если я хочу продолжать разыскивать слоновъ, то могу идти одинъ, а они со мной не пойдутъ.

Я притворился, будто ихъ заявленіе сильно меня огорчаетъ, и началъ ихъ уговаривать. Они стояли на своемъ, увѣряя, что не останутся и дня въ странѣ, гдѣ духи стрѣляютъ по ночамъ. Я возражалъ, что еслибы стрѣляли духи, то у нихъ навѣрное были бы воздушныя ружья, которыхъ смертные не могли бы слышать. Но мои убѣжденія на нихъ не дѣйствовали; они уперлись на одномъ: »или пойдемъ назадъ, или иди дальше одинъ«.

— Хорошо, будь по вашему, сказалъ я наконецъ. — Только вотъ что я предложу вамъ: поохотимся за слонами еще полчаса, не больше: если мы ихъ не найдемъ, я готовъ идти за вами и даже совсѣмъ уйти изъ владѣній Вамбе.

На это предложеніе они согласились съ готовностью. Мы снялись со стоянки, и я повелъ ихъ по тропинкѣ на просѣку, гдѣ стоялъ на колѣняхъ убитый мною слонъ, а невдалекѣ отъ него лежали два другіе. Завидя ихъ еще издали, люди мои остановились и начали молча указывать мнѣ на нихъ.

— Вотъ они! прошепталъ наконецъ Гобо чуть слышно. — Они спятъ.

— Ты думаешь, они спятъ? спросилъ я спокойно.

— А то какже? спросилъ Гобо также шепотомъ, очевидно удивляясь, что я говорю громко.

— Нѣтъ, Гобо, они убиты.

— Убиты! воскликнулъ Гобо внѣ себя отъ изумленія: — кто же ихъ убилъ?

— Какъ ты зовешь меня, Гобо? спросилъ я.

— Макумазанъ.

— Что значитъ »макумазанъ«?

— Человѣкъ съ открытыми глазами, человѣкъ, который встаетъ по ночамъ.

— Таковъ я и есть. Слушайте всѣ вы, трусы и лѣнивцы: пока вы спали прошлою ночью, я вышелъ одинъ на слоновъ и убилъ всѣхъ трехъ, каждаго однимъ выстрѣломъ. Смотрите, вотъ мой слѣдъ, а вотъ ихъ слѣды. Вотъ что сдѣлалъ я одинъ! смотрите и стыдитесь вашей лѣности и трусости.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Одинъ за другимъ под-

одили они къ каждому изъ трехъ слоновъ и осматривали
хъ, не говоря ни слова.

— Оу! сказалъ наконецъ Гобо: — оу кусъ, кусъ и ум-
уль *), ты не простой человѣкъ, Макумазанъ: простой че-
овѣкъ не могъ бы сдѣлать того, что ты сдѣлалъ; въ тебѣ
идитъ великій духъ. Веди насъ, куда хочешь: мы всюду
ойдемъ за тобой безъ спора.

И точно — до самой послѣдней минуты, пока они оста-
ались при мнѣ, между нами не было больше разногласій.
Моя безразсудная выходка чуть не стоила мнѣ жизни, но все
е кончилась для меня счастливо и внушила моимъ подчи-
еннымъ такое довѣріе ко мнѣ, что, еслибы я, кажется,
казалъ имъ: »прыгайте въ пропасть, вы не убьетесь« —
ни спрыгнули бы, не задумавшись.

Ужъ и слоны же это были! такихъ клыковъ я никогда
ольше не видѣлъ — ни прежде, ни послѣ. Одинъ клыкъ
ольшаго слона вѣсилъ сто шестьдесятъ фунтовъ, а осталь-
ые четыре клыка среднимъ числомъ по девятидесяти де-
яти съ половиной каждый — вещь неслыханная! Къ сожа-
ѣнію, большой клыкъ пришлось распилить надвое...

— Ахъ вы варвары! вмѣшался я: — неужели вамъ не
аль было...

— Хорошо вамъ говорить, молодой человѣкъ, улыбнулся
Кватерменъ: — еслибъ я этого не сдѣлалъ, мы и вовсе не
огли бы унести его, особенно при такихъ обстоятельствахъ,
ъ какія мы попали послѣ того...

— Значитъ, вашей исторіи еще не конецъ? спросилъ
удъ! — А исторія хороша. Кватерменъ; ну, право, я и самъ
ы не придумалъ лучше.

Алленъ сурово взглянулъ на Гуда.

— Вы мнѣ не вѣрите? спросилъ онъ. — Что-жъ, вѣрьте
ли не вѣрьте, это какъ вамъ угодно. Да, моей исторіи еще
е конецъ, самое лучшее впереди, только сегодня я разска-
ывать не буду, усталъ. Да и врядъ ли стоитъ раз-
казывать, когда людямъ правду говоришь, а они не вѣ-
ятъ.

Сколько мы ни старались умилостивить его, все было
апрасно, и такъ какъ дѣйствительно было уже поздно,
о мы простились и разошлись по своимъ комнатамъ.

*) О начальникъ, великій начальникъ.

V. Манва

На другой день вчерашняя компанія снова собралась обѣдать къ моему пріятелю и послѣ обѣда опять усѣлась у камина съ трубками, сигарами и папиросами. Поломавшись немного — недовѣріе, высказанное Гудомъ, сильно задѣло его за живое — Кватерменъ согласился наконецъ продолжать свой разсказъ.

— Покончивъ съ вырѣзкою клыковъ, началъ онъ: — и пообѣдавъ слоновымъ сердцемъ, поджареннымъ въ слоновомъ жирѣ — кушанье, я вамъ скажу, самое превкусное — мы занялись распилкою большаго клыка. Время было уже къ вечеру; люди, которымъ я поручилъ это дѣло — замѣчу мимоходомъ, весьма нелегкое — работали усердно, а я сидѣлъ подъ деревомъ, покуривая трубочку, и слѣдилъ за ихъ работой. Вдругъ кто-то дотронулся рукой до моего плеча. Я оглянулся: передо мною стояла молодая женщина-туземка, лѣтъ двадцати, небольше, высокая, стройная и замѣчательно красивая, съ корзиной мѣстныхъ плодовъ на головѣ.

— Маремъ (здравствуй)! сказала она, хлопнувъ по туземному обычаю въ ладоши въ знакъ привѣтствія.

— Откуда ты взялась, красавица? спросилъ я, удивленный ея появленіемъ въ мѣстности, гдѣ, сколько мнѣ было извѣстно, не было ни одного крааля. — Ты продаешь плоды?

— Нѣтъ, великій бѣлый охотникъ, я принесла ихъ въ подарокъ, отвѣтила она.

— Хорошо, спасибо тебѣ, сказалъ я. — Передай корзину моимъ людямъ.

— Но ты знаешь, бѣлый человѣкъ, подарокъ за подарокъ, замѣтила она, чуть-чуть улыбнувшись.

— А! вотъ какъ — ну, понятно: въ этомъ презрѣнномъ мірѣ ничто не дѣлается даромъ. Чего же тебѣ надобно? бусъ?

Она кивнула утвердительно.

— Хорошо. Я сейчасъ скажу моему главному надъ носильщиками, чтобы онъ открылъ тебѣ ящикъ съ бусами: выбирай любое ожерелье.

Съ этими словами я хотѣлъ подозвать Гобо, но она остановила меня.

— Кто даетъ своей рукой, тотъ даетъ вдвое, сказала она съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ голосѣ.

— Ты хочешь, чтобы я самъ далъ тебѣ бусы? спросилъ я, и мнѣ почему-то показалось, что она хочетъ говорить со мной наединѣ. — Изволь, я готовъ исполнить твое желаніе.

Говоря это, я всталъ и пошелъ съ нею въ ту сторону, гдѣ стоялъ сундукъ съ бусами. Она пошла за мною.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я по дорогѣ.

— Маива.

— Откуда ты родомъ? Ты хорошо говоришь нарѣчіемъ Матуку; вѣрно, ты изъ этого племени?

— Я изъ племени Бутіано, которымъ начальствуетъ Нола. Но я долго жила между матукусами, я одна изъ женъ Вамбе.

При послѣднихъ словахъ глаза ея сверкнули какимъ-то дикимъ блескомъ.

— Какже ты сюда попала? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Пѣшкомъ пришла, отвѣтила она отрывисто.

Разговаривая такъ, мы подошли къ сундуку съ бусами. Я открылъ его, выбралъ одно изъ самыхъ красивыхъ ожерелій и подалъ ей. Она накинула его на себя, почти не взглянувъ на него, и, увидя стоявшій возлѣ сундука пустой ящикъ, начала перекладывать въ него плоды изъ своей корзины. На днѣ корзины было нѣсколько листьевъ, похожихъ на листья гуттаперчеваго дерева, только гораздо крупнѣе. Выбравъ одинъ изъ нихъ, она понюхала его и подала мнѣ. Думая, что она хочетъ, чтобы и я тоже понюхалъ его, я поднесъ его къ лицу — и вдругъ замѣтилъ на немъ какіе-то красноватые знаки.

— Разбери эти знаки, бѣлый, сказала она чуть слышно.

Я сталъ всматриваться въ листъ, исцарапанный чѣмъ-то острымъ въ родѣ гвоздя: тамъ, гдѣ гвоздь коснулся листа, ѣдкій сокъ растенія выступилъ наружу и, засохнувъ, принялъ красноватый оттѣнокъ. Къ великому моему удивленію, знаки оказались словами, написанными по англійски. Я прочелъ слѣдующее:

»Бѣлому, который охотится теперь во владѣніяхъ Вамбе. Предупреждаю васъ, что вамъ грозитъ большая опасность, и совѣтую бѣжать какъ можно скорѣе черезъ горы во владѣнія Налы. Вамбе посылаетъ сегодня на разсвѣтѣ импи (отрядъ), чтобы убить васъ и всѣхъ, кто при васъ находится, за то, что вы осмѣлились охотиться въ его владѣніяхъ, не принеся ему прежде подарка. Ради Бога, кто бы вы ни

были, помогите мнѣ. Уже слишкомъ шесть лѣтъ, какъ я въ рабствѣ у этого демона: меня бьютъ и мучаютъ каждый день. Онъ перерѣзалъ всѣхъ насъ, а меня пощадилъ, потому что я умѣю ковать желѣзо. Маива, жена Вамбе, передастъ вамъ это письмо. Она бѣжитъ отъ мужа къ отцу своему Налѣ за то, что Вамбе убилъ ея ребенка. Постарайтесь уговорить Налу, чтобы онъ пошелъ войною на Вамбе. Маива знаетъ тайный проходъ въ горахъ и можетъ провести тамъ войско. Вы будете награждены за труды: изгородь кругомъ дома Вамбе — вся изъ слоновыхъ клыковъ. Ради Бога, не оставьте меня, не то я убью себя: я не въ состояніи долѣе выносить моихъ мученій. Джонъ Эвери.«

— Эвери! Великій Боже, да это другъ моего дѣтства! воскликнулъ я внѣ себя.

Маива взяла у меня изъ рукъ листъ, перевернула его и подала мнѣ.

— Это еще не все, сказала она: — читайте дальше.

»Я сейчасъ узналъ«, прочелъ я: — »что бѣлаго охотника, къ которому я пишу, прозвали Макумазанъ. Если такъ,— это долженъ быть мой старый пріятель Квартерменъ. Если это ты, дружище, — умоляю тебя именемъ нашей дружбы выручи меня. Смерти я не боюсь, но я не хотѣлъ бы умереть, не отплативъ Вамбе. Дай Богъ, чтобы это былъ ты: я знаю, ты меня не покинешь.«

»Нѣтъ, старый товарищъ, я тебя не покину«, подумалъ я: — »только какъ мнѣ до тебя добраться — вотъ вопросъ! Нужно будетъ что нибудь придумать. Игра стоитъ свѣчъ: выручить друга дѣтства и притомъ пріобрѣсти разомъ столько клыковъ, сколько мнѣ и въ годъ не зашибить охотой. Чортъ возьми — еще бы не попробовать!«

Пока я раздумывалъ, Маива стояла передо мной, не спуская съ меня глазъ. Я обернулся къ ней.

— Ты дочь Налы и бѣжала къ отцу отъ мужа? спросилъ я.

— Да, отвѣтила она.

— Зачѣмъ ты бѣжала?

Вмѣсто отвѣта она сунула руку въ кожаную сумочку, висѣвшую у ней черезъ плечо, вытащила оттуда мертвую ручку ребенка и протянула ее мнѣ. Я отступилъ съ ужасомъ.

— Вотъ зачѣмъ я бѣжала, сказала она. — У меня былъ

сынъ отъ Вамбе; ему было полтора года, и я любила его. Но Вамбе не любитъ своихъ дѣтей; онъ убиваетъ ихъ всѣхъ: онъ боится, что они убьютъ его, когда выростутъ. Онъ давно бы убилъ и моего ребенка, но я просила за него. На дняхъ нѣсколько солдатъ прошли мимо меня, когда я сидѣла съ сыномъ, и поклонились ему, называя его своимъ будущимъ начальникомъ. Вамбе услышалъ это, пришелъ въ бѣшенство и ударилъ ребенка; онъ заплакалъ. »Хорошо же«, сказалъ злодѣй: — »ты у меня еще не такъ заревешь«.

Она пріостановилась на минуту и продолжала съ страшнымъ спокойствіемъ въ голосѣ:

— Въ числѣ вещей, которыя онъ отнялъ у перерѣзанныхъ имъ бѣлыхъ людей, былъ капканъ для львовъ. Онъ такъ великъ, что четыре человѣка могутъ съ трудомъ открыть его...

На этомъ мѣстѣ и самъ разсказчикъ запнулся и помолчалъ съ минуту, словно собираясь съ духомъ.

— Слушайте, господа, сказалъ онъ наконецъ: — вы знаете, я человѣкъ бывалый и чего-чего не перенесъ! Но ни видѣть, какъ мучаютъ дѣтей, ни даже говорить о томъ, какъ ихъ мучали, я не могу — это выше моихъ силъ. Вы сами догадаетесь, что̀ сдѣлалъ этотъ извергъ и чему несчастная мать вынуждена была быть свидѣтельницей. Не знаю, какъ у меня хватило силы выслушать ея разсказъ. А она разсказала мнѣ эту страшную повѣсть безъ запинки, ровнымъ, спокойнымъ голосомъ; только губы ея слегка дрожали.

— Что̀ же ты теперь будешь дѣлать, Маива? спросилъ я, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, хотя внутренно весь кипѣлъ бѣшенствомъ.

Она гордо выпрямилась; глаза ея дико сверкнули.

— Что̀ я буду дѣлать, бѣлый? проговорила она своимъ металлическимъ, твердымъ, какъ сталь, голосомъ съ страшнымъ ледянымъ спокойствіемъ. — Буду добиваться своего день и ночь, ночь и день и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не увижу своими глазами, какъ Вамбе умретъ той же смертью, какою онъ убилъ своего и моего ребенка.

— Хорошо сказано! замѣтилъ я.

— Да, отвѣтила она: — хорошо сказано и нелегко забудется. Могу ли я, о! могу ли я забыть! Смотри: эта мертвая ручка покоится у моего сердца; также покоилась она, когда была жива. И теперь, хоть она и мертва, она каж-

дую ночь выходитъ изъ своего убѣжища и гла
волосамъ, и хватаетъ мои руки своими кроше
чиками. Всякую ночь она дѣлаетъ это: она бо
не забыла. О дитя мое, дитя мое, десять дне
держала тебя у груди — а теперь... вотъ все, ч
лось отъ тебя!

Съ этими словами она прижала къ губ
ручку и содрогнулась всѣмъ тѣломъ, — но гла
сухи.

— Слушай дальше, продолжала она, успокоя
Бѣлый, котораго Вамбе держитъ въ плѣну,
добръ ко мнѣ. Онъ любилъ моего ребенка, пл
его убивали, и не побоялся сказать Вамбе въ
не человѣкъ, а звѣрь!« — хотя зналъ, что его
убить за это. Онъ придумалъ, что̀ мнѣ нужно
сказалъ мнѣ: »Вамбе заставилъ тебя похорони
бенка; скажи ему, что тебѣ нужно прожить дв
ной въ пустынѣ, чтобы очиститься послѣ того,
коснулась къ мертвому тѣлу; вѣдь это у васъ
Уйди одна и бѣги къ твоему отцу и уговори
онъ пошелъ войной на Вамбе въ наказаніе за
его ребенка«. Я такъ и сдѣлала. Передъ тѣм
уйти, Вамбе пришли сказать, что какой-то бѣ
въ его владѣніяхъ. Вамбе былъ пьянъ въ это
страшно взбѣсился и послалъ отрядъ убить эт
обобрать всѣ его вещи. Тогда кователь желѣз
умѣла Эвери) написалъ тебѣ письмо и велѣлъ
тебя — что̀ я и сдѣлала, Макумазанъ, охотник
слоновъ.

— Благодарю тебя, сказалъ я. — А какъ в
Вамбе?

— Сотня человѣкъ и еще полъ-сотни.

— А гдѣ онъ теперь?

— Тамъ, сказала Манва, указывая на сѣ
ужъ близко. Я видѣла, какъ онъ шелъ вчера,
лась, что ты долженъ быть ближе къ горамъ.
и нашла тебя. Завтра на разсвѣтѣ убійцы бу

— Можетъ быть, сказалъ я, но Макумаза
не найдутъ. Я знаю этотъ народъ: они увид
слоновъ, остановятся и навѣрное устроятъ себ
тѣмъ временемъ уйдемъ.

Тутъ мнѣ пришло въ голову: хорошо было бы отравить слоновъ стрихниномъ: они поѣли бы ихъ мяса и передохли бы всѣ сами. Но, къ сожалѣнію, у меня было мало стрихнина.

— Скажите лучше, вы не рѣшились на подобное дѣло, замѣтилъ я.

— Говорю вамъ, у меня было мало стрихнина! вскричалъ Алленъ сердито. — Вы думаете, мало его нужно для того, чтобы отравить мясо трехъ слоновъ?

Я замолчалъ и улыбнулся: я былъ убѣжденъ, что мой пріятель не рѣшился бы ни на что подобное, даже ради спасенія жизни. Но онъ ужасно любитъ выставлять себя человѣкомъ безсердечнымъ: это его слабость.

Въ эту минуту Гобо, которому я еще раньше приказалъ собираться въ путь, пришелъ сказать мнѣ, что все готово.

— Отлично, сказалъ я. — Мы выступимъ сейчасъ же и пойдемъ какъ можно скорѣе, иначе намъ не миновать бѣды: Вамбе выслалъ отрядъ, чтобъ убить насъ, и солдаты ужъ близко.

Гобо позеленѣлъ отъ страха.

— Я говорилъ тебѣ, что судьба ходитъ во владѣніяхъ Вамбе! вскричалъ онъ, взглянувъ на меня съ упрекомъ.

— Такъ что-жъ, замѣтилъ я небрежно: — и пусть ее ходитъ, а мы пойдемъ попроворнѣе ее, и она насъ не догонитъ. Ну, ребята, берите ноши — и въ путь!

— А клыки? робко спросилъ Гобо.

— И ихъ берите, конечно. Неужели, вы думаете, я ихъ брошу, послѣ того какъ они достались мнѣ такъ дорого?

Гобо не возражалъ и пошелъ распредѣлять ноши.

— Куда же намъ идти? спросилъ я Маиву.

— Туда, отвѣчала она, указывая на гору, которая высилась миляхъ въ сорока отъ насъ, отдѣляя владѣнія Налы отъ владѣній Вамбе. — Я знаю ущелье, которое ведетъ черезъ эту гору; мы перейдемъ его и завалимъ съ той стороны каменьями. Тогда наши враги не попадутъ въ него, и имъ придется обходить гору кругомъ, а это займетъ у нихъ день и еще день, и еще полъ-дня. Въ это время мы успѣемъ придти туда, гдѣ будемъ безопасны.

— А сколько нужно времени, чтобы дойти до этого ущелья? спросилъ я.

— Если мы пойдемъ скоро-скоро и будемъ идти всю ночь

и весь день, отвѣтила она: — такъ завтра къ вечеру будемъ тамъ.

Признаюсь, я поморщился и свистнулъ: значитъ, намъ предстояло пройти почти безъ отдыха миль сорокъ пять. Но дѣлать было нечего. Мы захватили съ собой столько слоновьяго мяса, сколько каждый могъ унести, и передъ тѣмъ какъ уйти, я заставилъ Манву поѣсть. Мнѣ не безъ труда удалось уговорить ее подкрѣпить себя: она не думала ни о ѣдѣ, ни объ отдыхѣ, ни о снѣ — ни о чемъ, кромѣ мщенія.

Затѣмъ пустились въ путь. Манва шла впереди, показывая намъ дорогу. Я шелъ рядомъ съ ней. Пройдя съ полчаса въ гору, мы очутились на уступѣ, съ котораго видъ открывался далеко внизъ. Манва остановилась и, заслонивъ рукой глаза, начала вглядываться вдаль. Вдругъ она дотронулась рукой до моего плеча. Я обернулся; она, не говоря ни слова, сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я взглянулъ внизъ. Я взглянулъ, и миляхъ въ восьми отъ того мѣста, гдѣ мы только что стояли, увидѣлъ какую-то свѣтлую полосу, которая ярко сверкала и переливалась въ лучахъ заходящаго солнца.

— Что это? спросилъ я.

— Это копья солдатъ Вамбе, отвѣтила она. — Видишь, я сказала тебѣ правду: они идутъ быстро. Да ты не пугайся, прибавила она, вѣроятно, замѣтя по моему лицу, что эта новость мнѣ вовсе не по вкусу. — Они увидятъ убитыхъ слоновъ и непремѣнно остановятся: пока они будутъ пировать, мы уйдемъ далеко. Не унывай, мы еще можемъ спастись.

Мы шли долго безъ отдыха; я то и дѣло торопилъ людей, но не говорилъ имъ ничего о томъ, что непріятель такъ близко, — иначе они навѣрное побросали бы ноши и разбѣжались во всѣ стороны. Наконецъ стало такъ темно, что рѣшительно не видать было, куда идти. Мы принуждены были остановиться и подождать, пока взойдетъ луна. Это отняло у насъ немало времени, но мы воспользовались имъ, чтобы отдохнуть. Когда взошла луна, мы опять пустились въ путь и шли всю ночь почти безъ отдыха. На разсвѣтѣ мы совершенно выбились изъ силъ и принуждены были остановиться. Отдохнувъ и закусивъ, мы переправились черезъ рѣку и стали подниматься круто въ гору по мѣстности, поросшей густымъ кустарникомъ. Съ трудомъ пробивались мы черезъ него, но когда прошли миль шесть, дорога пошла лѣсомъ, хоть круче, но легче. Вскорѣ мы вышли на без-

плодную площадь, усѣянную крупными каменьями; она вела прямо къ пику горы, который виднѣлся передъ нами милнхъ въ трехъ разстоянія. Выйдя на нее, мы остановились перевести духъ; но, оглянувшись, замѣтили, къ ужасу нашему, что-то сверкающее между деревьями. Это были копья солдатъ Вамбе: они находились отъ насъ уже не болѣе, какъ въ одной мили разстоянія. При этомъ видѣ моими людьми овладѣла невообразимая паника: они чуть было не побросали ноши и не разбѣжались; но мнѣ удалось ихъ угововорить, и они пошли дальше. Признаюсь откровенно, мнѣ бы слѣдовало бросить хоть клыки, но я на это не рѣшился. Впослѣдствіи я горько раскаялся въ моей жадности, — почему — увидите дальше.

Не успѣли мы подняться и съ милю, какъ позади насъ послышались яростные клики: солдаты Вамбе высыпали изъ лѣсу и увидѣли насъ. Мы подвигались впередъ, какъ могли скоро, но преслѣдователи наши были проворнѣе, и немудрено: у нихъ не было другой ноши, кромѣ оружія, состоявшаго по большей части изъ копій и легкихъ щитовъ. Ружьями были вооружены лишь немногіе. Преслѣдованіе это очень напоминало лисью охоту; мы играли роль лисы, причемъ положеніе наше было еще тѣмъ хуже, что мы постоянно были въ виду у непріятеля. Маива шла впереди, указывая наиболѣе удобные всходы. Я не могъ надивиться силѣ и стойкости этой молодой женщины: нервы у ней были положительно стальные. Впрочемъ, можетъ быть, сила воли ее поддерживала. Она первая дошла до подножья пика; вторымъ былъ бѣдняжка Гобо, который былъ удивительно прытокъ на ногу, въ особенности когда надобно было бѣжать отъ непріятеля; третьимъ пришелъ я, но — признаюсь — едва перевелъ духъ, тогда какъ Маива даже не поморщилась отъ такого быстраго восхожденія. Пикъ лежалъ передъ нами въ видѣ скалы футовъ въ полтораста вышины, снабженной уступами, образовавшими какъ бы природную лѣстницу. Поэтому всходить на него было сравнительно нетрудно, только въ одномъ мѣстѣ уступъ приходился немного въ сторону, такъ что для того, чтобы перебраться съ него на слѣдующій нужно было сдѣлать надъ бездной прыжокъ — положимъ, не широкій, но весьма непріятный для людей слабонервныхъ. Самая верхушка пика образовала какъ бы каменныя ворота: въ ней былъ узкій проходъ, пробитый, вѣроятно, во время оно гор-

нымъ потокомъ. Вотъ эти-то ворота и легко было заложить съ противоположной стороны каменьями и тѣмъ лишить нашихъ гонителей всякой возможности преслѣдовать насъ дальше.

Едва успѣвъ перевести духъ, мы начали наше восхожденіе. Времени терять было нечего: солдаты были уже всего въ тысячѣ ярдовъ отъ насъ. Сначала все шло хорошо: люди помогали другъ другу перетаскивать ноши, причемъ тѣ, которые находились еще внизу, поддерживали и подталкивали тяжести снизу. Всего труднѣе было перетаскивать клыки: они скользили изъ рукъ и сильно насъ задерживали, а солдаты подступали все ближе и ближе. Я остался назади, желая пройти въ спасительныя ворота послѣднимъ. Впереди непріятельскаго отряда бѣжали два великана, вѣроятно, начальники. Когда они были уже на разстояніи трехсотъ ярдовъ отъ насъ, я схватилъ мою дальнобьющую винтовку-двустволку и уложилъ ихъ обоихъ на мѣстѣ. Отрядъ въ смущеніи пріостановился, а мы между тѣмъ продолжали взбираться. Вдругъ бѣдный Гобо какъ-то неловко схватился за клыкъ, который поднимали въ эту минуту именно на самый опасный уступъ, такъ страшно выдававшійся надъ бездной. Клыкъ выскользнулъ у него изъ рукъ, несчастный оборвался и съ громкимъ крикомъ полетѣлъ въ пропасть. Такъ сбылись его опасенія: гибель постигла его во владѣніяхъ Вамбе какъ разъ въ ту минуту, когда онъ готовился ихъ покинуть. Его гибель вѣчно останется у меня на совѣсти: онъ погибъ, спасая именно грузъ слоновой кости, которымъ я такъ дорожилъ.

Ошеломленный тѣмъ, что случилось, я стоялъ неподвижно: въ ушахъ у меня еще раздавался послѣдній отчаянный крикъ погибшаго. Копье, пролетѣвшее отъ меня такъ близко, что я почувствовалъ вѣтеръ отъ него, заставило меня очнуться: непріятель былъ уже совсѣмъ близко. Не теряя времени, я схватилъ мое ружье-митральезу о двѣнадцати зарядахъ и началъ работать. Люди падали, какъ мухи, но разсвирѣпѣвшіе дикари не унимались и подступали все ближе. Наконецъ однако люди мои всѣ взобрались на послѣдній уступъ передъ воротами, и я бросился вслѣдъ за ними, но въ эту минуту нѣсколько дикарей добѣжали до меня, и одинъ изъ нихъ успѣлъ схватить меня за ногу. Въ то же время я почувствовалъ, что кто-то сверху тянетъ меня за руку; я поднялъ глаза и увидѣлъ Маиву, которая явилась мнѣ на по-

мощь и показалась мнѣ въ эту минуту краше всякой благодѣтельной феи. — Тащи меня, тащи, Маива! закричалъ я ей; она схватила меня обѣими руками за руку и начала тащить вверхъ съ замѣчательной силой, но проклятый дикарь тащилъ меня внизъ также изо всѣхъ силъ. Одну минуту я думалъ, что моя спасительница и мой губитель разорвутъ меня пополамъ, — но, къ счастью, я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ есть револьверъ. Выхвативъ его свободной рукой, я выстрѣлилъ въ моего противника — и онъ покатился внизъ. Черезъ минуту я былъ уже на послѣднемъ уступѣ и въ воротахъ. Ни одинъ изъ дикарей не рѣшился преслѣдовать насъ дальше. »Сердце у нихъ ожирѣло«, по мѣстному выраженію, т. е. они струсили и оставили насъ въ покоѣ.

Между тѣмъ люди мои, согласно приказанію, данному имъ раньше Маивой, уже приготовили каменья, чтобы заложить ворота; это было сдѣлано въ нѣсколько минутъ. Обезопасивъ себя отъ преслѣдованій, мы добрались, едва передвигая ноги, до ближайшихъ кустовъ, разбили тамъ стоянку и наконецъ предались отдыху, который заслужили вполнѣ.

Окончаніе будетъ

Экономичееское значеніе уметвеннаго труда

Экономическій этюдъ

Георга Ганзена

Наиболѣе распространенная экономическая система нашего времени установлена Адамомъ Смитомъ и развита его преемниками, въ особенности Рикардо. Однако ни одно изъ существующихъ экономическихъ ученій не можетъ считаться общепринятымъ. Раскрывая любой учебникъ политической экономіи, мы всегда читаемъ только, что А установилъ такое или иное положеніе, В и С одобрили его, D и E отвергли, а F и G усовершенствовали... Вообще судьба ученія А. Смита имѣетъ много общаго съ философіей Канта: каждый профессоръ политической экономіи выкраиваетъ изъ широкой мантіи англичанина домашній костюмъ по своему вкусу и съ гордостью указываетъ на все, что онъ прибавилъ къ нему — на каждую заплату, пуговицу и даже сдѣланную имъ прорѣху.

Общераспространенная теорія сводитъ источники всѣхъ существующихъ доходовъ къ тремъ факторамъ — землѣ, капиталу и работѣ — и, сообразно происхожденію ихъ, даетъ имъ названія земельной ренты, процента съ капитала и заработной платы.

Земельная рента возникаетъ въ силу того обстоятельства, что для пропитанія людей, населяющихъ извѣстную страну, почва различнаго качества должна подвергаться обработкѣ. Самая плохая обрабатываемая почва должна своими продуктами, по меньшей мѣрѣ, возмѣстить приложенный трудъ и процентъ на помѣщенный въ нее капиталъ, такъ какъ иначе ея обработка была бы убыточна. При одинаковой площади и при одинаковой затратѣ капитала и труда, плодородная почва доставитъ болѣе продуктовъ, нежели тощая; для обладателя первой эта разница представитъ собою настоящій даръ природы. Этотъ избытокъ или земельная рента можетъ быть спокойно передалъ

рендаторомъ собственнику земли; при этомъ арендаторъ ока-
ывается въ такомъ же положеніи, какъ собственникъ земли
изшаго качества.

Пока излагаемое ученіе достаточно ясно и точно. Земельная
ента происходитъ отъ различнаго дѣйствія, какое силы при-
оды проявляютъ на почвахъ различнаго качества. Но далѣе,
илы природы, составлявшія до сихъ поръ исходную точку, все
олѣе и болѣе отступаютъ назадъ, и на первый планъ выступаетъ
же только поверхность земли. Такимъ образомъ приходятъ къ
твержденію, что высшая земельная рента приносится землей,
оторая ничего не производитъ, какова земля городскихъ строи-
ельныхъ участковъ. Эту абстракцію Генри Джорджъ ставитъ
о главѣ своего ученія, вполнѣ отдѣляя силы природы отъ
емли, какъ будто вся земная поверхность состоитъ изъ город-
кихъ строительныхъ участковъ.

Земельную ренту Генри Джорджъ понимаетъ такъ, какъ ее
опредѣлялъ Рикардо, и въ этомъ отношеніи не говоритъ ни-
его новаго. Но, переходя къ объясненію процента съ капитала,
онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Справедливо, что,
если я спрячу мои деньги, онѣ отъ того увеличиться не мо-
утъ. Но предположимъ, что я прибралъ куда нибудь не деньги,
вино; къ концу года произойдетъ увеличеніе его цѣнности,
акъ какъ вино улучшится въ качествѣ. Или допустимъ, что я
дѣ либо, въ соотвѣтственной мѣстности, держу пчелъ; къ концу
ода у меня будетъ больше и роевъ, и меду, который они со-
рали. Или же предположимъ, что я пасу на какомъ нибудь
астбищѣ рогатый скотъ, овецъ или свиней; и въ этомъ слу-
аѣ въ концѣ года у меня получится прибыль. То, что въ
тихъ случаяхъ производитъ увеличеніе прежняго, требуетъ,
правда, для своего пользованія извѣстной работы, но здѣсь есть
нѣчто отличное и независимое отъ работы, а именно — дѣя-
ельная сила природы, принципъ роста, воспроизведенія вообще,
арактеризующій всѣ формы того таинственнаго состоянія, ко-
орое мы называемъ жизнью. И это кажется мнѣ источникомъ
роцента, т. е. увеличенія капитала, помимо того, что дается
амъ работой“.

Легко видѣть, къ какой безсмыслицѣ можетъ привести аб-
тракція. Генри Джорджъ исходитъ изъ прибыли, доставляемой
емлею, и видитъ въ ней совершенно вѣрное объясненіе земель-
ой ренты. Но онъ никакъ не можетъ выбросить изъ головы
езплодные городскіе участки и, благодаря тому, пользуется
дѣятельной силой природы“, „принципомъ роста“ для объяс-
енія процента съ капитала. Если ежегодный приростъ лѣса и
ообще все, что производится дѣятельной силой природы, есть
роцентъ на капиталъ, тогда что же остается на долю земель-

ной ренты? Съ другой стороны, если послѣдняя обусловливается прибылью, то что же можетъ быть названо процентомъ съ капитала? Однимъ словомъ, надо признать одно изъ двухъ: или земельная рента и проценты съ капитала — одно и то же, или какой либо изъ этихъ видовъ дохода названнымъ авторомъ объясняется неправильно. Вообще у Генри Джорджа можно встрѣтить немало подобныхъ грубыхъ заблужденій.

Въ дѣйствительности процентъ на капиталъ есть камень преткновенія, о который спотыкались многіе экономисты. Ему даются различныя объясненія, смотря по тому — принимается ли понятіе о капиталѣ въ широкомъ или узкомъ смыслѣ. Обыкновенное опредѣленіе говоритъ: „Капиталъ есть каждый продуктъ, который сберегается для дальнѣйшаго производства". Адамъ Смитъ хотѣлъ, чтобы и умственныя способности человѣка считались капиталомъ. Дѣлая еще одинъ шагъ и признавая, вмѣстѣ съ американцемъ Кэри, что и земля есть капиталъ, мы возвращаемся къ исходной точкѣ и можемъ начать всѣ эти разсужденія сначала.

Къ какимъ бы изворотамъ мы ни прибѣгали, процентъ на капиталъ, какъ первичная отрасль дохода, остается необъясненнымъ. Тѣмъ не менѣе, вмѣсто того чтобы откровенно признаться въ этомъ, по большей части предпочитаютъ обращаться къ самымъ банальнымъ гипотезамъ. Нельзя не скорбѣть за нашу науку, когда въ лучшихъ, самыхъ распространенныхъ руководствамъ, напр. Рошера, все еще встрѣчается забавное объясненіе Сеньора, что процентъ на капиталъ есть „награда за воздержаніе". Почему же другія добродѣтели столь же справедливо не вознаграждаются на землѣ? И если наши биржевики могутъ награду, присваиваемую имъ, вычислять до $^1/_8$ процента, почему бы ихъ не сдѣлать нравственными судьями человѣчества?

Въ такомъ случаѣ какъ несправедливо осуждаютъ добродѣтельный Альбіонъ, обвиняя его въ эгоизмѣ и торгашествѣ! Безъ сомнѣнія, только любовь къ человѣчеству понуждаетъ его навязывать другимъ народамъ добродѣтели, которыми онъ обладаетъ въ избыткѣ; только ради награды за добродѣтель гремятъ пушки его броненосныхъ судовъ; только съ этою цѣлью онъ обращаетъ цвѣтущіе города въ развалины; только для этого его воины преслѣдуютъ мирныхъ дикарей, какъ стада антилопъ. Точно также не слѣдуетъ осуждать и добродѣтельныхъ людей, подстерегающихъ нужду и навязывающихъ свою помощь бѣдняку, требуя отъ него награды за свою добродѣтель. За что же свѣтъ преслѣдуетъ ихъ, клеймитъ названіемъ ростовщиковъ и обращаетъ ихъ въ мучениковъ за добродѣтель?

Повидимому, каждое столѣтіе имѣетъ своего экономическаго идола. Въ XVII вѣкѣ вѣрили въ возможность приготовленія

золота изъ малоцѣнныхъ матеріаловъ; въ XVIII вѣкѣ хотѣли бумагу обращать въ деньги, а въ нашемъ столѣтіи вѣрятъ въ способность капитала къ самоувеличенію. Тотъ, кто запираетъ сто талеровъ въ ящикъ, ожидаетъ съ увѣренностью, что, когда онъ откроетъ его черезъ годъ, онъ найдетъ тамъ 104 или 105 талеровъ. Для того чтобы онъ не обманулся въ своей надеждѣ, постоянно совершаются государственные займы, и возрастаетъ задолженность земли. Только въ самое новѣйшее время медленное, но постоянное уменьшеніе процента нѣсколько поколебало эту вѣру въ свойственную капиталу силу размноженія. Слышатся даже зловѣщіе голоса, предсказывающіе, что процентъ будетъ все болѣе и болѣе падать и со временемъ даже совершенно исчезнетъ.

Какая печальная перспектива! Отъ времени до времени въ газетахъ приходится читать жалобы, что спокойному бюргеру становится все труднѣе находить солидную, приносящую хорошую ренту, процентную бумагу. Дѣйствительно, доброму бюргеру жизнь становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Онъ уже съ тревогой беретъ въ руки газету за своимъ утреннимъ кофе: онъ можетъ найти тамъ извѣстіе, что правительство опять задумало посредствомъ конверсіи понизить процентъ того или другаго займа съ 4½ на 4, нисколько не заботясь о немъ, о бюргерѣ, ежедневно оказывающемъ ему такія большія услуги!

Дѣйствительно, во всѣхъ таблицахъ нравственной статистики, въ которыхъ овцы отдѣляются отъ козлищъ, нашъ бюргеръ находится въ рядахъ первыхъ. Правда, онъ ничего не производитъ: онъ слишкомъ добродушенъ, чтобы эксплуатировать бѣднаго рабочаго; онъ не хочетъ увеличивать конкуренцію, но зато онъ потребитель въ лучшемъ смыслѣ этого слова! Онъ безропотно уплачиваетъ свои подати, не прибѣгая при этомъ къ обману болѣе, чѣмъ другіе; онъ не измѣняетъ своимъ обязанностямъ, когда государство или община призываютъ его къ избирательной урнѣ; однимъ словомъ, онъ образцовый гражданинъ съ головы до ногъ. И чего же онъ требуетъ за это? — ничего, кромѣ спокойной жизни и уваженія, какого онъ достоинъ. Но съ уваженіемъ дѣло обстоитъ невполнѣ благополучно. Правда, его сапожникъ, его мясникъ, его портной являются его покорными слугами, зная, чѣмъ они ему обязаны; но какъ гордо носитъ свою голову офицеръ, какъ притязателенъ становится чиновникъ! А что̀ такое въ сущности эти господа? чѣмъ они живутъ, какъ не деньгами, сберегаемыми добрымъ бюргеромъ? Что̀ бы сталось съ ними, еслибы плательщикамъ податей вздумалось закрыть свои карманы? Такъ думаютъ спокойные бюргеры, такъ говорятъ жаждущіе свободы члены парламента, такъ пишутъ многіе просвѣщенные ученые.

Вѣра въ способность капитала къ размноженію у иныхъ лицъ такъ сильна, настолько выступаетъ для нихъ на первомъ планѣ всякаго политико-экономическаго мышленія, что они пытались даже найти въ ней объясненіе для третьей отрасли дохода, для заработной платы. По ихъ мнѣнію, плата есть ничто иное, какъ процентъ на капиталъ, какого стоилъ отдѣльный рабочій до того мгновенія, когда онъ началъ производить. Такимъ образомъ дѣятельность поденщика, исполняющаго изо дня въ день, отъ ранняго утра до поздняго вечера, самую тяжелую работу, ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности владѣльца процентныхъ бумагъ, который въ концѣ года посвящаетъ четверть часа на отрѣзываніе купоновъ: и тотъ, и другой только получаютъ проценты.

Но это воззрѣніе нельзя считать господствующимъ. Послѣднее говоритъ: подобно тому какъ процентъ есть вознагражденіе за допущеніе пользованія капиталомъ, и высота его опредѣляется спросомъ и предложеніемъ капитала,—заработная плата есть вознагражденіе за допущеніе пользованія рабочей силой, и высота ея точно также опредѣляется спросомъ и предложеніемъ работы. Minimum заработной платы опредѣляется средствами жизни, какія необходимы, чтобы поддержать существованіе рабочаго и его семьи. Эту низшую грань нельзя переступать въ теченіе продолжительнаго времени. Послѣднее положеніе едва ли кто будетъ оспаривать, такъ какъ оно утверждаетъ только, что никто не можетъ въ теченіе продолжительнаго времени довольствоваться средствами, меньшими тѣхъ, какія необходимы для поддержанія его жизни, или, другими словами, никто не можетъ умирать съ голоду въ теченіе продолжительнаго времени.

Съ этими тремя отраслями дохода — земельной рентой, процентомъ съ капитала и заработной платой — преемники Адама Смита впослѣдствіи уже справиться не могли. Положимъ, имъ приходится изслѣдовать какое нибудь промышленное предпріятіе, напр. бумагопрядильное. Фабрикантъ превращаетъ хлопокъ въ пряжу. Въ увеличенной цѣнности пряжи должны содержаться, во-первыхъ, цѣнность переработаннаго сыраго матеріала, хлопка, во-вторыхъ, вознагражденіе за пользованіе машинами, зданіями и проч., въ-третьихъ, плата рабочимъ, въ-четвертыхъ, общепринятый процентъ на капиталъ, вложенный фабрикантомъ на предпріятіе. Но промышленныя предпріятія, кромѣ того, даютъ еще нѣкоторую добавочную прибыль. Этотъ избытокъ надъ общепринятымъ процентомъ называли „прибылью предпринимателя“ и объясняли его, какъ вознагражденіе фабриканта за надзоръ надъ предпріятіемъ. Многіе предприниматели, однако, не занимаются личнымъ присмотромъ надъ нимъ. Тогда ихъ

ль объясняется, какъ вознагражденіе за коммерческое ве-
дѣла. Но и это послѣднее во многихъ предпріятіяхъ, напр.
ціонерныхъ обществахъ, находится въ рукахъ служащихъ.
не менѣе, собственники-акціонеры, часто даже въ глаза
давшіе фабрики, получаютъ въ видѣ дивиденда прибыль,
сходящую общепринятый размѣръ процента. Наконецъ
неніе было найдено: фабрикантъ получаетъ предприним-
ую прибыль, потому что, еслибы онъ ея не получалъ, онъ
е не сдѣлался бы предпринимателемъ. На самомъ дѣлѣ,
какъ несомнѣнно установлено, что его капиталъ обладаетъ
твенной силой увеличиваться безъ всякой работы быстрѣе
едленнѣе, смотря по обычаямъ страны, то, естественно,
добавочная прибыль можетъ понудить его вложить капи-
въ предпріятіе. Еслибы не существовало прибыли пред-
мателя, всѣ фабриканты скоро превратились бы въ вла-
евъ процентныхъ бумагъ.

елая опредѣлить цѣлесообразность какой нибудь искусствен-
истемы, обнимающей разнородные предметы, напр. въ биб-
ѣ, въ архивѣ или въ другой подобной коллекціи, съ изв-
ой руководящей точки зрѣнія, мы скорѣе всего достиг-
желаемаго, если обратимъ вниманіе на отдѣлъ такъ на-
мой „смѣси“: чѣмъ онъ менѣе, тѣмъ система должна быть
ана болѣе цѣлесообразной. Естественная, органическая
ма не должна вообще оставлять никакихъ отбросовъ. И
могутъ существовать переходы, но ни одна особь, ни
предметъ не должны быть совершенно исключены изъ
мы. Между тѣмъ о разсматриваемой нами политико-эконо-
кой системѣ этого никакъ нельзя сказать. При обозрѣніи
телей извѣстной страны приходилось открывать лицъ, не
длежащихъ къ установленнымъ категоріямъ. Тогда рѣшено
установить новую группу, куда должны были войти всѣ,
ѣщавшіеся въ остальные. Такимъ образомъ былъ найденъ
ъ, исходящій отъ „личныхъ услугъ“. Это — ахиллесова
системы, и каждый авторъ учебника политической эконо-
ойдя до этой ахиллесовой пяты, поступаетъ какъ конько-
къ, попадающій на неокрѣпшій ледъ: онъ спѣшитъ скорѣе
съ него. Быстро перечисляется все, что относится сюда,
ится нѣсколько словъ о современной нуждѣ въ прислугѣ,
есообразности книжекъ для прислуги, — и затѣмъ еще
ѣе совершается возвращеніе на крѣпкій ледъ.

ъ сборищѣ, устанавливаемомъ въ данномъ случаѣ полити-
й экономіей, можно найти весьма пестрое и смѣшанное об-
ю: тамъ оказываются и врачи, и дипломаты, и посыльные,
шерки, и судьи, и актеры, и профессора, и адвокаты, и
ля, и литераторы, и домашніе слуги, и т. п. Слѣдуетъ ли

сюда же причислить парикмахеровъ и трубочистовъ — современные экономисты не сходятся во мнѣніяхъ *).

Чѣмъ бы кто ни работалъ — головой, руками, ногами — это не имѣетъ значенія: основываетъ ли онъ государство или мететъ улицу — онъ одинаково оказываетъ только личныя услуги. Всегда находится и лицо, которому онъ служитъ, хотя бы даже это была юстиція или республика.

Такова сущность системы, управляющей въ настоящее время міромъ. Быть можетъ, ее слѣдуетъ допустить, какъ гипотезу, достаточную для объясненія фактовъ, и возможно придерживаться ея до тѣхъ поръ, пока будутъ открыты истинныя причины явленій? Ни въ какомъ случаѣ. Въ области государственной жизни должна существовать полная, безусловная истина; пусть лучше она останется безъ всякаго объясненія, чѣмъ при объясненіи завѣдомо невѣрномъ. Физикъ или химикъ можетъ довольствоваться временными гипотезами, если онѣ для него удовлетворительно объясняютъ явленія природы. Пусть для него молекулы вращаются, а эѳиръ колеблется: отъ этихъ воззрѣній ничего не измѣняется въ природѣ. Она управляется вѣчными законами, и солнечный свѣтъ остается однимъ и тѣмъ же — признаетъ ли его человѣкъ истекающимъ въ видѣ лучей или приливающимъ въ видѣ волнъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ политикѣ. Здѣсь судьба людей опредѣляется людьми, и государственный человѣкъ невсегда можетъ найти въ себѣ достаточно мужества, чтобы вовсе не заботиться о существующихъ экономическихъ доктринахъ. Я полагаю, меня нельзя будетъ упрекнуть въ преувеличеніи, если я скажу, что система, кодифицированная Адамомъ Смитомъ въ его сочиненіяхъ, ведетъ англійское крестьянское сословіе къ уничтоженію, превращаетъ свободныхъ людей въ господъ и рабовъ и, вмѣсто людей счастливыхъ и зажиточныхъ, создаетъ народъ, состоящій изъ богачей и нищихъ.

Если я могу это себѣ позволить послѣ моего вступленія, я приглашаю читателя обозрѣть вмѣстѣ со мною различныя хозяйства, какія можно найти въ настоящее время. Вступимъ сперва въ такую страну, которой еще не коснулась современная культура. Тамъ въ обширныхъ лѣсахъ живутъ медвѣди и волки и оспариваютъ добычу у небольшихъ бродячихъ человѣческихъ группъ, не имѣющихъ прочныхъ жилищъ. Тамъ, какъ учитъ господствующая теорія, рабочій еще можетъ пользоваться полнымъ вознагражденіемъ за свой трудъ, такъ какъ ему не приходится дѣлиться ни съ собственникомъ земли, ни съ капи-

*) G. Schönberg: Handbuch der Politischen Ökonomie. Band 1, S. 1194, Anm. 2.

омъ. Присмотримся нѣсколько ближе къ его работѣ. Охот-
идетъ въ лѣсъ. Вскорѣ на него выбѣгаетъ олень, и охот-
убиваетъ его своимъ копьемъ; можно ли считать этого
наградой за его трудъ? Вѣдь олень существовалъ прежде,
охотникъ его убилъ, и обладалъ своей цѣнностью, къ ко-
дѣятельность охотника ничего не прибавила. Далѣе: че-
ь рубитъ дерево для своей надобности; можетъ ли это де-
ситаться платой за его трудъ? И оно существовало раньше
й своей цѣнности, къ которой дѣятельность человѣка ни-
е прибавила; напротивъ, срубленное дерево уже пере-
расти, и цѣнность его болѣе не увеличивается. Оче-
здѣсь нельзя говорить о производствѣ, о работѣ, создаю-
ѣнность. Человѣкъ просто присваиваетъ себѣ произведе-
ироды, онъ просто потребляетъ, между тѣмъ какъ со-
извѣстныя цѣнности сама природа, благодаря присущимъ
амъ. Завладѣніе не есть работа въ экономическомъ смыслѣ
также какъ приготовленіе убитой дичи или употребленіе
пищу. Напряженіе, съ которымъ человѣкъ присваиваетъ
ары природы, въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія. Без-
но — сорветъ ли онъ мимоходомъ грушу съ дерева и
ее, или, странствуя въ пустынѣ, исцарапаетъ себѣ руки
ови, выкапывая корень, чтобы утолить свой голодъ. Груши
ни одинаково существовали раньше во всей своей цѣн-
Эту цѣнность создаетъ не человѣкъ, а творческая сила
ы, производящая названные продукты. Человѣкъ можетъ
и руководить силами природы, можетъ понуждать ихъ
живаться въ такомъ направленіи, какое для него наибо-
олезно. Когда хищныя животныя сильно увеличиваются
ленности, охотникъ начинаетъ противъ нихъ истреби-
ю войну. Слѣдствіемъ будетъ увеличеніе дичи. Тѣмъ не
нельзя сказать, чтобы увеличеніе дичи могло считаться
раженіемъ за работу охотника: онъ ничего не произ-
напротивъ, онъ уничтожалъ жизнь, убивая хищныхъ жи-
къ. Производила, создавала цѣнности только творческая
природы.

же можно сказать и о лѣсномъ, и о полевомъ хозяйствѣ.
кто желаетъ развести сосны въ своемъ лѣсу, долженъ
ить дубы и буки. Если впослѣдствіи сосновый лѣсъ дастъ
льше матеріала, чѣмъ дубовый, увеличеніе прибыли бу-
роизведено не его работой, а творческой силой природы,
я въ соснѣ выражается иначе, чѣмъ въ дубѣ. И если
ѣлецъ желаетъ получить извѣстное растеніе, напр., пше-
то дѣятельность его будетъ состоять въ томъ, чтобы,
ствомъ вспахиванія и боронованія, истребить на извѣст-
полѣ всѣ другія растенія, для того чтобы живая сила при-

роды могла быть примѣнена безраздѣльно къ произведен
пшеницы.

Тамъ, гдѣ силы природы управляютъ свободно, въ борь
за существованіе проявляется право сильнаго. И человѣкъ
низшихъ ступеняхъ своей культуры подчиненъ этому зако
Онъ борется въ то время съ медвѣдями и волками за добы
и невсегда выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Но е
разумъ, поднимающій его такъ высоко надъ всѣми другими
ществами, восполняетъ недостатокъ его физическихъ силъ. О
изобрѣтаетъ оружія и орудія, выводящія его изъ предѣло
окружающей природы, противоставляющіе его всѣмъ други
существамъ. Въ борьбѣ за существованіе вопросъ рѣшается у
не правомъ сильнаго, а той пользой, какую тотъ или друг
родъ животныхъ доставляетъ человѣку. Для тѣхъ животныхъ
растеній, за которыя вступается человѣкъ, побѣда обезпече
Немилосердно преслѣдуетъ онъ то, что̀ ему вредно, и съ л
бовью заботится о томъ, что̀ служитъ къ удовлетворенію е
потребностей. Такъ онъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ прир
дой, понуждая ея творческія силы къ произведенію полезны
для него цѣнностей. На самомъ дѣлѣ, и на высшихъ ступ
няхъ культуры земледѣлецъ остается только руководителе
силъ природы. Опасная борьба съ дикими животными превр
щается въ борьбу лѣсничаго съ гусеницами и личинками вре
ныхъ насѣкомыхъ и въ борьбу земледѣльца съ вредными гр
зунами. Работа человѣка не создаетъ никакихъ цѣнносте
Безъ творческой силы природы онъ не можетъ произвести н
одного пшеничнаго зерна, не можетъ удлинить ни на одн
дюймъ стебель злака.

Далѣе уже начинается раздѣленіе труда, со всѣми его бл
годѣтельными послѣдствіями, которыя такъ прекрасно изобр
жены Адамомъ Смитомъ. До того времени каждый кресть
нинъ былъ своимъ собственнымъ сапожникомъ, кузнецомъ, пор
нымъ и т. д. Теперь въ деревнѣ поселяются ремесленники-
кузнецъ, колесникъ, сапожникъ, портной, пекарь. Съ внѣшн
стороны между ними и крестьяниномъ не замѣчается почти н
какой разницы. Всѣ они работаютъ цѣлый день въ потѣ лиц
одинъ пашетъ, другой куетъ, третій шьетъ, четвертый стр
гаетъ и т. д. Они въ одно и то же время прекращаютъ рабо
и ведутъ одинаковый образъ жизни; но съ той минуты, ког
вечеромъ пекарь оставляетъ свою квашню, кузнецъ гасить с
горнъ, сапожникъ откладываетъ въ сторону свое шило, а пор
ной — свою иглу, работа ихъ совсѣмъ останавливается, и
они опять не примутся за нее на слѣдующее утро, не произ
дитъ уже болѣе никакого производства, не образуется никак
цѣнностей. Въ полевомъ хозяйствѣ, напротивъ того, силы,

ающія цѣнности, никогда не перестаютъ дѣйствовать: сѣмена сходятъ, и трава продолжаетъ расти, утромъ крестьянинъ, ыть можетъ, находитъ въ своемъ хлѣвѣ нѣсколькими ягнятами болѣе, чѣмъ наканунѣ вечеромъ, корова даетъ молоко въ онцѣ тяжелаго рабочаго дня также, какъ и послѣ ночнаго поя. и освѣжающій дождь, выпавшій ночью, оказываетъ для поѣвовъ болѣе полезное дѣйствіе, чѣмъ самая напряженная работа.

Постараемся яснѣе обозначить это различіе. Крестьянинъ езетъ въ городъ свою пшеницу, и вмѣстѣ съ нимъ сапожникъ детъ туда же продавать свои сапоги. Торговецъ, къ которому бращается крестьянинъ, прежде всего взвѣшиваетъ извѣстное оличество хлѣба. Можетъ ли показать эта проба, насколько рестьянинъ прилежно пахалъ и бороновалъ? Конечно, нѣтъ. Торговецъ заключаетъ изъ вѣса пробы — насколько земля была лодородна, и насколько погода благопріятствовала росту и сорѣванію растеній. Онъ смотритъ — насколько зерно полно или морщено — и даже раскусываетъ его зубами. И въ этомъ случаѣ онъ интересуется не самой работой, а хочетъ узнать, дозела ли солнечная теплота пшеницу до полной и своевременной зрѣлости. Наконецъ онъ даже нюхаетъ хлѣбъ. Запахъ его ужденъ ему не для того, чтобы судить о количествѣ труда земевладѣльца, а о томъ — хорошо ли убрана пшеница, свозили и ее съ поля въ ясную или въ сырую погоду. Чѣмъ хуже ыла погода во время жатвы, чѣмъ чаще крестьянинъ долженъ ылъ переворачивать и перетряхать снопы, или чѣмъ *больше* ыла его работа, тѣмъ *меньше* будетъ цѣнность его продукта. На самомъ дѣлѣ доходъ землевладѣльца опредѣляется не его аботой, а живыми силами природы, находящимися въ его расоряженіи, служащими ему, работающими за него.

Взаимныя отношенія сапожника и торговца, покупающаго го издѣлія, представляются въ иномъ видѣ. Торговецъ прежде сего убѣждается въ достоинствѣ матеріала. Но это мало занимаетъ сапожника. Если онъ купилъ хорошій, т. е. дорогой, атеріалъ, онъ и получаетъ за него соотвѣтственную плату. атѣмъ торговецъ переходитъ къ опредѣленію достоинства работы. Онъ смотритъ — насколько крѣпки швы, насколько правильны проколы, насколько красива форма сапога. Именно это занимаетъ сапожника, такъ какъ отъ результата этого испыанія зависитъ цѣна сапогъ, плата за его работу. Ему не помогаютъ никакія творческія силы природы, у него ничего нѣтъ, кромѣ искусства своихъ рукъ, и его доходъ опредѣляется количествомъ и добротой работы, какую онъ въ данное время можетъ приложить къ сырому матеріалу.

Раздѣленіе труда вноситъ въ человѣческое хозяйство новый

моментъ. Можно сказать, что работа и начинается почти
того времени. Такъ какъ ремесленникъ уже исключительно
нимается изготовленіемъ опредѣленнаго предмета, онъ при
рѣтаетъ въ своемъ дѣлѣ значительную ловкость. Онъ може
въ болѣе короткое время приложить къ сырому матеріалу то
количество работы и притомъ высшаго качества, чѣмъ прежд
это могъ сдѣлать крестьянинъ. Вслѣдствіе того послѣдне
становится выгоднѣе не приготовлять уже для себя различн
предметы, а покупать ихъ у ремесленника, т. е. отдавать час
получаемыхъ имъ даровъ природы за работу сапожника, к
неца и т. д. При этомъ у крестьянина освобождается рабоч
время, и онъ можетъ употребить его для болѣе цѣлесообразны
руководства находящихся въ его распоряженіи силъ природ
Теперь уже и для него начинается работа. Онъ производи
уже не только для себя, но и долженъ принимать во внима
потребности и желанія другихъ. Прежде, при управленіи с
лами природы, его занимала только потребительная цѣнност
а теперь его интересуетъ и мѣновая цѣнность его продуктов
Онъ старается такъ руководить творческими силами природ
чтобы избытокъ полученнаго имъ, ненужный для его собстве
наго потребленія, могъ пойти въ обмѣнъ на возможно бол
шее количество чужой работы, т. е. чтобы онъ могъ прода
его какъ можно дороже. На самомъ дѣлѣ деньги имѣютъ толь
значеніе посредниковъ обмѣна. Человѣческое хозяйство пох
дитъ на лабиринтъ, въ извилистыхъ ходахъ котораго повсю
разсѣяны самые разнообразные продукты. Иногда двѣ цѣнн
вещи отдѣлены одна отъ другой лишь весьма тонкой перег
родкой. Но для того, чтобы попасть отъ одной къ друго
нужно пройти черезъ центръ сада. И въ этомъ центрѣ,
которомъ сходятся всѣ ходы, откуда исходятъ всѣ дороги, л
жатъ деньги.

Однако, несмотря на измѣненіе, которое раздѣленіе труда вн
ситъ въ хозяйство, между земледѣльцемъ и ремесленнико
всетаки существуетъ еще большое различіе. Для ремесленни
весь его доходъ заключается въ продуктѣ его работы, меж
тѣмъ какъ для земледѣльца всетаки продолжаютъ работа
творческія силы природы, и даже самое искусное руководст
ими можетъ прибавить только немного. На этомъ пунктѣ
должны остановиться нѣсколько дольше.

Чужой человѣкъ приходитъ въ нашу деревню. Онъ зан
маетъ никому непринадлежащее болото и, осушивъ его, в
страиваетъ на немъ новый крестьянскій дворъ. Пострадал
ли оттого интересы его сосѣдей? Нимало. Пришлецъ са
удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, а избытокъ обращае
на пользу ремесленниковъ, пріобрѣтая ихъ работу. То же

будетъ, если сапожникъ, вставши утромъ, замѣтитъ на сосѣднемъ домѣ вывѣску новаго сапожника? будетъ ли это столь же безразлично для него? Конечно, нѣтъ. Вновь прибывшій сапожникъ, котораго мы назовемъ Петромъ, не имѣетъ ничего, кромѣ своей рабочей силы. Онъ поселился въ деревнѣ, надѣясь найти тамъ удовлетвореніе своихъ жизненныхъ потребностей въ обмѣнѣ на свою работу. До того времени всѣ продукты, которые крестьяне обращали на пріобрѣтеніе сапожныхъ издѣлій, доставались старому сапожнику, котораго мы будемъ называть Клаусомъ. Удастся ли ему теперь понудить и на будущее время своихъ односельцевъ покупать его издѣлія, а не издѣлія сапожника Петра? Клаусъ — трудолюбивый человѣкъ, но онъ никогда не выѣзжалъ изъ своей деревни. Онъ выучился своему мастерству отъ отца, онъ шьетъ оба сапога на одну колодку и умѣетъ изготовлять только тяжелые крестьянскіе сапоги и некрасивые сапоги для женщинъ. Петръ, напротивъ, учился у хорошаго мастера въ городѣ; затѣмъ онъ побывалъ въ разныхъ городахъ; въ своемъ ремеслѣ онъ можетъ назваться вполнѣ опытнымъ человѣкомъ. Онъ умѣетъ дѣлать всевозможную обувь — для молодыхъ и старыхъ, для взрослыхъ и малолѣтнихъ. Онъ человѣкъ съ извѣстнымъ образованіемъ, умѣющій обходиться съ людьми. Такъ, напр., онъ вскорѣ замѣчаетъ, что молодымъ крестьянскимъ дѣвушкамъ башмаки нравятся только тогда, когда они немножко жмутъ, а ихъ матерямъ, наоборотъ, можно угодить тогда, когда въ башмакъ можетъ помѣститься нѣкоторое количество сѣна.

Одинъ закащикъ за другимъ измѣняютъ сапожнику Клаусу. Примѣръ показываютъ женщины, но вскорѣ и мужчины начинаютъ отдавать предпочтеніе болѣе удобнымъ сапогамъ Петра. Вскорѣ вся деревня начинаетъ заказывать обувь у него, и слава объ его искусствѣ привлекаетъ закащиковъ и изъ другихъ деревень. Онъ уже работаетъ не одинъ: онъ беретъ нѣсколько учениковъ, а затѣмъ у него появляются и подмастерья. Его личная дѣятельность скоро ограничивается сниманіемъ мѣрки, кройкой, общимъ веденіемъ дѣла. Онъ уже выѣзжаетъ на ярмарки и конкурируетъ съ городскими сапожниками. Сапожникъ Петръ находится на пути къ обогащенію, и его доходъ уже превосходитъ доходы многихъ крестьянъ. Напротивъ, въ домѣ сапожника Клауса водворилась бѣдность, между тѣмъ какъ недавно здѣсь господствовало полное благосостояніе.

Въ чемъ же заключается причина такого превращенія? Классическій экономистъ, вѣроятно, сталъ бы поучать насъ, что причина лежитъ въ томъ, что сапожникъ Петръ потреблялъ не всю прибыль своей работы, а частью ея пользовался производительно, обращая ее на увеличеніе своего дѣла. Вскорѣ

онъ начинаетъ производить уже не одинъ: рядомъ съ его работой идетъ и работа капитала. И такъ какъ онъ прибыль послѣдняго опять обращаетъ въ капиталъ, дѣлая его производительнымъ, прибыль его личной работы является только процентомъ его дохода. Въ сущности послѣдній состоитъ изъ прибыли на капиталъ, изъ процента; если послѣдній доставляетъ выгоду сапожнику Петру, то это какъ нельзя болѣе справедливо: это — вознагражденіе за его воздержность.

Но сапожникъ Петръ вовсе не отличается воздержаніемъ. Напротивъ, у него есть наклонность хорошо пожить, и онъ умѣетъ это дѣлать. А сапожникъ Клаусъ зябнетъ и голодаетъ въ своей опустѣлой мастерской.

Повидимому, скажетъ намъ экономистъ-классикъ, они не знаютъ, что понятіе о воздержаніи заключаетъ добровольный отказъ отъ наслажденій. Еслибы у сапожника Клауса были хлѣбъ и дрова, онъ бы потреблялъ ихъ и тогда не былъ бы воздержанъ. Напротивъ того, богатый человѣкъ, который лакомится паштетами, всетаки выказываетъ добродѣтель воздержанія, такъ какъ средства позволяютъ ему выкинуть нѣсколько паштетовъ за окно.

Какая безсмыслица! прерываетъ разговоръ послѣдователь Маркса. Самая изящная обувь сапожника Петра не скроетъ отъ меня истины. Развѣ вы не сказали, что онъ работаетъ съ нѣсколькими подмастерьями и учениками? развѣ вы не говорили сами, что плата рабочему опредѣляется количествомъ и качествомъ работы, которую онъ можетъ примѣнить къ сырому матеріалу? кому же, слѣдовательно, принадлежитъ разница между цѣною кожи и цѣною сапога?— хозяину, который ничего не сдѣлалъ, или подмастерью, который сдѣлалъ все? Сапожникъ Петръ извлекъ свой доходъ изъ того, что онъ оплатилъ работу ниже ея цѣнности, заставилъ своихъ мастеровъ сдѣлать больше, чѣмъ они были обязаны. Ему принадлежала только плата за работу, какую онъ исполнилъ самъ, и, какъ скоро онъ пересталъ работать, ему по праву слѣдовало вновь голодать. Доходъ его исходитъ отъ эксплуатаціи и хищничества.

Упрекъ, высказываемый сапожнику Петру, весьма тяжелъ. Допустимъ, что онъ основателенъ. Обладая въ данномъ случаѣ безграничной властью, накажемъ его такъ, чтобы онъ все потерялъ и, съ женою и дѣтьми, перебрался въ домъ сапожника Клауса. А этого послѣдняго, не въ награду за воздержаніе, а въ возмѣщеніе его лишеній, перенесемъ въ теплое гнѣздо, покинутое Петромъ.

Мы знаемъ Клауса за трудолюбиваго человѣка, которому работа доставляетъ удовольствіе. Онъ тотчасъ же садится за дѣло и начинаетъ весело тачать сапоги. Около него постуки-

аютъ и шьютъ его подмастерья и ученики. Но Клаусъ умѣ-
тъ дѣлать только неуклюжіе сапоги. Крестьянинъ, заказавшій
апоги, сомнительно покачиваетъ головой, когда получаетъ ихъ.
Іодмастерья пріучены Петромъ работать только по его указа-
іямъ. Они и теперь обращаются къ Клаусу за совѣтомъ, но тотъ
е можетъ имъ дать его. Поэтому они исполняютъ работу по
воему собственному усмотрѣнію и желанію. Петръ принималъ
ного заказовъ, но такъ искусно умѣлъ распредѣлять работу, что
въ самое горячее время успѣвалъ угодить каждому закащику.
Клаусъ, наоборотъ, не имѣетъ понятія о томъ, какъ надо вести
ольшое дѣло. Вскорѣ закащики начинаютъ выражать неудо-
ольствіе. Нѣкоторые пытаются обратиться къ другому сапож-
нику, къ Петру; они вполнѣ удовлетворены имъ, и другіе слѣ-
уютъ ихъ примѣру. У Клауса дѣло начинаетъ клониться къ
падку. Посторонніе работники, которые должны были упро-
ить его богатство, ускоряютъ только его разореніе. Онъ от-
ускаетъ одного мастера, и тотъ находитъ занятіе у Петра,
мѣющаго достаточно дѣла для него. За нимъ уходятъ второй,
ретій, и проходитъ немного времени, пока дѣло Петра прини-
аетъ прежній оборотъ, а у дверей Клауса опять стучится жесто-
ая нужда. Впрочемъ, нѣтъ, это не нужда, это — сапожникъ
Петръ. Онъ входитъ и говоритъ: „Сосѣдъ, я знаю, что ваши дѣла
лохи, и знаю также, что вы меня обвиняете въ вашей бѣдѣ.
то несправедливо: я никогда не отговаривалъ ни одного за-
ащика, который хотѣлъ обратиться къ вамъ. Люди идутъ ко
нѣ въ лавку, потому что у меня лучше работа, потому что я
учше ее умѣю дѣлать. А, впрочемъ, я не затѣмъ пришелъ,
тобы васъ упрекать, а затѣмъ, чтобы сдѣлать вамъ предложе-
іе. Вы — трудолюбивый человѣкъ, у котораго работа спорится
ъ рукахъ. Идите работать ко мнѣ. Богатства я вамъ обѣщать
е могу, но когда я буду руководить вашей работой, вы будете
олучать за нее достаточно, чтобы поддержать себя и свою
емью. Во всякомъ случаѣ вамъ будетъ лучше, чѣмъ теперь".

Что именно заставляетъ такъ поступать Петра — благород-
тво или состраданіе къ побѣжденному сопернику? Нѣтъ, онъ
оворилъ только настоящую правду: ему нуженъ работникъ, и
нъ убѣжденъ, что его предложеніе доставитъ ему выгоду.

Спросимъ далѣе, почему капиталъ не выказывалъ болѣе
воей чудодѣйственной силы, когда онъ попалъ въ руки са-
ожника Клауса, и почему неудалось послѣднему обогатиться
ъ помощью чужой работы, которая находилась въ его распо-
яженіи? Послѣдователь Маркса возразитъ, что Клаусъ не
ъумѣлъ выжать изъ работника избытокъ работы. Однако мы
наемъ, что Клаусъ голодалъ въ своей мастерской, и даже го-
одъ не могъ выжать изъ него самого работы. Поступивъ въ

услуженіе къ другому, онъ, напротивъ, работаетъ не только для себя и для своихъ близкихъ, но добровольно отдаетъ избытокъ своей работы хозяину.

Вѣроятно, читатель давно уже отвѣтилъ себѣ самъ на всѣ эти вопросы. Отвѣтъ его таковъ: преимущество сапожника Петра надъ Клаусомъ заключается въ его бо́льшемъ умѣньѣ и бо́льшей понятливости. Такъ называемый производительный капиталъ оказался въ рукахъ сапожника Клауса мертвой массой непроизводительнаго добра, и работа его мастеровъ не могла даже содержать ихъ самихъ, не говоря уже о хозяинѣ и близкихъ ему людяхъ. Только тогда, когда все это добро подверглось дѣйствію разума сапожника Петра, оно пріобрѣло цѣнность; только тогда, когда его разумное руководство соединилось съ работой сапожника Клауса, эта послѣдняя получила торговое значеніе. Петръ не выжимаетъ изъ сапожника Клауса избытокъ работы, онъ прибавляетъ цѣнность къ его работѣ съ помощью своего разума.

Въ чемъ обстоятельства измѣнились бы, еслибы Клаусъ и Петръ были не сапожниками, а крестьянами-собственниками? Было ли бы превосходство разума Петра и въ этомъ случаѣ столь же гибельно для Клауса? Едва ли: то же солнце, какое освѣщаетъ ниву Петра, тотъ же дождь, какой орошаетъ ее, производили бы такое же дѣйствіе и на ниву крестьянина Клауса. Даже при самой разумной работѣ Петръ едва ли бы могъ снимать 120 тоннъ пшеницы съ такого же пространства, съ какого Клаусъ получаетъ 100 тоннъ. Нѣсколько большей бережливости со стороны Клауса, нѣсколько бо́льшей хозяйственности со стороны его жены было бы достаточно, чтобы сгладить эту разницу.

Мы переходимъ теперь къ обобщеніямъ и къ характернымъ признакамъ занимающаго насъ предмета.

Какъ мы видѣли, первымъ источникомъ дохода служитъ прибыль, приносимая землей. Величина ея зависитъ отъ количества и напряженности творческихъ силъ природы, находящихся въ распоряженіи отдѣльнаго лица, и болѣе всего — отъ плодородія почвы и благопріятнаго климата. Человѣческая работа здѣсь можетъ измѣнить только немногое. Однако процентъ, вносимый работой, возрастаетъ вмѣстѣ съ интенсивностью хозяйства.

Этотъ пунктъ имѣетъ весьма важное значеніе: въ немъ заключается ядро такъ наз. аграрнаго вопроса. Чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе человѣческая работа оказываетъ вліяніе на силы природы. Въ видѣ поясненія представимъ себѣ молодаго человѣка, который получилъ въ наслѣдство отъ отца 100.000 марокъ наличными деньгами. Такъ какъ въ его странѣ процентныя бумаги приносятъ 4%, то онъ могъ бы получать

ежегодный доходъ въ 4.000 марокъ и вести вполнѣ безбѣдное существованіе, не ударивъ пальца о палецъ. Но онъ изучалъ сельское хозяйство и не хочетъ оставаться празднымъ. Для того, чтобы сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ, ему предстоятъ три пути. Прежде всего, онъ можетъ на свои 100.000 марокъ купить ферму, свободную отъ долговъ. Такъ какъ при нынѣшнихъ цѣнахъ на землю вложенный въ нее капиталъ даетъ не болѣе 3%, то нашъ землевладѣлецъ при нормальномъ хозяйствѣ будетъ получать ежегодный доходъ въ 3.000 марокъ. Менѣе удачное хозяйство можетъ понизить доходъ до 2.000 марокъ, наиболѣе удачное — повыситъ его до 4.000 марокъ. Однако во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ одинаково не долженъ складывать рукъ, не долженъ довѣрять дѣла чужому присмотру, а долженъ непосредственно вести его самъ. Главное условіе его успѣха — трудолюбіе и бережливость.

Или онъ могъ бы купить болѣе обширное помѣстье въ 300.000 марокъ. 100.000 марокъ онъ уплатитъ, а 200.000 возьметъ подъ залогъ, за что будетъ платить по 4% въ годъ. Такое имѣніе при среднемъ хозяйствѣ даетъ доходъ въ 9.000 марокъ. За уплатою процентной суммы въ 8.000 марокъ владѣльцу останется только 1.000 марокъ. Дурное хозяйство можетъ дать дефицитъ въ 2.000 марокъ и даже еще болѣе. Напротивъ, очень искусное веденіе дѣла можетъ повысить доходъ до 13.000 марокъ, такъ что чистый доходъ владѣльца будетъ въ 5.000 марокъ. Здѣсь уже недостаточно трудолюбія и бережливости; выдающееся знаніе и умѣніе получаютъ здѣсь большое примѣненіе, и просвѣщенный трудъ можетъ быть приложенъ къ бо́льшему количеству произведеній природы.

Можетъ быть еще случай, что нашъ сельскій хозяинъ, вмѣсто того чтобы покупать землю, возьметъ въ аренду большое имѣніе. Тогда онъ долженъ будетъ оплатить землевладѣльцу весь средній доходъ, т. е. все, что доставляется живыми силами природы при нормальномъ хозяйствѣ. Предположимъ, что арендная сумма будетъ равняться 30.000 марокъ. Такимъ образомъ, если онъ — хозяинъ средней руки, даже и при величайшемъ трудолюбіи и крайней бережливости ему нельзя разсчитывать на доходъ свыше арендной платы. Если онъ — плохой хозяинъ, то, быть можетъ, уже на третій годъ онъ не въ состояніи будетъ выплачивать аренды. Если же онъ, напротивъ, обладаетъ выдающимися хозяйственными способностями, онъ можетъ довести свой доходъ до 10.000 марокъ въ годъ и даже больше. Выгодное веденіе хозяйства при крупной арендѣ — весьма трудная задача; бережливости и трудолюбія здѣсь уже вовсе недостаточно. Даже основательныя сельскохозяйственныя познанія мало помогаютъ, если они не соединены съ

ора былъ бы равенъ нулю. Различіе здѣсь заключается
въ томъ, что творческія силы природы работаютъ для
ника, но не для арендатора. Доходъ можно сравнить
ующимся моремъ, въ которомъ вздымающіяся волны
ъ человѣческую работу. Доходъ крестьянина образуетъ
ольшую площадь, но подъ ней находится безконечная
всегда спокойной воды; по отношенію къ ней наруж-
ны будутъ лишь легкою зыбью. Напротивъ, у аренда-
окойная водная поверхность принадлежитъ собственнику
а этой болѣе обширной площади высоко громоздятся
но также глубоко зіяетъ между ними пропасть.
е же дѣйствіе оказываютъ долги и крупныя затраты:
ываютъ доходъ собственника въ низшей, спокойной части;
урожаяхъ они могутъ поглощать даже всю прибыль.
небольшой части, въ родѣ средневѣковаго десятичнаго
олько до извѣстной степени урѣзываетъ доходъ; она и
іе годы доставляетъ крестьянину извѣстную долю уча-
добровольныхъ дарахъ природы.
амомъ дѣлѣ, характерное свойство земельнаго дохода
остается однимъ и тѣмъ же: онъ весь или въ главной
асти зависитъ отъ творческихъ силъ природы, къ кото-
абота человѣка можетъ прибавить только немногое. По-
рендаторъ существенно отличается отъ собственника
Крестьянинъ будетъ къ нему тѣмъ ближе, чѣмъ болѣе
долгами и расходами онъ урѣзываетъ вѣрную часть
дохода, т. е. добровольные дары природы. Вслѣдствіе
ри сельскохозяйственныхъ кризисахъ мелкіе земельные
ники страдаютъ всего менѣе: незначительное стѣсненіе
егда помогаетъ имъ свести концы съ концами. Гораздо
положеніе крестьянина-собственника средняго достатка,
ъ имѣетъ долги; одной бережливости для него мало, и
ходитъ изъ кризисовъ всегда съ еще бо́льшею задолжен-
Но всего больше страдаютъ при этомъ арендаторы:
изъ нихъ совершенно разоряются.

Окончаніе будетъ

„БОРЬБА ЗА РАВНОПРАВНОСТЬ"

РАЗСКАЗЪ

ГАСТОНА БЕРЖЕРЕ

Окончаніе

Какимъ-то образомъ случилось такъ, что вмѣсто ленькаго домика пришлось нанять большую усадьбу, можно было свободно принимать гостей, и что къ ко лѣта истрачены были и карманныя деньги Людвига, и сбереженія, несмотря на то, что Маргарита сдѣлала с однимъ платьемъ меньше и цѣлое лѣто носила простень шляпу въ три франка.

При видѣ такихъ плачевныхъ результатовъ Людв объявилъ, что нужно произвести коренныя реформы. Т какъ наемъ дачи признанъ — и теперь уже обѣими сто нами — безусловно необходимымъ, то слѣдуетъ значител сократить всѣ расходы вообще, а нѣкоторыя рубрики всѣмъ уничтожить.

Чтобы выполнить эту задачу, пришлось просмотрѣть счеты за текущій годъ.

Маргарита принесла свои счетныя книги, книги были всевозможныхъ величинъ и цвѣтовъ; сначала ши лая серія ихъ въ четвертую долю листа, въ реплетахъ, съ красными корешками, съ золотымъ обр и въ футлярахъ съ секретнымъ замкомъ; потомъ толстая зеленая книга съ мѣдными застежками и углами были очень длинныя, но узкія книги, были, наоборотъ роткія, но широкія; подъ конецъ явились маленькая ная книжка и объемистая нарядная папка со отдѣленій для вкладыванія счетовъ; но почти всѣ

просто свалены въ огромную безпорядочную кучку.
рита принесла также японскій ящичекъ, въ которомъ
и банковые билеты, серебряныя деньги, фотографиче-
карточки, золото, засушенные цвѣты, волосы Бебе, фла-
съ духами и письма Людвига. Супруги усѣлись и при-
ь за провѣрку счетовъ.
етныя книги Маргариты были отлично составлены:
ыли тщательно разграфлены, и надъ каждой графой
отпечатанъ заголовокъ, поясняющій, для какихъ рас-
, она предназначается. Тутъ были перечислены все-
кные расходы, даже такіе, которые безъ помощи счет-
ниги, пожалуй, и въ голову никому не пришли бы.
къ какъ, несмотря на самый тщательный перечень из-
ъ, что нибудь всетаки могло быть упущено изъ ви-
оставлена была цѣлая графа »разныхъ расходовъ«.
рафа, къ несчастью, оказалась наиболѣе заполненной.
рваго взгляда могло даже показаться, что всѣ деньги,
ныя на хозяйство, ушли на »разные расходы«.
иси въ другихъ графахъ попадались сравнительно
и сопровождались, по бо̀льшей части, глупѣйшими
чаніями въ родѣ:
ьье«. Дюжина чепчиковъ для моего амурчика Бебе!
кипажъ«. Визитъ Шарлоттѣ. Теперь надолго отдѣла-

Итогъ«. Людвигъ, я тебя обожаю!
ишлось многое перечеркнуть, передѣлать всѣ частные
чтобы добиться наконецъ общаго. При сравненіи при-
ъ расходомъ выходило, что долженъ быть остатокъ въ
ранковъ. Въ ящикѣ лежало цѣлыхъ 2.800.
кой излишекъ невольно возбуждалъ недовѣріе. Дѣй-
льно, не пришлось долго искать, чтобы замѣтить ис-
еніе купоновъ, предназначенныхъ для будущаго года.
зательно они не должны были идти въ счетъ, а за вы-
ихъ въ кассѣ оказывался дефицитъ, отвратитель-
ефицитъ, всегда являющійся предвѣстникомъ кризиса.
ачала Маргарита недоумѣвала, куда у нея исчезло
о денегъ; но потомъ она вспомнила, что отложила въ
для перчатокъ 500 фр. на подарки къ новому году,
р. разложила между носовыми платками — эта сумма
значалась на добрыя дѣла; 800 фр. лежали въ бюро
ига, какъ первый вкладъ на покупку роскошной

люстры для залы. Впрочемъ, деньги, разложенныя по ящикамъ, были взяты изъ источниковъ, не упомянутыхъ въ смѣтѣ. Такъ, 500 фр. на новогодніе подарки были даны крестной матерью; изъ 150 фр., уложенныхъ въ платки, 40 были выиграны въ карты, 60 — составляли стоимость невзятой однажды ложи въ театръ, а 50 — она съэкономила на пирожномъ. 800 фр. на люстру составляли премію съ какихъ-то новыхъ облигацій; она ожидала выхода другихъ, чтобы пополнить всю сумму.

Все это было, въ сущности, довольно вѣрно, но въ невозможномъ безпорядкѣ: отдѣльные ящички для сохраненія денегъ составляютъ отчаяніе всѣхъ серьезныхъ финансистовъ, такъ какъ первымъ результатомъ подобной системы является замаскированье дѣйствительнаго итога и возможность вести отдѣльные счеты внѣ нормы общаго бюджета, что̀ порождаетъ страшную путаницу.

Но мало того, Маргарита позволила себѣ нѣкоторыя операціи, которыя хотя сами по себѣ и непредосудительны, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно опасны съ точки зрѣнія серьезной отчетности. Такъ, она изъ денегъ, отложенныхъ на люстру, брала на покрытіе текущихъ издержекъ; отъ суммы для новогоднихъ подарковъ она занимала, чтобы заплатить по какому нибудь неотложному счету. То тутъ, то тамъ попадались деньги, завернутыя въ бумажку, съ надписью о цифрѣ и назначеніи ихъ, а иногда однѣ пустыя бумажки, изъ которыхъ деньги уже были на что-то взяты.

Просто невозможно было разобраться въ этомъ хаосѣ. Тутъ ежеминутно встрѣчались переводы кредита, появленіе новыхъ рубрикъ безъ предварительнаго обсужденія, самыя непростительныя нарушенія элементарныхъ экономическихъ правилъ, однимъ словомъ — все то, что̀ неизбѣжно ведетъ къ разоренію.

Но самымъ худшимъ была увѣренность Маргариты въ своей правотѣ; она увѣряла, что ея способъ дѣйствія — самый удобный, что самъ Людвигъ не съумѣлъ бы держать хозяйства въ бо̀льшемъ порядкѣ; что она подчинялась правиламъ здраваго смысла, беря оттуда, гдѣ излишекъ, чтобы прибавить туда, гдѣ недохватки; что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго; что очень удобно заворачивать деньги въ бумаги и такимъ образомъ прятать ихъ для непредвидѣнныхъ расходовъ; что надо быть очень глупымъ, чтобы от-

казаться отъ выгодной покупки, если подъ рукой есть деньги; что она безъ всякихъ записываній отлично знаетъ, когда срокъ платить въ одномъ мѣстѣ, сколько слѣдуетъ получить въ другомъ. Все это у нея въ головѣ, благодаря чему гораздо легче исправлять неточности, расширять одну статью въ ущербъ другой и постепенно подготовлять реформы въ будущемъ.

Людвигъ не желалъ входить въ долгія разсужденія по этому поводу; онъ отлично зналъ — и съ каждымъ днемъ могъ все болѣе убѣждаться въ этомъ на службѣ — какъ ненадежно управленіе, которое, не представляя полныхъ и правильныхъ отчетовъ, постоянно ускользаетъ отъ контроля, и категорически заявилъ, что дальше такъ идти не можетъ.

Во-первыхъ, нужно имѣть только одну приходо-расходную книгу, въ которой и записывать все, но отнюдь не подъ рубрикой »различныхъ расходовъ«, а въ соотвѣтствующихъ графахъ; во-вторыхъ, не превышать суммы, назначенной для каждой графы, и въ-третьихъ, держать деньги въ одномъ мѣстѣ.

Такъ какъ Маргарита видимо не понимала необходимости подобной процедуры, то онъ прибавилъ въ видѣ заключенія: — Въ сущности все это очень просто.

— Можно было бы обойтись безъ дерзости.

— Но я и не думалъ говорить вамъ дерзости; я сказалъ только: въ сущности все это очень просто.

— Да, но этимъ вы хотѣли сказать, что я такъ глупа, что не понимаю даже самой простой вещи.

— Ну, такъ поцѣлуй меня.

— Вотъ такъ-то лучше. Никогда не слѣдуетъ говорить женѣ: »въ сущности все это очень просто«.

Но это нѣжное примиреніе еще не было разрѣшеніемъ задачи. Слѣдовало возвратиться къ преобразованію смѣтъ, и послѣ продолжительнаго диспута, въ которомъ оба супруга слегка погорячились, Маргарита отдала мужу всѣ деньги изъ ящиковъ, всю груду счетныхъ книгъ и заявила, что она будетъ спрашивать у него деньги на расходы по хозяйству, но отъ общаго завѣдыванія отказывается.

Людвигъ втихомолку посмѣивался: онъ радовался, что заставилъ таки жену сознаться въ своемъ заблужденіи и снова возвратилъ себѣ всѣ права главы дома и единственнаго казначея.

Маргаритѣ вздумалось управлять кораблемъ, и она привела его прямо къ подводнымъ камнямъ; теперь Людвигъ снова берется твердой рукою за руль и выведетъ судно на вѣрный путь. Сила воли преодолѣваетъ всѣ препятствія — это неоспоримая истина.

V

Самое удивительное въ тактикѣ Людвига было то, что онъ достигъ цѣли совершенно мирнымъ путемъ: никакихъ сценъ, никакихъ вспышекъ, почти ни одного рѣзкаго слова. Маргарита подчинилась добровольно и даже по собственной иниціативѣ. Сначала все шло хорошо. Маргарита не рѣшалась ни на какую важную издержку, не посовѣтовавшись съ главою управленія; онъ, въ свою очередь, со всѣмъ соглашался и за все платилъ. Никакихъ столкновеній между различными вѣдомствами не возникало; на авторитетъ мужа, какъ главы дома, не производилось никакихъ покушеній. Но черезъ нѣкоторое время онъ замѣтилъ, что если аккуратное веденіе дѣла и даетъ ему возможность отдавать себѣ отчетъ въ малѣйшихъ издержкахъ, то сумма издержекъ отъ этого нисколько не уменьшается, напротивъ, онъ расходовалъ значительно больше, чѣмъ Маргарита при всей безпорядочности ея записей.

Онъ попробовалъ было, въ тиши своего кабинета, одинъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія въ смѣтахъ; но вездѣ ужъ и безъ того было ассигновано только-только въ обрѣзъ. Невозможно же было дѣлать урѣзки въ чемъ нибудь, касавшемся ребенка — надежды семьи; не слѣдовало также, переѣхавъ въ меньшую квартиру, дать свѣту поводъ считать ихъ разоренными; истратить деньги, назначенныя на туалетъ Маргариты, было бы просто низостью, а свои карманныя деньги онъ и безъ того довелъ почти до нуля.

Послѣдствія такого затруднительнаго положенія начинали уже сказываться, и Людвигъ не смѣлъ даже жаловаться: разъ въ его рукахъ сосредоточена власть, то на немъ же лежитъ и отвѣтственность; простой намекъ на стѣсненное положеніе явился бы съ его стороны признаніемъ въ собственномъ безсиліи. Тѣмъ не менѣе, когда у него въ первый разъ не хватило денегъ, онъ не счелъ себя вправѣ прибѣгнуть къ авансу безъ вѣдома Маргариты. Маргарита

рѣшительно воспротивилась предложенію взять авансомъ. Какъ могъ онъ дойти до подобной необходимости? къ чему это можетъ привести? Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ еще больше запутывать дѣлъ. Брать изъ доходовъ будущаго года — все равно, что̀ занимать за проценты. Такимъ образомъ они скоро очутятся въ рукахъ ростовщиковъ. Труденъ только первый шагъ; затѣмъ придется продавать бумаги; съ уменьшеніемъ капитала уменьшатся доходы; съ каждымъ годомъ дѣла будутъ идти все хуже, и мало по малу они впадутъ въ нищету.

Въ этихъ словахъ было много преувеличенія, и хотя Маргарита говорила совершенно серьезно, но Людвигъ чувствовалъ, что въ сущности она смѣется надъ нимъ. Онъ попровалъ перенести вопросъ на болѣе вѣрную дѣйствительность и умѣренную почву: затрудненіе было только случайное, и подобное стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ болѣе не повторится: есть надежда, что на слѣдующій годъ акціи дадутъ болѣе дивиденда; кромѣ того, можно бы повысить квартирную плату въ ихъ домѣ въ предмѣстьѣ.

Но Маргарита, начинавшая уже усвоивать жаргонъ финансистовъ, возразила, что предложенное имъ средство не выдерживаетъ ни малѣйшей критики: это просто учетъ фиктивной стоимости противъ номинальной. А существуетъ правило, что не слѣдуетъ основывать разсчеты на фиктивной стоимости, пока она не реализована, такъ какъ до тѣхъ поръ она не можетъ считаться надежной.

Людвигу было нечего возразить на это. Но что̀ же дѣлать въ такомъ случаѣ?

Маргарита придерживалась основныхъ принциповъ политической экономіи. Она съ важнымъ видомъ изрекла, что если расходъ превышаетъ приходъ, то существуютъ только два средства помочь этому: или увеличить приходъ, или уменьшить расходъ. Не можетъ ли Людвигъ найти себѣ какія нибудь приватныя занятія? не можетъ ли онъ писать книги, читать лекціи, завѣдывать чѣмъ нибудь, учредить какое нибудь общество? Нужно только, чтобы дѣло было и прибыльно, и надежно: большіе барыши, но безъ всякаго риска.

Людвигъ нисколько не старался поддержать и развить эти планы: онъ женился совсѣмъ не для того, чтобы убивать себя работой и не имѣть въ своемъ распоряженіи на-

столько свободнаго времени, чтобы хоть вечеръ прово
съ женой.

Ну, ужъ если онъ положительно неспособенъ къ
личенію прихода, то имъ остается только экономничать и
номничать.

— На чемъ?

— На всемъ.

Она начала съ ограниченія расходовъ на столъ: къ об
стали подавать только самыя простыя блюда, да и то
очень ограниченномъ количествѣ, такъ что часто, вста
изъ-за стола, Людвигу приходилось чувствовать себя го
нымъ. Если онъ приглашалъ гостей къ обѣду, Маргар
бывала недовольна: она не соглашалась ѣздить въ теа
если Людвигъ зажигалъ въ комнатѣ болѣе двухъ свѣ
она гасила ихъ; она пробовала топить печи коксомъ и
пила себѣ скверное дешевое пальто, которое ей страшно
пило: надо экономничать.

Благодаря цѣлому ряду сокращеній издержекъ, жи
сдѣлалась до того невыносимой, что Людвигъ, желая во
бы то ни стало покончить съ бѣдностью, высказалъ гр
діозный проектъ покупки большаго дома, одинъ изъ эта
котораго они могли бы сами занять и, такимъ образо
сберечь квартирную плату; что же касается уплаты ден
за этотъ домъ, то ее можно будетъ отложить до того в
мени, когда, благодаря справедливому закону о наслѣдо
ніи дѣтьми имущества родителей, они окажутся въ мен
затруднительномъ положеніи.

Это подало Маргаритѣ поводъ разгромить страсть
безразсуднымъ спекуляціямъ.

Онѣ-то главнымъ образомъ и разстраиваютъ сам
блестящія состоянія. Нѣтъ, нѣтъ, Маргарита никогда не с
гласится ни на какое рискованное предпріятіе, которое пр
ведетъ только къ разоренію ихъ ребенка. Она продолжа
стоять на своемъ: или увеличить приходъ, или уменьши
расходъ.

Людвигъ, не будучи въ состояніи искать какой нибу
работы, нечувствительно привыкъ избѣгать разговора о д
лахъ: онъ готовъ былъ отдавать женѣ всѣ деньги, попада
шія ему въ руки, и такимъ образомъ откупаться отъ всѣ
о непріятномъ предметѣ. Но это оказывалось неслишко
легко: Маргарита безпрестанно обращала его вниманіе

сть, разверзавшуюся подъ ихъ ногами, возставала про-
каждой издержки, критиковала каждый планъ, предла-
й Людвигомъ, до чудовищныхъ размѣровъ раздувала
шія ихъ бѣдствія и находила удовольствіе рисовать
ее самыми мрачными красками.
одвигъ пробовалъ сдаться на капитуляцію на неуни-
ныхъ условіяхъ, предлагая отдать всѣ издержки на
смотрѣніе Маргариты съ тѣмъ, чтобы ему принадле-
олько право приблизительнаго распредѣленія доходовъ.
о предложеніе, которое прежде было бы принято без-
словно, при теперешнемъ обострившемся положеніи дѣлъ
е могло удовлетворить Маргариту.
а, быть можетъ, и согласилась бы снова принять на
авѣдываніе хозяйствомъ, но съ условіемъ, чтобы всѣ
ва, и обязанности въ этомъ отношеніи всецѣло лежали
й одной, и чтобы она могла самостоятельно и без-
льно распредѣлять расходы, увеличивать или умень-
ихъ безъ всякаго предварительнаго обсужденія, а только
уясь съ обстоятельствами. Словомъ, она требовала дик-
кой власти. Единственную уступку, которую она со-
лась сдѣлать — это показывать въ концѣ года итогъ
приходовъ и расходовъ и ихъ разность. Въ против-
случаѣ она по прежнему не будетъ ни во что вмѣши-
, оставляя за собой право громко и по достоинству
вать всѣ способы и результаты веденія хозяйства.
одвигъ, пока могъ, стойко защищалъ права своего
но насталъ день, когда онъ, измученный, подавлен-
взялъ ящикъ съ деньгами, собралъ счеты и отнесъ
енѣ, проговоривъ:
Вотъ, возьмите; дѣлайте съ этимъ все, что̀ вамъ бу-
тодно. Но только, умоляю васъ, никогда больше не
те со мной обо всѣхъ этихъ дрязгахъ!
слѣдующаго же дня благосостояніе снова вернулось
ъ: пища стала по прежнему изысканной и изобиль-
адушно приглашенные друзья и знакомые по преж-
оживляли домъ; въ комнатахъ стало свѣтло и тепло, а
рита, къ которой вернулось прежнее хорошее распо-
духа, прилагала столько стараній угодить мужу, что
ботливость подчасъ даже стѣсняла его.
ъ наслаждался этой беззаботной, покойной жизнью,
сь не думать о катастрофѣ, къ которой она неминуемо

должна повести. Но, вопреки всей своей дальновидности, онъ долженъ былъ сознаться въ концѣ года, что Маргарита не истратила даже всего дохода. Они весь годъ жили на широкую ногу. Себѣ ни въ чемъ не нуждался, и у нихъ еще осталось сбереженіе.

Маргарита съ похвальнымъ благоразуміемъ довольствовалась тѣмъ, чего ей уже удалось достигнуть: разъ добившись полнаго главенства въ домашнихъ дѣлахъ, она уже изъ одного самолюбія старалась, чтобы все было безукоризненно. При помощи порядка и мудрой распорядительности она достигла того, что, не трогая капитала, къ концу года неизмѣнно появлялась передъ мужемъ съ ящичкомъ, въ которомъ заключался остатокъ отъ доходовъ — символъ благоденствія.

Такъ какъ счастіе никогда не приходитъ одно, то Людвигъ вскорѣ получилъ большое повышеніе. Это было справедливой наградой за ту способность къ быстрому теоретическому разрѣшенію самыхъ запутанныхъ финансовыхъ вопросовъ, которую онъ постоянно выказывалъ въ своемъ министерствѣ.

Но отъ попытки разобрать что нибудь въ счетахъ Маргариты онъ навсегда отказался.

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть вторая

Окончаніе

XIX

Недѣлю спустя Левъ Станиславовичъ явился въ должность исхудалый: на немъ лица не было...

— Что̀ съ вами? участливо спросилъ его Іеронимъ Петровичъ.

— Должно быть, простудился: плохо чувствую себя до сихъ поръ.

— Вы совѣтовались съ врачами?

— Врачи Богъ ихъ знаетъ что̀ болтаютъ: находятъ какой-то психозъ... гонятъ вонъ изъ Петербурга, на югъ... У меня дѣйствительно галлюцинаціи...

— И я бы вамъ тоже посовѣтовалъ уѣхать на время... Вы совсѣмъ на себя непохожи...

Втайнѣ Іерониму Петровичу вовсе не нравилось то, что Левъ Станиславовичъ женится на дочери какого-то Воздвиженскаго. Ему пришло въ голову, что было бы весьма недурно спровадить Староградъ-Смецкаго вонъ изъ Петербурга на время, а тамъ молодой человѣкъ, можетъ быть, самъ опомнится, и все уйдетъ »al fumo«, какъ говорятъ итальянцы.

— Да, да... вы плохи... Вамъ бы слѣдовало подышать инымъ воздухомъ...

Іеронимъ Петровичъ даже Ѳерапонта Августиновича напугалъ.

— А знаете, племянникъ мой дурно высматриваетъ. Я думаю, что онъ, если останется здѣсь до весны, то и не доживетъ, пожалуй... Замѣтили, каковъ онъ? Ему до свадьбы мѣсяца на два уѣхать слѣдуетъ на югъ. Мы бы ему съ вами и командировку придумали за границу...

— Я самъ думалъ объ этомъ, почтительно согласился Воздвиженскій, хотя до сихъ поръ онъ ни о чемъ такомъ не думалъ вовсе. — Не лучше ли послѣ свадьбы отпустить ихъ обоихъ?.. задумался было Ѳерапонтъ Августиновичъ.

— Ну нѣтъ! какая тутъ свадьба. Смотрите, какъ бы съ нимъ до тѣхъ поръ скоротечной чахотки или воспаленія легкихъ не случилось: климатъ-то вѣдь у насъ — сами вы знаете... Лучше ужъ дать ему оправиться.

Воздвиженскій покачалъ головою, но сомнѣнія его скоро угасли.

Все это время больной Левъ Станиславовичъ былъ такъ нѣженъ съ его дочерью, точно онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею. Онъ даже спокойно, не раздражаясь, выслушивалъ, когда она излагала ему, какъ на экзаменѣ, свои историческія и географическія познанія...

Ничего, [illegible], придется васъ, голубки, разлучить [illegible] думалъ папа-Воздвиженскій про себя. — Ну да это [illegible] встрѣтитесь! И онъ ужъ улыбался. [illegible] Станиславовича выдумали какую-то [illegible] канцелярская [illegible] литературу. [illegible] Іеронимъ Петровичъ [illegible] узнать, какъ [illegible] въ [illegible] уходила —

ъ, отъ кого она зависѣла, ни тѣхъ, кто ассигновы-
л нее довольно круглую сумму. Левъ Станиславовичъ
з прикинулся нуждающимся болѣе чѣмъ когда ни-
нъ даже, несмотря на некончившійся срокъ, послалъ
въ опеку — по своимъ, уже не существовавшимъ,
мъ Гельмуцу. Михей Уструговъ расписалъ объ этомъ—
кій вдругъ очутился въ ореолѣ невиданнаго благород-
Саша, когда онъ былъ въ первый разъ послѣ того у
а Петровича, порывисто бросилась къ нему и крѣп-
ко пожала ему руку... А сослуживцы втайнѣ даже
. что Старокрадъ-Смецкій просто-напросто — честный
— »Доведись бы мнѣ«, думали они, »да чтобы я
кидовскому отродью восемь тысячъ бросилъ, когда
ты пропали!.. attendez — ни за что!«
ъ Левъ Станиславовичъ теперь только и жилъ мыслью
цкѣ за границу. Новыя впечатлѣнія авось заслонятъ
зничъ опрокинутое тѣло съ неподвижнымъ взглядомъ
звшихъ глазъ, раскинутыми руками и пробитымъ вис-
До сихъ поръ оно его преслѣдовало всюду. Стоило
ько вечеромъ пробыть одному, чтобы внизу, въ по-
, стали выясняться сначала смутные контуры покой-
арла Альбертовича, потомъ все опредѣлявшіеся ярче
е... А тамъ начинало сѣрѣть лицо съ острымъ носомъ,
ровался на него, на Смецкаго, неподвижный взглядъ
хъ глазъ. Онъ уже боялся оставаться одинъ. Если
иходилось возвращаться домой рано — онъ, дойдя до
да, сворачивалъ въ ресторанъ и сидѣлъ тамъ, пока
рали дверей и не приглашали его удалиться. Уйди
олѣ, онъ шелъ въ другой, гдѣ запирали позже. Въ
концовъ всетаки попавъ домой, онъ сначала заходилъ
ицѣ Сашѣ и забиралъ ее къ себѣ, какъ и въ чемъ
ла... Ему страшно казалось хоть минуту провести
ѣ со своими воспоминаніями. Саша, которой онъ
ся всегда, ждала отъ него страсти, ласкъ. Но, удов-
енный тѣмъ, что около него есть живой человѣкъ, ды-

шащій и отвѣчающій на его вопросы, онъ засыпалъ спокойно...

Получивъ заграничный паспортъ и деньги, Левъ Станиславовичъ ожилъ и на время сталъ прежнимъ. Онъ увѣрилъ заплаканную Вѣрочку, что черезъ мѣсяцъ вернется назадъ, обѣщалъ ей навести изъ-за границы невѣсть чего и съ облегченнымъ сердцемъ занялъ купе перваго класса на варшавской дорогѣ. Его провожали Воздвиженскій съ дочкой, товарищи, и въ первый разъ за это время на лицѣ Старокрадъ-Смецкаго явилось подобіе веселой улыбки.

Чѣмъ дальше поѣздъ отходилъ отъ Петербурга, тѣмъ недавняя быль казалась ему туклѣе... Она сливалась съ туманомъ, окутывавшимъ громадный городъ, и вся тонула въ этомъ туманѣ безслѣдно... Смецкій не узнавалъ себя. »Неужели прошло?« спрашивалъ онъ у совѣсти — и она молчала въ отвѣтъ. Спокойствіе, охватывавшее его, самому ему казалось страннымъ: точно въ душѣ никогда не было укора, въ памяти — отблеска недавняго прошлаго... Смеркалось... Пришла наконецъ ночь; ему захотѣлось спать... Онъ откинулся въ уголъ и заснулъ. Заглянувшій къ нему кондукторъ, желая подслужиться, затянулъ фонарь наверху синею занавѣскою. Въ купе стало темно... Левъ Станиславовичъ спалъ нѣсколько часовъ и отчего-то проснулся разомъ. Онъ сѣлъ — и вдругъ его охватилъ знакомый ознобъ... Прямо противъ него въ углу — онъ это хорошо видѣлъ, ясно видѣлъ — въ темнотѣ смутно обрисовывался какой-то силуэтъ... силуэтъ сидящаго тоже и пристально на него глядящаго человѣка. Спутникъ! да... но какой! У этого были неподвижные, остановившіеся, неморгавшіе глаза, и високъ оказывался пробитъ. Руки его, худыя и синеватыя, лежали на колѣняхъ, и эти колѣни, угловатыя и острыя, тоже видѣлъ Левъ Станиславовичъ... И потомъ сквозь него, сквозь этого спутника, было отлично все видно: и спутника, и спинку дивана за нимъ онъ различалъ отлично. Смецкій крикнулъ, но его крикъ слился съ грохотомъ поѣзда... Смецкій хотѣлъ

ть — и почувствовалъ, что въ ногахъ у него нѣтъ силы.
ежду тѣмъ призракъ становился все страшнѣе и страш-
.. Глаза сохраняли свою неподвижность и стеклянность,
бы улыбались, обнаруживая совсѣмъ побѣлѣвшія десна
трые зубы. Ихъ оскалъ съ ума сводилъ Смецкаго. Левъ
ниславовичъ протянулъ руки впередъ, и они прошли на-
зь черезъ тѣло Карла Альбертовича, уперлись въ по-
ки сидѣнья, но отъ этого призракъ даже не шелох-
я...

— Уйди... уйди... шепталъ Левъ Станиславовичъ и, со-
ъ послѣднее усиліе, зажмурясь, выскочилъ наконецъ въ
доръ...

Онъ хотѣлъ перейти въ другое купе, гдѣ были люди,
рилъ одно, другое, третье... Они оказывались пусты,
ы совершенно, и всюду въ углу смутно намѣчи-
я новый Карлъ Альбертовичъ, точно отъ того, что онъ
ъ тогда живаго — ихъ явилось Богъ знаетъ сколько
выхъ. Онъ вышелъ на платформу, чтобы перебраться
другой вагонъ... Свѣжій воздухъ отрезвилъ его... Онъ
но вдыхалъ его... потомъ рѣшился пока остаться здѣсь.
о холодно, но, очевидно, призраки боялись холода. Здѣсь
ь Станиславовичъ чувствовалъ только себя одного среди
таго пространства... Платформа переходила къ другой —
ующаго вагона — желѣзною доскою. Онѣ раздвигались
двигались... Смецкій долго смотрѣлъ на отверстіе, то рас-
вавшееся, то смыкавшееся, точно оно дразнило его;
но разѣвавшаяся пасть ожидала его, »прыгни-де — и все
ъ кончено«. Потомъ его стало тянуть туда въ са-
ь дѣлѣ: стоитъ только поскользнуться, провалиться — и
ъ мукамъ предѣлъ... Конецъ совсѣмъ и навсегда. Подъ
сами вагона останется раздавленное истерзанное чет-
ованное тѣло... Поѣздъ уйдетъ далеко-далеко, кинувъ на
тно дороги комья мяса, костей и лужу крови. Странно...
ь и тогда кровь текла... Также ли будетъ пахнуть его
ь, какъ пахла та?.. А если въ самомъ дѣлѣ то, что онъ

считалъ полуправдою — правда?.. если душа переживетъ тѣло?.. Что если его встрѣтитъ душа Карла Альбертовича... Неужели же нигдѣ нѣтъ забвенія — ни здѣсь, ни тамъ?.. Ни здѣсь, ни тамъ. Если она тутъ, надъ нимъ, въ дыму этого поѣзда летитъ и ждетъ... И какъ только его душа, душа Смецкаго освободится — она попадетъ въ ея руки. »Руки«... »руки«... развѣ у души есть руки?

— Богъ знаетъ что со мною дѣлается... попробовалъ онъ усмѣхнуться. Но мысль его продолжала работать въ этомъ направленіи.

А можетъ быть дѣйствительно душа Гельмуца теперь надъ нимъ, и она именно подсказываетъ ему эти ужасныя мысли; слышно подсказываетъ: *»прыгни«*. Дѣйствительно онѣ вѣдь рождаются внѣ его... внѣ... какъ будто случайно влетаютъ въ его голову, и все съ лѣвой стороны... Значитъ душа Гельмуца именно тутъ, слѣва. »Справа мой ангелъ... мой ангелъ... Еслибы только ангелъ не отступилъ отъ меня«...

— Да не сошелъ ли ужъ я съ ума?.. Нѣтъ, мнѣ нельзя быть одному, рѣшительно нельзя!

Онъ перешелъ въ слѣдующій вагонъ и оказался въ третьемъ классѣ. Народу было много — кое-гдѣ болтали еще. Левъ Станиславовичъ подсѣлъ къ какому-то мѣщанину, на самый затылокъ котораго вползалъ черный галстукъ съ такою же черною пряжкой, и острая бородка клиномъ далеко выдавалась впередъ. Мѣщанинъ мимоходомъ осмотрѣлъ Льва Станиславовича и продолжалъ со своимъ спутникомъ, толстымъ купцомъ, разговоръ, очевидно, начатый ранѣе.

— Такъ вотъ, братецъ ты мой, ваше степенство, какъ Богъ-отъ себя оказываетъ. Сколько лѣтъ этому убивству прошло — а онъ, всемогущій, нашелъ правду и покаралъ кровопролитца... Онъ него, братъ, не спрячешься. Судьи земные не найдутъ — а онъ укажетъ въ свое время... Онъ, братъ, знаетъ, зачѣмъ молчитъ до поры, до времени. Богъ правду знаетъ — да нескоро скажетъ. Ему-то сверху виднѣе.

— Да... въ этомъ случаѣ дѣйствительно. Въ вашемъ городу было?..

— Въ самомъ. То есть мы ужъ его головой выбрать хотѣли. Вотъ онъ какъ себя превозвысилъ: и на благотворенія жертвовалъ, и арестантамъ подавалъ, и въ церкви, бывало, дивуемся — столь онъ благообразно молился.

— Не простилъ-отъ Богъ-то?

— Не... Ты пострадай сначала, выдержи свой терминъ, гдѣ слѣдуетъ, а потомъ онъ проститъ...

— А ежели онъ каялся?

— Что же такъ-то каяться, на сытомъ положеніи? Пострадать надо, объявиться...

— Объявиться? вдругъ спросилъ не своимъ голосомъ Левъ Станиславовичъ.

— Да, милый человѣкъ... Ежели ты убилъ человѣка — поди, объявись, пострадай, а ужъ тогда и моли Бога, чтобы онъ простилъ, значитъ. А не то чтобы такъ, значитъ. Такъ бы всякому лестно: чикнулъ по горлу, ограбилъ, выстроилъ себѣ палаты каменныя и въ теплѣ, и холѣ кайся. Такъ бы всякому удобно.

— Почему же вы это ко мнѣ относите? взбѣсился вдругъ Смецкій.

— Мы такъ... помилуйте... мы какъ бы къ примѣру... струсилъ мѣщанинъ.

— Онъ это про свой случай. Въ ихнемъ городѣ было... вдругъ убійца объявился... сталъ объяснять купецъ...

— Мы люди необразованные... бормоталъ мѣщанинъ: — съ насъ настоящаго разговора спрашивать нельзя.

— Чего же онъ объявился? также вдругъ, какъ вспыхнулъ, и успокоился Смецкій.

— Какъ ему, другъ ты мой, ваше благородіе, не объявиться было, когда кажинную ночь-то тотъ самый, котораго онъ по головѣ молоткомъ кокнулъ, приходилъ къ нему!...

— Молоткомъ?

— Да.

— Въ високъ?

— Ужъ я не знаю какъ...

— Непремѣнно въ високъ... и каждую ночь приходилъ, вы говорите?.. Должно быть, въ уголъ противъ него садился?..

— Кажинную... Какъ темно — онъ ужъ тутъ, кокнутый-то. Двадцать годовъ крѣпился кровопроливецъ, ну, а потомъ видитъ — не осилить ему этого... пришелъ въ воскресенье въ церковь — сталъ на колѣни и спокаялся. Плакалъ какъ!.. у народушка прощенія просилъ и мѣсто указалъ. А у него-то ужъ послѣ этого самаго злодѣйства-то и дѣти народились; думали — помѣшался онъ... нѣтъ, справки навели — по всей правдѣ вышло... И что же бы ты думалъ — съ этого самаго дня тотъ-то пересталъ къ нему по ночамъ ходить; потому имъ тоже спокой требовается. Пока кровопроливство не отомщенное — онъ и ходитъ по свѣту, все своно злодѣя оказываетъ и шепчетъ ему на ухо.

— На ухо... именно на ухо, подтвердилъ Левъ Станиславовичъ.

— Вотъ-вотъ... именно. Ну, а какъ тотъ спокается и объявится, душѣ-то дѣлать и нечего, она и идетъ, куда ей слѣдуетъ... куда ей отъ промысла указано, значитъ.

— Что ей дарма-то болтаться! одобрилъ и согласился купецъ.

— Я этого не зналъ... раздумчиво проговорилъ Смецкій.

— Помилуйте!..

— Какже ему онъ, убитый, представлялся-то?

— А такъ — въ тѣмъ самымъ, значитъ, положеніи, въ какомъ кровопроливецъ его оставилъ... Потомъ въ тюрьмѣ купецъ этотъ разсказывалъ: »и все — говоритъ — видѣлъ я его тогда съ пробитымъ черепомъ, и мозгъ оттуда бѣлѣетъ, и кровь сочится«.

— Это значитъ въ вискѣ?..

— Ужъ я не знаю.

— Я вамъ говорю — въ вискѣ! опять раздражился Левъ Станиславовичъ.

— Можетъ быть, и въ вискѣ... Мы неграмотные.

XX

Только въ Ниццѣ Старорадъ-Смецкій пришелъ въ себя.

— Ну, мама, теперь мы устроимся! привѣтствовалъ онъ ее.

Та покачала головою.

— Что ты?

— Не вѣрится, чтобы когда нибудь удалось мнѣ раздѣлаться съ Фрейгеномъ.

— Почему?

— Надо много средствъ на это: я избалована, я привыкла ужъ къ сладкому куску. Другая жизнь мнѣ была бы тяжела.

— У меня много средствъ теперь.

— Откуда?

— Не спрашивай... нашелъ, съ неба свалилось... потемнѣлъ онъ.

Фрейгена въ этотъ день не было: онъ уѣзжалъ куда-то и вернулся на другой день.

— Вашъ молодой человѣкъ пріѣхалъ? спросилъ онъ у Эмиліи Карловны.

— Да... только успокойтесь: онъ остановился не у меня.

— То есть не *у меня*, вы хотѣли сказать?

— Я, можетъ быть, скоро совсѣмъ оставлю васъ и все ваше.

— Вотъ какъ! къ кому же вы переходите? кто нашелся еще?... я думалъ, что такихъ дураковъ, какъ я, — разъ, да и обчелся!.. Вѣдь вамъ уже за сорокъ...

Эмилія Карловна, негодуя, повернулась къ нему спиною и прошла къ себѣ. Въ эту минуту какъ разъ въ комнату вошелъ Левъ Станиславовичъ; онъ взглянулъ мелькомъ на Фрейгена и, показавъ видъ, что не узнаетъ его, прошелъ къ матери. Ему хотѣлось шума, борьбы, скандала даже, короче — чего нибудь такого, что бы заглушило въ его смятенной душѣ еще ноющую память прошлаго. Онъ даже

обрадовался, когда увидѣлъ на лицѣ Фрейгена выраженіе крайней досады и неудовольствія. Старо-градъ-Смецкій нарочно оставилъ дверь къ Эмиліи Карловнѣ открытой и преувеличенно громко спросилъ мать.

— На что этотъ жидъ злится?

Та сдѣлала ему большіе глаза.

— Мама, пожалуйста, не бойся этого болвана... Ты своими муками и вынесенными отъ него оскорбленіями давно расплатилась съ нимъ. Тебѣ недаромъ достался тотъ сладкій кусокъ, о которомъ ты мнѣ говорила.

— Вы это о чемъ, молодой человѣкъ?

Лицо Фрейгена передергивало. Баронъ покраснѣлъ весь...

— Что вамъ здѣсь надо? вскликнулъ Левъ Станиславовичъ.

— Позвольте мнѣ вамъ предложить этотъ вопросъ.

— Я у матери. И когда сынъ у матери — посторонніе не становятся между ними... Идите вонъ отсюда!

— Что? не повѣрилъ собственнымъ ушамъ баронъ.

— Идите вонъ, сейчасъ же!

Жакъ онѣмѣлъ совсѣмъ.

— Вы съ ума сошли! наконецъ пришелъ онъ въ себя.

— Я вамъ говорю — идите вонъ!.. Если вы не понимаете словъ — я васъ выброшу, какъ...

— Негодяй!..

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное.

Во Львѣ Станиславовичѣ проснулась какая-то самому ему неизвѣстная до сего злоба. Онъ подошелъ въ упоръ къ Фрейгену.

— Ты не уйдешь, каналья?

И моментально банкиръ почувствовалъ себя на воздухѣ сжатымъ, словно стальными, руками Смецкаго. Выскочившая на его крики прислуга тотчасъ же отступила назадъ. Левъ Станиславовичъ несъ барона черезъ всѣ комнаты, не опуская его на земь, хоть тотъ и барахтался изо всѣхъ силъ... Миновавъ казавшагося окаменѣвшимъ отъ изумленія швейцара, Левъ Станиславовичъ вышелъ въ подъѣздъ и выбросилъ, словно гадину какую-то, Фрейгена на землю.

— Вонъ! и помни, что ежели ты платилъ моей матери, то я также тратилъ *на твою дочь*. Разница только въ цифрѣ и въ томъ, что твоя дочь въ милліонъ разъ хуже и развратнѣе...

Фрейгенъ поднялся, похлопалъ глазами, очевидно, ничего не понимая.

Швейцаръ было кинулся къ нему...

— Не смѣть! крикнулъ ему Смецкій. — Съ сегодняшняго дня вы у меня на службѣ; исполняйте поэтому то, что я вамъ прикажу. Этого мерзавца, когда бы онъ ни пріѣхалъ, не принимать, слышите? Для него мамà нѣтъ дома. А если ты придешь при мнѣ — то я тебя встрѣчу самъ, слышишь? крикнулъ онъ Фрейгену въ послѣдній разъ.

— Что ты надѣлалъ?

Вся блѣдная, стояла Эмилія Карловна у окна.

— То, чего до сихъ поръ я не могъ сдѣлать, будучи нищимъ.

— Да развѣ ты въ самомъ дѣлѣ разбогатѣлъ?

— Это между нами, мама... Скажи, тебѣ легче будетъ со мною?.. Мы уѣдемъ куда нибудь далеко-далеко... только не въ Россію...

— А твоя невѣста?

— Все это точно сонъ ушло... у меня нѣтъ невѣсты.

— Ты же писалъ мнѣ о ней, и не одинъ разъ.

— Ахъ, мама, оставимъ это! Случилось нѣчто такое, что я не имѣю права жениться. Я долженъ жить никому неизвѣстный, гдѣ нибудь... для тебя жить... я былъ бы подлецомъ, еслибы связалъ судьбу этой несчастной дѣвушки съ моей. Богъ знаетъ, можетъ быть, впослѣдствіи она меня благословитъ за это.

Голубая полувоздушная даль Средиземнаго моря, облитаго свѣтомъ, разнѣженная въ теплѣ, успокоивала мало по малу возбужденные нервы молодаго человѣка. Онъ сѣлъ на балконъ виллы и не отводилъ глазъ отъ бѣлыхъ парусовъ, медлительно скользившихъ на горизонтѣ. Какой-то пароходъ

точно въ воздухѣ повисъ... Тонкая струйка дыма извивалась надъ нимъ. А внизу въ свѣтлую лазурь моря обрушивались сѣрыя скалы, поросшія оливками, и чудная влага подъ ними, подъ этими утесами, казалась еще синѣе, еще недвижнѣе.. Какая-то птичка мелькнула мимо, на мгновеніе блеснувъ своими ярко-зелеными крылышками и спинкой... По аллеѣ внизъ, едва переступая на мягкихъ лапкахъ, лѣниво поплелся котъ — великій ловецъ воробьевъ передъ Господомъ. Все кругомъ было полно такого покоя, тишины, что Левъ Станиславовичъ вдругъ почувствовалъ себя хорошо и весело.

— Въ самомъ дѣлѣ... быль отошла назадъ, а мертвые не воскресаютъ... Все это бабьи сказки. И нужно было мнѣ очень скиснуть въ петербургскихъ туманахъ, чтобы поддаться всему этому!.. — Мама, пойдемъ гулять къ морю...

И, взявъ ее подъ руку, онъ радостно двинулся внизъ.

— Теперь мы богаты и независимы, мама... слышишь ты это? Мнѣ не надо будетъ подличать передъ Воздвиженскимъ, а тебѣ — выносить присутствіе этого негодяя Фрейгена.... Мы оба освободились... слышишь?..

— Да откуда же у тебя деньги?

— Не все ли тебѣ равно? Ты знаешь, вѣдь деньги не пахнутъ.

— Что?

— Я говорю: деньги не пахнутъ, это подтверждаютъ два великіе человѣка — императоръ Домиціанъ и Іеронимъ Петровичъ, мой великолѣпный дядя...

— Надѣюсь, что ты не сдѣлалъ ничего дурнаго? нравоучительно спросила она, вспоминая о своихъ материнскихъ обязанностяхъ.

— О мама, наша жизнь сложилась такъ, что намъ нечего объ этомъ разсуждать... Когда мы уѣдемъ отсюда?..

Вечеромъ принесли письмо отъ Фрейгена на имя Эмиліи Карловны. Левъ Станиславовичъ надписалъ на немъ: »возвращается за ненадобностью« и, не читая, послалъ обратно.

Утромъ баронъ самъ пріѣхалъ — его не приняли.

Вечеромъ онъ получилъ письмо отъ Льва Станиславо-ича. »Можете сейчасъ отъ швейцара принять виллу и всю ижимость, въ ней находящуюся. Швейцару заплачено за олгода впередъ.«

Фрейгенъ бросился на мѣсто. Ни Эмиліи Карловны, ни ьва Станиславовича не было: они уѣхали ранѣе, взявъ илеты на Геную...

— Намъ обоимъ надо бѣжать отъ нашихъ воспоминаній, оворилъ Староградъ-Смецкій матери. — Тебѣ еще ничего, а они слѣдуютъ за мною всюду... Я живу теперь только для ебя... Еслибы тебя не было — я бы давно...

— Что давно?

— Объявился!

— То есть какъ это?..

— Нѣтъ, это одинъ мѣщанинъ по дорогѣ мнѣ совѣ-овалъ...

Изъ Генуи Левъ Станиславовичъ послалъ просьбу объ ставкѣ по болѣзни... Онъ писалъ Іерониму Петровичу, что му плохо, и что врачи его не пускаютъ съ юга... Воздви-женскому сообщилъ только о долгѣ, обѣщалъ его возвратить, когда мать устроитъ свои дѣла«. О Вѣрочкѣ ни слова... й онъ хотѣлъ послать письмо отдѣльно, но, сообразивъ, росилъ. »Такъ лучше!..«

Недѣлю спустя онъ уже на пароходѣ Флоріо-Руббатино халъ куда-то на югъ...

Вас. Немировичъ-Данченко

ПИРЪ СМЕРТИ

Изъ Аби-Тэммама *)

За тучей трепетныхъ знаменъ
Лазури неба не видать:
Покрыла густо землю рать,
Повсюду слышенъ гулъ и стонъ...

Въ кольчугахъ, латахъ, шишакахъ
Бойцы, орлы родныхъ пустынь —
Что мощный сонмъ живыхъ твердынь!..
Богатырямъ невѣдомъ страхъ:

Какъ на веселый пиръ, они
Вступили въ грозный смертный бой,
Ликуя — словно смерти злой
Бойцы суровые сродни!..

О да! сродни! — то смерти львы
Въ лѣсу изъ копій и мечей,
Гдѣ кровь клокочетъ, какъ ручей,
Гдѣ темнокрасенъ цвѣтъ травы!

*) Арабскій поэтъ 2-го вѣка по магометанскому лѣтосчисленію.

Да, битва — пиръ! Хоть голодна,
Хотя отъ жажды гибнетъ рать, —
Ненасытимо пожирать
Все продолжаетъ смерть одна!..

Давно померкла неба твердь;
Все гибнетъ, падаетъ во прахъ...
Лишь на незыблимыхъ крылахъ
Паритъ надъ полемъ битвы смерть!..

ОТКРОВЕННЫЙ ПАША

Изъ восточныхъ мотивовъ

На пиру паша дамасскій
Молвилъ, выпивши слегка:
»Всѣхъ разбойниковъ я знаю
»Своего пашалыка.

»Захотѣлъ бы — всѣхъ немедля
»Перевѣшать могъ бы я!«
—»Что-жъ ты медлишь?!« закричали
Удивленные друзья.

А паша въ припадкѣ смѣха
Трясся, взявшись за бока:
»Вы меня рѣшили, видно,
»Принимать за дурака!

»Ну, къ чему ловить всѣхъ сразу,
»Если больше во сто кратъ
»Я за нихъ по одиночкѣ
»Получить могу наградъ?!..«

В. Величко

ПОЛЬ БУРЖЕ

ОПЫТЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Среди новѣйшихъ французскихъ беллетристовъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ настоящее время безспорно занимаетъ Поль Бурже. Хотя онъ началъ писать сравнительно очень недавно,— всего лѣтъ шесть-семь тому назадъ, — онъ однако успѣлъ уже составить себѣ очень значительную популярность не только во Франціи, но и въ остальной Европѣ. Съ самаго начала его литературной дѣятельности его взяли подъ свое покровительство женщины, которыя, по мнѣнію Вольтера, управляютъ міромъ. Имъ нравится манера отношеній Бурже къ женщинамъ вообще, его изнѣженно-образный языкъ, его умѣнье проникать въ сокровеннѣйшіе уголки женскаго сердца, его, — если можно такъ выразиться, — культъ женщины, — несмотря на то, что Бурже въ своихъ психологическихъ этюдахъ надъ женскимъ сердцемъ не щадитъ женское фарисейство, какъ онъ выразился въ одномъ мѣстѣ. Но эта „правда" о женщинахъ, которую Поль Бурже не стѣсняется высказывать вполнѣ откровенно, окутана въ такое тонкое чувство обожанія женщины, которое съ излишкомъ выкупаетъ горечь, проскальзывающую изъза этого чувства. Но и помимо этого покровительства женщинъ, которое ему посчастливилось пріобрѣсти, Поль Бурже, какъ писатель, обладаетъ достоинствами, выдвигающими его на первое мѣсто среди современныхъ французскихъ беллетристовъ, ничтожныхъ по таланту, блѣдныхъ по выраженію, чрезвычайно мало содержательныхъ и изощряющихъ въ большинствѣ случаевъ свой талантъ на порнографическихъ картинкахъ. Бурже несомнѣнно умный и образованный человѣкъ. Въ умственномъ отношеніи онъ представляетъ собой опредѣленную единицу, у него есть свой умственный устой, на міръ и людей онъ смотритъ съ очень опредѣленной, сознательной точки зрѣнія, которая, можетъ быть, не всякаго удовлетворитъ въ одинаковой степени, но которая безспорно доказываетъ довольно широкое фи-

лософское образованіе, придающее его этюдамъ и романамъ смыслъ и значеніе.

Какъ и всѣ начинающіе, Поль Бурже еще очень молодымъ человѣкомъ сталъ писать стихотворенія. Въ теченіе десяти лѣтъ (1872—1882) онъ успѣлъ издать цѣлыхъ два томика стихотвореній, которыя хотя и имѣли нѣкоторый успѣхъ среди весьма нынѣ немногочисленныхъ поклонниковъ поэзіи вообще и французской поэзіи въ особенности, но которыя въ то же время доказали ему, что онъ „не родился“ поэтомъ, и что гораздо лучше быть замѣтнымъ прозаикомъ, чѣмъ принадлежать къ хору современныхъ чижиковъ. Онъ убѣдился, такъ сказать, воочію, что онъ не столько лирикъ, сколько прозаикъ. Въ его стихотвореніяхъ, очень недурныхъ по фактурѣ стиха, гораздо болѣе психологическаго анализа, чѣмъ истинной поэзіи, гораздо болѣе идей, чѣмъ образовъ. Онъ увлеченъ психологическимъ фактомъ и лишь въ весьма умѣренной степени интересуется образомъ, картиной, жизненнымъ фактомъ, неоформленнымъ или оформленнымъ лишь слабо въ сознаніи.

Но къ роману, въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ приступилъ не сразу. Будучи аналитикомъ по умственнымъ привычкамъ и благодаря занятіямъ философіей, и синтетикомъ по умственному складу, Поль Бурже вообразилъ себя критикомъ. Въ критикѣ, какъ ему казалось, онъ могъ съ бо̀льшею свободой и бо̀льшею полнотою высказать и развить идеи, интересовавшія его и составляющія какъ бы основу его міросозерцанія. Но и тутъ онъ заблуждался. Его критическіе этюды, которые онъ назвалъ нѣсколько претенціозно „Essais de psychologie contemporaines“ (тутъ онъ разбираетъ Бодлера, Ренана, Флобера, Тена, Стендаля, Дюма-сына, Леконта де-Лиля, Гонкуровъ, Тургенева, Аміеля), носятъ на себѣ отчасти теоретическій и даже догматическій характеръ. Онъ не анализируетъ избраннаго имъ писателя, а ищетъ въ немъ и подчеркиваетъ, можетъ быть, даже слишкомъ усердно, тотъ элементъ, который, по его мнѣнію, составляетъ сущность современнаго міросозерцанія. Элементъ этотъ, на его взглядъ, есть *пессимистическое* отношеніе современнаго человѣка къ жизни и къ людямъ; эти писатели смотрятъ, думаетъ Бурже, пессимистически на жизнь и людей; въ жизни они видятъ одно лишь страданіе и разочарованіе, въ людяхъ — одни лишь анормальности.

Такая предвзятая и односторонняя точка зрѣнія привела Бурже къ фальшивому взгляду на разбираемыхъ имъ писателей и на современную европейскую дѣйствительность. Что у Тена, Бодлера, Ренана, Тургенева, Флобера можно усмотрѣть нѣкоторый пессимизмъ — объ этомъ не можетъ быть спора, но этотъ пессимизмъ, во всякомъ случаѣ, не составляетъ сущности ихъ

воззрѣній, а является лишь внѣшнимъ продуктомъ, случайно наросшимъ подъ минутными и, въ крайнемъ случаѣ, временными впечатлѣніями. Даже самое понятіе пессимизма и оптимизма едва ли примѣнимо къ этимъ писателямъ; переживъ первыя, чисто субъективныя, впечатлѣнія мысли, оптимизма или пессимизма, какъ это бываетъ со всякимъ, они ушли, такъ сказать, въ сторону отъ этихъ понятій и выростили, если можно такъ выразиться, свое міросозерцаніе на началахъ гораздо болѣе глубокихъ и объективныхъ. Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности и по своей натурѣ Ренанъ, напримѣръ, былъ чистокровнымъ оптимистомъ и только впослѣдствіи, начиная съ 1870 года, подъ тяжестью несчастныхъ политическихъ условій Франціи, въ немъ начинаетъ проглядывать пессимизмъ, выразившійся довольно опредѣленно въ его „Dialogues philosophiques“; но всѣ эти струи оптимизма и пессимизма — только внѣшняя оболочка его мысли, которая, — воспитанная на продолжительномъ изученіи исторіи, остается всегда объективной и точной; онъ всегда различаетъ личныя воззрѣнія отъ выводовъ науки. Тургеневъ объективно синтезируетъ русскую дѣйствительность и не только не видитъ въ ней задатковъ вырожденія, — хотя это неизбѣжно случилось бы съ систематическимъ пессимистомъ, — но, напротивъ, приписываетъ русскому народу и русской литературѣ огромную будущность. Для Тена самыя понятія пессимизма и оптимизма — побочныя, мелкія понятія, которыя не должны входить въ составъ науки; онъ даже не скептикъ въ философскомъ смыслѣ: будучи болѣе чѣмъ на половину гегеліанцемъ, онъ безусловно вѣритъ въ возможность метафизики и даже указываетъ на ту научную основу, на которой „будущая“ метафизика воздвигнетъ свое зданіе. Сознательными и систематическими пессимистами можно назвать лишь Бодлера и Флобера, изъ разбираемыхъ Бурже писателей; но Бодлеръ только фантазеръ безъ всякихъ умственныхъ устоевъ, а Флоберъ — скорѣе скептикъ на художественной подкладкѣ, чѣмъ пессимистъ, — по крайней мѣрѣ въ философскомъ значеніи слова.

Но тезисъ Бурже идетъ дальше. Онъ усматриваетъ пессимизмъ не только въ разбираемыхъ имъ писателяхъ, но также и во всей современной европейской жизни. Собственно онъ выбралъ этихъ писателей для разбора только потому, что, по его мнѣнію, они лучше и полнѣе другихъ обнаруживаютъ въ своихъ произведеніяхъ, въ своемъ складѣ ума, въ своихъ душевныхъ побужденіяхъ крайній пессимизмъ современнаго европейскаго общества. На его взглядъ, современный европеецъ — неизбѣжно пессимистъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ. Ни наука, ни философія, ни политическая и общественная жизнь, —

разсуждаетъ онъ, — не даютъ никакихъ гарантій современному человѣку. Прежніе идеалы, которыми жило человѣчество въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, потухли въ свѣтѣ всесокрушающаго анализа; наука все больше и больше дробится, изучая отдѣльные факты и не сводя ихъ къ одному общему, всемірному принципу: она тоже извѣрилась въ системы и теоріи и слѣдуетъ сухой схемѣ позитивизма; философія, послѣ Канта, — думаетъ онъ, — болтается въ заколдованномъ кругу противорѣчій и не въ состояніи выйти на путь какой либо объективной достовѣрности; политическая и общественная жизнь имѣетъ тотъ же характеръ дробности и неустойчивости: всѣ тѣ принципы и начала, которыми Европа жила до сороковыхъ годовъ или, вѣрнѣе, до 1848 года, — сразу рухнули подъ напоромъ обстоятельствъ и событій; теперь уже никто не вѣритъ ни въ великіе „принципы“ 1789 года, ни въ формулу свободы, равенства и братства, ни въ цѣлительныя свойства различныхъ формъ правленія, ни въ единую и нераздѣльную соціально-демократическую республику, ни въ реорганизацію, по мановенію волшебнаго жезла, общества на началахъ соціализма. Въ настоящее время европейское человѣчество живетъ, такъ сказать, изо дня въ день, безъ вѣры, безъ почвы подъ ногами, безъ идеала, безъ цѣли, которыя бы давали смыслъ и значеніе жизни.

Этотъ взглядъ Бурже мы передаемъ не его словами и даже не in extenso, а лишь резюмируемъ въ одно систематическое цѣлое отдѣльныя мысли, разбросанныя безъ системы и безъ порядка въ произведеніяхъ Бурже. Онъ — не систематикъ и не теоретикъ, но во всякомъ случаѣ человѣкъ мыслящій и съ опредѣленнымъ взглядомъ. Въ его воззрѣніяхъ, конечно, есть доля справедливости, но это не даетъ ему еще права обвинять современное общество въ безнадежномъ пессимизмѣ. Въ дѣйствительности толпа — средній человѣкъ — всегда живетъ безъ цѣли, изо дня въ день, или же жизнь этой толпы регулируется, такъ сказать, внѣшнимъ образомъ, правилами установленной, признанной, официальной нравственности и религіозной догмы; а люди науки, мысли, политической дѣятельности — всѣ творческіе, однимъ словомъ, умы — не вліяютъ непосредственно на толпу. Слѣдовательно, и мысль Бурже въ этой общей схемѣ справедлива только отчасти.

Тѣмъ не менѣе эта мысль является для него настоящей формулой дѣйствительности. Въ этомъ онъ совершенно убѣжденъ. И это убѣжденіе тѣмъ болѣе сильно и ярко, что самъ Бурже — неизлечимый пессимистъ, потерявшій (или, вѣрнѣе, никогда не имѣвшій) вѣру и въ науку, и въ философію, и въ жизнь, и создавшій себѣ одинъ лишь культъ искусства, искусства оторваннаго отъ жизни, пребывающаго въ какомъ-то заоблачномъ

ie, имѣющаго значеніе не только средства, но и цѣли. Бур- — безусловный пессимистъ, но этотъ его пессимизмъ не есть, ъ у Шопенгауэра, философская система, а лишь настроеніе. ъ философская система, пессимизмъ, даже и не въ такой цѣль- формулѣ, какъ у Шопенгауэра, можетъ имѣть смыслъ и ченіе, какъ начало, объединяющее всѣ явленія жизни и ли, какъ извѣстная, опредѣленная и законченная формула че- ѣческаго сознанія: таковъ пессимизмъ Шопенгауэра и Гарт- а, таковъ пессимизмъ Монтеня, таковъ пессимизмъ буддизма аковъ, въ области искусства, пессимизмъ Леопарди и г-жи рманъ. Какъ объединяющее начало, онъ можетъ быть бла- воренъ и богатъ содержаніемъ, потому что, объединяя явле- міра, онъ будитъ мысль, заставляетъ ее работать. Но бы- тъ другой пессимизмъ — пессимизмъ настроенія, не имѣющій его общаго съ какой либо философской системой. Этотъ пес- измъ является, какъ результатъ разочарованія въ жизни, зненныхъ неудачъ и несчастій, или пресыщенія. Онъ яв- тся періодическимъ явленіемъ въ европейской жизни, и его вленіе всегда оказывало значительное вліяніе на литературу, зію и искусство. Между прочимъ, онъ царствовалъ въ Европѣ ти безусловно въ тридцатыхъ годахъ, но въ своеобразныхъ махъ демонической разочарованности, въ образахъ Манфреда, е, Обермана, и тогдашній пессимистъ назывался просто un me blasé. Родственный ему типъ возникъ и теперь съ но- кличкой пессимиста, можетъ быть, потому, что Европа только внительно очень недавно познакомилась съ Шопенгауэромъ, орый далъ меткое названіе той болѣзни, что̀ удручаетъ со- менное человѣчество.

Къ такого рода пессимистамъ по настроенію принадлежитъ Поль Бурже. Обаяніе, которое онъ производятъ на большин- о своихъ читателей, зависитъ, очень вѣроятно, въ гораздо ьшей степени отъ искренности его разочарованія, чѣмъ отъ анта, въ которомъ ему нельзя отказать. Но, кромѣ того, его симизмъ имѣетъ еще спеціально парижскій характеръ — буль- ный, если можно такъ выразиться. Бурже — истый парижа- ъ, если не по происхожденію, то по привычкамъ, по воспи- ію, по жизни. Онъ усвоилъ себѣ тотъ бульварный языкъ лег- насмѣшки, въ которомъ выражается глубокій, ничѣмъ не- ечимый индиферентизмъ ко всѣмъ великимъ интересамъ че- ѣчества, — тотъ индиферентизмъ, которымъ живетъ такъ на- маемое „лучшее“ парижское общество. Распущенность жизни, нченный развратъ, пресыщенность легкими наслажденіями и ишествами — или, въ лучшемъ случаѣ, такъ называемое тское общество, лишенное всякихъ серьезныхъ интересовъ, вущее лишь внѣшностью и приличіями, — вотъ, въ двухъ

словахъ, та среда, изъ которой выходитъ парижскій boulevardier. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы и Поль Бурже былъ такимъ boulevardier: для этого онъ слишкомъ умный, образованный, слишкомъ серьезный человѣкъ; но эта среда, съ которой онъ сроднился, въ которой онъ живетъ, изъ которой онъ почерпаетъ свое „вдохновеніе", безсознательно для него самого вліяетъ на него, и это вліяніе выражается въ его сознаніи, какъ безнадежный, ни на чемъ неосновательный, пессимизмъ настроенія.

Съ другой стороны, онъ выступилъ на литературное поприще въ то время, когда Франція начала знакомиться съ корифеями русскаго романа. Міръ, открытый этимъ романомъ, былъ такъ необыченъ для современнаго француза, талантъ такъ яркъ и самобытенъ, что молодые французскіе писатели, болѣе чуткіе и впечатлительные, всецѣло подпали подъ вліяніе этого романа. Слѣдствіемъ этого было два направленія въ современной французской литературѣ: съ одной стороны — своеобразный мистицизмъ у Юитманса, Эннка, Рода, Рони, съ другой — психологическій романъ съ философскимъ пошибомъ, представителемъ котораго въ настоящее время можетъ считаться Поль Бурже. Это послѣднее направленіе уже имѣетъ цѣлую школу, довольно популярную, къ которой принадлежатъ люди талантливые. Школа эта представляетъ довольно любопытное движеніе, которое возникло подъ вліяніемъ Достоевскаго и которое еще очень недавно вызвало разнообразные толки также и въ русской журналистикѣ. Я говорю о романѣ на подкладкѣ такъ называемаго идейнаго преступленія. Стоитъ вспомнить только „La lutte pour la vie" Альфонса Доде и „Le disciple" Поля Бурже, чтобы понять значеніе этой школы. Строго говоря, такой романъ можно и слѣдуетъ причислить къ бульварнымъ романамъ, ищущимъ сенсаціонныхъ, эффектныхъ сценъ, звѣрскихъ убійствъ, таинственныхъ приключеній, необычайныхъ стеченій обстоятельствъ. Такое „приподнятое" содержаніе всегда сильно дѣйствуетъ на воображеніе обыкновеннаго читателя, и, собственно говоря, этимъ обстоятельствомъ и объясняется, между прочимъ, постоянный успѣхъ такого рода романовъ. Когда подобный сюжетъ разрабатывается высоко даровитымъ писателемъ, то романъ, конечно, будетъ обладать недюжинными художественными достоинствами, хотя элементъ мелодраматизма всегда будетъ присущъ ему. Но если къ талантливому исполненію присоединится еще и своеобразный взглядъ на преступленіе, то несомнѣнно романъ выиграетъ также и въ дѣйствительномъ интересѣ.

Представьте себѣ, напримѣръ, что кто нибудь изъ талантливыхъ беллетристовъ (возьмемъ для примѣра хотя бы Уильки Коллинза, недавно умершаго), обладающій манерой сенсаціоннаго романа, задумаетъ написать романъ на сюжетъ „Джека-рас-

парывателя животовъ". Для сенсаціоннаго романиста такой сюжетъ — чистая находка; сколько тутъ ужасныхъ, таинственныхъ убійствъ, сколько сценъ нищеты и разврата, сколько необычайныхъ обстоятельствъ, сколько интересныхъ предлоговъ для изображенія полицейскихъ сыщиковъ, потерявшихъ головы и не могущихъ поймать или хотя бы только напасть на слѣдъ страшнаго Джека! Представьте себѣ, кромѣ того, что авторъ, желая поднять интересъ своего романа, придать ему значеніе не простой сказки, а произведенія на подкладкѣ какой либо философской или соціальной идеи, — представьте себѣ, что авторъ сдѣлаетъ предположеніе, что его Джекъ — не простой убійца, руководствующійся корыстными цѣлями, а образованный докторъ-хирургъ, проникнутый до мозга костей идеей крайняго общественнаго вреда, приносимаго падшими женщинами, помѣшавшійся на этой „идеѣ" и поэтому „устраняющій", насколько позволяютъ ему средства и возможность, всякую падшую женщину, которая ему попадется. Вотъ вамъ и идейный романъ. О немъ будутъ говорить и писать, будутъ спорить объ „идеѣ" Джека, припутаютъ психологію, а — можетъ быть — и распространятся о вредѣ нѣкоторыхъ ученій и доктринъ, проповѣдуемыхъ нѣкоторыми, слишкомъ прямолинейными, современными учеными; заговорятъ, напримѣръ, о „преступномъ типѣ" Ломброзо и нынѣшнихъ, слишкомъ увлекающихся, антропологовъ, которые будто бы своими скороспѣлыми ученіями вызываютъ въ самой жизни появленіе „преступныхъ типовъ". Конечно, такой романъ не имѣлъ бы успѣха въ образованномъ обществѣ, еслибы, въ видѣ острой приправы, авторъ не положилъ въ его основаніе „идею". Положимъ, что идея эта — не богъ знаетъ какого сорта, положимъ, что ничего подобнаго никакіе серьезные ученые не проповѣдуютъ, — все равно; достаточно и того, что авторъ намекнулъ, что такіе ученые возможны, что ими насыщена, точно міазмами, общественная атмосфера, — и общество, заинтересованное, взволнованное, непремѣнно заговоритъ о романѣ.

Достоевскій, если не ошибаюсь, первый угадалъ значеніе и, можетъ быть, будущность такого романа; и опытъ, сдѣланный имъ въ „Преступленіи и наказаніи", показалъ, что этотъ родъ наиболѣе подходилъ подъ характеръ и свойства его таланта.

И въ самомъ дѣлѣ — чѣмъ, собственно говоря, отличается „Преступленіе и наказаніе" отъ обыкновеннаго бульварнаго, сенсаціоннаго романа, который въ европейскихъ литературахъ господствуетъ чуть ли не съ самаго начала нынѣшняго столѣтія и который явился, какъ извѣстно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ романтизма? Скажутъ, можетъ быть: романъ Достоевскаго отличается отъ бульварнаго романа прежде всего талан-

томъ, потомъ умомъ, психическимъ анализомъ. Разумѣется, такъ, но по формѣ, по роду, это — бульварный романъ. Какъ въ самомъ обыкновенномъ бульварномъ романѣ, такъ и въ романѣ Достоевскаго все дѣло сводится на эффектность содержанія, съ необычайными обстоятельствами, таинственностью и кровавыми сценами. Но Достоевскій былъ слишкомъ большой истинный художникъ, чтобы ограничиться только такимъ содержаніемъ; онъ внесъ въ романъ свой глубокій, хотя и односторонній, психологическій анализъ, и въ основаніе всего дѣйствія положилъ идейное преступленіе, т. е. такое преступленіе, которое является не простымъ слѣдствіемъ „злой воли“ преступника, но составляетъ результатъ односторонняго міровоззрѣнія, дурно понятаго и, слѣдовательно, преступно направленнаго въ жизни.

Читатели, конечно, помнятъ, какъ Достоевскій представилъ задачу, которую ему предстояло рѣшить: молодой человѣкъ Раскольниковъ, вслѣдствіе крайне бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ находится, приходитъ къ заключенію, что убить старуху-ростовщицу, его знакомую, не будетъ преступленіемъ. Нищета заставляетъ его покинуть университетъ; высокое мнѣніе, которое онъ составилъ о себѣ, мѣшаетъ ему искать работы. Съ другой стороны, онъ много читалъ „книжекъ“; его голова переполнена ученіями и теоріями; очевидно, онъ не можетъ съ ними сладить, привести ихъ въ стройную систему, выдѣлить изъ нихъ мусоръ. Онъ крайне впечатлителенъ, нервенъ, живетъ въ своемъ углу, погруженный въ себя и въ свои мысли; какая-то робкая, болѣзненная ненависть охватываетъ его: онъ — положительно мономанъ, нѣчто въ родѣ неудавшагося Гамлета, у котораго засѣла въ головѣ idea fixa. Его мысль день и ночь кружится вокругъ этой идеи, какъ мотылекъ вокругъ блестящаго огонька; она его манитъ, не даетъ ему покоя. Какъ выйти изъ печальнаго, отчаяннаго положенія, не унижая своего достоинства? Обдумывая рѣшеніе этой задачи, онъ приходитъ къ убѣжденію, что ему остается или умереть съ голоду, не выходя изъ своего угла, или переступить черезъ черту обычной нравственности, которая удерживаетъ другихъ отъ такъ называемыхъ преступленій. Убить старуху — вотъ выходъ. Замѣтьте, къ тому же, что Раскольниковъ вовсе не эгоистъ: въ немъ не только нѣтъ злой воли, но онъ, напротивъ того, своеобразный мечтатель, думающій о благѣ человѣчества и искренно желающій посвятить себя этому благу. Онъ полонъ силъ, онъ можетъ многое сдѣлать, а старуха — только мѣсто занимаетъ, которое, по праву, принадлежитъ другимъ; она всю жизнь копила деньги; съ помощью ихъ она разсчитываетъ въ своемъ религіозномъ эгоизмѣ припасти себѣ тепленькое мѣстечко въ загробномъ мірѣ. А что,

еслибы иначе употребить ея состояніе?... „Молодыя, свѣжія силы, пропадающія безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и направить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій, направленныя на дорогу; десятки семействъ, спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата... и все это на ея деньги! Убей ее и возьми эти деньги съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь — тысяча жизней взамѣнъ, — да вѣдь это ариѳметика!“ Эта мысль долго его мучитъ; она, точно кошмаръ, охватила его; по этому поводу онъ написалъ даже цѣлую статью о томъ, что многое только принято считать преступленіемъ, и что эта кличка удерживаетъ робкихъ людей отъ того, что̀ на самомъ дѣлѣ было бы вовсе не преступленіемъ. Отсюда — цѣлое ученіе: есть люди обыкновенные и люди необыкновенные. Необыкновенные люди — это „власть имущіе“; они обладаютъ смѣлостью, они не останавливаются передъ нравственнымъ формализмомъ, они не считаютъ себя подчиненными нравственному закону, обязательному для обыкновенныхъ людей; настойчивостью, энергіей они достигаютъ успѣха, и, благодаря этому успѣху, ихъ поступки превращаются въ подвиги, тогда какъ при неуспѣхѣ тотъ же самый поступокъ представляется преступленіемъ, т. е. явнымъ нарушеніемъ нравственнаго закона... Въ эпилогѣ романа герой видитъ сонъ: „появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселяющіяся въ тѣла людей: но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились сейчасъ же бѣсноватыми или сумасшедшими“. Подъ этими трихинами, очевидно, разумѣются опять таки различныя идеи, вычитанныя изъ „книжекъ“. Такимъ образомъ преступленіе Раскольникова есть только строго логическій выводъ изъ цѣлаго міровоззрѣнія.

Въ чемъ заключается это міровоззрѣніе, и какую связь имѣетъ оно съ философскимъ движеніемъ нашего вѣка? Достоевскій былъ всегда крайнимъ идеалистомъ и поэтому всегда относился съ какою-то раздражительной антипатіей къ тому, что̀ отзывалось какимъ либо „матеріализмомъ“ — по его терминологіи. Въ то время, когда онъ писалъ свой романъ, въ Россіи уже возникло двойное теченіе, — философское и соціальное, — пришедшее на смѣну идеализма сороковыхъ годовъ. Соціально движеніе это выразилось мечтательными утопіями о томъ, какъ спасти страждущее человѣчество; философское движеніе какъ бы подсказывало практическое рѣшеніе этой задачи, предлагая

формулу утилитаризма. Примѣните эту формулу къ этикѣ, къ обществу,—и при нѣкоторой односторонности вы получите нѣчто въ родѣ утилизаціи преступленія ради высшихъ, альтруистическихъ цѣлей. Если принять одну лишь точку зрѣнія голаго, односторонняго утилитаризма, если въ основу этики не положить какого либо высшаго начала, которое ограничивало бы власть человѣческаго эгоизма, то, очевидно, можно дойти до логическаго оправданія преступленія противъ отдѣльной личности, преступленія, которое бы оправдывалось пользою, приносимою имъ большинству. Эти выводы поразили Достоевскаго. Въ живой, необыкновенно яркой картинѣ онъ показалъ жизненныя послѣдствія, могущія возникнуть изъ такого ученія, прямолинейно примѣняемаго и охватывающаго собой болѣзненно настроенную мысль. Но Достоевскій со своимъ великимъ художественнымъ тактомъ понялъ, что одна голая теорія, какою бы силою она ни обладала, не можетъ привести нормальнаго человѣка къ идейному преступленію; своимъ психологическимъ чутьемъ онъ угадывалъ, что теорія можетъ явиться заразой, „трихиной", только въ томъ случаѣ, когда въ самомъ человѣкѣ уже существуетъ предрасположеніе къ заразѣ, и что, слѣдовательно, истиннымъ, реальнымъ стимуломъ преступленія является не теорія, а жизненныя впечатлѣнія и испытанія, болѣзненное предрасположеніе натуры. Теорія выдвигаетъ впередъ только болѣзненное обобщеніе страданій, которыя принесла съ собою жизнь. Таковъ истинный смыслъ и теоретическое значеніе „Преступленія и наказанія".

Къ сожалѣнію, самъ Достоевскій недостаточно ярко подчеркнулъ этотъ психологическій и философскій смыслъ своего романа; онъ не ограничился жизненными впечатлѣніями и, по крайней мѣрѣ—отчасти, перенесъ дѣло на почву отвлеченной теоріи; кромѣ жизненныхъ впечатлѣній, которыя могутъ извращать нормальное нравственное чувство, кромѣ органическихъ предрасположеній, которыя могутъ обусловливать собою вырожденіе и, до извѣстной степени, оправдываютъ понятіе „преступнаго типа", — Достоевскій произвольно допустилъ непосредственное дѣйствіе теорій, и къ тому же теорій *чужихъ*, заразившихъ собою будто бы здоровую русскую натуру и вывезенныхъ изъ прекраснаго далека, какъ продуктъ разлагающагося запада. Въ этомъ обстоятельствѣ просвѣчивала уже славянофильская тенденція, которая впослѣдствіи выразилась у Достоевскаго уже совершенно ясно. Изъ этой общей тенденціи выдѣлилась, между прочимъ, мысль о томъ, что русская наука — это какая-то особая, идеалистическая наука, покоющаяся на всеобщемъ братствѣ и любви (см. „Братьевъ Карамазовыхъ"), а европейская наука — это какая-то хищная, безжалостная, матеріалистиче-

ская наука, говорящая только о матеріи, о грубой матеріальной пользѣ и выдѣляющая изъ себя вредоносные міазмы, заражающіе человѣчество.

Было бы излишне, я думаю, говорить о томъ, до какой степени эта мысль несостоятельна теоретически и исторически, до какой степени она находится въ противорѣчіи съ фактами, до какой степени она составляетъ легкомысленное (а потому и вредное) обобщеніе нѣкоторыхъ явленій, которыя, можетъ быть, не имѣли ничего общаго ни съ наукой, ни съ философіей, какъ она, наконецъ, односторонняя и тенденціозна. Необходимо, однако же, прибавить, что взглядъ, выразившійся въ „Преступленіи и наказаніи", непосредственно примыкаетъ къ центральной идеѣ всѣхъ произведеній Достоевскаго. Эта идея есть идея объ „Униженныхъ и оскорбленныхъ". Еще въ „Запискахъ изъ мертваго дома" Достоевскій показалъ намъ цѣлый рядъ озлобленныхъ людей, доведенныхъ своимъ озлобленіемъ и отчаяніемъ до преступленія. Раскольниковъ — только тенденціозное видоизмѣненіе этого типа; онъ — точно также озлобленный, униженный и оскорбленный, съ тою только разницей, что озлобленіе его развивается и растетъ на почвѣ теоріи. Съ тѣхъ поръ Достоевскій окончательно увлекся теоретическимъ преступленіемъ и развивалъ его все шире и шире. Вспомнимъ, напримѣръ, Ипполита въ „Идіотѣ". Ипполитъ боленъ не только физически, но и нравственно; онъ написалъ, на прощанье съ людьми, цѣлую статью, въ которой доказываетъ, что человѣкъ долженъ думать только о себѣ, что всякая благотворительность глупа и вредна. И это не фраза: Ипполитъ подъ конецъ жизни пытается привести эту „теорію" въ исполненіе. Въ „Бѣсахъ" это основное положеніе, объясняющее всю литературную дѣятельность Достоевскаго, является уже въ формѣ такъ называемой политической агитаціи и даже политическаго преступленія, — политической агитаціи, которой, будто бы, дозволены всѣ средства. Въ концѣ этого романа мы снова встрѣчаемся съ мыслью, которую мы видѣли въ эпилогѣ „Преступленія и наказанія", но нѣсколько иначе выраженной. Степанъ Трофимовичъ Верховенскій во время своего бѣгства велитъ читать себѣ евангеліе и, попадая на повѣствованіе о бѣсахъ, говоритъ: „Эти бѣсы, выходящіе изъ больныхъ и входящіе въ свиней, — это всѣ язвы, всѣ міазмы, всѣ нечистоты, всѣ бѣсы и бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка и вѣка". Въ этихъ бѣсахъ и бѣсенятахъ мы опять таки должны видѣть персонификацію различныхъ пагубныхъ теорій, вывезенныхъ съ запада и заразившихъ русскій здоровый организмъ.

Думаю, что не будетъ слишкомъ рискованнымъ предположеніемъ мысль, что такія произведенія, какъ „La lutte pour la vie"

Доде и „Le disciple“ Буржеобязаны своимъ появленіемъ именно вліянію Достоевскаго, который болѣе другихъ русскихъ беллетристовъ дѣйствовалъ на кружокъ молодыхъ французскихъ романистовъ. Относительно Доде мы прямо имѣемъ свидѣтельство объ этомъ въ предисловіи къ „La lutte“. Бурже ни въ предисловіи, ни въ самой книгѣ не говоритъ о Достоевскомъ, но это вліяніе невольно чувствуется въ самой постановкѣ вопроса, въ развитіи основной темы, хотя на первый взглядъ романъ Бурже нисколько не походитъ на романъ Достоевскаго. Различіе это, однако, заключается не въ сущности дѣла, а въ различныхъ свойствахъ таланта обоихъ писателей. Нечего и говорить, что Бурже неизмѣримо ниже Достоевскаго по таланту; съ другой стороны, онъ не въ такой мѣрѣ художникъ и въ гораздо большей степени теоретикъ; поэтому его романъ само собой укладывается въ длинныя разсужденія, которыя должны, по мысли автора, объяснить психическій міръ его героя. Но задача, повторяемъ, совершенно та же, что̀ и въ „Преступленіи и наказаніи“,— если, конечно, устранить тенденціозность Достоевскаго, которая на французской почвѣ не имѣла бы никакого смысла. У Бурже задача представлена даже гораздо ярче и непосредственнѣе. Авторъ изображаетъ намъ знаменитаго ученаго, преданнаго своей наукѣ, углубившагося въ свои теоретическіе труды, совершенно отрѣшеннаго отъ жизни и написавшаго, между прочимъ, книгу о „Психологіи Бога“. Бурже однако почти совершенно умалчиваетъ о теоретическихъ началахъ, положенныхъ въ основу своей системы знаменитымъ ученымъ. Мы можемъ только догадываться, что это нѣчто въ родѣ безусловнаго детерминизма, гораздо болѣе безусловнаго, чѣмъ детерминизмъ Спинозы. Мы можемъ догадываться также, что эта система въ своихъ психологическихъ частяхъ имѣетъ связь съ ученіемъ Дарвина о приспособленіи къ средѣ, съ закономъ борьбы за существованіе,— другими словами, дѣйствіе романа Бурже развивается на той же самой почвѣ, на которой развивается дѣйствіе и пьесы Доде,— на „матеріалистическомъ“ ученіи, какъ сказалъ бы Достоевскій. Бурже предполагаетъ, что проповѣдь ученія знаменитаго ученаго оказываетъ огромное вліяніе на одного молодого человѣка, умнаго, образованнаго, талантливаго, который, прямолинейно и всецѣло примѣняя къ жизни это ученіе, совершаетъ убійство любимой имъ дѣвушки. Развитіе теоретическихъ положеній и выводовъ молодаго адепта и самый фактъ преступленія — составляютъ драму. Романъ оканчивается отчаяніемъ знаменитаго ученаго, который, благодаря только этому преступленію, увидѣлъ — къ какимъ уродливымъ результатамъ можетъ привести его ученіе. Совершенно очевидно, что мысль развить въ романѣ это положеніе была дана Бурже романомъ Достоевскаго, знаком-

тво съ которымъ для Бурже совпало съ двумя-тремя преступле-
іями, напоминающими собой преступленіе Раскольникова и имѣв-
шими мѣсто во Франціи, — подобно тому какъ и Достоевскій свои
„Бѣсы“ основалъ на дѣйствительномъ фактѣ. Но факты, хотя бы
и часто повторявшіеся, еще не оправдываютъ теоретическаго об-
общенія. А такое обобщеніе въ своей основѣ не выдерживаетъ
строгой критики, какъ это мы показали на романѣ Достоевскаго.
Кстати, припомнимъ здѣсь тѣ странные толки, которые воз-
никли и въ русской журналистикѣ послѣ появленія романа
Бурже. Романъ произвелъ не только во Франціи, но и у насъ
довольно сильное впечатлѣніе; пользуясь данными романа, въ
русской печати появились желчные, негодующіе толки о раз-
вращающемъ вліяніи „науки“, о пагубномъ дѣйствіи „матеріа-
листическихъ“ теорій на молодые умы, лишенные дѣйстви-
тельно нравственнаго воспитанія, — толки о томъ, что „наука“
должна давать нравственные принципы и т. п.

Но прежде всего необходимо замѣтить, что собственно „на-
ука“ въ этомъ вопросѣ — совершенно не причемъ. „Наука“ из-
учаетъ и должна изучать только факты и координировать эти
факты въ законы, выводимые строго логически. Было бы совер-
шенно нелѣпо обвинять науку въ томъ, напримѣръ, что законъ
тяготенія, установленный наукой, въ томъ или другомъ отно-
шеніи вредитъ нравственности, доказывая, предположимъ, не-
избѣжность извѣстныхъ слѣдствій, которыя ослабляютъ или
уничтожаютъ идею свободы воли; было бы точно также нелѣпо
возставать противъ изученія гипнотизма на томъ только основа-
ніи, что гипнотическое внушеніе, повидимому, значительно огра-
ничиваетъ свободу воли. „Наука“ не обязана отвѣчать за тѣ вы-
воды, которые могутъ изъ нея дѣлаться. „Наука“ съ другой сто-
роны не отвѣтственна за тѣ скороспѣлыя заключенія, къ которымъ
могутъ приходить теоретики, основываясь на научныхъ гипо-
тезахъ и теоріяхъ. Такъ, напримѣръ, въ современной наукѣ су-
ществуетъ теорія, обновившая естествознаніе и принесшая огром-
ные результаты — теорія Дарвина. Но отвѣтственна ли эта те-
орія за тѣ выводы и заключенія, которые были дѣлаемы и дѣ-
лаются до сихъ поръ, въ особенности въ Германіи, въ примѣ-
неніи къ соціологіи, къ эстетикѣ, къ философіи, къ этикѣ?

Необходимо также сказать и то, что всѣ эти quasi-научныя
теоріи и системы не составляютъ какого либо специфическаго
признака нашего времени: онѣ всегда были и, вѣроятно, всегда
будутъ, но отъ этого не уменьшается достоинство науки и не
увеличивается безнравственность общества. Въ свое время взгля-
ды Гоббса въ Англіи были не менѣе пагубны для традиціон-
ной нравственности, но отъ этого, слава Богу, нравственность
въ Англіи не погибла, и, благодаря Гоббсу, ни въ Англіи, ни

въ Европѣ не стали появляться нравственные уроды. То же можно сказать о „Принцѣ“ Макіавелли или даже о „Критикѣ чистаго разума“ Канта. Скептицизмъ Канта безъ ученія о практическомъ разумѣ или детерминизмъ Спинозы безъ ученія о свободѣ, —дѣйствительно, казалось, уничтожали основы истинной человѣческой нравственности, но сама нравственность отъ этого не улетучилась, ибо она является высшимъ даромъ, присущимъ человѣку, или, какъ сказалъ бы Кантъ, „категорическимъ императивомъ“ воли; что же касается до идейныхъ преступленій, то они, конечно, бываютъ, но причины ихъ, какъ мы уже показали, находятся не въ тѣхъ или иныхъ теоріяхъ, а въ тѣхъ жизненныхъ впечатлѣніяхъ и органическихъ предрасположеніяхъ, которыя, выражаясь въ жизни, какъ преступленія, принимаютъ лишь теоретическую оболочку. Бурже, какъ и Достоевскій, впалъ въ ту же самую психологическую иллюзію, по которой человѣку кажется, что онъ дѣйствуетъ сознательно, по обдуманному плану, въ виду извѣстной цѣли, тогда какъ въ дѣйствительности онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ инстинкта; человѣкъ почти всегда дѣйствуетъ безсознательно, подъ вліяніемъ инстинкта или идіосинкразіи, по влеченію и детерминаціи натуры, но свои дѣйствія онъ всегда облекаетъ въ форму сознанія, на основаніи психическаго закона; точно также и преступникъ какъ бы оправдываетъ свое преступленіе, обставляя сознательными мотивами теоретическаго характера предрасположенія своей натуры.

Впрочемъ, надобно и то сказать, что романъ на подкладкѣ идейнаго преступленія, романъ въ манерѣ Достоевскаго, принадлежитъ лишь отчасти къ манерѣ самого Бурже. Не обладая богатой фантазіей, не интересуясь широкими соціальными и историческими явленіями, но психологъ по натурѣ и по склонности, Бурже чаще всего разрабатываетъ почти исключительно психологическій романъ, въ той его формѣ, какая установилась во французской литературѣ еще со времени знаменитаго романа г-жи Ла-Файетъ; въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго типомъ этого романа можетъ считаться романъ баронессы Крюднеръ „Valerie“, а въ шестидесятыхъ годахъ — романъ Федо „Fanny“. Въ прежнія времена въ этомъ романѣ преобладала форма писемъ, а въ наше время — просто разсказъ отъ автора. Событія и фабула играли въ немъ всегда очень незначительную роль; все дѣло заключается въ мелочномъ, иногда остроумномъ, психологическомъ наблюденіи какой либо душевной анормальности въ женской или мужской натурѣ, — анормальности, возникающей подъ вліяніемъ любви. Но въ этомъ отношеніи Бурже болѣе спеціально принадлежитъ къ школѣ Стендаля, который придалъ этой формѣ романа болѣе серьез-

ный интересъ психологическаго изслѣдованія на почвѣ извѣстной, готовой теоріи.

Всѣ романы Бурже, за исключеніемъ уже упомянутаго нами „Le disciple“, принадлежатъ къ этому типу, но и тутъ Бурже, вслѣдствіе своего политическаго скептицизма и общественнаго индиферентизма, съуживаетъ задачи Стендаля и занимается почти исключительно психологіей женскаго сердца. Благодаря этому обстоятельству, онъ возвращается къ первичному типу французскаго психологическаго романа — къ г-жѣ Ла-Файетъ, къ Бернардену де-Сенъ-Пьеру, къ баронессѣ Крюднеръ. Въ сущности говоря, романъ такъ понимаемый имѣетъ мало серьезнаго, научнаго интереса, но нѣкоторыя свойства таланта Бурже какъ бы обновляютъ эту форму и производятъ впечатлѣніе. Онъ съ особеннымъ пристрастіемъ изучаетъ или анормальности любви, или же придаетъ роману уголовный характеръ. „André Cornelis“ принадлежитъ къ школѣ уголовныхъ романовъ на подкладкѣ психологическаго изслѣдованія внутреннихъ состояній, побужденій и мотивовъ убійцы. Мы, однако, не будемъ распространяться объ этомъ романѣ, такъ какъ онъ не представляетъ оригинальной попытки въ этомъ родѣ и, за малыми исключеніями, не выходитъ изъ ряда обыкновеннаго типа уголовнаго романа. Гораздо интереснѣе и самостоятельнѣе другіе романы Бурже, — „Cruelle énigme“, „Un crime d'amour“, „Mensonges“ и „Un coeur de femme“, — въ которыхъ модный нынѣ авторъ изслѣдуетъ почти исключительно анормальности любви.

Въ каждомъ изъ этихъ романовъ читатель находитъ одну тему, которую авторъ старается изобразить не только въ событіяхъ, но также и въ теоретическихъ положеніяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ беретъ извѣстное состояніе сердца, когда мужчина при самой интенсивной потребности любви не можетъ любить. Онъ изображаетъ намъ молодаго человѣка, свѣтскаго, блестящаго, богатаго, съ богатой натурой, погруженнаго въ парижскую свѣтскую жизнь и въ свѣтское ничегонедѣланіе. Легкія побѣды ему надоѣли, онъ скучаетъ, онъ чувствуетъ потребность сердечнаго увлеченія и подъ вліяніемъ этого чувства сходится съ одной свѣтской женщиной, которая искренно и глубоко любитъ его. Онъ убѣждаетъ себя, что любитъ ее, что эта любовь заполнитъ его существованіе, но въ дѣйствительности выходитъ иначе: эта любовь не приноситъ ему ни счастія, ни сердечной полноты; онъ по прежнему не удовлетворенъ, по прежнему скучаетъ, по прежнему видитъ въ любви одинъ лишь оптическій обманъ, одинъ лишь маккіавелизмъ природы,—какъ сказалъ бы Шопенгауэръ,—благодаря которому природа окольнымъ путемъ достигаетъ своихъ цѣлей. Это, какъ видитъ читатель, тема довольно оригинальная, которая бы сдѣлала честь

даже нѣмецкому философу-пессимисту, и разработана Бурже довольно искусно. Но въ сущности, если всмотрѣться хорошенько, невольно является вопросъ: что такое эта impuissance d'aimer, это безсиліе любить, эта жестокая загадка (cruelle énigme)? Уже самая потребность любви есть уже любовь in spe, и эта любовь реализуется, какъ только представляется случай. Явленіе же безсилія любить при потребности любви психологически можно только объяснить безцѣльностью въ жизни, отсутствіемъ прочныхъ и серьезныхъ интересовъ, вѣчной идіотіей свѣтскаго человѣка, который принимаетъ простую интрижку за любовь. Въ дѣйствительности такой выводъ даетъ намъ и романъ Бурже, но теоретически авторъ понимаетъ дѣло не такъ: его тезисъ заключается въ томъ, что эта impuissance d'aimer есть роковое состояніе современнаго человѣка, состояніе, извращающее его волю, отнимающее энергію, приводящее его къ безсилію не только въ любви, но и въ дѣятельности. Такимъ образомъ фактъ, являющійся въ современномъ обществѣ почти какъ исключеніе и объясняемый просто вліяніемъ среды и условіями жизни, объясняется Полемъ Бурже съ точки зрѣнія его пессимистической теоріи, какъ характеристическая черта времени.

Не будетъ, я думаю, слишкомъ рискованнымъ заключить, что въ своихъ романахъ Бурже является послѣдователемъ Шопенгауэра и его метафизики любви. Любовь для Бурже, какъ и для Шопенгауэра, есть не болѣе, какъ обманъ природы, которая этимъ окольнымъ путемъ достигаетъ своихъ цѣлей поддержанія и распространенія жизни. Это — роковой фактъ, котораго нельзя избѣжать и который приноситъ только разочарованіе и несчастіе. По ученію Шопенгауэра, съ которымъ вполнѣ соглашается и Бурже, страстное желаніе любви, о которомъ поэты всѣхъ временъ говорили на тысячи ладовъ, это страстное желаніе, связывающее съ обладаніемъ извѣстной женщиной идею безконечнаго счастія и безконечнаго страданія при мысли, что ею обладать нельзя, — это страстное желаніе и это страданіе не могутъ возникнуть вслѣдствіе нужды эфемернаго индивидуума. Это — вздохъ генія рода, который тутъ находитъ или теряетъ единственное средство достичь своихъ цѣлей. Одинъ лишь родъ имѣетъ жизнь безъ конца, а вслѣдствіе этого и желаніе безъ конца, удовлетвореніе безъ конца и страданіе безъ конца. И все это заключено въ узкомъ сердцѣ смертнаго. Удивительно ли послѣ этого, когда кажется, что это сердце лопнетъ, что оно не въ состояніи найти выраженія, чтобы обнаружить предчувствіе безконечнаго опьяненія? Это-то именно обстоятельство и придаетъ особенную важность самой высокой эротической любви, когда она теряется въ трансцендентальныхъ

метафорахъ, возвышаясь надъ всѣмъ, что̀ земное. Это объясняетъ страданіе Петрарки, Сенъ-Пре, Вертера, Якопо Ортиса. Поэтому чувство высочайшей важности миссіи любовниковъ возноситъ ихъ надъ всѣмъ, что̀ земное, и это придаетъ ихъ чрезвычайно физическимъ желаніямъ одежду гиперфизическую и дѣлаетъ изъ любви поэтическій эпизодъ въ жизни человѣка, даже самаго прозаическаго. Маска, подъ которой скрывается геній рода, есть ожиданіе безконечнаго счастія въ удовлетвореніи своей любви,—химера столь лучезарная, что тотъ, кто не можетъ ее осуществить, впадаетъ въ самое глубокое отвращеніе отъ жизни и ищетъ лишь смерти, ибо въ этомъ случаѣ индивидуумъ есть слишкомъ хрупкая ваза для того, чтобы перенести напоръ безконечнаго желанія воли природы, сконцентрированнаго въ опредѣленномъ объектѣ. Въ такомъ случаѣ единственный выходъ—самоубійство; Вертеры, Якопо Ортисы существуютъ не въ однихъ только романахъ: ежегодно въ Европѣ ихъ умираетъ съ полдюжины; sed ignotis perierunt mortibus illi, и ихъ страданія, вмѣсто лѣтописи, выражаются лишь въ полицейскомъ протоколѣ и въ нѣсколькихъ газетныхъ строкахъ.

Вотъ теоретическая основа, на которой построены всѣ романы Поля Бурже. Онъ вездѣ признаетъ за любовью роковой характеръ обмана и всегда находитъ, что этотъ обманъ неизбѣженъ, и что онъ приводитъ личность къ величайшимъ страданіямъ, когда является коллизія между эгоистическими желаніями и объективнымъ характеромъ любви. Анализъ, производимый такимъ образомъ Бурже, имѣетъ значительную психологическую цѣнность, но необходимо прибавить, что этотъ анализъ не полонъ: онъ не показываетъ намъ восходящей, если можно такъ выразиться, эволюціи любви, онъ не показываетъ, какъ обѣ стороны любви — органическая и психологическая — находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи, такъ что на самой низшей ступени мы видимъ только грубый инстинктъ, выше — полную гармонію между тѣмъ, что̀ имѣетъ характеръ физическій, и тѣмъ, что̀ духовно; еще выше—послѣдовательное умаленіе, но никогда не доходящее до полнаго уничтоженія физической формы (Петрарка, Данте, платоническая любовь), до того пункта, когда можно почти согласиться съ Прудономъ: „У высшихъ душъ любовь не имѣетъ органа“.

Значеніе этого анализа умаляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Бурже почти исключительно изслѣдуетъ любовь только въ ея анормальностяхъ, а собственно нормальная любовь интересуетъ его очень мало. Мы уже указали на одну такую анормальность, изображенную Бурже: безсиліе любить при неудержимой потребности любить. Другую подобную же анормальность мы встрѣчаемъ въ романѣ „Un crime d'amour“. Въ

этомъ романѣ разсказана исторія молодой женщины, которая,— изъ желанія отомстить любимому человѣку, покинувшему ее,— отдается другому, котораго она ненавидитъ. И опять таки эта тема разработана Бурже очень искусно и правдоподобно; но если подобныя анормальности и могутъ встрѣчаться, то во всякомъ случаѣ онѣ являются весьма рѣдкими исключеніями, которыя поэтому и неинтересны съ общей психологической точки зрѣнія.

Наконецъ третья анормальность, больше распространенная анормальность, когда женщина любитъ не одного мужчину, а двухъ и даже больше, — изображена Полемъ Бурже въ двухъ романахъ: „Mensonges“ и „Un coeur de femme“. Послѣдній романъ только недавно вышелъ и обратилъ на себя серьезное вниманіе въ Европѣ талантливостью изложенія, полной, безпристрастной разработкой темы и отсутствіемъ въ немъ тѣхъ односторонностей, которыя замѣтны въ другихъ романахъ Бурже. Мы не будемъ здѣсь излагать содержанія этого романа, — читатели познакомятся съ нимъ по переводу, помѣщаемому здѣсь,— но укажемъ на пріемъ Бурже и на особенности развитія темы.

Въ этомъ романѣ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ, Бурже употребляетъ способъ и пріемъ Стендаля — постоянно указывая на психологическую сторону разсказываемаго имъ факта, приводя и подсказывая, такъ сказать, теоретическую формулу извѣстнаго жизненнаго явленія. Въ „Un coeur de femme“ мы постоянно встрѣчаемъ по тому или другому поводу фразы вродѣ слѣдующихъ: „Событія нашей жизни ничего не создаютъ въ насъ, какъ бы ужасны или странны они ни были“. „Мы обладаемъ лишь ограниченной способностью воспринимать впечатлѣнія извѣстнаго порядка. Какъ только эти способности удовлетворены, мы чувствуемъ невозможность воспринимать тожественныя впечатлѣнія и неудержимую потребность впечатлѣній противоположныхъ. Ничтожный фактъ подкрѣпляетъ эту гипотезу: увлеченіе развратникомъ возникаетъ у порядочныхъ женщинъ только на тридцатомъ году жизни, когда добродѣтельная жизнь дала имъ все, что только способна была дать“. „Подобно нѣкоторымъ организаціямъ, которыя инстинктивно обладаютъ чувствомъ и влеченіемъ къ музыкѣ или къ живописи, къ механикѣ или къ поэзіи, такъ и она (героиня) обладала чувствомъ и вкусомъ къ сердцу другихъ — обаятельная способность, потому что она позволяетъ осуществлять самое рѣдкое милосердіе, самое благодѣтельное — милосердіе души, но способность опасная, потому что она граничитъ съ преступнымъ любопытствомъ сантиментальнаго эксперимента, и въ особенности потому, что она приводитъ насъ къ сдѣлкамъ съ совѣстью, къ путаницѣ ложныхъ положеній“. „Нашъ характеръ то же, что наше здоровье,

Мы имъ страдаемъ прежде, чѣмъ почувствуемъ себя больными". „Въ этомъ феноменѣ (Бурже говоритъ о свѣтскомъ, испорченномъ ловеласѣ, который, подъ вліяніемъ сильной любви, готовъ жениться на женщинѣ, которая ему извѣстна, какъ любовница другаго), въ этомъ феноменѣ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть доказательство въ пользу теоріи, приравнивающей любовь къ внушенію. Гипнотизеръ даетъ въ руку усыпленнаго субъекта книгу и говоритъ ему: „Нюхайте эту розу", и гипнотизированный приближаетъ книгу къ своему лицу, на которомъ выражается блаженное состояніе человѣка, сорвавшаго красивый цвѣтокъ и нюхающаго съ наслажденіемъ его благоуханіе. Женщина, которую мы любимъ, разсказываетъ намъ самыя романтическія, самыя странныя исторіи, и въ ея устахъ мы считаемъ истинными, правдивыми разсказы, которые въ устахъ всякаго другаго человѣка показались бы намъ совершенно невѣроятными. Аналогія эта тѣмъ болѣе поразительна, что это состояніе иллюзіи разсѣевается чаще всего въ одну секунду, какъ и гипнотическій сонъ".

Въ своемъ романѣ Бурже разсматриваетъ рѣдкое, но встрѣчающееся явленіе дуализма женскаго сердца. Женщина вполнѣ искренняя, вполнѣ правдивая, признающая и понимающая нравственныя обязательства любви, любитъ одновременно двоихъ мужчинъ; она борется съ собой, думаетъ, что она сама обманывается, что она любитъ лишь одного, — но тѣмъ не менѣе дуализмъ существуетъ, растетъ, приводитъ къ трагическимъ послѣдствіямъ, разрушающимъ счастіе сразу трехъ человѣкъ. Романъ заканчивается разговоромъ героя съ его другомъ. „И она меня, ты думаешь, любила? возразилъ Казаль: — еслибы я въ этомъ, по крайней мѣрѣ, былъ увѣренъ! — Конечно, она тебя любила... — А того, другаго? — Она любила и другаго, — вотъ и все. — Нѣтъ, отвѣтилъ Казаль, — это невозможно: въ сердцѣ не можетъ быть мѣста для двухъ любвей... — А почему нѣтъ?— отвѣтилъ лордъ Гербертъ, пожимая плечами: — когда я былъ въ Севильѣ, у меня былъ кучеръ, помѣшавшійся на поговоркахъ; онъ между прочимъ постоянно повторялъ одну поговорку, которую я тебѣ рекомендую, потому что она резюмируетъ всю твою исторію, а можетъ быть — и всѣ любовныя исторіи: „Cada persona es un mondo... Каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ..."

Эта психологическая тема, какъ бы она ни была эксцентрична, разработана Бурже чрезвычайно талантливо и обстоятельно; романъ читается съ увлеченіемъ и интересомъ, но въ немъ есть также и недостатки, неизбѣжные, впрочемъ, при томъ пріемѣ, которымъ пользуется авторъ. Лица въ художественномъ отношеніи очерчены слабо и блѣдно, въ нихъ мало

индивидуальности, мало характера и типа, это — если мож
такъ выразиться — манекены, на которыхъ авторъ — подобно а
вописцу на модели — изучаетъ проявленія и оттѣнки чувст
безъ всякаго отношенія къ индивидуальности и личности. Д
гими словами, его психологія абстрактна; онъ изучаетъ ч
ство, какъ нѣчто независимое отъ человѣка, существующее са
по себѣ, абстрактное, трансцендентальное. Благодаря этому о
даетъ намъ интересную главу изъ общей психологіи, но
даетъ намъ жизненнаго примѣненія теоріи. Онъ — талантлив
психологъ, но слабый художникъ.

В. Чуйко

ТАЙНА

РАЗСКАЗЪ

Окончаніе

III

утныя опасенія сестры, рѣзкія выходки Авдотьи, столк-
съ отцомъ, холодность и темные намеки знакомыхъ,
которыхъ Степанъ Стояновъ былъ не въ состояніи—
повергло его впечатлительную и прямую душу въ
е состояніе. Ясность духа, вообще ему присущая,
ла мѣсто какому-то душевному гнету, и онъ чувство-
ебя психически нездоровымъ. Проникнуть въ эту
», какъ выражалась Эля, сдѣлалось его насущною,
вною потребностью. Случай неожиданно помогъ ему.
другой день послѣ разговора съ сестрой онъ не ви-
съ отцомъ съ утра. Студентъ вышелъ погулять за го-
му хотѣлось освѣжиться послѣ безсонной тяжелой ночи,
енной въ напряженныхъ размышленіяхъ; ему дыша-
холодномъ утреннемъ воздухѣ легко и свободно; думы
лись спокойнѣе; острый душевный процессъ терялъ
нтенсивность, рѣжущая боль красныхъ воспаленныхъ
проходила...

входилъ на главную улицу; ему нужно было повер-
ь переулокъ, который велъ къ ихъ квартирѣ, когда
ѣзда одноэтажнаго домика онъ столкнулся носъ къ
ь отцомъ. Старикъ выходилъ изъ подъѣзда и не ви-

дѣлъ его. Онъ шелъ, понуря голову, и, глядя на его согнутую спину и опущенную голову, студентъ подумалъ, что отца его угнетаетъ дѣйствительное горе. Онъ не окликнулъ его, но когда взглянулъ на подъѣздъ, изъ котораго вышелъ отецъ, ему вдругъ бросились въ глаза крупныя золотыя буквы на вывѣскѣ, надъ дверьми: »Касса ссудъ«.

»Бѣдный папа! Такъ вотъ что значитъ высланные мнѣ 100 рублей! Ему нечѣмъ жить, и онъ ходитъ закладывать сюда вещи, чтобы дать мнѣ возможность окончить образованіе и содержать семью...« Слезы навернулись ему на глаза. — »Милый, добрый, безцѣнный папа...« твердилъ онъ себѣ: — »такъ вотъ она, разгадка-то...« Это его умилило и наполнило его душу неизъяснимою нѣжностью къ своему несчастному отцу. — »Не безпокойся, мой дорогой папа, я съумѣю избавить тебя отъ этой горькой необходимости — отдать себя въ руки ростовщиковъ. Я раскрою твой секретъ... Я не буду брать у тебя денегъ. Я еще найду себѣ уроки, а на лѣто буду брать кондиціи; я умѣрю свои желанія, сокращу свои потребности до минимума...«

Съ этими мыслями онъ подходилъ къ дому. Къ его удивленію, двери квартиры были открыты, и въ переднюю изъ кабинета отца доносились громкіе возгласы, какъ будто шелъ ожесточенный споръ, въ которомъ онъ различалъ пониженный голосъ отца. Онъ вошелъ въ переднюю. Одна фраза цѣликомъ долетѣла до его уха и поразила его. Онъ подошелъ ближе, сталъ у высокой деревянной вѣшалки и прислушался. Это было не въ его натурѣ, но какая-то несокрушимая, непреодолимая сила, родъ столбняка, приковала его къ мѣсту и парализовала его волю.

— Я же умоляла васъ подождать! слышалъ онъ женскій надорванный голосъ. — Вѣдь это мои послѣднія, понимаете вы, послѣднія крохи! Больше у меня ничего нѣтъ, ничего, ничего, ничего!.. Глухія рыданія прервали эту рѣчь.

— Я поступилъ по закону... услышалъ онъ голосъ отца, сдержанный и ровный, но пониженный, вѣроятно, отъ внут-

ренняго, душевнаго волненія: — льготные сроки прошли, проценты не внесены...

— Это безбожно! безсовѣстно! говорила женщина надрывающимся голосомъ. — Я принесу вамъ моего ребенка, пусть онъ умираетъ на вашемъ порогѣ... Отсрочьте, умоляю васъ!..

Что-то тяжелое рухнуло на земь.

— Встаньте! продолжалъ слышать Степанъ, и волосы у него стали дыбомъ, а сердце перестало биться, и онъ весь замеръ въ смертельномъ ужасѣ. — Встаньте и уходите! строго говорилъ его отецъ. — Я ничего не могу для васъ сдѣлать. И я не хочу, чтобы сынъ мой вернулся и засталъ васъ здѣсь. И зачѣмъ вы меня подкараулили? — я не велѣлъ никого впускать къ себѣ изъ закладчиковъ. На то есть у меня касса...

Студентъ схватился за грудь и прислонился къ стѣнѣ: съ нимъ дѣлалось дурно. Цвѣты на обояхъ запрыгали, и стѣна начала подниматься кверху... сознаніе терялось; еще минута — и онъ повалился бы на полъ. Страшнымъ, нечеловѣческимъ усиліемъ воли онъ поборолъ слабость и имѣлъ мужество выслушать заключительныя слова этого разговора.

— Мерзавецъ! вопила женщина: — душегубъ проклятый!..

— Вонъ отсюда, и чтобъ духу твоего здѣсь не было! кричалъ вышедшій изъ себя отецъ.

Дверь кабинета растворилась, и женщина въ темномъ платьѣ, какъ черный силуэтъ, промелькнула передъ глазами студента. Дверь на лѣстницу за ней захлопнулась. Когда старикъ повернулся, чтобы идти въ свой кабинетъ, взглядъ его упалъ на замершаго у стѣны сына. Взоры ихъ встрѣтились. Лицо старика покрылось смертельною блѣдностью.

— Ст... Ст... па... ты? силился онъ выговорить, но звуки не шли съ его помертвѣвшихъ запекшихся губъ.

— Я все слышалъ! отвѣтилъ ему сынъ и самъ испугался звука своего голоса.

Блѣдность прошла, и яркая краска залила лицо старика... и вдругъ съ нимъ произошла метаморфоза: какъ че-

ловѣкъ, чувствующій, что онъ потерялъ уже все, что ему хранить больше нечего, что онъ сжегъ свои послѣдніе корабли, онъ пришелъ въ ярость. Бѣшено стиснувъ зубы, онъ подступилъ къ самому лицу сына и, сдавленнымъ отъ злобы голосомъ, заговорилъ какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ.

— А, ты слышалъ? ты слышалъ? ну... и что же? злобно улыбаясь, говорилъ онъ, и безумный огонекъ блеснулъ изъ его глазъ прямо въ глаза сына.

— Вы... не отецъ мнѣ... больше... прошепталъ тотъ.

— А, не отецъ?.. кто же я: жидъ, ростовщикъ, кровопійца?.. а? говори!..

— Вы не отецъ мнѣ, шепталъ тотъ въ изступленіи: — я уѣду отсюда..

Съ стиснутыми кулаками кинулся старикъ къ сыну, но онъ услышалъ грузное паденіе тѣла на землю и, отпрыгнувъ на средину комнаты, увидѣлъ тѣло Степана въ корчахъ и страшныхъ судорогахъ валяющимся на полу.

— Авдотья! Елена! кричалъ онъ въ ужасѣ. — Скорѣе, да скорѣе же, Боже мой!..

На его зовъ прибѣжала дочь: кухарки не было дома. Она онѣмѣла отъ ужаса, видя конвульсіи своего брата...

Пронеслись для Степана дни неизбывной печали, которой, казалось, не будетъ конца... Онъ понемногу успокоился. Хотя лучъ свѣта и надежды на лучшее будущее, свѣтившій ему въ тяжелые годы его пребыванія въ университетѣ, угасъ; хотя тяжелая туча налегла на него, и изъ всѣхъ щелей ползли какія-то густыя тѣни, застилавшія мракомъ его сознаніе; хотя онъ часто рыдалъ, представляя себѣ разставанье съ его дорогимъ идеаломъ; хотя онъ съ кричащею болью въ сердцѣ видѣлъ крушеніе нарисованной имъ себѣ картины будущей своей дѣятельности, — все же невыносимое ощущеніе тяжелаго душевнаго недуга мало по малу проходило. Жгучее страданіе прошло и смѣнилось болѣе спокойнымъ, но не менѣе тяжелымъ состояніемъ духа. Угрюмый,

больной, извѣрившійся, жалкій, робко бродилъ онъ по комнатамъ и не смѣлъ поднять глазъ на Авдотью, на сестру, на отца. Онъ боялся выйти на улицу, онъ боялся взяться за газету, въ каждомъ словѣ которой чувствовалъ насиліе, развратъ и губительную струю остраго льда жизни. Это былъ родъ помѣшательства, отъ котораго онъ очень медленно, но все-таки поправился.

Невыносимо тяжело стало жить ему у отца: въ каждой ложкѣ супа, подававшагося за обѣдомъ, онъ ощущалъ соленыя слезы многихъ жертвъ своего отца; каждый кусокъ хлѣба казался ему смоченнымъ этими слезами. Ему отвратительно было ѣсть, пить, спать, говорить въ этомъ домѣ. Надо было ѣхать — но какъ, съ чѣмъ поѣдешь?

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Время приближалось къ концу лѣта. Степанъ почти выздоровѣлъ. Съ того роковаго дня онъ ни разу не говорилъ съ отцомъ о происшедшемъ. Сестра ухаживала за нимъ съ самоотверженной любовью и тоже тщательно избѣгала касаться того, что произошло тогда... Конечно, она знала все въ подробностяхъ.

Она достала для брата гдѣ-то взаймы денегъ на дорогу и наканунѣ его отъѣзда сидѣла на его кровати, грустно понуря голову и тихо разговаривая съ нимъ. Онъ уговаривалъ не ѣхать съ нимъ.

Въ дверь тихонько постучали. Они вздрогнули. Вошелъ отецъ. Съ нимъ тоже произошла перемѣна: онъ поразительно осунулся, сгорбился и постарѣлъ. Его глаза безпокойно бѣгали и при взглядѣ на сына опускались невольно, неудержимо, несмотря на усилія его смотрѣть прямо въ глаза сыну.

— Степа, проговорилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ: — я помѣшалъ вамъ...

— Ничего, папа, сказала Елена.

— Степа, простилъ ли ты меня?

Тотъ безпокойно задвигался на кровати.

— Не будемъ... пап... отецъ... говорить объ этомъ...

— Какже не говорить, Степа?... легко ли мнѣ, подумай!..

вѣдь для кого же, какъ не для тебя, не для Елены, не для васъ, моихъ дѣтей, я рѣшился на это... дѣло?..

Степанъ вздрогнулъ.

— Для меня? прошепталъ онъ.

— Ну да, конечно...

— Я не просилъ васъ объ этомъ, отецъ; я ничего, ничего никогда не просилъ у васъ... Я могъ бы прожить, могъ бы...

— Подумай же, Степа, умоляющимъ голосомъ заговорилъ старикъ: — я тебѣ высылалъ по 25 р. въ мѣсяцъ, да на праздники по 50-ти, да за право ученья, да на дорогу— сколько нужно было денегъ?.. Да вотъ Эля ужъ стала большая, нужно же было ее одѣвать... Я на тебя одного въ эти годы истратилъ около полутора тысячъ. Откуда взять было? Вотъ я и продалъ домъ, и... онъ запнулся.

— Не надо, не надо, не надо мнѣ вашихъ денегъ! вдругъ въ изступленіи закричалъ сынъ и вскочилъ на кровати. Длинная тѣнь отразилась на противоположной стѣнѣ, перегнулась на потолкѣ и качалась. Елена взглянула на это какъ ей казалось, привидѣніе, и ей стало жутко.

— Папа! кротко сказала она.

— Не надо мнѣ этихъ кровавыхъ денегъ! кричалъ уже, не будучи въ состояніи сдержаться, Степанъ. — Онѣ жгутъ мнѣ сердце, выворачиваютъ мою душу. Это деньги, добытыя преступленіемъ... Я отдамъ вамъ ихъ... слышите ли вы? я отдамъ ихъ; я душу свою дьяволу заложу, но отдамъ ихъ... Еслибы вы любили меня... вы не сдѣлали бы этого, вы пощадили бы вашего сына... Но вы отказались отъ меня... и я не... сынъ вашъ... какъ вы... не отецъ мнѣ...

Онъ все раскачивался, сидя на кровати, и глаза его горѣли лихорадочнымъ, безумнымъ огнемъ. Острый припадокъ какъ будто возвращался къ нему вновь.

— Степа, опомнись, что ты говоришь? въ ужасѣ шептала сестра его и не могла оторвать глазъ отъ его раскачивающейся тѣни.

— Ты не долженъ такъ говорить, Степанъ! Я всетаки

отецъ тебѣ, и если я виноватъ — то ради тебя же совершилъ эту вину. Ты не имѣешь права судить меня...

Глаза его затуманились, и тяжелыя слезы закапали изъ его старческихъ глазъ.

— Степа! умоляла его сестра.

— Я отдамъ, я все отдамъ... какъ изступленный, твердилъ онъ: — и за себя, и за сестру отдамъ... Ее вы за что замарали? Уѣдемъ отсюда, Эля, уѣдемъ... Я пристрою тебя тамъ... ты будешь честнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ свой.

— Я никогда не брошу отца, Степа! проговорила дѣвушка и вдругъ, въ порывѣ какого-то безотчетнаго ужаса и отчаянія, прокричала: — да перестань же ты качаться, перестань!.. это меня сведетъ съ ума!..

— Успокой его, Елена! произнесъ отецъ и тихо, на цыпочкахъ, выбрался изъ комнаты.

Черезъ двѣ недѣли Степанъ Стояновъ уѣхалъ, а сестра его осталась съ отцомъ.

IV

Молодой Стояновъ поселился чуть не на чердакѣ... Два или три раза въ день взбирался онъ по крутой »черной« лѣстницѣ къ себѣ наверхъ и, задыхаясь, падалъ въ изнеможеніи на то, что̀ носило названіе кровати, хотя на нее мало было похоже. Онъ питался однимъ хлѣбомъ и съузилъ свои потребности до послѣдней степени, когда ужъ жизнь становится не жизнью, а тяжелымъ прозябаніемъ. Онъ набралъ себѣ уроковъ на всѣ часы дня, остававшіеся ему отъ слушанья лекцій, и работалъ, какъ волъ, упорно, не покладая рукъ, не отступая ни передъ чѣмъ: ни передъ погодой, ни передъ нездоровьемъ, ни передъ физическимъ изнеможеніемъ, ни передъ нравственной болью и униженіемъ. Все ему было хорошо, что̀ приносило деньги; а такъ какъ деньги эти доставались упорнымъ и тяжелымъ трудомъ, то онъ смѣло бралъ ихъ въ руки и съ осторожностью и жалостью разставался съ ними, когда

тебя отца«. И онъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что второй голосъ овладѣлъ имъ всецѣло, и что ему нѣтъ возможности отъ него освободиться, даже еслибы онъ этого и хотѣлъ.

Часто, сидя на урокѣ, онъ забывался и, глядя куда-то въ пространство какимъ-то разбѣгающимся взглядомъ и раскачиваясь на стулѣ, какъ тогда на кровати, въ ту памятную для него ночь, онъ беззвучно шепталъ: »что ты съ собой сдѣлалъ, отецъ?« Ученикъ недоумѣвающе смотрѣлъ на него; Стояновъ чувствовалъ на себѣ его взглядъ, но не въ силахъ былъ оторвать себя отъ міра его мечтаній. По временамъ онъ, вмѣсто того чтобы лечь спать и отдохнуть отъ лихорадочно пережитаго дня, выходилъ на улицу и бѣжалъ, бѣжалъ растерянно и торопливо, пока наконецъ его не одолѣвало полнѣйшее изнеможеніе. Нѣкоторые изъ студентовъ увѣряли, что онъ заговаривается.

Прежде всегда такой ясный и логичный умъ его теперь помутился. Въ его головѣ бродили какія-то обрывки мыслей и фразъ, гдѣ-то когда-то вычитанныхъ или сказанныхъ кѣмъ либо, или прочитанныхъ на лекціяхъ — онъ не помнилъ. Но какая нибудь такая фраза гвоздила его умъ и назойливо вытѣсняла изъ него всякую другую мысль. И когда эти безпорядочныя мысли оставляли его въ покоѣ, имъ опять всецѣло завладѣвала идея о скопленіи денегъ.

Однажды, довольно поздно вечеромъ, онъ съ горячечной головой бродилъ по улицамъ. Прохожіе съ изумленіемъ посматривали на него, такъ какъ онъ бормоталъ что-то, шелъ спотыкаясь и неровно, иногда останавливался и подолгу стоялъ на одномъ мѣстѣ.

И вдругъ ему представилась черная женщина, пробѣжавшая тогда, въ памятный день, мимо него черезъ переднюю на лѣстницу. »Сколько страданій, сколько страданій! И съ какихъ незапамятныхъ временъ они начались... И я хотѣлъ облегчить эти страданія, взять часть этихъ страданій на себя, а оказалось, что я же поѣдалъ хлѣбъ ихъ... Есть отчего сойти съ ума... Но какъ облегчить эти страданія, какъ

ихъ взять на себя? Эхъ, все равно, такъ ли, сякъ ли: никакое нравственное дѣяніе не имѣетъ значенія само по себѣ, но только въ мѣрѣ уменьшенія посредствомъ его чувствуемаго страданія. И справедливость не имѣетъ значенія сама по себѣ...«

— Да неужели же нѣтъ на свѣтѣ абсолютной справедливости, абсолютной правды, абсолютной нравственности, истины! кричалъ онъ, стоя по срединѣ ярко освѣщенной комнаты.

Какъ онъ туда попалъ? Онъ не зналъ. Когда его схватили за душу эти жгучія слова, у него мелькнула въ глазахъ какая-то знакомая дверь, и онъ однимъ духомъ вошелъ въ нее, дальше по лѣстницѣ, и очутился въ квартирѣ Устинова, не переставая твердить эти фразы.

Устиновъ былъ дома и встрѣтилъ его съ встревоженнымъ видомъ. Онъ замѣтилъ въ фигурѣ Стоянова что-то внушавшее ему сильное безпокойство. Волосы его были растрепаны, глаза воспалены и красны, съ блуждающими зрачками и изъ запекшихся губъ его вырывались таинственныя фразы, которыя онъ произносилъ хрипло и отрывисто.

— Вздоръ это! говорилъ онъ: — это безуміе, чистое безуміе, и вашъ Гартманъ и всѣ вы безумны! Есть правда на свѣтѣ, есть она, я твердо этому вѣрю и не хочу слышать вашу гнусную философію...

— Успокойтесь, ради Бога! проговорилъ Устиновъ, осторожно подвигаясь къ дверямъ.

— Мнѣ успокоиться? мнѣ? я успокоюсь, когда у меня будетъ тысяча или двѣ денегъ. И это будетъ справедливо, и я отдамъ эти деньги тѣмъ, у которыхъ поѣдалъ хлѣбъ. Слышите? и это будетъ настоящая справедливость... Охъ, горитъ! мозгъ горитъ! проговорилъ онъ и, не помня себя, схватилъ графинъ и вылилъ себѣ его на голову.

Что-то совсѣмъ ужъ безумное сверкнуло въ его глазахъ, и онъ бросился безъ шапки, разстегнутый и разстрепанный, внизъ на лѣстницу, добѣжалъ до перилъ моста и рванулся оттуда въ темную пучину канала.

На другой день въ его комнатѣ на чердакѣ было получено письмо Эли. Въ немъ было, между прочимъ, написано:

»Ты долженъ, наконецъ, простить несчастнаго, измученаго папу.. Онъ продалъ все, что имѣлъ, и поступилъ конторщикомъ въ транспортную контору на ничтожное содержаніе; я поступила въ сельскія учительницы. Деньги отецъ всѣ роздалъ на благотворительныя цѣли. Ты не только теперь можешь, но ты долженъ, слышишь ли, нравственно обязанъ *все, все* простить и забыть, и вернуть ему свое сердце«...

Яркій лучъ солнца прорѣзалъ щель ставни и освѣтилъ ту мрачную мансарду, въ которую никогда уже не вернется ея обладатель и не прочтетъ этого письма, лежащаго нераспечатаннымъ на покривившемся столикѣ.

В. Свѣтловъ

ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ

РОМАНЪ ПОЛЯ БУРЖЕ

I. Приключеніе съ экипажемъ

Въ одинъ ясный мартовскій день 1881 года, около трехъ часовъ пополудни, одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ Парижа того времени, графиня де-Кандаль, сдѣлалась жертвою приключенія, столько же непріятнаго, какъ и обыденнаго, хотя оно и могло оказаться опаснымъ. Когда ея кучеръ поворачивалъ за уголъ Антенской аллеи, чтобы ѣхать къ спуску въ Елисейскія поля, лошадь ея купе чего-то испугалась, кинулась въ сторону и толкнула экипажъ о тротуаръ такъ сильно, что лѣвая оглобля его сломалась. Графиня отдѣлалась сильнымъ толчкомъ и нѣсколькими секундами внезапнаго испуга. Но всѣ ея планы на этотъ день были разстроены разомъ, а списокъ ихъ былъ длиненъ, судя по бѣлой дощечкѣ въ кожаной рамкѣ, помѣщенной въ передней части экипажа съ маленькими часами и сумкою для визитныхъ карточекъ. Поэтому красивое лицо молодой женщины, — это нѣжное лицо съ тонкими чертами, изящнымъ профилемъ, живыми голубыми глазами, освѣщенное яркимъ оттѣнкомъ бѣлокурыхъ волосъ, — выражало досаду, граничившую съ гнѣвомъ, когда она выходила изъ своего купе среди уже стѣснившейся толпы. Она увидѣла себя предметомъ всеобщаго любопытства, что окончательно привело ее въ злое расположеніе духа, и въ ея голосѣ звучала очень жесткая нота, когда она, обыкновенно столь справедливая, столь снисходительная даже къ своей прислугѣ, сказала своему лакею:

— Франсуа, какъ только лошадь встанетъ, оставьте этого неловкаго Эме одного выпутываться, какъ онъ знаетъ. Вы

отправитесь къ клубу въ улицѣ Ройяль: менѣе чѣмъ черезъ полчаса мнѣ нуженъ экипажъ. Я буду у мадамъ де-Тильеръ.

И она пошла пѣшкомъ въ своихъ ботинкахъ, слишкомъ тонкихъ для какой бы то ни было ходьбы, къ улицѣ Матиньонъ, гдѣ жила ея подруга, имя которой она только что бросила бѣдному Франсуа. Не успѣлъ этотъ высокій парень, путавшійся въ своей длинной темной ливреѣ и еще блѣдный отъ испуга, причиненнаго паденіемъ лошади, отвѣтить: »слушаю, ваше сіятельство«, — какъ его товарищъ, свалившійся съ козелъ и красный отъ конфуза, сталъ его бранить за неумѣнье помочь ему. Между тѣмъ мадамъ де-Кандаль проходила чрезъ толпу любопытныхъ. Она не думала ни о чемъ, кромѣ разстройства ея плановъ на этотъ день.

»Что за неловкій!« думала она: — »и нужно же было случиться этому въ такой день, когда я въ особенности тороплюсь... Лишь бы застать дома Жюльету... Если я не найду ея, то, нечего дѣлать, подожду у ея матери... Однако же мнѣ хотѣлось бы застать ее... Скоро будетъ недѣля, какъ мы не видѣлись. Въ Парижѣ не успѣваешь ничего сдѣлать«.

Ведя съ собою мысленно этотъ разговоръ, она шла, высоко поднявъ свою головку, увѣнчанную очаровательною шляпкою-capote цвѣта мальвы; ея длинное сѣрое манто, съ перьями того же оттѣнка, обрисовывало ея гибкую талію, облегая ее почти вплотную. Она шла, сопровождаемая взглядами прохожихъ, — тѣми взглядами, въ которыхъ женщина можетъ прочесть: въ молодости — торжество, а въ старости — паденіе своей красоты. Когда женщина имѣетъ этотъ видъ »grande dame«, который имѣла Габріэль де-Кандаль и которому невозможно подражать, то забавно смотрѣть на человѣка, встрѣтившагося съ нею. Онъ встрѣчаетъ ее, и вы бы сказали, что онъ ея не видѣлъ. Но подождите, пока она пройдетъ шага на два, и замѣтьте быстрый жестъ, съ какимъ онъ оборачивается разъ, два, три раза, чтобы слѣдить за нею глазами. Пусть физіологи объяснятъ эту тайну! Что касается ея самой, то ей нѣтъ надобности оглядываться для того, чтобы быть увѣренной въ произведенномъ ею эффектѣ. И пусть моралисты объяснятъ другую тайну: она всегда бываетъ польщена этимъ эффектомъ, хотя бы прохожій былъ горбатый, кривоногій или однорукій, и хотя бы даже она носила, какъ мадамъ де-Кандаль, одно изъ

великихъ историческихъ именъ Франціи. Правда, графиня де-Кандаль не имѣла въ своемъ кругу репутаціи кокетки. Она только что избѣгла дѣйствительной опасности. Она должна была нѣкоторое время обходиться безъ своего новаго купе, англійскаго купе, очень глубокаго, съ узкими окнами, сдѣланнаго въ Лондонѣ по спеціальнымъ указаніямъ, которымъ она пользовалась не больше двухъ мѣсяцевъ. Лошадь ея, конечно, пропала, а она была лучшая въ конюшнѣ. Вотъ сколько было причинъ для того, чтобы ей явиться въ дурномъ расположеніи духа въ домъ на улицѣ Матиньонъ. Однако же, толкая рукою въ перчаткѣ тяжелую дверцу старыхъ воротъ, очаровательная »святая«, какъ называла ее именно та подруга, у которой она пришла просить убѣжища, уже не имѣла между своими золотистыми бровями складки раздраженія. Во время этихъ пяти минутъ ходьбы она наслаждалась сознаніемъ своей красоты при взглядахъ, брошенныхъ на нее нѣсколькими неизвѣстными цѣнителями,— а святыя смакуютъ это чисто женское удовольствіе съ тѣмъ бо́льшимъ вкусомъ, чѣмъ менѣе онѣ позволяютъ себѣ быть женщинами. Лицо г-жи де-Кандаль имѣло почти задорно-веселое выраженіе, когда она переходила дворъ и дошла до находившейся въ глубинѣ его, съ лѣвой стороны, маленькой лѣстницы со стеклянными стѣнками. Но, можетъ быть, это происходило отъ удовольствія при полученіи отъ привратника отвѣта, что г-жа Тильеръ дома. Найти тотчасъ же довѣренную особу, которой можно разсказать перипетіи приключенія, не имѣвшаго, впрочемъ, дурныхъ послѣдствій, — достаточный поводъ почти радоваться этому приключенію. Нажимая пуговку звонка, графиня улыбнулась, подумавъ:

»Я увѣрена, что моя подруга испугается еще больше, чѣмъ испугалась я«.

Хотя едва девять лѣтъ прошло послѣ событій, прологомъ которыхъ было это неожиданное посѣщеніе, но многіе ли въ Парижѣ и даже въ обществѣ мадамъ де-Кандаль вспоминаютъ объ очаровательной и таинственной женщинѣ, которую графиня называла просто »своею подругой«, мысленно, когда говорила сама съ собою, и громко, когда говорила о ней съ другими? Поэтому не будетъ безполезно для уясненія нашего разсказа набросать по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ чертахъ портретъ этой исчезнувшей женщины, почти не-

извѣстной даже для друзей ея подруги. Мадамъ де-Тильеръ была одною изъ тѣхъ свѣтскихъ дамъ, живущихъ въ сторонѣ отъ свѣта, сдержанныхъ и скромныхъ до обезличенія, которыя для того, чтобы оставаться незамѣченными, употребляютъ столько же дипломатическаго искусства, сколько ихъ соперницы — для того, чтобы ослѣплять и царствовать. Впрочемъ, не былъ ли какъ бы символомъ этого характера и доказательствомъ этой склонности къ полузатворничеству даже самый выборъ жилища, на узкой лѣстницѣ котораго обрисовывался въ эту минуту аристократическій силуэтъ Габрізли? Атмосфера уединенія окружала этотъ домъ, отдѣленный отъ главнаго корпуса строеній дворомъ и скрытый садами со стороны, обращенной къ улицѣ Цирка. Но и вся улица Матиньонъ, съ длинною стѣною, окаймляющею ее съ одной стороны, со своими старыми домами, не измѣнившими своего вида съ прошлаго столѣтія, избѣгаемая экипажами, которые предпочитаютъ направляться изъ Елисейскихъ полей въ предмѣстье Сентъ-Оноре чрезъ Антенскую аллею, — не представляетъ ли она собою какой-то странный уголокъ провинціальнаго захолустья среди этого столь новаго, столь оживленнаго квартала? Даже маленькая уединенная лѣстница со стекольчатыми стѣнами имѣла оригинальную физіономію. Эти пять ступеней, покрытыя полинявшимъ ковромъ, оканчивались дверью, тоже стеклянною въ своей верхней части — для освѣщенія передней комнаты, и снабженною изнутри красными занавѣсками. Это не былъ ни обыкновенный павильонъ, такъ какъ домъ имѣлъ пять этажей, ни отель въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ г-жа де-Тильеръ и ея мать, г-жа де-Нансе, занимали только первый и второй этажи; однако же это помѣщеніе было ихъ особнякомъ, потому что онѣ устроили внутреннюю лѣстницу, которая соединяла ихъ квартиры и избавляла ихъ отъ необходимости ходить по общей лѣстницѣ, входъ которой съ правой стороны флигеля представлялъ собою pendant къ маленькой стеклянной клѣткѣ ихъ подъѣзда. Не преувеличивая значенія этихъ мелочей, можно сказать, что какъ показная роскошь всегда свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ тщеславіи, такъ точно и предпочтеніе, оказываемое нѣсколько меланхолическому жилищу въ довольно изолированной улицѣ, служитъ признакомъ извѣстной наклонности жить по своему и какъ бы боязни успѣха въ обществѣ. И далѣе: если-бы мадамъ де-Тильеръ не изыскивала всякихъ способовъ

великихъ [illegible]ніе, то могла ли бы она рѣшить невѣ-
де-Канда[illegible] — оставшись въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ
Она то[illegible], богатою, очаровательною, провести десять
должна [illegible]ства въ Парижѣ такъ, чтобы ея имя почти
купе, [illegible] въ свѣтѣ?
сдѣлан[illegible] образомъ было естественно, что равнодуш-
торым[illegible] забыли эту женщину, такъ мало походившую
шадь[illegible]мъ конца этого вѣка, то, съ другой стороны,
Вотъ [illegible] друзей — о, ихъ было немного! — интересова-
дурн[illegible] фанатизма, котораго не ослабило время. Любо-
Одна[illegible], удивлявшимся, что такая миловидная особа про-
рых[illegible] молодость въ этомъ такъ сказать полусумракѣ,
имен[illegible] неизмѣнно отвѣчали одною фразою: »Она такъ
ужа[illegible]страдала!« И каждый произносилъ эту фразу тономъ,
раз[illegible]имъ на признанія слишкомъ деликатнаго свойства,
сл[illegible]мъ искреннія для того, чтобы ихъ пересказывать.
ш[illegible]дія, сдѣлавшая Жюльету вдовою, вполнѣ оправдывала
а[illegible] объясненіе ея характера. Маркизъ Роже де-Тильеръ, ея
т[illegible], одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ главнаго
б[illegible]да, былъ убитъ въ іюлѣ 1870 г. возлѣ генерала Дуэ
[illegible]ою изъ первыхъ пуль, выпущенныхъ въ эту злополуч-
[illegible]го кампанію. Эта вѣсть разомъ, безъ подготовки, сообщен-
[illegible]ы маркизѣ, бывшей тогда въ восьмомъ мѣсяцѣ беременно-
[illegible]сти, вызвала въ ней ужасный кризисъ, и она до срока сдѣ-
лалась матерью ребенка, не прожившаго и трехъ недѣль.
Неправда ли, этого было достаточно, чтобы разбить суще-
ствованіе женщины навсегда? Но какъ бы ни были ужасны
или странны событія нашей жизни, они ничего не создаютъ
въ насъ новаго. По бо́льшей мѣрѣ они только усиливаютъ до
крайней степени или подавляютъ наши врожденныя свой-
ства. Даже въ счастіи, осыпанная всякими благами, мадамъ
де-Тильеръ оставалась бы всегда созданіемъ, склоннымъ сту-
шевываться, пребывать въ тѣни, въ тѣсномъ домашнемъ кругу,
почти въ затворничествѣ. Когда эта склонность держаться
въ сторонѣ непритворна, она служитъ признакомъ нѣсколько
болѣзненной нѣжности сердца у женщинъ такого знатнаго
происхожденія, какъ была Жюльета, такихъ красивыхъ и бо-
гатыхъ, — она и ея мать имѣли болѣе ста тысячъ франковъ
годоваго дохода, — и вслѣдствіе этого быстро увлекаемыхъ
вихремъ великосвѣтской жизни. Подобныя женщины съ пер-
выхъ своихъ шаговъ должны были почувствовать — сколько эта

жизнь заключаетъ въ себѣ пошлостей, лжи и замаскированной грубости. Въ нихъ тотчасъ же былъ оскорбленъ инстинктъ деликатности, и это заставило ихъ сжаться и уйти въ себя; онѣ размышляютъ, изощряются и становятся наконецъ, по реакціи, настоящими артистками замкнутой жизни. Для нихъ составляетъ потребность — чтобы все въ ихъ существованіи, начиная отъ ихъ мебели и туалета до дружескихъ связей и любви, было отборнымъ, рѣдкимъ, спеціальнымъ, индивидуальнымъ. Онѣ стараются уклоняться отъ моды или не подчиняться ей безъ мотивовъ. Онѣ живутъ большею частью у себя дома и устраиваются такъ, что быть у нихъ принятымъ считается какъ бы милостью. Какъ онѣ достигаютъ такого результата — это ихъ секретъ. Заставляя желать ихъ общества, онѣ добиваются также и того, что ихъ присутствіе въ чьемъ нибудь салонѣ дѣлается другою милостью. Эта тонкая тактика не обходится безъ нѣкоторой опасности для нихъ, состоящей, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ придаютъ иногда чрезмѣрное значеніе своей особѣ, во-вторыхъ, въ томъ, что, слишкомъ много думая о своихъ чувствахъ, онѣ способны развить въ своей душѣ искусственныя и сложныя болѣзни. Но общество этихъ женщинъ представляетъ безпредѣльную привлекательность. Не предполагаетъ ли оно выборъ, который уже самъ по себѣ представляетъ постоянное ласкательство для самолюбія ихъ друзей? Притомъ оно изобилуетъ мелкими знаками вниманія, ежедневными ласками, доходящими до баловства. Такъ какъ онѣ до мелочей знаютъ характеръ всѣхъ близкихъ къ нимъ людей, то ихъ тактъ избавляетъ васъ отъ всего, что можетъ хоть сколько нибудь быть вамъ непріятно. Для людей, пожившихъ въ ихъ сферѣ ласки и симпатіи, онѣ становятся необходимыми и незамѣнимыми. Исчезнувъ, онѣ оставляютъ за собою воспоминаніе столько же глубокое, сколько ограниченъ кругъ близкихъ къ нимъ людей, — и такова была судьба Жюльеты. Еще и теперь, если вы встрѣтите наиболѣе вѣрныхъ изъ бывшихъ посѣтителей маленькаго салона въ улицѣ Матиньонъ, — живописца Феликса Миро, генерала де-Жарда, д'Авансона, стараго дипломата, Людовика Акраня, бывшаго префекта, — разскажите имъ какой нибудь анекдотъ, вызывающій комментаріи. Если они въ эту минуту расположены къ откровенности, то, въ концѣ концовъ, они непремѣнно скажутъ вамъ:

— Еслибы вы знали, мадамъ де-Тильеръ...

или:

— Только одна мадамъ де-Тильеръ...

Но не настаивайте въ своихъ разспросахъ, иначе они примутъ видъ посвященныхъ и возвратятся къ обычной темѣ своего разговора: Миро — къ своей послѣдней картинѣ съ изображеніемъ цвѣтовъ; де-Жардъ — къ своему новому проекту вооруженія; д'Авансонъ — къ своей секретной миссіи въ Италіи послѣ Садовы; Людовикъ Акрань — къ ночлежнымъ пріютамъ, въ качествѣ дѣятельнаго агента этого учрежденія. Повидимому, въ школѣ г-жи Тильеръ, ихъ бывшаго друга, они пріобрѣли вкусъ къ скромности, которой женщины подобнаго характера требуютъ отъ своихъ поклонниковъ. Впрочемъ, живописецъ со своимъ слишкомъ конкретнымъ, слишкомъ образнымъ языкомъ, адмиралъ со своею технической терминологіей, дипломатъ съ вѣжливостью своихъ формулъ и эксъ-чиновникъ съ административною сухостью людей своей профессіи — развѣ были бы способны передать вамъ это изящество, это очарованіе, которымъ мадамъ де-Тильеръ обладала въ несравненной степени. Очарованіе! Только женщина, если она сильно любила другую, — что̀ бываетъ, можетъ, при какомъ нибудь интимномъ разговорѣ вполголоса, воскресить это таинственное нѣчто, это волшебство граціи, заключающееся въ этомъ словѣ, не поддающемся точному опредѣленію. Чтобы вызвать образъ мадамъ де-Тильеръ въ томъ, что̀ было невиннымъ и постояннымъ очарованіемъ ея плѣнительной личности, нужно обратиться къ мадамъ де-Кандаль, если только она согласится говорить объ этомъ, — чего почти не случается, потому что эта бѣдная »святая« боится воспоминанія о г-жѣ Тильеръ, какъ укоровъ совѣсти. Когда въ насъ трепещетъ жилка щепетильной совѣстливости, то намъ трудно не считать себя причиною бѣдствій, къ которымъ мы послужили только случайнымъ поводомъ. И каждый разъ, когда графиня вспоминала, какъ она звонила у двери »своей подруги« въ тотъ свѣтлый мартовскій день, она думала: »Еслибы мы не говорили въ тотъ день другъ съ другомъ! Еслибы я не приходила въ улицу Матиньонъ!« Случаемъ или судьбою слѣдуетъ называть эту постоянную и неожиданную игру событій одного съ другимъ, при которой несчастіе или счастіе человѣка зависитъ иногда отъ паденія лошади на мостовой, отъ не-

ловкости кучера, отъ сломанной оглобли экипажа и отъ визита, сдѣланнаго вслѣдствіе этого приключенія?

Случай, судьба или провидѣніе, — но несомнѣнно то, что въ бѣлокурой головкѣ г-жи де-Кандаль, такъ кокетливо украшенной шляпкою-capote цвѣта мальвы, не было этихъ мыслей и никакого тягостнаго предчувствія, когда лакей велъ ее черезъ большой салонъ въ маленькій, гдѣ находилась по обыкновенію Жюльета. Мадамъ де-Тильеръ писала, сидя за узкимъ бюро, помѣщеннымъ подъ защитою низенькихъ ширмочекъ въ углу окна, такъ что ей стоило только поднять глаза, чтобы видѣть садъ. Деревья въ этотъ ясный голубой день ранней весны уже пускали свои молодыя почки на концахъ своихъ еще черныхъ вѣтвей. Зеленая трава пробивалась сквозь темную почву своими рѣдкими и короткими стеблями, и такъ какъ простая стѣна, покрытая плющемъ, отдѣляла этотъ садикъ отъ двухъ болѣе обширныхъ садовъ, доходившихъ до улицы Цирка, то красивое лицо Жюльеты выдѣлялось почти на фонѣ безлистнаго парка, когда, замѣтивъ мадамъ де-Кандаль, она встала и обняла ее, вскрикнувъ отъ радостнаго изумленія.

— Посмотри, сказала она: — я одѣта. Я жду своего экипажа. Я хотѣла ѣхать къ тебѣ, чтобы узнать, какъ ты поживаешь.

— И ты не нашла бы меня, отвѣтила графиня: — да и никого, кто бы могъ разсказать тебѣ, что ты едва не лишилась возможности видѣть меня когда нибудь.

— Что за вздоръ!

— Дѣло въ томъ, что я только что избѣжала большой опасности.

— Ты пугаешь меня...

И Габріэль начала разсказъ — слегка прикрашенный, какъ всѣ женскіе разсказы — о своемъ приключеніи, между тѣмъ какъ Жюльета слушала ее, подчеркивая ея рѣчь легкими восклицаніями. Эта маленькая комната, которую въ теченіе всего утра согрѣвало мартовское солнце, а теперь — спокойное пламя камина, гдѣ горѣли длинныя толстыя полѣнья, была самымъ уютнымъ гнѣздышкомъ для интимнаго разговора двухъ подругъ, и притомъ настоящихъ подругъ, какими были эти двѣ женщины. Здѣсь вы напрасно искали бы кучи матерій и разныхъ нѣсколько безпорядочныхъ bibelots — этихъ обычныхъ украшеній въ комнатахъ

нынѣшнихъ парижанокъ. По аристократической умной ф
тазіи, маркиза просто-напросто перевела въ улицу
тиньонъ меблировку одного изъ будуаровъ Нансе, такъ
всѣ малѣйшія подробности въ этомъ маленькомъ салонѣ б
во вкусѣ временъ Людовика XVI — эпохи, когда за
былъ возобновленъ дѣдомъ мадамъ де-Тильеръ, Шарлемъ
Нансе, покровителемъ Ривароля. Бѣлыя, нѣсколько туск
цвѣта этой мебели съ изящною рѣзбою, голубые оттѣ
постарѣвшихъ тканей гармонировали съ нѣсколькими
рыми портретами, висѣвшими на стѣнахъ въ своихъ ра
съ поблекшею позолотой... Не чувствовала ли Жюльета
какому нибудь вдохновенію, что это убранство про
столѣтія лучше, чѣмъ всякое другое, подходитъ къ
ному характеру ея красоты? Несомнѣнно, что съ
пудры на бѣлокурыхъ волосахъ, имѣвшихъ пепельный
нокъ, какъ волосы Габріэли — золотистый, съ му
угла красиваго рта, съ румянами на розовыхъ щек
сокими туфельками на маленькихъ ножкахъ и въ
la Marie Antoinette, охватывающемъ ея гибкую
показалась бы современницей знаменитой маркизы
Нансе, портретъ которой, стоявшій на каминѣ
pendant къ портрету маркиза Шарля. Но даже
и пудры, безъ румянъ и туфель, она имѣла
сходство со своею прабабкой, такъ недостойн
ною за свою въ высшей степени романтич
въ эпоху, которая вовсе не была романтич
эпизодомъ мемуаровъ Тилли. У Жюльеты, какъ
рошенькой прародительницы, граціозная,
лѣпленная изъ слишкомъ хрупкаго саксон
зіономія оттѣнялась глубокимъ выраженіемъ
кою грустной улыбки. Вслѣдствіе одной
зіономіи мадамъ де-Тильеръ, ея нѣсколь
ловидность XVIII вѣка окончательно
кую-то мечтательную прелесть. Въ
была взволнована и не желала
ное расширеніе
что ея
произв
мой
арист
ной

дамъ де-Кандаль, отличавшимся такимъ же аристократич-
имъ изяществомъ, такою же утонченностью, выработанною
ками наслѣдственности, но исполненнымъ энергіи и дѣя-
льнаго движенія. Графиня, точно загипнотизированная
имъ культомъ къ страшному маршалу де-Кандалю, другу
онлюка и его сопернику въ убійствахъ, была бы въ вѣкъ
лигіозныхъ распрей одною изъ тѣхъ суровыхъ воитель-
цъ, объ отважныхъ жестокостяхъ которыхъ разсказываетъ
Этуаль, а въ болѣе близкомъ къ намъ времени — одною
ъ амазонокъ Вандеи и Котантена, не уступавшихъ въ
абрости храбрѣйшимъ изъ своихъ товарищей. Маркиза де-
льеръ, вся — нѣжность и кротость, напоминала тѣхъ ге-
инь любви, типъ которыхъ исторія воплотила въ образахъ
вальеръ и Эссе. Одна была картиною Ванъ-Дика, сошед-
ею съ полотна дѣйствіемъ атавизма, другая — пастелью
арыхъ временъ, какъ бы одушевленною какими-то таин-
венными чарами. Но если внѣшнимъ аналогіямъ соотвѣт-
вовала аналогія моральная, если въ одной скрывались тай-
ые порывы къ геройскимъ подвигамъ, а въ другой — бездны
расти, то самый проницательный изъ слушателей не могъ
замѣтить этого по ихъ разговору на углу канапе. Какъ
ько разсказъ о приключеніи былъ оконченъ, этотъ Ванъ-
къ, одѣтый Вортомъ, и эта пастель, разряженная искус-
вомъ Дусе, начали разсказывать другъ другу о томъ, какъ
ѣ провели недѣлю, — и это была просто болтовня двухъ
другъ, которыя говорятъ то о тряпкахъ, то о визитахъ и
черахъ, — словомъ, сплетничаютъ, если можно употребить
о слово для обозначенія милаго щебетанія насмѣшливыхъ
ичекъ. Наконецъ графиня сказала:

— Когда же ты пріѣдешь ко мнѣ обѣдать, чтобы пого-
рить какъ слѣдуетъ? не пріѣдешь ли завтра?

— Завтра? нѣтъ, отвѣчала г-жа де-Тильеръ: — у меня
дѣть кузина изъ Нансе. Не хочешь ли, чтобы я была у
бя послѣзавтра, въ четвергъ?

— Въ четвергъ? въ четвергъ... я не буду свободна: я
бдаю у моей сестры, д'Арколь. Не желаешь ли въ пятницу?

— Это точно на-смѣхъ, отвѣтила Жюльета, смѣясь: —
пятницу я обѣдаю у д'Авансоновъ. Вообрази, въ этотъ ве-
ъ мнѣ предстоитъ водворить миръ въ домѣ моего обожа-
я. Но мадамъ д'Авансонъ ложится спать очень рано, и если
твой день абонемента въ оперѣ, и у тебя не будетъ никого...

— Никого... Это превосходно. Я заѣду за тобой къ д'Авансонамъ... Но какъ далеко еще до пятницы, очень далеко! У меня явилась мысль: что̀ еслибы ты пріѣхала ко мнѣ сегодня вечеромъ?

— Но, отвѣтила мадамъ де-Тильеръ: — посмотри на мое бюро, на это письмо, которое я оканчивала, когда ты вошла... Я писала къ Миро, который уже давно проситъ меня назначить день, — и такъ какъ я была одна съ моею матерью...

— Ты не пошлешь письма, вотъ и все, возразила графиня: — и окажешь мнѣ услугу... Этотъ обѣдъ — тяжелая работа въ нѣкоторомъ родѣ.. Вся охота изъ Понъ-сюръ-Йоннъ... Ты знаешь ихъ, этихъ охотниковъ: Прони, д'Артель, Мозе... И съ нѣкоторою нерѣшительностью она прибавила:— наконецъ еще одинъ, послѣдній, съ которымъ ты, можетъ быть, не пожелаешь познакомиться... къ тебѣ до такой степени подходитъ то, что̀ англичане называютъ *particular*.

— А французы — prude или chipie, прервала Жюльета, снова начиная смѣяться. — И все это потому, что я не хочу бывать у тебя въ дни сутолоки... А кто онъ, эта таинственная личность, которую я должна запретить тебѣ знакомить со мной?

— О, не очень таинственная, возразила Габріэль: — это Реймонъ Казаль.

— Возлюбленный мадамъ де-Корсьё? спросила Жюльета и на утвердительный жестъ графини прибавила съ лукавствомъ: — дѣло въ томъ, что строгій Пуайянъ не одобритъ этого... Мнѣ не избѣжать фразы: »Зачѣмъ мадамъ де-Кандаль принимаетъ такихъ людей?«

Другъ, бдительность котораго, нѣсколько подозрительную, весело осмѣивала мадамъ де-Тильеръ, — безъ сомнѣнія, былъ не въ большой милости у графини, потому что въ глазахъ послѣдней при этой насмѣшкѣ промелькнула молнія злорадства; и, какъ бы поощренная, она возразила:

— Во-первыхъ, ты ему скажешь, что это другъ моего мужа, гораздо больше, чѣмъ мой. Затѣмъ, желаешь ли ты, чтобы я говорила съ тобою откровенно? Неправда ли, что для тебя, для Пуайяна, для кого бы то ни было, Казаль— значитъ вѣтренникъ, который бываетъ у женщинъ только для того, чтобы губить ихъ, фатъ, компрометировавшій мадамъ де-Гаквиль, м-мъ д'Эторель, м-мъ де-Корсьё и множе-

ство другихъ; игрокъ, ставившій въ клубѣ чудовищныя ставки, грубый человѣкъ, который встаетъ изъ-за карточнаго стола только для того, чтобы сѣсть на лошадь, фехтовать, охотиться и кончить ночь drunk as a lord (пьянымъ, какъ лордъ). Вотъ онъ, твой Казаль и Казаль твоего Пуайяна.

— Мой Казаль! прервала Жюльета: — я его не знаю, а мой Пуайянъ... впрочемъ, нѣтъ, я не хочу принимать на себя отвѣтственности за антипатіи моихъ друзей; будь справедлива.

— Да, да, твой Пуайянъ, настаивала графиня. — Послушай: еслибы онъ былъ вдовцемъ, вмѣсто того чтобы жить просто въ разлукѣ съ женою, и еслибы эта плутовка-жена сдѣлала ему сюрпризъ — умерла во Флоренціи, гдѣ она проводитъ свою жизнь...

— Ну, доканчивай, сказала мадамъ де-Тильеръ.

— Я всегда думала, что ты была бы способна выйти за него замужъ, а онъ, — я готова побиться объ закладъ, что онъ помышляетъ объ этомъ, потому что онъ уже и теперь оберегаетъ тебя, какъ свою невѣсту.

— Во-первыхъ, я вовсе не думаю, чтобы онъ питалъ такіе коварные замыслы, возразила Жюльета, отъ души смѣясь: — во-вторыхъ, не знаю, что бы я отвѣтила, еслибы мнѣ представился подобный случай, и, наконецъ, невѣста двадцати девяти лѣтъ съ восемью мѣсяцами можетъ позволить себѣ не бояться обольщеній вивера, большаго фата, большаго игрока, отчасти жокея, отчасти учителя фехтованья, большаго пьяницы, — потому что таковъ далеко нелестный портретъ твоего гостя.

— Ты прервала меня какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я хотѣла сказать тебѣ, что эта легенда также мало походитъ на настоящаго Казаля, какъ Наполеонъ III въ *Châtiments* Гюго на нашего бѣднаго императора... Фатъ! Развѣ это его вина, что онъ напалъ на трехъ или четырехъ безумныхъ женщинъ, которыя выставили его напоказъ? Смѣйся сколько угодно. Да, которыя выставили его напоказъ! Полина де-Корсьё дошла до того, что ее перестали принимать. И послѣ ихъ разрыва кто изъ нихъ сталъ поносить другаго на всѣхъ перекресткахъ? она или онъ? Я, которая горжусь тѣмъ, что я очень честная женщина, увѣряю тебя, что никогда онъ не сказалъ мнѣ ни одного неумѣстнаго слова. И притомъ онъ такъ уменъ, интересенъ, полонъ

воспоминаній о своихъ дальнихъ путешествіяхъ! Востокъ, Индія, Китай, Японія... онъ объѣхалъ весь свѣтъ. Кутила? игрокъ? Онъ былъ нѣсколько побогаче этихъ господъ, имѣлъ больше лошадей и проигралъ больше денегъ. Этого довольно для того, чтобы возбудить гнѣвъ противъ него. Можетъ быть, онъ имѣетъ страсть къ фехтованію. Но онъ не говоритъ объ этомъ, и я не слыхала, чтобы онъ злоупотреблялъ своимъ искусствомъ въ этомъ отношеніи. Можетъ быть также, онъ пьетъ; но онъ имѣетъ настолько такта, что приходитъ ко мнѣ всегда совершенно трезвый... Знаешь ли ты, что̀ это за молодой человѣкъ? это — балованный ребенокъ, для котораго жизнь была слишкомъ легка, но который сохранилъ въ себѣ множество очаровательныхъ качествъ. И при этомъ — красавецъ! Но видѣла ли ты его когда нибудь?

— Кажется, мнѣ показывали его одинъ разъ въ оперѣ, отвѣтила Жюльета: — высокій, съ черными волосами и бѣлокурой бородой.

— Значитъ, это было давно, замѣтила Габріэль. — Онъ носитъ теперь только усы. Какъ забавна эта парижская жизнь! Вы должны были сто разъ встрѣтиться другъ съ другомъ.

— Я выѣзжаю такъ рѣдко, отвѣтила Жюльета: — и притомъ, при моей разсѣянности, я никогда никого не узнаю.

— Но выѣдешь ли ты сегодня вечеромъ, чтобы увидѣть красавца Казаля? да или нѣтъ?

— Да. Но какъ ты говоришь о немъ! какъ ты волнуешься. Еслибы я не знала тебя...

— Тогда ты сказала бы, что я въ него влюблена, не такъ ли? Что̀ дѣлать! Въ моихъ жилахъ течетъ боевая кровь, и я возмущаюсь несправедливостями свѣта... Ты не донесешь на меня Пуайяну?

— Ахъ, опять Пуайянъ! сказала Жульета, поднявъ свои изящныя плечи.

— Ну да, возразила графиня, покачавъ головой. — Когда его нѣтъ, все идетъ хорошо. А затѣмъ — онъ говоритъ съ тобою, и я всегда замѣчала, какое вліяніе оказываютъ на тебя его слова. Но сюда идутъ... На этотъ разъ мой экипажъ пріѣхалъ.

Слышите ли вы отсюда обмѣнъ прощаній тотчасъ послѣ того, какъ слуга дѣйствительно объявилъ, что экипажъ гра-

фини поданъ, эти »уже!« »но ты только что вошла«, »итакъ, до свиданья, вечеромъ, моя дорогая«; далѣе—поцѣлуи, затѣмъ смѣхъ при имени Казаля, повторенномъ снова, наконецъ безмолвіе, едва нарушаемое движеніемъ маятника часовъ и трескомъ огня въ каминѣ, когда мадамъ де-Кандаль удалилась? Оставшись одна, Жюльета присѣла къ столу и, разорвавъ маленькую записку, предназначенную для Миро, взяла изъ ящика съ конвертами синій листикъ бумаги для новой записки, которую, повидимому, было труднѣе написать, потому что Жюльета долго вертѣла палочку съ перомъ между своими тонкими пальцами, глядя въ садъ, имѣвшій теперь болѣе меланхолическій видъ подъ потемнѣвшею синевою неба; и вотъ строки, которыя она рѣшилась наконецъ набросать:

»Другъ мой,

»Не пріѣзжайте сегодня вечеромъ раньше одиннадцати. Габріэль только что ушла отъ меня. Я не видѣла ее десять дней и должна была принять ея приглашеніе — обѣдать у нея въ этотъ вечеръ. Оставить же ее тотчасъ послѣ обѣда— значило бы поступить не по дружески. Не ворчите на меня за то, что я откладываю на два часа слушаніе вашего разсказа о сегодняшнихъ преніяхъ въ палатѣ и о томъ, что вы говорили тамъ. Не являйтесь ко мнѣ съ выраженіемъ обманутаго ожиданія въ глазахъ, гдѣ я читаю упрекъ за то, что вы называете — такъ несправедливо — свѣтскою стороною моего характера. Вы слишкомъ хорошо знаете, что значитъ для меня свѣтъ безъ васъ... безъ тебя, и какъ бы желала я имѣть право провозгласить тамъ предъ всѣми, что такое ты для твоего друга

Жюльеты«.

Затѣмъ вложивъ записку въ конвертъ, она на мѣстѣ, оставленномъ для адреса, написала имя оратора »правой«, хорошо извѣстнаго въ то время и игравшаго въ Версалѣ роль, довольно сходную съ тою, которую съ большимъ достоинствомъ выполняетъ теперь де-Менъ. Это было имя графа Анри де-Пуайяна, чѣмъ доказывается, что самыя задушевныя подруги никогда не повѣряютъ одна другой своихъ тайнъ болѣе чѣмъ въ половину. Потому что, если мадамъ де-Кандаль и подозрѣвала, какъ мы видѣли, чувства Пуайяна къ мадамъ де-Тильеръ, то она была слишкомъ далека отъ мысли, что они раздѣляются Жюльетой, и что эти два су-

щества соединены другъ съ другомъ узами самыхъ интимныхъ отношеній. Очень честныя женщины, — а такова была Габріэль, хотя она немножко слишкомъ настаивала на этомъ,—отличаются подобными наивностями, доказывающими ихъ безусловное прямодушіе. И сколько другихъ маленькихъ вещей разсказывала между строкъ эта хорошенькая синенькая записочка! Еслибы Жюльета перечла ее съ искренностью, вмѣсто того чтобы тотчасъ же запечатать ее, она отдала бы себѣ отчетъ въ томъ, что прелесть этихъ кокетливыхъ фразъ, это внезапное »ты« и ласки въ концѣ скрывали вѣроломство или служили какъ бы вознагражденіемъ за него. Впрочемъ, нѣтъ... Но во всякомъ случаѣ подъ ними таилась легкая невѣрность. Развѣ нельзя назвать невѣрностью со стороны любовницы совершеніе поступка, относительно котораго она заранѣе знаетъ, что онъ будетъ непріятенъ ея любовнику? И Пуайянъ, говорившій въ этотъ день рѣчь въ одномъ изъ важныхъ засѣданій палаты, развѣ не долженъ былъ почувствовать оскорбленіе, узнавъ, что Жюльета, которая могла увидѣть его въ восемь часовъ, и притомъ послѣ того, какъ она пропустила это засѣданіе подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, — отдалила часъ ихъ свиданія ради обѣда съ человѣкомъ, котораго онъ не любилъ? Она не сказала Габріэли, что по поводу мадамъ де-Корсьё, съ мужемъ которой Пуайянъ былъ знакомъ, онъ много разъ высказывалъ очень строгія сужденія насчетъ Казаля. Еслибы хорошенькая вдова перечла во второй разъ эту милую записочку, то она, можетъ быть, спросила бы себя, почему она, связанная въ своей жизни и навсегда,—такъ какъ она обмѣнялась съ Пуайяномъ тайнымъ обѣщаніемъ вступить въ бракъ,—слушая Габріэль, почувствовала нѣчто въ родѣ какого-то страннаго любопытства относительно этого Казаля, столь антипатичнаго будущему ея мужу? Можетъ быть, она, еслибы только была вполнѣ искренна сама съ собою, вывела бы изъ этого заключеніе, что въ ея чувство къ Пуайяну начала вкрадываться нѣкоторая доля утомленія. А отъ незначительнаго утомленія къ большой скукѣ переходъ такъ быстръ! столько же быстръ, какъ отъ небольшаго любопытства къ сильному кокетству... Но можемъ ли мы когда нибудь распутать мотокъ изъ тысячи нитей, переплетающихся одна съ другою въ нашей мысли и замаскированныхъ фразами нашихъ писемъ, когда мы пишемъ къ кому нибудь очень близкому къ

нашему сердцу? Въ любовныхъ запискахъ есть для насъ тайный смыслъ, какъ въ трагическихъ событіяхъ, въ которыхъ мы принимаемъ участіе. И когда Жюльета, полчаса спустя, остановила свой экипажъ у почтовой конторы въ улицѣ Монтень, чтобы лично опустить свое письмо въ ящикъ, она и не подозрѣвала, что̀ значила въ сущности ея граціозная проза, также какъ и мадамъ де-Кандаль не подозрѣвала гибельнаго вліянія, которое ея импровизированное приглашеніе должно было оказать на судьбу самой дорогой изъ ея подругъ.

II. Незнакомецъ

Мадамъ де-Тильеръ имѣла обыкновеніе, когда она не обѣдала дома, дѣлать свой туалетъ заранѣе, чтобы присутствовать при обѣдѣ своей матери. Мадамъ де-Нансе изъ своей тридцатилѣтней жизни въ провинціи вынесла неизмѣнное правило садиться за столъ акуратно въ семь часовъ безъ четверти. Столовая перваго этажа, гдѣ могло помѣщаться болѣе десяти человѣкъ, была общею для двухъ женщинъ. Эта мать, обожавшая дочь ради дочери, а не ради самой себя, — чувство рѣдкое у матерей, также какъ и у дочерей,— старалась устроить ихъ домашнюю жизнь такимъ образомъ, чтобы ихъ два существованія соприкасались другъ съ другомъ, не смѣшиваясь. Она имѣла свой этажъ, свой салонъ, своихъ слугъ, свое независимое распредѣленіе дня. Она всегда вставала въ шесть часовъ утра, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, чтобы идти къ обѣднѣ въ сосѣдній монастырь, и ложилась спать въ девять часовъ вечера, не сходя въ нижній этажъ. Она желала, чтобы Жюльета была свободна, точно живя одна, и въ то же время находилась подъ ея охраной. Въ избыткѣ самоотверженія она упрекала себя въ томъ, что принимала ласки, которыя оказывала ей мадамъ де-Тильеръ передъ каждымъ изъ своихъ выѣздовъ. Однако же она не отказывалась отъ этого ухаживанья, понимая, что внѣ этихъ условій Жюльета, и безъ того выѣзжавшая мало, перестала бы выѣзжать совсѣмъ. И притомъ для нея было такимъ пріятнымъ очарованіемъ — видѣть свою дочь во всей свѣжести ея наряда. Онѣ проводили въ этой столовой минуты такой нѣжной бесѣды! Рѣдко случалось, чтобы при этомъ присутствовало какое нибудь третье лицо. Въ первое время уха-

живанія Пуайяна за Жюльетой онъ безпрестанно изобрѣталъ предлоги, чтобы полюбоваться этою изящною картиной: разряженною молодою женщиной, услуживавшею своей матери въ постоянномъ траурѣ въ этой тихой столовой, при мирномъ свѣтѣ двухъ большихъ лампъ въ стилѣ имперіи, поставленныхъ на двухъ высокихъ колонкахъ. Съ тѣхъ поръ какъ его отношенія къ мадамъ де-Тильеръ приняли другой характеръ, онъ какъ будто стыдился смотрѣть въ глаза мадамъ де-Нансе. Этотъ человѣкъ трибуны, извѣстный своимъ хладнокровіемъ среди враждебныхъ собраній, чувствовалъ себя въ ея почтенномъ присутствіи подъ вліяніемъ мучительныхъ опасеній, возбуждаемыхъ въ правдивыхъ душахъ преступной тайной. Онъ страшился этихъ ясныхъ голубыхъ глазъ, слишкомъ умныхъ, — глазъ старой полуглухой женщины, — единственнаго остатка молодости этого блѣднаго поблекшаго лица. Хотя ей едва исполнилось шестьдесятъ лѣтъ, но она казалась болѣе чѣмъ на десять лѣтъ старше, до того источники ея жизни были отравлены ея собственными печалями и горестями ея дочери. Она потеряла, одного вслѣдъ за другимъ, мужа и двухъ сыновей въ тотъ годъ, который предшествовалъ трагическому вдовству Жюльеты. Эта изстрадавшаяся мать, которая, очевидно, жила въ мысляхъ со своими дорогими покойниками, радостно возновалась, когда она имѣла при себѣ свое послѣднее дитя, нарядно одѣтое, смѣющееся и ласковое, какъ это было за полчаса передъ отъѣздомъ ея дочери на обѣдъ къ мадамъ де-Кандаль. Въ этотъ вечеръ на Жюльетѣ было платье изъ черныхъ кружевъ поверхъ юбки изъ розоваго муара съ бантами того же оттѣнка. Въ ея пепельныхъ волосахъ и въ ушахъ сверкали жемчужины. Ея корсажъ съ легкимъ вырѣзомъ позволялъ видѣть начало ея груди и ея гибкихъ плечъ, открывая вполнѣ твердую постановку ея шеи и обрисовывая изящество ея бюста. Одѣтая такимъ образомъ, она совмѣщала въ себѣ прелести молодой женщины съ граціей молодой дѣвушки. Ея руки, на половину обнаженныя, двигались туда и сюда, а красивые пальцы, обремененные перстнями, были постоянно заняты оказываніемъ какихъ нибудь маленькихъ услугъ престарѣлой матери, то наливая ей питье, то приготовляя хлѣбъ или выбирая плоды, чтобы разрѣзать ихъ. При выполненіи этихъ нѣжныхъ услугъ ея глаза блестѣли на ея бѣломъ лицѣ, покрытомъ болѣе розовымъ румян-

цемъ, чѣмъ обыкновенно. Веселая улыбка играла на ея губахъ, образуя въ углу ихъ справа ямочку. Словомъ, она, повидимому, находилась въ хорошемъ расположеніи духа. Ея мать съ удовольствіемъ созерцала это радостное выраженіе ея физіономіи. Она всегда съ перваго взгляда узнавала, приготовляется ли Жюльета, отправляясь въ гости выносить тяжелую обязанность или же веселиться отъ души, — и въ послѣднемъ случаѣ въ ней возникала надежда, что, вмѣстѣ съ возвращеніемъ любви къ свѣту, явятся шансы новаго супружества для ея дочери, которую она опасалась скоро оставить одну. Поэтому она, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказала ей яснымъ и громкимъ голосомъ глухихъ, приложивъ къ своему уху нѣсколько дрожавшую руку, чтобы лучше разслышать отвѣтъ:

— Я почти готова ревновать тебя къ Габріэли,— до такой степени замѣтно, съ какимъ удовольствіемъ ты отправляешься къ ней. Кто долженъ тамъ быть еще?

— Очень немного народа, отвѣчала мадамъ де-Тильеръ, чувствуя, что краснѣетъ. — Охотники изъ охотничьяго общества Кандаля. Она пригласила меня для себя.

— Однако же примѣръ этого супружества мѣшаетъ тебѣ вновь выйти замужъ, сказала мадамъ де-Нансе, покачавъ головой и прибавивъ задумчиво: — бѣдная женщина! и такая бодрая... и при этомъ — нѣтъ дѣтей.

— Да, отвѣтила Жюльета, и блескъ ея глазъ потускнѣлъ на минуту при мысли о тайномъ несчастіи, подточившемъ жизнь ея подруги. Луи де-Кандаль еще во время своей холостой жизни былъ въ связи съ нѣкоей мадамъ Бернаръ, женой богатаго промышленника, отъ которой онъ имѣлъ сына. Почти непосредственно послѣ его брака эта связь возобновилась почти открыто, и ее въ теченіе десяти лѣтъ графиня переносила съ гордымъ самоотверженіемъ, которое объяснялось одною подробностью: все состояніе семьи принадлежало ей, и благородная женщина не хотѣла допустить, чтобы послѣдній изъ Кандалей былъ принужденъ жить пенсіей, выпрошенной у оскорбленной супруги. И притомъ она все еще надѣялась имѣть сына съ этимъ именемъ, къ которому она питала бы самое романтическое обожаніе. Наконецъ она любила своего мужа, несмотря ни на что. Мадамъ де-Тильеръ знала эту грустную исторію изъ признаній Габріэли; знала слишкомъ хорошо для того, чтобы не

раздѣлять всѣхъ ея горестей. Дополняя фразу своей матери, она прибавила:

— Не думаю, чтобы я когда нибудь могла обладать такимъ терпѣніемъ.

— Довольно! сказала мадамъ де-Нансе. — Я напрасно напомнила тебѣ объ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Вотъ ты теперь такая, какою я не люблю тебя видѣть, — мрачная, задумчивая. Улыбнись, прежде чѣмъ ты оставишь меня, и будь весела, какъ была сейчасъ. Я была такъ счастлива: вотъ ужъ по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ я не видѣла у тебя такихъ глазъ.

»Дорогая мама«, думала Жюльета четверть часа спустя, между тѣмъ какъ ея купе везло ее въ Тильзитскую улицу, гдѣ жили Кандали: — »какъ она любитъ меня! И какъ она знаетъ мои глаза, какъ умѣетъ читать въ нихъ! Однако правда ли, что этотъ обѣдъ у Габріэли занимаетъ меня, какъ ребенка? почему?«

Да, почему? Этотъ вопросъ, котораго она не ставила ни послѣ разговора со своею подругой, ни послѣ своего письма къ Анри де-Пуайяну, овладѣлъ ею вдругъ вслѣдствіе замѣчанія ея матери, какъ только она усѣлась въ углу своего купе. Это такое мѣсто, гдѣ женщины предаются наиболѣе глубокимъ размышленіямъ, потому что здѣсь онѣ чувствуютъ себя наиболѣе изолированными, наиболѣе защищенными отъ жизни, волнующейся вокругъ нихъ. Десяти минутъ, проведенныхъ такимъ образомъ, десяти минутъ, отдѣляющихъ улицу Матиньонъ отъ улицы Тильзитской, — часто бывало достаточно мадамъ де-Тильеръ для того, чтобы анализировать въ подробностяхъ мелкіе факты, подмѣченные въ теченіе вечера. Но на этотъ разъ потребовались бы многіе часы, чтобы разобраться въ работѣ, совершившейся въ ея головѣ послѣ ея разговора съ Габріэлью. И хотя эта молчаливая женщина привыкла очень ясно видѣть въ своей душѣ, но она неизбѣжно должна была обмануться насчетъ свойства этой работы.

Продолженіе будетъ

Экономичеекое значеніе уметвеннаго труда

Экономическій этюдъ

Георга Ганзена

Окончаніе

Намъ нужно выяснить еще различіе, заключающееся между указаннымъ здѣсь источникомъ дохода, доходомъ отъ земли и земельной рентой Рикардо. Представимъ себѣ мѣстность, раздѣленную на крестьянскіе участки одинаковой величины. Такъ такъ плодородіе почвы различно, то и доходъ ихъ будетъ различенъ. Примемъ доходъ съ участка, имѣющаго самую плохую землю и всетаки могущаго прокормить семью, равнымъ 1; тогда о доходѣ прочихъ участковъ, который можетъ быть въ 2, въ 3, въ 5 разъ болѣе, можно говорить, какъ о земельной рентѣ. Только это различіе, эта рента составляетъ для Рикардо добровольный даръ природы. Очевидно, онъ имѣетъ при этомъ въ виду англійскія арендныя условія. Правда, собственникъ самой плохой земли не можетъ ни отдавать свой участокъ въ аренду, ни дѣлать долги безъ опасенія раззориться. Но онъ можетъ дѣлать это, если его участокъ имѣетъ двойную величину; тогда и для него доходъ его будетъ даромъ природы. Такъ какъ Рикардо дѣлаетъ отвлеченіе отъ живыхъ силъ природы и считаетъ ихъ дѣйствіе свойствомъ извѣстной площади земли, то онъ приходитъ къ допущенію такихъ факторовъ, вліяющихъ на земельную ренту, которые не имѣютъ ничего общаго съ творческими силами природы, каковы, напр., положеніе земельной собственности вблизи большаго города, разработка минеральныхъ богатствъ, примѣненіе въ качествѣ городскаго строительнаго участка. Очевидно, возрастаніе цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе земельной ренты въ этихъ случаяхъ вызывается обстоятельствами, не имѣющими никакой связи съ землей. Мы

еще возвратимся къ этому предмету, когда будемъ говорить о второмъ источникѣ дохода, къ которому вскорѣ намъ предстоитъ перейти.

Земельнымъ собственникамъ противополагается значительная масса людей, не имѣющихъ подобной собственности. Для нихъ созрѣваетъ хлѣбъ, наливается виноградъ только тогда, когда имъ удастся склонить владѣльца земли къ уступкѣ имъ части его продуктовъ. Они могутъ сдѣлать это только посредствомъ своего личнаго труда, такъ какъ природа для нихъ не работаетъ. Они уже отдѣлились отъ почвы, о нихъ уже не заботится благодѣтельная мать-земля; но, съ другой стороны, поприще ихъ работы не опредѣляется лишь узкими границами земельной собственности: имъ принадлежитъ городъ, вся родная страна, вся земля, весь міръ. Они проникаютъ въ нѣдра земли и поднимаются въ воздушныя области; имъ принадлежитъ твердая земля и зыбкое море, они стремятся приподнять завѣсу, скрывающую прошлое, и ихъ взглядъ пытается проникнуть сквозь туманъ, обнимающій будущее.

Безконечно обширно поприще ихъ работы, и безконечно разнообразна ихъ дѣятельность. Тѣмъ не менѣе, они довольно опредѣленно дѣлятся на двѣ группы. Первая изъ нихъ, гораздо болѣе многочисленная, есть огромная масса тѣхъ, доходъ которыхъ обусловливается физической работой. Напротивъ, доходъ тѣхъ, которые принадлежатъ ко второй группѣ, или исключительно, или отчасти создается умственной работой. Принадлежащихъ къ этой послѣдней группѣ мы относимъ къ *среднему сословію*, и ихъ доходъ называемъ *доходомъ умственнаго труда* или *умственнымъ заработкомъ*. Другой классъ составляетъ *рабочее сословіе*, и его доходъ называется *заработной платой*.

Гдѣ проходитъ граница между этими двумя отраслями доходовъ, и въ чемъ заключается характерное различіе между ними? Обыкновенно, согласно Адаму Смиту, принимается только одинъ видъ работы, и различія вознагражденія объясняются бо̀льшею или меньшею рѣдкостью качествъ, необходимыхъ для выполненія извѣстной работы. Человѣкъ, могущій переносить тяжести въ 400 фунтовъ, встрѣчается нечасто. Быть можетъ, въ своемъ родѣ онъ представляетъ такое же рѣдкое явленіе, какъ выдающійся государственный человѣкъ, замѣчательный полководецъ или знаменитый художникъ. Тѣмъ не менѣе его работа даже приблизительно не вознаграждается такъ высоко, какъ работа этихъ лицъ. Различіе здѣсь заключается въ слѣдующемъ. Физическій трудъ, для выполненія котораго былъ бы нуженъ Геркулесъ, легко можетъ быть выполненъ двумя людьми средней силы. Напротивъ, 100 дипломатовъ средняго уровня не

амѣнять одного выдающагося государственнаго человѣка, и всѣ наши профессора философіи, взятые вмѣстѣ, не въ состояніи написать „Критику чистаго разума“. И даже 10 плохихъ писцовъ не въ состояніи замѣнить одного хорошаго. Физическій трудъ знаетъ только *количественныя* различія, и эти различія заключаются въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ. Самый сильный работникъ при извѣстной продолжительности труда едва ли сдѣлаетъ вдвое болѣе рабочаго средней силы.

Въ умственномъ трудѣ, напротивъ, является *качественное* различіе. Такъ какъ умственныя способности распредѣлены съ безконечнымъ разнообразіемъ, то и умственный заработокъ можетъ измѣняться въ безконечно большихъ предѣлахъ. Здѣсь уже нельзя говорить о рабочей или физической рентѣ, а развѣ только объ умственной рентѣ. Здѣсь получаемый доходъ колеблется между скуднымъ вознагражденіемъ бѣднаго писца и царственнымъ доходомъ негоціанта, владѣющаго надъ морями. Въ дѣйствительности, для настоящихъ подвиговъ человѣческаго духа, для произведенія генія серебро и золото не представляютъ уже болѣе соизмѣримой величины; награда заключается здѣсь въ почетѣ со стороны современниковъ, въ славѣ въ глазахъ потомства.

Такимъ образомъ къ среднему сословію, доходъ котораго заключается въ умственномъ заработкѣ, принадлежатъ всѣ чиновники, офицеры, купцы, промышленные предприниматели, однимъ словомъ всѣ, не принадлежащіе къ сословію земельныхъ собственниковъ и получающіе свой доходъ не отъ простой физической работы. Подъ умственными качествами слѣдуетъ понимать не одни умственныя способности: сюда принадлежатъ и выдающіяся свойства характера, а также и пріобрѣтенное знаніе и умѣнье. Для нѣкоторыхъ классовъ свойство характера имѣетъ особенно важное значеніе, какъ, напр., состраданіе и человѣколюбіе для духовныхъ лицъ, мужество и энергія — для военныхъ. Выдающіяся знаніе и умѣнье, въ сущности, сводятся также къ свойствамъ ума и характера. Если мы видимъ, что человѣкъ менѣе одаренный беретъ верхъ надъ болѣе одареннымъ, то мы должны предположить въ немъ бо́льшее трудолюбіе и бо́льшую энергію. Недостатокъ высшей умственной даровитости до нѣкоторой степени можетъ быть дополненъ и возмѣщенъ выдающимися свойствами характера. Обратнаго не бываетъ въ жизни. Человѣкъ съ слабымъ характеромъ не можетъ восполнить этотъ недостатокъ самыми выдающимися умственными дарованіями; все, что́ для него возможно, это — скрыть свой недостатокъ на нѣкоторое время. Дѣйствительно, великое можетъ совершить то́лько тотъ, у кого высокія умственныя дарованія соединяются со свойствами сильнаго характера.

Границу между тремя отраслями доходовъ невсегда можно провести съ достаточной рѣзкостью. Такъ, владѣлецъ усовершенствованнаго сада будетъ находиться на лѣвомъ крылѣ земельныхъ собственниковъ, а арендаторъ — на правомъ крылѣ средняго сословія. Въ рѣдкихъ растеніяхъ и дорогихъ луковицахъ, какія садовникъ выставляетъ на рынокъ, умственная работа имѣетъ значительный перевѣсъ надъ производительной работой природы. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя имѣетъ существенное значеніе; прибыль отъ умственной работы составляетъ только бо̀льшій или меньшій придатокъ къ ней. Даже самый неискусный садовникъ, противоположно арендатору, получитъ нѣкоторый доходъ и въ томъ случаѣ, если будетъ производить самые простые овощи и корнеплоды.

На низшей границѣ средняго сословія, получающаго свой доходъ, отъ умственной работы, стоитъ ремесло. Но, правду сказать, въ настоящее время въ большинствѣ странъ оно притиснуто къ самой границѣ и отчасти вытѣснено по ту сторону ея. Общественную борьбу, какую ведетъ теперь ремесло, въ особенности въ Германіи, можно назвать борьбой за сохраненіе умственной ренты. Почему же ремесло лишается ея, почему оно опускается до уровня простаго физическаго труда?

Прослѣдимъ этотъ вопросъ на одномъ примѣрѣ. Ремесло ткачей шерстяныхъ матерій, которые самостоятельно работали въ собственныхъ мастерскихъ на своихъ станкахъ, нѣкогда было весьма цвѣтущимъ, а въ настоящее время въ культурныхъ странахъ Европы оно почти исчезло. Оно требовало немалаго знанія и умѣнья. Тотъ, кто пріобрѣталъ его въ длинные годы обученія, уже тѣмъ самымъ становился выше обыкновеннаго рабочаго; но чтобы сдѣлаться искуснымъ, самостоятельнымъ мастеромъ еще недостаточно было знанія своего ремесла. Для того чтобы покупать возможно дешево необходимые сырые матеріалы и продавать возможно дорого свои произведенія, нуженъ былъ еще коммерческій талантъ. Необходимо было также внимательно слѣдить за измѣненіями вкуса и стараться придумывать новые образцы, чтобы имѣть, съ своей стороны, вліяніе на моду. Тотъ, кто обладалъ всѣми этими качествами, пользовался извѣстнымъ почетомъ. Онъ принадлежалъ къ среднему сословію; его доходъ былъ, главнымъ образомъ, умственнымъ заработкомъ.

Затѣмъ возникаетъ мануфактура. Ловкій ремесленникъ превращается въ предпринимателя. Онъ приглашаетъ другихъ ткачей работать на него. Они работаютъ, какъ и прежде, на своемъ станкѣ или въ собственной мастерской, или сообща на фабрикѣ. Но произошла уже значительная перемѣна: покупка сыраго матеріала и продажа готоваго товара находятся теперь

въ рукахъ предпринимателя. Кромѣ того, теперь уже *онъ* слѣдитъ за модой, *онъ* даетъ новые узоры, — все равно, рисуетъ ли онъ ихъ самъ или поручаетъ это своимъ рисовальщикамъ. За эту умственную работу предприниматель беретъ теперь изъ дохода каждаго отдѣльнаго ткача процентъ, падающій на ту часть ихъ работы, какую онъ исполняетъ за нихъ. Ткачи на общественной лѣстницѣ спустились нѣсколькими ступенями ниже. Но они все еще считаютъ себя, благодаря своему знанію и умѣнью, выше простаго рабочаго.

Наконецъ изобрѣтаютъ механическій ткацкій станокъ. Теперь доходъ ткача утрачиваетъ послѣдній остатокъ умственнаго заработка. Пріобрѣтенное съ большимъ трудомъ знаніе его ремесла не приноситъ ему болѣе никакой пользы. То, чего онъ достигалъ при его помощи, машина выполняетъ гораздо лучше и скорѣе. Ткачу остается только прислуживать при машинѣ. Для этого требуется такъ немного ловкости и силы, простыя манипуляціи усвоиваются такъ легко, что его могутъ замѣнить даже женщины и дѣти. Ткачъ превратился теперь въ простаго рабочаго. Какъ это ни странно кажется, но это вполнѣ естественно, что, хотя одинъ ткачъ со своей машиной производитъ болѣе, чѣмъ прежде производила цѣлая сотня ручныхъ ткачей, тѣмъ не менѣе онъ получаетъ дохода меньше, чѣмъ получалъ каждый изъ этихъ послѣднихъ. Съ ручными ткачами конкурировали только ученые ткачи, съ машинными ткачами конкурируютъ всѣ люди, которыхъ Богъ одарилъ двумя здоровыми руками *).

Характерную сторону такой фабричной работы составляетъ то, что для нея ненужно ничего, кромѣ здороваго тѣла или такого незначительнаго умѣнья и знанія, какое легко усвоивается каждымъ. Человѣческое общество можно представить себѣ въ формѣ пирамиды. Простые рабочіе образуютъ низшіе, самые широкіе слои. Чѣмъ труднѣе работа, тѣмъ выше лежитъ слой, и тѣмъ онъ менѣе по своей величинѣ, а на самой вершинѣ уже только немногіе находятъ себѣ мѣсто. Между тѣмъ какъ высшіе слои, въ виду особаго знанія и умѣнья, какія для нихъ нужны, обезпечены отъ вторженій непринадлежащихъ къ нимъ людей, въ низшихъ слояхъ работа можетъ одинаково совершаться каждымъ. Поэтому они всегда подвержены опасности вторженія сверху, возрастающаго при общихъ и спеціальныхъ кризисахъ и могущаго вести къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Простой физическій трудъ поставленъ новѣйшими экономи-

*) Весьма характерно, что въ Англіи фабричные рабочіе исчисляются не *поголовно*, а по количеству *рукъ*.

стами слишкомъ высоко. Эта крайне высокая оцѣнка его начинается отъ Адама Смита и достигаетъ своего высшаго пункта у Карла Маркса, который количество физическаго труда, вложенное въ какой либо продуктъ, признаетъ за мѣру его цѣнности. Поэтому, если капиталистъ не выплачиваетъ работнику полной разницы между цѣнностью сыраго матеріала и цѣнностью изготовленнаго товара, то онъ совершаетъ кражу; онъ противозаконно присвоиваетъ себѣ добытое работою другаго.

Такъ какъ Генри Джорджъ стоитъ на подобной же точкѣ зрѣнія, какъ и Карлъ Марксъ, то здѣсь можно поставить на видъ увлекающемуся американскому ученому и послѣдующее грубое заблужденіе. Джорджъ возстаетъ противъ обычнаго взгляда, что заработная плата выплачивается изъ капитала, т. е. что предприниматель ссужаетъ изъ капитала наемному рабочему нѣкоторый задатокъ на его содержаніе, покуда будетъ проданъ изготовленный товаръ. Джорджъ возражаетъ противъ этого слѣдующимъ образомъ: „заработная плата берется не изъ капитала, а въ дѣйствительности изъ продукта оплаченной ею работы". Такимъ образомъ, когда рабочій обѣдаетъ, онъ оплачиваетъ свой обѣдъ не задаткомъ изъ капитала, а платой за работу, сдѣланную имъ до полудня, вложенную утромъ въ сырые матеріалы.

Это положеніе можно, пожалуй, оставить безъ возраженія. Но уже дѣйствительно поражающей смѣлостью отличаются заключенія, какія Джорджъ выводитъ изъ него. Онъ выводитъ отсюда не болѣе, не менѣе, какъ опроверженіе закона населенія Мальтуса! Когда, разсуждаетъ Джорджъ, заработная плата берется изъ продукта труда, то каждая работа оплачивается сама собою, носитъ свое вознагражденіе въ самой себѣ. Такъ какъ каждый человѣкъ появляется на свѣтъ не только со ртомъ для ѣды, но и съ руками для работы, то каждый новый пришлецъ въ нашъ міръ приноситъ въ силѣ своихъ рукъ источникъ своего прокормленія. Поэтому никогда не можетъ быть излишнихъ силъ, не можетъ быть избытка населенія.

Еслибы это было справедливо, этимъ было бы найдено средство помочь всякаго рода нуждѣ. „Здѣсь", должны были бы мы сказать толпамъ людей, не имѣющихъ работы: — „здѣсь стоитъ гора Монбланъ. Развѣ вы не видите, что она состоитъ изъ прекраснѣйшаго гранита? и развѣ гранитъ не составляетъ превосходнаго матеріала для мостовыхъ? Поэтому живѣе принимайтесь за работу! Милліоны рукъ найдутъ себѣ здѣсь дѣло на нѣсколько лѣтъ, пока гора исчезнетъ съ лица земли. Отчего же вы медлите? Вы спрашиваете — есть ли у меня достаточный капиталъ, чтобы содержать васъ во время работы? какой капиталъ? Развѣ вы не знаете, что заработная плата берется

изъ продукта работы? Не унывайте: продуктовъ вашей работы до полудня будетъ достаточно, чтобы оплатить вашъ обѣдъ". Что же будетъ у нашихъ каменьщиковъ къ полудню? нѣсколько тысячъ камней для мостовой, но ни одного куска хлѣба!

Читая Джорджа, часто приходится впадать въ сомнѣніе, что у него нѣтъ ничего, кромѣ заблужденій. Онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ также, какъ и въ приведенномъ выше объясненіи процента съ капитала. Онъ говоритъ о работѣ вообще, но заимствуетъ свои примѣры изъ сельскохозяйственной дѣятельности. Дѣйствительно, можно бы было не бояться избытка населенія, еслибы каждый человѣкъ при своемъ рожденіи приносилъ съ собою на свѣтъ не только ротъ для ѣды и руки для работы, но и нѣсколько моргеновъ хорошей пшеничной почвы.

Карлъ Марксъ, конечно, не такъ наивенъ, какъ Джорджъ. Онъ хорошо знаетъ, что работа, разсчитывающая на вознагражденіе, должна быть полезною въ общественномъ смыслѣ, что ея продукты въ лабиринтѣ экономическихъ отношеній должны находить дорогу къ центру его, къ деньгамъ, а оттуда къ сельскохозяйственнымъ произведеніямъ. Онъ утверждаетъ только, что плата, заслуженная рабочимъ, выплачивается ему не вполнѣ, а часть ея утаивается капиталистомъ. Ошибка и у Маркса заключается въ томъ, что онъ противопоставляетъ физической работѣ прожорливое чудовище, о которомъ каждый говоритъ, но котораго никто еще не видѣлъ въ лицо, а именно — производительный капиталъ.

Приведемъ слѣдующій поясните́льный примѣръ. Англія снабжаетъ въ настоящее время полміра продуктами своей хлопчатобумажной промышленности. Когда нибудь, въ день разсчета, всѣ владѣльцы фабрикъ могли бы сказать своимъ рабочимъ: „Мы прочли у Карла Маркса, что вамъ принадлежитъ полная стоимость работы, вложенной въ сырой матеріалъ, что мы совершаемъ похищеніе, присвоивая часть ея себѣ. Передъ вами лежитъ весь запасъ товаровъ, выдѣланныхъ на этой недѣлѣ. Возьмите ихъ себѣ и раздѣлите между собою. Намъ вы должны будете возвратить только чистыя издержки — стоимость хлопка, угля и нѣсколько шиллинговъ за пользованіе машинами и зданіями".

Довольный уходитъ оттуда рабочій со своими товарами. Онъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы обращаться къ торговцамъ: онъ хорошо знаетъ, что и они принадлежатъ къ кровопійцамъ. Онъ идетъ прямо къ источнику — въ деревню, къ крестьянину. „Посмотри на эти товары, говоритъ онъ, это — продуктъ моей работы. Любой знатокъ не найдетъ въ нихъ ничего дурнаго. Дай мнѣ за это продуктъ твоей работы — хлѣбъ, который лежитъ у тебя въ амбарѣ, молоко, масло и сыръ изъ твоего погреба".

— „Мнѣ очень жаль, отвѣчаетъ крестьянинъ, но я не имѣю рѣшительно никакой надобности въ хлопчатобумажныхъ товарахъ". — „Ты, можетъ быть, сомнѣваешься въ цѣнности моихъ товаровъ? спрашиваетъ рабочій. Я продаю ихъ тебѣ по существующимъ рыночнымъ цѣнамъ". — „Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчаетъ крестьянинъ, но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы твои товары имѣли цѣнность *для меня*. Мои продукты служатъ для меня и для моихъ близкихъ къ поддержанію нашей жизни. Если мнѣ нужны другіе товары, мнѣ очень легко вымѣнять, потому что каждому необходимы хлѣбъ и мясо. Еслибы я пріобрѣлъ твои товары, правда, у меня было бы много платья, но развѣ я могъ бы утолить свой голодъ?"

Рабочій стучится и въ двери другихъ крестьянскихъ дворовъ, но вездѣ получаетъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ онъ обращается къ торговцу. Тотъ готовъ взять у него товары, но предлагаетъ за нихъ такую низкую цѣну, что, за вычетомъ издержекъ, у рабочаго едва остается обыкновенная заработная плата.

Наконецъ рабочіе возвращаются на фабрику. „Ты насъ ловко обманулъ", говорятъ они фабриканту: — „товары, которые ты намъ далъ, никто не покупаетъ, по крайней мѣрѣ, за ихъ настоящую цѣну. Такъ ты дай намъ эту цѣну чистыми деньгами или мясомъ и хлѣбомъ!" — „Хлѣбомъ и мясомъ?" спрашиваетъ владѣлецъ фабрики: — „но гдѣ же лежитъ поле, которое вы обработываете, и гдѣ пасется скотъ, который вы разводите? Вы не выкапывали ни золота, ни серебра, а производили хлопчатобумажные товары. И я вамъ ихъ отдалъ. По-видимому, вы совсѣмъ не знаете, какая сумма работы еще требуется, чтобы превратить вашу работу въ хлѣбъ и мясо. Посмотрите — я отдаю товары комисіонеру; тотъ отыскиваетъ торговца, занимающагося вывозомъ; этотъ передаетъ товары капитану, который длиннымъ опаснымъ морскимъ путемъ везетъ ихъ въ Индію. Здѣсь принимаетъ ихъ торговецъ, занимающійся ввозомъ, и имъ приходится совершать еще большое сухопутное путешествіе, пока они черезъ посредство мелкихъ торговцевъ и разнощиковъ попадутъ въ руки потребителей, индійскихъ земледѣльцевъ, которые готовы вымѣнять продукты вашей дѣятельности на рисъ и пшеницу. И сельскохозяйственные продукты Индіи должны сдѣлать еще такой же обратный путь.

„Всѣ эти люди работаютъ и по праву ожидаютъ, что ихъ работа будетъ вознаграждена. Но это еще не все. Чтобы оградить нашу торговлю, чтобы поддерживать порядокъ въ нашихъ колоніяхъ, многочисленные военные корабли должны изъ года въ годъ крейсировать по всѣмъ морямъ, и въ Англіи и въ Индіи необходимо множество чиновниковъ, а въ самой Индіи должно содержаться постоянно большое войско.

„Какъ видите, вы составляете только одно звено въ длинной цѣпи, и притомъ еще не самое важное. Для вашей работы ненужно столько таланта и знанія, сколько для работы чиновника или купца, вамъ ненужно столько энергіи и мужества, какъ для капитана корабля, вы не подвергаетесь такимъ опасностямъ, какъ индійскій солдатъ.

„И *мою* работу, повидимому, вы цѣните слишкомъ низко. На самомъ дѣлѣ, я — душа обширнаго хозяйственнаго дѣла: я долженъ изучать отчеты о видахъ на урожай хлопка въ Америкѣ и Азіи, чтобы опредѣлить изъ нихъ покупную цѣну сыраго матеріала; я долженъ ни на минуту не упускать изъ виду устройство другихъ фабрикъ не только въ Англіи, но и на континентѣ, и въ Америкѣ, чтобы своевременно вводить у себя новыя машины; я долженъ наблюдать за всѣми сложными операціями міроваго рынка, чтобы сдерживать или усиливать производство товаровъ. Одной ошибки въ разсчетѣ можетъ быть достаточно, чтобы это могущественное собраніе цѣнностей, которое вы называете производительнымъ капиталомъ, выскользнуло у меня изъ рукъ.

„Будьте же довольны платой, какую я вамъ даю. Ее достаточно для содержанія вашего и вашихъ семействъ. И прежде всего будемъ жить въ мирѣ, потому что мы связаны другъ съ другомъ, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ голова и члены".

Вопросъ, насколько долженъ быть великъ, при правильномъ распредѣленіи, процентъ прибыли, достающійся на долю физической, и насколько долженъ быть великъ процентъ, приходящійся на долю умственной работы, въ дѣйствительности является неразрѣшимымъ. Право на работу и на пріобрѣтеніе отъ нея содержанія не можетъ быть выведено изъ экономическихъ законовъ. Весьма искусный фабрикантъ можетъ давать такую заработную плату, какая была бы невозможна для менѣе способнаго производителя. И если кто либо изобрѣтеніемъ новаго орудія, новой машины или какимъ либо нововведеніемъ, облегчающимъ работу, получитъ высокую прибыль, то эта прибыль дается ему его умственной работой. Она принадлежитъ ему одному, и онъ не обязанъ дѣлиться ею со своими рабочими. Не физическій трудъ создалъ машины, а, напротивъ, машины создали рабочихъ. Какая громадная сумма умственной работы воплотилась въ машинахъ, изобрѣтенныхъ въ послѣдніе полтора вѣка! Сами изобрѣтатели часто не получали ожидавшагося ими денежнаго вознагражденія, но зато на ихъ долю достались почетъ и слава. Они работали не только для себя, но и для своихъ согражданъ, для своего народа, для всего человѣчества. Именно умственная работа Гаргривса, Аркрайта, Уатта, Крамптона, Картрайта и др. дала англійскому народу

въ концѣ прошлаго столѣтія значительное экономическое преимущество надъ всѣми другими народами и открыла источникъ громадныхъ богатствъ. Если же изобрѣтатели другихъ народовъ превзойдутъ англичанъ новыми изобрѣтеніями, тогда и англійскимъ рабочимъ предстоитъ такой же упадокъ, какъ въ настоящее время ручнымъ работникамъ въ Индіи. И если они тогда скажутъ своему правительству: „дайте намъ работу", они потребуютъ невозможнаго, потому что ихъ требованіе будетъ означать: „дайте намъ людей умственной силы тѣхъ, подъ руководствомъ которыхъ мы нѣкогда покорили міръ". Они будутъ представлять изъ себя сильное войско, но войско безъ офицеровъ.

Иначе представляется вопросъ, если его разсматривать не съ теоретической стороны, а въ его практическомъ и политическомъ значеніяхъ. Тогда незачѣмъ будетъ спрашивать: какъ высока должна быть плата, которая по справедливости принадлежитъ отдѣльному работнику, а слѣдуетъ спросить: какой доходъ долженъ имѣть работникъ, чтобы имѣть возможность существовать въ качествѣ полезнаго члена общества? И здѣсь является не только право, но и обязанность государства вмѣшаться въ дѣло для упорядоченія его, подобно тому какъ въ прошломъ столѣтіи оно пришло на помощь, посредствомъ законодательнаго акта, угнетенному нѣмецкому крестьянству, когда тому грозила гибель отъ могущественнаго земельнаго дворянства.

Разсматривая отдѣльные виды доходовъ по ихъ источникамъ, мы нашли, что они дѣлятся на три различные вида, смотря по тому — заключаются ли ихъ источники въ естественныхъ, свободно дѣйствующихъ силахъ природы, въ умственномъ или въ физическомъ трудѣ. По видамъ дохода мы раздѣлили населеніе на три класса: на землевладѣльцевъ, среднее сословіе и рабочихъ. Нашъ первый видъ дохода, доходъ съ земли, почти совпадаетъ съ земельной рентой Рикардо; мы выдѣляемъ только неплодоносные земельные участки и относимъ арендаторовъ ко второму классу населенія, среднему сословію. Къ послѣднему принадлежатъ, кромѣ того, всѣ предприниматели и та часть служащихъ, которые работаютъ головой, а не руками. На границѣ его, но все еще принадлежа къ нему, стоятъ тѣ, работа которыхъ не можетъ быть названа чисто физическою, такъ называемые квалифицированные рабочіе.

Остается еще источникъ дохода, который въ общераспространенной системѣ занимаетъ выдающееся мѣсто — процентъ съ капитала.

Если наши три отрасли дохода установлены правильно, то процентъ съ капитала не можетъ найти мѣста между ними.

Онъ долженъ быть сведенъ къ одному или къ нѣсколькимъ изъ нашихъ отраслей дохода.

При этомъ слѣдуетъ исходить не отъ кредитора, ставя вопросъ: за какую работу или за какія качества собственникъ капитала получаетъ проценты, — но нужно обратиться, какъ и относительно другихъ отраслей дохода, къ самому источнику, и нужно спросить: откуда должникъ беретъ процентъ, и насколько возможно для него въ теченіе продолжительнаго времени уступать источникъ своего дохода? Поступая такимъ образомъ, мы увидимъ, что всѣ наши три отрасли дохода должны участвовать въ уплатѣ процента на капиталъ.

Всего очевиднѣе это при земельномъ доходѣ. У кого есть избытокъ капитала, тотъ можетъ покупать на него земельные участки. Дѣйствующія на пріобрѣтенной площади силы природы окажутся тогда у него въ распоряженіи. Трава растетъ, и хлѣбъ зрѣетъ одинаково — обладаетъ ли ихъ собственникъ способностями и знаніями или нѣтъ. Но онъ можетъ также свой капиталъ ссудить земледѣльцу подъ условіемъ, чтобы тотъ до возвращенія займа отдавалъ ему часть своей прибыли съ земли. Остается спросить только — находитъ ли онъ такого земледѣльца, который соглашается на эти условія, потому что тотъ считаетъ такую сдѣлку для себя выгодною, или потому что его понуждаютъ къ ней обстоятельства? Это бываетъ такъ невсегда или, по крайней мѣрѣ, не въ одинаковой степени. Когда долги землевладѣльца въ какой либо странѣ сильно возрастаютъ, то это можетъ быть объяснено или тѣмъ, что землевладѣльцы имѣютъ возможность уступать часть своего дохода, или тѣмъ, что среднее сословіе въ экономическомъ отношеніи стоитъ выше ихъ.

Ясно, что этотъ видъ процента, приносимаго капиталомъ, имѣетъ свой источникъ въ прибыли съ земли. Средніе вѣка поэтому поступали логично, не причисляя его къ запрещенному росту. Его называли рентой, отъ латинскаго слова redditus, а самое занятіе — покупкой ренты, т. е. покупкой произведеній опредѣленнаго земельнаго участка, въ прежнія времена — на условіи переуступки его, а въ позднѣйшія — простаго залога.

Къ другому виду процента на капиталъ примѣняется спеціальное названіе ссуднаго процента. А. обладаетъ капиталомъ, т. е. цѣнностями, но не имѣетъ ни таланта, ни знаній, чтобы, влагая въ эти цѣнности умственную работу, увеличить приносимый ими доходъ. Б., напротивъ, обладаетъ талантами и знаніями, но у него нѣтъ ни капитала, ни цѣнностей, на которые онъ могъ бы подѣйствовать оплодотворяющимъ образомъ. Б. можетъ сказать А.: „Передай мнѣ капиталъ, который въ твоихъ рукахъ есть инертная масса. Я могу увеличить его моей рабо-

той и охотно готовъ уступить тебѣ часть того, что̀ я произведу". А. соглашается на это предложеніе. Если Б. въ состояніи, работая съ этимъ капиталомъ, ежегодно вырабатывать на него 20%, и если капиталъ достаточно великъ, чтобы Б. могъ довольствоваться 10% для своего содержанія и для нѣкоторыхъ ежегодныхъ сбереженій, то онъ можетъ остальные 10% отдавать А. въ видѣ вознагражденія. Тогда эта сдѣлка будетъ выгодна для обоихъ. Но долго ли будутъ продолжаться эти отношенія? Предположимъ, что половины дохода, т. е. 5% капитала, достаточно для содержанія и А., и Б. Тогда А. опять можетъ вторую половину въ концѣ перваго года ссудить за 10% Б., напротивъ, помѣститъ свой избытокъ въ дѣло, а такъ какъ дохода отъ этой суммы онъ ужъ отдавать не долженъ, то онъ заработаетъ на ней 20%. Такимъ образомъ будутъ возрастать доходы обоихъ, но доходъ Б. въ гораздо сильнѣйшей степени. Очевидно, онъ будетъ избытокъ своего дохода вкладывать въ дѣло, а не употреблять для возврата занятаго капитала, покуда онъ будетъ зарабатывать на послѣднемъ болѣе 10%. Наступленіе момента, когда это обстоятельство измѣнится, будетъ зависѣть отъ качествъ ума и характера, которыми располагаетъ Б. Одинъ купецъ признаетъ болѣе выгоднымъ не употреблять излишка своего дохода для дальнѣйшаго увеличенія дѣла, а другой, съ бо̀льшей энергіей и проницательностью, можетъ съ выгодою вести дѣло и на чужой капиталъ.

Отношеніе, какое существуетъ между неработающимъ капиталистомъ и предпринимателемъ, можно признать такимъ общественнымъ отношеніемъ, въ которомъ умственно-дѣятельный предприниматель находится въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, нежели бездѣятельный соучастникъ. Отсюда происходитъ постоянное измѣненіе имущественныхъ отношеній, постоянное перемѣщеніе капитала. Капиталисты теряютъ его, благодаря умственно работающимъ предпринимателямъ, а когда послѣдніе или ихъ потомки сами становятся капиталистами, новые предприниматели выступаютъ на состязательную арену.

Весьма естественно, что капиталисты стараются удержать за собою свои капиталы въ виду различныхъ, попадающихъ въ ихъ кругъ, пришельцевъ. Но такъ какъ они сами не могутъ извлечь пользы изъ своихъ цѣнностей, они должны полагаться на способности другихъ. Сюда капитала, какъ мы видѣли, есть опасный путь. Поэтому капиталисты стараются пользоваться услугами дѣятельныхъ силъ и въ то же время настолько сдерживать ихъ, чтобы имъ было невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень трудно самимъ собирать капиталы. Лучшимъ средствомъ для этого служитъ учрежденіе акціонерныхъ обществъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что капиталъ здѣсь

получаетъ жизнь, пріобрѣтаетъ силу размножаться самъ собою. Акціонеры получаютъ документы на внесенные ими капиталы, и имъ ничего не приходится дѣлать, кромѣ ежегоднаго полученія дивидендовъ или процентовъ. Но если мы всмотримся ближе въ отдѣльныя предпріятія, мы увидимъ, что и здѣсь умственная работа является источникомъ процента. Прежде всего акціонерныя предпріятія рѣдко основываются вновь. Обыкновенно покупается уже существующее и заявившее себя предпріятіе, которое, слѣдовательно, было основано однимъ дѣловымъ человѣкомъ, обладающимъ выдающимися способностями. Онъ долженъ былъ привлечь цѣлый составъ искусныхъ работниковъ и служащихъ, онъ долженъ былъ заботиться о кругѣ вѣрныхъ покупателей и заказчиковъ, онъ долженъ былъ вдохнуть свой духъ въ это дѣло. Часто выговаривается даже, чтобы онъ свою охраняющую руку не отнималъ совсѣмъ отъ предпріятія, чтобы онъ взялъ на себя нѣчто въ родѣ главнаго надзора и оставилъ свое имя въ фирмѣ. Всѣ охотно соглашаются на то, чтобы онъ оставилъ за собою извѣстное число акцій, и ставятъ ему только условіемъ, чтобы онъ не начиналъ болѣе предпріятій того же рода.

Далѣе, преимущественное значеніе получаютъ коммерческіе и техническіе директора съ выдающимися способностями и познаніями. Отъ ихъ искусства зависитъ въ дѣйствительности высота дивидендовъ, и часто угроза директора отказаться отъ своей должности и завести собственное дѣло приводитъ толпу акціонеровъ въ трепетъ и ужасъ.

Иногда успѣху дѣла способствуютъ и другіе факторы. Такъ, въ настоящее время, мюнхенское пиво пользуется большимъ предпочтеніемъ не только въ Германіи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ и даже въ другихъ частяхъ свѣта. Поэтому спросъ на него весьма значителенъ, и существующія пивоварни невсегда могутъ удовлетворить его. Акціонерные пивоваренные заводы растутъ, какъ грибы, и всѣ дѣлаютъ хорошія дѣла. Кому же акціонеры обязаны высокими дивидендами? Я полагаю, стариннымъ пивоварамъ и, прежде всего, учрежденному государствомъ придворному пивоваренному заводу, который неутомимымъ трудомъ, постоянными новыми улучшеніями поставилъ производство мюнхенскаго пива на такую высоту, что оно на міровомъ рынкѣ можетъ вытѣснить всѣ другіе фабрикаты этого рода, и затѣмъ проницательности и неустанной энергіи предпринимателей, которые отыскивали пути сбыта на всевозможныхъ рынкахъ. Теперешніе дивиденды составляютъ крохи, упавшія со стола этихъ богачей.

Происхожденіе акціонерныхъ обществъ вполнѣ объясняетъ, почему для нихъ являются затрудненія, когда въ производствѣ

наступаетъ какое либо измѣненіе, между тѣмъ какъ ловкій частный предприниматель въ этомъ случаѣ получаетъ наибольшія выгоды. Акціонерныя общества походятъ на экипажъ, который, будучи приведенъ въ движеніе сильнымъ толчкомъ, долженъ всегда оставаться на той дорогѣ, по которой его пустили, между тѣмъ какъ частный предприниматель свою повозку постоянно подвигаетъ впередъ, избѣгаетъ препятствій и, когда это нужно, сворачиваетъ на новую дорогу. Обыкновенно ходъ экипажа замедляется все болѣе и болѣе, если не удастся запречь напереди пару бойкихъ лошадей, и наконецъ совсѣмъ останавливается. Тогда акціонеры посредствомъ дополнительныхъ взносовъ подпираютъ его плечами, но отъ этого онъ далеко не подвигается. На поприщѣ умственной работы не можетъ быть соединенія силъ.

Дѣло можетъ принять иной оборотъ, когда государство приходитъ на помощь капиталистамъ, даруя имъ монополію. Тогда источникъ процента лежитъ въ умственной работѣ, безвозмездно доставляемой имъ государствомъ и его органами.

Здѣсь кстати будетъ коснуться менѣе обыкновеннаго случая, когда процентъ извлекается не изъ дохода съ земли, не изъ умственнаго труда, а изъ физической работы. Для всѣхъ предпринимателей, работающихъ въ дѣлѣ извѣстной отрасли, можно признать нѣкоторый средній уровень умственныхъ силъ. Прибыль, которой добиваются люди этого средняго уровня, опредѣляетъ высоту заработной платы. Тотъ, кто стоитъ выше его, можетъ при бо̀льшей прибыли давать высшую плату, но онъ можетъ также высшую прибыль удерживать для себя, какъ доходъ отъ своей умственной работы. Тотъ, кто не достигаетъ этого уровня, не можетъ выдержать обычной заработной платы; онъ можетъ пытаться только, посредствомъ уменьшенія ея, извлечь для себя прибыль. Но это средство можетъ годиться только на короткое время: лучшіе работники оставятъ этого предпринимателя. Но тотъ, кто можетъ съ плохими работниками достигать того же, чего достигаютъ другіе съ хорошими, тотъ долженъ разсчитывать на свои умственныя способности, — впрочемъ, не вынуждающія его къ тому, — когда онъ рѣшается обратиться къ безнравственному средству эксплуатаціи рабочихъ. Всего легче это возможно для акціонерныхъ обществъ. Здѣсь искусный руководитель иногда бываетъ связанъ требованіями акціонеровъ, которые остаются въ сторонѣ и поэтому не навлекаютъ на себя ненависти рабочихъ. Если этотъ руководитель отличается выдающейся дѣловой способностью, онъ можетъ получить выгоду даже и при низкой заработной платѣ и при худшемъ выполненіи работы.

Съ нѣкоторымъ страхомъ перехожу я къ обсужденію еще другаго вида процента съ капитала. То, что̀ я имѣю сказать

по этому поводу, можетъ показаться настолько парадоксальнымъ, настолько противорѣчащимъ господствующимъ воззрѣніямъ и системамъ, что мнѣ, пожалуй, не удастся убѣдить читателя, что и въ этомъ случаѣ источникомъ процентовъ является умственный трудъ. Я говорю о процентахъ, которые уплачиваются государствами и общинами по ихъ долгамъ.

Изъ какихъ средствъ уплачиваются проценты по государственнымъ долгамъ?—очевидно, изъ податей. А кто платитъ подати? — на этотъ вопросъ, повидимому, также легко отвѣтить, какъ и на первый. Можно сказать, что въ этихъ платежахъ участвуютъ всѣ граждане государства, но въ дѣйствительности это не такъ. Армія чиновниковъ, офицеровъ и другихъ служащихъ возвращаетъ государству только незначительную частицу того, что каждый изъ нихъ получаетъ. Это то же самое, еслибы ихъ содержаніе было нѣсколько уменьшено. То, что платитъ рабочій, въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, должно возмѣщаться ему въ высшей заработной платѣ. Настоящими плательщиками податей являются лица, принадлежащія къ классу, неправедливо называемому производительнымъ — крестьяне, ремесленники, промышленники и обладатели рентъ. Именно они приносятъ проценты за государственные долги, и они же содержатъ войско и оплачиваютъ содержаніе чиновниковъ и служащихъ.

Попробуемъ провѣрить справедливость этого объясненія, которое, повидимому, такъ ясно. Изъ двухъ братьевъ, которые оба хорошо одарены природой въ отношеніи ума и характера и, кромѣ того, обладаютъ небольшимъ состояніемъ, одинъ рѣшается изучать юриспруденцію, а другой — посвятить себя торговой дѣятельности. Послѣ того какъ юристъ окончилъ курсъ въ университетѣ, сдалъ государственный экзаменъ и поступилъ на службу, отъ его состоянія ничего уже не осталось. Лѣтъ тридцати онъ находитъ возможнымъ обзавестись семьей. Онъ женится на дѣвушкѣ безъ всякаго состоянія. Начальство обращаетъ вниманіе на его выдающіяся способности; онъ поднимается по службѣ быстрѣе другихъ. Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ содержанія увеличиваются и его расходы: его семья прибываетъ; одинъ за другимъ у него родятся два сына и двѣ дочери. Мальчики не отличаются большими способностями, а дочери — красотою. Ихъ воспитаніе стоитъ дорого, и онъ не въ состояніи дѣлать сколько нибудь значительныя сбереженія. Между тѣмъ онъ поднимается по службѣ все выше и выше; онъ идетъ такъ далеко, что получаетъ наконецъ мѣсто директора въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ съ содержаніемъ въ 20.000 марокъ. Это, конечно, очень много, но общественныя требованія, предъявляемыя къ нему, также весьма высоки. Та-

кимъ образомъ выходитъ, что нашъ юристъ, умирая семидесяти лѣтъ, въ концѣ долгой жизни, полной самой напряженной работы, не оставляетъ никакого состоянія. Его сыновья также сдѣлались чиновниками, но они остаются на низшихъ должностяхъ и, при своихъ небольшихъ способностяхъ, почти не имѣютъ надежды подняться выше. Вдова еще нѣсколько лѣтъ получаетъ пенсію, наконецъ и она умираетъ. Дочери не вышли замужъ: у нихъ не было ничего, что привлекаетъ жениховъ, и ихъ отецъ не обладалъ искусствомъ привязать къ дому искательныхъ подчиненныхъ. Онѣ ведутъ безотрадное существованіе; быть можетъ, имъ приходится давать уроки или жить своимъ рукодѣльемъ. И еслибы послѣ смерти чиновника министръ выступилъ передъ парламентомъ съ предложеніемъ, ради признанія выдающихся заслугъ умершаго, назначить его наслѣдникамъ на вѣчныя времена содержаніе въ 20.000 марокъ, развѣ онъ не былъ бы встрѣченъ насмѣшками?

Между тѣмъ другой братъ поступаетъ ученикомъ въ большой торговый домъ въ приморскомъ городѣ. Затѣмъ онъ дѣлается прикащикомъ. Онъ не упускалъ случая наряду съ практическими свѣдѣніями пріобрѣтать и основательныя теоретическія знанія. Потомъ онъ отправляется въ заграничное путешествіе, но не на свои средства, а въ качествѣ служащаго въ иноземныхъ конторахъ и факторіяхъ большихъ торговыхъ домовъ. Онъ все видитъ и замѣчаетъ; онъ изучаетъ потребности и вкусы народовъ, съ которыми его отечество поддерживаетъ торговыя сношенія. Этими свѣдѣніями онъ умѣетъ прекрасно воспользоваться, когда, по возвращеніи на родину, основываетъ собственное дѣло. Начавшись въ скромныхъ размѣрахъ, оно становится все болѣе и болѣе значительнымъ; онъ уже посылаетъ въ море свой корабль, затѣмъ второй и третій. Вскорѣ онъ пріобрѣтаетъ репутацію богатаго и виднаго коммерсанта, и, когда, наконецъ, послѣ сорокалѣтней работы, навѣки закрываетъ глаза, онъ оставляетъ состояніе, положимъ, въ два милліона марокъ, что̀ будетъ неслишкомъ много. Въ дѣйствительности купецъ легче можетъ достигнуть обладанія такимъ состояніемъ, чѣмъ чиновникъ—содержанія въ 20.000 марокъ. Нашъ купецъ также женился на дѣвушкѣ безъ состоянія и оставляетъ двухъ сыновей и двухъ дочерей, изъ которыхъ первые недаровиты, а вторыя некрасивы. Тѣмъ не менѣе у послѣднихъ не было недостатка въ женихахъ, среди которыхъ онѣ имѣли возможность выбрать того, кому хотѣли отдать свое сердце и приданое. Передъ смертью отецъ ликвидировалъ дѣла. Его сыновья неспособны продолжать дѣло, а онъ хорошо знаетъ, что деньги не умножаются сами собой. Заботу объ этомъ онъ предоставляетъ другимъ, а самъ покупаетъ вѣрныя четырехпроцентныя госу-

дарственныя бумаги. Такимъ образомъ каждый изъ его дѣтей наслѣдуетъ годовую ренту въ 20.000 марокъ.

Развѣ чиновникъ менѣе работалъ, чѣмъ купецъ? или его дѣятельность требовала менѣе способностей и знаній?—едва ли. Откуда же происходитъ, что работа купца оплачивается настолько выше?—оттого, отвѣчаю я, что работа чиновника вознаграждается ниже ея цѣнности, или, другими словами, оттого, что чиновникъ безвозмездно помогалъ купцу. Этотъ избытокъ умственной работы, безплатно доставляемый чиновникомъ, есть въ то же время источникъ, изъ котораго черпаются проценты государственныхъ долговъ.

Для того чтобы обобщить этотъ отдѣльный случай, мы должны избрать исходной точкой общую сумму народнаго дохода. Этотъ доходъ слагается изъ цѣнностей, добываемыхъ въ извѣстной странѣ, какъ посредствомъ производительныхъ силъ природы, такъ и посредствомъ умственной и физической работы, съ присоединеніемъ избытка ввоза надъ вывозомъ. Масса этихъ цѣнностей образуетъ продуктъ общей работы извѣстнаго народа. Идеальное распредѣленіе этого общаго дохода потребовало бы, чтобы каждый былъ вознагражденъ съ точностью по мѣрѣ исполненной имъ работы. Но уже частная земельная собственность дѣлаетъ невозможнымъ вполнѣ справедливое распредѣленіе. Иногда крестьянину бываетъ очень тяжело оставлять одному сыну все свое хозяйство, между тѣмъ какъ прочимъ дѣтямъ достаются только незначительныя денежныя суммы, но онъ хорошо знаетъ, что силы природы, дѣйствующія въ землѣ, возрастаютъ только медленно, и что онѣ не могутъ быть раздѣлены на продолжительное время. Здѣсь интересу отдѣльнаго лица противопоставляется интересъ семьи, государства.

Легче кажется справедливое распредѣленіе между лицами, принадлежащими къ обоимъ остальнымъ классамъ, къ среднему и рабочему сословіямъ. Если здѣсь природѣ не ставится никакихъ препятствій, если конкуренціи предоставляется полный просторъ, то болѣе сильный въ умственномъ или физическомъ отношеніи неизбѣжно побѣдитъ слабѣйшаго. Естественно, болѣе одаренный обращается къ такому занятію, въ которомъ его способности могутъ найти для себя болѣе широкое примѣненіе. Къ такимъ занятіямъ принадлежатъ охраненіе противъ внѣшнихъ враговъ, охраненіе права и закона внутри государства и народное образованіе. Поэтому мы находимъ у всѣхъ народовъ духовное, судебное и военное сословіе въ высшемъ почетѣ, которому нерѣдко соотвѣтствуютъ и доходы, получаемые лицами этихъ сословій. Персидскимъ сатрапамъ, полководцамъ Александра Великаго, консуламъ и преторамъ римской республики, наполеоновскимъ генераламъ, предоставлялись доходы цѣлыхъ царствъ и

провинцій. Предводители военныхъ отрядовъ — герцоги, высшіе вершители правосудія—графы, носители просвѣщенія—епископы становились въ средніе вѣка могущественными властителями.

Только тамъ, гдѣ одно лицо высоко поднимается надъ другими, гдѣ въ сильномъ царствѣ общее понятіе всей духовной, военной и судебной власти соединяется въ одномъ лицѣ—отношенія измѣняются. Слуги государства оплачиваются не только деньгами; къ этому присоединяется и другая награда — сословная честь. Развѣ жалованье поручика заставляетъ будущаго владѣльца майората проводить лучшіе годы своей жизни въ исполненіи тяжелыхъ служебныхъ обязанностей? или развѣ слухъ о войнѣ, волнуя молодаго лейтенанта, вызываетъ въ немъ соображеніе, что онъ нѣсколько раньше получитъ слѣдующій чинъ и вслѣдствіе того—мѣсячную прибавку жалованья въ 21 марку? Развѣ въ обоихъ случаяхъ его не воодушевляетъ надежда отличиться передъ государемъ и показать ему, что тотъ, кого онъ называетъ своимъ сослуживцемъ, достоинъ этой чести?

Въ другихъ категоріяхъ несоразмѣрность между работой и вознагражденіемъ выступаетъ не такъ ярко. Но того, что она вездѣ существуетъ, при безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣла, оспаривать нельзя. Развѣ въ самомъ дѣлѣ содержаніе, какое получаютъ люди науки — математики, физики, химики и пр., соотвѣтствуетъ тому участію, какое они посредственно или непосредственно принимаютъ въ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ, которыя даютъ такія крупныя прибыли промышленной области? и развѣ содержаніе руководителей иностранной политики, посланниковъ, консуловъ и морскихъ офицеровъ равняется тому, чѣмъ обязана ихъ работѣ иностранная торговля ихъ страны, привлекающая въ нее громадныя суммы?

Можно бы привести и еще множество примѣровъ для подтвержденія той мысли, что высокій доходъ, получаемый торговлей и промышленностью, въ значительной части сводится къ умственной работѣ, исполняемой государствомъ и его органами и оплачиваемой ниже ея стоимости. Этотъ избытокъ работы въ то же время есть источникъ, изъ котораго исходятъ проценты государственныхъ долговъ. На самомъ дѣлѣ, еслибы всякая служба оплачивалась по ея полной стоимости, то не осталось бы ничего для людей, вовсе не работающихъ. Поэтому сословіе чиновниковъ вовсе не содержится такъ наз. производительнымъ классомъ: скорѣе можно было бы утверждать противное. Между тѣмъ какъ члены корпуса офицеровъ жертвуютъ милліоны изъ своихъ частныхъ доходовъ, чтобы достойно служить отечеству, промышленное сословіе въ процентахъ государственнаго долга получаетъ еще прибавку многихъ милліоновъ къ своимъ значительнымъ доходамъ.

Мы должны въ нѣсколькихъ словахъ упомянуть еще объ одномъ видѣ дохода, который до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ. Какъ уже было сказано выше, Рикардо и всѣ позднѣйшіе экономисты вполнѣ приравнивали плодоносные земельные участки къ безплоднымъ городскимъ строительнымъ участкамъ, такъ какъ для нихъ существенное свойство земли заключается въ принесеніи ренты. Признавая, съ своей стороны, за источникъ земельнаго дохода жизненныя силы природы, мы должны были выдѣлить всѣ земли, на которыхъ эти силы не обнаруживаются.

Источникъ послѣдняго вида земельной ренты заключается не въ какой-то таинственной силѣ почвы, а — также какъ и источникъ процента съ капитала — въ умственномъ трудѣ. Эта земельная рента имѣетъ то общее свойство съ процентомъ, что и въ ней доходъ съ работы невсегда достается тому, кто ее исполнилъ. Это не составляетъ чего либо необыкновеннаго и въ другихъ отрасляхъ дохода. Только добродѣтель воздержанія всегда находитъ для себя справедливую награду, да и то лишь въ умѣ англичанина Сеньора и его поклонниковъ.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Послѣ войны 1866 года и еще болѣе послѣ франко-прусской войны городъ Берлинъ сталъ чрезвычайно расти какъ въ своемъ значеніи, такъ и въ объемѣ. Слѣдствіемъ такого роста было то, что земельные участки въ самомъ Берлинѣ и около него быстро поднялись въ цѣнѣ. Понялъ ли хотя одинъ изъ домовладѣльцевъ, обогатившихся въ одну ночь, что онъ своей огромной прибылью обязанъ исключительно и единственно умственной работѣ короля, его совѣтниковъ и полководцевъ? Такимъ же образомъ и ростъ Мюнхена и соотвѣтственное ему увеличеніе цѣнъ на дома, по крайней мѣрѣ, отчасти сводится къ умственной работѣ короля Людвига I, который въ отношеніи искусства поставилъ Мюнхенъ выше всѣхъ городовъ Германіи.

На самомъ дѣлѣ умственная работа не одного лица, а многихъ лицъ, даже многихъ поколѣній, вліяетъ на повышеніе цѣнъ земельныхъ участковъ. Въ извѣстной степени это можно сказать о работѣ средняго сословія или горожанина вообще въ противоположность работѣ деревенскаго населенія; въ еще бо́льшей степени можно сказать о городахъ, которые предпріимчивый духъ ихъ обитателей сдѣлалъ средоточіемъ торговли и промышленности. Здѣсь всякій пришлый человѣкъ, уплачивая высокую цѣну за домъ, за лавку, въ то же время покупаетъ участіе въ выгодахъ, которыя создала умственная работа другихъ лицъ.

Точно также повышеніе цѣнъ, какое достается на долю помѣстій въ округѣ возрастающихъ городовъ, благодаря возмож-

ности повышенія земельнаго дохода введеніемъ интенсивнаго хозяйства, сводится къ умственной работѣ средняго сословія.

Быстрое паденіе цѣнъ, когда умственная сила жителей извѣстнаго города ослабѣваетъ, когда ихъ предпріимчивость падаетъ, можетъ еще лучше убѣдить насъ въ томъ, что рента, получаемая собственниками застроенныхъ городскихъ участковъ, не составляетъ свойства самой почвы. Во время процвѣтанія Венеціи покупатель строительнаго участка долженъ былъ покрыть въ немъ землю золотыми монетами, между тѣмъ какъ теперь тамъ можно купить дворецъ за нѣсколько тысячъ лиръ.

СОНЕТЪ ШЕКСПИРА

О, знай же мѣру ты жестокости своей!
Не вызывай, молю, презрѣнія во мнѣ:
Не то въ потокѣ бѣшеныхъ рѣчей
Обиды старыя я брошу всѣ тебѣ!..

Не любишь ты меня... но лучше обмани!
Солги мнѣ про любовь, готовъ повѣрить я...
Учись у медиковъ: сулятъ же вѣдь они
Чуть-чуть не мертвецу всѣ радости бытья!

Иначе будетъ то, что я съ ума сойду;
Вѣдь я въ безуміи начну чернить и клеветать!
А жалкій, злобный міръ всему, что̀ я скажу,
Повѣритъ съ радостью и станетъ повторять!

Гляди же мнѣ въ глаза, хотя-бъ въ душѣ твоей...
Не прячь глаза! гляди — и ужасъ мой развѣй!

В. Гоппенъ

МЩЕНІЕ МАИВЫ

или

ВОЙНА МАЛЕНЬКОЙ РУЧКИ

РОМАНЪ

Райдера Геггерта

Окончаніе

VI. Планъ кампаніи

На разсвѣтѣ другаго дня мы опять пустились въ путь и къ вечеру добрались до крааля, который служилъ резиденціей Нала, отцу Маивы. Въ этотъ вечеръ мы его не видѣли. Маива пошла къ нему одна, а мы расположились на отдыхъ передъ оградой крааля. Черезъ нѣсколько времени Нала прислалъ намъ жирную овцу, молока и плодовъ съ однимъ изъ своихъ старшинъ, который передалъ мнѣ привѣтствіе своего господина и просьбу пожаловать его на другой день утромъ. Когда мы поужинали, намъ отвели для ночлега нѣсколько весьма просторныхъ хижинъ, въ которыхъ мы провели ночь такъ удобно, какъ давно не проводили. На другой день утромъ, часу въ восьмомъ, онъ прислалъ за мной. Я пошелъ къ нему и нашелъ его сидящимъ на буйволовой кожѣ у дверей его хижины; кругомъ его сидѣли на корточкахъ его индуны (старшины), всего человѣкъ двадцать, а возлѣ него стояла дочь его Маива. Самъ онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Ему было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ, но его умное и выразительное лицо было еще очень красиво, а его руки и ноги могли служить своей пози-

й формой образцомъ для любаго художника. Онъ принялъ
ня очень любезно, просилъ сѣсть на приготовленное для
ня мѣсто и вѣжливо поблагодарилъ за покровительство,
азанное его дочери во время ея бѣгства къ нему. Я от-
чалъ, что, напротивъ, я обязанъ благодарностью его до-
ри, такъ какъ, еслибы она не предупредила меня о гро-
щей мнѣ опасности, — меня теперь уже не было бы въ
ивыхъ.

Послѣ этого обмѣна любезностей Нала обратился къ
аивѣ и пригласилъ ее разсказать его старшинамъ свою
торію. Она сдѣлала это въ простыхъ, но весьма эффект-
ихъ словахъ. — »Вспомните, совѣтники отца моего«, ска-
ла она: — »что я вышла замужъ за Вамбе противъ воли.
енихъ мой не заплатилъ за меня, не присылалъ быковъ
подарокъ, какъ всегда дѣлаетъ зять тестю, а получилъ
ня даромъ, угрожая пойти на насъ войною, если меня не
дадутъ за него. Съ тѣхъ поръ какъ я вступила въ его
аль, я не знала ни одного легкаго дня, ни одной без-
зной ночи. Со мной обходились съ пренебреженіемъ; меня,
ъ властителя, били и заставляли работать, какъ послѣд-
ю рабыню. У меня былъ ребенокъ, и вотъ что сдѣлалъ
нимъ отецъ его...« Затѣмъ она разсказала имъ ужасную
торію смерти своего малютки. Они выслушали ее въ глу-
комъ молчаніи и, когда она кончила, воскликнули всѣ въ
инъ голосъ

— Оу! оу! Маива, дочь Налы!

Больше они ничего не сказали, вѣроятно, потому, что
ли слишкомъ поражены ея разсказомъ.

— Да, сказала она съ сверкающими глазами: — да, я
ворю правду. Ротъ мой полонъ правды, какъ цвѣтокъ по-
нъ меда, и слезы падаютъ изъ глазъ моихъ, какъ роса па-
етъ на траву на разсвѣтѣ. Я видѣла смерть моего сына —
вотъ доказательство.

Съ этими словами она вынула изъ сумки мертвую ручку
подняла ее надъ головой.

— Оу! воскликнули старшины опять: — оу! это мертвая
чка.

— Да, продолжала она дрожащимъ голосомъ: — это мерт-
я ручка моего ребенка, и я ношу ее съ собой, чтобы не
бывать ни на часъ, для чего я живу на свѣтѣ. А живу
для того, чтобы отмстить Вамбе и видѣть собственными

глазами, какъ онъ умретъ. Неужели ты допустишь, отец чтобы съ твоей дочерью поступали такъ, какъ поступилъ ней Вамбе? Неужели вы, старшины моего народа, посов туете отцу моему, чтобы онъ оставилъ безнаказанною смер своего внука?

— Нѣтъ, отвѣтилъ, вставъ со своего мѣста, одинъ и дунъ, старѣйшій по годамъ изъ всѣхъ: — нѣтъ, этого пер нести нельзя. Довольно мы терпѣли отъ собакъ матукусо и отъ ихъ »громкоязыкаго« начальника: пора положить все конецъ.

— Да, пора, согласился Нала: — но какъ это сдѣлат какъ одолѣть такого сильнаго врага?

— Спроси у Макумазана, у бѣлаго мудреца, отвѣтил Маива, указывая на меня.

— Какъ одолѣть намъ Вамбе, Макумазанъ-охотникъ обратился ко мнѣ Нала.

— Какъ одолѣваетъ шакалъ носорога, Нала? спросил я его.

— Хитростью, Макумазанъ, отвѣтилъ онъ.

— Такъ и ты одолѣешь Вамбе, Нала, сказалъ я.

Въ эту минуту пришли сказать Нала, что прибыли послы отъ Вамбе требовать выдачи Маивы и бѣлаго охотника?

— Что̀ мнѣ отвѣтить имъ, Макумазанъ? спросилъ меня Нала.

— Скажи, что ты пришлешь ему ее и меня черезъ недѣлю, и отпусти ихъ, отвѣтилъ я, подумавъ немного.—Постой, я уйду въ хижину, чтобы они меня не видѣли.

Сказавъ это, я ушелъ. Но въ стѣнкѣ хижины была трещина, поэтому я легко могъ видѣть и слышать все, что̀ тамъ происходило. Послы — ихъ было четверо, все рослые, дюжіе дикари — подошли къ Налѣ съ нахальнымъ видомъ и сѣли, не дожидаясь его приглашенія.

— Зачѣмъ вы пришли? спросилъ Нала сурово.

— Мы пришли отъ Вамбе, отвѣтилъ старшій изъ нихъ: — и принесли приказанія, которымъ Нала, рабъ его, долженъ повиноваться.

— Говори, сказалъ Нала, и его красивыя губы нервно дрогнули.

— Вотъ что̀ сказалъ Вамбе: Пришли назадъ дочь твою, [illegible] бѣжавшую изъ моего крааля, и съ нею бѣлаго

рый осмѣлился охотиться въ моихъ владѣніяхъ безъ мо-
позволенія и убить моихъ солдатъ«. Таковъ приказъ тво-
господина.

— А если я не захочу его исполнить? спросилъ Нала.

— Тогда мы отъ имени Вамбе объявимъ войну тебѣ.
е съѣстъ васъ всѣхъ. Онъ сотретъ васъ съ лица земли,
сѣми вашими краалями, вотъ такъ — и съ этими словами
ъ провелъ ладонью одной руки по другой и дунулъ на
чтобы показать, какъ полно будетъ уничтоженіе тѣхъ,
рые осмѣлятся ослушаться Вамбе.

— Это вѣскія слова, замѣтилъ Нала. — Дайте мнѣ по-
товаться съ моими старшинами, прежде чѣмъ я вамъ
чу.

Послы отошли на нѣкоторое разстояніе, но стали такъ,
ы видѣть все, что происходитъ. Тогда началась коме-
разыгранная съ такою ловкостью, какой я никакъ не
алъ отъ дикарей: Нала сдѣлалъ видъ, будто совѣтуется
воими индунами; тѣ, въ свою очередь, притворялись,
спорятъ съ нимъ и уговариваютъ его. Маива броси-
къ ногамъ отца, какъ бы умоляя его не выдавать ея,
ъ ломалъ себѣ руки, представляясь, будто онъ въ от-
іи и не знаетъ, на что ему рѣшиться. Наконецъ онъ
звалъ къ себѣ пословъ, а Маива, спрятавъ лицо ему
олѣни, разрыдалась такъ натурально, что я не могъ не
виться ея природному сценическому дарованію.

— Вамбе — сильный властитель, сказалъ Нала: — а дочь
— жена ему, и онъ имѣетъ право требовать ее обратно.
должна воротиться къ нему, но теперь она не можетъ
къ нему: она совсѣмъ больна съ дороги. Черезъ восемь
я пришлю ее къ нему съ провожатыми. А до бѣлаго
ика и до его людей мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и я не
отвѣчать за нихъ, если они въ чемъ нибудь провини-
Они пришли ко мнѣ незваные, поэтому мнѣ нѣтъ ни-
й надобности за нихъ вступаться. Я пришлю и ихъ
тѣ съ Маивой: пусть Вамбе дѣлаетъ съ ними, что хо-
Вы же можете идти обратно сегодня. Отдохните за
ой моего крааля; я велю накормить васъ на дорогу и
ю съ вами подарокъ Вамбе, чтобы умилостивить его за
моей дочери. Я все сказалъ.

Послы начали настаивать, чтобы Маива шла съ ними
ь же, но Нала рѣшительно объявилъ, что она не въ

состояніи ступить ни шагу, такъ у ней распухли ноги отъ дальней ходьбы. Наконецъ они перестали спорить и ушли. Когда они скрылись изъ виду, я вышелъ изъ хижины, и мы начали совѣтоваться, что̀ намъ дѣлать.

— Прежде всего, сказалъ я: — позволь мнѣ объявить тебѣ, Нала, что я не могу предложить тебѣ мою помощь задаромъ. Если ты хочешь, чтобы я помогалъ тебѣ, ты долженъ согласиться на условія, которыя я предложу тебѣ.

— Говори, сказалъ Нала.

— Во-первыхъ, я слышалъ, что изгородь около дома Вамбе состоитъ вся изъ слоновьихъ клыковъ. Если мы возьмемъ крааль, ты долженъ уступить мнѣ эту изгородь и дать носильщиковъ, чтобы доставить ихъ въ ближайшую гавань.

— Согласенъ съ радостью, сказалъ Нала. — Это будетъ вполнѣ справедливая награда за твои труды. Только доберемся ли мы до этихъ клыковъ? прибавилъ онъ, сомнительно покачавъ головой.

— Доберемся, не бойся! сказалъ я весело. — Затѣмъ ты долженъ обѣщать мнѣ, что твои воины не будутъ убивать ни женщинъ, ни дѣтей.

— Согласенъ и на это, сказалъ Нала: — я самъ не охотникъ проливать кровь попусту. Еще что̀?

— Ничего, кажется... Да, вотъ еще, прибавилъ я, стараясь говорить какъ можно равнодушнѣе: — твоя дочь сказала мнѣ, что въ числѣ рабовъ Вамбе есть одинъ бѣлый. Когда всѣ рабы твоего врага станутъ твоими съ моей помощью, уступи мнѣ этого бѣлаго въ полное мое распоряженіе со всею его собственностью, какая у него найдется. Согласенъ?

— Разумѣется, отвѣтилъ Нала съ улыбкой. — Что̀ мнѣ до этого бѣлаго? бери его себѣ, если хочешь. Больше ты ничего не желаешь?

— Ничего.

На этомъ мы и покончили. Само собою разумѣется, что только желаніе выручить Эвери изъ его жестокаго рабства заставило меня принять участіе въ этой безразсудной войнѣ; но причины, которыя вы легко поймете, побудили меня скрывать отъ дикарей настоящія мои побужденія. Затѣмъ мы начали обсуждать планъ кампаніи. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ отцомъ Маивы и — въ особенности — ею самою, я узналъ, что Вамбе — самый сильный властитель во всемъ

краю, что онъ можетъ въ нѣсколько дней собрать до шести тысячъ войска и даже въ мирное время всегда имѣетъ при себѣ отъ трехъ до четырехсотъ солдатъ. Я узналъ также, что крааль Вамбе и окружающія его селенія укрѣплены съ фронта шанцами и каменными стѣнами такъ сильно, что взять ихъ нѣтъ никакой возможности: нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ туземныхъ властителей попытался сдѣлать это и вынужденъ былъ отступить, потерявъ слишкомъ тысячу человѣкъ.

— Но съ тыла, сказала Маива: — укрѣпленія очень слабы: крааль прилегаетъ къ горѣ, а по горѣ можно пройти только одной тропинкой, которую знаютъ только Вамбе и лишь немногіе изъ его приближенныхъ.

— А ты не знаешь этой тропинки, Маива? спросилъ я съ сожалѣніемъ, въ увѣренности, что услышу отрицательный отвѣтъ.

— Я не глупа, Макумазанъ, отвѣтила она съ пренебрежительной улыбкой. — Кто знаетъ много, тотъ силенъ. Я позаботилась узнать тайну этой тропинки и могу провести по ней войско. Только нужно будетъ вести его въ обходъ и по ночамъ: если Вамбе узнаетъ, что войско идетъ, онъ сейчасъ запретъ входъ въ эту тропинку.

— Сколько войска можешь ты собрать въ нѣсколько дней, Нала? спросилъ я.

— Не больше, какъ тысячу двѣсти или тысячу триста человѣкъ, отвѣтилъ онъ. — Но это будутъ все надежные люди: мои бутіаны—изъ породы зулусовъ, и гораздо храбрѣе и стойче матукусовъ Вамбе.

— Такъ вотъ что, по моему, нужно будетъ сдѣлать, сказалъ я, подумавъ немного: — собери въ три дня какъ можно больше войска, и пусть Маива ведетъ его въ обходъ черезъ горную тропинку, по которой можно сойти къ краалю Вамбе. Между тѣмъ пошли другой дорогой, тою, которою мы пришли къ тебѣ, маленькій отрядъ отборнаго войска съ ружьями. Онъ поведетъ меня и моихъ людей безоружными и якобы военноплѣнными, а также женщину, по возможности похожую на Маиву. Если по дорогѣ встрѣтятся солдаты Вамбе и спросятъ, куда мы идемъ, пусть начальникъ отряда отвѣтитъ, что онъ ведетъ, по твоему приказанію, къ Вамбе его бѣглянку-жену и прогнѣвившаго его бѣлаго охотника. Тогда насъ пропустятъ безъ сопротивленія. У самыхъ

воротъ крааля, въ оградѣ, какъ сказала мнѣ Маива, есть кошш (пригорокъ) съ нѣсколькими пещерами, которыя не охраняются солдатами, такъ какъ онъ находится за оградой. Войдя въ ворота, мы немедленно займемъ его. Къ этому времени большой отрядъ долженъ быть уже на горѣ. Пусть онъ разведетъ огни въ знакъ того, что онъ уже на мѣстѣ. Когда мы увидимъ дымъ, мы откроемъ огонь по непріятелю; всѣ солдаты бросятся на насъ, а тѣмъ временемъ горный отрядъ нападетъ какъ можно стремительнѣе на краалъ съ тыла и ворвется въ него. Такимъ образомъ непріятель очутится между двухъ огней и будетъ разбитъ, прежде чѣмъ успѣетъ образумиться. Вотъ мой планъ, Нала; если у тебя есть другой, лучше, сообщи его.

— Нѣтъ, сказалъ Нала, подумавъ: — твой планъ хорошъ, очень хорошъ; я не могу придумать ничего лучше. По истинѣ бѣлые люди хитрѣе шакаловъ. Пусть будетъ, какъ ты говоришь. Да станетъ великая змѣя бутіановъ на хвостъ, и да пошлетъ она удачу нашимъ воинамъ: тогда мы избавимся отъ Вамбе и отъ его тиранства.

Затѣмъ Маива вышла впередъ и, вынувъ изъ сумки мертвую ручку, заставила отца и старшинъ поклясться надъ нею, что они не прекратятъ войны до тѣхъ поръ, пока не доведутъ ее до счастливаго исхода. Впослѣдствіи война эта получила названіе »войны маленькой ручки«.

Въ тотъ же день Нала разослалъ вездѣ гонцовъ, приглашая всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, на »великій танецъ« (мужской праздникъ). Къ вечеру втораго дня собралось около тысячи двухсотъ пятидесяти рослыхъ молодцевъ, вооруженныхъ щитами и копьями. Нала самъ принялъ начальство надъ этимъ корпусомъ: онъ былъ хорошій военачальникъ и, зная, что отъ успѣха войны зависитъ самое существованіе его государства, не хотѣлъ довѣрить никому такого важнаго поста. На четвертый день послѣ ухода пословъ наше войско выступило въ путь съ Маивой въ качествѣ проводника, а на шестой двинулся маленькій отрядъ, который долженъ былъ проводить къ Вамбе меня, моихъ людей и сестру Маивы отъ другой матери. Храбрая дѣвушка охотно согласилась взять на себя роль бѣглянки, но людей моихъ я съ трудомъ уговорилъ принять участіе въ экспедиціи: имъ, понятно, было вовсе не по вкусу сунуть, какъ говорится, голову въ львиную пасть. Но присутствіе ихъ

было необходимо, и я склонилъ ихъ обѣщаніемъ хорошей награды. Отрядъ нашъ состоялъ изъ двухсотъ человѣкъ съ ружьями: у многихъ дикарей въ тѣхъ краяхъ есть ружья, хотя и стрѣляютъ они плохо. Кромѣ ружей, при нихъ были еще ассегаи (короткія копья), безъ которыхъ дикари не ходятъ никуда, но не было ни щитовъ, ни воинскаго убранства: отрядъ нашъ долженъ былъ имѣть видъ мирнаго конвоя, а никакъ не войска, идущаго на бой.

Путь былъ намъ извѣстенъ. Намъ пришлось идти мимо труповъ убитыхъ нами солдатъ Вамбе, отъ которыхъ къ тому времени остались одни скелеты: шакалы успѣли обглодать ихъ дочиста. На второй день послѣ выступленія мы были уже во владѣніяхъ Вамбе. Я раздѣлилъ отрядъ на три части — авангардъ, арьергардъ и центръ. Въ первомъ и послѣднемъ было по пятидесяти человѣкъ, во второмъ — сто. Посреди его шелъ я, безоружный, со всѣми моими людьми и съ мнимой Маивой, голова которой была закутана покрываломъ. Не успѣли мы пройти и пяти миль по равнинѣ послѣ спуска съ горы, какъ намъ попался на встрѣчу отрядъ солдатъ Вамбе, человѣкъ въ пятьдесятъ, очевидно, поджидавшій насъ. Начальникъ отряда остановилъ насъ и спросилъ, куда мы идемъ. Индуна, которому поручено было для вида начальство надъ нашимъ отрядомъ, отвѣтилъ, какъ было условлено. Начальникъ спросилъ, почему насъ такъ много, и получилъ отвѣтъ, что такъ какъ я и мои подчиненные — отчаянные храбрецы, то Нала боялся, чтобы мы не разбѣжались по дорогѣ и не навлекли на него гнѣвъ Вамбе, потому и далъ намъ такой многочисленный конвой. Тогда начальникъ отряда принялся издѣваться надо мной, увѣряя меня, что Вамбе отплатитъ мнѣ за смерть его солдатъ и познакомитъ меня съ »тѣмъ, что̀ кусаетъ«, т. е. съ львинымъ капканомъ, въ который, по словамъ его, защемитъ меня и оставятъ умереть, какъ шакала, пойманнаго за лапу. Меня ужасно разбирала злость отъ его словъ, но я не подавалъ вида и притворялся, будто трушу. Сказать по правдѣ, я несовсѣмъ притворялся: меня дѣйствительно пробирала дрожь при мысли, что, можетъ быть, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ не миновать ужаснаго капкана. Я сознавалъ очень хорошо, что играю въ опасную игру; но не могъ же я оставить безъ помощи бѣднаго Эвери... а разъ дѣло было затѣяно — отступать не приходилось.

Начальникъ отряда Вамбе объявилъ, что онъ и его воины пойдутъ съ нами, и началъ торопить насъ идти скорѣе. Намъ, конечно, это былъ не разсчетъ, такъ какъ намъ именно нужно было придти на мѣсто не раньше вечера; поэтому мы прямо объявили, что идти скорѣе не можемъ. Дѣло чуть было не дошло до ссоры, однако они въ концѣ концовъ перестали торопить насъ, но все-таки не избавили насъ отъ своего милаго сообщества и всю дорогу угощали меня намеками на »то, что̀ кусаетъ«. Эти намеки разстраивали и злили меня до крайности, хотя я старался казаться равнодушнымъ.

Часу въ пятомъ пополудни передъ нами открылся краль Вамбе, расположенный въ лощинѣ, у подножія горы. Съ перваго взгляда я убѣдился, что съ фронта онъ дѣйствительно неприступенъ для войска, не имѣющаго артиллеріи. Къ вечеру мы спустились въ лощину, что̀ было нелегко сдѣлать, такъ какъ дорога въ нее была усѣяна крупными каменьями, черезъ которые мы принуждены были прыгать, какъ кузнечики. Уже начинало темнѣть, когда мы подошли къ наружнымъ укрѣпленіямъ, состоявшимъ изъ тройной каменной стѣны съ воротами до того узкими, что одинъ человѣкъ могъ съ трудомъ пролѣзть въ нихъ. Въ эти ворота пропустили насъ безъ задержки, такъ какъ съ нами были солдаты Вамбе. За этою оградою была каменистая площадка, а за нею — опять укрѣпленія съ воротами въ видѣ обороченной буквы V. Въ эти ворота — они были открыты — я увидѣлъ пригорокъ, который намъ слѣдовало занять. Какъ только мы подошли къ воротамъ, я подалъ нашему индунѣ условный знакъ; онъ остановилъ отрядъ и объявилъ, что мы подождемъ здѣсь, пока Вамбе пришлетъ сказать, что готовъ принять насъ. — »Хорошо«, сказалъ ему начальникъ отряда Вамбе: — »ты съ твоими людьми можешь остаться здѣсь, но плѣнныхъ ты долженъ передать мнѣ: Вамбе ждетъ ихъ, какъ голодный ждетъ пищи; онъ не ляжетъ спать до тѣхъ поръ, пока не устроитъ бѣлому охотнику »покойнаго ночлега«, а для жены у него также готовъ хорошій пріемъ«. — Я не могу передать тебѣ плѣнныхъ, возразилъ индуна: — Нама приказалъ мнѣ вручить ихъ лично самому Вамбе, и я не смѣю нарушить его приказанія... Споръ длился порядочно времени, наконецъ начальникъ отряда Вамбе уступилъ и ушелъ докладывать о насъ своему господину, обѣщая скоро придти за нами. Проходя мимо меня, онъ остановился и, указывая

мнѣ на послѣдніе лучи заката, догоравшіе на горизонтѣ, сказалъ:

— Посмотри въ послѣдній разъ на солнце, бѣлый: ты его больше не увидишь. »То, что̀ кусаетъ«, стоитъ въ темнотѣ.

На другой день мнѣ пришлось застрѣлить этого негодяя, и — признаться ли вамъ? — изо всѣхъ, кого я вынужденъ былъ лишить жизни во время моихъ африканскихъ странствованій, о немъ одномъ вспоминаю я не только безъ упрековъ совѣсти, но даже безъ малѣйшаго сожалѣнія.

VII. Нападеніе

Около того мѣста, гдѣ мы стояли, бѣжалъ ручеекъ. При видѣ его мнѣ вдругъ пришло въ голову, что на коппи, который мы располагали занять, не будетъ воды, и потому намъ необходимо сдѣлать хотя небольшой запасъ. Я шопотомъ сообщилъ объ этомъ индунѣ, и онъ тотчасъ приказалъ своимъ людямъ напиться досыта и наполнить водой всѣ бывшіе при насъ кувшины, которыхъ было штукъ восемь.

— Теперь что̀ намъ дѣлать, бѣлый? спросилъ онъ меня.

— Войдемъ въ ворота и займемъ коппи, отвѣтилъ я.

Мы направились къ воротамъ. Какъ я и ожидалъ, стоявшіе у воротъ двое часовыхъ остановили насъ и спросили, куда мы идемъ. Индуна отвѣтилъ, что раздумалъ ждать и хочетъ идти въ краалъ. Они объявили, что не пропустятъ насъ; тогда мы безъ церемоніи отшвырнули ихъ въ сторону и вошли въ ворота. Они, конечно, побѣжали звать на помощь, а мы направились къ коппи, отстоявшему отъ воротъ не больше, какъ ярдовъ на сто. Крики часовыхъ скоро привлекли множество вооруженныхъ людей, которые бросились къ намъ, а мы пустились бѣгомъ и успѣли добѣжать до коппи, прѣжде нежели противники успѣли перерѣзать намъ дорогу. Только одинъ изъ нашихъ солдатъ споткнулся и былъ схваченъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи я узналъ, что его убили за то, что онъ не хотѣлъ сообщить никакихъ свѣдѣній насчетъ нашихъ плановъ. Къ счастію, имъ некогда было пытать его, а то бы ему не миновать пытокъ: матукусы очень любятъ мучить своихъ плѣнныхъ.

Когда мы вошли въ главную пещеру, бывшую въ коппи, преслѣдователи наши остановились, не смѣя идти за нами

туда. Я наскоро осмотрѣлъ занятую нами позицію и уб
дился, что она очень хороша: пригорокъ былъ обнесенъ тройно
стѣной и заключалъ въ себѣ три пещеры. Въ одну изъ ни
я помѣстилъ моихъ людей: во-первыхъ, мнѣ хотѣлось дост
вить имъ безопасное убѣжище, во-вторыхъ, они были вн
себя отъ страха, и я смертельно боялся, чтобы они не ра
бѣжались и не сообщили Вамбе о нашихъ планахъ. По дру
гимъ пунктамъ я разставилъ надежныхъ часовыхъ, и едв
успѣлъ кончить мои распоряженія, какъ совсѣмъ стемнѣл
Вдругъ изъ темноты послышался голосъ, который я сейчас
же узналъ: это былъ голосъ начальника провожавшаго нас
отряда. Онъ требовалъ, чтобы мы вышли и шли за нимъ к
Вамбе; мы, разумѣется, отказались, ссылаясь на то, что м
можемъ идти въ такой темнотѣ. Они грозили, что нападут
на насъ, если мы не послушаемся, а мы отвѣчали, что бу
демъ стрѣлять по нимъ, если они не оставятъ насъ въ по
коѣ. Такъ какъ имъ не разсчетъ было нападать на насъ в
темнотѣ, то они наконецъ отступились, но развели огни кру
гомъ копіи, изъ чего мы могли видѣть, что за нами зорк
слѣдятъ.

Ночь показалась намъ очень долгою; почти никто не
спалъ. Къ счастію, у насъ были и припасы, и вода, так
что голодать и мучиться жаждой намъ не пришлось; но не
извѣстность нашего положенія не давала намъ сомкнуть
глазъ. Къ тому же было порядочно холодно; люди перезяб
и потому упали духомъ, но я старался ихъ ободрять, убѣж
дая ихъ не срамить себя трусостью передъ собаками-мату
кусами. Наконецъ разсвѣло — и при первыхъ лучахъ солнц
я увидѣлъ длинную колонну войска, идущую на насъ. Она
остановилась ярдахъ въ полутораста отъ копіи; отъ нея от
дѣлился человѣкъ въ высокомъ головномъ уборѣ, очевидно
исполнявшій роль герольда, и, подойдя къ стѣнамъ укрѣп
ленія, окликнулъ насъ. Индуна вышелъ на пригорокъ и
спросилъ, что ему надо.

— Идите къ Вамбе, онъ зоветъ васъ, сказалъ герольдъ.—
Вручите ему плѣнныхъ и уходите съ миромъ. Если вы не
послушаетесь, то всѣ будете убиты.

— Теперь еще очень холодно, отвѣтилъ индуна уклон
чиво. — Мы совсѣмъ окоченѣли; когда солнце разгонитъ ту
манъ, мы исполнимъ волю Вамбе.

— Идите сейчасъ! закричалъ герольдъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ индуна: — мы пойдемъ, когда намъ самимъ заблагоразсудится, не раньше.

— Въ такомъ случаѣ готовьтесь умереть! произнесъ торжественно герольдъ и медленными шагами направился къ своимъ — ни дать, ни взять злодѣй въ любой мелодрамѣ. Я между тѣмъ дѣлалъ послѣднія распоряженія, готовясь къ нападенію, и поглядывалъ на противоположную гору, въ надеждѣ увидать сигнальные огни, — но огней не было, и (признаюсь) сердце замирало у меня при мысли, что̀ будетъ съ нами, если помощь запоздаетъ. О томъ, чтобы выдержать осаду въ пещерахъ, не могло быть и рѣчи: припасовъ у насъ было мало, а воды оставалось лишь настолько, чтобъ промочить горло. Приходилось, значитъ, волей-неволей вступить немедленно въ открытый бой, — а надежды на побѣду, если не подоспѣетъ помощь, не было ни малѣйшей.

Наконецъ солнце взошло надъ горами въ чудной красотѣ — и какъ разъ въ эту минуту матукусы, которыхъ собралось къ тому времени около полуторы тысячи, запѣли свой воинскій гимнъ. Едва успѣли они его кончить, какъ раздался залпъ: пули просвистали надъ нашими головами, но никто не былъ раненъ.

»Начинается!« подумалъ я, и не ошибся: колонна непріятеля раздѣлилась на три части и напала на насъ съ трехъ сторонъ. Разставивъ людей по возможности подъ прикрытіемъ, я сталъ самъ на пригоркѣ выше всѣхъ, чтобы руководить ими, и не велѣлъ имъ стрѣлять, пока непріятель не подойдетъ совсѣмъ близко; это былъ единственный способъ къ тому, чтобы не потратить зарядовъ даромъ, такъ какъ туземцы вообще — стрѣлки плохіе, а ружья у нихъ, конечно, были прескверные: многіе изъ нихъ были сдѣланы просто-напросто изъ газовыхъ трубокъ, снарядами же служили, вмѣсто пуль, по большей части кусочки желѣза, отломанные отъ старой металлической посуды, и даже острые кремешки и камешки.

Атака была стремительная: непріятель бѣжалъ на насъ со всѣхъ ногъ. »Бѣгите, бѣгите, голубчики!« думалъ я, не спуская съ нихъ глазъ. — »И какъ вѣдь ловко бѣгутъ, словно стѣна сплотилась; тѣмъ лучше!«.

— Не пора ли стрѣлять, отецъ нашъ? спросилъ меня индуна.

— Рано, чортъ васъ побери! отвѣчалъ я съ досадой. Въ

это время непріятель былъ отъ насъ всего ярдахъ въ двадцати. Но это разстояніе быстро уменьшалось. Когда онъ подошелъ приблизительно ярдовъ на тринадцать, я крикнулъ:— »стрѣляй!« и ради примѣра первый далъ два выстрѣла изъ моей тяжелой двустволки. Одновременно и мои люди дали залпъ изъ своихъ ружей, а ихъ было у насъ слишкомъ двѣсти! Эффектъ былъ поразительный: ни одинъ снарядъ не пропалъ даромъ: въ непріятельскихъ рядахъ произошелъ переполохъ. Шедшіе впереди попадали, какъ мухи; остальные разбѣжались. Мы поспѣшили зарядить опять, радуясь, что сами пока не потеряли ни одного человѣка. Но сигнальныхъ огней на горѣ не видать было нигдѣ, поэтому положеніе наше всетаки было крайне опасно.

Отступившій непріятель не возобновлялъ атаки съ полчаса. Очевидно, онъ совѣщался, что̀ дѣлать дальше, и, понявъ, что, напирая массами, ничего не возьмешь, перемѣнилъ тактику. Раздробившись на мелкія партіи, солдаты начали пробираться къ намъ черезъ канавку, очевидно, располагая сосредоточиться въ небольшой ложбинкѣ, которая была такъ близко отъ копіи, что обороняться отъ атаки оттуда огнестрѣльнымъ оружіемъ не было никакой возможности, приходилось вступить въ рукопашный бой. Конечно, мы старались не допускать ихъ до ложбинки, стрѣляя въ нихъ пока они были на ходу; но, для того чтобы вредить имъ сильно, нужны были хорошіе стрѣлки, а во всемъ нашемъ отрядѣ таковыхъ былъ всего одинъ: вашъ покорнѣйшій слуга. Вскорѣ непріятель сосредоточился въ ложбинкѣ числомъ около тысячи и ринулся на насъ, а мы бросились ему на встрѣчу — и завязалась рукопашная. Наши бутіаны сражались молодцами: холодное оружіе—страшный ассегай—было имъ болѣе съ руки, чѣмъ ружье, и они наносили врагу порядочный вредъ, но и сами страдали немало. Вотъ тутъ-то я и покончилъ съ моимъ пріятелемъ, начальникомъ провожавшаго насъ наканунѣ отряда. Онъ вдругъ вынырнулъ передо мной словно изъ-подъ земли и сдѣлалъ было попытку захватить меня живаго, говоря:— »вотъ сейчасъ мы познакомимъ тебя съ тѣмъ, что̀...« слова »кусаетъ« онъ ужъ не успѣлъ выговорить: я выхватилъ изъ кармана револьверъ и уложилъ его на мѣстѣ.

Между тѣмъ наши начинали замѣтно уставать, а непріятелей все прибывало. Я видѣлъ, что нѣтъ никакой на-

ежды на спасеніе, и дрался, какъ чортъ, думая только объ
дномъ — продать свою жизнь какъ можно дороже. Вдругъ
ъ рядахъ непріятелей послышались крики: »солдаты! сол-
аты на горѣ!« Я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ цѣлую толпу
оруженныхъ людей, копья которыхъ ярко переливались
а солнцѣ. Это былъ Нала со своими воинами; они были
же недалеко отъ перваго укрѣпленія. Какъ я узналъ по-
лѣ, они замедлили, потому что имъ пришлось переходить
ерезъ разлившуюся рѣчку. Когда они наконецъ вошли на
ору, бой былъ уже въ разгарѣ, и они, замѣтивъ это, бро-
ились намъ на помощь, не теряя попусту времени на сиг-
алы.

Увидя ихъ, мы ожили, а непріятель пришелъ въ смяте-
іе и бросился имъ на встрѣчу, давъ намъ роздыхъ, кото-
ымъ мы тотчасъ воспользовались, чтобы сосчитать нашихъ
битыхъ и раненыхъ. Первыхъ было шестнадцать, послѣд-
ихъ — тридцать пять, въ томъ числѣ много тяжкихъ. Пре-
ымъ дѣломъ я послалъ за водой; всѣ мы напились, ране-
ыхъ обмыли и перевязали. Я поручилъ надзоръ за ними
онмъ носильщикамъ, какъ самымъ ненадежнымъ въ бою
юдямъ, а остальныхъ собралъ около себя и сталъ наблю-
ать за тѣмъ, что происходитъ на горѣ. Нала быстро овла-
ѣлъ первымъ рядомъ укрѣпленій, но за вторымъ его ждалъ
ильный отпоръ. Матукусы успѣли сосредоточиться, а шанцы
ыли надежные, и бутіаны подвигались впередъ очень мед-
енно. Я глядѣлъ на кипѣвшій бой съ кочки, на которомъ
же некому было насъ тревожить: матукусы были такъ за-
яты появленіемъ новаго врага, что словно совсѣмъ забыли
нашемъ существованіи. Но вскорѣ мнѣ стало ясно, что
езъ нашей помощи не обойдется. — »Дѣло неладно«, подумалъ
: — »эти негодяи матукусы, какъ видно, отлично умѣютъ
ражаться за стѣнами, и нашимъ бутіанамъ, какъ они ни
храбры, съ ними не справиться, если мы имъ не поможемъ.
Нужно будетъ произвести диверсію«.

Обдумавъ мой планъ, я сообщилъ его начальнику на-
шего отряда, который одобрилъ его вполнѣ. Оставивъ на-
шихъ раненыхъ на попеченіе моихъ носильщиковъ, — которые,
по правдѣ сказать, только на это и годились, — мы всѣ осталь-
ные сплотились и быстро двинулись къ тому мѣсту, гдѣ ки-
пѣла битва. Планъ мой состоялъ въ слѣдующемъ: зайдя не-
замѣтно въ тылъ непріятелю, дать по немъ залпъ и затѣмъ,

бросившись на него стремительно, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Планъ былъ смѣлый; это сознавалъ я и самъ, но нужно сказать, что горсть молодцовъ, которой я могъ располагать, могла бы по храбрости и стойкости сдѣлать честь любой европейской арміи. Мы быстро двинулись впередъ и поспѣли какъ разъ во-время: матукусы своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ начинали уже тѣснить бутіановъ, и тѣ замѣтно стали подаваться назадъ. Въ это время на стѣнѣ укрѣпленія, которое нужно было взять, появилась Маива съ копьемъ въ рукѣ. Пока я живъ, я не забуду, какъ красива она была въ эту минуту. Глаза ея горѣли, грудь высоко подымалась, бѣлая одежда развѣвалась, какъ знамя. — »Трусы! бабы! цыплята!« вскричала она, обращаясь къ оробѣвшимъ воинамъ своего отца: — »неужели вы уступите собакамъ-матукусамъ? Впередъ — еще немного, и побѣда наша. За мною, дѣти Налы!« Съ этими словами она спрыгнула съ укрѣпленія и, какъ львица, бросилась въ средину непріятеля. Одушевленные ея примѣромъ, воины Налы съ громкими кликами ринулись за нею на врага, а въ это время подоспѣли и мы — и непріятель очутился между двухъ огней. Битва, жаркая, отчаянная, безпощадная съ обѣихъ сторонъ, кипѣла еще съ часъ — затѣмъ все было кончено. Солдаты Вамбе, разбѣжались, а воины Налы бросились ихъ преслѣдовать. Я не участвовалъ въ преслѣдованіи: изнемогая отъ усталости, я опустился на первый попавшійся мнѣ большой камень и закрылъ глаза: теперь, когда дѣло было кончено, энергія, меня воодушевлявшая, вдругъ уступила мѣсто полнѣйшей апатіи; я не въ состояніи былъ даже хорошенько припомнить, что было пережито мною за послѣдніе часы, и только думалъ по временамъ: — »а вѣдь я не раненъ; какъ это я уцѣлѣлъ?« Не знаю, сколько времени просидѣлъ я въ этомъ забытьѣ, составлявшемъ что-то среднее между сномъ и обморокомъ, какъ вдругъ кто-то возлѣ меня громко назвалъ меня по имени. Я открылъ глаза: передо мною стоялъ Нала; кровь лилась у него изъ широкой раны на рукѣ. Возлѣ него стояла Маива, здравая и невредимая, съ гордымъ и грознымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Непріятель разбитъ, Макумазанъ, сказалъ Нала спокойно и просто. — Намъ больше нечего бояться его: сердце въ немъ упало. Солдаты Вамбе разбѣжались и попрятались по чащамъ и пещерамъ. Но многіе изъ нихъ не успѣли

бѣжать до безопаснаго убѣжища, прибавилъ онъ, и его расивыя губы многозначительно дрогнули. — А гдѣ самъ амбе? вдругъ спросилъ онъ. — И гдѣ бѣлый, котораго ты тѣлъ спасти, Макумазанъ?

— Не знаю, отвѣтилъ я, еще невполнѣ придя въ себя машинально глядя на лежавшаго неподалеку отъ меня модаго матукуса, который не могъ встать отъ раны въ ногѣ. ала также взглянулъ на него — и вдругъ, быстро подойдя къ ему, замахнулся на него своимъ окровавленнымъ копьемъ.

— Гдѣ Вамбе? спросилъ онъ грозно. — Говори скорѣй. бака, не то я убью тебя. Въ какой сторонѣ онъ дрался?

— Онъ совсѣмъ не дрался, господинъ, съ усиліемъ отѣтилъ раненый: — онъ никогда съ нами не дерется; на это него не хватаетъ духу. Онъ вѣрно у себя въ домѣ ли въ пещерѣ, что за домомъ, прибавилъ онъ, указывая укою по тому направленію, гдѣ находилось жилище Вамбе.

— Пойдемъ, посмотримъ, сказалъ Нала и, наскоро собравъ нѣсколько десятковъ воиновъ, пошелъ по указанному аправленію. Я пошелъ за нимъ.

VIII. Маива отомщена

Внутренній крааль *), служившій помѣщеніемъ Вамбе ъ его женами, находился невдалекѣ отъ того мѣста, на коромъ я отдыхалъ послѣ битвы. Онъ былъ обнесенъ кривою оградою изъ тростника, за которою были расположены полукругомъ шалаши женъ властителя. Маива, знавшая отлично дорогу къ мѣсту, въ которомъ жила такъ долго, быстро привела насъ туда. Ни въ шалашахъ, ни на площадкѣ передъ ними не было никого: весь крааль какъ будто ымеръ.

— Куда же дѣвался этотъ шакалъ? сказала Маива. — нъ вѣрно спрятался въ пещеру за своимъ шалашемъ; пойемте туда.

Чтобы дойти до пещеры, намъ нужно было пройти мимо алаша Вамбе, стоявшаго въ сторонѣ, возлѣ самой скалы, ъ которой помѣщалась пещера. Я невольно остановился, раженный оригинальнымъ видомъ изгороди, окружавшей

*) Названіемъ *крааля* часто обозначается безразлично городъ, селеніе просто огороженное жилище изъ одного или нѣсколькихъ домовъ въ рикѣ.

шалашъ, и, подойдя ближе, чуть не вскрикнулъ отъ восхищенія: изгородь состояла исключительно изъ слоновыхъ клыковъ! Это была та самая, о которой писалъ Эвери. Клыки были расположены полукругомъ; тѣ, которые были поменьше, — хотя собственно маленькихъ не было ни одного, — были врыты въ землю съ обѣихъ сторонъ ближе къ скалѣ, затѣмъ размѣръ ихъ постепенно увеличивался, а два самые большіе, соприкасаясь концами одинъ къ другому, образовали родъ воротъ передъ шалашемъ. Можно представить себѣ, что я почувствовалъ, увидя передъ собою около шестисотъ клыковъ, которые по уговору составляли мою собственность. Конечно, они были совсѣмъ черные отъ дѣйствія воздуха, но я былъ увѣренъ, что это не болѣе, какъ наружная оболочка, и что подъ нею кость совершенно цѣла. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я вынулъ изъ кармана складной ножъ, открылъ его и поскоблилъ одинъ изъ клыковъ: дѣйствительно подъ чернымъ налетомъ оказалась бѣлѣйшая кость. Я готовъ былъ прыгать отъ радости, но вдругъ меня поразили крики, раздавшіеся гдѣ-то по близости. »Спасите! помогите! рѣжутъ!« кричалъ голосъ, который заставилъ меня вздрогнуть: это былъ голосъ Эвери.

— Господи! что я за бездушный эгоистъ, вскричалъ я и чуть не хватилъ себя по лбу кулакомъ съ досады. — Я тутъ замѣшкался съ клыками, а другъ мой гибнетъ... скорѣй, скорѣй къ нему!

— Да, скорѣй, не то будетъ поздно, сказала Манва съ какимъ-то строгимъ выраженіемъ въ голосѣ. — Онъ въ пещерѣ, идите за мной.

Мы мигомъ добѣжали до входа въ пещеру, находившуюся въ громадной скалѣ, къ которой прислоненъ былъ шалашъ. Тамъ было настолько темно, что въ первую минуту мы не могли различить ничего; но когда наши глаза немного освоились съ темнотой, мы увидѣли страшную картину: посреди пещеры стоялъ огромный львиный капканъ, совсѣмъ открытый, и семь или восемь женщинъ тащили къ нему бѣлаго человѣка, почти нагаго. Возлѣ капкана стоялъ толстякъ съ жестокимъ выраженіемъ лица, маленькими злыми глазами и отвисшей нижней губой. Это былъ самъ Вамбе; онъ держалъ руку на пружинѣ, готовый закрыть капканъ, какъ скоро несчастный Эвери попадетъ въ него.

Прежде чѣмъ я успѣлъ сдѣлать хоть одно движеніе, Ма-

а подняла копье, бывшее у ней въ рукѣ, и пустила имъ
голову Вамбе. Онъ отскочилъ въ сторону и избѣгъ удара,
оступился и попалъ въ капканъ; пружина захлопнулась.
здался крикъ, до того ужасный, что я до сихъ поръ не
гу вспомнить о немъ безъ содроганія. Злодѣй узналъ на-
лецъ на себѣ, каково было несчастнымъ, которыхъ онъ
ъ любилъ подвергать этой страшной пыткѣ, — и хотя я
итаю себя христіаниномъ, но не могу сказать, чтобы я
бенно пожалѣлъ о немъ въ эту минуту.

Между тѣмъ копье Маивы, отъ котораго Вамбе успѣлъ
ернуться, попало въ руку одной изъ женщинъ, держав-
хъ Эвери. Она оставила его, другія послѣдовали ея при-
ру, и мой бѣдный пріятель, предоставленный самому себѣ,
алъ на землю, истощенный борьбою со своими мучитель-
цами.

— Злодѣйки! крикнулъ Нала женщинамъ: — за что вы
мучили? Сейчасъ вы получите то, что̀ заслужили.
ейте ихъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ вошедшимъ съ
мъ воинамъ.

— Нѣтъ... оставьте ихъ, съ усиліемъ проговорилъ Эве-
. — Онѣ не сами... онъ имъ велѣлъ...

Съ этими словами онъ указалъ на Вамбе — и лишился
увствъ. Его оттащили въ сторону. Тогда Маива выступила
передъ, сдѣлавъ намъ знакъ отойти, и стала передъ Вамбе,
рекрасная, грозная, страшная, какъ сама судьба.

— Кто я? спросила она такимъ голосомъ, что онъ пе-
сталъ кричать. — Узнаешь ты меня, Вамбе? кто я? жена
оя, мать твоего сына, тобой убитаго, или ея тѣнь, при-
едшая изъ другаго міра отмстить тебѣ и полюбоваться на
ою смерть?

Отвѣта не было: злодѣй, пораженный ужасомъ, молчалъ,
смысленно устремивъ на нее свои тусклые желтые глаза.

— Что̀ это? продолжала она, показывая ему изсохшую
чку. — Отчего эта ручка оторвана отъ тѣла моего ре-
ка? Гдѣ онъ, гдѣ мой ребенокъ? его это ручка — или это
зракъ, вышедшій изъ могилы, чтобы схватить тебя за
ло?

Отвѣтомъ Вамбе на эти страшныя слова былъ глухой
нъ: его посинѣвшія губы судорожно подергивались, но
ворить онъ не могъ.

— Гдѣ твои солдаты? продолжала она. — Можетъ быть,

ты думаешь, что они сейчасъ явятся исполнить твою волю, [illegible]тить и казнить меня и всѣхъ твоихъ враговъ? Можетъ [illegible] ты воображаешь, будто все, что̀ ты теперь испытываеш[illegible] больше, какъ тяжелый сонъ? Нѣтъ, Вамбе, это не сонъ. [illegible] солдаты развѣяны прахомъ во всѣ стороны. Ты больш[illegible] властитель, другой заступилъ твое мѣсто. Женщина [illegible] хитрила тебя: она клялась отмстить тебѣ за сына — и [illegible]мстила. Ты умрешь медленной, лютой, страшной смерть[illegible] вотъ что̀ ждетъ тебя, проклятый убійца моего беззащит[illegible] ребенка!

Съ этими словами она съ силой ткнула въ лицо В[illegible] мертвую ручку и упала безъ чувствъ. Злодѣй невольно [illegible]шатнулся назадъ, зубцы капкана глубже впились ему [illegible] тѣло, и онъ опять началъ ревѣть отъ боли.

Я не могъ долѣе выносить этой сцены.

— Послушай, Нала, сказалъ я: — этотъ дьяволъ впо[illegible] заслужилъ свою участь, но не довольно ли мучить его? В[illegible] своимъ солдатамъ покончить съ нимъ поскорѣе.

— Зачѣмъ? возразилъ Нала хладнокровно. — Пусть [illegible] умретъ также, какъ заставлялъ умирать другихъ. Мы уйд[illegible] всѣ отсюда и оставимъ его...

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя, сжалься надъ нимъ, п[illegible]билъ я его. — Въ живыхъ его нельзя оставить, но распо[illegible]дись, чтобы онъ недолго мучился.

— Хорошо, Макумазанъ, будь по твоему, сказалъ Н[illegible] небрежно. — Если таково твое желаніе, я его исполню. Т[illegible] прежде нужно вынести отсюда мою дочь и бѣлаго, при[illegible]вилъ онъ, указывая рукою своимъ воинамъ на Маиву [illegible] Эвери, все еще лежавшихъ безъ чувствъ. Послушные [illegible] знаку, воины подняли ихъ на руки и понесли изъ пеще[illegible] Когда Эвери несли мимо Вамбе, этотъ подлый трусъ нача[illegible] жалобно умолять его, чтобы онъ заступился за него и из[illegible] [illegible] участи, которой онъ хотѣлъ подвергнуть [illegible] [illegible]. Не знаю, хватило ли бы у моего добряка-пріяте[illegible] [illegible] уважить его просьбу, но онъ не слыхалъ [illegible] такъ какъ былъ въ обморокѣ. Я ушелъ вслѣдъ за тѣми, [illegible] [illegible] оставивъ Налу расправляться съ Вамб[illegible] [illegible]. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ ск[illegible] [illegible] мнѣ, что негодяя уже нѣтъ въ живыхъ.

Какъ [illegible] Эвери вынесли на воздухъ, онъ жив[illegible] [illegible] было смотрѣть на несчастнаго: онъ казал[illegible]

естидесятилѣтнимъ старикомъ, хотя ему не было тогда и со-ка лѣтъ; его высохшее, какъ щепка, тѣло было все по-рыто рубцами и ранами — слѣдами мученій, которымъ под-ергалъ его Вамбе изо дня въ день. Борода и волосы его ыли сбиты въ комокъ и мѣстами выдраны цѣлыми клочьями. рядя въ себя, онъ съ усиліемъ поднялся на землѣ, осмот-ѣлся кругомъ, какъ бы припоминая, что съ нимъ было, и другъ, увидя меня, поползъ ко мнѣ, обхватилъ своими ис-далыми руками мои колѣни и припалъ къ моимъ ногамъ, ливая ихъ слезами.

— Что ты, старина? перестань, какъ тебѣ не стыдно! азалъ я, стараясь поднять его. Мнѣ было ужасно неловко: знаете, непривыкъ ни къ чему подобному.

— Спаси тебя Богъ... награди тебя Богъ! повторялъ ь, рыдая. — Еслибъ ты зналъ, что я вытерпѣлъ, еслибъ только могъ себѣ представить, отъ чего ты меня изба-ъ! И ты не побоялся придти ко мнѣ на выручку, рис-я своей головой. Но ты всегда былъ вѣрнымъ другомъ. агослови тебя Богъ: ты мой избавитель, ты мое прови-ніе...

— Полно чушь молоть, дружище! перебилъ я его серд-го: — я пришелъ сюда вовсе не тебя выручать, а за клы-ми: вишь сколько ихъ припасъ тутъ этотъ негодяй для ня! Ну, скажи на милость, кто изъ нашей братіи, торгов-въ слоновой костью, не рискнулъ бы ради такого сокро-ща даже безсмертной душой своей, не только шкурой?

Но, сколько я ни убѣждалъ его, что онъ тутъ непричемъ, ъ не вѣрилъ мнѣ и продолжалъ благодарить меня, зали-ясь слезами. Наконецъ я понялъ, что у него нервный ипадокъ, и догадался дать ему хлебнуть коньяку изъ ляжки, которая была у меня въ карманѣ. Это помогло ему; ъ немного успокоился, а я между тѣмъ заглянулъ въ ша-ашъ къ Вамбе, нашелъ тамъ кое-какое платье, пріодѣлъ и усадилъ рядомъ съ собой.

— Скажи ты мнѣ на милость, спросилъ я прежде всего: за что этому негодяю вздумалось засадить тебя въ кап-ъ?

— Когда ему пришли сказать, что на горѣ солдаты, и Маива ведетъ ихъ, отвѣтилъ онъ: — одна изъ женъ ска-а, что она видѣла, какъ я писалъ что-то на листкѣ и алъ листокъ Маивѣ, передъ тѣмъ какъ она ушла на очи-

щеніе. Онъ догадался, въ чемъ дѣло, и рѣшился замучит
меня до смерти за наказаніе; понимаешь ли ты меня? Я
языкъ-то свой забылъ: о Господи, какъ я радъ, что опят
слышу родную рѣчь!

Дѣйствительно, его трудно было понимать: онъ безпрестан
употреблялъ туземныя слова, не находя подходящихъ за
глійскихъ.

— А давно ты въ плѣну? спросилъ я.

— Шесть лѣтъ и сколько-то мѣсяцевъ, не помню; з
послѣдній годъ я ужъ и считать пересталъ. Я пришелъ сюд
съ майоромъ Алдеемъ; съ нами были еще три англичанин
и сорокъ человѣкъ носильщиковъ. Негодяй Вамбе всѣхъ их
перебилъ, чтобы завладѣть нашими ружьями, а самъ и все
пользоваться ими не съумѣлъ: они заряжаются съ казенной
части, а здѣсь не умѣютъ обращаться съ такими. Они все
цѣлы и висятъ въ порядкѣ въ его шалашѣ. Меня онъ поща
дилъ, потому что замѣтилъ, что я умѣю ковать желѣзо. Два
раза я пытался бѣжать, но меня поймали. Въ послѣдній
разъ Вамбе засѣкъ меня чуть не до смерти, да я бы и умер
непремѣнно, еслибъ не Маива: она ходила за мной потих
оньку и лечила меня. Этотъ проклятый львиный капкан
достался ему тоже отъ насъ, и, знаешь ли, онъ замучил
въ немъ человѣкъ двѣсти, не меньше. Любимымъ его удо
вольствіемъ было приходить и смотрѣть, какъ мучается и
немъ человѣкъ: сядетъ, бывало, возлѣ несчастнаго, любуется
и смѣется, и не отойдетъ, пока тотъ Богу душу не отдастъ.
Иныхъ онъ поилъ и кормилъ, чтобы они дольше мучились
»проживи, говоритъ, до такого-то времени, тогда я тебя вы
пущу«. Но, сколько мнѣ помнится, онъ ни разу не сдер
жалъ слова.

— Вотъ такъ дьяволъ! сказалъ я, невольно содрогну
шись. — Признаюсь, слушая тебя, я готовъ пожалѣть, чт
подалъ совѣтъ покончить съ нимъ скорѣе: пусть бы его т
самомъ дѣлѣ околѣлъ въ капканѣ, подѣломъ бы ему.

— Ну, полно, перебилъ меня Эвери, махнувъ рукой, —
довольно съ него: онъ всетаки попробовалъ передъ смертью
какъ это вкусно. Да и на томъ свѣтѣ, я думаю, ему будет
несладко.

Мы еще долго толковали съ пріятелемъ, и я удивлял
одному: какъ онъ не лишился разсудка за тѣ страшны
годы, которые провелъ въ плѣну у дикарей. Можно

редставить, каково ему было жить посреди постоянныхъ
стязаній и въ постоянномъ страхѣ лютой казни.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ Налой: онъ пришелъ
казать намъ, что обѣдъ готовъ, и, признаюсь, это извѣстіе
райне насъ обрадовало. Послѣ обѣда Нала пригласилъ меня
главныхъ старшинъ своихъ на совѣщаніе, чтобы рѣшить
опросъ, во-первыхъ, что̀ дѣлать съ плѣнными, во-вторыхъ,
акъ быть съ покоренной страной. Я далъ прежде всѣмъ
ысказать свое мнѣніе и наконецъ высказалъ мое въ та-
ихъ словахъ:

— Нала, твое мужество и храбрость твоихъ войскъ до-
тавили тебѣ побѣду; страна, которую ты покорилъ, принад-
ежитъ тебѣ по праву завоевателя. Вамбе дѣтей по себѣ не
ставилъ; пусть Манва, какъ старшая жена его и дочь влас-
ителя, управляетъ страною подъ твоимъ верховнымъ вла-
ычествомъ. Но не забудь, что хотя часть непріятельской
рміи перебита, а все же многіе солдаты успѣли поразбѣ-
аться и попрятаться кто куда. Ихъ нельзя оставить такъ:
ни могутъ собраться гдѣ нибудь и напасть на насъ
расплохъ. Въ числѣ плѣнныхъ, которыхъ мы захватили,
сть нѣсколько женщинъ; онѣ вѣрно знаютъ, куда попрята-
ись ихъ отцы, мужья и сыновья. Объяви имъ свободу,
усть онѣ идутъ къ нимъ и скажутъ имъ, чтобы они
вились къ тебѣ съ покорностью и положили оружіе. Обѣ-
ай имъ за это возвратить ихъ скотъ и все имущество въ
ѣлости: скотъ Вамбе и все имущество принадлежитъ по
раву тебѣ, какъ военная добыча. Если же въ продолженіе
рехъ дней они не придутъ къ тебѣ и не признаютъ твою
ласть, тогда придется продолжать войну; но врядъ ли можно
жидать, чтобы они не приняли этихъ условій.

Нала одобрилъ этотъ планъ и немедленно распорядился
ривести его въ исполненіе. Женщины были отправлены, и
о лицу ихъ было видно, что онѣ очень довольны даннымъ
имъ порученіемъ. — »Идите къ вашимъ мужьямъ и братьямъ«,
казалъ имъ Нала: — »и передайте имъ: пусть они явятся
о мнѣ безъ страха. Я не врагъ имъ: я воевалъ съ тира-
омъ Вамбе, но воевать съ его народомъ не желаю, если
ъ самъ не принудитъ меня къ тому«.

Весь остальной день мы провели въ уходѣ за ранеными,
вечеромъ зажгли костры и собрались около нихъ поужи-
ать. Можно представить себѣ, что̀ почувствовалъ Эвери,

когда, послѣ ужина, я угостилъ его трубочкой. Онъ курилъ ее со слезами радости: это была первая, которую довелось ему попробовать за цѣлыя шесть лѣтъ.

Утромъ слѣдующаго дня мы занялись на всякій случай военными приготовленіями, но часамъ къ двумъ увидѣли толпу солдатъ, идущую къ намъ съ опущеннымъ оружіемъ въ знакъ покорности. Одинъ изъ среды ихъ, почтенный старикъ, судя по всему—старшина, и съ нимъ еще двое выступили впередъ, подошли къ Налѣ и поклонились ему до земли.

— Мы рабы твои, сказалъ старикъ. — Вамбе умеръ, ты, великій левъ, съѣлъ его. Мы пришли выслушать, что ты намъ скажешь, и что скажетъ дочь твоя Маива, царица войны, которая сама вела въ бой твоихъ воиновъ, и что скажетъ хитрый бѣлый шакалъ, который вырылъ яму для Вамбе. Говорите, мы будемъ повиноваться.

Нала повторилъ имъ свои условія и спросилъ ихъ, согласны ли они признать своей властительницей Маиву подъ его верховнымъ начальствомъ.

— Согласны, отвѣчалъ старикъ. — Кто бы надъ нами ни властвовалъ, навѣрное новый господинъ нашъ не будетъ хуже Вамбе. Къ тому же мы знаемъ Маиву и не боимся ея, хотя она колдунья и грозна въ битвѣ.

Тогда Нала обратился къ Маивѣ, которая послѣ своей рѣчи къ Вамбе не сказала почти ни слова, и спросилъ ее, согласна ли она быть его намѣстницей.

— Согласна, отвѣчала Маива. — Я буду добра къ послушнымъ, и они будутъ довольны мной. Но непокорными и мятежными я буду править желѣзной рукой.

»Вѣрю«, подумалъ я, невольно любуясь на грозную красавицу.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Къ вечеру того же дня все пришло въ такой порядокъ въ краалѣ, что еслибы не трупы, еще валявшіеся тамъ и сямъ, то можно было бы подумать, будто и вовсе не было войны.

На другой день мы стали собираться въ дорогу. Главною моею заботою было вырыть и увезти клыки, которыхъ оказалось слишкомъ шестьсотъ. Я, признаться, побаивался, чтобы Нала не сталъ оспаривать у меня этого сокровища, но я забылъ, что имѣю дѣло не съ европейцемъ, а съ дикаремъ: ему и въ голову не пришло нарушить слово.

— Возьми клыки, Макумазанъ, сказалъ онъ мнѣ просто: — они твои, ты ихъ заслужилъ вполнѣ. Возьми и носильщиковъ, сколько тебѣ понадобится.

Я набралъ больше семисотъ человѣкъ и на другой день выступилъ въ дорогу съ ними и съ Эвери. Передъ тѣмъ какъ отправиться, я пошелъ проститься съ Маивой, которой отецъ оставилъ триста воиновъ въ видѣ почетной стражи. Она приняла меня, какъ настоящая королева, и дала мнѣ поцѣловать руку на прощанье.

— Ты храбрый человѣкъ, Макумазанъ, сказала она: — и ты былъ мнѣ вѣрнымъ другомъ въ нуждѣ. Если когда нибудь тебѣ понадобится помощь или убѣжище, помни, что Маива не забываетъ ни зла, ни добра. Все, что я имѣю, твое.

Такъ разстался я съ этой замѣчательной женщиной. Два года спустя я услышалъ, что отецъ ея умеръ, а она наслѣдовала ему и управляетъ обоими племенами мудро и твердо.

Весело было намъ идти обратно по той дорогѣ, по которой нѣсколько дней назадъ мы шли съ такимъ страхомъ; но еще веселѣе было бѣдному Эвери покинуть землю, гдѣ онъ столько выстрадалъ. Нѣсколько дней онъ былъ до того слабъ, что мы принуждены были останавливаться по дорогѣ чаще обыкновеннаго, чтобы дать ему вздохнуть; но на хорошей пищѣ и при полномъ спокойствіи онъ вскорѣ окрѣпъ и поздоровѣлъ. Когда мы дошли до вершины горы, съ которой онъ могъ видѣть крааль Вамбе, онъ сталъ на колѣни и со слезами благодарилъ Бога за свое спасеніе. Передъ тѣмъ какъ отправиться въ путь, я вымылъ его, намазалъ раны заживляющей мазью, которой запасся на случай еще въ Преторіи, одѣлъ его въ свое платье, подстригъ ему бороду, и онъ сталъ молодецъ хоть куда.

Пройдя ущелье, около котораго произошла моя первая стычка съ матукусами, стоившая жизни бѣдному Гобо, мы раздѣлились: Нала со своими воинами отправился восвояси, а мы съ Эвери и носильщиками направились къ бухтѣ Делагоа. Нала разстался со мной очень дружелюбно и благодарилъ меня за то, что я уговорилъ его начать войну, которая принесла ему такія выгоды: правда, онъ потерялъ въ ней почти треть своей арміи, зато изъ леннаго владѣльца сталъ самымъ могущественнымъ владѣльцемъ въ странѣ.

Онъ далъ мнѣ конвой въ полтораста человѣкъ, чтобы на блюдать за моими носильщиками, которые были всѣ до о ного матукусы и потому не внушали мнѣ полнаго довѣрі Однако они вели себя очень порядочно, и черезъ недѣлю м добрались до бухты Делагоа. Къ сожалѣнію, часть моего с кровища потонула во время переправы черезъ рѣку, но в же у меня осталось еще порядочно. Я выручилъ за мо кость семь тысячъ фунтовъ; барышъ, какъ видите, бы недурной. Половину этой суммы я отдалъ Эвери; онъ н хотѣлъ было брать, но я его заставилъ. По моему, эти деньг принадлежали ему по праву: еслибы не онъ, мнѣ бы и в глаза не видать этихъ клыковъ. На свой маленькій капи талецъ онъ открылъ банкъ въ Преторіи, и теперь дѣла ег идутъ отлично... Ну вотъ, я кончилъ; какъ вамъ нравите моя исторія, господа?

Мы, конечно, поспѣшили завѣрить его, — совершенно ис кренно, — что она очень интересна, а Гудъ многозначительн замѣтилъ, что она »будетъ почище его исторіи съ каме нымъ бараномъ«.

— Еще бы, согласился Кватерменъ не менѣе многозна чительно. — Однако мы засидѣлись порядкомъ, прибавил онъ, вставая. — Уже третій часъ, а завтра намъ на охот

— А куда вы дѣвали канканъ, Кватерменъ? спросил я, зажигая свѣчу, чтобъ идти въ свою комнату.

— Увезъ съ собой и помѣстилъ было у себя въ спальн но, признаюсь по правдѣ, онъ не давалъ мнѣ спать: ме каждую ночь мерещился въ немъ то Эвери, то Вамбе, т несчастный малютка Мавви, а наослѣдокъ мнѣ стало пре ставляться, будто я торчу изъ него самъ, своею особою. не могъ болѣе выносить этихъ грёзъ и отослалъ его въ му зей съ объясненіемъ, откуда онъ и почему замѣчателенъ.

Мы простились и разошлись на покой. Я уснулъ с мыслью о слышанномъ, и всю ночь мнѣ снилось, будто женатъ на Мавви и ужасно побаиваюсь моей грозной кра савицы-женушки.

AP
50
.T85
v. 7
no. 18

СЛЕСАРЬ

РАЗСКАЗЪ

„Душа ребенка — зеркало; ее также легко надтреснуть, какъ трудно склеить; она также легко туманится отъ малѣйшаго дыханія и также можетъ сдѣлаться еще чище, когда сойдетъ тусклость, которою она затуманилась. Не мѣшаетъ и взрослому иногда заглянуть въ это зеркало".

Чьи-то афоризмы

I

У Проши, десятилѣтняго мальчика, былъ въ гостяхъ его товарищъ, такой же небольшой мальчикъ. Они играли. Проша училъ гостя складывать кубики такъ, чтобы на нихъ выходили тѣ же картинки, какія были приложены къ кубикамъ; но Проша дѣлалъ это только изъ любезности, чтобы угодить гостю и занять его.

Проша помнилъ, какъ папа сказалъ ему, что съ хорошимъ человѣкомъ всякому должно быть хорошо: и весело, и интересно; кто умѣетъ занять, тотъ и самъ занятный, т. е. умный, а кто хочетъ занять, тотъ добрый; а кто занимаетъ всякаго, тотъ любитъ всякаго, тотъ, значитъ, самый добрый.

Проша любилъ слушать, что говорилъ папа, хотя часто несовсѣмъ понималъ его, — но если понималъ, то любилъ на себѣ оправдывать его слова и считалъ это въ себѣ самымъ хорошимъ. Проша зналъ, что папа всегда замѣтитъ въ немъ то, что папѣ нравится, и хоть промолчитъ, но —

Проша былъ лукавый! — онъ сейчасъ угадаетъ, когда папа замѣтилъ, а молчитъ, не похвалитъ. Проша про себя улыбался и думалъ: такъ еще веселѣе...

Проша не любилъ кубиковъ. Смѣшно складывать все тѣ же картинки, когда умѣешь, а онъ научился скоро; да и притомъ — никогда эти картинки не выйдутъ такъ, какъ онѣ напечатаны на листкахъ: у одной дѣвочки въ зеленомъ платьѣ, съ овечкой, когда складываешь ее изъ кубиковъ, никогда носъ не придется между лбомъ и губами, а почти какъ разъ на лбу. Мадамъ Сере, гувернантка Проши, хоть и молодая, но въ пенсне; а у Проши глаза острые, сейчасъ замѣтятъ, если что не на мѣстѣ; увѣренія же мадамъ Сере, что носъ дѣвочки вовсе ужъ не на самомъ лбу — только скучны, и кубики отъ нихъ — еще противнѣе.

Но Проша помнитъ слова папы объ умномъ, веселомъ и добромъ мальчикѣ, который умѣетъ и хочетъ занимать другихъ; потомъ онъ еще помнитъ слова, тоже папы, что кубики — очень разумная игра: они пріучаютъ глазъ быстро схватывать очертанія и краски. Правда, этихъ-то словъ Проша почти совсѣмъ не понимаетъ; но папа говоритъ, что кубики разумны, а это, значитъ, самое хорошее. Папа это такъ серьезно и охотно объяснялъ, а Проша любитъ, когда ему серьезно и охотно объясняютъ, хоть словъ-то и не поймётъ часто, но почти всегда догадается, чего хотятъ отъ него. Папа же не разъ говорилъ, что ему всего больше хочется, чтобы Проша былъ самъ разуменъ, а еще лучше, если онъ будетъ и съ другими разуменъ.

Игра въ кубики разумна; вотъ Проша и играетъ со своимъ гостемъ въ кубики. Любопытно только, замѣтитъ ли товарищъ, что носъ зеленой дѣвочки приходится ко лбу? Проша даже весь разгорѣлся, складывая эту картинку, и не утерпѣлъ таки, сказалъ:

— А посмотри-ка, носикъ-то къ лобику пришелся!

И жадно впился глазками въ товарища. Но товарищъ ничего не отвѣтилъ и сталъ какъ будто незамѣтно отъ Проши

отдирать ногтемъ уголокъ наклеенной на кубикѣ бумажки съ кусочкомъ картинки. Прошѣ вдругъ сдѣлалось такъ стыдно, что онъ сталъ совсѣмъ красный. Понятно, что товарищъ и безъ него прекрасно видѣлъ бѣду съ носомъ зеленой дѣвочки, только это такъ неинтересно, что ему все равно, вонъ даже какъ скучно, что уголокъ кубика отдираетъ. Проша прекрасно зналъ, что когда ему бывало скучно, онъ или скатерть вилкой проткнетъ, или начнетъ таскать розовенькія шерстинки изъ своей рубашки. А онъ-то думалъ, что онъ занимаетъ гостя! Проша понялъ, что онъ былъ глупъ.

Но что же ему дѣлать? просто разговаривать? Но мама и madame Сере сейчасъ замѣтятъ, подойдутъ и скажутъ:

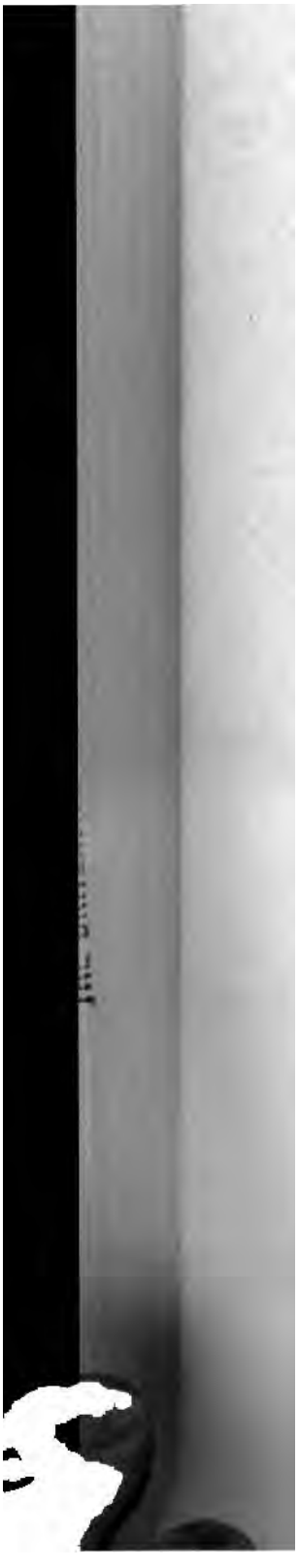
»Отчего вы ничѣмъ не займетесь съ Андрюшей? папа такъ любитъ, когда вы чѣмъ нибудь занимаетесь...«

Иногда даже скучно: »папа любитъ, да папа любитъ!« Но вѣдь онѣ всегда говорятъ правду. Папа и вправду любитъ то, про что онѣ говорятъ. А папа никогда не заставляетъ его дѣлать то, что̀ папѣ нравится; папа не говоритъ даже Прошѣ, что вотъ это онъ любитъ, а просто возьметъ да и докажетъ, что это хорошо, и хоть словъ-то и не поймешь иногда, зато голосъ у папы такой добрый и серьезный, когда онъ доказываетъ, что сразу по-его сдѣлаешь.

Развѣ просто побѣгать? Это и папа хвалитъ. Но у Проши вдругъ такая интересная мысль мелькнула въ головѣ, что онъ, несмотря на все желаніе побѣгать съ Андрюшей, соскочилъ со стула и, лукаво подмигнувъ пріятелю, таинственно и радостно сказалъ:

— Ты, Андрюша, посиди, а я сейчасъ сбѣгаю къ папѣ и такую принесу вещь!...

Онъ, не договоривъ, быстро юркнулъ въ полуотворенную дверь — слышенъ былъ только частый стукъ его каблуковъ о паркетъ въ залѣ и то, какъ онъ запыхивался: у него захватывало духъ и оттого, что онъ торопился, и отъ радости ужъ дѣйствительно занять и поразить пріятеля, да и папу обрадовать.



»Вещь!« онъ произнесъ такъ, что у Анд
загорѣлись глазки; но едва Проша скрылся
рюша не утерпѣлъ, чтобы совсѣмъ не содра
кубика. И сейчасъ же торопливо наслюнилъ
лѣпилъ, чтобы не замѣтили.

II

Прошѣ пришлось бѣжать въ кабинетъ па
освѣщенную залу. Онъ боялся темноты, и тѣм
и не любилъ, что, по папиному, это неразум
совсѣмъ нехорошо. Въ особенности же боялся
съ тѣхъ поръ, какъ, желая угодить папѣ, р
въ темной комнатѣ цѣлую четверть часа, з
это замѣтитъ. Папа дѣйствительно замѣтилъ
молодцомъ; но такъ гадко было всю эту чет
душѣ у Проши, такъ противно ему хотѣлос
заплакать, что съ тѣхъ поръ онъ еще больш
темноты. Но на этотъ разъ онъ даже не з
пробѣжалъ по залѣ: такъ онъ увлекся своей

Дверь кабинета папы была заперта. Тол
поса свѣта прорѣзывалась между несовсѣмъ
створками. Проша смѣло, хотя и осторожно, с
мѣть, съ нѣкоторымъ усиліемъ отворилъ двер

Папа желалъ, чтобы Проша, когда угодн
угодно дѣломъ, постоянно, не смущаясь, явля
кабинетъ. Было только одно условіе при это
и ждать, скромно сѣвши на стулъ, пока сам
ратится съ вопросомъ, что̀ ему нужно. И па
сейчасъ же и съ удовольствіемъ обращался
онъ войдетъ. Поэтому Проша любилъ посѣща
тѣмъ охотнѣе встрѣчалъ его папа, тѣмъ бол
лся не шумѣть и какъ можно менѣе безпоко
омъ двери. Онъ наконецъ научился отворять
беззвучно.

Разъ даже по этому случаю была одна непріятная исторія. У папы былъ гость, Проша и вошелъ.

— Однако какъ онъ у васъ подкрадывается! сказалъ гость, перекатывая во рту противную — какъ Прошѣ показалось въ ту минуту — сигару.

— Мой мальчикъ подкрадывается изъ деликатности, не желая безпокоить шумомъ, а это высшая честность, потому что онъ до того думаетъ о выгодѣ другаго, что не боится даже невыгоды толкованій, весь сіяя, отчеканилъ папа, пригнулъ своею крупной бѣлой рукой голову Проши къ себѣ и погладилъ ее.

— Охъ вы, адвокаты! захохоталъ гость, еще болѣе оживленно перекатывая во рту сигару, которую теперь Проша окончательно возненавидѣлъ.

И гость, все съ тѣмъ же хохотомъ, взялъ шляпу, пожалъ руку папѣ, потрепалъ Прошу по подбородку и, весь раскачиваясь и хохоча, вышелъ. И все это съ гадкой, противной сигарой во рту...

— Папа, что ты сказалъ ему?.. я не понялъ... Я вовсе не подкрадывался... спросилъ мальчикъ сейчасъ же по выходѣ гостя, насупливая брови.

— Я сказалъ, отвѣтилъ папа: — что ты самый милый мальчикъ, а онъ самый глупый »большой«...

— Правда, папа? съ восторгомъ и даже слезинками на глазахъ воскликнулъ Проша, страстно прижимаясь къ отцу. Съ тѣхъ поръ еще съ меньшимъ шумомъ, но еще съ большей готовностью являлся Проша въ кабинетъ.

Кабинетъ, какъ обыкновенно по вечерамъ, былъ ярко и мягко освѣщенъ двумя большими лампами подъ свѣтлозелеными абажурами; папа сидѣлъ въ своемъ широкомъ мягкомъ креслѣ у своего огромнаго, заваленнаго бумагами, стола. Откинувшись на спинку кресла, придерживая слегка приподнятымъ носомъ золотое пенсне, онъ читалъ большую газету. Проша тихо, мелкими шажками подошелъ и сѣлъ на свободный стулъ, безъ шума взобравшись на него. Онъ сложилъ

руки на колѣняхъ и ждалъ. Папа при его входѣ искоса, изъ-за газеты, взглянулъ на него и съ прежней серьезностью продолжалъ читать.

— Папа, извини, но у меня гость... робко и осторожно проговорилъ Проша, все также тихо сидя на стулѣ и едва касаясь носками пола.

— А! ну, въ такомъ случаѣ извини! Я только столбецъ хотѣлъ дочитать... ну что? въ чемъ дѣло? серьезно сказалъ папа, опуская газету на столъ и изъ-подъ пенсне, слегка насупившись, но ласково глядя на мальчика.

— Папа! осторожно сползъ со стула Проша:—я хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть ту книгу... помнишь, ты мнѣ обѣщалъ, еще хотѣлъ разсказать... замиралъ голосъ Проши, между тѣмъ какъ глазки разгорались все болѣе.

— Какую книгу? съ прежнимъ вниманіемъ спросилъ папа, гладя усы.

— А ту... помнишь... много картинокъ, еще тамъ голыхъ много, и старикъ ихъ гонитъ весломъ... я нечаянно открылъ — такая большая! И увлекшійся мальчикъ показалъ руками размѣръ книги.

— А-а! весело догадался папа, снимая пенсне и протирая его, причемъ устало моргалъ глазами: — »Адъ« Данта?..

— Да, да, папа, та самая! всплеснулъ руками мальчикъ. Папа улыбнулся.

— Такъ-то оно такъ, голубчикъ, протянулъ онъ довольнымъ голосомъ, только вѣдь вамъ однимъ нельзя эту книгу смотрѣть... вамъ надо растолковать... замялся папа и подышалъ на пенсне.

— Папа... а если ты свободенъ... вѣдь ты обѣщалъ... и Андрюша послушаетъ... впиваясь горящими глазками въ отца, все нерѣшительнѣе замиралъ голосокъ Проши.

— А-а! понимаю... весело и слегка даже засмѣявшись, воскликнулъ папа. — Пожалуй... Тебѣ недурная мысль пришла въ голову. Ты правъ — и Андрюша послушаетъ... разумно... Я же, къ счастію, свободенъ... Разумно, разумно...

И папа, весело поднявшись со стула, быстро подошелъ къ одному изъ большихъ книжныхъ шкафовъ, которыми были уставлены стѣны кабинета. Въ отверстіе замка въ шкафѣ былъ вставленъ длинный и тонкій ключъ. Папа второпяхъ и въ одушевленіи взялся за него. Проша тоже приблизился къ шкафу. Онъ отъ нетерпѣнія и радости слегка повертывался на каблукахъ и потиралъ руки. Папа быстро повернулъ ключъ — раздалось »крахъ«; папа съ огорченіемъ щелкнулъ языкомъ и молча посмотрѣлъ на обломокъ ключа, очутившійся у него въ рукахъ. Проша съ любопытствомъ вытянулъ голову.

— Бородка сломалась... надо было поглубже воткнуть, наконецъ медленно, съ досадой проговорилъ папа.

— А другой бы ключъ? робко и жалобно прошепталъ Проша, приподнимаясь на цыпочкахъ.

— Другой-то ключъ есть, вздохнулъ папа: — да его не вставишь: въ замкѣ-то бородка отъ этого сидитъ...

— Какже, папа? испуганно воскликнулъ Проша.

— Дѣлать нечего... затѣвай съ Андрюшей что нибудь другое: теперь въ шкафъ никакъ не попадешь. Вотъ завтра утромъ пошлю за слесаремъ.

— За кѣмъ, папа? грустно спросилъ огорченный мальчикъ.

— За слесаремъ. Это тотъ, кто дѣлаетъ ключи, замки; онъ вынетъ сломанную бородку и замка не попортитъ. У этого шкафа замокъ хорошій.

И папа, бросивъ на столъ обломокъ ключа, пошелъ къ креслу.

— Да, я знаю... онъ какъ будто съ музыкой — играетъ, когда ты отмыкаешь, грустно говорилъ Проша, не сводя огорченныхъ глазъ съ злополучнаго замка.

Папа снова сѣлъ и съ удовольствіемъ принялся за газету. Досада его исчезла: онъ былъ радъ, что можетъ закончить столбецъ.

— Папа, стоя на прежнемъ своемъ мѣстѣ у шкафа и отъ огорченія забывая свою деликатность, продолжалъ грустно

Проша: — папа... а какъ этотъ... какъ его... ну, что замки дѣлаетъ...

— Слесарь, не отводя глазъ отъ газеты, внушительно произнесъ папа. — Повтори: слесарь...

Проша тщательно повторилъ слово. — Какъ онъ, докончилъ мальчикъ: — вынетъ бородку?

— У него есть для этого разные инструменты. Хочешь, я тебя завтра позову посмотрѣть, когда онъ придетъ?

— Конечно, папа! обрадовался мальчикъ. — А теперь, папа, мы побѣгаемъ съ Андрюшей? полувопросительно, но, очевидно, увѣренный въ одобреніи, добавилъ онъ.

— Да, побѣгайте... да хорошенько. Дѣтямъ нужно какъ можно больше бѣгать, чтобы стать ловкими и сильными, одобрилъ папа.

— А ты меня завтра непремѣнно позовешь, когда придетъ... слесарь? слегка запнувшись, но твердо и радостно договорилъ Проша. Видя, что папа замѣтилъ, какъ онъ вѣрно выговорилъ это слово, онъ сейчасъ же добавилъ: — Впрочемъ, я знаю, ты позовешь, когда придетъ... слесарь, еще болѣе оттѣнилъ онъ это слово. И безъ шума, но весело выскользнулъ изъ кабинета...

Прибѣжавъ къ Андрюшѣ, онъ разсказалъ все, что случилось въ кабинетѣ, и объявилъ съ восторгомъ, что завтра онъ увидитъ »слесаря«, — отчеканилъ онъ хорошо запомнившееся слово. Они принялись бѣгать. Андрюша, равнодушно выслушавъ сообщеніе пріятеля, началъ съ азартомъ ловить его. Проша былъ мальчикъ ловкій и блистательно увертывался.

Папа, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ дальнему шуму ихъ бѣготни, съ еще бо́льшимъ удовольствіемъ дочитывалъ газету.

III

Проша такъ вчера вечеромъ набѣгался, что спалъ, какъ убитый, и совершенно заспалъ все, что произошло наканунѣ.

До завтрака у него, по обыкновенію, было французское теніе и »pratique« съ madame Сере; сейчасъ послѣ завтрака онъ отправился гулять по Пречистенскому бульвару и съ нѣкоторой скукой, впрочемъ, привычной, каталъ обручъ по ровной песчаной поверхности бульвара, оживляясь при встрѣчѣ съ чужими дѣтьми.

Осень уже сказывалась довольно значительно, и Проша возвращался въ очень пріятномъ настроеніи домой, съ удовольствіемъ прикасаясь концами пальцевъ къ похолодѣвшимъ щекамъ. Онъ весь разрумянился и, свѣжій, веселый, соображалъ, снимая башлычекъ въ прихожей, чѣмъ ему теперь заняться, такъ какъ послѣ гулянья два часа до обѣда онъ былъ совершенно свободенъ въ выборѣ занятій.

Никто, даже мама, не долженъ была вмѣшиваться въ тотъ выборъ. Такъ рѣшилъ папа. Правда, эта свобода была Прошѣ даже скучна и слегка тяготила его. Тяготило его то, что, при объявленіи Прошѣ о полной свободѣ его въ теченіе двухъ этихъ часовъ, папа сказалъ:

— Надѣюсь, не въ носу же ты будешь ковырять, Проша?

И Проша, разумѣется, не ковырялъ въ носу: въ эти два часа онъ старался быть еще благонравнѣе и »разумнѣе«, чѣмъ въ остальное время.

Поэтому Проша даже нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало, разматывалъ свой башлычекъ: онъ отдалялъ минуту, когда придется рѣшать, что̀ ему дѣлать. Правда, онъ охотно бы ничего не дѣлалъ,—и въ этомъ онъ былъ совершенно свободенъ, — но не ковырять же ему дѣйствительно въ носу!

Но сегодня онъ былъ неожиданно обрадованъ: не успѣлъ онъ совершенно размотать башлыка, какъ предъ нимъ предсталъ Ѳедоръ, лакей, и, слегка наклонившись, въ своемъ фракѣ, къ мальчику, почтительно доложилъ:

— Папенька изволили приказать спросить васъ: не-угодно ли пожаловать къ нимъ въ кабинетъ... у нихъ...

— Слесарь! восторженно перебилъ Проша, отбрасывая быстро снятый башлыкъ. Воспоминаніе о вчерашнемъ въ

»Вещь!« онъ произнесъ такъ, что у Андрюши невольн загорѣлись глазки; но едва Проша скрылся въ залѣ. Ан рюша не утерпѣлъ, чтобы совсѣмъ не содрать наклейки с кубика. И сейчасъ же торопливо наслюнилъ ее и опять пр лѣпилъ, чтобы не замѣтили.

II

Прошѣ пришлось бѣжать въ кабинетъ папы черезъ н освѣщенную залу. Онъ боялся темноты, и тѣмъ больше боял и не любилъ, что, по папиному, это неразумно, то есть у совсѣмъ нехорошо. Въ особенности же боялся онъ темнот съ тѣхъ поръ, какъ, желая угодить папѣ, разъ просидѣ въ темной комнатѣ цѣлую четверть часа, зная, что па это замѣтитъ. Папа дѣйствительно замѣтилъ и назвалъ е молодцомъ; но такъ гадко было всю эту четверть часа в душѣ у Проши, такъ противно ему хотѣлось закричать заплакать, что съ тѣхъ поръ онъ еще больше сталъ боять темноты. Но на этотъ разъ онъ даже не замѣтилъ, ка пробѣжалъ по залѣ: такъ онъ увлекся своей затѣей.

Дверь кабинета папы была заперта. Только яркая по лоса свѣта прорѣзывалась между несовсѣмъ сошедшимис створками. Проша смѣло, хотя и осторожно, стараясь не ш мѣть, съ нѣкоторымъ усиліемъ отворилъ дверь.

Папа желалъ, чтобы Проша, когда угодно и съ каким угодно дѣломъ, постоянно, не смущаясь, являлся къ нему в кабинетъ. Было только одно условіе при этомъ: не шумѣт и ждать, скромно сѣвши на стулъ, пока самъ папа не об ратится съ вопросомъ, что ему нужно. И папа обыкновенн сейчасъ же и съ удовольствіемъ обращался къ нему, едв онъ войдетъ. Поэтому Проша любилъ посѣщать кабинетъ. И чѣмъ охотнѣе встрѣчалъ его папа, тѣмъ больше онъ ста- рался не шумѣть и какъ можно менѣе безпокоить папу скры- помъ двери. Онъ наконецъ научился отворять ее совершенно беззвучно.

Разъ даже по этому случаю была одна непріятная исто-
ія. У папы былъ гость, Проша и вошелъ.

— Однако какъ онъ у васъ подкрадывается! сказалъ
ость, перекатывая во рту противную — какъ Прошѣ пока-
алось въ ту минуту — сигару.

— Мой мальчикъ подкрадывается изъ деликатности, не
елая безпокоить шумомъ, а это высшая честность, потому
то онъ до того думаетъ о выгодѣ другаго, что не боится даже
евыгоды толкованій, весь сіяя, отчеканилъ папа, пригнулъ
воею крупной бѣлой рукой голову Проши къ себѣ и по-
адилъ ее.

— Охъ вы, адвокаты! захохоталъ гость, еще болѣе ожив-
енно перекатывая во рту сигару, которую теперь Проша
кончательно возненавидѣлъ.

И гость, все съ тѣмъ же хохотомъ, взялъ шляпу, пожалъ
уку папѣ, потрепалъ Прошу по подбородку и, весь раска-
иваясь и хохоча, вышелъ. И все это съ гадкой, противной
игарой во рту...

— Папа, что ты сказалъ ему?.. я не понялъ... Я вовсе
е подкрадывался... спросилъ мальчикъ сейчасъ же по выходѣ
ости, насупливая брови.

— Я сказалъ, отвѣтилъ папа: — что ты самый милый
альчикъ, а онъ самый глупый »большой«...

— Правда, папа? съ восторгомъ и даже слезинками на
лазахъ воскликнулъ Проша, страстно прижимаясь къ отцу.
ъ тѣхъ поръ еще съ меньшимъ шумомъ, но еще съ боль-
ей готовностью являлся Проша въ кабинетъ.

Кабинетъ, какъ обыкновенно по вечерамъ, былъ ярко и
ягко освѣщенъ двумя большими лампами подъ свѣтлозеле-
ыми абажурами; папа сидѣлъ въ своемъ широкомъ мягкомъ
реслѣ у своего огромнаго, заваленнаго бумагами, стола. От-
инувшись на спинку кресла, придерживая слегка припод-
ятымъ носомъ золотое пенсне, онъ читалъ большую газету.
роша тихо, мелкими шажками подошелъ и сѣлъ на свобод-
ый стулъ, безъ шума взобравшись на него. Онъ сложилъ

руки на колѣняхъ и ждалъ. Папа при его входѣ искоса, изъ-за газеты, взглянулъ на него и съ прежней серьезностью продолжалъ читать.

— Папа, извини, но у меня гость... робко и осторожно проговорилъ Проша, все также тихо сидя на стулѣ и едва касаясь носками пола.

— А! ну, въ такомъ случаѣ извини! Я только столбецъ хотѣлъ дочитать... ну что? въ чемъ дѣло? серьезно сказалъ папа, опуская газету на столъ и изъ-подъ пенсне, слегка насупившись, но ласково глядя на мальчика.

— Папа! осторожно сползъ со стула Проша:—я хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть ту книгу... помнишь, ты мнѣ обѣщалъ, еще хотѣлъ разсказать... замиралъ голосъ Проши, между тѣмъ какъ глазки разгорались все болѣе.

— Какую книгу? съ прежнимъ вниманіемъ спросилъ папа, гладя усы.

— А ту... помнишь... много картинокъ, еще тамъ голыхъ много, и старикъ ихъ гонитъ весломъ... я нечаянно открылъ — такая большая! И увлекшійся мальчикъ показалъ руками размѣръ книги.

— А-а! весело догадался папа, снимая пенсне и протирая его, причемъ устало моргалъ глазами: — »Адъ« Данта?..

— Да, да, папа, та самая! всплеснулъ руками мальчикъ. Папа улыбнулся.

— Такъ-то оно такъ, голубчикъ, протянулъ онъ довольнымъ голосомъ, только вѣдь вамъ однимъ нельзя эту книгу смотрѣть... вамъ надо растолковать... замялся папа и подышалъ на пенсне.

— Папа... а если ты свободенъ... вѣдь ты обѣщалъ... и Андрюша послушаетъ... впиваясь горящими глазками въ отца, все нерѣшительнѣе замиралъ голосокъ Проши.

— А-а! понимаю... весело и слегка даже засмѣявшись, воскликнулъ папа. — Пожалуй... Тебѣ недурная мысль пришла въ голову. Ты правъ — и Андрюша послушаетъ... разумно... Я же, къ счастію, свободенъ... Разумно, разумно...

И папа, весело поднявшись со стула, быстро подошелъ къ одному изъ большихъ книжныхъ шкафовъ, которыми были уставлены стѣны кабинета. Въ отверстіе замка въ шкафѣ былъ вставленъ длинный и тонкій ключъ. Папа второпяхъ и въ одушевленіи взялся за него. Проша тоже приблизился къ шкафу. Онъ отъ нетерпѣнія и радости слегка повертывался на каблукахъ и потиралъ руки. Папа быстро повернулъ ключъ — раздалось »крахъ«; папа съ огорченіемъ щелкнулъ языкомъ и молча посмотрѣлъ на обломокъ ключа, очутившійся у него въ рукахъ. Проша съ любопытствомъ вытянулъ голову.

— Бородка сломалась... надо было поглубже воткнуть, наконецъ медленно, съ досадой проговорилъ папа.

— А другой бы ключъ? робко и жалобно прошепталъ Проша, приподнимаясь на цыпочкахъ.

— Другой-то ключъ есть, вздохнулъ папа: — да его не вставишь: въ замкѣ-то бородка отъ этого сидитъ...

— Какже, папа? испуганно воскликнулъ Проша.

— Дѣлать нечего... затѣвай съ Андрюшей что нибудь другое: теперь въ шкафъ никакъ не попадешь. Вотъ завтра утромъ пошлю за слесаремъ.

— За кѣмъ, папа? грустно спросилъ огорченный мальчикъ.

— За слесаремъ. Это тотъ, кто дѣлаетъ ключи, замки; онъ вынетъ сломанную бородку и замка не попортитъ. У этого шкафа замокъ хорошій.

И папа, бросивъ на столъ обломокъ ключа, пошелъ къ креслу.

— Да, я знаю... онъ какъ будто съ музыкой — играетъ, когда ты отмыкаешь, грустно говорилъ Проша, не сводя огорченныхъ глазъ съ злополучнаго замка.

Папа снова сѣлъ и съ удовольствіемъ принялся за газету. Досада его исчезла: онъ былъ радъ, что можетъ закончить столбецъ.

— Папа, стоя на прежнемъ своемъ мѣстѣ у шкафа и отъ огорченія забывая свою деликатность, продолжалъ грустно

Проша: — папа... а какъ этотъ... какъ его... ну, что замки дѣлаетъ...

— Слесарь, не отводя глазъ отъ газеты, внушительно произнесъ папа. — Повтори: слесарь...

Проша тщательно повторилъ слово. — Какъ онъ, докончилъ мальчикъ: — вынетъ бородку?

— У него есть для этого разные инструменты. Хочешь, я тебя завтра позову посмотрѣть, когда онъ придетъ?

— Конечно, папа! обрадовался мальчикъ. — А теперь, папа, мы побѣгаемъ съ Андрюшей? полувопросительно, но, очевидно, увѣренный въ одобреніи, добавилъ онъ.

— Да, побѣгайте... да хорошенько. Дѣтямъ нужно какъ можно больше бѣгать, чтобы стать ловкими и сильными, одобрилъ папа.

— А ты меня завтра непремѣнно позовешь, когда придетъ... слесарь? слегка запнувшись, но твердо и радостно договорилъ Проша. Видя, что папа замѣтилъ, какъ онъ вѣрно выговорилъ это слово, онъ сейчасъ же добавилъ: — Впрочемъ, я знаю, ты позовешь, когда придетъ... слесарь, еще болѣе оттѣнилъ онъ это слово. И безъ шума, но весело выскользнулъ изъ кабинета...

Прибѣжавъ къ Андрюшѣ, онъ разсказалъ все, что случилось въ кабинетѣ, и объявилъ съ восторгомъ, что завтра онъ увидитъ »слесаря«, — отчеканилъ онъ хорошо запомнившееся слово. Они принялись бѣгать. Андрюша, равнодушно выслушавъ сообщеніе пріятеля, началъ съ азартомъ ловить его. Проша былъ мальчикъ ловкій и блистательно увертывался.

Папа, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ дальнему шуму ихъ бѣготни, съ еще большимъ удовольствіемъ дочитывалъ газету.

III

Проша такъ вчера вечеромъ набѣгался, что спалъ, какъ убитый, и совершенно забылъ все, что произошло наканунѣ.

До завтрака у него, по обыкновенію, было французское чтеніе и »pratique« съ madame Сере; сейчасъ послѣ завтрака онъ отправился гулять по Пречистенскому бульвару и съ нѣкоторой скукой, впрочемъ, привычной, каталъ обручъ по ровной песчаной поверхности бульвара, оживляясь при встрѣчѣ съ чужими дѣтьми.

Осень уже сказывалась довольно значительно, и Проша возвращался въ очень пріятномъ настроеніи домой, съ удовольствіемъ прикасаясь концами пальцевъ къ похолодѣвшимъ щекамъ. Онъ весь разрумянился и, свѣжій, веселый, соображалъ, снимая башлычекъ въ прихожей, чѣмъ ему теперь заняться, такъ какъ послѣ гулянья два часа до обѣда онъ былъ совершенно свободенъ въ выборѣ занятій.

Никто, даже мама, не долженъ была вмѣшиваться въ этотъ выборъ. Такъ рѣшилъ папа. Правда, эта свобода была Прошѣ даже скучна и слегка тяготила его. Тяготило его то, что, при объявленіи Прошѣ о полной свободѣ его въ теченіе двухъ этихъ часовъ, папа сказалъ:

— Надѣюсь, не въ носу же ты будешь ковырять, Проша?

И Проша, разумѣется, не ковырялъ въ носу: въ эти два часа онъ старался быть еще благонравнѣе и »разумнѣе«, чѣмъ въ остальное время.

Поэтому Проша даже нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало, разматывалъ свой башлычекъ: онъ отдалялъ минуту, когда придется рѣшать, что̀ ему дѣлать. Правда, онъ охотно бы ничего не дѣлалъ,—и въ этомъ онъ былъ совершенно свободенъ, — но не ковырять же ему дѣйствительно въ носу!

Но сегодня онъ былъ неожиданно обрадованъ: не успѣлъ онъ совершенно размотать башлыка, какъ предъ нимъ предсталъ Ѳедоръ, лакей, и, слегка наклонившись, въ своемъ фракѣ, къ мальчику, почтительно доложилъ:

— Папенька изволили приказать спросить васъ: неугодно ли пожаловать къ нимъ въ кабинетъ... у нихъ...

— Слесарь! восторженно перебилъ Проша, отбрасывая быстро снятый башлыкъ. Воспоминаніе о вчерашнемъ въ

одно мгновеніе вспыхнуло въ его головкѣ, и глаза его загорѣлись.

— Точно такъ-съ, солидно-снисходительно улыбнулся Ѳедоръ, но улыбка его исчезла въ пространствѣ: Проша бѣжалъ въ припрыжку въ кабинетъ.

Ѳедоръ сдѣлался чрезвычайно солиденъ, оглядѣлся кругомъ, подобралъ брошенный башлыкъ и вдругъ отдался, усиленно мотая своей густо-напомаженной головой, сильному, хотя почти беззвучному, смѣху.

— Чудаки! вырвалось у него. Онъ махнулъ рукой, облеченной въ бѣлую нитяную перчатку, и еще сильнѣе замоталъ головой.

— Проша вы видѣль? важно спросила его m-me Сере, солидно появляясь изъ столовой.

— У барина въ кабинетѣ-съ они — слесаря смотрять! чуть было снова не прыснулъ Ѳедоръ, но овладѣлъ собой и сдѣлался еще солиднѣе гувернантки.

— Слесаръ? недоумѣвая, важно выпучила глаза на него француженка. И, брезгливо пожавъ плечомъ, пошла прочь. Впрочемъ, лакей и гувернантка какъ будто другъ друга поняли.

IV

При входѣ Проши въ кабинетъ папа полулежалъ на мягкомъ диванѣ, очевидно, приготовясь къ чему-то чрезвычайно пріятному.

— У! какой ты славный, папа!.. не забылъ — позвалъ! воскликнулъ мальчикъ, шаловливо роняя голову на колѣни отца и охватывая руками его станъ.

Папа слегка отстранилъ его и хотѣлъ сдѣлать самодовольно-укоризненный вопросъ: — »развѣ я тебя обманывалъ когда нибудь?« Но мальчикъ, утративъ на этотъ разъ обыкновенную свою разумность дѣйствій и движеній, уже отвернулся отъ него и искалъ глазами слесаря.

У книжнаго шкафа, спиной къ Прошѣ, стоялъ человѣкъ небольшаго роста. Онъ возился съ замкомъ, и отъ усилій его большое, не по росту, драповое пальто, поднявшись высоко на его плечи, почти закрывало его голову. Изъ оборваннаго, словно грязной бахромой обшитаго воротника пальто торчали лохматые маслянистые волосы, концы которыхъ задрагивали грязными кисточками при усиліяхъ слесаря стомкнуть замокъ. Но замокъ не поддавался: усилія небольшаго человѣка становились напряженнѣе, тяжелое пальто сползало все выше на шею, и кисточки грязныхъ волосъ задрагивали все сильнѣе.

Проша сразу затихъ; онъ съ страннымъ, самому ему смутно непріятнымъ любопытствомъ приглядывался къ слесарю. Эти кисточки волосъ, это пальто, эти судорожныя усилія небольшихъ почти черныхъ рукъ — все это странно и привлекало, и отталкивало Прошу. Въ особенности заняли его огромные грязные и тяжелые сапоги: небольшой слесарь дѣлалъ нѣсколько разъ усилія приподняться на цыпочки, но эти тяжелые сапоги не давали ему сдѣлать ни одного своеобразнаго движенія ногами; они только тяжело волочились по блестящему паркету каждый разъ, какъ слесарь старался дотянуться до замка.

Мальчикъ смотрѣлъ на это странно одѣтое существо и вдругъ молча приникъ головкой къ плечу папы. Папа все съ тѣмъ же самодовольнымъ видомъ ждалъ чего-то.

— Папа, это что у него виситъ, вонъ впереди, у сапогъ?.. почему-то шопотомъ спросилъ Проша.

— Это — фартукъ, чтобы панталоны не пачкать при работѣ, отвѣтилъ папа, снисходительно лаская мальчика.

— Нѣтъ, папа, папа, еще страннѣе зашепталъ Проша: — онъ имъ лицо утираетъ.

Дѣйствительно, слесарь вдругъ, словно утомившись своей возней у шкафа, заворотилъ фартукъ и отеръ имъ лобъ...

— Папа, такимъ грязнымъ утираетъ! шепнулъ мальчикъ.

Но папа, словно желая замять эти слова, обратился какимъ-то особенно ласковымъ голосомъ къ слесарю.

— Что вы такъ долго? Да и почему васъ прислали? Тутъ нуженъ взрослый — этотъ замокъ особенный.. Послушайте! вдругъ крикнулъ папа громче, съ легкимъ раздраженіемъ, видя, что слесарь не отвѣчаетъ. — Глухи вы, что ли? вдругъ закричалъ папа совершенно раздраженно и качнулъ ногой.

Слесарь испуганно повернулся и пресѣкающимся голосомъ залепеталъ:

— Глухъ... глухой... оглохъ...

Проша увидѣлъ, что это былъ мальчикъ, только мальчикъ большой, какъ кузенъ Сеня, гимназистъ пятаго класса. Но Прошѣ было непріятно, что на этомъ мальчикѣ сапоги и пальто, очевидно, совсѣмъ большаго человѣка; было очень непріятно и то, что доброе, какъ вообще у мальчиковъ, лицо слесаря было совсѣмъ вымазано чѣмъ-то чернымъ и лоснящимся; были непріятны и эти торчащіе кисточками, какъ будто мокрые, грязные, лохматые волосы; ужасно не понравилось Прошѣ, что они валятся на тихіе дѣтскіе, слегка испуганные, глаза слесаря. Но когда слесарь сталъ отводить эти волосы отъ глазъ совершенно грязной исцарапанной небольшой рукой, Проша даже незамѣтно для папы — онъ почему-то не хотѣлъ показать этого папѣ — отвернулся отъ слесаря.

— Вы что же, отъ рожденія глухи? спросилъ между тѣмъ папа громко, но какъ-то усиленно мягко.

Слесарь услыхалъ; папа, вѣроятно, сказалъ громче и мягче даже, чѣмъ нужно было, потому что слесарь, очевидно, смутился, испугался и едва могъ отвѣтить, судорожно водя грязными согнутыми пальцами по груди. Лицо его точно ослабилось, но это только казалось вслѣдствіе того, что его зубы и глаза особенно блестѣли, рѣзко оттѣненные вымазанными сажей щеками. Когда слесарь говорилъ, торопясь и слегка заикаясь, утирая губы и носъ грязнымъ сальнымъ рука-

вомъ, Прошѣ до того показалось и жалкимъ, и противнымъ, и добрымъ, и какимъ-то гадкимъ его лицо, что, повернувшись, чтобы слушать, онъ снова отвернулся и взялся за цѣпочку папы, дѣлая видъ, что играетъ ею.

— Нѣтъ... не отъ рожденія... такъ оглохъ... Хозяинъ ударилъ по головѣ... торопился объяснить слесарь и вдругъ уже въ самомъ дѣлѣ осклабился и виновато, и радостно, и мазнулъ себя рукавомъ по носу.

— Какъ ударилъ?.. Вы что же — на жалованьѣ или на ученьѣ? участливо спрашивалъ папа.

— Мы на ученьѣ, на ученьѣ... Родители, папенька съ маменькой, отдали... Извѣстно, за харчи, весело кивалъ головой глухой мальчикъ, снова съ оживленіемъ принимаясь за свои отвертки и снова тщетно пытаясь въ своихъ сапогахъ подняться на цыпочки.

— Но какже, зачѣмъ же онъ васъ ударилъ? спрашивалъ папа, гладя Прошу по головѣ.

— А такъ... онъ дерется... ино и стрезва, а ино и спьяна ошарашитъ. Однова вотъ и хватилъ... да такъ этта чортъ угодилъ... я инда въ больницѣ мѣсяцъ провалялся... Такъ въ затылокъ свиснулъ!.. чуть не съ восторгомъ восклицалъ слесарь, пыхтя и отдуваясь надъ замкомъ. — Извѣстно, съ тѣхъ поръ осторожнѣе сталъ. Теперь все больше въ задъ норовитъ...

— Ну, хорошо, хорошо, вдругъ почти сурово остановилъ его папа: — кончайте поскорѣе вашу работу.

Слесарь весь какъ-то съежился, сгорбился и испуганно припалъ къ замку. Папа странно нахмурился, а Проша ужъ давно, несмотря на свое отвращеніе, впившійся глазами въ слесаря, вдругъ смутно-болѣзненно понялъ, что онъ виноватъ въ томъ, что папа нахмурился, а глухой мальчикъ испугался...

— Ну, Проша, смотри же, какъ онъ вынимаетъ бородку... видишь, вонъ запускаетъ отвертку, видишь? между тѣмъ обращалъ его вниманіе на работу слесаря папа.

По голосу папы Прошѣ казалось, что папа какъ-то странно говоритъ, точно сердится на него. Но всего хуже то, что папа вправѣ сердиться: Проша самъ былъ пораженъ отсутствіемъ того интереса къ ремеслу и искусству слесаря, который онъ еще вчера такъ испытывалъ. Ему вдругъ теперь стало все равно, что бы ни дѣлали, какъ бы ни доставали слесаря бородки сломанныхъ ключей, его только тянетъ къ себѣ этотъ гадкій и противный, и въ то же время бѣдный, глухой мальчикъ, котораго били по головѣ.

И зачѣмъ онъ такъ неприлично выражается: задъ!.. Проша даже покраснѣлъ бы, не будь ему теперь все равно. И зачѣмъ его папа позвалъ!

— Да ты, Проша, вовсе не смотришь! между тѣмъ продолжалъ сердиться папа. — Видишь, вотъ онъ и досталъ бородку.

И дѣйствительно, глухой мальчикъ послѣ долгихъ усилій вытащилъ бородку, весь вспотѣвъ. Онъ принялся подбирать свои инструменты.

— Я вижу, вижу, папа, болѣзненно твердилъ Проша, прижимаясь къ колѣнямъ отца.

Но папа всталъ, недовольной рукой отодвинулъ его, воткнулъ ключъ въ освободившееся отверстіе замка и отомкнулъ съ глуховатой музыкой шкафъ. Слесарь, сложивъ инструменты въ свой завороченный грязный фартукъ, смотрѣлъ на папу и вдругъ такъ славно, весело улыбнулся, очевидно, довольный, что не испортилъ замка. Прошѣ какъ-то разомъ стало легко, и онъ невольно радостно воскликнулъ:

— Правда вѣдь, папа, онъ не испортилъ замка?

— Нѣтъ, не испортилъ, небрежно отвѣтилъ папа и подалъ двумя пальцами рублевую бумажку слесарю.

Слесарь неловко ухватилъ ее своими корявыми грязными пальцами и, все еще держа бумажку въ рукѣ, снова мазнулъ себя по носу. Въ лицѣ его не было радости, но умные глаза лукаво блеснули своими оттѣненными сажей бѣлками, точно онъ въ одну минуту дѣловито сообразилъ, куда упот-

ить часть денегъ, которую можно будетъ утаить отъ хо-
яа.

И, хлопотливо засовывая бумажку за пазуху, подъ фар-
ь, и поплотнѣе обтягивая концомъ фартука инструменты,
низко мотнулъ головой въ знакъ прощанія и бойко, не-
юже повезъ свои сапоги по паркету. Когда онъ выхо-
ь въ дверь, кисточки грязныхъ сальныхъ волосъ тряхъ-
ись въ послѣдній разъ въ глазахъ Проши.

Проша и папа смотрѣли вслѣдъ слесарю. Лицо папы
о хмуро; онъ задумчиво и небрежно, играя ключемъ отъ
фа, высокій, стройный, хорошо одѣтый, съ золотой цѣ-
кой на слегка выдавшемся животѣ, смотрѣлъ вслѣдъ глу-
у мальчику. Проша вдругъ показался себѣ такимъ ма-
ькимъ, слабенькимъ передъ папой, почти такимъ же жал-
ь передъ нимъ, какъ этотъ слесарь. И при этомъ ощу-
іи вдругъ овладѣло Прошей такое дружественное чув-
къ глухому грязному мальчику и такое отчужденіе отъ
аго важнаго папы, что Прошѣ захотѣлось уйти изъ ка-
ета. И онъ невольно болѣзненно пожался, когда замѣ-
ь, что папа хочетъ говорить. Дѣйствительно, папа, все
той же позѣ, все также играя ключемъ, сказалъ:

— Много, Проша, такихъ мальчиковъ; и чтобы ихъ было
ь можно меньше, чтобы ихъ не били, чисто одѣвали и
ли грамотѣ, надо такимъ, какъ ты — счастливымъ маль-
амъ, много учиться, а когда выростешь — много учить
ихъ, темныхъ людей. И папа попытался погладить го-
у мальчика.

Но Проша уклонился отъ этой ласки. Онъ не понималъ —
му то, что̀ говоритъ папа, правда; но онъ вѣрилъ, что
правда, и думалъ, что папа, должно быть, ужасно уменъ,
даже онъ, который такъ старается быть умнымъ, еще
мало понимаетъ изъ того, что̀ говоритъ папа...

И вотъ теперь вся эта глубина папинаго ума — еще бо-
чувствовалъ мальчикъ — отчуждала его отъ папы и не-
тно сближала съ слесаремъ. Папа еще что-то говорилъ.

все по прежнему играя ключемъ и задумчиво смотря въ дверь, въ которую вышелъ слесарь. Но Проша не вслушивался; онъ поспѣшилъ выскользнуть изъ кабинета; онъ болѣзненно боялся сознаться себѣ, что теперь, послѣ того какъ онъ видѣлъ слесаря, ему ужасно »скучно« и какъ-то почти стыдно слушать папу.

V

Проша, понуривъ голову, шелъ изъ кабинета въ свою комнату. Онъ шелъ тихими, осторожными шажками: ни прыгать, ни бѣжать ему теперь не хотѣлось. А между тѣмъ онъ, какъ и всѣ дѣти его лѣтъ, любилъ дѣлать все быстро, въ припрыжку. Но теперь онъ шелъ тихо, опустивъ голову и теребя руками свой шелковый кушачекъ.

Вдругъ онъ остановился. Онъ самъ не зналъ — зачѣмъ и почему остановился. Онъ проходилъ черезъ довольно большую залу ихъ квартиры. Онъ остановился, поднялъ голову и сталъ озираться. Онъ, конечно, прекрасно зналъ эту комнату, эти бѣлые съ серебристыми, едва замѣтными цвѣтами обои, эти высокія и узкія зеркала въ орѣховыхъ рѣзныхъ рамахъ, эти изящные легкіе стулья — тоже изъ орѣха, эту блещущую граненымъ стекломъ люстру, наконецъ — аквaріумъ на ножкѣ, покрытой красивыми раковинами и кораллами. Онъ тысячу разъ разсматривалъ эти картины въ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ. Все это ему было очень хорошо знакомо, но онъ невольно остановился и озирался.

Его вдругъ поразила чистота и веселый видъ залы. Точно въ первый разъ видѣлъ онъ эту залу со всей ея скромно-изящной обстановкой. Глаза его съ страннымъ вниманіемъ опустились на паркетъ, на этотъ блестящій съ изящными квадратиками паркетъ, точно онъ въ первый разъ открылъ, что ходитъ въ этомъ домѣ не по землѣ.

Странное чувство какого-то робкаго любопытства къ мелочамъ убранства залы овладѣло имъ. Онъ сталъ медленно,

на цыпочкахъ, ходить по залѣ; онъ цѣлую минуту простоялъ въ углу надъ металлической плевальницей, которая изображала изящно сдѣланную голову медвѣдя, — пасть этой головы раздвигалась, стоило только подавить педаль. Проша осторожно подавилъ педаль и плюнулъ въ раскрывшуюся пасть, хотя ему вовсе не хотѣлось плевать. Мальчикъ словно хотѣлъ убѣдиться, что эта изящная вещица сдѣлана дѣйствительно для плеванья. Затѣмъ онъ обошелъ всѣ подзеркальники, перетрогалъ стоящія на нихъ бездѣлушки, предназначенныя быть пепельницами, спичечницами, папиросницами. Всѣ эти фарфоровыя, малахитовыя, бронзовыя вещи казались ему очень изящными, и онъ осторожно прикасался къ нимъ. Наконецъ онъ провелъ пальчикомъ по волнистой поверхности канделябръ, воспроизводившихъ въ дорогой тяжелой бронзѣ кисти винограда, за которыя цѣплялись купидоны. Проша долго смотрѣлъ на этихъ золотыхъ пузатенькихъ дѣтей, на ихъ голенькія ручки и ножки, и вдругъ также на цыпочкахъ прокрался изъ залы въ гостинную.

Онъ вдругъ сообразилъ, что вѣдь гостинная у нихъ еще лучше, еще »богаче«, чѣмъ зала — недаромъ мама называетъ ее своимъ гнѣздышкомъ. И дѣйствительно, въ мягкомъ полусвѣтѣ, падавшемъ изъ заставленныхъ тропическими цвѣтами и полузавѣшанныхъ штофомъ и кисеей оконъ, эта уютная комната — вся въ темномалиновомъ бархатѣ, со своимъ мягкимъ пушистымъ ковромъ, съ таинственнымъ блескомъ зеркалъ и бронзы, дышала какой-то атмосферой тонко понятой, мягко ласкающей роскоши.

Проша остановился въ дверяхъ; онъ смотрѣлъ въ глубину этой тихой роскошной комнаты, онъ не понималъ ни тонкаго характера этой роскоши, ни даже того, что это — роскошь, и что такое роскошь; но онъ вдругъ понялъ, въ первый разъ задумавшись надъ этимъ, что мама права, называя гостинную гнѣздышкомъ, и что тутъ дѣйствительно очень хорошо.

И ему представилась сама мама, съ ея милымъ лицомъ,

съ ея шиньономъ, шелковыми платьями — такая, какой она принимаетъ въ этой гостинной такихъ же хорошо одѣтыхъ дамъ. Вспомнилось Прошѣ, какъ отъ нихъ пахнетъ духами, какъ онѣ цѣлуютъ его мягкими губками, и его щекъ касаются кружева ихъ воротничковъ, золото ихъ браслетовъ. И какъ папа улыбается, стоя весь въ черномъ, точно помолодѣвшій среди дамъ... А онъ, Проша, переходитъ изъ однихъ нѣжныхъ рукъ въ другія, его цѣлуютъ, цѣлуютъ...

Проша, слегка поблѣднѣвшій, неподвижно стоялъ въ дверяхъ между пустыми залой и гостинной... Онъ долго стоялъ. Недѣтское было у него лицо. И до того онъ ушелъ въ свои еще смутныя, непонятныя ему самому, но захватывающія ощущенія, что даже не вздрогнулъ, услышавъ сзади себя голосъ m-me Cepe. Ему казался такимъ естественнымъ, такъ связаннымъ съ его ощущеніями французскій вопросъ, который она задала.

— Eh bien, Prccha, avez-vous vu le serrurier, c'est qu'on appelle »слесарь«? N'est ce pas?

— Oui, madame, oh, il est si pauvre — un tout pauvre garçon, тихо отозвался Проша, поднимая свое грустное личико къ сухому и кислому, украшенному пенсне, лицу француженки.

— Mais racontez moi, qu'est ce qu'avait il fait? въ сущности было продолжала Cepe, придавая внѣшнее, привычное оживленіе своему вопросу.

По этому оживленію, да, впрочемъ, и безъ этого, Прошѣ было нетрудно понять, что начинается обыкновенная »pratique« французскаго языка, во время которой ему хорошо извѣстно, что madame вовсе не интересуется тѣмъ, о чемъ его спрашиваетъ. Но, занятый своими ощущеніями, Проша на этотъ разъ не только не замѣтилъ тона, но и самаго вопроса. Онъ спросилъ неожиданно для самого себя по русски:

— А мы, madame, вѣдь богаты? да?..

— Mais parl-z français, Prccha! слегка строго отвѣтила гувернантка.

— Sommes nous riches, madame — papa et mama? словно е замѣчая ея строгости, перевелъ мальчикъ. Глазки его транно горѣли, смотря на француженку.

— Oh, oui, votre papa, il gagne beaucoup d'argents, охотно твѣтила наставница, и педантично и самоувѣренно приба- ила, откидывая свою птичью голову назадъ: — Tous messiers es avocats gagnent beaucoup!..

И француженка, случайно встрѣтившая своего воспитан- ика, важно поплыла черезъ гостинную въ свою комнату: ремя рекреаціи отъ занятій съ ней для Проши еще не ми- овало, она же дорожила каждой своей свободной минутой. Проша тоже пошелъ въ дѣтскую, но онъ шелъ все тѣми же ихими шажками, все также опустивъ головку.

VI

Чтобы подняться по лѣстницѣ въ дѣтскую, надо было ройти по коридору мимо буфета, выходившаго на заднее рыльцо. Когда Проша все также тихо шелъ по коридору имо открытой двери въ буфетъ, онъ внезапно снова оста- овился. Но на этотъ разъ онъ совсѣмъ поднялся на цы- очки и безъ малѣйшаго шума притаился за косякомъ двери. Весь вытянувшись, съ горящими глазками, мальчикъ тай- омъ заглядывалъ въ буфетъ. Онъ затаилъ дыханіе, боясь выдать себя имъ, и какъ-то невольно отъ захватившаго духъ вниманія къ тому, что онъ видѣлъ.

Въ буфетѣ, какъ часто у нихъ бывало, не было никого изъ прислуги. Проша зналъ, что папа часто сердится на прислугу за то, что она убѣгаетъ изъ буфета въ кухню. Такъ и на этотъ разъ небольшая комната буфета была пуста. Только на одной изъ деревянныхъ табуретокъ, окру- кавшихъ столъ, обтянутый клеенкой, сгорбившись и словно задремавъ, сидѣлъ мальчикъ-слесарь.

Онъ держалъ на приподнятыхъ колѣняхъ свои инстру- менты и слабо перебиралъ ихъ грязными руками. Лицо его

было сонно, и — странное дѣло! — теперь это совершенно спокойное лицо показалось Прошѣ такимъ простымъ, дѣтскимъ лицомъ, что мальчикъ невольно еще внимательнѣе глядѣлъ изъ-за косяка двери.

»Вѣрно, когда никто на него не смотритъ, онъ лучше...« подумалъ Проша.

Но вдругъ слесарь, должно быть, наскучивъ сидѣть, взялъ со стола, вѣроятно, забытую на немъ веревочку, привязалъ къ ней одну изъ металлическихъ отвертокъ и началъ ее медленно раскачивать, описывая ею круги около громаднаго носка своего сапога. Отвертка, вытянувъ веревочку въ струну, кружилась все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ слилась вокругъ сапога въ мелькающій сплошной кругъ.

Грязный кулачекъ слесаря все двигался и двигался, глаза его заблистали, и на широкихъ губахъ расплылась свѣтлая дѣтская улыбка. Проша, никакъ не ожидавшій, что этотъ глухой, грязный, битый мальчикъ можетъ такъ простодушно отдаться игрѣ, чуть не высунулъ совсѣмъ своей головки изъ-за косяка.

Но вдругъ забава слесаря невольно оборвалась. Почти беззвучно ступая по полу, въ дверь буфета изъ залы медленно вошелъ желтый, почти золотистый, сетеръ папы — Гарунъ. Мягкая волнистая шерсть красиво лоснилась, переливаясь на стройно-гибкомъ тѣлѣ собаки; длинныя уши нѣжно спадали къ шеѣ; бѣлое пространство у розоватыхъ ноздрей придавало что-то мягкое и доброе его тонкой мордѣ. Собака вошла, чуть постукивая когтями по полу, остановилась передъ слесаремъ, подняла морду, обнюхала его и, уставивъ на него свои темные красивые, почти человѣческіе, глаза, лѣниво замахала хвостомъ.

Проша видѣлъ, какъ слесарь, судорожно подобравъ свою игрушку, невольно всталъ съ табуретки и уставился расширеннымъ взглядомъ на собаку. Собака продолжала его обнюхивать, потянулась и, вильнувъ своимъ длинношерстымъ золотистымъ хвостомъ, вытянула голову еще ближе къ сле-

сарю. Проша видѣлъ, что глухой мальчикъ смотрѣлъ теперь на собаку тѣмъ самымъ взглядомъ, полнымъ безпомощнаго испуга, какимъ глядѣлъ на папу Проши, когда папа крикнулъ ему: »оглохъ онъ, что ли?« И вдругъ Прошѣ такъ стало жаль этого мальчика, что онъ не выдержалъ, вышелъ изъ-за двери въ буфетъ съ невольнымъ ободряющимъ восклицаніемъ, громкимъ, какъ только Проша могъ — онъ прекрасно помнилъ, что бѣдный мальчикъ глухъ.

— Не бойтесь, Гарунъ не тронетъ, Гарунъ добрый!

Но появленіе маленькаго барина, казалось, еще болѣе испугало слесаря.

Видя, что безпомощный испуганный взглядъ не исчезаетъ изъ добрыхъ дѣтскихъ глазъ, Проша заволновался и, смотря въ это замаранное сажей, испуганное дѣтское лицо, торопливо, даже словно умоляюще, заговорилъ:

— Да вы, мальчикъ, право, не бойтесь... Гарунъ совсѣмъ добрый... Посмотрите, какая у него шерсть мягкая, посмотрите, какія ушки — вонъ всѣ въ розовыхъ жилкахъ... Я ужасно люблю разсматривать эти жилки.

И Проша, взявъ своими тоненькими бѣленькими пальчиками мягкое и длинное ухо Гаруна, вывернулъ его, обнаруживая подъ его сизоватой, непокрытой волосами, кожей синевато-розовыя жилки. И онъ все смотрѣлъ въ лицо слесаря.

И вдругъ этотъ большой грязный мальчикъ улыбнулся прежней свѣтлой улыбкой и даже неловко потянулъ грязную корявую руку къ спинѣ собаки.

— Погладьте ее, погладьте... ничего! обрадовавшись, восторженно закричалъ Проша.

Слесарь погладилъ и даже усмѣхнулся короткимъ, грубоватымъ, невольно вырвавшимся смѣшкомъ. Проша тоже погладилъ Гаруна. Собака ласково виляла хвостомъ между двумя мальчиками...

— Онъ у насъ умный! восторженно увѣрялъ Проша: — онъ умѣетъ лапу давать... Гарунъ, Гарунъ — лапу!

Гарунъ лѣниво, точно снисходительно, поднялъ лапу; Проша схватилъ ее обѣими маленькими ручками.

— Ишь ты.... ученая! невольно вырвалось у слесаря, и онъ снова неловко погладилъ шелковистую спину Гаруна.

— Да, да, онъ — ученый! онъ и поноску умѣетъ носить! все больше и больше радовался Проша.

— Проша, ты здѣсь?.. А я тебя по цѣлому дому ищу! раздался внезапно сзади него голосъ папы.

У Проши странно защемило сердце — ему ужасно было непріятно, что папа засталъ его въ дружественной сценѣ со слесаремъ. Онъ зналъ, что это не понравится папѣ, зналъ навѣрно — и вдругъ даже какъ-то разсердился на папу. Онъ угрюмо, исподлобья, смотрѣлъ на отца, когда тотъ рѣзко обратился къ испуганному слесарю:

— Вы зачѣмъ, что̀ такое?

— Ѳедоръ Петровичъ говорили, что у ихъ что-то надо поправить... вотъ я и дожидаюсь ихъ... прерывисто лепеталъ слесарь, стараясь поскорѣй и незамѣтнѣй спрятать за пазуху, служившую ему игрушкой, привязанную на веревочку отвертку.

— Какой Ѳедоръ Петровичъ? что̀ такое? спокойнѣе, но— Проша понялъ — еще болѣе сердито спрашивалъ папа.

— А... камардинеръ... лакей-съ вашъ... лепеталъ слесарь.

— А! ну и идите въ кухню, тамъ и ждите... И опять здѣсь никого нѣтъ!.. Ступайте въ кухню — пришлите сюда Ѳедора, вѣроятно онъ тамъ пропадаетъ... Ступайте! сурово приказывалъ папа.

Мальчикъ-слесарь со своимъ безпомощно-испуганнымъ лицомъ поспѣшилъ убраться...

— Пойдемъ, Проша, я досталъ Данта и сейчасъ свободенъ... я тебѣ покажу... пойдемъ, говорилъ все также сурово папа, взявъ Прошу за руку.

Проша тутъ только обратилъ вниманіе на огромную книгу въ красномъ переплетѣ, которую папа держалъ въ рукахъ.

— Еще обокрадетъ этотъ мальчишка!.. какъ будто невольно вырвалось у папы.

Онъ сердито велъ Прошу черезъ залу и гостинную; Проша сердито взглядывалъ на »богато« убранныя комнаты , опять понуривъ голову, спѣшащими, но неохотными ажками плелся за папой.

Одинъ Гарунъ, оставшись въ буфетѣ, въ недоумѣніи вилъ хвостомъ.

VII

— Ну, вотъ видишь ли, милый мой голубчикъ, все еще мурясь, но усиленно ласковымъ голосомъ говорилъ папа Прошѣ, разглаживая бѣлой холеной рукой съ золотымъ кольомъ на указательномъ пальцѣ атласистые листы книги:— идишь ты, Дантъ, этотъ итальянецъ, изобразилъ, какъ будто дъ весь раздѣленъ на круги — на части, въ которыхъ и осажены разные грѣшники. И они терпятъ разныя нака-анія, какъ я уже тебѣ объяснялъ; эти вотъ, напримѣръ, ищемѣры, то есть такіе люди, которые на самомъ дѣлѣ и рѣшники, и дурные люди, а стараются казаться хорошими. идишь, они всѣ въ свинцовыхъ тяжелыхъ рясахъ. При изни они старались казаться праведниками, почти свя-ыми, а святые носили большею частью рясы — вотъ они, акъ бы въ насмѣшку, и закованы въ эти страшно тяже-ыя свинцовыя рясы... видишь?..

Папа говорилъ, все говорилъ и показывалъ рисунки. му какъ будто хотѣлось все больше и больше говорить те-ерь съ Прошей. Онъ какъ будто хотѣлъ, чтобы Проша за-ѣтилъ, какъ онъ много и охотно старается объяснять.

Проша давно слѣдилъ за красивымъ указательнымъ альцемъ папы, розовый, изящно отточенный ноготь котораго кользилъ по роскошнымъ иллюстраціямъ Доре. Передъ Про-ей давно проходили ужасныя сцены терзаній грѣшниковъ, ти массы тѣлъ, скученныхъ, нагроможденныхъ, то потопаю-ихъ въ адскихъ водахъ, то побиваемыхъ крупнымъ дож-емъ адскаго пламени, то обращенныхъ въ фантастическія

уродливыя деревья, то бѣгущихъ съ распоротыми животами, изъ которыхъ вываливаются внутренности. Проша широко раскрывалъ свои глазки, невольно болѣзненно морщился.

Но было видно, что не всецѣло занимали мальчика эти ужасы, облеченные во все изящество колоритнаго фантастическаго рисунка. Онъ молчалъ и, казалось, о чемъ-то думалъ. И потому, что онъ молчалъ, папа понималъ, что съ Прошей что-то неладное. Проша зналъ, что папа понимаетъ это, и только удивлялся, почему папа просто не разсердится на его холодность и неоживленіе. Напротивъ, папа какъ будто старается самъ себѣ показать, что не замѣчаетъ принужденнаго вида Проши...

Только разъ отозвался Проша, когда папа указывалъ на картинку, изображающую человѣка, въ котораго летѣлъ огненный дождь, и сказалъ, что это Чіакко, что по итальянски »чіакко« значитъ свинья, и что этотъ Чіакко наказанъ за то, что много ѣлъ, — мальчикъ вдругъ спросилъ:

— Папа, а онъ былъ богатъ?

Папа удивился.

— Да, вѣроятно, потому, что бѣдному и не на что много ѣсть... отвѣтилъ онъ и, молча посмотрѣвъ на сына, сталъ медленно перелистывать книгу...

И снова передъ глазами Проши стали чередоваться ужасы Дантова ада, снова мелькали искаженныя корчами голыя тѣла, оторванныя руки, отрубленныя головы, бывшія въ рукахъ ихъ же обезглавленныхъ туловищъ. Промелькнули гиганты, которыхъ могучія тѣла изнывали, охваченныя цѣпями, въ каменныхъ колодцахъ; промелькнули головы замороженныхъ заживо во льду, потомъ голодная агонія Уголино съ его дѣтьми и, наконецъ, сатана, грызущій трехъ предателей.

Воображеніе Проши наконецъ разгорѣлось: мальчикъ жадно, съ горящими глазками, слушалъ исторію Уголино.

— Папа, и имъ ничего не давали ѣсть? шепталъ онъ.

— Ничего, голубчикъ... оживленно отвѣтилъ папа, обрадованный интересомъ Проши.

Но въ то время, какъ папа очень оживленно и краснорѣчиво

толковалъ о Вельзевулѣ, объ Іудѣ, Брутѣ и Кассіѣ, которыхъ грызетъ сатана, Проша, снова мало слушая, вдругъ спросилъ:

— А воры-то? воры гдѣ же, папа?..

— Воры?.. удивился папа.

— Да — какъ слесарь! шепнулъ Проша.

Папа нахмурился и захлопнулъ книгу. Странная улыбка бродила по его губамъ, когда онъ говорилъ:

— Онъ, можетъ быть, и честный мальчикъ... Но ему при бѣдности его и безъ тѣхъ, кто бы могъ его учить всему хорошему, нетрудно стать и воромъ... Впрочемъ, если онъ и въ самомъ дѣлѣ воришка, то ему такъ плохо живется, что едва ли его Господь Богъ пошлетъ въ адъ... Не такъ ли, мой добрый мальчикъ?.. я вѣдь замѣтилъ, что онъ смутилъ твою головку? а, Проша? да вѣдь?..

Папа улыбался и ласкалъ Прошу. Проша стоялъ, потупившись, и вдругъ слезы показались у него на глазкахъ... Онъ плакалъ какъ будто отъ обиды: ему казалось, что папа снисходительно смѣется надъ нимъ.

— Ну ступай, поиграй, неожиданно и какъ-то строго выслалъ его папа изъ кабинета.

Проша, тихо глотая слезы, вышелъ. Папа долго стоялъ, задумавшись, потомъ позвонилъ. Вошелъ Ѳедоръ.

— Во-первыхъ, васъ опять не было въ буфетѣ; во-вторыхъ, развѣ не могли вы найти слесаря поприличнѣе — привели какого-то глухаго грязнаго мальчишку... У меня, наконецъ, ребенокъ — нельзя же всякаго съ улицы показывать ему... раздраженно отчеканивалъ папа.

Ѳедоръ слушалъ, покорно склонивъ голову; но когда онъ вышелъ изъ кабинета — ироническая и не весьма почтительная гримаса бродила на бритыхъ губахъ слуги...

Но Ѳедоръ былъ едва ли правъ: папа Проши былъ человѣкъ образованный, по общему признанію, умный, начитанный, — и, вѣроятно, имѣлъ же онъ свои резоны, высказывая приведенную сентенцію лакею...

В. Михеевъ

Луксорскій обелискъ

Сонетъ

Кругомъ шумитъ Парижъ, нарядный и красивый:
Дворцы бѣлѣются волшебною дугой,
И, словно океанъ, то грозный, то игривый,
Межъ ними плещется водоворотъ людской.
Какъ чуждымъ кажется изгнанникъ сиротливый,
Священный обелискъ, въ той суетѣ живой!—
Гдѣ Нилъ, какъ змѣй, влачитъ лѣнивые извивы,
Вкушалъ бы онъ еще среди гробовъ покой!
Онъ помнитъ дни, когда вокругъ него другая
Столица ширилась, прекраснѣй и шумнѣй,
И міръ лежалъ, какъ рабъ, у ногъ ея царей...
И обелискъ груститъ средь новой жизни, зная,
Что пролетятъ вѣка — и будетъ онъ опять
На новой родинѣ среди гробовъ стоять.

Гр. П. Бутурлинъ

АНГЛІЙСКІЯ КАРТИНКИ

Въ парламентѣ

Что за сказочно-величественный видъ на зданія Вестминстера съ ихъ стеклянными и лѣпными узорчатыми стѣнами, кружевными башнями и въ небо стремящимися шпилями. Оригинальнѣе Тоуэра, красивѣе и величественнѣе Вестминстерской площади — положительно въ Лондонѣ нѣтъ ничего. Хотя собственно парламентъ — нестарое зданіе (ему всего около 50 лѣтъ, такъ какъ онъ выстроенъ послѣ пожара 1834 г.), но характеръ и внѣшній видъ его такъ строго согласуются съ общимъ готическимъ стилемъ времени Тюдоровъ, что профану не отличить его отъ уцѣлѣвшихъ древнихъ зданій аббатства, башни Викторіи и церкви св. Маргариты. Съ площади весь корпусъ парламента съ Вестминстеръ-голь и его тремя высочайшими башнями различныхъ формъ представляется покрытымъ темнобронзовымъ кружевомъ — до того тонки его скульптурныя украшенія, и такъ блистаютъ золотой гранью его окна съ разрисованными стеклами. Съ краю налѣво — четыреугольная высочайшая башня св. Стефана съ двухсаженными циферблатами часовъ на каждомъ фасадѣ; средняя уходитъ въ небо островерхимъ куполомъ, но громаднѣй и выше всѣхъ на правомъ концѣ зданія башня Викторіи, такъ названная потому, что черезъ нее входитъ королева въ парламентъ. Въ ней высоты 340 футовъ.

Противъ угла этого новѣйшаго зданія, черезъ улицу, прелестная старинная церковь св. Маргариты; за нею Вестминстерскій храмъ — соборъ, выстроенный въ формѣ креста, но внутреннимъ видомъ гораздо болѣе похожій на музей скульптуры: до того онъ переполненъ памятниками, мавзолеями и статуями болѣе или менѣе великихъ людей. Здѣсь и короли съ королевами, и полководцы, и законодатели, и епископы, и поэты, и художники, и купцы, и славные и безславные смертные, имѣвшіе лишь деньги на сооруженіе богатаго монумента — что составляетъ здѣсь немалую заслугу. Это Пантеонъ скорѣе, нежели храмъ молитвы. Передъ нимъ Парламентскій скверъ, обставленный тоже статуями отшедшихъ великихъ людей... Увидавъ среди нихъ Биконсфильда, мы подумали, что ему, какъ еврею, не нашлось мѣста въ самомъ храмѣ, но ошиблись: онъ и передъ храмомъ стоитъ, весь разукрашенный вѣнками, и въ самомъ храмѣ высится на первомъ мѣстѣ... Впрочемъ, подъ священной сѣнью Westminster-Abbey пріютилось разнокалиберное общество вѣровавшихъ и невѣровавшихъ; нашлось тамъ мѣсто и могилѣ Дарвина, какъ, вѣроятно, нашлось бы помѣщеніе и праху имъ признаннаго праотца его — гориллы, еслибъ онъ уплатилъ за сооруженіе своего мавзолея.

Я нѣсколько разъ посѣтила и зданіе парламента вообще, съ его 1100 комнатами, и обѣ палаты во время преній въ отдѣльности; но впечатлѣніе, вынесенное мною изнутри, далеко не такъ грандіозно, какъ я ожидала по внѣшности. Напротивъ, меня поразила тѣснота, пустота и мизерная отдѣлка большей части покоевъ. Читая отчеты засѣданій, открытія королевой парламентскихъ сессій, мы привыкли представлять себѣ всю обстановку ихъ чѣмъ-то величественнымъ и громаднымъ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы были изумлены, войдя въ залу лордовъ, а тѣмъ болѣе въ залу Нижняго парламента. Онѣ обѣ имѣютъ видъ продолговатыхъ, не очень высокихъ и небольшихъ коробокъ, внутри украшенныхъ рѣзьбой и тѣсно уставленныхъ скамейками. Въ палатѣ лордовъ

еный тронъ далеко не великолѣпенъ; а въ House of mons, несмотря на такое громкое названіе »Дома«, до тѣсно, что въ ней, какъ сельди въ боченкѣ, едва вмѣ-тся 476 представителей изъ числа 658; остальнымъ не-но ли стоять по сѣнцамъ и коридорамъ... Дѣйствительно адна и великолѣпна по отдѣлкѣ одна зала Westminster , сильно попорченая взрывомъ 1884 г. Изъ портала ты св. Стефана двѣ лѣстницы: прямо, вверхъ, чрезъ ную залу со статуями перовъ, въ центральную, восьми-ьную, очень красивую залу, откуда два расписанныхъ рическими картинами коридора ведутъ направо — въ Лордовъ (Peers Lobby), а налѣво — въ Сѣни простыхъ тныхъ (Commons Lobby). Изъ-подъ того же портала св. фана влѣво, внизъ, открывается прекрасная широкая ница въ Westminster Hall, въ которой одной помѣстятся ре такихъ залы, какъ палата лордовъ. Въ ней чудныя , расписанныя историческими картинами, придаютъ ственное цвѣтистое освѣщеніе статуямъ отшедшихъ ко-й и королевъ. Эта зала вначалѣ строена сыномъ Виль-ма Завоевателя: плиты пола ея понынѣ тѣ же восьмисот-ія, много крови и много слезъ пріявшія. Она окончена 1398 г. Ричардомъ II и полна историческихъ воспоми-й. Въ ней держались совѣщанія первыхъ парламентовъ, ершился актъ низложенія ея же строителя, а впослѣд-и всѣ празднества коронованій англійскихъ монарховъ Георга IV включительно. Карлъ I здѣсь выслушалъ свой тный приговоръ, а Кромвель принялъ первыя присяги реклоненія лордовъ, какъ протекторъ. Зато сюда же, ъ восемь лѣтъ, притащили тѣло его изъ Вестминстер-о аббатства, а голова его была водружена на одномъ изъ ныхъ украшеній, на оскорбленія черни, пока не снесъ ѣтеръ тридцать лѣтъ спустя и не подобралъ одинъ изъ ожей, чтобы перепродать черепъ, какъ рѣдкость...

Взрывомъ 1884 г. наружная сторона Вестминстерской до самыхъ сводовъ рѣзнаго потолка изъ дубоваго де-

рева такъ попорчена, что и по сю пору вся въ лѣсахъ, и вслѣдствіе того въ нее посѣтителей, безъ особаго разрѣшенія, не впускаютъ; а проходятъ они чрезъ башню Виктоpіи, королевскую уборную и галлерею, въ Принцевъ покой, гдѣ безъ всякаго къ нимъ, т. е. къ принцамъ, уваженія ведется бойкая торговля фотографіями и альбомами. Онъ примыкаетъ къ залѣ перовъ. Это обычный ходъ субботнихъ посѣтителей, но такимъ путемъ намъ ничего не удалось бы видѣть, потому что, благодаря все тому же взрыву, полицейскіе не позволяютъ никому останавливаться, а только все подгоняютъ: — »Go on, please! Go on!« раздается ежеминутно, — и вы буквально пробѣгаете чрезъ десятокъ покоевъ, отъ Верхней до Нижней палаты, и тутъ же, чрезъ Стивенсъ-Порчъ, едва успѣвъ взглянуть въ сторону на Вестминстеръ-Голль, извергаетесь вонъ, на мостовую двора... Но у насъ были покровители, члены парламента, благодаря которымъ мы побывали всюду и во всѣхъ внутреннихъ покояхъ, куда посѣтителей вообще никогда не пускаютъ,—въ библіотекахъ, обѣденныхъ залахъ, на громадной террасѣ надъ Темзой и во всѣхъ внутреннихъ дворахъ, капеллахъ и галлереяхъ. Не знаю — почему, но внутренніе покои, предназначенные для частнаго удобства членовъ парламента, несравненно лучше и даже больше обѣихъ палатъ.

Въ палату лордовъ мы попали неудачно: засѣданіе было неинтересно, рѣшались мелочныя домашнія дѣла. Перовъ собралось очень мало, и разсуждали они вяло, неохотно, часто позѣвывая, разбросавшись на своихъ красныхъ сафьяновыхъ диванахъ, какъ кому угодно. День, правда, былъ очень жаркій; каждый изъ этихъ владѣльцевъ милліонныхъ состояній гораздо больше помышлялъ о близости разнообразныхъ лѣтнихъ путешествій и спортовъ, ихъ ожидавшихъ, чѣмъ о предлагаемыхъ на обсужденіе неважныхъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе на чужаго человѣка эти санфасонныя манеры, эти полулежачія позы, которыхъ они не оставляютъ, даже процѣживая сквозь зубы свои рѣчи, эти домашніе разноцвѣтные пиджаки

денготы, эти цилиндры или полуцилиндры на головахъ,
ые у нѣкоторыхъ на затылки вслѣдствіе духоты, но
о у кого снятые съ головы, производятъ странное впе-
ѣніе!.. Точно какая нибудь зала клуба съ весьма не-
гимъ уставомъ и разнокалиберной публикой, собравшейся
ь въ бездѣйствіи время въ ожиданіи обѣда; или, еще
ѣй, курзалъ какой нибудь, а не то просто вокзалъ при
зной дорогѣ,— недоставало только женщинъ и дорожныхъ
ковъ для полноты сходства... Замѣчательно, что чѣмъ
ие здѣсь и выше стоитъ человѣкъ, тѣмъ онъ неряшли-
въ своемъ костюмѣ; къ обѣду всѣ подтягиваются и даже
вчуръ величественно смотрятъ во фракахъ и бѣлыхъ гал-
ахъ, но по утрамъ, даже внѣ дома, при отправленіи
ебныхъ обязанностей, чѣмъ человѣкъ важнѣе и богаче,
вѣрнѣе вы можете его видѣть въ поношенномъ ко-
тѣ, котораго низачто не надѣлъ бы джентльменъ съ со-
сомнительнымъ гербомъ и меньшимъ доходомъ.

Леди Джорджина Р., пожилая сестра пэра, доставившаго
билеты въ галлерею дамъ, называла намъ министровъ
еновъ по именамъ и разсказывала шопотомъ біографіи
отличительныя черты нѣкоторыхъ. Ея разсказы меня
ресовали болѣе преній...

— Первый министръ сегодня не въ духѣ, говорила она,
ывая на Салисбюри, расправлявшаго сѣдую бороду и
ившаго брови съ видомъ дѣйствительно недовольнаго
вѣка: — ужъ слишкомъ ему насолили рѣчи home-rul-
въ, Гладстона, сэра Джона Морлея и ихъ соумышлен-
въ, а тутъ еще дѣло Мандевиля и доктора Ридлей по-
ѣло...

Объ этомъ дѣлѣ въ августѣ два года назадъ гремѣли всѣ
ты. Извѣстный ирландскій патріотъ Мандевиль, молодой
овенный атлетъ, просидѣвъ въ Тулламорской тюрьмѣ нѣ-
ько времени, зачахъ и былъ выпущенъ изъ нея лишь
мъ, чтобы скоропостижно умереть. Жена затѣяла про-
ь, обвиняя доктора при тюрьмѣ. Весь Дублинъ кричалъ,

что Мандевиля заморили, чтобы отъ него избавиться; что докторъ дѣйствовалъ по наущенію »правительства«, что виноватъ не онъ, а Спенсеръ (вице-король Ирландіи) и въ особенности его правая рука, секретарь по дѣламъ Ирландіи, Бальфуръ. И вдругъ, къ еще большему скандалу, Ридлей въ одно прекрасное утро оказывается зарѣзаннымъ въ своей постели... Тутъ ужъ націоналисты, а за ними и всѣ либеральныя газеты, подняли невообразимый шумъ, утверждая, что доктора замучила совѣсть; что ему стало невыносимо долѣе исполнять »приказанія свыше« — отправлять на тотъ свѣтъ ирландскихъ патріотовъ, слишкомъ неудобныхъ и опасныхъ правительству; что онъ предпочелъ покончить съ собою, чѣмъ оставаться палачемъ при Тулламорской тюрьмѣ...

— Все это падаетъ больше всего на Бальфура, а вѣдь онъ любимецъ и племянникъ Салисбюри! объясняла намъ либеральная леди Джорджина. — Теперь, вы знаете, въ Олимпіа-Голлѣ *) ирландская выставка, затѣянная въ видахъ »примиренія«. Тамъ продаютъ и цѣлые дни проводятъ самыя большія леди королевства. И вотъ говорятъ, что имъ приходится выслушивать тамъ немало непріятностей, даже дерзостей... особенно леди Спенсеръ и женѣ перваго министра: у нихъ то и дѣло приходятъ справляться — не продаютъ ли онѣ портретовъ Мандевиля? или фотографій зарѣзавшагося Ридлея? или же крепу на трауръ ихъ родственникамъ?.. Непріятно!.. Поневолѣ задумаешься... хотя у насъ и не принято смущаться политическими непріятностями и газетными выходками.

Мы согласились, что точно очень непріятно.

Въ палату вошелъ господинъ въ очень небрежномъ сѣромъ костюмѣ, еще не старый, косая сажень въ плечахъ.

— Поглядите на этого джентльмена, предложила намъ словоохотливая старая дѣвица и назвала вошедшаго: это

*) Огромное зданіе изъ стекла и желѣза, въ родѣ Кристальнаго дворца, только меньшихъ размѣровъ.

оригиналъ, какихъ мало! страшно богатъ! изъѣздилъ весь свѣтъ, только никогда не былъ, со времени дѣтства, въ своемъ родовомъ великолѣпномъ замкѣ, въ 6 часахъ ѣзды отъ Лондона. Между тѣмъ приглашаетъ туда гостить всѣхъ встрѣчныхъ знакомыхъ, говоря, что имъ безъ него будетъ веселѣе, потому что у него сплинъ... а что тамъ у него все равно каждый день столъ на тридцать человѣкъ готовится, и каждый день экипажи высылаются на станцію, въ предположеніи, что къ нему пріѣдутъ гости. Самъ же онъ или пропадаетъ у дикарей въ африканскихъ или австралійскихъ пустыняхъ, или, когда въ Лондонѣ, то проживаетъ въ маленькомъ домѣ, который нарочно выстроилъ. Его ростъ, какъ видите, большой, шесть футовъ!.. Онъ себѣ выстроилъ домикъ въ нѣсколько этажей, но въ каждомъ одна комната величиной въ 12 футовъ во всѣ стороны — вдвое больше его. Въ самой нижней — изъ цѣльнаго бѣлаго мрамора — устроена его гробница, гдѣ онъ завѣщалъ себя похоронить. А домъ этотъ завѣщалъ въ пользованіе своего камердинера и его семьи, которые обязаны сторожить и содержать въ порядкѣ его могилу. Неправда ли, оригиналъ?

Мы и съ этимъ согласились.

При ближайшемъ осмотрѣ Палата лордовъ много выигрываетъ: въ ней прекрасная рѣзьба, очень оригинальная; стекла оконъ всѣ состоятъ изъ разрисованныхъ портретовъ королей и королевъ Англіи, а между окнами, въ нишахъ, статуи 18-ти лордовъ, исторгшихъ у короля Іоанна Великую Хартію — такъ сказать, отцовъ парламента. Стѣны между галлереями и потолокъ покрыты эмблематической рѣзьбой въ деревѣ. Посреди залы, противъ трона и мѣсть возлѣ него для принца-консорта и наслѣдника престола, почти въ срединѣ палаты мягкій низкій диванчикъ, въ родѣ отоманки, изъ подушекъ. Это пресловутый woolsack — »мѣшокъ съ шерстью«, мѣсто лорда-канцлера, который, также какъ и лордъ-майоръ Сити, обязанъ въ парадныхъ случаяхъ возсѣдать на эмблематическомъ подобіи мѣшка или тюка, набитаго шерстью.

Засѣданія Нижней палаты были гораздо интереснѣе. Билеты и туда теперь доставать очень трудно, особенно иностранкамъ; но мы проникли въ галлерею для дамъ незаконнымъ путемъ, явившись за часъ до открытія засѣданія къ дверямъ Westminster-Hall и попросивъ полицейскаго доложить о насъ члену, представителю Б**, такому-то. Имя его послужило намъ ключемъ-путеводителемъ. Въ главномъ порталѣ обѣихъ палатъ онъ самъ къ намъ вышелъ и, такъ какъ слишкомъ рано еще было забираться наверхъ, повелъ насъ на террасу, уставленную диванами и столиками на возвышеніяхъ, откуда необыкновенно красивый видъ на протекающую подъ стѣной ея Темзу, усѣянную судами и пароходами, на Вестминстерскій мостъ съ вѣчной сумятицей экипажей, омнибусовъ и пѣшеходовъ, и на другой берегъ. Здѣсь онъ показывалъ намъ портреты многихъ своихъ сотоварищей, которые вынесъ изъ смежныхъ залъ библіотеки, а потомъ провелъ внутренними дворами и коридорами къ лѣстницѣ въ дамскую галлерею.

Надо сказать правду, я отъ нея ожидала лучшаго!.. Это въ высшей степени неудобная узкая галлерейка въ два яруса, гдѣ съ большимъ трудомъ мѣстятся тяжелые твердые стулья и откуда сзади и съ боковъ ничего не видно. Надо заручиться однимъ изъ пяти-шести мѣстъ впереди, у самой рѣшетки, отдѣляющей галлерею отъ залы засѣданія, чтобы кого нибудь видѣть и что либо слышать. И что это за толстѣйшая частая желѣзная рѣшетка!.. Она способна удержать львовъ, тигровъ и слоновъ отъ нападеній на членовъ палаты, еслибы такіе звѣри задумали низвергнуться на нихъ внизъ, черезъ репортерскую галлерею, на головы министровъ!..

— Зачѣмъ она? спросила я вошедшихъ съ нами дамъ, съ которыми познакомилъ насъ нашъ любезный проводникъ, угощая всѣхъ чаемъ въ смежной ladies room.

Она улыбнулась, пожавъ плечами.

— Вѣроятно, чтобы мы не отвлекали вниманія государственныхъ людей отъ важныхъ вопросовъ, отвѣтила она.

По правую руку у меня оказалась очень разговорчивая сосѣдка, ирландка, ярая патріотка и постоянная посѣтительница всѣхъ преній. Въ промежуткахъ рѣчей она, какъ и леди Джорджина въ Палатѣ лордовъ, знакомила насъ со всѣми и разсказывала много интересныхъ подробностей.

Гладстона мы уже знали, но при входѣ въ залу его остановилъ и долго говорилъ съ нимъ небольшаго роста плотный темноволосый человѣкъ съ открытымъ энергическимъ лицомъ.

— Вотъ это одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и вліятельныхъ патріотовъ нашихъ! указала она мнѣ. — Вы послушайте, какъ онъ будетъ говорить!.. Вотъ онъ пошелъ на скамью оппозиціи, влѣво, и сѣлъ возлѣ О'Бріена и Флина. Эти оба сидѣли тоже въ тюрьмѣ за ирландскія дѣла; но, благодаря небу, оказались посильнѣе бѣднаго Мандевиля или Кеннеди... Вы знаете?.. Кеннеди вѣдь тоже хуже, чѣмъ умеръ: онъ сошелъ съ ума! Нервы его не выдержали всѣхъ этихъ потрясеній и испытаній. Многіе хорошіе люди теперь такъ, низачто погибаютъ въ нашей бѣдной странѣ!.. А ужъ что народъ терпитъ, благодаря такимъ правителямъ, какъ Спенсеръ и Бальфуръ!.. Да, впрочемъ, что говорить, и прежніе были не лучше!.. Ш-т! смотрите!.. вотъ, кажется, входитъ спикеръ.

И точно: было ровно три часа. Зала достаточно наполнилась членами. Гладстонъ сіялъ привѣтливымъ взглядомъ, благодушной улыбкой, а еще болѣе гладкой, какъ бильярдный шаръ, лысой головой, которой кивалъ безпрестанно, въ отвѣтъ на поклоны. Онъ сидѣлъ крайнимъ слѣва, на сторонѣ оппозиціи, какъ разъ напротивъ скамьи министровъ, изъ которыхъ большинство подходили къ нему сами, жали руку и снова возвращались на свою консервативную сторону.

Раздался громкій голосъ: — »Speaker is coming!« Всѣ смолкли, но никто не всталъ и никто не снялъ шляпъ, кромѣ пожелавшихъ ранѣе ихъ сбросить. Противоположныя

двери широко распахнулись, и въ нихъ торжественно вступили четверо лицъ въ маскарадныхъ костюмахъ. Впереди шелъ гладенькій черненькій человѣчекъ на тоненькихъ ножкахъ, затянутыхъ въ чулки и башмаки съ блестящими пряжками и подвязками; въ рукахъ онъ несъ еще сильнѣе блиставшую золотую булаву, которую благоговѣйно возложилъ на столъ передъ кресломъ спикера. Столъ этотъ длинный, покрытъ сукномъ и отягченъ бумагами и книгами въ пергаментныхъ тяжелыхъ переплетахъ. Я вспомнила: эта фигурная золотая булава — это символъ королевскаго присутствія и власти, непремѣнный атрибутъ парламентскихъ засѣданій, — та самая »мэсъ«, которую крамольный Кромвель изгналъ когда-то изъ палаты, сказавъ своимъ клевретамъ: »уберите прочь эту дубину«... Положивъ ее на столъ, носитель мэсы отступилъ и удалился.

За нимъ шелъ самъ »speaker«, то есть предсѣдатель собраній Нижней палаты. Онъ былъ облаченъ въ длинную черную мантію (въ такихъ именно мантіяхъ на провинціальныхъ театрахъ въ былыя времена изображали наши драматурги злодѣевъ), въ высокій бѣлый парикъ, весь въ буляхъ и съ двумя завитыми наушниками, лопастями падавшими ему на плечи. По обѣимъ сторонамъ спикера выступали двѣ фигурки ужъ совсѣмъ смѣшныя — старшіе клерки, по нашему — секретари. На нихъ тоже болтались длинные и широкіе черные каленкоровые костюмы, въ родѣ рясъ, но только съ откидными рукавами. Парички ихъ — бѣленькіе маленькіе, въ завитушкахъ барашкомъ, съ двумя кисточками на затылкѣ — до того были уморительны, что на нихъ непривычному человѣку невозможно было серьезно смотрѣть, особенно когда они слѣзли ухарски на бочокъ, что случилось весьма скоро, благодаря жару и ихъ гладко прилизаннымъ волосамъ.

Спикеръ сѣлъ на кресло и, по обычаю, открылъ засѣданіе молитвой. Онъ просилъ Бога открыть сердца и разумъ присутствовавшихъ къ истинѣ, къ пользѣ и къ неподкуп-

ой справедливости... Во время молитвы всѣ встали, сняли аконецъ шляпы, но почему-то повернулись спинами къ залѣ. Нѣкоторые опустились даже колѣнями на свои скамьи, а оловы опустили въ ладони. Въ особенности правая сто-она — министры и консерваторы — усердно молились. По-омъ многіе понадѣвали опять шляпы, какъ въ циркѣ, разва-лились на скамьяхъ, а большинство во власть облеченныхъ, собенно изъ молодыхъ представителей правительства, даже есьма спокойно попротягивало ноги, задравъ ихъ на столъ пикера, отягченный законами и мэсой — »уважаемымъ сим-оломъ власти«, предъ которымъ всякій входившій членъ читалъ долгомъ преклониться... Видно, торчавшія рядомъ ъ нею подошвы почтительности не мѣшали...

Удивительный народъ! Какъ объяснить такую... болѣе ѣмъ нецеремонность? такую распущенность и въ одеждѣ, и ъ манерахъ рядомъ съ какими-то шутовскими нарядами, статками среднихъ вѣковъ, не имѣющими въ наше время и малѣйшаго смысла?.. Мы, русскіе, удивлялись... но намъ редстояло удивляться еще несравненно больше, когда на-ались пренія, и мы убѣдились, что шумъ и безпорядки, тличающіе бурныя словесныя битвы парижскаго собранія епутатовъ, ничто въ сравненіи съ оскорбленіями, расточае-ыми членами англійскаго парламента представителямъ ласти.

Одинъ длинный плюгавый человѣкъ, очень незначитель-ая и непріятная фигура, съ выдающейся нижней челюстью рѣдкимъ проборомъ на головѣ, подобной щелкушкѣ орѣ-овъ, съ мелкими чертами и сардонической улыбкой отъ ха къ уху, болѣе всѣхъ разваливался и старался достать аблуками до стола, за которымъ писали клерки. Это и ылъ м-ръ Бальфуръ, старшій секретарь по дѣламъ Ирлан-іи. Напротивъ министерской скамьи, наискось, въ перед-ей части залы, влѣво, тоже сидѣла замѣчательная по бе-образію фигура, какъ разъ въ pendant Бальфуру, только ще безобразнѣе, пожалуй, потому что гораздо громаднѣе

его. Я замѣтила его еще во время общей молитвы, къ которой онъ выказывалъ явный протестъ и позой, и сардонической препротивной улыбкой, уподоблявшей его лысую, впередъ выдвинутую на сутулыя плечи, голову — фигурѣ жабы. Я спросила о немъ свою сосѣдку-ирландку.

— Oh! Dont you know? удивилась она моему незнанію:— это очень извѣстный человѣкъ, атеистъ Бродлоу.

Сначала пренія были неособенно оживлены, потому что говорили о разныхъ правительственныхъ мѣрахъ касательно полицейскихъ порядковъ, распоряженій по арміи и флоту и т. п. вопросахъ. Но едва дѣло коснулось Ирландіи — все оживилось, и перекрестный огонь запросовъ, отвѣтовъ, возраженій разгорался сильнѣе и сильнѣе. Видно было, что это наболѣвшая струна, отзывчиво звенѣвшая въ сердцахъ членовъ всѣхъ партій. Бальфура положительно загоняли требованіями отчетовъ по вопіющимъ вопросамъ, прямыми уликами въ такихъ злоупотребленіяхъ, оправдать которыя казалось невозможнымъ. Многіе на скамьяхъ либераловъ говорили красно и рѣзко; но всѣхъ сильнѣе и безпощаднѣе казнилъ правительственныя распоряженія въ Ирландіи Гаррингтонъ. Его глаза, горѣвшіе негодованіемъ, сила его рѣчей, проникнутыхъ убѣжденіемъ въ своемъ правѣ, его энергическіе жесты составляли такую противоположность флегмѣ природныхъ англосаксонцевъ, что сразу было видно, что это говоритъ человѣкъ другой расы, другаго темперамента и стремленій. Такъ сильны и логичны вмѣстѣ съ тѣмъ были его доводы, что, несмотря на возгласы спикера: »Order! order!.. къ порядку!« шумъ одобренія и восклицанія: »Hear! hear! — слушайте!« не умолкали. Волненіе овладѣло даже консерваторами. Многіе на скамьѣ министровъ боялись, казалось, поднять глаза на Бальфура: имъ навѣрное было за него стыдно... А что же самъ онъ?

Вначалѣ онъ сидѣлъ, закинувъ голову, съ вызывающей усмѣшкой на лицѣ, ноги поднявъ еще выше головы, разбросавъ небрежно руки въ самой отчаянно-нахальной позѣ.

отомъ, чѣмъ убѣдительнѣе раздавался голосъ его обвини-
ля, чѣмъ серьезнѣе становились его обвиненія, тѣмъ чаще
здавался натянутый, дребезжащій визгливо, явно насиль-
венный смѣхъ этого »представителя власти«, человѣка,
оторому ввѣрено благополучіе пяти милліоновъ населенія
страдавшагося края, измученнаго нищетой и безпоряд-
ами!« какъ замѣтила, указывая на него со злобой, знако-
ая моя ирландка. Въ самомъ дѣлѣ: ни одного путнаго
лова оправданія!.. Его обвиняли въ превышеніи власти, въ
оупотребленіи административной силой; его уличали въ
одтасовкѣ фактовъ, въ предумышленной лжи, въ созна-
ельныхъ преступленіяхъ. А онъ отдѣлывался смѣшками, да
илился сьострить, придраться къ слову, насмѣшить при-
ауткой... За него вчужѣ было стыдно.

Наконецъ выведенный изъ терпѣнія Гарринтонъ за-
ричалъ на весь парламентъ:

— Стыдитесь (For shame)! Клоунство — не отвѣтъ! Опро-
ергнуть меня достоуважаемый (the right honourable) джентль-
енъ не можетъ: я могу доказать мои показанія хоть на
удѣ его собственными письмами, которыя я сохраняю, какъ
орогіе документы. Итакъ, я еще разъ во всеуслышаніе за-
вляю, что облеченный властью главный секретарь (chief
ecretary) по дѣламъ Ирландіи — обманщикъ и лжецъ (isan
npostor and a liar)! Я вызываю его опровергнуть мои
лова!.. *)

И Гарринтонъ сѣлъ при громѣ одобреній.

Поднялся шумъ, достойный безпардонныхъ засѣданій въ
Palais Bourbon парижской палаты общинъ. Едва удалось
редсѣдателю водворить нѣкоторый порядокъ, заговорилъ
другой либералъ-патріотъ за Ирландію, длинный, какъ жердь,
-ръ Флинъ. Его рѣчи, вѣроятно, всегда саркастическія,
мѣли свойство смѣшить и своихъ, и чужихъ. Онъ прямо
ачалъ съ того, что во всемъ согласенъ со своимъ другомъ

*) Засѣданіе 3 августа 1888 г.

Гаррингтономъ, но находитъ, что нельзя во всемъ обвинять подняньку (the under nurse), не воздавъ по заслугамъ и старшей нянюшкѣ (head-nurse)!.. И посыпались на вицекороля обвиненія въ лѣни, въ потворствѣ, въ слабости, въ мотовствѣ. Зачѣмъ правительству содержать въ Дублинѣ вицекоролевскій дворецъ со всѣмъ его штатомъ, когда онъ тамъ никогда не бываетъ?.. протестовалъ Флинъ. — Кому неизвѣстно, что лордъ Спенсеръ посвятилъ всю свою дѣятельность сниманію съ себя фотографій въ различныхъ костюмахъ, позахъ и обстановкахъ?.. Это очень полезное и пріятное занятіе, нѣтъ спора! Его потомки не будутъ нуждаться въ портретахъ своего доблестнаго дѣда; но зачѣмъ же тратить безумныя деньги на резиденцію, въ которой онъ не нуждается, тогда какъ онъ могъ бы ихъ затратить на прокормленіе нѣсколькихъ тысячъ голодныхъ соотечественниковъ нашихъ, ирландцевъ, и тѣмъ заслужить между нами популярность, въ которой сильно нуждается?!..

Рѣчь Флина была тоже покрыта шумными кликами: »слушайте! слушайте!..« Ну-съ, а пока его слушали, м-ръ Бальфуръ воспользовался минутой и подъ шумокъ—исчезъ!.. Не былъ ли то самый краснорѣчивый отвѣтъ на взводимыя на него обвиненія?..

Частные идіотизмы

Если высшихъ классовъ женщины въ Англіи вообще образованы, то никакъ нельзя сказать того же о представительницахъ средняго общества: такая неразвитость, даже часто положительное невѣжество, встрѣчается развѣ во Франціи; но вѣдь буржуазная Франція за женское образованіе не стоитъ... Въ Лондонѣ мы думали видѣть иное и печально разочаровались. Я ужъ не говорю о понятіяхъ относительно насъ грѣшныхъ — русскихъ и Россіи: тутъ ужъ не только свѣдѣній нѣтъ, но нѣтъ даже самыхъ элементарныхъ знаній, а есть лишь какія-то рогатыя, ни съ чѣмъ

несообразныя, дикія представленія не только въ женщинахъ, но и въ мужчинахъ, превосходно изучившихъ, впрочемъ, бытъ древнихъ — по классикамъ, а современныхъ странъ — изъ дальнихъ путешествій. Но къ намъ, въ Россію, и путешествія впрокъ не идутъ!.. Одинъ туристъ, напр., возвратившійся изъ Россіи, прямо съ кіевскаго празднества крещенія Руси, пресерьезно со мною спорилъ, утверждая, что половина населенія кіевской губерніи и по сію пору была язычники и только нынѣ, на самомъ празднествѣ этомъ, крестилась — и то лишь потому, что ей было предложено или влѣзть въ освященныя воды Днѣпра, или гуртомъ идти въ Сибирь... Тутъ же весьма удивила меня одна дама вопросомъ, ученая дама, разсуждающая съ одинаковой легкостью о Гомерѣ и объ открытіяхъ профессора Крукса.

— Скажите, прошу васъ, обратилась она ко мнѣ: — это тотъ самый Кіевъ, гдѣ падаютъ аэролиты, полные алмазовъ?

Самые яркіе обращики невѣжества, неразвитости, самомнѣнія и лицемѣрія болѣе всего случается встрѣчать, разумѣется, въ многолюдныхъ сборищахъ — на выставкахъ, въ музеяхъ, въ театрахъ; но мнѣ везло на нихъ и въ частныхъ домахъ, въ гостинныхъ членовъ Палаты лордовъ, въ которой одинъ изъ представителей, подчуя насъ отборными персиками своихъ оранжерей, не усумнился сказать мнѣ съ пріятной улыбкой:

— Англичанинъ — вездѣ и всегда англичанинъ! Мы всюду съ собой возимъ свой home, свои обычаи и цивилизацію — и благо намъ и другимъ!

— Но почему же другимъ? спросила я.

— Потому что намъ у другихъ перенимать нечего, а у насъ всѣмъ есть чему поучиться... хотя бы въ отношеніи комфорта...

— Извините! прервали мы и стали наперерывъ доказывать лорду, что именно въ отношеніи комфорта англичанъ мы сильно разочаровались и находимъ, что въ »вар-

варской Россіи« его гораздо больше во многихъ отношеніяхъ и въ особенности въ устройствѣ домовъ семейной жизни.

Нашъ амфитріонъ слушалъ, пріятно улыбаясь, и наконецъ заявилъ, что мы вѣрно шутимъ, такъ какъ всему міру извѣстно, что британцы — вожаки и просвѣтители человѣчества... — Мы стоимъ на высшей точкѣ европейской цивилизаціи, говорилъ онъ: — тогда такъ другія націи, въ особенности націи восточныя, граничащія съ полудикой Азіей (sic!), ужъ въ силу географическихъ и историческихъ условій должны быть ниже насъ!

— О да! вы это блистательно доказываете! невозмутимо подтвердила я.

Но не думаю, чтобы чудовищное самолюбіе позволило ему уразумѣть въ словахъ моихъ иронію, направленную на подобныя заявленія хозяиномъ дома мнѣ, русской женщинѣ.

Въ другой разъ слышали мы такія рѣчи въ академіи художествъ, на очень плохой (въ 1888 г.) выставкѣ картинъ. Изображена на картинѣ англійская леди съ выдающимся подбородкомъ, тонкимъ носомъ и задумчивыми глазами, а возлѣ нея барахтается малютка, тоже совершенно англосаксонскаго типа. Въ каталогѣ значится »Holy mother and Christ«.

— Воля ваша, говоримъ мы: — но зачѣмъ же было называть эту англичанку съ ея хорошенькимъ ребенкомъ — Богородицей?.. съ чего же придавать Спасителю и матери его британскія черты!

— Какъ! отвѣчали намъ. — Но развѣ не натурально самымъ высокимъ образцамъ человѣчества придать и самый совершенный типъ?

Это было такъ наивно, что мы едва не расхохотались. Совершенный типъ! это выдающіеся-то зубы, тонкіе длинные носы и ноги въ поларшина... Excusez du peu!

Чтобы поправить впечатлѣніе дурныхъ картинъ англійскихъ новѣйшихъ художниковъ, прошли изъ академіи за

колько шаговъ, на выставку картинъ идеалиста-худож-
а Доре. И тамъ наткнулись на своеобразную оригиналь-
ъ. Выставка эта совсѣмъ въ другомъ родѣ. Не громад-
испещренныя пестрыми подносами залы, а всего одна
шая комната, со свѣтомъ изъ купола, раздѣленная на
колько отдѣловъ самими картинами и малиновыми дра-
овками. Всего съ дюжину большихъ и малыхъ картинъ,
какихъ!.. Залюбуешься, и отойти нѣтъ силъ. Двѣ-три въ
туральную величину: Христосъ въ багряницѣ; въѣздъ
ста въ Іерусалимъ. Другія тоже все почти на темы изъ
го завѣта, только нѣкоторыя съ примѣсью фантазіи,
ь »Сонъ жены Пилата«, или »Долина слезъ«, или еще
ченики Колизея«. Чудныя, вдохновенныя вещи великаго
жника и великаго поэта! Многіе находятъ въ живописи
много недостатковъ, но на профановъ въ искусствѣ
фантастическіе образы дѣйствуютъ обаятельно. Мы
ли молча, не рѣшаясь оторвать глазъ отъ глубины тем-
коридора, устроеннаго въ родѣ грота, гдѣ выдѣлялась
чественно освѣщенная сцена »Снятія со креста«, —
а сзади насъ раздалось пошлое хихиканіе двухъ дамъ
це болѣе пошлый, оскорбительно-неприличный возгласъ:
Pretty things! Verynice, indeed!..« Это про Христа въ ба-
ницѣ и Христа на крестѣ сказать: »хорошенькія ве-
ы!..« Мнѣ скажутъ, что это могли быть горничныя,
и... нѣтъ! Во-первыхъ, эти дамы имѣли ливрейнаго жо-
и собственный экипажъ, а во-вторыхъ, выставка эта
пулярная, какъ все иностранное, мало посѣщалась во-
е, только избранной публикой, къ которой по наружно-
принадлежали и эти дамы.

Пересмѣшки и хихиканье раздавались, впрочемъ, по по-
другой картины, въ томъ же отдѣленіи, но въ проти-
ложномъ углу и такъ уютно запрятанной, что мы сна-
, пройдя мимо, ея не примѣтили. Это было прелестное
раженіе, въ натуральную величину, нимфы Андромеды,
кованной къ скалѣ, на которую накидывается изъ пу-

чины морское чудовище, драконъ, готовый растерзать ее, если промедлитъ еще Персей, ея спаситель... Кто-то замѣтилъ, что Андромеду устроители выставки такъ безбожно запрятали въ закоулокъ, что Персею ее весьма трудно будетъ разыскать...

— Возможно ли укорять деликатныхъ распорядителей за то, что они соблюдаютъ благопристойность? изумленно-обиженнымъ тономъ замѣтила какая-то высокая важнаго вида дама своимъ спутникамъ, услышавъ замѣчаніе.

— Но развѣ эта Андромеда неприлична? изумлялись между собою мы, иностранцы. — Конечно, она не одѣта въ шлейфъ и турнюръ, но, право, несравненно цѣломудреннѣе многихъ дамъ, ими украшенныхъ на придворныхъ балахъ! Да вѣдь если такъ строго относиться, то на выставкахъ и совсѣмъ бывать нельзя!.. Сколько статуй на итальянской выставкѣ, сколько картинъ въ галлереяхъ, въ академіи, несравненно болѣе зазорныхъ!

— Да, но то — общественныя, общедоступныя выставки, куда ходятъ всѣ! отвѣчали намъ. — Туда надо выбирать свой часъ и свое общество... или бить на то, что васъ въ толпѣ не замѣтятъ. А такого рода выставка — select, для избранныхъ! Здѣсь каждая леди рискуетъ у картины глазъ-на-глазъ встрѣтиться со знакомымъ... Прекрасно сдѣлали, что эту Андромеду припрятали. Какъ вы этого не понимаете?

— Нѣтъ, нѣтъ! я превосходно понимаю васъ! отозвалась моя спутница, русская: — съ холопами, значитъ, можно разсматривать бездарныя неприличія, всевозможныхъ Нанà современной школы, а съ лордами непозволительно полюбоваться даже строго-классическимъ произведеніемъ, подобнымъ этой Андромедѣ?.. Я поняла вашу мысль вполнѣ!

Кстати, заговоривъ о Нанà, вспомнить о творцѣ ея, Зола. Прошлымъ лѣтомъ, когда ему дали орденъ Légion d'honneur, лондонскіе фарисеи-лицемѣры отъ литературы, члены общества нравственныхъ началъ въ беллетристикѣ,

змутились, и мы слышали очень хорошенькое »словцо« по ому поводу. Блюститель нравовъ, англичанинъ, въ одномъ браніи бесѣдовалъ съ французомъ о томъ, какъ это съ ъ стороны опрометчиво давать такой орденъ такому пи-телю:

— Vous avez decoré des insignes d'honneur un homme i l'a toujours foulé aux pieds! сказалъ онъ.

— Mais c'est précisément pour qu'il ne le passe plus! не-змутимо возразилъ французъ.

Другой англичанинъ зато ихъ обоихъ озадачилъ.

— Не смущайтесь этимъ, друзья мои! улыбаясь, замѣ-лъ онъ: — the decoration — is not decorous *), — but if the ench honour list is alphabetical, then, with Zola, they must ve got an end of it. Награда непристойна, но если списки сти французовъ ведутся въ азбучномъ порядкѣ, такъ на ла — они ихъ покончили.

И точно: вѣдь z — послѣдняя буква во французской аз-кѣ, ниже-то ужъ и давать ордена некому!..

У англичанъ и, въ особенности, у всѣхъ поголовно ан-ичанокъ среднихъ круговъ общества и выше, — а чѣмъ ыше, тѣмъ хуже, — влеченье, родъ недуга, къ музыкѣ и пѣ-ю: охота смертная, но участь горькая!.. Всѣ миссъ и всѣ ди поютъ обязательно, но какъ поютъ? Нѣтъ ихъ пѣнію, большинствѣ случаевъ, ни причинъ, ни оправданія, — того онѣ фальшиво визжатъ. Если къ тому же принять вниманіе, что хозяйки считаютъ своей святой обязан-стью непремѣнно упрашивать своихъ гостей пѣть, а тѣ, свою очередь, считаютъ верхомъ неучтивости отказы-ться и предпочитаютъ, — какъ многія заявляли, — подверг-ться лучше насмѣшкамъ, чѣмъ обидѣть хозяйку, то можно бѣ представить, на какую муку осуждены часто гости. И только гости! большинство домовъ обыкновенныхъ смерт-ныхъ, съ помѣщеніями комнатокъ въ десять-двѣнадцать

*) Игра словъ, возможная лишь на англійскомъ языкѣ.

(очень маленькихъ и не болѣе 3—4 въ каждомъ этажѣ), оплачиваемыхъ отъ 1.000 до 2.000 руб., строятся обыкновенно на двѣ квартиры, съ одной общей стѣной внутри; такъ что все происходящее у сосѣдей совершенно слышно, а потому легко вообразить, что нигдѣ такъ, какъ въ Лондонѣ, не вѣрна пословица: »не купи имѣнья, а купи сосѣда!«

Одна знакомая мнѣ дама наняла хорошенькую квартиру, съ большимъ общимъ садомъ, съ отдѣльнымъ цвѣтникомъ, *только* въ три этажа — что̀ большое удобство — за 180 ф. ст. — недорого. Пока жильцы, занимавшіе другую половину дома, были въ отлучкѣ, она была очень довольна; но когда они вернулись, и въ комнатѣ, смежной съ ея рабочимъ кабинетомъ, начали раздаваться по утрамъ отчаянные solfegio, а по вечерамъ еще болѣе ужасные уширздирательные дуэты, — дама пришла въ отчаяніе и чуть не сбѣжала!.. Она была человѣкъ занятой и, на свою бѣду, прекрасная музыкантша, нервно раздражавшаяся малѣйшей фальшью звука. Она совсѣмъ заболѣла. На счастіе пріѣхалъ одинъ молодой ея родственникъ, мальчикъ чрезвычайно находчивый.

— Дорогая тетушка! уѣзжайте въ Ричмондъ, въ Исборнъ, куда хотите, недѣли на двѣ, я берусь за это время очистить ваше сосѣдство отъ этой губительной какофоніи.

Дама уѣхала въ Ричмондъ подышать свѣжимъ воздухомъ, а юноша поселился въ ея комнатѣ, вооружился охотничьимъ шотландскимъ рогомъ и громаднымъ тромбономъ, и какъ только барышня принималась разучивать рулады, онъ начиналъ изучать разнообразные призывы собачьихъ стай въ горахъ Шотландіи; а едва она задумывала по вечерамъ прельщать своихъ поклонниковъ романсами, за стѣной раздавался отчаянный вой тромбона съ акомпанементомъ турецкаго барабана и цимбалъ двоихъ товарищей, спеціально съ этой цѣлью приглашенныхъ. Жильцы и рвали, и метали, обращались къ хозяину дома и къ констеблю, — но никто имъ не могъ помочь, ибо въ своихъ квартирахъ каждый граж-

данинъ воленъ изучать музыку — на роялѣ, тромбонѣ, барабанѣ или всякомъ другомъ инструментѣ — ad libitum. Любительница кошачьихъ концертовъ должна была перейти на другую квартиру, и на счастіе ея сосѣдки, вернувшейся изъ Ричмонда, ее заняли спокойные жильцы, не имѣвшіе пагубной страсти раздирать уши другимъ квартирантамъ.

Правы нѣмцы, смѣясь надъ претензіей англичанъ устроить національную оперу. Гдѣ ихъ музыка? Кто когда либо слышалъ британскій самостоятельный мотивъ, недостойный быть пѣтымъ развѣ на похоронахъ кота, — какъ ихъ безконечно-монотонныя баллады, единственный родъ національной мелодіи, которую разъ довольно прослушать, чтобы сердечно пожелать никогда не слышать болѣе. А ужъ ихъ попытки на произведенія въ современномъ духѣ, ихъ романсы — это такая тяжеловѣсная дисгармонія!.. Они неудобоваримы по меньшей мѣрѣ настолько же, какъ и ихъ plum-pudding'и — эти мѣсива изъ оконной замазки съ изюмомъ и саломъ. И не только по мелодіи своей англійскіе романсы неудобоваримы, но въ большей части и по неуклюжему содержанію. Въ 1888 г. въ большой модѣ былъ премиленькій романсикъ, съ сатирической подкладкой: »A black eye«; но если по названію вы заключите, что имъ воспѣвался »черный глазокъ« прелестной дѣвицы, то ошибаетесь: все дѣло состоитъ въ подбитомъ глазѣ, въ синякѣ подъ глазомъ, который тоже называется black eye... Неправда ли, граціозная тема для романса?

В. Желиховская

Начало общественной и частной жизни въ столицѣ

Историческій очеркъ

II

Простая жизнь въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Елизаветы. — Возрастающая роскошь въ послѣдующіе годы царствованія этой императрицы. — Общественная нравственность. — Печальное положеніе столичнаго духовенства. — Свадебные и похоронные обряды. — Кулачные бои; бани, фонари и другія улучшенія въ городѣ. — Дворцы, площади и мостовыя. — Дешевая жизнь при Екатеринѣ II. — Цѣны на жизненные припасы. — Мода, кредитъ. — Конецъ старой роскоши. — Павловскіе строгіе порядки.

Въ кратковременное управленіе Россіею Анны Леопольдовны, принцессы брауншвейгъ-люнебургской, въ жизни столицы не было замѣтно никакихъ перемѣнъ. Петербургъ зажилъ новою веселою жизнью съ воцареніемъ дочери Петра Великаго, Елизаветы. Въ полночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. къ Елизаветѣ явились лейбъ-медикъ Лестокъ, графы Воронцовы и братья Шуваловы и сказали, что вся Россія единодушно желаетъ видѣть ее на прародительскомъ престолѣ, какъ законную наслѣдницу. Анна Леопольдовна съ семействомъ была арестована. Въ эту темную и морозную ночь улицы Петербурга, особенно ближайшія къ дворцу Елизаветы (на Царицыномъ лугу, гдѣ теперь казармы л.-гв. Павловскаго полка), уже полны были народомъ; невдалекѣ отъ дворца на разныхъ пунктахъ стояли подъ ружьемъ полки гвардіи; всюду горѣли огни; разгулъ и попойка шли въ казармахъ и по всей столицы. Утромъ на колокольнѣ Петропавловскаго собора начался торжественный благовѣстъ; собору вторили всѣ церкви столицы. Съ семи часовъ утра до вечерняго благовѣста чинилась присяга. Члены коллегій, канцелярій, конторъ, комиссій приносили присягу въ церкви государыни, приказные же и про-

ie, ниже ихъ, служители — въ Петропавловскомъ соборѣ. Обы-
атели столицы, изъ людей нечиновныхъ, исполняли клятву въ
риходскихъ церквахъ. Присягавшіе расписывались на листахъ,
оторые послѣ поступали въ сенатъ и затѣмъ были публично
ожжены на Васильевскомъ Островѣ, передъ зданіемъ 12 кол-
егій. Присягали всѣ, начиная съ 12-тилѣтняго возраста; только
ашенные крестьяне были освобождены отъ присяги.

Въ это же время были приняты мѣры для истребленія въ
ародѣ самой памяти о двухъ предшествовавшихъ правленіяхъ:
Бирона и принцессы Анны Леопольдовны. При указѣ были ра-
осланы по церквамъ „со изъятіемъ извѣстныхъ персонъ“ вновь
апечатанныя табели о высокоторжественныхъ и викторіаль-
ыхъ дняхъ, а разосланныя при Аннѣ Леопольдовнѣ всѣ ото-
раны и отосланы въ сенатъ.

При Елизаветѣ въ Петербургѣ стало входить въ высшемъ
бществѣ свѣтское европейское образованіе. При дворѣ вошелъ
ъ обыкновеніе французскій языкъ, и стали модными драмати-
ескія представленія. Императрица въ 11 час. вечера отправля-
ась въ театръ, и съ нею вся знать должна была быть въ театрѣ;
сли кто изъ придворныхъ не былъ, съ того брали 50 рублей
трафа. При ней дано разрѣшеніе частнымъ лицамъ устраи-
ать вечера съ музыкой.

Страсть Елизаветы къ нарядамъ и одѣванью выразилась
аже въ указахъ. Золото и серебро не приказано было носить
икому, кромѣ военныхъ. Сукно тоже носили по рангамъ. Го-
ударыня любила видѣть своихъ подданныхъ въ новыхъ плать-
хъ; противъ ношенія старыхъ платьевъ при дворѣ принята
ыла мѣра: на фалды старыхъ платьевъ накладывалась печать.
Въ 1742 г. вышелъ указъ ѣздить въ маскарады въ хорошихъ
латьяхъ, а не въ гнусныхъ — тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и ко-
ошникахъ; нечиновнымъ было запрещено носить шелковую
одкладку, и только первые пять классовъ могли носить кру-
кева.

Знать приглашалась имѣть побольше лакеевъ: 1-й и 2-й
лассы — отъ 8 до 12, по 2—4 скорохода, по пажу и по 2
гера. Даже лица 4-го класса должны были имѣть по 4 лакея
кареты. Изъ желанія угодить императрицѣ, дворянство разо-
ялось, тратясь на пышные выѣзды. О зеркальной каретѣ и

мундирѣ гофмаршала С. К. Нарышкина на свадьбѣ Петра III долго говорили въ Петербургѣ.

Елизавета иногда одѣвалась въ мужское платье и любила являться въ маскарады въ такомъ нарядѣ; она любила и другихъ рядить въ платья не по роду: такъ, государыня сама наряжала кадета Бекетова въ женское платье, одѣвала актера Дмитревскаго и убирала головы своихъ фрейлинъ, выходившихъ замужъ, въ собственные брилліанты.

Елизавета, по проекту откупщиковъ Ворожейкина и Курчанинова, повелѣла указомъ сенату, чтобы, кромѣ священно- и церковно-служителей и крестьянъ, никто русскаго платья и бородъ не носилъ. И когда, въ 1756 г., открыты были для публики по четвергамъ и воскресеньямъ придворные сады, то было наказано, чтобы въ нихъ не пускать матросовъ, ливрейныхъ господскихъ лакеевъ и „подлаго народа“, также и тѣхъ, у кого волосы были неубраны или платки на шеѣ, кто былъ въ сапогахъ и сѣрыхъ кафтанахъ; было приказано также не пускать купцовъ съ бородами, и женщинъ въ русскомъ платьѣ и въ чепчикахъ „отнюдь не допущать“.

Въ первые мѣсяцы царствованія Елизаветы жители Петербурга были въ большомъ страхѣ: лейбъ-кампанцы дѣлали всякіе безпорядки и таскались по питейнымъ домамъ, каждый день допивались допьяна и валялись на улицахъ въ грязи; входили въ домы самыхъ знатныхъ господъ, требовали денегъ съ угрозами и брали самовольно все, что имъ приходилось по нраву. Не было средствъ къ усмиренію такихъ людей, которые во всю свою жизнь укрощаемы были только палками и не могли скоро привыкнуть къ снисходительному обращенію.

Съ воцареніемъ Елизаветы пала нѣмецкая партія при дворѣ. Остерманъ и Минихъ были сосланы, и въ первое время между солдатами ходили толки о томъ, чтобы перебить всѣхъ нѣмцевъ. „Мы, иностранцы, — пишетъ Пецольдъ, — находимся здѣсь постоянно между страхомъ и надеждой. Со стороны солдатъ, съ каждымъ днемъ становящихся своевольнѣе, слышны только угрозы, и мы обязаны одному провидѣнію, что до сихъ поръ ихъ злыя намѣренія еще не приведены въ исполненіе“. Нѣсколько разъ ненависть къ нѣмцамъ и буйство солдатъ доходили до кровавыхъ сценъ, грозившихъ принять большіе раз-

мѣры. Двѣ изъ нихъ рисуетъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ. На пасхѣ 1742 г. гвардеецъ подрался на улицѣ съ гренадеромъ изъ полевыхъ полковъ, стоявшихъ тогда въ Петербургѣ; проходившій офицеръ-нѣмецъ оттолкнулъ гвардейца; тотъ кликнулъ товарищей, и офицеръ едва могъ спастись отъ нихъ въ домъ, гдѣ находились иностранные офицеры. Гвардейцы, выломавъ ворота и двери, ворвались въ домъ; неуспѣвшіе спастись черезъ крышу были избиты до полусмерти. Безъ сильныхъ мѣръ буйства не кончились бы въ столицѣ. Фельдмаршалъ Ласси поставилъ по всѣмъ улицамъ караулы изъ армейскихъ полковъ и разсылалъ дозоры днемъ и ночью. Петербургъ, впрочемъ, въ то время былъ небезопасенъ еще отъ воровъ и разбойниковъ, и для прекращенія разбоевъ правительство принимало мѣры; кто повѣритъ, что въ то время еще существовали по Невскому проспекту гвардейскіе пикеты для ловли воровъ? Указомъ въ Петербургѣ запрещалось по ночамъ пропускать къ рогаткамъ черный народъ болѣе трехъ человѣкъ — изъ опасенія, какъ сказано въ указѣ, безпорядковъ и грабительствъ.

Нельзя и требовать мягкости нравовъ тамъ, гдѣ съ нѣжной юности учителемъ была одна только палка. Училища того времени скорѣе портили, чѣмъ воспитывали молодое поколѣніе. Вотъ какъ описываетъ современникъ этой эпохи, артиллеріи майоръ Даниловъ, артиллерійскую школу въ Петербургѣ, гдѣ въ то время обучались князья и дворяне: „Великій тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Съ начала вступленія учениковъ было для показанія одной ариѳметики изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ — волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабуева. Онъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ въ третій разъ подъ арестомъ, былъ человѣкъ хотя знающій, разбиравшій Магницкаго печатную ариѳметику, и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству“. У этого штыкъ-юнкера было учениковъ до 700 человѣкъ. Вотъ одинъ анекдотъ, приведенный Даниловымъ: „онъ увидалъ какой-то рисунокъ у одного изъ учениковъ, по фамиліи Жеребцова, схватилъ ученика и повалилъ на полъ, велѣлъ рисунокъ

положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, пока рисунокъ розгами разстегали весь на спинѣ".

Грубость нравовъ въ елизаветинскую эпоху еще мало была смягчена образованіемъ. Даже такіе передовые люди, какъ Ломоносовъ и Сумароковъ, еще рѣзко хранили слѣды стараго быта. Какъ странно звучатъ въ устахъ Ломоносова пѣсни греческаго лирика Анакреона; въ своей сферѣ этотъ благородный боецъ образованія былъ только за химическими опытами и за математическими выкладками. Изъ разсказовъ его современниковъ всѣ знаютъ его страшную физическую силу, его слабость къ вину и его грубыя, иногда циническія, перебранки съ литературными врагами. Ломоносовъ — интеллигентный представитель той жестокой по нраву эпохи.

Дворъ, походившій въ прежнія царствованія на нѣмецкіе владѣтельные дворы, въ царствованіе Елизаветы сдѣлался французскимъ; французскій языкъ, французскія моды, французскій образъ жизни съ его лоскомъ и пустотою сдѣлались господствующими. Придворные агенты не успѣвали выписывать изъ-за границы дорогія матеріи и другіе предметы роскоши. Роскошь двора росла не по днямъ, а по часамъ; за дворомъ слѣдовали вельможи, а за ними тянулись и горожане. Каждый чиновный и нечиновный дворянинъ тянулся изъ послѣдняго, разорялъ своихъ крестьянъ, грабилъ, бралъ взятки по службѣ и расточалъ награбленное.

При дворѣ были спектакли, маскарады, метаморфозы; на послѣднихъ, какъ мы уже говорили, женщины рядились мужчинами, а мужчины — женщинами. Дома вельможъ подражали двору и блистали празднествами. Въ столицѣ завелось множество игорныхъ домовъ и такихъ мѣстъ, гдѣ прельщали гостей заѣзжія иностранки. На Вознесенскомъ проспектѣ скоро сталъ популяренъ открытый домъ, извѣстный подъ именемъ Дрезденши. Петербургская молодежь и знать почти каждый день наполняли ея великолѣпныя комнаты. Кутежи пошли настолько открыто, что назначена была комисія для развѣдыванія всѣхъ дѣлъ этой авантюристки дурнаго тона. Въ концѣ концовъ Дрезденша была арестована и оговорила на допросѣ всѣхъ, кто посѣщалъ ее. Полиція прелестницъ Дрезденши отправила на Прядильный дворъ, къ Калинкину мосту, и забрала даже женъ,

которыя ѣзжали къ ней выбирать себѣ на время мужей по нраву.

Общественная нравственность въ елизаветинское время стояла весьма низко. Почти поголовное пьянство и невѣжество составляли отличительныя и характеристическія черты тогдашняго общества въ столицѣ. Русское духовенство было тоже невѣжественно, и среди повальнаго невѣжества уменъ былъ тотъ, кто умѣлъ читать и писать; среди пьяныхъ тотъ былъ умнѣе, кто меньше пьянъ, больше владѣетъ разсудкомъ. Такими-то, болѣе образованными и менѣе пьяными, и были въ то время священники.

Къ русскому духовенству того времени вполнѣ приложимы слова Посошкова: „нынѣ таковыхъ пресвитеровъ много, что не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣры, и не досягоста, но есть и таковые, что церковныя службы како прямо отправити не знаютъ. Видѣлъ я пресвитера, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ; что же можетъ рещи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ она основана, не знаетъ". Жилъ священникъ въ Петербургѣ незатѣйливо: домъ его, обнесенный заборомъ, небольшой, убогій, деревянный, низенькій. Въ первой комнаткѣ у священника, въ переднемъ—иначе святомъ — углу, стоялъ кіотъ съ однимъ или нѣсколькими образами; тутъ же можно было видѣть одну или нѣсколько просфоръ, хлѣбецъ отъ всенощной ближайшаго двунадесятаго праздника, кусочекъ артоса, вербу засушенную, иногда вѣтку палестинской смоковницы и т. п. У кіота стоялъ всегда налой, на немъ евангеліе, — впрочемъ, гораздо чаще служебная псалтырь или житіе святыхъ. На стѣнѣ, ближе къ выходу, находилась полка съ книгами: тамъ лежало нѣсколько духовныхъ книгъ, книжка проповѣдей. Священники того времени своего знанія далеко не простирали; случались между ними и такіе, что были безграмотны, а только знали уставъ. Слѣдующія комнаты предназначались для семьи и кухни.

Тяжело было жить священнику въ то время: за требы онъ получалъ отъ бѣднаго гроши и копѣйки, а отъ богатаго гривну, пять алтынъ. За всю зиму иной приходскій священникъ едва набиралъ три рубля. Послѣ молебновъ священника подчивали

виномъ, пивомъ, отчего временно онъ „бывалъ неуменъ“ (арх. спб. консист. 1743 г., № 2.326); иной богатый баричъ, напоивъ священника нѣсколько разъ, доносилъ на него, что священникъ находится въ пребезмѣрномъ пьянствѣ, и слишкомъ уступчиваго іерея въ консисторіи наказывали плетьми. Не пить — значитъ не принимать участія въ семейной радости, обидѣть хозяина и опять таки попасть подъ доносъ и — чего добраго — плети.

Ночью священника приглашали на каторжный дворъ, или въ казематы тайной канцеляріи. Предъ нимъ несчастный, умирающій отъ пытокъ; онъ хочетъ облегчить свою душу, сердце, ожесточенное несправедливостями; умирающій ждетъ слова утѣшенія, слова сочувствія,— но берегись духовникъ: въ казематахъ и у стѣнъ есть уши, которыя тайну покаянія предсмертнаго не сочтутъ священною, и за нѣсколько словъ сочувственныхъ, невѣрно понятыхъ, іерей завтра можетъ самъ сѣсть на мѣсто своего духовнаго сына и испытать всѣ ужасы застѣнковъ. Случалось и такъ, что утѣшаемый страдалецъ, оправившись, подъ новыми пытками оговоритъ его. Берегись, духовникъ! Только у купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ священникъ могъ чувствовать себя относительно свободнымъ и искренно исполнять свои обязанности.

Церкви въ то время въ Петербургѣ не отличались благолѣпіемъ. Были и такія, что̀ обращали вниманіе своими западными нововведеніями. Князь Я. П. Шаховскій разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „Случилось мнѣ ввечеру быть во дворцѣ, и ея величество, увидя меня и подозвавъ, изволила мнѣ съ неудовольствіемъ говорить: „чего де синодъ смотритъ? Я де была вчерась на новоосвященіи сдѣланной при полку конной гвардіи церкви, въ которой де на иконостасѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по приличности, и надлежало быть живоизображеннымъ ангелам, поставлены рѣзные, на подобіе купидоновъ, болваны, чего де наша церковь не дозволяетъ“.

Когда въ церкви отправлялось богослуженіе, то стѣны увѣшивались вершковыми иконами; передъ каждой иконой горѣла свѣча, передъ иною — двѣ-три. Иконы были покрыты копотью; приносили ихъ большею частью прихожане и ставили, гдѣ кому вздумалось; каждое воскресенье, каждый праздникъ жгли передъ ними свѣчи, отъ этого духота въ церкви была невообразимая

(этотъ обычай сохранялся еще недавно въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по близости къ Петербургу). Сторожа въ церквахъ накладывали въ кадильницы много ладону, иногда поддѣльнаго, съ примѣсью воска, и тогда къ духотѣ примѣшивался угаръ. Чтеніе и пѣніе на клиросѣ священниковъ и причетниковъ было, при ихъ безграмотности, безтолковое; пѣніе напоминало „нѣкій неустроенный инструментъ или стадо разнородныхъ животныхъ“ (см. ист. стат. свѣд. спб. епархіи, стр. 100). Когда на „хвалитехъ“ священникъ отправлялся по церкви кадить, его правая рука была занята кадильницею, лѣвая протянута къ публикѣ; священникъ кадилъ иконамъ и народу, а лѣвую руку подносилъ каждому; добрые прихожане сыпали туда посильные вклады — кто денежку, кто копѣйку, а кто и цѣлый пятакъ; рука наполнялась, быстро опускалась въ карманъ и опять, опорожненная, была къ услугамъ жертвователей. Болтинъ *) говоритъ, что Елизавета запретила нюхать табакъ въ церкви; въ придворной церкви за этимъ приказано было смотрѣть лакеямъ: имъ дозволялось, если они у кого увидятъ въ рукахъ табакерку, взять ее себѣ, какой бы цѣны она ни была. Проповѣдей въ приходскихъ церквахъ не было: говорили проповѣди въ Петропавловскомъ соборѣ и въ придворной церкви, въ другихъ церквахъ священники довольствовались чтеніемъ слова Іоанна Златоуста: оно было безопаснѣе — не засудятъ.

Въ числѣ обязанностей духовенства того времени, какъ домовладѣльцевъ, была обязанность ходить къ рогаткамъ на караулы, являться съ опредѣленнымъ инструментомъ на пожары. Богатые петербургскіе домовладѣльцы для этой обязанности посылали слугъ, бѣдные отправляли ее сами; у священниковъ, какъ у незажиточныхъ людей, слугъ не было.

Самымъ замѣчательнымъ по величинѣ, великолѣпію и значенію для столицы былъ Петропавловскій соборъ. Въ немъ совершались торжественныя служенія, заупокойныя литургіи объ усопшихъ членахъ императорской фамиліи. Въ особенно торжественные дни сюда, по повѣсткамъ или объявленіямъ со стороны ключарей собора, собиралось все высшее духовенство Петербурга. Императрица сама часто присутствовала при такихъ

*) См. примѣч. къ Лекхерку I. 476, 507.

служеніяхъ. Отсюда выдавались мощи для освященія новыхъ церквей. Зато другія церкви столицы не отличались такою обстановкою, какъ описанный соборъ. Такъ, первый въ петровское время Троицкій соборъ представлялъ собою тѣсную убогую деревянную церковь; Исаакіевскій соборъ, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь памятникъ Петру Великому, хотя былъ каменный и довольно помѣстительный, крытый бѣлымъ желѣзомъ и мѣдью, но считался ненадежнымъ и рѣдко посѣщался народомъ, потому что отъ осадки грунта образовались въ его стѣнахъ трещины.

Изъ соборовъ важное значеніе имѣла церковь Рождества Пресвятыя Богородицы на Невскомъ проспектѣ; она была небольшая, каменная; ее часто посѣщала императрица, и здѣсь же совершались торжественныя богослуженія, когда, по случаю буи или ледохода, сообщеніе съ Петропавловскою крѣпостью становилось затруднительнымъ.

У церкви Вознесенія было расположено кладбище; такое же кладбище было и у церкви св. Екатерины; близъ Екатерингофа. Большое кладбище было и въ Ямской, у деревянной церкви св. Іоанна Предтечи. Возлѣ послѣдней церкви бывала ярмарка, и особенно торжественно праздновался здѣсь семикъ, на которомъ ходили хороводы крестьянскихъ дѣвушекъ; на праздникъ этотъ нерѣдко пріѣзжала и сама императрица.

Елизавета вскорѣ приказала уничтожить существовавшія въ чертѣ города кладбища. Разъ, проѣзжая въ Екатерингофъ, государыня обратила на тамошнее кладбище особенное вниманіе. Дѣйствительно, картина его была непривлекательна: памятниковъ на кладбищѣ не было; кое-гдѣ разбросано было нѣсколько каменныхъ плитъ, мало замѣтныхъ для проѣзжаго мимо кладбища. Могилы обозначались только небольшими земляными насыпями и простыми деревянными крестами. Кресты большею частью стояли полусгнившіе, полуразрушенные, насыпи на свѣжихъ могилахъ проваливались; хоронили тогда неглубоко. Елизавета приказала: насыпать землю выше, чтобы отъ того духу происходить не могло, а впредь погребать мертвыя тѣла въ Ямской, на Охтѣ и на Выборгской Сторонѣ.

Погребеніе богатыхъ и знатныхъ людей въ то время отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Въ богатыхъ домахъ

всѣ парадныя комнаты, лѣстница и прихожая одѣвались чернымъ сукномъ; такимъ же сукномъ обивались экипажи, покрывались лошади, и одѣвалась прислуга дома. При погребеніи военныхъ всѣ полки были въ траурѣ: барабаны, шпаги офицеровъ покрывались крепомъ. Погребальная процессія шла, сопутствуемая факельщиками. Когда гробъ опускали въ землю, производилась пушечная и ружейная пальба. По окончаніи церемоніи присутствовавшіе при погребеніи приглашались къ погребальному столу, и потомъ каждый получалъ на память золотое кольцо. Впрочемъ, такія погребальныя церемоніи существовали недолго: Елизавета отмѣнила ихъ указомъ, запретивъ даже носить траурную ливрею послѣ дня погребенія.

Бѣдныхъ въ Петербургѣ погребали очень просто: придетъ къ умершему священникъ съ причетникомъ, покадитъ, отслужитъ литію, дастъ на кладбище письмо (т. е. свидѣтельство) и отправляется домой, а покойника несутъ на кладбище его близкіе. На такой относъ покойниковъ безъ священниковъ на кладбище въ елизаветинское время было обращено вниманіе и приказано было: „отнынѣ умершихъ тѣла, а особенно бѣдныхъ и подлыхъ, кои жительство имѣли въ приходахъ ихъ, для погребенія въ указныя мѣста, изъ дворовъ выношены и провожаемы были по церковному чиноположенію ими, священнослужителями, неотмѣнно“. Такіе проводы усопшихъ приказано было дѣлать безплатно.

М. Пыляевъ

Окончаніе будетъ

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА ЗАКОНОВЪ

I

Въ отношеніи правильнаго примѣненія закона и охраны правъ — самымъ естественнымъ условіемъ представляется широкое распространеніе свѣдѣній о самомъ законѣ, возможность легко и всѣмъ его усвоивать, имѣть подъ руками и непосредственно руководствоваться. У насъ это всегда и понимали.

Еще Петръ Великій въ регламентѣ духовныя коллегіи 25 января 1721 г., предполагая составленіе трехъ „книжицъ", въ которыхъ были бы изложены законы собственно церковные и церковно-гражданскіе, выразилъ именно: „а хотя оныя книжицы будутъ числомъ три, обаче могутъ во одной небольшой вси три вмѣститися, чтобъ малымъ иждивеніемъ могли быть купованы, и не токмо въ церквахъ, но и въ домѣхъ всякого охотника безъ труда употребляемы" (Полное собраніе постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія, т. I. № самое, но гораздо ярче и по отношенію уже ко всему законодательству, выразила Екатерина Великая въ своемъ знаменитомъ наказѣ законодательной комисіи 1767 г.: „уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну покупать можно было по подобіе букваря". Это представлялось ей положительно необходимымъ для установленія общей закономѣрной свободы, для того чтобы „одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а всѣ боялись бы однихъ законовъ" (п. п. с. з., № 12949). Въ средствѣ своемъ та же мысль обнаружилась и во всѣхъ существующихъ и послѣдующихъ стремленіяхъ русской законодательной власти, когда она давала и „судебники" 1497 и 1550 г., и уложеніе 1649 г., и всѣ послѣдующіе памятники законодательной и кодификаціонной дѣятельности, т. е. дѣятельности, направленной къ собиранію и приведенію въ порядокъ и къ систематическому усовершенствованію законода-

тва. Весьма ярко выразилась та же мысль и въ кодификаціонной дѣятельности безсмертнаго Сперанскаго. „Сводъ законовъ“ былъ составленъ не только въ видахъ облегченія служащимъ руководствоваться закономъ, но также и въ видахъ облегченія усвоенія законовъ всѣмъ желающимъ, всѣмъ „охотникамъ“. Все содержаніе „свода“ располагалось въ извѣстной научной системѣ, такъ чтобы легко могло быть излагаемо въ учебникахъ для общаго преподаванія.

Такимъ образомъ вообще мы обладаемъ весьма полными источниками для изученія отечественнаго законодательства, и у насъ значительно облегчена возможность непосредственно руководствоваться его постановленіями. Въ 1833 году, при Сперанскомъ, у насъ явилось и до сихъ поръ продолжается изданіе, въ которомъ собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ всѣ законы, начиная съ уложенія 1649 г.; въ упомянутомъ сводѣ законовъ только дѣйствовавшіе по 1831 г. законы были расположены въ научной системѣ, по отдѣламъ права или предметамъ, но безъ всякаго ихъ измѣненія или усовершенствованія, — что̀ дѣлалось послѣ, хотя въ направленіяхъ частныхъ, съ доведеніемъ одной только первой части тома пятнадцатаго, именно свода законовъ уголовныхъ, въ 1845 году, до той ступени, на которой послѣдній сдѣлался уложеніемъ или кодексомъ (впрочемъ, по признанію самихъ редакторовъ, только „своднымъ усовершенствованнымъ“). Это изданія книгъ законовъ. Для такого изданія и разработки законовъ существуетъ цѣлое обширное учрежденіе — кодификаціонный отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ или бывшее второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. При этомъ всѣ книги законовъ продаются по цѣнѣ однихъ издержекъ печатанія.

Однако мысль Екатерины и Петра далеко не получила еще своего полнаго осуществленія. Законы далеко не стали еще общедоступными, и далеко не облегчена еще возможность для всѣхъ ими легко и непосредственно руководствоваться. Книги законовъ не сдѣлались еще „весьма употребительными“, и нѣтъ одной книги, которая содержала бы въ себѣ *всѣ* законы.

Собственно общеруководственная книга законовъ не только при Екатеринѣ Великой, но и гораздо раньше, не могла уподобиться букварю — ни по цѣнѣ, ни по объему. Уже на первыхъ ступеняхъ развитія государственнаго законодательства оно пріобрѣтаетъ значительные размѣры. Затѣмъ оно постепенно увеличивается, и его сокровища начинаютъ считаться сотнями томовъ. Такимъ образомъ наше законодательство только съ 1659 г. по 1886 годъ занимаетъ 166 томовъ или 174 большихъ книги трехъ полныхъ собраній законовъ; сводъ же только общихъ дѣйствующихъ законовъ, не считая мѣстныхъ, состав-

ляетъ съ судебными уставами 16 большихъ томовъ. А при т
кихъ условіяхъ официально выпускавшіеся и выпущенные, н
примѣръ, въ 1888 году томы и части свода, предназначавшіеся д
возможно широкаго распространенія, являются „книжищами" д
вольно значительныхъ размѣровъ и не особенно дешевыми по цѣн

Все же весьма многое можетъ быть сдѣлано для возможно по
наго удовлетворенія потребности, которая всегда ставилась очен
высоко и никогда не подвергалась ни малѣйшимъ сомнѣніямъ

II

Обнародованіе законовъ, т. е. первоначальное ихъ сообщен
во всеобщее свѣдѣніе, объявленіе во всеобщую извѣстность —
всегда и вездѣ принадлежитъ государственной власти.

Дѣло составленія руководственныхъ книгъ законовъ, т. е
изданіе книгъ законовъ — также есть прежде всего обязанност
государственной власти, ибо охраненіе и установленіе порядк
въ странѣ есть именно ея назначеніе; успѣхи же кодификаці
обезпечиваютъ ей выполненіе подобнаго назначенія.

Но руководственныя книги законовъ необходимы въ такой
большой мѣрѣ, что вездѣ государственная власть широко пр
доставляетъ и частнымъ лицамъ содѣйствовать ей въ состав
леніи упомянутыхъ книгъ въ наилучшемъ исполненіи этог
важнѣйшаго дѣла.

Въ этихъ видахъ и у насъ дозволено всѣмъ безъ особаг
разрѣшенія перепечатываніе всѣхъ законовъ, когда они уж
обнародованы — естественно не прежде. И частная предпріим
чивость, въ союзѣ съ наукою, оказала большія услуги страв
въ данномъ отношеніи прежде, когда не было ни полнаго со
бранія законовъ, ни свода законовъ. Частная предпріимчивост
не перестаетъ оказывать эти услуги и понынѣ. Выходъ новыхъ
изданій государственной типографіи не только не прекращает
выпуска лучшихъ частныхъ руководствъ, но, наоборотъ, вызы
ваетъ еще усиленный выпускъ послѣднихъ. Составители спѣ
шатъ согласовать и дополнить свои труды по новымъ официаль
нымъ изданіямъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за изданіями 188
и 1887 гг., появились „уложеніе" и „уставъ о наказаніяхъ"
Таганцева, „законы гражданскіе" Боровиковскаго, „уставъ тор
говый" Носенко и т. д.

III

Въ высшей степени замѣчательное явленіе въ этомъ отно
шеніи представляетъ собою вышедшая недавно семнадцатымъ
изданіемъ французская книга законовъ „*Codes* français et lois

elles, decrets, ordonnances et avis du conseil d'état qui les pletent ou les modifient, conformes aux textes officiels, avec conference des articles basée principalement sur la jurisprue, annotés des arrêts de la cour de cassation et des circues ministerielles et suivis des textes de l'ancien droit, mis en port avec les articles de chaque code". Книга эта первонаьно составлена г. Ривьеръ, при содѣйствіи гг. Поля Понъ nt) и Фостена Эли (уже умершаго). Лица эти, занимающія шія должности, но въ данномъ отношеніи только какъ частныя лица, блестяще выполнили, составленіемъ и изданіемъ поной книги, важнѣйшую государственную задачу. Можно сказать, что въ области французскаго права и кодификаціи частное изданіе это составляетъ осуществленіе мечтательныхъ предположеній Петра великаго и Екатерины великой.

Дѣйствительно, изданіе это изумительно во многихъ отношеніяхъ: оно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ — и внутреннимъ, и внѣшнимъ. Это и превосходное практическое руководство, и необходимое пособіе для начинающихъ заниматься научной разработкою права, способное до нѣкоторой степени заменить нѣсколько десятковъ томовъ. Требованія практики и науки соединены здѣсь замѣчательно удачно. Большей общедоступности невозможно требовать.

Въ книгѣ этой, изданной въ 32-ую долю листа, заключаются прежде всего: 1) законы конституціонные и органическіе; 2) гражданскій кодексъ; 3) кодексъ гражданскаго судопроизводства; 4) торговый кодексъ; 5) кодексъ уголовнаго судопроизводства; 6) уголовный кодексъ; 7) законы о печати. 8) кодексъ новыхъ законовъ; 9) затѣмъ, цѣлую третью часть книги составляетъ „дополненіе" ко всѣмъ частямъ законодательства. Значеніе этого обширнаго отдѣла опредѣляется тѣмъ, что не только французское право расположено и обработано въ порядкѣ какъ бы нашего свода законовъ, по его отраслямъ и предметамъ. Затѣмъ, хотя — къ большому преимуществу передъ нами — которыя части французскаго законодательства усовершенствованы даже до степени кодексовъ или уложеній, преимущественно къ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но и кодексы подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ, значительно дополнены и должны разсматриваться въ связи съ послѣдующими, относящимися къ нимъ, постановленіями. Постановленія эти большею частью и помѣщены въ „Дополненіи". Затѣмъ, здѣсь собраны и всѣ тѣ постановленія, которыя официально не проботаны ни въ сводъ, ни въ кодексъ. Тутъ они расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ древнѣйшій законъ, которымъ начинается „дополненіе", относится къ 1607 году; новѣйшій же законъ, которымъ „дополненіе" оканчивается

послѣднемъ изданіи 1889 года, относится къ 24 іюля 18

По отношенію къ закону важнѣйшими моментами предста
ляются: 1) *время его утвержденія* установленною властью, т.
время приданія извѣстнымъ предположеніямъ силы закона, пр
чемъ самый законъ для краткости называется послѣ имен
по числу и году его утвержденія; 2) *время обнародованія*, т.
отпечатанія въ официальномъ изданіи, послѣ чего, по мѣрѣ д
веденія до общаго свѣдѣнія и пріобрѣтенія всеобщей извѣстн
сти, законъ долженъ исполняться всѣми и каждымъ, получае
обязательную силу.

Въ книгѣ этой означены по отношенію ко всѣмъ законам
и время утвержденія, или — нынѣ — собственно принятія сен
томъ и палатою депутатовъ, и время обнародованія. Этимъ и
слѣднимъ настоящее изданіе получаетъ большое преимущест
передъ нашими официальными изданіями книгъ законовъ,
которыхъ время обнародованія не обозначается.

Итакъ, въ „Codes français et lois usuelles" собрано все фр
цузское право, почти все, въ особенности дѣйствующее. Весь
рѣдки ссылки въ настоящемъ изданіи на изданіе большихъ р
мѣровъ, въ восьмую долю листа, принадлежащее тѣмъ же
ставителямъ. Опущены только слишкомъ спеціальныя постан
ленія, необходимость въ которыхъ является сравнительно рѣд

Но всѣмъ этимъ сказано о книгѣ далеко еще не все. О
не составляетъ простаго собранія законовъ. Это не перепечат
только официальнаго текста. Изданіе это — есть трудъ, осн
ванный на началахъ юридической науки, строго гармоничес
цѣлое.

Каждая статья каждаго кодекса согласована со всѣми др
гими статьями кодексовъ и съ законами тутъ же, путе
ссылокъ и указаній. Статья гражданскаго кодекса, напр.,
стоитъ особнякомъ, но показана въ ея научной и практическ
связи съ относящимися къ ней другими постановленіями то
же кодекса, а также съ постановленіями судопроизводстве
ными, уголовными, съ постановленіями торговаго права и п
все разнообразное и богатое содержаніе книги, такимъ обр
зомъ, связано, соединено, согласовано. Это составляетъ какъ
научный теоретическій анализъ законоположеній. Въ „дополн
ніи" всѣ законы предыдущіе также согласованы съ послѣду
щими, снабжены надлежащими ссылками.

Но издатели идутъ дальше. Не только для науки, но и д
практики необходимо изложеніе законодательства въ его ист
рическомъ развитіи. Для лучшаго пониманія извѣстнаго зак
ноположенія нужно раскрыть путь, которымъ оно постепен
преемственно создавалось, образовывалось.

Въ указанныхъ видахъ подъ каждою статьею нашего „свода законовъ" помѣщены такъ называемыя *цитаты*, т. е. ссылки на тѣ подлинныя узаконенія, на которыхъ она основывается; при этомъ, впрочемъ, очень часто совсѣмъ упускаются тѣ узаконенія, которыя имѣютъ уже одно историческое значеніе. Опредѣленной системы вполнѣ здѣсь вообще не наблюдается. Указываемыя же въ цитатахъ узаконенія можно найти въ полномъ собраніи законовъ, въ соотвѣтствующихъ томахъ, подъ соотвѣтствующими числами.

Въ разсматриваемой французской книгѣ та же цѣль историческаго изученія и пониманія законовъ достигнута съ особымъ успѣхомъ и полнотою. Составители ея съ замѣчательнымъ искусствомъ выполнили столь важную сторону дѣла. Здѣсь, слѣдъ за каждымъ кодексомъ, помѣщены и самыя древнія узаконенія, въ подлинникахъ, съ сохраненіемъ даже стариннаго французскаго правописанія; подъ каждою статьею почти сдѣланы ссылки на это древнее право, тутъ же непосредственно и отыскиваемое, для уразумѣнія нынѣ дѣйствующаго постановленія какъ въ видахъ практическаго его примѣненія, такъ и въ цѣляхъ научной разработки права. А такъ какъ гражданскій кодексъ основанъ, напр., на многихъ обычаяхъ, то опять таки тутъ же — въ textes de l'ancien droit — помѣщены и самые эти обычаи; во всей полнотѣ указана также связь статей кодексовъ съ послѣдующими измѣненіями въ законодательствѣ.

Къ сожалѣнію, только наименѣе разработаны въ историческомъ отношеніи законы конституціонные и органическіе. Но вообще, можно сказать, издатели даже слишкомъ облегчили трудъ учащагося: здѣсь все у него подъ руками. Изслѣдователь же долженъ пройти самостоятельную школу непосредственнаго знакомства съ источниками, долженъ рыться самъ въ кучахъ сыраго матеріала; только это и даетъ ему необходимую выдержку, развиваетъ пріемы и свойства научной разработки права. Такимъ образомъ блестящая разработка римскаго права совпала съ тѣмъ временемъ, когда съ великимъ трудомъ приходилось отыскивать и возстановлять самые источники римскаго права.

Но настоящая книга еще полнѣе и дороже для практики. Важное значеніе разъясненій кассаціоннаго суда и министерскихъ циркуляровъ получило здѣсь то значеніе, что въ книгѣ сдѣланы не только многочисленныя ссылки, но и приведены въ извлеченіяхъ многія разъясненія и циркуляры.

Наконецъ двумя превосходно составленными таблицами окончательно облегчается возможность разбираться въ столь богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ, связанномъ во всѣхъ частяхъ строгою научною системою. Въ одной таблицѣ указаны

относящіяся къ тому или другому предмету постановленія въ алфавитномъ порядкѣ, другая даетъ алфавитъ къ кодексамъ и „дополненію“.

Удивительны объемъ и цѣна книги при столь богатомъ и разнообразномъ содержаніи: длина книги около 2¹/₂ вершковъ, ширина — немного болѣе и толщина — немного менѣе 1¹/₂ верш., печать, конечно, очень мелкая, но замѣчательно четкая и чистая; бумага тоненькая; книга вполнѣ удобоносима — съ полнымъ удобствомъ можно класть ее въ карманъ. Затѣмъ, въ переплетѣ, при высокомъ курсѣ, доставленная въ Петербургъ и продаваемая, конечно, здѣсь съ обычнымъ большимъ барышомъ, стоитъ она всего 4 рубля, т. е., вѣроятно, во Франціи 6—7 франковъ.

Оцѣнка, сдѣланная этому труду публикою, и значеніе, имъ пріобрѣтенное, достаточно выражаются тѣмъ, что оно выходитъ *семнадцатымъ* изданіемъ.

IV

Итакъ, дѣйствительно, въ видѣ настоящаго частнаго изданія, французы имѣютъ то, о чемъ мечтали для Россіи Петръ и Екатерина великіе: систематическій сборникъ *всѣхъ* законовъ, который можетъ быть купленъ... „малымъ иждивеніемъ“... „наподобіе букваря“...

Необходимость же для насъ въ такомъ изданіи значительно возросла и стала шире. Запросъ въ обществѣ и народѣ на юридическія свѣдѣнія и руководства чрезвычайно ярко сказывается, между прочимъ, въ широкомъ распространеніи, которое пріобрѣтаютъ теперь правительственныя изданія книгъ законовъ, въ предъявленіи неизвѣстныхъ дотолѣ требованій на юридическія изданія всѣмъ книжнымъ магазинамъ, въ образованіи въ Петербургѣ вмѣсто одного спеціальнаго юридическаго книжнаго магазина двухъ новыхъ магазиновъ съ еще болѣе рѣзко и общедоступно очерченною спеціальностью, — такъ называемыхъ „юридическими“. Существуетъ и много другихъ признаковъ того же явленія.

Но имѣющіяся у насъ изданія книгъ законовъ не могутъ удовлетворить потребности, столь осязательно ощущаемой. Возможно ли же у насъ изданіе, подобное французскому? вполнѣ, хотя книга выйдетъ больше по объему, вслѣдствіе недостаточной разработки и казуистическаго характера нашего законодательства. Составить такую книгу у насъ даже легче, чѣмъ во Франціи, ибо у насъ почти все общее право соединено въ сводъ и всѣ источники подлинныхъ законовъ находятся въ полномъ порядкѣ. Всякаго рода согласованія, ссылки, цитаты, указанія

не представляютъ у насъ никакихъ затрудненій; превосходный же образецъ передъ нами. Вообще, составить такое изданіе вполнѣ доступно силамъ какъ частныхъ лицъ, такъ въ особенности кодификаціоннаго учрежденія.

Но такъ какъ въ дѣловыхъ бумагахъ ссылки должны быть дѣлаемы у насъ на официальныя изданія книгъ законовъ, въ массѣ же народа особенно легко могутъ расходиться именно правительственныя изданія, то желательно весьма, чтобы дѣло это взяло на себя именно правительство. Это тѣмъ болѣе желательно и даже необходимо потому, что въ теперешнемъ сводѣ законовъ, съ 1857 г. издававшемся вновь только отдѣльными томами и частями, притомъ въ разное время, сдѣлалось крайне трудно разбираться...

Н. Дружининъ

ГРОЗА

Налетѣла гроза, пролилася дождемъ.
Облака разбросала въ лазури,
И зеленыя рощи и воздухъ кругомъ
Освѣжила дыханіемъ бури;
Разбудила полей неподвижную тишь,
Разразилась гремящимъ ударомъ,
Прошумѣла водой, взволновала камышъ,
Опаленный полуденнымъ жаромъ,
И промчалась... И снова горитъ
И сверкаетъ палящее солнце,
И сквозь тучи лазурь голубая глядитъ,
Какъ въ раскрытыя вѣтромъ оконца.
И волнуется тихо заплаканный садъ,
И струятся въ лицо ароматы,
А за рощей зеленой, смолкая, гремятъ
Вдалекѣ громовые раскаты...

Л. Аѳанасьевъ

ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ

РОМАНЪ ПОЛЯ БУРЖЕ

II

Продолженіе

Маленькій зародышъ любопытства, заброшенный въ нее
началa именемъ Казаля, пришелъ, если можно такъ выра-
иться, въ броженіе въ ея грезахъ. Все послѣполуденное
ремя, въ машинальномъ движеніи среди поѣздокъ туда и
юда, она предавалась мыслямъ о немъ, созерцая безъ вся-
ой осторожности образы, летавшіе вокругъ этого имени.
И вотъ предъ нею явилась мадамъ де-Корсьё, какою она
идѣла ее во время ея разрыва съ Казалемъ, разстроенная,
адумчивая и измѣнившаяся до неузнаваемости. Въ каж-
омъ женскомъ сердцѣ есть нѣкоторое количество интереса
ъ пользу человѣка, способнаго возбудить къ себѣ такую
юбовь. Этотъ мрачный интересъ нѣкогда волновалъ мадамъ
е-Тильеръ, которая вспомнила теперь, что она чувствовала
езконечную жалость къ оставленной женщинѣ и съ тѣхъ
оръ спрашивала себя: »Что можетъ заключаться въ этомъ
еловѣкѣ, что она такъ привязалась къ нему даже до опо-
оренія себя самой?..« Кромѣ того, для возбужденія въ ма-
амъ де-Тильеръ этого страннаго любопытства, Казаль об-
адалъ тою силою обольщенія, которою дѣйствуютъ при-
нанные развратники на многихъ честныхъ женщинъ. А
Кюльета, взявъ любовника ради моральныхъ причинъ, умѣла
охранить въ себѣ всѣ деликатныя свойства честной женщины
аже при фальшивости положенія, которое, впрочемъ, и она, и
Іуайянъ считали какъ бы супружествомъ. Это очарованіе,
казываемое донъ-Жуанами надъ Эльвирами, — если можно

такъ выразиться, вспоминая безсмертный символъ, данный Мольеромъ, — было отмѣчаемо часто и столько же часто оплакиваемо. Оно до сихъ поръ остается неразрѣшимою загадкой. Нѣкоторые видятъ въ немъ женскій pendant къ мужскому безумію, которое одинъ юмористъ-мизантропъ назвалъ *редемпторизмомъ* — желаніемъ *искупить* куртизанокъ посредствомъ любви. Другіе находятъ въ немъ простое тщеславіе. Внушая къ себѣ обожаніе какому нибудь развратнику, не гордится ли честная женщина тѣмъ, что она одержала побѣду надъ безчисленными соперницами и надъ женщинами, которыхъ ея добродѣтель дѣлаетъ ей ненавистными? Можетъ быть, мы отгадаемъ слово этой загадки, допустивъ существованіе какъ бы закона пресыщенія сердца. Мы обладаемъ только ограниченною способностью воспринимать впечатлѣнія извѣстнаго порядка. Какъ только эта способность удовлетворена вполнѣ, мы уже не въ состояніи принимать тожественныя впечатлѣнія, и въ насъ является непреодолимая потребность во впечатлѣніяхъ противоположныхъ. Одинъ маленькій фактъ подтверждаетъ эту гипотезу: честныя женщины начинаютъ чувствовать эту привлекательность развратника только около тридцатилѣтняго возраста и когда добродѣтельная жизнь ужъ дала имъ всѣ, нѣсколько суровыя, радости, какія она заключаетъ въ себѣ. Мадамъ до-Тильеръ, въ то время когда она пріѣхала въ Парижъ тотчасъ послѣ войны, молодою вдовой, исполненная скорби и гордости, безъ сомнѣнія почувствовала бы безусловную антипатію къ личности Казаля, которая теперь занимала ее все больше и больше съ каждой минутой. Среди всѣхъ блужданій ея мысли въ ней, по выраженію, пущенному въ ходъ Бейлемъ, *кристаллизировалось* влеченіе къ этому человѣку, съ которымъ она готовилась провести вечеръ. Она считала себя искреннею, отвѣчала на смѣло поставленный самой себѣ вопросъ »почему« слѣдующимъ образомъ: »Мнѣ любопытно познакомиться съ человѣкомъ, съ которымъ такъ носится Габріэль, несмотря на его репутацію, вотъ и все«... И для оправданія себя въ томъ, что̀ — какъ она чувствовала вопреки всѣмъ доводамъ — было нѣсколько предосудительно въ ея тайномъ влеченіи къ этой встрѣчѣ, она прибавила: »это — вѣчная исторія запрещеннаго плода«. Но это влеченіе оставалось незамѣтнымъ для самаго тонкаго наблюдателя, когда она выходила изъ своего экипажа на дворѣ

отеля Кандалей, до того спокойно и явственно она сказала кучеру: »въ одиннадцать безъ четверти«... и до такой степени ея загадочное лицо выражало невозмутимое чистосердечіе при ея входѣ въ залу, гдѣ уже находились въ сборѣ всѣ гости. И когда ей представили того, для котораго въ сущности она приняла это приглашеніе, она, повидимому, едва обратила на него вниманіе. Съ своей стороны Казаль поклонился ей съ такимъ же равнодушіемъ, такъ что Габріэль, слѣдившая за тѣмъ и другимъ и видя холодность своей подруги, опасалась, не подѣйствовало ли на нее поученіе де-Пуайяна. Она подошла къ Жюльетѣ и тихо спросила ее:

— Ну, какъ ты его находишь?

— Но, возразила де-Тильеръ, улыбаясь: — я не нахожу его... Это красивый молодой человѣкъ, какихъ много.

— Я говорила тебѣ, что онъ не въ твоемъ вкусѣ, — сказала мадамъ де-Кандаль. — Предупреждаю тебя, что я посажу его за столъ возлѣ тебя. Если это тебѣ не нравится, то есть еще время перемѣнить.

— Къ чему? возразила Жюльета, граціозно кивнувъ головой.

Габріэль не настаивала. Во всякомъ случаѣ, этотъ избытокъ равнодушія вовсе не показался ей натуральнымъ и не безъ основанія. Двѣ женщины были очень дружны между собою. Но дружба между женщинами и дружба между мужчинами отличаются одна отъ другой тѣмъ, что эта послѣдняя не могла бы существовать безъ абсолютнаго довѣрія, между тѣмъ какъ первая обходится безъ него. Женщина никогда не вѣритъ вполнѣ тому, что говоритъ ей ея подруга, и это постоянное взаимное подозрѣніе не препятствуетъ имъ нѣжно любить одна другую. На самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ мадамъ де-Тильеръ вернулась въ свѣтъ, ни одинъ человѣкъ не производилъ на нее впечатлѣнія, которое по внезапности своего дѣйствія могло бы сравниться съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее съ перваго взгляда бывшимъ любовникомъ мадамъ де-Корсьё. Напряженное ожиданіе, такъ сказать, натянуло всѣ струны ея души, и она была подготовлена къ тому, чтобы съ необычайною живостью почувствовать или непріятность разочарованія, или удовольствіе встрѣчи съ существомъ, достойнымъ ея любопытства. А Казаль даже и безъ помощи этой предварительной ра-

боты ея ума имѣлъ въ своей наружности нѣчто способное сильно поразить нѣсколько романтическое воображеніе.

Этотъ молодой человѣкъ вполнѣ олицетворялъ собою загадочный контрастъ между своею репутаціею и своею личностью, на которомъ мадамъ де-Кандаль настаивала до того, что вскружила голову Жюльетѣ. Онъ нисколько не былъ »красивымъ молодымъ человѣкомъ, какихъ много«, о которомъ де-Тильеръ говорила съ притворнымъ пренебреженіемъ, и столько же мало походилъ на тотъ непріятный образъ, который сохранился въ ея памяти съ тѣхъ поръ, какъ она когда-то видѣла его облокотившимся на бархатную балюстраду ложи съ выраженіемъ какого-то угрюмаго нахальства. Для всѣхъ физіономій существуетъ возрастъ, апогея, единственная пора, когда онѣ находятся въ полномъ цвѣтѣ своей выразительности. Для нѣкоторыхъ людей, мускулистыхъ и желчныхъ, какимъ былъ Казаль, эта пора совпадаетъ съ приходомъ второй молодости. Казаль имѣлъ тридцать семь лѣтъ отъ роду. Жизнь удовольствій, истощающая лимфатиковъ, разслабляющая сангвиниковъ и разстраивающая организмъ нервныхъ людей, эта непомѣрная и многократная усталость дня и ночи какъ бы облагородила и одухотворила его. Она напечатлѣлась на его лицѣ слѣдами, вызывающими на размышленія, признаками, заставляющими подозрѣвать затаенную, благородную меланхолію. Цвѣтъ его лица имѣлъ тотъ характеръ, котораго нельзя пріобрѣсти, — это была яркая однообразная блѣдность, которой не можетъ повредить ни сумасбродство ночей, проведенныхъ за картами, ни дни охоты на рѣжущемъ лицо воздухѣ. Коротко остриженные и еще очень черные волосы подымались надъ его квадратнымъ лбомъ, раздѣленнымъ на двѣ части линіею воли и расширявшимся около висковъ. Казалось, на этомъ лбѣ лежалъ отпечатокъ задумчивости, точно также какъ морщинки его вѣкъ выражали печаль, а зрачки свѣтлозеленаго цвѣта, переходившаго въ сѣрый, показывали тонкую проницательность. Прямой носъ и крѣпкій подбородокъ довершали энергію этой нѣсколько помятой физіономіи, гдѣ чувственность рта скрывалась надъ свѣтло-каштановыми, почти бѣлокурыми усами. Казаль воспользовался предлогомъ путешествія въ Индію, чтобы измѣнить свою прическу и сбрить бороду, въ которой показывалось уже нѣсколько серебристыхъ нитей. На его щекахъ, обнажившихся такимъ образомъ, сдѣ-

лалась замѣтною нѣсколько горькая складка, выдававшая разочарованіе человѣка, который на слишкомъ многія вещи смотритъ съ отвращеніемъ. Это было вмѣстѣ и старое, и молодое, энергичное и усталое лицо, черты котораго исключали всякую мысль о вульгарности. Должно было казаться невѣроятнымъ, что оно принадлежитъ записному прожигателю жизни, несмотря на то, что его тѣло, тонкое при своей силѣ, показывало привычку къ ежедневнымъ упражненіямъ. Казаль, высокій и сильный отъ природы, съ самой ранней юности не проводилъ ни одного дня безъ какого нибудь усиленнаго спорта — фехтованія или игры въ мячъ, бокса или верховой ѣзды, охоты или плаванія на яхтѣ. Его костюмъ, немножко слишкомъ тщательный, показывалъ дѣтскую, запоздавшую на двадцать пять лѣтъ, заботливость законодателя моды. Но, повидимому, онъ такъ мало объ этомъ думалъ. Эта столь очевидная привычка къ щегольству вытекала изъ всего его существа, такъ что казалось, что онъ былъ созданъ такимъ, подобно какому-то высшему животному, которое природа сотворила для того, чтобы оно одѣвалось и существовало только этимъ способомъ, а не какимъ либо другимъ. Все вмѣстѣ составляло ансамбль, заключавшій въ себѣ въ одно и то же время черты мужской силы и женственной миловидности, большой мужественной энергіи и изнѣженности, и разомъ объяснившій г-жѣ де-Тильеръ, почему этотъ человѣкъ внушалъ почти трагическія страсти въ мірѣ капризовъ и вѣтренности, а также и то, почему другіе мужчины, въ томъ числѣ и Пуайянъ, питали къ нему особенно враждебныя чувства. Женщинамъ, знающимъ насъ гораздо лучше, чѣмъ мы воображаемъ, очень хорошо извѣстно, что успѣхъ у нихъ одного изъ насъ возбуждаетъ во всей нашей корпораціи зависть, не уступающую той ревности, какую внушаютъ имъ самимъ счастливая любовь одной изъ подобныхъ имъ женщинъ. Уже одна наружность Казаля должна была наносить постоянное униженіе большинству людей, находившихся въ его присутствіи; а изъ всѣхъ видовъ мужскаго тщеславія тщеславіе физическими качествами бываетъ тѣмъ болѣе страстно и ревниво, чѣмъ менѣе мужчина признается въ немъ.

»Онъ рѣшительно не похожъ на другихъ«. Эту маленькую фразу, содержавшую въ себѣ зародышъ совершенно новаго броженія идей, мадамъ де-Тильеръ произносила въ сво-

ихъ мысляхъ четверть часа спустя, и это былъ результатъ наблюденій, способностью къ которымъ отличаются наиболѣе разсѣянныя женщины и которыя съ нѣсколькихъ быстро брошенныхъ взглядовъ открываютъ имъ человѣка, встрѣченнаго въ первый разъ. Онѣ знаютъ, какіе у васъ глаза и зубы, руки и волосы, знаютъ ваши жесты и смѣшныя привычки, вашъ нравъ, ваше воспитаніе, прежде чѣмъ вы сами успѣли узнать — смотрѣли онѣ на васъ или нѣтъ.

Обѣдъ былъ возвѣщенъ, и Кандаль предложилъ руку Жюльетѣ, чтобы вести ее въ столовую втораго этажа, предназначенную для маленькихъ пріемовъ. Хотя эта маленькая зала была устроена, въ противоположность большой, такимъ образомъ, чтобы служить рамкою для интимныхъ бесѣдъ, но одна подробность въ ней обнаруживала весь характеръ графини, принадлежавшей къ тому кругу, который можно бы назвать отдѣленіемъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья на Елисейскихъ поляхъ. Съ притязаніями самаго стариннаго дворянства она соединяла любовь къ »шику« и къ щегольству новѣйшаго времени; но нѣкоторые оттѣнки не позволяли смѣшивать ее съ просто богатыми женщинами. Она, напримѣръ, велѣла обтянуть панно этой столовой залы однимъ изъ десяти кусковъ обоевъ, еще не тронутыхъ, подаренныхъ герцогомъ Альбой старому маршалу Кандалю, когда послѣдній былъ послалъ къ нему съ секретнымъ порученіемъ. Въ этомъ отелѣ, столь новомъ и вмѣстѣ столь полномъ реликвіями ужаснаго прошлаго, не было ни одного угла, который не выдавалъ бы такимъ образомъ страннаго культа молодой женщины къ этому кровожадному предку. Въ особенности эти обои, вытканные въ Брюгге и изображавшіе прохожденіе ландскнехтовъ съ поднятыми пиками черезъ лѣсъ, являлись въ этой тѣсной залѣ съ надписью, напоминавшею знаменитаго дарителя, что̀ служило признакомъ дворянской гордости, рѣзко выставляемой напоказъ. Можетъ быть, для вкуса прежнихъ временъ это отзывалось бы выскочкой. Но женщины, подобныя Габріэли, которыя желаютъ блистать, какъ ихъ соперницы изъ финансовыхъ сферъ, и въ то же время отличаться отъ нихъ, охотно выказываютъ себя гордящимися своимъ дворянствомъ, какъ будто это дворянство началось только со вчерашняго дня. Это одна изъ формъ борьбы, засвязавшейся сто лѣтъ тому назадъ между старой и новой Франціей. Мадамъ де-Кандаль иногда говорила: »Когда че-

довѣкъ носить такое имя, какъ мы...» и говорила это съ такимъ подчеркиваніемъ своего происхожденія, какъ будто на самомъ дѣлѣ она не была настоящею Кандаль, вышедшею замужъ за такого же Кандаля. Это однако же не мѣшало ей имѣть за своимъ столомъ, какъ въ этотъ вечеръ, — рядомъ со своею сестрою, герцогинею д'Арколь, состоявшею въ бракѣ съ внукомъ маршала Бонапарта, — внука знаменитаго вѣнскаго банкира, Альфреда Мозе. Правда, эти Мозе крещены уже въ двухъ поколѣніяхъ. Одинъ изъ трехъ другихъ собесѣдниковъ, де-Прони, происходилъ отъ фамиліи, которая, строго говоря, могла считать себя равной фамиліи великаго маршала, за исключеніемъ знаменитости. Но баронство барона д'Артеля началось въ царствованіе Луи-Филиппа, а Казаль былъ сынъ промышленника, разбогатѣвшаго при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и сдѣлавшагося послѣ 2 декабря сенаторомъ, какъ и отецъ самой графини. Такова непослѣдовательность времени, въ которое самыя чопорныя претензіи сталкиваются съ непреодолимыми, неизбѣжными потребностями нравовъ. Луи де-Кандаль имѣлъ страсть къ большой охотѣ и для удовлетворенія этой страсти, несомнѣнно наслѣдственной, онъ, при всей значительности состоянія своей жены, былъ принужденъ взять себѣ въ компаньоны нѣсколькихъ человѣкъ изъ своего клуба. Такимъ образомъ Мозе, которому посредствомъ десятилѣтней дипломатіи удалось наконецъ пробраться въ Жокей-клубъ, занималъ въ охотничьемъ бюджетѣ Кандаля слишкомъ важное мѣсто для того, чтобы его компаньонъ и жена этого компаньона не обращались съ нимъ, какъ съ другомъ. Графиня была настолько истинной христіанкой, настолько была умна и справедлива, что не предавалась анти-семитическому фанатизму, однако же выказывала притворную вражду къ иностранцамъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ не принимать своей непріятельницы, мадамъ Бернаръ, рожденной Гуртрель, изъ брюссельской фамиліи Гуртрелей. Изъ этого маленькаго противорѣчія, допускавшаго Мозе въ кругъ близкихъ ей людей, она выпутывалась ловкими фразами, чтобы извинить сдѣланное въ его пользу исключеніе, подчеркивая его. Она расхваливала этого товарища графа за его скромность, за его истинно изящный тонъ, за щедрость, которую онъ выказывалъ во всѣхъ дѣлахъ благотворительности. Это были заслуженныя похвалы, потому что Мозе, бѣлокурый, лысый

сорокапятилѣтній мужчина, съ очень проницательными глазами на худощавомъ безкровномъ лицѣ, обладалъ въ высочайшей степени настойчивостью въ преслѣдованіи своихъ цѣлей на избранномъ пути, остающеюся секретомъ успѣха этого сильнаго племени, типъ котораго сохранился въ немъ, несмотря на крещеніе. Онъ выполнялъ свою роль джентльмена съ безукоризненною строгостью. Однако же, еслибы какой нибудь философъ попалъ въ кругъ этихъ собесѣдниковъ, то не бросилась ли бы ему въ глаза присущая человѣческимъ вещамъ иронія при видѣ того, что потомокъ историческаго народа, подвергавшагося наибольшимъ преслѣдованіямъ, сидитъ подъ обоями, подаренными свирѣпымъ преслѣдователемъ другому преслѣдователю? Ему показалось бы иронією и то, что мадамъ д'Арколь держитъ въ рукахъ англійское серебро, сидитъ за столомъ, сервированнымъ совершенно по англійски, тогда какъ первый герцогъ д'Арколь прославился своею неумолимою ненавистью къ британскому народу. Но философовъ почти не бываетъ въ свѣтѣ, а когда они показываются тамъ, то единственно для того, чтобы тотчасъ же утопить свою философію въ пустотѣ снобизма. Эта подкладка нелѣпыхъ противорѣчій существуетъ почти въ каждомъ собраніи, хотя бы оно состояло только изъ пяти или шести особъ. Всего благоразумнѣе не вникать въ такія противорѣчія болѣе чѣмъ вникаютъ въ нихъ сами эти особы. Мозе былъ бы очень удивленъ, еслибы въ то время, когда онъ пробовалъ супъ изъ спаржи, ему напомнили, что старый Кандаль, вѣроятно, сжегъ бы его своими собственными руками. Д'Артезъ, занятый ухаживаніемъ за графиней, своею сосѣдкой, удивился бы, еслибы ему напомнили, что его прадѣдъ пахалъ землю. Удивилась бы и мадамъ де-Кандаль, когда бы ей объяснили, что, посадивъ Казаля возлѣ Жюльеты, она совершила поступокъ, рѣшительно недостойный очень честной женщины; какъ удивилась бы Жюльета утвержденію, что подъ все болѣе и болѣе выказываемымъ ею равнодушіемъ къ своему сосѣду скрывается все болѣе и болѣе возрастающій, живой интересъ. Что касается Прони, который съ радостью знатока былъ уже занятъ отвѣдываніемъ перваго блюда, и лакомки Кандаля, который въ невозможности пригласить свою любовницу утѣшался превосходными качествами своего стола, то они были защищены отъ всякихъ сюрпризовъ мысли, а Казаль слишкомъ много вращался въ свѣтѣ, чтобы удивляться чему бы то ни было.

Обѣдъ начался, естественно, замѣчаніями всякаго рода насчетъ приключенія съ экипажемъ мадамъ де-Кандаль. Затѣмъ, — такъ какъ записные охотники, хотя бы и въ мертвый сезонъ, не могутъ проговорить и десяти минутъ безъ того, чтобы ихъ любимая страсть не выступила на сцену, — несчастный случай съ графинею тотчасъ послужилъ предлогомъ для разсказовъ объ охотничьихъ приключеніяхъ, а отъ нихъ разговоръ быстро перешелъ къ спорамъ объ оружіи. д'Артель, со своею крѣпкою фигурой внука крестьянина, любилъ ружейную охоту почти столько же, какъ и Кандаль, но совсѣмъ на другой ладъ. Напримѣръ, между тѣмъ какъ загонщики гнали дичь, которую охотники подстрѣливали на какой нибудь прогалинѣ, онъ нерѣдко оставлялъ ихъ и рыскалъ по полю или по лѣсу одинъ. Въ немъ была жилка браконьера, тогда какъ настоящею страстью графа Луи де-Кандаль была охота съ гончими, преслѣдованіе звѣря облавой, съ завершеніемъ охоты барскимъ охотничьимъ пиромъ. Они въ сотый разъ начали спорить насчетъ двухъ этихъ видовъ спорта, затѣмъ — вспоминать о замѣчательныхъ охотахъ, причемъ слышались фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— Помните вы, д'Артель, говорилъ Прони: — эту удивительную охоту съ великими герцогами въ Круа-Сенъ-Жозефъ? Сколько птицъ мы убили тогда?

— Три тысячи, отвѣтилъ д'Артель.

— Въ другой разъ мы охотились у Тараваля съ маленькимъ Ла-Молемъ.

— Какой отличный стрѣлокъ, этотъ Ла-Моль! вскричалъ Кандаль.

— Какъ можете вы говорить это? возразилъ Прони: — самое большее — это первый изъ стрѣлковъ втораго разряда. Какъ можете говорить это вы, зная Страбана!.

— Страбанъ! Страбанъ! воскликнулъ д'Артель, качая головой.

— Ахъ, настаивалъ Прони: — еслибы вы, подобно намъ, видѣли, какъ онъ убилъ шестерыхъ тетеревовъ одной и той же стаи, сперва двухъ, потомъ еще двухъ, королевскимъ дуплетомъ, и наконецъ опять двухъ сзади...

— Parbleu! сказалъ Мозе: — онъ каждое утро упражняется передъ зеркаломъ съ тремя ружьями, которыя подаютъ ему слуги.

— Въ такомъ случаѣ онъ долженъ водить съ собою

двухъ человѣкъ, чтобы они носили за нимъ эти три ружья. И вы называете это »охотиться«! замѣтилъ д'Артель.

— Скажите, Кандаль, спросилъ Прони: — это все тотъ же хересъ, что̀ уступилъ вамъ Деформъ? Онъ превосходенъ.

Мадамъ д'Арколь слушала эти разговоры, слышанные ею сто разъ, съ невозмутимымъ итальянскимъ безмолвіемъ, унаслѣдованнымъ ею отъ матери, на которую она походила въ такой же степени, въ какой была не похожа на нее Габріэль. Жюльета говорила этой послѣдней комплименты по поводу цвѣтовъ, украшавшихъ столъ.

Посреди стола въ старинной серебряной вазѣ возвышался букетъ изъ бѣлыхъ лилій, большихъ желтыхъ розъ и орхидей. Другія орхидеи съ оттѣнкомъ мальвы занимали двѣ другія вазы меньшей величины, но такой же тонкой работы, а коврикъ изъ русскихъ фіалокъ соединялъ эти три букета другъ съ другомъ. Бѣлая скатерть, хрусталь и плоская посуда служили блестящимъ бордюромъ для этого темнаго цвѣтника. Свѣчи съ розовыми абажурами освѣщали столъ болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ остальныя части залы, и позволяли разсмотрѣть самыя мелкія подробности, начиная отъ серебряныхъ тарелочекъ для масла, поставленныхъ отдѣльно возлѣ каждаго прибора, до вычурнаго изящества маленькихъ чеканныхъ фигурокъ на центральныхъ частяхъ сервиза. Это былъ крайній предѣлъ щегольства, достигаемый очень рѣдко, такъ какъ онъ служитъ признакомъ и громаднаго состоянія, и давняго аристократическаго происхожденія, и необыкновеннаго вкуса хозяйки дома.

Когда мадамъ де-Тильеръ начала расхваливать это красивое убранство изъ цвѣтовъ и предметовъ искусства, Казаль поднялъ голову. Его бѣлокурая сосѣдка только что сказала громкимъ голосомъ то, что̀ онъ думалъ про себя какъ разъ въ эту секунду. Находясь между разговоромъ охотниковъ и фразами, которыми двѣ подруги обмѣнивались черезъ столъ, онъ еще не сказалъ и двадцати словъ съ самаго начала обѣда. Онъ только смотрѣлъ съ тѣмъ удовольствіемъ отъ изящныхъ впечатлѣній, которымъ никогда не пресыщаются люди съ врожденнымъ тонкимъ вкусомъ. Впрочемъ, хотя Казаль никогда не говорилъ ни о картинахъ, ни о художественныхъ бездѣлушкахъ, онъ пріобрѣлъ артистическое чутье, достаточно изощренное продолжительными разговорами съ двумя или тремя извѣстными живописцами, какихъ поиски выгод-

наго заказа, капризъ какой нибудь знатной свѣтской дамы или тщеславіе толкаютъ отъ времени до времени въ общество клубменовъ. Такимъ образомъ Казаль научился *видѣть*. Дѣло очень простое, и однако же столь рѣдкое, что изъ всѣхъ застольныхъ собесѣдниковъ только онъ одинъ, вмѣстѣ съ мадамъ де-Тильеръ, наслаждался красотою нарядной обстановки. Онъ замѣтилъ также гармонію въ туалетѣ трехъ женщинъ: мадамъ де-Кандаль — вся въ красномъ съ красноватымъ золотомъ своихъ кудрей; д'Арколь — вся въ бѣломъ съ густо-черными бантами, съ жаркою томностью своего цвѣта лица и свѣтлокарими глазами; Жюльета — съ пепельными волосами и съ нѣжными розовыми отблесками муара подъ черными кружевами платья. Послѣ фразы, заставившей Казаля поднять голову, онъ сталъ разсматривать свою сосѣдку съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ дѣлалъ это во время представленія ихъ другъ другу.

Въ ту первую минуту, между тѣмъ какъ она дрожала отъ любопытства всѣми фибрами своего существа, онъ находилъ ее — какъ много разъ въ театрѣ, глядя на нее издали — довольно миловидною, но почти незначительною особой. Женщины, обладающія скорѣе нѣжною прелестью, чѣмъ красотою, бросающеюся въ глаза, рискуютъ такимъ образомъ быть незамѣченными съ перваго раза. Онѣ подобны тѣмъ изящнымъ пейзажамъ центральной Франціи, которые туристъ проходитъ быстро, чтобы спѣшить къ другимъ, и которые хорошо знакомому съ ними человѣку открываютъ безпрестанно новыя причины оказывать имъ предпочтеніе. Осматривая мадамъ де-Тильеръ тѣмъ почтительно-нескромнымъ взглядомъ, которымъ хорошо воспитанные развратники оглядываютъ женщинъ, онъ призналъ, что его сосѣдка имѣетъ очень тонкую и гибкую талію, что начало ея плечъ, руки и линія затылка показываютъ безукоризненное совершенство формъ, что, наконецъ, черты лица, нѣсколько мелкія, представляютъ почти идеальное изящество. Послѣ этого всякій другой на его мѣстѣ тотчасъ же сказалъ бы себѣ: »однако это очень хорошенькая женщина«... и началъ бы за нею усиленно ухаживать — faire deux doigts de cour, какъ пѣлось въ наивныхъ романсахъ старыхъ временъ. Но Казаль, какъ только онъ вступалъ въ роль наблюдателя, тотчасъ же переходилъ отъ разсмотрѣнія физической стороны къ изслѣдованію характера. Среди своего постоянно празднаго существованія

двухъ человѣкъ, чтобы они носили
И вы называете это »охотиться«! за

— Скажите, Кандаль, спросилъ
же хересъ, что̀ уступилъ вамъ Деф

Мадамъ д'Арколь слушала эти р
сто разъ, съ невозмутимымъ итал
слѣдованнымъ ею отъ матери, на
такой же степени, въ какой был
ріэль. Жюльета говорила этой
поводу цвѣтовъ, украшавшихъ

Посреди стола въ старинн
шался букетъ изъ бѣлыхъ лил
орхидей. Другія орхидеи съ от
другія вазы меньшей велич
боты, а коврикъ изъ русскихъ
кета другъ съ другомъ. Бѣл
посуда служили блестящи
цвѣтника. Свѣчи съ розо
болѣе яркимъ свѣтомъ,
позволяли разсмотрѣть с
отъ серебряныхъ тарело
дѣльно возлѣ каждаго
ленькихъ чеканныхъ
сервиза. Это былъ
мый очень рѣдко,
громаднаго состо
исхожденія, и

Когда мадам
сивое убранст
поднялъ голо
громкимъ го
эту секунду
ми, котор
еще н
Онъ то
впечат
прож
когда
безд
тому
или

лючительнаго вывода могутъ со-
такимъ образомъ, совершенно
му ими человѣку не приходитъ и
съ ихъ помощью какое либо
ько серьезное дѣйствіе. Служитъ
ствіе между средствомъ и цѣлью
же въ немъ слѣдуетъ видѣть новое
пожденіе истины, такъ хорошо ре-
ыка, который произвелъ слово сог-
отъ латинскаго глагола, значущаго
продолжительная привычка къ удоволь-
ть своимъ результатомъ уничтоженіе.
шего существа, изъ котораго создается
ни была причина этого факта, вѣрно
ведетъ свою жизнь, раздѣляя безпутства
изъ которыхъ ни одинъ не стоитъ его, и
качества своего ума на рѣшеніе задачъ,
оторую онъ поставилъ себѣ, когда мадамъ
лекла его вниманіе: »Что такое на самомъ
кая женщина?« И хорошо еще, что эта ма-
ма, какъ непочтительно онъ называетъ ее,
рѣ стоила изученія.

ие тотчасъ же открыло Реймону необычай-
нность молодой женщины. Онъ замѣтилъ эту
рѣзкимъ скачкамъ идей въ ея разговорѣ съ
графиней, — такъ какъ съ нимъ она продол-
рить, — далѣе, по дрожанію ея губъ при улыбкѣ,
по движенію рѣсницъ, которыми она какъ будто
ушить пламя своего взгляда. Изъ всѣхъ этихъ
онъ вывелъ два заключенія: во-первыхъ, что
мъ внѣшнимъ видомъ смягченной пастели мадамъ
ръ, со своими блѣдно-бѣлокурыми волосами, прозрач-
ѣтомъ лица и глазами изъ свѣтлой лазури, несо-
— особа съ весьма живою впечатлительностью, жен-
страстная, постоянно занятая подавленіемъ и укроще-
своихъ порывовъ. Во-вторыхъ, что за этимъ столомъ
кто нибудь, кѣмъ она интересуется въ высшей сте-
. Въ одну секунду онъ сдѣлалъ обзоръ всѣмъ присут-
вавшимъ мужчинамъ. Этотъ »кто нибудь« не графъ ли
даль? — нѣтъ: она разговаривала съ нимъ слишкомъ ве-
. Д'Артель? Но баронъ давно уже замѣтилъ бы это и въ

такомъ случаѣ не проводилъ бы четырехъ вечеровъ изъ семи за кулисами оперы. Прони? — этотъ великій лакомка виконтъ самъ хвалился тѣмъ, что онъ »забастовалъ« уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мозе? — но д'Арколь, съ которою разговаривалъ послѣдній въ сторонѣ въ эту самую минуту и за которою онъ офиціально ухаживалъ нѣсколько мѣсяцевъ, не обмѣнялась съ мадамъ де-Тильеръ ни однимъ изъ тѣхъ многозначительныхъ взглядовъ, отъ которыхъ никогда не воздерживаются ревнивыя женщины, какъ бы ни были онѣ благоразумны. Кто же оставался затѣмъ, если не самъ Казаль? Несмотря на свои успѣхи или, можетъ быть, по причинѣ ихъ, молодой человѣкъ никогда не былъ ни очень тщеславенъ, ни слишкомъ скроменъ. Онъ считалъ себя способнымъ внушить болѣе, чѣмъ капризъ — страсть, и притомъ съ первой встрѣчи... Но онъ думалъ также, что онъ можетъ и не нравиться до антипатіи, и даже допускалъ — и этимъ доказывается достоинство его здраваго смысла — что онъ можетъ остаться незамѣченнымъ. Это зависѣло отъ женщины и отъ момента ея жизни. Въ какомъ кризисѣ своего внутренняго существованія находилась мадамъ де-Тильеръ? Вотъ чего самое проницательное изслѣдованіе не могло объяснить парижанину, который не имѣлъ относительно ея никакихъ свѣдѣній, кромѣ случайно подслушанныхъ имъ фразъ, въ родѣ слѣдующихъ:

— Мадамъ де-Тильеръ? это очаровательная женщина, такая изящная и вмѣстѣ простая...

— Полно, мой милый, это нестерпимая жеманница.

Или:

— Ба! это хитрая особа, скрывающая свою игру лучше, чѣмъ другія, вотъ и все...

»Если она занята мною«, мысленно заключилъ Казаль послѣ этого перваго размышленія: — »то это какъ въ фехтованіи: нужно смотрѣть, какъ она подойдетъ«.

Это рѣшеніе было благоразумно, тѣмъ болѣе, что мадамъ де-Тильеръ навѣрное слыхала очень суровые отзывы о немъ. Онъ не сомнѣвался въ этомъ. Такого соображенія было для него достаточно, чтобы намѣтить для себя роль, полную мѣры, такта и скромности, согласно методу, которому инстинктивно слѣдуютъ всѣ мужчины, пользующіеся успѣхомъ у женщинъ: »заинтересовать, озадачивъ«. Поэтому онъ продолжалъ стушевываться, не позволяя себѣ манеръ избалованнаго ребенка, какъ онъ имѣлъ по временамъ. Онъ больше слушалъ, чѣмъ го-

ворилъ, оставаясь сдержаннымъ, подобно какому нибудь секретарю посольства старой школы. Результатъ этой тактики не заставилъ долго ждать себя. Жюльета, которая съ своей стороны желала, чтобы сосѣдъ первый обратился къ ней, опасалась, какъ бы не кончился обѣдъ прежде, чѣмъ она попытается узнать, что въ сущности скрывается за физіономіей этого человѣка, къ которому она чувствовала слишкомъ сильное влеченіе. И не онъ ей, а она сама вдругъ сдѣлала ему вопросъ, чтобы вызвать его на разговоръ.

Прони, возбужденный виномъ до того, что его врожденная склонность къ неправдоподобнымъ росказнямъ вышла изъ границъ, только что сказалъ:

— Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, но я зналъ въ Нормандіи браконьера, который охотился безъ рукъ. Да, господа, его маленькій сынъ заряжалъ ему ружье, клалъ его на камень, и этотъ человѣкъ стрѣлялъ... ногами!.. честное слово! онъ убивалъ своего кролика какъ всякій другой...

Между тѣмъ какъ весь столъ зашумѣлъ по поводу этого фантастическаго анекдота, который нормандецъ Прони подтверждалъ минами своего тощаго и раскраснѣвшаго лица, мадамъ де-Тильеръ повернулась къ Казалю и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ сказала:

— А вы не можете разсказать намъ, какъ эти господа, о чемъ нибудь необыкновенномъ?

— Боже мой, отвѣтилъ молодой человѣкъ, улыбаясь: — дѣло въ томъ, что существуетъ только ограниченное число охотничьихъ исторій, и они скоро разскажутъ ихъ всѣ. Однако же я не зналъ еще той, которою угостилъ насъ Прони и которая нѣсколько выходитъ за предѣлы дозволеннаго... Но слѣдуетъ извинить охотникамъ ихъ гасконады, во вниманіе къ тому, что страсть къ охотѣ представляетъ собою здоровую и естественную жизнь среди нашего искусственнаго и поддѣльнаго существованія цивилизованныхъ людей.

— Признаюсь, я не понимаю, возразила Жюльета: — что здороваго и естественнаго въ томъ, что семь или восемь человѣкъ становятся у опушки лѣса, чтобы разстрѣливать въ упоръ несчастныхъ кроликовъ и фазановъ, которыхъ даже вы не выгоняете сами...

— Прежде всего — это только одинъ изъ видовъ охоты, возразилъ Казаль: — но это только начало... Человѣкъ мало по малу пріобрѣтаетъ вкусъ къ охотѣ за дичью менѣе до-

сохранилъ и который составлялъ одну изъ его прелестей. Было что-то смѣшное въ томъ, что человѣкъ, осыпанный всѣми дарами, какъ Казаль, богатый, ласкаемый повсюду и свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, давалъ понять, что онъ потерпѣлъ неудачу въ жизни. Но этотъ дѣтскій смѣхъ скрывалъ смѣшную сторону подобнаго утвержденія, которая, впрочемъ, остается незамѣтною для женщинъ. Самыя проницательныя изъ нихъ, лишь бы только онѣ обладали сердцемъ, расположены вѣрить человѣку, который будетъ передъ ними разыгрывать комедію неудавшейся судьбы. Это у нихъ секретный романъ — у всѣхъ ихъ — утѣшать въ подобныхъ несчастіяхъ. Впрочемъ, можетъ быть, Казаль и не лгалъ, осуждая образъ жизни, покончить съ которымъ онъ всетаки былъ не въ состояніи. Онъ тоже былъ пресыщенъ своими привычными ощущеніями. Оба они на нѣкоторое время замолчали, и во время этой паузы сдѣлана была одна изъ тѣхъ ошибокъ такта, которыя парижскій языкъ обозначаетъ довольно необъяснимымъ терминомъ — *gaffe* (крюкъ, зацѣпа).

Обѣдъ подходилъ къ концу. Это обычный моментъ, когда раздаются необдуманныя слова, почти неизбѣжныя при увлеченіи разговоромъ послѣ нѣсколькихъ стакановъ тонкаго вина. Баронъ д'Артель началъ говорить о мадамъ де-Корсьё, о которой всѣ присутствовавшіе знали, что она была въ связи съ Казалемъ. Онъ не сказалъ о ней ничего особенно злаго, но и того, что онъ сказалъ, было достаточно, чтобы поставить Казаля въ нѣсколько фальшивое положеніе.

— Что за несчастная идея, продолжалъ д'Артель: — пришла въ голову этой бѣдной Полинѣ: вдругъ окраситься въ бѣлокурый цвѣтъ! Развѣ у ней нѣтъ ни одной подруги, которая сказала бы ей, что это прибавляетъ ей добрыхъ десять лѣтъ? А она перестаетъ нуждаться въ этихъ лишнихъ десяти годахъ, даже въ пяти.

— Это какъ старый Бониве, котораго вы должны были часто видѣть, сударыня, сказалъ политичный Мозе, обращаясь къ Габріэли де-Кандаль, чтобы прекратить этотъ разговоръ: — вамъ извѣстно, что онъ красился?

— Вы хотите сказать — наващивался? замѣтилъ Кандаль.

— Пачкался, сказалъ д'Арколь.

— Словомъ, сказалъ Мозе: — красился, вощился или пачкался, — но онъ скрывалъ это отъ всѣхъ, въ томъ числѣ

[illegible] [illegible]кмахера, который говорилъ [illegible] такимъ ко[illegible] [illegible]: «Еслибы я только смѣлъ [illegible]ворить съ [illegible] [illegible], мосье, — я устроилъ бы [illegible] такъ хо[illegible] [illegible], нашъ Бониве вдругъ заболѣваетъ: ревматизмъ [illegible]ваютъ ему всѣ члены; я иду [illegible] его и [illegible] его бѣлымъ, какъ снѣгъ. Угадайте [illegible] первыя слова [illegible] ли — какъ сильно я страдалъ, Мозе, — я [illegible]».

[illegible] не мѣшаетъ тому, настаивалъ д'Артель, кото[illegible] [illegible] всѣ безтактные люди, не отставалъ отъ своей [illegible] не мѣшаетъ тому, чтобы мадамъ де-Корсьё могла [illegible] оставаться спокойною. Сколько ей лѣтъ приблизи[illegible]? Вы должны знать это, Казаль...

Едва были произнесены эти слова, какъ неосторожный [illegible] почувствовалъ ихъ нескромность, и, остановившись [illegible], онъ покраснѣлъ, какъ піонъ, среди молчанія всего [illegible] что поставило молодаго человѣка въ еще болѣе не[illegible] положеніе. Онъ не могъ ни нападать на свою быв[illegible] возлюбленную, ни защищать ее. Но онъ не смутился [illegible] просто:

Мадамъ де-Корсьё? Но когда я поклонился ей въ [illegible], на прошлой недѣлѣ, она имѣла возрастъ очень хоро[illegible]ькой женщины, а Бониве, бывшій пэръ Франціи, пред[illegible] собою на креслахъ земледѣльческой академіи че[illegible]вѣка очень стараго, страшно дряхлаго, хотя онъ имѣлъ привычку говорить съ своимъ надменнымъ видомъ: «Возраста не существуетъ, есть только силы...»

Всѣ разсмѣялись, и разговоръ принялъ другое направленіе. Казаль, чувствуя, что онъ нравится своей сосѣдкѣ, позаботился, чтобы разговоръ оставался общимъ, и разсказалъ два или три анекдота изъ своего путешествія въ Японію. Онъ съумѣлъ выказать при этомъ такое милое остроуміе, что, какъ только всѣ встали изъ-за стола, къ нему подошла графиня и сказала ему лукаво:

— Вы потрудились для моей подруги и радуйтесь: вы ей понравились. А теперь идите курить спокойно... но вы не курите? Впрочемъ, я знаю васъ: вы желаете поговорить свободнѣе съ этими господами и выпить спокойно своей водки... Не пейте слишкомъ много и поскорѣе вернитесь къ намъ...

Молодой человѣкъ поклонился, улыбаясь. Но когда, часъ

спустя, его товарищи вышли изъ курильной комнаты, мадамъ де-Кандаль напрасно искала между ними его мужественнаго и умнаго лица: онъ исчезъ немедленно послѣ своего успѣха. Графиня посмотрѣла на Жюльету, которая тоже замѣтила его отсутствіе и, не подозрѣвая, что за нею наблюдаютъ, нахмурила красивыя брови. Это движеніе досады не исчезло и тогда, когда въ одиннадцать часовъ безъ четверти ей сказали, что ея экипажъ поданъ, и лукавый вопросъ графини при прощальномъ поцѣлуѣ не могъ послужить къ разсѣянію дурнаго расположенія ея духа.

— Ты не слишкомъ скучала? спросила она. — Ты видишь, что Казаль лучше своей репутаціи.

— Но, возразила Жюльета, смѣясь нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ: — онъ далъ мнѣ мало времени для того, чтобы я могла составить свое сужденіе о немъ.

»А всетаки она обижена тѣмъ, что онъ ушелъ такъ скоро. Какой онъ неловкій!« подумала Габріэль, когда ея подруга удалилась. Въ этомъ послѣднемъ заключеніи при всей своей проницательности она ошибалась: мадамъ де-Тильеръ въ своемъ купе, на пути въ улицу Матиньонъ, думала исключительно объ этомъ якобы неловкомъ человѣкѣ, и для нея было почти прискорбнымъ сюрпризомъ, когда ея лакей, отворившій дверь ея квартиры, сказалъ ей, снимая съ нея манто:

— Здѣсь господинъ графъ де-Пуайянъ; онъ дожидается г-жи маркизы.

О немъ она окончательно забыла...

III. Другой

Жюльета ничего такъ не любила, какъ продолжительныя бесѣды у камина въ эти нѣсколько непоказанные часы. Этотъ вкусъ до того былъ у ней въ натурѣ, что она принимала такимъ образомъ не только человѣка, имѣвшаго всѣ права на подобную близость, но и болѣе платоническихъ изъ ея вѣрныхъ поклонниковъ: и д'Авансона, и Феликса Миро, и де-Жарда, и Акраня. Въ этомъ, конечно, была нѣкоторая женская осторожность, не допускавшая пересудъ со стороны прислуги; въ особенности же здѣсь проявлялось то искусство въ дружбѣ, которое сдѣлало эту женщину незабвенною для избранныхъ. Она инстинктивно угадывала — до

какой степени среди пошлой, затасканной парижской жизни дѣйствуетъ на мужчину прелесть уголка, гдѣ онъ находитъ въ назначенный часъ молодую изящную и умную женщину, которая слушаетъ его подолгу. И она то утѣшаетъ его, то спрашиваетъ у него совѣта съ такимъ видомъ, какъ будто весь интересъ ея существованія заключается для ней въ этомъ невинномъ и нѣсколько скрытномъ tête-à-tête. Сердце открывается тогда съ бо́льшею свободой. Тайныя признанія появляются на губахъ, а мадамъ де-Тильеръ имѣла врожденную страсть къ признаніямъ. Она обладала этою нѣжною склонностью, которая, будучи извращена въ педантизмъ или тщеславіе, создаетъ музъ и эгерій знаменитыхъ людей, а перейдя въ область религіознаго фанатизма, вырабатываетъ великихъ монахинь. Ей нравилось подчинять своему умному вліянію людей, которыми она интересовалась. Любовь усугубляла въ ней это тонкое удовольствіе, которому она была обязана самыми пріятными часами своей связи съ Пуайянomъ. Сколько вечеровъ провела она такимъ образомъ, выслушивая его разсказы о бѣдствіяхъ его жизни, въ первый періодъ ихъ привязанности, прежде чѣмъ она сдѣлалась его любовницей! Онъ говорилъ о своемъ уныломъ дѣтствѣ въ сумракѣ стараго отеля Пуайянъ въ Безансонѣ, о своей умершей матери и о жесткой строгости своего отца, отравившей всю его юность. Онъ разсказывалъ о своемъ супружествѣ съ молодой дѣвушкой, долго любимой, о своей первой ревности, о позорѣ своихъ подозрѣній и затѣмъ очевидности измѣны — и какой измѣны! — съ другомъ его отрочества, котораго онъ особенно любилъ. Часы около полуночи казались тогда Жюльетѣ слишкомъ короткими для того, чтобы прослѣдить эту драму, сцену за сценой, чувство за чувствомъ и дуэль между двумя друзьями, гдѣ оба были ранены, и бѣгство мадамъ де-Пуайянъ, и отчаяніе графа, затѣмъ возрожденіе къ жизни, по́средствомъ энергіи долга, его кампанію въ 1870 г., въ качествѣ капитана мобилей Ду, его выступленіе на политическое поприще во время собранія въ Бордо. И когда жалость привела ее къ нѣжному чувству, а затѣмъ къ предоставленію себя въ полное обладаніе любимаго человѣка, когда она сдѣлалась тайною супругой его,— сколько еще было вечеровъ, гдѣ она съ жаднымъ любопытствомъ любящаго друга вникала во всѣ подробности разсказа о днѣ, проведенномъ отважнымъ ораторомъ, возрождая

его вѣру въ себя самаго въ минуты усталости, предостерегая его насчетъ того или другаго подводнаго камня, удивляясь ему съ волнующимся энтузіазмомъ, когда этотъ непобѣдимый боецъ за дѣло консервативной партіи раскрывалъ передъ нею — только передъ нею одною — горизонтъ своихъ плановъ и великодушіе своихъ доктринъ! При этомъ она никогда не выходила изъ своей женской роли, слушая или говоря съ тою легкою и ласкающею манерой, которая исключала даже самую тѣнь какой нибудь претензіи. Ведя себя такимъ образомъ, она не расчитывала, а просто подчинялась своей натурѣ. Подобно тому, какъ нѣкоторые организмы обладаютъ инстинктивнымъ пониманіемъ и вкусомъ въ музыкѣ и живописи, механикѣ и поэзіи, она обладала пониманіемъ и вкусомъ въ области сердца другихъ людей. Очаровательная способность, такъ какъ она позволяетъ оказывать самый рѣдкій, самый благодѣтельный изъ видовъ благотворительности, именно благотворительность души, — но, вмѣстѣ, способность опасная, потому что она соприкасается съ непозволительнымъ любопытствомъ опытности въ области чувствъ, въ особенности же потому, что она быстро вовлекаетъ насъ въ сдѣлки съ совѣстью, въ лабиринты фальшивыхъ положеній. Напримѣръ, при упадкѣ страсти, какимъ образомъ найти въ себѣ честное прямодушіе, необходимое для того, чтобы разойтись съ достоинствомъ, если мы, находясь подъ вліяніемъ симпатіи, продолжаемъ чувствовать страданія существа, которое перестали любить любовью? Проникнутые до глубины души острымъ чувствомъ причиняемыхъ нами горестей, мы позволяемъ себѣ лгать изъ желанія пощадить ихъ жертву. Мы уклоняемся отъ признанія, въ которомъ было бы менѣе жестокости, еслибы оно было высказано напрямикъ. Мы длимъ эту агонію унизительною снисходительностью. Изъ-за излишней нѣжности мы дѣлаемся вѣроломными. Странная иронія противорѣчій сердца, превращающая наши добродѣтели въ порокъ и заставляющая насъ поступать дурно потому, что мы слишкомъ живо чувствуемъ!

Жюльета никогда не формулировала себѣ этихъ размышленій о преимуществахъ и опасностяхъ своего собственнаго характера, хотя часто говорила себѣ: »я слишкомъ слаба« или: »мнѣ слѣдовало бы объясниться на чистоту« по поводу того или другаго маленькаго обстоятельства, которое

требовало, чтобы она сказала точное и непріятное »нѣтъ« кому либо изъ своихъ друзей. Къ своему характеру мы относимся точно также, какъ къ своему здоровью. Мы долго страдаемъ прежде чѣмъ узнаемъ, что мы больны. Такъ и мадамъ де-Тильеръ не знала — почему многія вещи, радовавшія ее въ прежніе годы, теперь возбуждали въ ней неудовольствіе, напримѣръ, эти вечернія tête-à-tête съ Пуайяномъ, во время которыхъ оба они оставались безмолвными иногда въ теченіе двѣнадцатиминутныхъ промежутковъ, и усилія, которыя дѣлалъ тотъ или другой изъ нихъ, чтобы вновь завязать разговоръ, наилучшимъ образомъ отмѣчали контрастъ между нынѣшними и прошлыми вечерами. Для объясненія этой принужденности, которую Жюльета считала минутною, она всегда находила причину въ какомъ нибудь незначительномъ обстоятельствѣ. Такимъ образомъ, когда, при возвращеніи изъ отеля Кандалей, простая фраза слуги о присутствіи Пуайяна заставила ее почти болѣзнено вздрогнуть, она приписала эту непріятную дрожь страху, что она оскорбила своего любовника, тѣмъ болѣе, что, когда съ нея снимали манто, она, повернувъ глаза, увидѣла въ углу передней слугу графа. На ея вопросъ онъ отвѣтилъ:

— Я дожидаюсь корректуръ рѣчи графа, чтобы отнести ихъ въ типографію...

»Ахъ да, онъ говорилъ объ этомъ«, подумала Жюльета: — »и будетъ сердиться на меня, что я возвращаюсь такъ поздно. Я не пріучила его къ такому равнодушію съ моей стороны«.

На самомъ же дѣлѣ это посѣщеніе сдѣлалось ей непріятнымъ вслѣдствіе ощущаемой ею потребности продолжать свои мечтанія, которымъ она предавалась въ своемъ купе, и думать на свободѣ о Казалѣ. Настолько глубоко было впечатлѣніе, произведенное на нее этою встрѣчей. Но какимъ образомъ она могла бы допустить эту причину своей досады, когда она была убѣждена, что любитъ Казаля на всю свою жизнь? Это убѣжденіе было честною стороною ея проступка. Сколько разъ и притомъ цѣлые годы мы питаемъ въ себѣ иллюзію относительно направленія нашихъ чувствъ!.. Затѣмъ довольно одного часа, чтобы она перестала быть возможною. Жюльета должна была испытать это въ тотъ же самый вечеръ.

— Вы сердитесь на меня, другъ мой, сказала она, входя

въ маленькій салонъ Louis XVI, освѣщеніе котораго при смѣшанномъ свѣтѣ огня въ каминѣ и лампъ пріобрѣло еще болѣе мягкую блѣдность. Графъ сидѣлъ у бюро, гдѣ она писала сегодня. Увидѣвъ ее, онъ поспѣшно всталъ, чтобы поцѣловать ея руки, и, показывая ей на бумаги, загромождавшія этотъ маленькій столикъ, отвѣчалъ:

— Сержусь? Вы видите, что не имѣлъ времени сердиться. Ожидая васъ, я здѣсь работалъ; въ этомъ вы извините меня, не правда ли? Мы вышли изъ засѣданія такъ поздно, а я долженъ былъ просмотрѣть корректуры моей рѣчи для журнала »Officiel«. Я велѣлъ Жану принести ихъ къ вамъ и очень хорошо сдѣлалъ, — прибавилъ онъ съ веселымъ расположеніемъ духа послѣ выполненія тяжелой работы: — онѣ почти кончены... Вы позволите?

Присѣвъ опять къ столу, онъ сдѣлалъ нѣсколько знаковъ на поляхъ, затѣмъ собралъ разбросанные листы, вложилъ ихъ въ большой заранѣе приготовленный конвертъ и пошелъ самъ отдать ихъ лакею, ожидавшему въ передней. Но это не заняло и десяти минутъ. Почему Жюльета, которая въ опасеніи досады своего друга, заранѣе приготовилась быть нѣжною и ласковою, была сама почти раздосадована и, во всякомъ случаѣ, разстроена спокойствіемъ этого пріема? Конечно, проступокъ, который она совершила, интересуясь въ продолженіе цѣлаго вечера Казалемъ до такой степени, что совершенно забыла Пуайяна, былъ извинителенъ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей; но онъ не былъ извинителенъ въ области сердца. Хотя она только смутно сознавала это, но ей было бы желательно, чтобы посредствомъ какой нибудь нѣсколько несправедливой выходки досады онъ освободилъ ее отъ сознанія своей вины и позволилъ ей загладить свой проступокъ нѣжными ласками. Въ то же время контрастъ между ея внутреннимъ смущеніемъ и кажущимся спокойствіемъ Пуайяна возбуждалъ въ ней ощущеніе холодности. Съ тѣхъ поръ, какъ ея любовь начала угасать, ей не разъ казалось, что въ немъ нѣтъ уже прежнихъ порывовъ нѣжнаго чувства къ ней. Это — первый признакъ и самый странный миражъ ослабѣвающей страсти: людей, которыхъ мы любимъ меньше прежняго, мы упрекаемъ въ уменьшеніи ихъ любви къ намъ; и въ этомъ случаи мы искренни, намъ дѣйствительно кажется, что мы правы! Никогда еще мадамъ де Тильеръ не испытывала въ такой степени, какъ въ эту

краснорѣчію или страстнымъ желаніемъ перевязать кровавыя раны, которыми была отмѣчена его судьба. И дѣйствительно, въ зародившемся чувствѣ мадамъ де-Тильеръ именно эти два мотива имѣли рѣшающее значеніе. Но опасность подобныхъ связей, основанныхъ единственно на романтическомъ увлеченіи, гдѣ женщина поддалась интелектуальному поклоненію и сантиментальной жалости, состоитъ въ томъ, что неизбѣжно наступаетъ часъ, когда это поклоненіе утомляется вслѣдствіе привычки, когда эта жалость притупляется вслѣдствіе полнаго удовлетворенія ея. Тогда у этой любовницы открываются глаза. Она начинаетъ — и, увы, слишкомъ поздно! — бояться, что она обманулась въ характерѣ своихъ чувствъ. Еще счастлива она, если подобная мысль пробуждается въ ней независимо отъ всякаго посторонняго мотива, если тайною основою этого внезапнаго разочарованія не были чары, присущія личности другаго человѣка! Впрочемъ, если въ свѣтлыхъ зрачкахъ Жюльеты, жадно устремленныхъ въ зеркало, видно было это облако самаго горькаго сожалѣнія, какое только можетъ пронестись въ гордой душѣ, то Пуайянъ не замѣтилъ его, когда онъ подошелъ къ ней, — не замѣтилъ точно такъ же, какъ метрдотель, приносившій въ часы подобныхъ tête-à-tête серебряный подносъ съ чайнымъ приборомъ, пирожками, фляжкою коньяка и кувшинчикомъ съ замороженнымъ питьемъ между стаканами и чашками.

— Вы много работали; не желаете ли, чтобы я приготовила вамъ грогъ? сказала молодая женщина, поворачиваясь къ графу съ самою очаровательною, ласкающею улыбкой. Можно ли назвать подобныя улыбки лицемѣрными? Онѣ имѣютъ цѣлію избавить человѣка отъ ненужныхъ страданій, и женщины, у которыхъ онѣ появляются на губахъ, сочли бы себя виновными, еслибы выказали ихъ тайную горечь. Онѣ не сознаютъ на какой путь вступаютъ съ первой минуты, когда ихъ взглядъ и лицо перестаютъ быть отраженіемъ ихъ сердца, хотя бы при исполненіи этой незначительной услуги — приготовить питье человѣку, котораго онѣ все еще хотятъ очаровывать.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ графъ на предложеніе своей подруги и началъ смотрѣть на нее, между тѣмъ какъ она своими изящными руками стала наливать горячую воду въ русскій стаканъ въ красномъ футлярѣ съ рѣзбою, а затѣмъ

разбивать куски сахара ложечкой. Она была очаровательна въ своей позѣ, сидя возлѣ подноса и съ блѣднымъ золотомъ своихъ волосъ болѣе чѣмъ когда нибудь походя на пастель минувшаго вѣка. Ея прекрасныя руки, освобожденныя отъ рукавовъ, имѣли такіе граціозные изгибы, гармонія ея черноволосаго туалета съ ея цвѣтомъ лица, нѣсколько разгорѣвшимся отъ пламени камина, была исполнена такой нѣжной прелести, что графъ почти невольно приблизился къ ней.

Какъ вы хороши въ этотъ вечеръ, сказалъ онъ ей, и какъ я счастливъ, что опять нахожусь возлѣ васъ. Зачѣмъ что оставимъ эту сухую и черствую политику!

Говоря это, онъ наклонился, чтобы поцѣловать ея [illegible] она, отворачивая голову съ жестомъ легкаго нетерпѣнія, сказала:

Берегитесь: вы такъ неловки, что заставите меня [illegible] весь флаконъ.

Она въ самомъ дѣлѣ вливала въ [illegible] секунду, когда Пуайянъ [illegible] поцѣловать ее. Эти нѣсколько [illegible] какое значеніе въ [illegible] спрятала лицо, [illegible] Пуайяну [illegible] [illegible]

— Видите, сказала она съ видомъ упрека: — онъ слишкомъ крѣпокъ. Вы заставили меня испортить его, и я должна приготовить вамъ другой.

— Не трудитесь, отвѣтилъ онъ, дѣлая видъ, что хочетъ подойти.

— На этотъ разъ, возразила она: — я запрещаю вамъ трогаться съ мѣста и мѣшать мнѣ въ моей стряпнѣ.

— Повинуюсь, отвѣтилъ онъ, и, облокотясь о мраморъ камина, онъ посмотрѣлъ на нее снова, причемъ она обратила на этотъ взглядъ такъ же мало вниманія, какъ самъ онъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ на выраженіе ея глазъ, устремленныхъ въ зеркало. Онъ ясно сознавалъ, что поворотъ ея головы, съ цѣлью уклониться отъ его поцѣлуя, былъ просто капризомъ, ребячествомъ. Однако же этого ребячества — какъ онъ понималъ — было довольно для того, чтобы помѣшать ему произнести въ этотъ вечеръ извѣстную фразу. Изъ полученныхъ имъ писемъ онъ узналъ, что его присутствіе требуется въ Ду, для двойныхъ выборовъ въ генеральный совѣтъ. Нужно было отнять два мѣста у политическихъ противниковъ въ пользу кандидатовъ, которые несомнѣнно должны были пройти при поддержкѣ его краснорѣчія. А онъ слишкомъ серьезно относился къ своей миссіи *лидера* для того, чтобы уклониться отъ этой обязанности. Онъ явился въ улицу Матиньонъ съ намѣреніемъ выпросить у мадамъ Тильеръ свиданіе, чтобы передъ своимъ отъѣздомъ проститься съ нею не въ ея домѣ, а въ другомъ мѣстѣ, — и теперь единственно изъ-за этого ея уклоненія отъ его поцѣлуя онъ чувствовалъ себя неспособнымъ высказать свое желаніе. Эта робость сдержанной страсти даже среди отношеній, которыя, повидимому, неизбѣжно исключаютъ ее, вызвала бы улыбку на губы какого нибудь героя любовныхъ интригъ, напримѣръ Казаля, еслибы кто нибудь посвятилъ его въ тайну этого tête-à-tête графа съ Жюльетой. Тѣмъ не менѣе она представляетъ собою явленіе если не общее, то во всякомъ случаѣ повторяющееся такъ часто, что его причины заслуживаютъ анализа.

Въ нѣкоторыхъ людяхъ, — а Пуайянъ принадлежалъ къ ихъ числу, — очень чистыхъ въ своей юности и въ послѣдствіи сдѣлавшихся жертвою жестокой измѣны, возникаетъ почти непобѣдимое недовѣріе къ себѣ самимъ, и это непріятное чувство выражается въ стыдливости, болѣе жен-

[illegible]

лющихъ собою отвратительный выкупъ за недозволен-
любовь. Чтобы принимать свою подругу, онъ нашелъ
Парижѣ квартиру въ одной изъ уединенныхъ улицъ
ги, въ нижнемъ этажѣ, съ дверью, къ которой не нужно
проходить мимо двери привратника, такъ что
ьета могла не бояться ни одного нескромнаго взгляда.
меблировалъ эту квартиру дорогою мебелью, чтобы
день ихъ оффиціальнаго брака, если онъ наступитъ
а нибудь, эта мебель могла занять мѣсто въ ихъ
йномъ домѣ, соединяя съ ихъ супружескою жизнію
щенное воспоминаніе о тайной ихъ любви. Однако же
никогда не ожидалъ своей любовницы въ этомъ
щѣ безъ тревоги при мысли, что кто нибудь изъ про-
ихъ могъ видѣть ее боязливо выходившею у двери изъ
ра. Пріѣзжая такимъ образомъ къ нему, она не нару-
а никакой клятвы, потому что была свободна. Она не
нывала довѣрчиваго мужа, не оставляла забытыхъ дѣ-
но ей приходилось лгать передъ своею матерью, такъ
существованія этихъ двухъ женщинъ были тѣсно свя-
одно съ другимъ; и графъ не прощалъ самому себѣ
что онъ былъ причиною этой, впрочемъ весьма изви-
льной, лжи. Какъ ни былъ онъ влюбленъ въ эту очаро-
льную головку, въ голубыхъ глазахъ которой почерпалъ
еніе своихъ горестей, или, можетъ быть, вслѣдствіе са-
характера этой любви, соединенной съ врожденнымъ
лизмомъ его души, онъ страдалъ отъ того, что въ ней
дилась дурная мысль, которой онъ былъ первоначаль-
ъ поводомъ. Совокупность этихъ мотивовъ держала этого
окойнаго любовника въ состояніи болѣзненной чувстви-
ности, которую наилучшимъ образомъ можетъ обрисовать
ующая подробность: въ продолженіе послѣдняго года
ьета и онъ не видѣлись и шести разъ въ своемъ убѣ-
щѣ Пасси. Невозможность, со стороны графа, вызвать
сненіе, потому что все для него слишкомъ легко пре-
алось въ чувствительную рану, безсознательное отчуж-
е молодой женщины, которая искренно считала себя лю-
ю меньше прежняго, теченіе жизни, которая ведетъ насъ
незамѣтному склону и безъ кризисовъ къ непоправимымъ
разумѣніямъ, — все способствовало къ образованію этихъ
нныхъ отношеній. Но, быть можетъ, они не покажутся
мальными тому, кто, по ремеслу или склонности, вы-

слушалъ много признаній и кому извѣстно, какъ много различныхъ значеній могутъ заключать въ себѣ эти, повидимому, столь простыя слова любовника и любовницы. Пуайянъ мало заботился о томъ — было ли его положеніе относительно мадамъ де-Тильеръ унизительно или нѣтъ для мужскаго самолюбія, составляющаго основу сердца почти у всѣхъ мужчинъ. Онъ страдалъ, любя и чувствуя, что все болѣе и болѣе разлучается съ нею. Онъ, такой храбрый на войнѣ и въ парламентѣ, упрекалъ себя въ томъ, что въ присутствіи этой женщины онъ былъ парализованъ непобѣдимымъ волненіемъ. И эта внутренняя буря, какъ и въ настоящій вечеръ, подымалась въ его душѣ по поводу несогласій, которыя онъ считалъ незначительными, причемъ ни что не выдавало его тревоги, кромѣ измѣненія въ чертахъ его лица, гдѣ Жюльета видѣла слѣды мучительныхъ заботъ политическаго характера, и онъ не имѣлъ мужества открыть ей ея ошибку. Возможно ли формулировать упреки сердца? Та, которая не угадываетъ ихъ заранѣе, могла ли бы ихъ понять? Если же бы она угадывала, то она не заслуживала бы ихъ. И притомъ, есть ли какое средство отвѣчать глубокими жалобами скорби женщинѣ, которая подходитъ къ вамъ съ ямочкою у рта, образовавшеюся вслѣдствіе полуулыбки, держа въ одной рукѣ маленькую салфеточку, а въ другой горячій стаканъ, и говоритъ вамъ:

— На этотъ разъ, надѣюсь, грогъ будетъ по вашему вкусу... Бѣдный другъ, вы имѣете такой сокрушенный видъ. Я увѣрена, что и это засѣданіе было ужасно. Но кто возбудилъ въ васъ рѣшимость говорить? Вы еще вчера колебались.

— Мегсі, сказалъ графъ, опорожнивъ стаканъ до половины, и затѣмъ, поставивъ его на каминъ, прибавилъ: — Что заставило меня говорить?..

Вопросъ Жюльеты, давая ему предлогъ говорить о чемъ нибудь другомъ кромѣ своихъ мыслей, слишкомъ облегчалъ тягостное состояніе его духа для того, чтобы онъ замедлилъ отвѣтомъ. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, по привычкѣ ораторовъ, приготовляющихъ рѣчь или разсказывающихъ ея содержаніе:

— Что заставило меня? повторилъ онъ: — все то же оскорбительное обвиненіе въ эгоизмѣ, бросаемое моей партіи. Нѣтъ, ни въ одномъ французскомъ собраніи, гдѣ я буду чле-

номъ, я не оставлю безъ протеста увѣренія, будто бы мы, монархисты и христіане, не имѣемъ права безпокоиться о бѣдствіяхъ народа... Де-Совъ сдѣлалъ министерству запросъ объ этомъ ужасномъ сѣверномъ побережьи и о подавленіи произшедшихъ безпорядковъ. Одинъ изъ ораторовъ большинства отвѣчалъ фразами — вы ихъ угадываете — о старомъ режимѣ, какъ будто нѣсколько шаговъ прогресса, которыми тщеславится нашъ вѣкъ, не были бы сдѣланы быстрѣе и окончательнѣе одною силою времени, безъ рѣзни революціи и побоищъ имперіи, безъ іюньскихъ дней и безъ коммуны!.. Я не сказалъ имъ ничего кромѣ этого, а также моего стараго тезиса, что, напротивъ, мы одни компетентны для рѣшенія рабочаго вопроса — мы, опирающіеся на церковь и монархію — эти двѣ великія историческія силы страны. Я показалъ имъ, что мы можемъ спасти все изъ того, что программы самыхъ ярыхъ соціалистовъ заключаютъ въ себѣ осуществимаго, спасти все и затѣмъ управлять всѣмъ... Но вы знаете мои идеи. Я защищалъ ихъ еще разъ, чувствуя, что лѣвая дрожитъ отъ очевидности моихъ аргументовъ, привѣтствуемый кликами нашихъ друзей... И къ чему?.. О! писатели нашихъ дней, занимающіеся изображеніемъ всевозможныхъ печалей, никогда не описывали скорби оратора, ратующаго за доктрину, въ которую онъ вѣруетъ всею глубиной своей души. Его сторонники рукоплещутъ ему какъ актеру, какъ виртуозу, но своимъ словомъ онъ не въ состояніи посѣять и произрастить ни одного дѣйствія... И въ правой, и въ лѣвой вся политическая жизнь настоящаго времени сосредоточивается въ интригахъ коридора, въ жалкихъ комбинированіяхъ группъ, которыми они губятъ Францію. И это я сказалъ имъ еще разъ — и напрасно, совершенно напрасно!

Онъ ходилъ взадъ и впередъ, безпрестанно возвращаясь къ темѣ немножко слишкомъ серьезной для одного изъ тѣхъ засѣданій парламента, которыхъ было безчисленное множество послѣ войны и которыя такъ изобиловали пустословіемъ. Жюльета знала, что тонъ его голоса не лгалъ. Ей было извѣстно, съ какимъ жаромъ убѣжденія Пуайянъ защищалъ дѣло, о которомъ будущее составитъ приговоръ въ послѣдней инстанціи, и съ какою непоколебимою надеждой онъ думалъ устроить шовъ между двумя Франціями посредствомъ монархіи, опирающейся разомъ на традиціонное право

и на сущность задачъ новѣйшаго времени, — неудавшійся трудъ этого вѣка. Прежде она страстно интересовалась этими грезами государственнаго человѣка, искренность котораго она чувствовала, котораго считала непонятымъ и желала видѣть счастливымъ. Но она была женщина, и до того дня какъ любовникъ началъ утомлять ея нѣжность, эти благородныя идеи начали утомлять ея граціозный умъ. Каждый кто много живетъ мыслію, — художникъ или ученый, глава партіи или писатель, — обладаетъ безошибочнымъ средствомъ измѣрить ослабленіе къ нему привязанности въ своей любовницѣ, женѣ или даже подругѣ. Съ того дня, когда она перестаетъ относиться къ его дѣятельности съ фанатическимъ сочувствіемъ, которое служитъ жизненною пищею для труженика ума, она втайнѣ отказала ему въ преданности сердца, протестуя, во имя того же сердца, противъ поглощенія своего мужа, любовника или друга его профессіональнымъ трудомъ, какъ это сдѣлала мадамъ де-Тильеръ въ тотъ моментъ, когда графъ замолчалъ.

— Все это, разумѣется, прекрасно, сказала она: — но пока что будетъ — что еслибы вы немножко подумали о вашей подругѣ?

— О васъ? сказалъ онъ съ какимъ-то грустнымъ удивленіемъ.

— Для кого же другаго я желаю, чтобы мое имя сдѣлалось знаменитымъ?.. У кого я могъ бы почерпнуть энергію для перенесенія такого множества горькихъ разочарованій?

— О! возразила она, красиво покачавъ бѣлокурою головою: — вы умѣете отвѣчать. Но хотите, я докажу вамъ, какъ мало вы думали обо мнѣ сегодня?

— Докажите, отвѣтилъ онъ, останавливаясь въ удивленіи.

— Хорошо! Вы не спросили даже съ кѣмъ провела я вечеръ.

— Но, возразилъ онъ простодушно: — вѣдь вы писали мнѣ, что обѣдаете у мадамъ де-Кандаль.

— Только она и была тамъ, сказала Жюльета, находясь подъ вліяніемъ того страннаго демона любопытства, который въ нѣкоторыя минуты побуждаетъ даже самыхъ лучшихъ женщинъ испытать степень ревности мужчины, говоря ему о другомъ мужчинѣ.

— Она не сердится, что я такъ долго не бывалъ у ней? спросилъ графъ, не обращая вниманія на эту кокетливую инсинуацію.

— Нисколько, отвѣтила мадамъ де-Тильеръ и притворно-равнодушнымъ тономъ прибавила: — Я обѣдала тамъ вмѣстѣ съ однимъ человѣкомъ, котораго вы недолюбливаете.

— Съ кѣмъ же это? спросилъ, наконецъ, Пуайянъ.

— Съ мосье Казалемъ, отвѣтила она, наблюдая на лицѣ графа эффектъ, произведенный именемъ бывшаго любовника мадамъ де-Корсьё.

— Какъ можетъ мадамъ де-Кандаль имѣть подобныхъ знакомыхъ? сказалъ Пуайянъ съ убѣжденіемъ, которое заставило улыбнуться Жюльету и въ то же время возбудило въ ней раздраженіе. Она улыбнулась, потому что это была именно та фраза, которую ей предсказала ея подруга. Она была раздражена, потому что это презрѣніе было самою жестокою критикой впечатлѣнія, произведеннаго на нее Казалемъ. Между тѣмъ графъ настаивалъ:

— Безъ сомнѣнія, ей навязалъ его мужъ. Кандаль и Казаль — пара. Но послѣдній своей жизнью вивера, по крайней мѣрѣ, не позоритъ великихъ именъ нашей исторіи.

— Но, прервала его Жюльета: — увѣряю васъ, я говорила съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ.

— О чемъ же это? спросилъ Пуайянъ: — онъ необычайно перемѣнился, если вы могли добиться отъ него хоть одной фразы, которая не выдавала бы его страсти къ картежному дому и конюшнѣ. Полно, я слишкомъ много разъ слышалъ его разговоръ у Корсьё, а также разговоры четырехъ или пяти изъ его товарищей, которыхъ приглашала эта несчастная Полина, чтобы удержать его при себѣ...

— Значитъ, она очень любила его? спросила Жюльета.

— О, безумно! отвѣтилъ графъ съ какою-то особенною горечью, въ основѣ которой лежала страдальческая строгость, съ какою человѣкъ, нѣкогда обманутый своею женою, относится ко всѣмъ исторіямъ адюльтера. — И для меня всегда оставалась страшно печальною загадкой страсть этого очаровательнаго созданія къ этому фату. Нужно было его видѣть съ его минами человѣка, которому наскучила подобная любовь!.. А между тѣмъ ея мужъ уменъ, изященъ, образованъ. Онъ обожалъ и до сихъ поръ обожаетъ Полину. Я пересталъ бывать въ ихъ домѣ по причинѣ того, что ви-

дѣлъ тамъ. Я слишкомъ страдалъ за Корсьё и за нее... Несчастная! она была такъ наказана! Казаль, повидимому, былъ ужасенъ въ своей жестокости...

— Однако же онъ говорилъ о ней въ этотъ вечеръ съ большимъ тактомъ, замѣтила мадамъ де-Тильеръ.

— Ему не слѣдовало бы даже произносить ея имени.

Между двумя любовниками наступилъ промежутокъ молчанія. Теперь молодая женщина раскаивалась, что упомянула о Казалѣ. Она играла съ ревностью Пуайяна и боялась, что возбудила ее. Она была слишкомъ глубоко чувствительна для того, чтобы не пожалѣть тотчасъ же о неудовольствіи, причиненномъ ею человѣку, котораго, какъ она думала, она продолжала любить любовью и еще любила дѣйствительно дружескою привязанностью и по привычкѣ. Но она и здѣсь обманулась въ чувствѣ этого человѣка, слишкомъ благороднаго для подозрѣнія даже послѣ жестокихъ испытаній его супружеской жизни. Въ манерѣ, съ какою Жюльета говорила сейчасъ о Казалѣ, графъ не видѣлъ ничего кромѣ доказательства удовольствія, испытываемаго ею въ свѣтѣ и безъ него, Пуайяна. Это удовольствіе казалось ему очень невиннымъ, и въ чувствѣ, заставлявшемъ страдать его отъ этого, онъ обвинялъ себя въ эгоизмѣ и несправедливости. Увы! логика сердца, которая не принимаетъ въ разсчетъ ни нашего великодушія, ни нашихъ софизмовъ, показывала ему возрастающій вкусъ мадамъ де-Тильеръ къ выѣздамъ и новымъ знакомствамъ, лишній признакъ того, что обладаніе имъ было недостаточно для ея счастія. Между тѣмъ часы пробили полночь.

— Довольно, сказалъ онъ со вздохомъ. — Мнѣ пора проститься съ вами. Когда я увижу васъ опять?

— Когда захотите, отвѣтила Жюльета. — Не пріѣдете ли вы завтра ко мнѣ пообѣдать съ моею матерью и моею кузиной изъ Нанси?

— Съ удовольствіемъ, сказалъ онъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ прибавилъ: — вамъ извѣстно, что я, можетъ быть послѣзавтра, оставлю васъ недѣли на четыре или на пять?

— Нѣтъ, вы ничего не говорили мнѣ объ этомъ.

— На этихъ дняхъ произойдутъ два избранія въ генеральный совѣтъ, и меня требуютъ туда.

— Все эта проклятая политика, замѣтила она, улыбаясь

Онъ снова посмотрѣлъ на нее; и въ его глазахъ она не прочла, не пожелала прочесть просьбы, которой не высказали губы этого страстнаго человѣка.

— Прощайте, сказалъ онъ еще болѣе взволнованнымъ голосомъ.

— До завтра, сказала она. — Въ семь безъ четверти. Приходите немножко пораньше.

Когда дверь затворилась за нимъ, она долго оставалась одна, облокотившись на тотъ самый каминъ, въ зеркалѣ котораго только что сейчасъ отражался образъ Пуайяна. Почему снова промелькнуло въ ея умѣ воспоминаніе о Рэймонѣ Казалѣ, и на какія мысли ответила она, громко сказавъ, прежде чѣмъ позвонила, чтобы призвать свою горничную:

— Неужели я не люблю больше Анри?

IV

Сантиментализмъ вивера

Между тѣмъ какъ Жюльета, послѣ этого тревожнаго вопроса, ложилась въ свою узкую дѣвическую постель, которую она, оставшись вдовою, снова взяла къ себѣ вмѣстѣ съ другою мебелью ея счастливой жизни прежнихъ лѣтъ; между тѣмъ какъ Пуайянъ возвращался пѣшкомъ на свою квартиру въ улицѣ Мартиньякъ и точно въ преступленіи обвинялъ себя въ неумѣньи нравиться своей подругѣ,— что дѣлалъ тотъ, чье внезапное появленіе между этими двумя существами представляло, безъ ихъ вѣдома, самую страшную опасность для обломковъ счастія одного, для нравственнаго утомленія другой, — этотъ Рэймонъ Казаль, о которомъ и мужчины, и женщины были такого различнаго мнѣнія? Подозрѣвалъ ли онъ, что въ эту самую минуту вмѣсто того, чтобы заснуть, его прекрасная сосѣдка по обѣденному столу продолжала думать о немъ, давая себѣ слово не думать о немъ вовсе? Она не имѣла права интересоваться имъ, потому что она любила, потому что она желала продолжать любить другаго. Казаль вышелъ изъ отеля Кандаль въ полномъ убѣжденіи, что онъ понравился г-жѣ Тильеръ, вышелъ очень рано, чтобы не испортить произведеннаго имъ впечатлѣнія. Но когда онъ очутился на тротуарѣ Тильзитской

улицы и, съ удовольствіемъ вдохнувъ въ себя свѣжій воздухъ, посмотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами, его первою мыслью не была дума о тонкомъ профилѣ молодой вдовы. Только впослѣдствіи онъ долженъ былъ почувствовать — до какой степени онъ былъ затронутъ впечатлѣніемъ ея личности уже въ это время. Онъ былъ очень разсудителенъ, но его разсудительность прилагалась всегда къ вещамъ внѣшнимъ, и онъ не зналъ подкладки своего внутренняго существа. Но кто знаетъ себя вполнѣ? Кто можетъ сказать: завтра я буду веселъ, скученъ, нѣженъ или недовѣрчивъ? Изощренный удовлетвореніемъ чувственности, пресыщенный наслажденіями, доставляемыми молодостью, красивою фигурой, изобранными знакомствами, двумя стами пятьюдесятью тысячами франковъ годоваго дохода и парижскимъ складомъ ума. Казалъ долженъ былъ считать себя — и считалъ — [illegible]

[illegible]

поблекшими и развратными, насколько она свѣжа, умна и безупречна. Но этотъ непреодолимый зудъ женитьбы обыкновенно проявляется у тѣхъ виверовъ, которые въ прежнія времена испытали сладость истинно семейной жизни, или у тѣхъ изъ нихъ, которые среди своего вѣчнаго праздника всетаки остаются — какъ это бываетъ — добрыми сыновьями своей старой матери, добрыми братьями своихъ сестеръ. Что касается Казаля, то онъ, единственное дитя, лишенный родителей въ очень молодыхъ лѣтахъ, почти поссорившійся со своими двумя дядями, привыкшій со своей ранней юности къ полной независимости, повидимому долженъ былъ остаться холостякомъ навсегда. Невозможно было представить себѣ, что онъ когда нибудь увлечется наивнымъ обожаніемъ непорочности молодыхъ дѣвушекъ, которая у пресыщенныхъ парижанъ является обыкновенно съ первыми ревматизмами. Зато врожденная тонкость его чувствованій, оставшая нетронутою, несмотря на среду, его любовь къ трудностямъ побѣды и потребность пользоваться незанятыми способностями должны были сдѣлать для него крайне заманчивою интригу съ особой, столь несоотвѣтствовавшей его привычкамъ и притомъ столь изящной, какъ г-жа Тильеръ. Онъ не зналъ женщинъ этого рода, и такимъ образомъ она столько же была опасна для него, какъ онъ былъ опасенъ для нея. Разница здѣсь состояла только въ томъ, что молодая вдова была способна къ самой глубокой, безграничной любви, тогда какъ страсть у Казаля представляла много шансовъ на то, чтобы быть только прихотью, страстнымъ желаніемъ, играющимъ роль настоящей любви. Восемнадцать лѣтъ безпорядочной жизни не проходятъ безнаказанно для крови и жизненныхъ соковъ. Но вдыхая полною грудью вечерній воздухъ въ себя и идя своею легкою поступью вдоль Елисейскихъ полей, Казаль не находился даже въ періодѣ мимолетной прихоти, и если онъ вспоминалъ образъ Жюльеты, то этотъ образъ являлся ему въ лабиринтѣ мыслей, которыя заставили бы молодую женщину правильнѣе оцѣнить то, что ея подруга Габріэль де-Кандаль называла иногда педантствомъ Пуайяна.

»Прекрасный вечеръ«, думалъ Казаль: — »если весна будетъ продолжаться такимъ образомъ, то скачки выйдутъ великолѣпны въ этомъ году... Обѣдъ былъ недуренъ. Въ свѣтѣ опять начинаютъ хорошо ѣсть. И всетаки этимъ обязаны намъ. Еслибы пятеро или шестеро изъ насъ не сказали Кап-

дамъ и нѣкоторымъ другимъ правды насчетъ ихъ повара и погреба, то что было бы съ нами даже до сихъ поръ?.. Надо придумать средство провести эти два часа, отъ десяти до полуночи. Слѣдовало бы устроить клубъ спеціально для этихъ двухъ часовъ... Утромъ у насъ есть сонъ, одѣванье, верховая ѣзда. Послѣ завтрака всегда найдутся кое-какія маленькія дѣла, затѣмъ, отъ двухъ до шести — любовь. Когда нѣтъ любви — игра въ мячъ или фехтованье. Отъ пяти до семи — poker. Отъ восьми до десяти — обѣдъ. Отъ полуночи до утра — игра и всякія развлеченія. Отъ десяти до полуночи — конечно, есть театръ, но много ли пьесъ, стоющихъ того, чтобы ихъ смотрѣть два раза? А я слишкомъ старъ или недовольно старъ для того, чтобы ходить за кулисы...

Мысль о театрѣ напомнила ему о плохой, но очень хорошенькой актрисѣ водевиля, съ которою онъ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ находился въ связи, съ большими или меньшими промежутками, о маленькой Анру. «Не пойти ли мнѣ повидаться съ Кристиной?» подумалъ онъ. И въ своемъ воображеніи онъ увидалъ себя проходящимъ мимо воротъ улицы Chaussée-d'Antin, взбирающимся по черной лѣстницѣ, среди всѣхъ запаховъ, наполняющихъ закулисную глубину театра и ведущую къ тѣсной уборной, гдѣ одѣвалась Анру. Запачканныя бѣлилами и румянами салфетки валялись на столѣ. Вѣроятно тамъ сидятъ два или три актера и въ обращеніяхъ своихъ къ ней называютъ [illegible]

ранъ въ улицѣ Годо-де-Моруа. Вслѣдствіе одной ссоры, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ дуэль и произшедшей въ другомъ кабакѣ, называвшемся *Eurika* или, чаще, *l'Ancien* и пользовавшемся большою извѣстностью у кутилъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, Казаль и его банда отдѣлились отъ прочихъ и эмигрировали изъ улицы Матюрэнъ въ кабачокъ улицы Годо. Если когда нибудь найдется хроникеръ, хорошо ознакомленный съ жизнью современной молодежи, то для него будетъ любопытною главою исторія кофеенъ и ресторановъ конца этого вѣка. И въ числѣ самыхъ странныхъ изъ подобныхъ мѣстъ онъ долженъ будетъ отмѣтить эти виды притоновъ, которые привыкли посѣщать люди высшаго общества при выходѣ изъ театра, чтобы выпить *cock-tails* или *whisky* бокъ о бокъ съ жокеями. Казаль въ мысляхъ представлялъ себѣ узкую залу съ длинною стойкою, высокими табуретами, гравюрами, изображавшими скачки, и затѣмъ на заднемъ планѣ углубленіе, украшенное портретами четырехъ знаменитыхъ наѣздниковъ.

»Ба!« сказалъ онъ самому себѣ: »теперь я не найду тамъ никого кромѣ Герберта съ его салфеткой или безъ салфетки«.

Лордъ Гербертъ Богэнъ, младшій братъ одного изъ самыхъ богатыхъ англійскихъ пэровъ, былъ страшный потребитель алкоголя. Въ тридцать лѣтъ онъ дрожалъ, какъ старикъ. Онъ прославился умѣньемъ подыскивать удивительныя по своей простотѣ фразы для выраженія этой ужасной страсти. Такъ на вопросъ »какъ вы поживаете?« онъ отвѣчалъ: »очень хорошо, я пользуюсь превосходною жаждою«. При этомъ онъ былъ простодушно убѣжденъ, что произноситъ фразу, соотвѣтствующую слѣдующей: »я пользуюсь хорошимъ апетитомъ«. Его особенная шутка, которая, впрочемъ, была шуткою только вполовину, состояла въ томъ, что на интимныхъ обѣдахъ, чтобы поднести стаканъ къ губамъ и не опрокинуть его своею дрожащею рукою, онъ обертывалъ свою шею салфеткой. Онъ бралъ одинъ конецъ этой салфетки лѣвою рукою, а другой конецъ правою, которая держала стаканъ, и затѣмъ тащилъ салфетку лѣвою рукою до тѣхъ поръ, покъ драгоцѣнный алкоголь не доходилъ до его губъ.

»Но«, думалъ Казаль, »теперь слишкомъ поздно. Онъ уже не узнаетъ меня. Рѣшительно мнѣ нужно бы имѣть въ за-

пасѣ какую нибудь *мѣщаночку*«. Это былъ терминъ, принятый въ кругу его товарищей для обозначенія женщины легкаго поведенія изъ порядочнаго общества. »Мнѣ нужна бы теперь какая нибудь вдова или женщина, живущая отдѣльно отъ мужа, которая рѣдко выходила бы изъ дому и относительно которой я былъ бы увѣренъ, что мое посѣщеніе доставитъ ей удовольствіе«.

Этотъ странный монологъ довелъ Казаля до поворотнаго пункта. Только тутъ онъ снова вспомнилъ о своей сосѣдкѣ и сказалъ себѣ самому вполголоса: »право эта мадамъ де-Тильеръ была бы какъ разъ по мнѣ. Съ кѣмъ она живетъ?..

Конечно, эта формула была весьма непочтительна и заканчивала собою рядъ мыслей, которыя, будучи разобраны въ подробностяхъ, показались бы, даже для человѣка менѣе наивнаго, чѣмъ Пуайянъ, страшно положительными и цѣнными. Однако же въ ней уже шевелился зародышъ чувства, чѣмъ доказывается, что сердце каждаго человѣка представляетъ собою особый маленькій міръ, гдѣ наименѣе романтичные образы могутъ служить поводомъ для зарожденія романтическаго чувства. Еслибы Казаль не подвергся безсознательно дѣйствію тонкихъ чаръ, изливавшихся изъ личности Жюльеты, подобно окуряющему и вмѣстѣ неуловимому аромату растенія, скрытаго въ углу комнаты, то онъ не чувствовалъ бы въ такой степени отвращенія при воспоминаніи о вульгарности Кристины Анру. Причины, придуманныя имъ для того, чтобы не идти ни въ театръ, ни въ клубъ, ни къ Филлипсу, были превосходны, но онѣ подѣйствовали бы на его умъ въ этотъ вечеръ также мало, какъ и въ другіе вечера, еслибы въ его душѣ не гнѣздилась въ эту минуту тайная потребность остаться наединѣ съ самимъ собою. И для чего? не для того ли, чтобы подумать подольше о молодой женщинѣ, воспоминаніе о которой, появившееся вдругъ, въ одну секунду, изгладило всѣ эти представленія о кулисахъ, клубѣ и кабакѣ? Въ полѣ его внутренняго зрѣнія изящный силуэтъ ея обрисовался съ изумительною отчетливостью. Люди спорта, которые живутъ усиленною физическою жизнію, въ концѣ концовъ развиваютъ въ себѣ чуткость дикарей. Они обладаютъ въ поразительной степени животною памятью, свойственною земледѣльцамъ, охотникамъ, рыбакамъ, — словомъ, всѣмъ людямъ, видящимъ много вещей, а не однихъ признаковъ вещей.

Формы и цвѣта запечатлѣваются въ ихъ мозгахъ безпрестанно въ связи съ реальными и конкретными впечатлѣніями и съ такою рельефностью, о какой кабинетные труженики или салонные говоруны не имѣютъ понятія. Казаль вновь увидѣлъ бюстъ Жюльеты во всей его стройной и законченной граціи, ея гибкія плечи и черный корсажъ съ розовыми бантами, нѣжно-бѣлокурые волосы, темную синеву глазъ, тонкіе изгибы губъ, блескъ зубъ, ямочки улыбки, обнаженныя руки, по которымъ пробѣгала какъ будто золотистая тѣнь, нервные пальцы, столовую, залу съ обоями герцога Альбы и съ поблѣднѣвшими или раскраснѣвшимися лицами застольныхъ собесѣдниковъ. Онъ видѣлъ черты мадамъ де-Тильеръ съ такою ясностью и отчетливостью, какъ будто она стояла теперь передъ его глазами. Вслѣдствіе появленія этого образа въ его умѣ его полуироническое разсужденіе о томъ, какъ провести вечеръ, тотчасъ уступило мѣсто впечатлѣнію еще довольно грубому, но, по крайней мѣрѣ, откровенному и естественному, именно: чувственному влеченію къ этому хорошенькому созданію, въ которомъ его инстинктъ предугадывалъ страстную, полную нѣги женщину подъ маскою цѣломудренной скромности.

»Да«, продолжалъ онъ: — »съ кѣмъ она?.. Невозможно, чтобы у ней не было любовника. Впрочемъ, все равно. Она смотрѣла на меня какими-то особенными глазами послѣ того, какъ сначала дѣлала видъ, что не замѣчаетъ меня... Этотъ обѣдъ былъ условленъ у ней съ мадамъ де-Кандаль. Онѣ задушевные друзья. Если такъ, то моя сосѣдка пожелала познакомиться со мною. Я монстрировалъ недурно. Въ этомъ я увѣренъ. Но что же значитъ это любопытство? Не слыхала ли она обо мнѣ отъ какой нибудь другой женщины? или отъ своего любовника?.. или же она не имѣетъ никакого любовника и скучаетъ въ своемъ одиночествѣ?.. Она показывается въ обществѣ такъ рѣдко. Она должно быть ведетъ очень уединенную жизнь... она очень хороша. Не поухаживать ли мнѣ за нею? У меня нѣтъ ничего въ виду на всю эту весну. Это — идея... Но гдѣ я могу опять встрѣтиться съ нею?.. Но я сидѣлъ рядомъ съ нею за столомъ и во всякомъ случаѣ могу сдѣлать ей визитъ вмѣсто того, чтобы просто завезти ей карточку...

Онъ былъ такъ доволенъ этою мыслью, что громко засмѣялся. »Я такъ и сдѣлаю«, — продолжалъ Казаль размыш-

ить. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы отправиться къ ней завтра же... Завтра? Что мнѣ предстоитъ дѣлать завтра? Утромъ въ Булонскомъ лѣсу съ Кандалемъ. Это хорошо. Онъ сообщитъ мнѣ свѣдѣнія. Завтракъ у Кристины. Ну, этотъ завтракъ можно пропустить. Я слишкомъ часто завтракаю въ этомъ году. Затѣмъ весь день бываетъ испорченъ. Оставляю Кристину — и въ два часа отправляюсь въ идопушкѣ. Въ четыре фехтую съ Верекьевымъ. Какъ трудно драться съ этими лѣвшами!.. Не вернуться ли мнѣ просто на просто домой и лечь спать? Теперь половина одиннадцатаго. Это слишкомъ рано, но вотъ уже восемь ней сряду я засыпаю только въ четыре часа утра. Отдохнемъ, чтобы быть въ надлежащемъ порядкѣ...

Принявъ это благоразумное рѣшеніе, онъ перешелъ улицу Буасси-д'Англа и, не останавливаясь нигдѣ, направился прямо въ Лиссабонскую улицу, гдѣ жилъ въ домѣ, унаслѣдованномъ отъ отца и такъ изобильно снабженномъ всѣми [illegible]

Прил. къ № 1780 журнала „Всемірная Иллюстрація".

1890

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

AP
50
.T85
v.7
no.18

ТОМЪ VII — № 18

15 сентября 1890 г.

I. Слесарь, разсказъ . . . . . В. Михеева.
II. Стихотвореніе. . . . . гр. П. Бутурлина.
III. Англійскія картинки, оч. . . В. П. Желиховской.
IV. Начало общественной и частной жизни въ столицѣ, историческій очеркъ . . . . . М. И. Пылаева.
V. Французская книга законовъ, очеркъ . . . . . Н. П. Дружинина.
VI. Гроза, стихотвореніе. . . . Л. Н. Аѳанасьева.
VII. Женское сердце, романъ . . Поля Бурже.
VIII. Оглавленіе VII тома.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:
С.-Петербургъ, Садовая № 22 (16).

ПЕРВОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА АФАНАСЬЕВА

(Чужбинскаго).

Девять томовъ съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, около **300** печатн. лист. въ **8** дол., **4800** страницъ, подъ редакціей **П. В. БЫКОВА.**

Цѣна по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдняго тома — 12 руб., для иногородныхъ — 15 руб.

Желающіе подписаться съ **разсрочкою** вносятъ впередъ **четыре** рубля, иногородные — **пять**, затѣмъ по выходѣ каждаго тома по **два** рубля до выплаты всей подписной суммы.

Послѣ выхода 9-го тома цѣна будетъ увеличена.

КРАТКОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ ИЗДАНІЯ

ПЕРВАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА (ЧУЖБИНСКАГО).

Томъ I.

Предисловіе.—Біографическ. очеркъ А. С. Афанасьева (Чужбинскаго), состав. П. В. Быковымъ. — Библіографія сочиненій. — Очерки прошлаго: Изъ корнетской жизни. — Моншеры. — Бурбонъ. — Стоянка въ Дымогарѣ. — Прапорщикъ Сафьянчиковъ.

Томъ II. Очерки прошлаго:

Ремонтеры прежняго времени. — Одинъ изъ многихъ. — Самодуры. — Фаня.

Томъ III. Очерки прошлаго и романы:

Дуэлисты. — Городъ Смуровъ. — Конокрады. — Безыменные очерки (9 очерковъ). — Чиновникъ. — Провинціальный левъ. — Пылкая натура. — Сосѣдка.

Томъ IV. Разсказы и очерки:

Забытая исторія. — Бабушка. — Свинцовая пуля. — Чугуевскій казакъ. — Пробужденіе. — Нѣмой. — Термометръ. — Быль. — Встрѣча. — Перстень. — Очерки охоты въ Малороссіи. — Мельница близь села Ворошилова.

Томы V и VI. Петербургскіе игроки, романъ.

Томы VII и VIII. Поѣздка въ южную Россію.

Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго престьянина. — Поѣздка на Днѣпровскіе пороги и на Заторожье. — Поѣздка по низовьямъ Днѣпра. — Поѣздка по Днѣстру.

Томъ IX. Стихотворенія и смѣсь.

Що було на серци. Малороссійскія стихотворенія. — Упырь. Малороссійское преданіе. — Воспоминаніе о Шевченкѣ. — Вовкулакъ (повѣрье). — Шевченкови. — Малороссійскія думы: Про Ивана Коновченка. Про Самойла Кушку. О трехъ братьяхъ. Бандуристъ. — Случаи изъ жизни охотника. — Лѣто въ Малороссіи. — Русскій солдатъ (разсказы въ стихахъ и прозѣ). — Мелкія стихотворенія.

Продолженіе на 3 стр. обертки.

Среди нашихъ беллетристовъ 60—70 годовъ пользовался большою популярностью и былъ очень любимъ публикою А. С. Афанасьевъ, писавшій подъ псевдонимомъ Чужбинскаго. Его произведенія печатались въ нашихъ лучшихъ журналахъ и имѣли обширный кругъ читателей, доказательствомъ чего служитъ то, что многія изъ этихъ произведеній, выходившія отдѣльно, выдержали нѣсколько изданій.

А. С. Афанасьевъ (Чужбинскій) зналъ прекрасно и столичную, и провинціальную жизнь, обладалъ даромъ наблюдательности, умѣньемъ разсказывать бойко, живо, ярко. Картины военнаго быта, очерки провинціальныхъ нравовъ, изображеніе похожденій разныхъ типическихъ личностей столицы выходили у него чрезвычайно занимательными и положительно увлекали читателя. Публикѣ весьма нравились типы и сцены, схваченные съ натуры очень ловко, замысловатая интрига и богатство содержанія. Особеннымъ успѣхомъ пользовались его „Очерки проплаго“ и романъ „Петербургскіе игроки“. Послѣднее произведеніе произвело въ свое время даже настоящую сенсацію и въ столицахъ, и въ провинціи. Въ этомъ романѣ выведены живыя лица, міръ чрезвычайно интересныхъ темныхъ промышленниковъ, происшествія дѣйствительно случившіяся, романическіе эпизоды, выхваченные изъ жизни, но похожіе на сказку. Все это разсказано необыкновенно увлекательно, такъ что романъ полонъ захватывающаго интереса.

Кромѣ беллетристики, А. С. Афанасьевъ (Чужбинскій) писалъ много этнографическихъ статей, и его „Поѣздка въ южную Россію“, изданная въ 2-хъ объемистыхъ томахъ, очень цѣнится и спеціалистами, и публикой, такъ какъ представляетъ и научный интересъ, и чисто литературный, давая богатый и занимательный матеріалъ для чтенія.

Въ настоящее время отдѣльно изданныхъ сочиненій А. С. Афанасьева (Чужбинскаго) нѣтъ въ продажѣ, а между тѣмъ публика продолжаетъ настоятельно требовать ихъ; изъ провинціи до сихъ поръ не перестаютъ поступать требованія на разныя сочиненія этого любимаго публикою писателя, между прочимъ и къ намъ, въ Книгоиздательство Германъ Гоппе.

Желая удовлетворить это весьма понятное желаніе публики, Книгоиздательство Германъ Гоппе намѣрено выпустить въ свѣтъ возможно полное

собраніе сочиненій А. С. АФАНАСЬЕВА (ЧУЖБИНСКАГО).

Оно будетъ состоять изъ 9 томовъ большаго формата, изящной убористой печати, съ портретомъ и біографіей писателя. Въ него войдутъ не только всѣ изданныя отдѣльно произведенія, уже разошедшіяся, но и большая часть сочиненій, разбросанныхъ по всевозможнымъ періодическимъ изданіямъ — лучшіе романы, повѣсти, очерки, этнографическія статьи и стихотворенія на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ. Собраніе сочиненій А. С. Афанасьева (Чужбинскаго), какъ талантливаго беллетриста и этнографа, должно безспорно занять почетное мѣсто въ каждой библіотекѣ. Назначивъ весьма скромную цѣну за 9 томовъ этого изданія, объемомъ около 300 печатныхъ листовъ, мы всетаки желаемъ доставить возможность пріобрѣсти его и небогатымъ людямъ, для чего и открываемъ подписку съ разсрочкой на вышеизложенныхъ условіяхъ.

Первый томъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Все изданіе будетъ окончено въ началѣ будущаго 1891 г.

Цѣна по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдняго тома — 12 руб., для иногородныхъ — 15 руб.

☛ Послѣ выхода 9-го тома цѣна будетъ увеличена. ☚

Подписка принимается

въ конторѣ Книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ,

С.-Петербургъ, Садовая, № 22 (16).

Допущено цензурою. Спб., 4 сентября 1890 г. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр., № 53.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03664 2588